

Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление

Б. Л. Хавкин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSISCHE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
INSTITUT FÜR ALLGEMEINE GESCHICHTE

Boris Chavkin

Deutscher Nationalsozialismus und Widerstand gegen Hitler

Moskau 2017

Б. Л. Хавкин

Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление

Москва 2017

УДК 94(430).086+[329(430)НСДАП+323.25(430)](091)"1933/1945"
ББК 63.3(4Гем)613-551+63.3(4Гем)62-457
X12

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л.Н. Бровко*, Институт всеобщей истории РАН
доктор исторических наук *А.Ю. Ватлин*,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

- Хавкин Б.Л.**
X12 Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. — 377 с., 23 с. вкл.

История германского национал-социализма и движения антигитлеровского Сопротивления (1933–1945 гг.) — тема, которая и в XXI в. не только представляет научную актуальность, но и сохраняет и будет вызывать в дальнейшем значительный общественный резонанс, связанный с непреходящей ролью истории Второй мировой и Великой Отечественной войны в формировании национальной исторической памяти России.

Аналогичная ситуация сложилась и в Германии. По словам современного немецкого историка П. Штайнбаха, «Сопротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое».

Цель автора исследования — профессора факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, редактора отдела и члена редколлегии журнала «Новая и новейшая история» РАН, доктора исторических наук Б.Л. Хавкина — определение роли и значения немецкого антигитлеровского Сопротивления в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, его влияния на антигитлеровскую коалицию, проблему сепаратного мира, создание послегитлеровского правительства Германии и определение места Германии в послевоенном мире.

Светлой памяти моих друзей
и коллег историков-германистов:
Александра Соломоновича Бланка,
Даниила Ефимовича Мельникова,
Льва Зиновьевича Копелева,
Льва Александровича Безыменского,
Якова Самойловича Драбкина,
Александра Ивановича Борозняка

1. Введение

История германского национал-социализма и движения антигитлеровского Сопротивления (1933–1945 гг.) — тема на стыке всеобщей и российской истории и истории международных отношений, которая и в XXI в. не только представляет научную актуальность, но и в нашей стране сохраняет и будет вызывать в дальнейшем значительный общественный резонанс, связанный с непреходящей ролью истории Второй мировой и Великой Отечественной войны в формировании национальной исторической памяти России.

«Великая Победа навсегда останется героической вершиной истории нашей страны. Но мы помним и о наших союзниках по антигитлеровской коалиции. Благодарны народам Великобритании и Франции, Соединённых Штатов Америки за их вклад в Победу. Благодарны антифашистам разных стран, которые самоотверженно боролись в партизанских отрядах и в подполье. В том числе и в самой Германии», — подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая 9 мая 2015 г. в Москве на Параде в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне¹.

В российском обществе существует социальный заказ на правдивую, основанную достоверных источниках историю минувшей войны, в частности, такой ее составляющей, как движение антигитлеровского Сопротивления, в особенности немецкое. Показ характера, сущности и особенностей немецкого Сопротивления — это актуальная задача исторической науки, связанная с написанием правдивой истории Второй мировой войны.

К сожалению, вклад немецкого Сопротивления в общую победу над германским нацизмом и в международные отношения времен Второй мировой войны оказался недооцененным. Цель автора — изучение этого вклада, т.е. определение роли и значения фактора немецкого антигитлеровского Сопротивления в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, его влияния на антигитлеровскую коалицию, проблему

---

¹ Текст выступления Президента России, Верховного главнокомандующего В.В. Путина на Параде в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2015 г. // ТАСС. Информационное агентство России [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1958729> [дата обращения 09.05.2015]

сепаратного мира, создание послегитлеровского правительства Германии и определение места Германии в послевоенном мире.

Для достижения этой цели:

1. Определяется место документов из российских архивов в базе источников по теме исследования.

2. На примере истории немецкого антинацистского Сопротивления показывается процесс «преодоления прошлого» в современном научном и общественно-политическом дискурсе Германии.

3. Рассматриваются сущность и специфика немецкого антигитлеровского Сопротивления.

4. Определяется состав основных внутри- и внешнеполитических сил и действующих лиц, участвовавших в немецком антигитлеровском Сопротивлении и (или) влиявших на него.

6. Характеризуются международное значение немецкого антигитлеровского Сопротивления и его взаимоотношения со странами «большой тройки» — Великобританией, СССР и США.

7. Исследуется проблема сепаратного мира в политической борьбе внутри «большой тройки» и во взаимоотношениях с немецкой антигитлеровской оппозицией.

8. Анализируются программы групп Сопротивления различной политико-идеологической направленности, их представления о выходе Германии из войны и планы послевоенного мироустройства.

9. Дается оценка исторического и морально-этического значения немецкого антигитлеровского Сопротивления.

Изучая движение немецкого Сопротивления, историки России и Германии фактически воссоздают как историю своих государств и их отношений, так и общую, актуальную для совместной истории российско-германскую интеллектуальную биографию. Этот процесс способствует происшедшему в конце XX – начале XXI вв. историческому примирению наших стран и народов, сохранению и развитию взаимовыгодных, равноправных и дружеских отношений между ними, что особенно важно в нынешней сложной международной обстановке.

История немецкого антигитлеровского Сопротивления, в частности ее внешнеполитический аспект, ранее не были предметом сравнительного анализа ни в Германии, ни в России (как и ранее — в СССР).

В советской историографии, подробно изучавшей лишь коммунистическое Сопротивление, господствовали клише времен «холодной войны», которые в определенной степени унаследовало и российское историописание. О том, что целью заговора части немецкой военно-политической элиты против Гитлера, правда неудачного, было свержение нацистского режима, прекращения войны на всех фронтах, включая Восточный, и проведение в Германии свободных демократических выборов, советская

литература по истории международных отношений умалчивала. В издании «История дипломатии» традиционно для советской историографии утверждалось, что «заговорщики (участники заговора против Гитлера. — Б.Х.) собирались сохранить фашистский режим ценой устранения самого Гитлера и его ближайших приспешников, заключить перемирие с западными державами и перебросить все войска на Восточный фронт для продолжения войны с Советским Союзом»¹. «История дипломатии» писала, что «заговорщики находились в контакте с западными державами, в том числе с американской разведкой в Европе»²; при этом ничего не было сказано о поисках заговорщиками контактов с Советским Союзом и с созданным на его территории немецким антифашистским Национальным комитетом «Свободная Германия».

Представленные в работе российские источники и историография проблемы мало изучены в России и почти не известны в Германии. Однако научная новизна исследования определяется не только спецификой базы источников — введением в научный дискурс хранящихся в российских архивах документов германского Сопротивления, интерпретацией и обобщением этих документов, а также расширением понятийного аппарата исследования³. Монография представляет научную новизну и с точки зрения международной историографии: она написана в основном на российских источниках, ранее не известных на Западе и введенных автором в немецкоязычную научную литературу⁴; книга подготов-

¹ История дипломатии. Т. 4: Дипломатия в годы Второй мировой войны. М., 1975. С. 443.

² Там же. С. 444.

³ Хавкин Б.Л. Российская историография германского антигитлеровского Сопротивления // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историография дискуссии, проблемы преподавания: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М., 2010. С. 41–60.

⁴ Chawkin B. Briefe Ernst Thälmanns an Stalin und Molotow: Zur Geschichte einer Veröffentlichung // Marxistische Blätter. 1998. № 1; Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 1994. S. 104–111; Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Russlands / Vorbereitet und kommentiert von B. Chavkin und A. Kalganov // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2001. № 1. S. 355–358; Neue Quellen zur Geschichte des 20. Juli 1944 aus dem Archiv des Föderalen Sicherheitsdienstes der Russischen Föderation (FSB). “Eigenhändige Aussagen” von Major i.G. Joachim Kuhn / kommentiert von B. Chavkin und A. Kalganov // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2001. № 2. S. 355–402; Chavkin B. Major Kuhn. Ein unbekanntes Mitglied des deutschen Widerstandes vom 20. Juli 1944 // Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung. 2005. № 3. S. 14–17; Chavkin B. Zur Geschichte der Veröffentlichung der sowjetischen Texte der deutsch-sowjetischen Ge-

лена на основе докторской диссертации автора, защищенной в 2016 г. в РГГУ¹.

В историографии нет четкого определения понятия «Соппротивление». На это обстоятельство обращает внимание российский исследователь Л.Н. Бровко: «Под антифашистским Соппротивлением и марксистские, и немарксистские историки часто понимают действия, нацеленные на свержение режима и установления нового порядка, на формирование нового правительства, а также действия, осуществляемые в глубоком подполье — диверсии, листовки и т.д.»².

Термин «Соппротивление» как собирательное обозначение подпольной борьбы немцев с нацистским режимом утвердился в российском историческом дискурсе не без труда, причем относительно недавно. В советское время чаще писали «о борьбе народов против фашизма», что порождало параллели с классовой борьбой — марксистским «локомотивом истории». В каталоге Российской государственной библиотеки соответствующий раздел и сегодня называется «Классовая борьба и движение Соппротивления».

В XXI в. можно отметить скорее обратную тенденцию: понятие «движение Соппротивления» стало слишком популярным, можно констатировать его инфляционное употребление. Оно интегрирует в себя все больше различных тем — например, «сопротивление на территории, оккупированной немецкими войсками» (вместо партизанского движения, как писали раньше). Почти все, что в истории Великой Отечественной войны не рассматривается в качестве коллаборационизма на временно оккупированной гитлеровцами и их сателлитами советской территории, считается Соппротивлением оккупантам³. Таким образом, определение понятия «Соппротивление» размывается, а его смысл утрачивается.

В немецкой литературе наряду с термином “Widerstand” — Соппротивление, встречается термин «резистентность» от английского “resistance” или французского “résistance”. При этом, как определяет французский германист Ж. Мерлио, «резистентность не является еще никаким политическим актом, она владеет политическим свойством,

---

heimdokumente von 1939–1941 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2006. № 2. S. 167–192; Viktor Abakumov über die Umsturzpläne der deutschen Militärs von 1943 zu einer Publikation von Peter Hoffmann / Vorbereitet und Kommentiert von B. Chavkin // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2007. № 1. S. 155–162.

¹ Хавкин Б.Л. “Немецкое антигитлеровское Соппротивление 1933–1945 гг. как фактор международных отношений”. Дис. ... доктора ист. наук. М., РГГУ, 2015. URL: http://www2.rshu.ru/binary/object_62.1444036746.79141.pdf [дата обращения: 29.07.2016]

² Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. С. 13.

³ Ватлин А.Ю. Немецкое антигитлеровское Соппротивление в историографии СССР и России // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 155.

поскольку она противоречит политическим целям тоталитарного режима (за что и объявляется им преступным)»¹. Таким образом, под термином «резистентность» подразумевается некая исходная «сопротивляемость» («устойчивость», «невосприимчивость») к нацизму. Ж. Мерлио даже вывел своеобразную формулу: «Сопротивление, с одной стороны, и резистентность, с другой, обратно пропорциональны силе оппозиции»².

Автор исходит из собственного определения этого ключевого понятия: движение Сопротивления как фактор международных отношений (истории борьбы антигитлеровской коалиции с нацистской Германией и ее сателлитами) — «это, прежде всего, проявление активного неприятия агрессивного, террористического, авторитарного или тоталитарного режима, навязывающего обществу и государству идеологию расовой или классовой исключительности, режима, попирающего демократические права и свободы и создающего военную угрозу миру. Сопротивление — это борьба населения оккупированных территорий против иностранной агрессии; это открытое или тайное, личное или групповое морально-этическое, религиозное, идеологическое, экономическое, политическое, военное противодействие правящей системе, которая воспринимается участниками Сопротивления как преступная. Участие в Сопротивлении — поступок высоко нравственный, но рассматриваемый политическим режимом, против которого направлено Сопротивление, как государственное преступление»³.

В отличие от народов захваченных Германией стран и жителей временно оккупированных германскими войсками территорий, боровшихся против иностранной агрессии, немецкое антигитлеровское Сопротивление было направлено против правительства своей собственной страны — Германии; антигитлеровское Сопротивление, которое оказывала лишь небольшая часть немецкого народа, воспринималось не только на-

¹ Merlio G. Widerstand, Opposition und Resistenz im Nationalsozialismus und in der DDR — Überlegungen zur Begrifflichkeit in vergleichender Absicht // *Totalitarismus und Demokratie*. 2005. № 2. С. 61–70; Мерлио Ж. Сопротивление, оппозиция и общественная резистентность при национал-социализме и в ГДР: размышления о понятиях в сравнительной перспективе // *Сообщения комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений*. München, 2008. Т. 3. С. 155.

² Мерлио Ж. Указ. соч. С. 150–151.

³ Хавкин Б.Л. Предисловие к кн. “Граф Карл-Ханс фон Харденберг: одна из судеб немецкого Сопротивления” (М., 2007). С. 7; Chavkin B. Der deutsche Widerstand und Graf von der Schulenburg // *Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte*. 2010. № 2. С. 11–30; Хавкин Б.Л. Граф Шуленбург: “Сообщите господину Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество” // *Родина*. 2011. № 1. С. 121; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. М.: Новый хронограф, 2014. С. 252, 274–275.

цистским государством, но и большинством немцев, включая солдат и офицеров вермахта, как «удар ножом в спину» — измена родине, сражающейся с внешним врагом¹.

Источниковую базу исследования составляют документальные и повествовательные источники разных видов на русском и немецком языках: архивные материалы, конституционные и законодательные акты, дипломатические документы, проблемно-тематические сборники, статистические сборники, программные и пропагандистские документы, публицистические произведения, периодическая печать, источники личного происхождения.

Среди использованных в работе *архивных материалов* — не публиковавшиеся ранее или малоизвестные документы Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива внешней политики МИД Российской Федерации (АВП РФ), Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ), Архива Службы внешней разведки РФ (АСВР), а также материалы отдела перемещенных архивных фондов трофейного происхождения Российского государственного военного архива (РГВА). Значительная часть этих документов была впервые пущена в научный оборот и вписана в историографический контекст автором в конце XX — начале XXI в.

Конституционные и законодательные акты. Для характеристики нацистского режима и причин Сопротивления ему в диссертации использовались законодательные акты Третьего рейха². В тексте работы имеются ссылки на Закон РФ о реабилитации жертв политических репрессий, изменений и дополнений к нему³. По этому закону был, в частности, реабилитирован участник заговора против Гитлера майор вермахта Й. Кун, «Собственноручные показания» которого являются ценным источником по теме исследования.

Дипломатические документы. В пособии использованы документы германской внешней политики, изданные в годы Третьего рейха⁴. Ши-

¹ Steinbach P. Der 20. Juli 1944: Gesichter des Widerstandes. München, 2004; Wette W. Die Wehrmacht: Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt/M., 2005. S. 167–168, 185.

² Noack E. Die Gesetzgebung des Dritten Reiches: ein Grundriss. Berlin: Heymann, 1938; Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums vom 7. April 1933 // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945. Berlin: Dietz, 1993. Bd. 1.

³ Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428; Закон РФ от 22 декабря 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”» // Ведомости Совета Народных Депутатов РФ. 1993. № 1. Ст. 21.

⁴ Dokumente der deutschen Politik. Berlin, 1941. Bd. 1–2.

роко использованы опубликованные материалы антигитлеровской коалиции. В Атлантической хартии, принятой Великобританией и США 14 августа 1941 г., провозглашалась решимость бороться за «окончательное уничтожение нацистской тирании» и установление такого мира, «который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории»¹. В Декларации правительства СССР от 24 сентября 1941 г. о согласии с основными принципами Атлантической хартии говорилось, что «задача всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии... объединяет в данный момент наши страны и наши правительства... в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от... преступного, кровавого нацизма... разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма»².

Межправительственным соглашением СССР и Великобритании от 12 июля 1942 г. исключалась возможность ведения переговоров и заключения «перемирия или мирного договора» с гитлеровской Германией³. Принцип безоговорочной капитуляции стран оси был впервые провозглашен президентом США Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке 14–23 января 1943 г. и нашел свое развитие в последующих документах антигитлеровской коалиции⁴.

Принятая Московской конференцией министров иностранных дел США, Великобритании, СССР и Китая 19–30 октября 1943 г. «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» провозглашала решимость правительств США, Великобритании, СССР и Китая⁵ «в соответствии с Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 года и последующими декларациями продолжать военные действия против тех держав оси, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны, пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции»⁶.

Проблемно-тематические сборники. В работе использовались сборники документов по истории Германии⁷ и немецкого рабочего движения

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1. 1941–1943. С. 131.

² Там же. С. 129–130.

³ Там же. С. 82.

⁴ The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 727.

⁵ Посол Китая в СССР Фу Бин-чан был уполномочен президентом национально-го правительства Китайской Республики подписать этот документ от имени Китая // Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, 19–30 октября 1943 г.: сборник документов. М.: Политиздат, 1978. С. 403.

⁶ Там же. С. 346–347.

⁷ История Германии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. Т. 3. Документы и материалы.

1933–1945 гг.¹, по германскому вопросу²; документы Нюрнбергского процесса³.

Важные источники по теме исследования содержат тематические сборники, подготовленные на основе архивов ФСБ России. В 2009 г. в России были опубликованы материалы допросов генералов вермахта, попавших в советский плен. Среди пленных был и генерал-майор О. фон Нидермайер, который, в частности, сообщил, что в начале 1941 г. он встречался с послом рейха в Москве графом Ф.В. фон дер Шуленбургом, который «очевидно, знал о готовящемся нападении Германии на СССР потому, что поручил мне (Нидермайеру. — Б.Х.) использовать мои связи в Генштабе, доказать опасность для Германии изменения политики по отношению к СССР»⁴.

Некоторые сотрудники германского внешнеполитического ведомства в ходе допросов говорили о противодействии гитлеровскому режиму. Об этом свидетельствует сборник «Тайны дипломатии Третьего рейха», также составленный на основе архивных документов ФСБ России. Советник германского посольства в СССР Г. Штарке составил развернутый политический портрет Шуленбурга. По словам Штарке, «объявление войны Германией Советскому Союзу Шуленбург характеризовал как безумный акт», о чем говорил во время интернирования сотрудников немецкого посольства в Костроме в июне 1941 г. 13–14 августа 1944 г., накануне своего ареста нацистами, Шуленбург в устной форме изложил Штарке свое политическое завещание: «он (Шуленбург. — Б.Х.) верен своей постоянной политике “ориентации на Восток”, и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей внешнеполитической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через линию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав, таким образом, последний шаг к спасению германского народа»⁵. Оказавшись после войны в Москве, Штарке передал слова Шуленбурга: «Сообщите господину Молотову, что я

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin: Dietz, 1966. Bd. 5.

² СССР и германский вопрос, 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. М.: Междунар. отношения, 1996.

³ Нюрнбергский процесс: сборник документов / под ред. К.П. Горшенина. М.: Госюриздат, 1955.

⁴ Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944–1951. М.: Междунар. фонд “Демократия”, 2009. С. 359–360.

⁵ Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: документы из следственных дел, 1944–1955. М.: Междунар. фонд “Демократия”, 2011. С. 506, 509–510.

(Шуленбург. — Б.Х.) умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, т.е. за советско-германское сотрудничество»¹.

В сборнике «Тайны дипломатии третьего рейха» впервые приводится информация о деятельности «русского кружка» — группы сотрудников Русского комитета германской промышленности, о господствовавших там оппозиционных нацизму настроениях².

Статистические сборники. Для характеристики итогов последних многопартийных выборов в гитлеровской Германии, состоявшихся 5 марта 1933 г., использованы материалы германского статистического ежегодника³. Статистические данные содержит также сборник «История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы»⁴.

Программные и пропагандистские документы. Важной частью источниковой базы стали программные документы Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и Союза немецких офицеров (СНО)⁵ и заговора части немецких военных и политических кругов против Гитлера⁶. Пропагандистские материалы НКСГ и СНО широко представлены в работе.

На основе директивы Главного политуправления Красной армии от 21 июля 1943 г. показано различие между советской военной пропагандой и призывами НКСГ и СНО⁷. Идеологическая партийно-политическая работа среди бойцов и командиров Красной Армии велась в духе сталинского приказа № 227 («Ни шагу назад») и союзнического требования полного разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Публицистические произведения. В основу советского пропагандистского лозунга «Убей немца», который прямо противоречил пропаганде НКСГ и СНО, были положены публицистические произведения — рас-

¹ Там же. С. 510; Хавкин Б.Л. Граф Шуленбург: «Сообщите Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество» // Родина. 2011. № 1. С. 121–127.

² Тайны дипломатии Третьего рейха. С. 714.

³ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich (StaJBDR). Berlin: Statistisches Reichsamts, 1933.

⁴ История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. М.: Олма Медиа Групп, 2008.

⁵ За Германию — против Гитлера!: документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М.: Мемор. музей нем. антифашистов, 1993; Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996

⁶ Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального архива ФСБ России. Показания Йохима Куна // Новая и новейшая история. 2002. № 3; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. М.: Новый хронограф. 2014. С. 295–357.

⁷ За Германию — против Гитлера! С. 19.

сказ М.А. Шолохова «Наука ненависти», стихотворение К.М. Симонова «Убей его!» и статья И.Г. Эренбурга «Убей!»¹. В диссертации использована немецкая антифашистская публицистика², а также публицистические исследования, разоблачающие тайные вооружения нацистской Германии³.

Периодическая печать. В диссертации использована немецкая нацистская (“Völkischer Beobachter”) и антинацистская пресса (газеты “Rote Fahne”, “Freies Deutschland”, “Der Soldat im Westen”, “Der Soldat am Mittelmeer”, “Die Wahrheit”), листовки НКСГ и СНО, а также советская периодика военного времени — газеты «Правда», «Красная Звезда».

Источники личного происхождения. Автор изучил дневники и воспоминания бывших немецких военнопленных — участников движения «Свободная Германия» В. Адама, Г. Айнзиделя, О. Рюле, Л. Штейдле⁴; воспоминания одного из руководителей нелегальной КПГ О. Винцера⁵; мемуары советских разведчиков Ш. Радо, Л.З. Треппера и А.М. Гуревича⁶, а также советских спецпропагандистов М.И. Бурцева и С.И. Тюльманова⁷; мемуары начальника 4-го управления НКВД-НКГБ П.А. Судоплатова⁸. К этой группе источников относятся также мемуары руководителя резидентуры Управления стратегических служб США

¹ Шолохов М.А. Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня; Симонов К.М. Убей его! // Красная звезда. 1942. 18 июль; Эренбург И.Г. Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля.

² Девекин В.Н. Не сгоревшие на костре: немецкая антифашистская литература 1933–1945 годов. М., 1979.

³ Woodman D. Hitlers Luftflotte startbereit. Paris: Ed. du Carrefour, 1935; Вудман Д. Германия вооружается. М.: Соцэкгиз, 1935; Вудман Д. Воздушные вооружения Германии. М.: Соцэкгиз, 1935. Müller A. Hitlers motorisierte Stoßarmee. Paris: Ed. du Carrefour, 1936; Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М.: Русский раритет, 2004.

⁴ Рюле О. Исцеление в Елабуге. М.: Воениздат, 1969; Адам В. Трудное решение: мемуары полковника 6-й германской армии. М.: Прогресс, 1972; Штейдле Л. От Волги до Веймара: мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1975; Айнзидель Г. фон. Дневник немецкого летчика: сражаясь на стороне врага, 1942–1948. М.: Центрполиграф, 2012.

⁵ Винцер О. 12 лет борьбы против фашизма и войны. Москва: Политиздат, 1956.

⁶ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М.: Воениздат, 1973; Треппер Л.З. Большая игра. Нью-Йорк: Liberty Publ. House, 1989; Гуревич А.М. Разведка — это не игра: мемуары советского резидента Кента. СПб.: Нестор, 2007.

⁷ Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981; Tjulpanow S. Deutschland nach dem Kriege (1945–1945). Berlin, 1987.

⁸ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М.: Гя, 1996; Его же. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997.

в Швейцарии А. Даллеса¹ и начальника внешнеполитической разведки СД (VI управления Главного управления имперской безопасности СС) В. Шелленберга².

В личном архиве автора пособия хранится его переписка с Г. Айнзи-делем, а также рукопись полностью не опубликованных воспоминаний советского историка, в годы Великой Отечественной войны — оперативного работника и переводчика в Суздальском лагере для военнопленных А.С. Бланка. Эти источники были также использованы в работе.

Монография написана в русле мировой историографии Сопротивления и подтверждает тезис основателя и многолетнего руководителя берлинского Мемориала немецкого Сопротивления П. Штайнбаха: «Сопротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое»³.

В труде Института всеобщей истории РАН «Движение Сопротивления в Западной Европе. Общие проблемы» подчеркивается, что обстановка в нацистской Германии для участников внутригерманского Сопротивления была «особенно сложной»: они «оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу»⁴. Поставленная «драматическая дилемма» недостаточно изучена в научном дискурсе России. В части этого труда, характеризующей национальные особенности немецкого Сопротивления, отмечается, что оно «с полным правом может быть включено в западноевропейское Сопротивление, хотя и с рядом уточнений. Началось это движение еще в 1933 г., сразу же после захвата нацистами власти. Трудности, стоявшие перед немецкими патриотами-антифашистами, были порождены не только тотальным террором, царившим в Германии, казалось бы, исключавшим самую малую возможность су-

¹ Мемуары А. Даллеса "Germany's Underground" (New York, 1947), "The Craft of Intelligence" (New York, 1963), "The Secret Surrender" (New York, 1966) являются ценным источником по изучаемой теме. В рус. пер.: Искусство разведки. М., 1992; Асы шпионажа. М., 2002; Тайная капитуляция. М., 2004.

² Hagen L., Deutsch A. The Schellenberg Memoirs. London, 1956; The labyrinth: Memoirs of Walter Schellenberg, Hitler's Chief of Counterintelligence. New York, 1956. На рус. яз. эти книги были изданы в 1991 г.: Шелленберг В. Мемуары. М., 1991; Его же. Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

³ Steinbach P. Widerstand im Widerstreit: der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994. S. 19.

⁴ Комолова Н.П., Бровко Л.Н., Савина И.С. Идеи и программы Сопротивления // Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: общие проблемы. М., 1990. С. 72.

ществования какой-либо оппозиции нацистскому режиму. Не меньше трудностей создавала столь же тотальная оболванивающая пропаганда, основанная на расизме и социальной демагогии, представлявшая немцев “избранной расой господ”»¹.

Важной чертой современной российской исторической литературы является существенное пополнение базы источников, что позволило расширить направления научного поиска и вывести исследования на новый аналитический уровень. «На первое место среди достижений российских историков 1990-х годов следует поставить поиск и анализ новых документов, посвященных проблемам антифашистского Сопротивления — то, что было названо “архивной революцией”», — писал российский историк А.Ю. Ватлин, отмечая вклад Б.Л. Хавкина в процесс введения в научный оборот новых источников по истории советско-германских отношений и немецкого антигитлеровского Сопротивления².

Над решением проблемы исторической памяти об истории Третьего рейха и антигитлеровского Сопротивления успешно работал А.И. Борзняк³. Роль НКСГ в советском внешнеполитическом планировании рассматривает А.М. Филитов⁴. Историю Сопротивления в рядах церкви изучает Л.Н. Бровко⁵. Деятельность «НКСГ для Запада» исследует В.А. Всеволодов⁶. Отражение немецкого Сопротивления в историографии ФРГ рассматривала Л.А. Мерцалова⁷. Деятельности берлинского мемориала немецкого Сопротивления посвящена работа Д.А. Смирнова⁸. И.В. Храмов занимается поиском документов к биографии одного

¹ Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: национальные особенности. М., 1991. С. 221.

² Ватлин А.Ю. Немецкое антигитлеровское Сопротивление в историографии СССР и России // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 161, 164; Хавкин Б.Л. К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов, 1939–1941 // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М., 2010. С. 233–247.

³ Борзняк А.И. Жестокая память: нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

⁴ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М., 2009.

⁵ Бровко Л.Н. Кардинал Фаульхабер и “Третий рейх” // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 162–181; Ее же. Церковь и Третий рейх. СПб., 2009; Ее же. Немецкая евангелическая церковь и национал-социализм // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 71–92.

⁶ Всеволодов В.А. Национальный комитет “Свободная Германия” для Запада // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 91–99.

⁷ Мерцалова Л.А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990.

⁸ Смирнов Д.А. Берлинский Мемориальный центр “Германское Сопротивление”... Воронеж, 2000.

из лидеров мюнхенской студенческой группы «Белая Роза» русского немца А. Шмореля¹.

В историографии подчеркивается специфика немецкого антигитлеровского Сопротивления, которая состояла и в том, что это движение никогда не было общенациональным, массовым и народным. Однако оно было значительно шире, чем это представлялось ранее и во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого». Среди результатов этого процесса в ФРГ — полная переоценка роли германского военного Сопротивления в истории Второй мировой войны и международных отношений военного времени².

Процесс «преодоления прошлого» в массовом сознании немцев занял, как минимум, 40 лет, прошедших после окончания Второй мировой войны. «8 мая (1945 г. — Б.Х.) был днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистского деспотизма... Все мы, будь мы виновны или нет, стары или молоды, должны признать прошлое. Его последствия затрагивают и призывают к ответу всех нас... 40 лет понадобилось для полной смены ответственного за то время поколения отцов... Будучи немцами, мы чтим память немецкого движения Сопротивления — гражданского, военного, религиозно мотивированного, Сопротивления рабочих и профсоюзных кругов, Сопротивления коммунистов», — сказал 8 мая 1985 г. в бундестаге тогдашний президент ФРГ Р. фон Вайцзекер³.

Понятие «преодоление прошлого» внесли в современный русский исторический дискурс историки нацизма и антигитлеровского Сопротивления. Как подчеркивал ведущий российский специалист по проблемам исторической памяти в России и Германии А.И. Борозняк⁴, под

¹ Храмов И.В. Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2009.

² Budde E., Lütches P. Der 20. Juli. Düsseldorf, 1952; Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1979; Spiegelbild einer Verschwörung: die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Stuttgart, 1984; Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1984; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994; Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994; Achmann K., Buhl H. 20. Juli 1944: Lebensbilder aus dem militärischen Widerstand. Hamburg, 1999; Gerlach C. Männer des 20. Juli und der Krieg gegen die Sowjetunion // Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1995.

³ Weizsäcker Rede zum 8. Mai 1985 // Web-Archiv des Deutschen Bundestages [Elektronische Ressourcen]. URL: <http://webarchiv.bundestag.de/archive/2006/0202/parlament/geschichte/parlhist/dokumente/dok08.html> [дата обращения 11.03.2015].

⁴ См.: Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия: проблема «преодоления прошлого». М., 1999; Его же. Прошлое, которое не уходит. Екатеринбург, 2004; Его же. Жестокая память. М., 2014.

этим процессом понимается «не только критическое дистанцирование от периода 1933–1945 гг., но и, прежде всего, — усвоение его глубинной сущности, извлечение уроков из истории нацистской Германии, формирование гарантий от повторения трагедии гитлеризма»¹.

Разумеется, в Германии и России — странах, переживших в XX в. самые страшные в своей истории диктатуры — нацизм и сталинизм, преодоление прошлого и формирование культуры памяти шло и идет по-разному². Однако исторический опыт Сопротивления в обеих странах имеет много общего. Советский коммунистический и германский национал-социалистический «особые пути»³, при всех их различиях, тесно переплетались между собой⁴. История антинацистского Сопротивления в Германии актуальна и для России: в ней отражаются острые проблемы не только германского, но и российского восприятия прошлого. Если в России прошлым принято гордиться, то в Германии — «преодолевать» его.

Историки отмечают, что немецкое антигитлеровское Сопротивление в 1938–1944 гг. могло бы, в случае его успеха, сыграть решающую роль в истории международных отношений. Заговоры немецких военных против Гитлера (Гальдера в 1937–1938 гг., Трескова в 1943 г. Штауффенберга в 1944 г.) привели бы к отстранению Гитлера от власти. Это значит, что вся европейская, да и мировая история пошла бы иначе. «Речь идет не о “контрфактологических” сценариях типа “а что было бы, если” (хотя порой в них есть глубокий смысл). Имеется в виду то обстоятельство, что политики обычно принимают решения в порядке выбора из альтернативных вариантов. Проследить, какие это были варианты и были ли они вообще — это существенная часть раскрытия политического процесса», — отмечал ведущий российский исследователь германского вопроса в истории международных отношений А.М. Филитов⁵.

После 22 июня 1941 г. «задачей советской дипломатии стало создание антинацистской коалиции государств и открытие второго фронта

¹ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Екатеринбург, 2004. С. 14

² Vatlin A. Terror und Widerstand unter den Bedingungen des Totalitarismus — die sowjetische und die deutsche Erfahrung // Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt [Elektronische Ressourcen]. URL: <http://www.ku-eichstaett.de/fileadmin/190806/Netzwerk/projekt-5-quelle01.pdf> [дата обращения 11.03.2015].

³ Идеология “особого пути” в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э.А. Паина. М., 2010.

⁴ Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte: Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. Stuttgart, 2007; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. М., 2014.

⁵ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М., 2009. С. 10.

союзников в Европе. Однако формирование коалиции затянулось на несколько месяцев, а открытие второго фронта на целых три года. Выжидательная позиция Великобритании и США выражала расчет их правящих кругов вести войну против Германии чужими силами, силами Советского Союза, вплоть до полного истощения страны, “до последнего русского солдата”», — подчеркивал ведущий российский специалист по истории российско- и советско-германских отношений XX в. А.А. Ахтамзян¹.

Интересы «большой тройки» Великобритании, СССР и США зачастую не совпадали. «Каждый из победителей выступал с точки зрения собственного национально-исторического опыта, — отмечал старейшина американской внешней политики бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер. — Черчилль хотел восстановить традиционное равновесие сил в Европе. Это означало бы перестройку Великобритании, Франции и даже побежденной Германии таким образом, чтобы они вместе с Соединенными Штатами способны были противостоять советскому колоссу на востоке. Рузвельт представлял себе послевоенный порядок таким образом, чтобы три победителя плюс Китай действовали в качестве всемирного совета директоров, силой обеспечивая мир и ограждая от посягательств любого потенциального злоумышленника, каким Рузвельт прежде всего считал Германию. Эта точка зрения стала известна как теория “четырёх полицейских”. Сталинский подход отражал сплав коммунистической идеологии и традиционной российской внешней политики. Он стремился получить наличными за победу его страны и распространить русское влияние на Центральную Европу. И еще он намеревался превратить страны, завоеванные советскими войсками, в буферные зоны для защиты России от любой будущей германской агрессии»².

У Великобритании, СССР и США не было единства и доверия и в отношении немецкого Сопротивления. Это недоверие имело политический смысл: напомним хотя бы о неоднократном обмане Советского Союза его западными союзниками «насчет времени открытия второго фронта, или о сокрытии от СССР “манхэттенского проекта”, или, наконец, о черчиллевской фразе “правду приходится защищать путем неправды”», — подчеркивал А.М. Филитов³.

¹ Ахтамзян А.А. К историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М., 2010. С. 289–290.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 354.

³ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. С. 29–30.

Внешняя политика Третьего рейха, важнейшими институтами которой были не только министерство иностранных дел, но и спецслужбы (бюро Риббентропа, личный штаб рейхсфюрера СС, внешнеполитическая разведка СД, военная разведка) не раз пытались «расколоть» союзников, используя для этого фактор немецкого Сопротивления. В конце войны лица из ближайшего окружения рейхсфюрера СС, выдававшие себя за представителей антигитлеровской оппозиции (к тому времени ими же разгромленной), предприняли на Западе зондаж возможности заключения сепаратного мира в обмен на «голову» Гитлера¹.

Как отмечал бывший посол СССР в ФРГ историк В.М. Фалин, летом – осенью 1944 г. «Гитлера устранить не удалось, но (деятелям немецкого консервативного Сопротивления, также, как и англичанам и американцам. — Б.Х.) очень хотелось верить, что “немцы могут преднамеренно позволить англо-американским войскам прорваться и вступить в Германию в расчете, что таким образом Третьему рейху удастся избежать страшной заслуженной мести русских”»². Причем вопрос сговора с нацистской Германией, «чтобы дать отпор русским» обсуждался англо-американскими союзниками еще с августа 1943 г.³

До начала хрущевской «оттепели» в СССР германское Сопротивление исследованию не подвергалась. В послесталинские времена в СССР изучались такие аспекты темы, как коммунистическое Сопротивление (Д.С. Давидович⁴, А.С. Бланк⁵, Л.И. Гинцберг и Я.С. Драбкин⁶), Сопротивление военнопленных, узников и принудительных рабочих (Е.А. Бродский⁷), Национальный комитет «Свободная Германия» и «Красная Капелла» (А.С. Бланк⁸), «Оппозиция в вермахте и заговор

¹ Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М., 2014. С. 129–137.

² Фалин В.М. Второй фронт: антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 502.

³ Фалин В.М. Указ. соч. С. 426–427; Ржешевский О.А. Война и история. М., 1984. С. 41–42.

⁴ Давидович Д.С. Эрнст Тельман: страницы жизни и борьбы. М., 1988.

⁵ Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933–1945). М., 1964.

⁶ Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры. М., 1961; Гинцберг Л.И. Отважные борцы против фашизма. М., 1984; Его же. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1933–1945. М., 1987.

⁷ Бродский Е.А. Живые борются. М., 1965; Его же. Славная страница пролетарского интернационализма. М., 1980; Его же. Забвению не подлежит. М., 1993; Его же. Это известно немногим. Красногорск, 1996.

⁸ Бланк А.С. Национальный комитет “Свободная Германия” — центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.). Вологда, 1963; Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель — свободная Германия: из истории антифашистского движения “Свободная Германия”. М., 1969; Бланк А.С. В сердце “третьего рейха”. М., 1974.

20 июля 1944 г.» (Л.А. Безыменский¹, Д.Е. Мельников²). Почти все представители старшего поколения советских историков Сопротивления участвовали в Великой Отечественной войне в рядах Красной Армии или НКВД в качестве немецкоязычных пропагандистов, политработников, разведчиков и контрразведчиков. Несмотря на ограниченность источников, коммунистический пафос и идеологическую пристрастность, работы советских историков-фронтовиков отличала ясная и последовательная антифашистская позиция, что делает эти труды актуальными для современных читателей.

«В советской историографии, посвященной Сопротивлению, главное внимание обычно уделялось вкладу в антифашистскую борьбу компартий и рабочего класса». Такой концептуальный подход характерен, в частности, для написанной М.Б. Корчагиной главы «Германия» коллективного труда «Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. Национальные особенности»³. В этом труде, в изданном на рубеже советского и постсоветского времени, перед российскими историками была поставлена задача «рассмотреть Сопротивление как целостное явление, как сотрудничество многих политических сил»⁴.

Поставленная задача решалась, в частности, путем расширения базы источников. Значительная часть документов по теме исследования впервые введена в научный оборот автором диссертации и его коллегами Ю.М. Зорей, А.М. Калгановым, В.Л. Пешерским, В.С. Рыкиным, В.С. Христофоровым (Россия) и Х. Коппи⁵ и М. Улем (ФРГ).

Германская научная и экспертно-аналитическая литература по теме исследования представлена работами многих авторов, в частности

¹ Безыменский Л.А. *Германские генералы — с Гитлером и без него*. М., 1961; *Его же. Гитлер и германские генералы*. М., 2004.

² Мельников Д.Е. *Заговор 20 июля 1944 года в Германии: причины и следствия*. М., 1965.

³ *Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: национальные особенности*. М., 1991. С. 54–83.

⁴ *Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: национальные особенности*. С. 8.

⁵ Авторы посвященного истории разведки 6-го тома нового 12-томника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» утверждают, что «резидент “Красной капеллы” Г. Копи» (в тексте фамилия написана ошибочно: правильно Г. Коппи) в ноябре 1988 г. в Берлине принял участие совещании историков разведки. Отметим, что, во-первых, Г. Коппи был не резидентом, а радистом “Красной капеллы”; во-вторых, в 1988 г. он никак не мог принять участие в совещании в Берлине, т.к. был казнен нацистами в берлинской тюрьме Плётцензее 22 декабря 1942 г. Очевидно, авторы 6-го тома путают немецкого антинациста Г. Коппи с его сыном-историком Г. Коппи (*Erfasst? Das Gestapo-Album zur Roten Kapelle*. Halle/S, 1992. S. 84–85) // *Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т*. М., 2013. Т. 6: *Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны*. С. 26.

К. Ахмана, Х. Буля, Х. Бунгерт, Х. Коппи, Л. Мёллера, Й. Морре, Г. Риттера, А. Фишера, П. Хофмана, Б. Шойрига, Г. Юбершера, Х.-А. Якобсена¹. Отметим труды П. Штейнбаха, Й. Тухеля и Г. Моммзена², которые определили основные современные подходы ученых ФРГ к истории немецкого антигитлеровского Сопротивления.

В современной российской и германской историографии (в качестве современной рассматривается историография конца XX – начала XXI вв., начиная со «спора историков» в ФРГ и «гласности и перестройки» в СССР, закачивая литературой, изданной к 70-летию окончания Второй мировой войны), произошла переоценка исторической роли

¹ Budde E., Lütsches P. Der 20. Juli. Düsseldorf, 1952; Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1979; “Spiegelbild einer Verschwörung”: die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Stuttgart, 1984; Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1984; Scheurig B. Verräter oder Patrioten: das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion, 1943–1945. Berlin, 1993; Coppi H. Harro Schulze-Boysen — Wege in den Widerstand: eine biographische Studie. Koblenz, 1993; Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994; Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Ostheer. NKFD und BDO. Antrag auf Auflösung // Kriegsgefangene — Voennoplennye: sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland, deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Düsseldorf, 1995; Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt/M., 1995; Achmann K., Buhl H. 20. Juli 1944: Lebensbilder aus dem militärischen Widerstand. Hamburg, 1999; Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: Die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien Deutschen Bewegungen 1943–1948. Stuttgart, 1997; Юбершер Г. “Образ России” в кругах германского Сопротивления Гитлеру // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 34–47; Aufstand des Gewissens: Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933 bis 1945. Hamburg, 2000; Morre J. Hinter den Kulissen des Nationalkomitees: das Institut 99 in Moskau und die Deutschlandpolitik der UdSSR 1943–1946. München, 2001; Hoffmann P. Stauffenbergs Freund: die tragische Geschichte des Widerstandskämpfers Joachim Kuhn. München, 2007; Möller L. Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923–1945. Wiesbaden, 2013; Coppi H., Kebir S. Ilse Stöbe: wieder im Amt: Eine Widerstandskämpferin in der Wilhelmstraße. Hamburg, 2013.

² Steinbach P. Deutscher Widerstand 1933–1939. Berlin, 1984; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994; Steinbach P. Widerstand im Widerstreit: der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994; Mommsen H. Widerstand und Politische Kultur in Deutschland und Österreich. Wien, 1994; Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 263–276; Mommsen H. Der 20. Juli und die deutsche Arbeiterbewegung. Berlin, 1989; Mommsen H. Alternative zu Hitler: Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes. München, 2000; Mommsen H. Die Stellung der Sozialisten in der Bewegung des 20. Juli 1944. Bochum, 2002.

немецкого антигитлеровского Сопротивления. Историки ушли от недооценки этого фактора антинацистской борьбы и его влияния на послевоенное развитие Германии и всей Европы. Такой подход открыл для ученых новые исследовательские горизонты.

Современная российская историография германского Сопротивления базируется на фундаменте советской исторической науки. Почти все исследователи, сегодня занимающиеся этими проблемами, начинали свою научную деятельность еще в советские времена — в период горбачевской «гласности» и ельцинской «свободы слова». Воссоединение Германии и распад СССР, «архивная революция» в России, «спор историков» в ФРГ, дискуссии о «преодолении прошлого» — эти события отложили отпечаток на их творчество.

Новой тенденцией развития историографии Сопротивления является ее интернационализация. На базе российско-германского диалога историков, одним из мест проведения которого стала Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений¹, возникла традиция российско-германского преодоления общего прошлого. На этом пути еще предстоит решить много проблем, но цель этого процесса благородна: сохранить для истории память о людях Сопротивления.

---

¹ Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Вып. 3. München, 2008.

2. Германский национал-социализм

2.1. Фашизм и нацизм

На вопрос, что такое национал-социализм (нацизм), можно дать простой, но мало что объясняющий ответ: это германский, доведенный, как все, за что берутся немцы, до образцовости, вариант фашизма. С таким толкованием согласны, несмотря на существующие различия¹, как многие отечественные², так и западные исследователи³.

Сложность определения понятий «фашизм» и «нацизм» связана с тем, что фашизм и его разновидности обладают удивительной способностью к мимикрии: они, как хамелеоны, быстро приспосабливаются к изменяющейся обстановке. Фашизм многогранен и многолик. Он и его национальные проявления существуют в виде идеологии, общественно-политического движения, политического режима вождистского типа, террористической диктатуры.

Нередко научные понятия «фашизм» и «антифашизм» превращаются в пропагандистское клише, используемое в актуальных политических целях: «На Украине гарантировано нарастание тяжелейшей гражданской антифашистской войны. Она создаст своих героев и своих мучеников. А закончится полным поражением фашистов», — пишет о со-

---

¹ Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5.

² Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. М., 1978; Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984; Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985; Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов. Кемерово, 1996.

³ Gossweiler K. Aufsätze zum Faschismus. Berlin, 1986; Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982. Новосибирск, 2000; Griffin R., Feldman M., eds. Fascism. Vol. I: The Nature of Fascism. London, 2004; Griffin R., Feldman M., eds. Fascism. Vol. II: The Social Dynamics of Fascism. London, 2004; Griffin R., Feldman M., eds. Fascism. Vol. III: Fascism and Culture. London, 2004; Griffin R., Feldman M., eds. Fascism. Vol. IV: The “Fascist Epoch”. London, 2004; Griffin R., Feldman M., eds. Fascism. Vol. V: Post-War Fascisms. London, 2004.

временной ситуации на Украине российская коммунистическая газета «Правда»¹.

«Понятие “фашизма” (и точно так же “антифашизма”) с самого начала заняло некое промежуточное место между теорией и полемикой. Такое положение не изменилось и до сих пор. Многие из наших современников используют понятие “фашизм” как простой боевой клич или как ругательство, которым они обмениваются друг с другом», — отмечает современный немецкий историк В. Випперман; он выделяет три варианта фашизма: итальянский “нормальный” фашизм, немецкий “радикальный” фашизм и фашизм “сверху” в некоторых европейских странах»².

Что же такое фашизм с точки зрения политической и исторической наук? В научной литературе широко обсуждается определение фашизма английским исследователем Р. Гриффином как «палингенетического ультра национализма», предполагающее, что в своем мифологическом ядре фашистская идеология нацелена не на возрождение нации (как другие националистически-популистские идеологии), а на ее «сотворение заново». Эту концепцию, по мнению немецкого историка А. Умланда, можно считать более или менее принятой на сегодняшний день в англоязычном научном сообществе³. По мнению А. Умланда, постсоветское российское толкование фашизма подверглось фрагментации, а использование термина «фашизм» в публичном дискурсе страдает от «гиперинфляции». А. Умланд выделяет как минимум четыре различных тенденции в трактовке понятия «фашизм» в современной России⁴.

Во-первых, публицисты, до сих пор поддерживающие более или менее видоизмененные версии классического марксистского определения фашизма, данного в резолюции XIII пленума ИККИ и повторенного на VII Конгрессе Коминтерна Г.М. Димитровым: «Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это

¹ “Обыкновенный фашизм”. Украина: уроки глобального масштаба. — URL: <http://kprf.ru/international/ussr/131400.html>

² Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982. Новосибирск, 2000.

³ Умланд А. Старый вопрос, заданный заново: что такое фашизм? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. 1996. № 1. С. 175–176.

⁴ Умланд А. Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас, 2003, № 5.

шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»¹.

Это определение, наряду с теорией «социал-фашизма», оказало крайне негативное действие, так как привело к недооценке фашизма и дезориентировало левое антифашистское движение Европы в предвоенный период. По язвительному определению Л.Д. Троцкого, самого острого коммунистического критика гитлеризма и сталинизма, «теория социал-фашизма, в которой невежество Сталина сочетается с легкомыслием Мануильского, стала петлей на шее немецкого пролетариата»².

Во-вторых, авторы, представлявшие фашизм как западную по своей сути форму экстремизма, которая, по определению, не является российской³.

В-третьих, российские публицисты, чрезмерно свободно толкующие термин «фашизм» и называющих «фашистскими» широкий спектр авторитарных и националистических направлений, даже таких, которые относятся к российскому либеральному или украинскому национальному движению⁴.

В-четвертых, российские ученые, близкие к западным в своем понимании термина «фашизм», такие как В.И. Михайленко⁵, В.А. Буханов⁶ и А.А. Галкин, который объединил свои предыдущие определения фашизма общей дефиницией «правоконсервативный революционаризм»⁷. Школа А.А. Галкина в значительной степени находится в согласии со сравнительными исследованиями неофашизма на Западе, признавая определенное сходство между межвоенной и постсоветской политической обстановкой и наличие потенциала фашистской угрозы в России⁸.

¹ XIII пленум ИККИ. Тезисы и постановления. М., 1936, с. 6; VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975; Ширина К.К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. М., 1979, с. 68.

² Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов. Кемерово, 1996, с. 52.

³ Зудин А.Ю. Фашизм в России: образы и реальности новой опасности // Политические исследования. 1995, № 2, с. 41.

⁴ Липский А. Прекратите играть со словом “фашизм” // Новая газета, № 34, 31.03.2014.

⁵ Михайленко В.И. Итальянский фашизм. Свердловск, 1987.

⁶ Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах: идейно-политические проблемы. Екатеринбург, 1998.

⁷ Галкин А.А. Фашизм: корни, признаки, формы проявления // Политические исследования. 1995. № 2(26). С. 10.

⁸ Галкин А.А. Российский фашизм? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 17–27; Galkin A., Krasin Yu. Russische Wahlen in den Ruinen sowjetischer Modernisierung: Informationen zum Nachdenken // Das Argument. 1994. 36. Jg. № 2(204). S. 199–209; Галкин А., Красин Ю. О правом радикализме в советском обществе // Обозреватель. 1995. № 12. С. 52–58.

По мнению историка И.В. Мазурова, фашизм как государственная система правления — это не авторитаризм, а тоталитаризм; между ними есть существенная разница¹. Для фашистских государств характерно усиление регулирующей роли государства как в экономике, так и в идеологии: корпоративизация государства посредством создания системы массовых организаций и социальных объединений, насильственные методы подавления инакомыслия, неприятие принципов экономического и политического либерализма. Основными чертами идеологии фашизма являются: ярко выраженный национализм, традиционализм, экстремизм, этатизм, корпоративизм, популизм, антилиберализм, антикоммунизм, милитаризм, вождизм, декларирование опоры на широкие слои населения, не относящиеся к правящим классам. Для германского национал-социализма как «образцового» фашизма был характерен крайний антисемитизм.

Лидер немецких национал-социалистов Адольф Гитлер признавал серьезное воздействие итальянского фашизма на формирование нацистской партии². Однако немецкие нацисты никогда не называли себя фашистами: в Германии в 1933–1945 гг. был национал-социализм, то есть попытка построить спаянное единой идеологией арийское национальное государство и создать германское «народное сообщество», которое с помощью военной силы тоталитарного государства завоюет для себя «жизненное пространство», освободив его от «неполноценных» рас и народов. Национал-социализм — это «социализм» (социальное государство) для «избранной нации». Гитлер давал понятию «национальный социализм» следующее определение: «Социализм — древняя арийская, германская традиция. Наши предки использовали некоторые земли сообща. Они развивали идею об общем благе. Марксизм не имеет права маскироваться под социализм. В отличие от марксизма, социализм не отрицает частную собственность и человеческую индивидуальность. В отличие от марксизма, социализм патриотичен. ...Мы решили назваться национал-социалистами. Мы не интернационалисты. Наш социализм национален. Мы требуем исполнения государством справедливых требований трудящихся классов на основе расовой солидарности. Для нас раса и государство — это единое целое»³.

В трактовке национал-социализма немецкие нацисты опирались на определение «отца» фашизма итальянского «дуче» Б. Муссолини: «Фа-

¹ Мазуров И.В. Фашизм как форма тоталитаризма // *Общественные науки и современность*. 1993, № 5.

² Рахмиров П.Ю. Происхождение фашизма. М., 1981.

³ Hitler A. Mein Kampf. Цит. по: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E0%F6%E8%EE%ED%E0%EB-%F1%EE%F6%E8%E0%EB%E8%E7%EC> [дата обращения: 29.07.2016]

шизм — это социализм, взявший все лучшее от социализма, но социализм национальный, не ориентированный на мировую революцию, и государственно-корпоративный, а не стремящийся к отмиранию государства»¹.

Понятия «нация» и «социализм» были близки немцам с XIX в., когда шла борьба за объединение молодой германской нации в «государство немцев»; в середине – второй половине XIX в. мощно заявили о себе силы, стремившиеся к социальной справедливости. Однако попытки сплотить нацию «железом и кровью» привели не только к рождению в 1871 г. Второго германского рейха, но и в дальнейшем проложили путь к Первой мировой войне, когда Германская империя боролась «за свое место под солнцем» и проиграла, обвинив в своем проигрыше «западные демократии», а также своих внутренних врагов: «плутократов, либералов, демократов, социалистов, коммунистов, космополитов и, конечно, евреев, разъедавших нацию изнутри и воплощавших собой все возможные пороки». Именно они якобы «нанесли удар ножом в спину» сражавшейся германской нации.

2.2. Возникновение нацизма

Политическим и идеологическим предшественником национал-социализма в Германии было немецкое националистическое и антисемитское движение, которое сформировалось в 1870–1880-е гг. Его сторонники происходили преимущественно из среды городских и сельских мелких собственников, рабочих, чиновников, студентов. Уже одна из первых политических организаций движения — «Лига антисемитов» имела тайное членство и была построена на жестких принципах слепого повиновения вождям. Лига и связанные с ней группировки собирали подписи под петицией за ограничение гражданских прав евреев, устраивали еврейские погромы. Действовали также «Христианско-социальная рабочая партия», «Социальная имперская партия», «Немецкий народный союз», «Немецкая партия реформ», «Немецкий союз антисемитов», объединение антисемитских студенческих союзов и др. В 1888 г. было создано объединенное общенациональное «Немецкое антисемитское объединение». Его программа предусматривала создание «немецкого социального государства» с сильной императорской властью, ограничением демократических свобод и агрессивной внешней политикой. Антисемиты предлагали ввести жесткое «государственно-социалистическое» регулирование экономики: установить контроль над банковской

¹ Муссолини Б. Доктрина фашизма. Paris, 1938; Белоусов Л.С. Муссолини. Диктатура и демагогия. М., 1993.

и биржевой деятельностью, над монополистическими объединениями, принять меры по защите крестьянства и развитию цехового ремесла, устранить классовую борьбу и добиться гармонии между трудом и «национальным» капиталом при уничтожении «антинационального» (прежде всего, еврейского). С 1890 г. движение антисемитов было представлено в германском парламенте — рейхстаге¹.

В начале XX в. на идейную и общественную арену Германии вышло националистическое движение «народников» — «Фёлькише» (от нем. слова “das Volk” — народ). «Фёлькише» трактовали народ как культурно-биологическую и мистическую общность «крови и почвы» и пропагандировали превосходство «германского духа» и немецкой культуры над бездушной либеральной цивилизацией остальной Европы. Они не только воспевали древнегерманское прошлое и Средневековье, но и соединяли идеализацию старины с «расовыми теориями» Хьюстона Стюарта Чемберлена, графа Гобино, другими идеями социал-дарвинизма и господства сильных, а также с мистическими и оккультными учениями (теософией, ариософией). Эти старые и новые доктрины и теории использовались для того, чтобы обосновать изначальное биологическое «превосходство» северогерманской (нордической, арийской) расы, истоки которой якобы уходили к древним ариям. Движение «фёлькише» составляли многотысячные общественные организации — студенческие, крестьянские, приказчицкие, рабочие и иные союзы, а также группы интеллектуалов, которые занимались разработкой идеологии немецкого расизма и национализма. Среди них особое место занимали оккультные ордена — «Германский орден», «Орден рыцарей святого Грааля» и «Общество Туле», избравшее своей эмблемой древний знак солнца — «свастику», который затем заимствовали национал-социалисты².

Активизация националистических организаций в Германии произошла в конце Первой мировой войны и после краха Второго рейха, сопровождавшегося революцией и эпизодами гражданской войны. Сотни тысяч человек состояли в таких группах, как «Свободный комитет за немецкий рабочий мир», «Независимый комитет за германский мир», «Народный комитет за скорейший разгром Англии». 3 марта 1918 г. в Мюнхене возник «Свободный рабочий комитет за хороший мир» во гла-

¹ Wawrzinek K. Die Entstehung der deutschen Antisemitenparteien (1873–1890). Berlin, 1927; История Германии. Под ред. Б. Бонвеца, Ю.В. Галактионова. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. Кемерово, 2005, с. 36; Bergmann W. Geschichte des Antisemitismus. München, 2006.

² Puschner U. Germanenideologie und völkische Weltanschauung // Zur Geschichte der Gleichung “germanisch-deutsch”. Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen. Berlin, New York, 2004.

ве со слесарем Антоном Дрекслером. Фактически комитет Дрекслера находился под идейно-политическим влиянием «Общества Туле».

5 января 1919 г. на базе кружков и комитетов, связанных с «Туле» и Дрекслером, в мюнхенской пивной «Штернекерброй» было провозглашено создание Немецкой рабочей партии; в ней состояло около 40 человек. К осени 1919 г. в партию по заданию командования рейхсвера (сил обороны Веймарской республики) вступили бывшие офицеры, унтер-офицеры и солдаты, включая ефрейтора Адольфа Гитлера, австрийца по происхождению и германского патриота, тогда даже не имевшего германского гражданства.

В государственном архиве Баварии обнаружены донесения Гитлера о деятельности нацистской партии, об источниках ее финансирования¹. Документы свидетельствуют о том, что Гитлер был тайным осведомителем рейхсвера, а не политофицером, как он о себе писал в «Майн кампф». Обязанности шпика он исполнял в течение длительного времени. Кроме того, Гитлер по поручению командования выступал с «лекциями». За свою деятельность он регулярно получал денежное содержание в рейхсвере².

В феврале 1920 г. партия сменила имя на Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП); членов партии, их было уже около 200, стали называть национал-социалистами или «наци». Принятая в апреле 1920 г. программа НСДАП «25 пунктов» соединяла принципиальные националистические декларации в духе «фёлькише» и всевозможные социальные обещания, адресованные одинокому и ощущавшему страх перед миром «маленькому человеку», который должен был в итоге почувствовать себя хозяином страны. Основными элементами программы «25 пунктов» были «раса (арийство, германство)», «нация», «социальная идея, общество труда (социализм)»³.

Нацисты широко пользовались принципом: обещать людям именно то, что те хотели услышать, не заботясь о выполнении сделанных посулов. Во внешней политике нацисты провозглашали своей целью объединение всех немцев в «Третьем, Великом Германском рейхе» и «разрыва оков Версаля» — отмены Версальского и других послевоенных договоров, как неравноправных и ущемлявших германские национальные интересы. Что касается политики внутренней, то НСДАП объявляла себя сторонницей равных прав и обязанностей для всех германских граждан — членов «народного сообщества», оговаривая, что гражда-

¹ Deuerlein E. Hitlers Eintritt in die Politik und die Reichswehr // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1959, № 2.

² Рахмиров П., Пожарская С., Горошкова Г., Гинцберг Л., Давидович В. История фашизма в Западной Европе. М., 1978, с. 148.

³ Устрялов Н.В. Германия в круговороте фашистской свастики. М., 2012, с. 15–20.

ми могут быть только те, «в чьих жилах течет “чистая арийская” кровь»; евреи подлежали лишению гражданства. Партия взывала к духу коллективизма, но трактовала его в традициях «фёлькише» и «фронтового братства», подчиняя личность определяемой на основе «расовых» критериев нации, организованной в идеале как огромная, жестко дисциплинированная военная машина.

НСДАП заявила о своем стремлении к национальному, очищенному от марксизма, «подлинному и честному социализму», при котором «личная выгода» подчинена «общественному благу», все люди трудятся умственно или физически («общественно полезным» считался не только наемный труд, но и предпринимательская деятельность). При «национальном социализме» прибыли военных спекулянтов и ростовщиков подлежали национализации; крупные тресты подлежали передаче в собственность государства; должна была действовать разветвленная пенсионная система, развиваться народное образование и социально доступное здравоохранение. Крестьянам была обещана земельная реформа, рабочим — участие в прибылях предприятий, лавочникам и торговцам — закрытие крупных универмагов, принадлежавших «еврейскому капиталу». Различные социальные слои («имперские сословия») должны были получить органы представительства своих интересов — «палаты».

В 1921 г. Гитлеру удалось полностью захватить в свои руки руководство НСДАП. В том же году партия приступила к организации собственных военизированных групп — «штурмовых отрядов» (СА) во главе с бывшим капитаном кайзеровской армии Эрнстом Рёмом и бывшим военным летчиком Германом Герингом. НСДАП получила немалые денежные суммы от милитаристов и промышленников.

Нацистская партия была первоначально лишь одной, причем далеко не самой сильной среди многочисленных и разветвленных группировок немецких ультраправых. «Многообразие всех этих туристских клубов, трудовых товариществ, спортивных кружков, полковых объединений, стрелковых обществ, союзов воинов, офицерских союзов, организаций народного, национального, военного возрождения — производит впечатление полного хаоса, — отмечал немецкий юрист Э. Гумбель, автор исследования о фашистском движении Германии начала 1920-х гг. — Было бы неправильно думать, что все эти союзы действительно существуют независимо друг от друга. Зачастую один из них происходит от другого; кружки, носящие совершенно различные имена, могут оказаться одной и той же организацией, так как одни и те же люди являются обычно членами целого ряда союзов... Действительный активный состав этих тайных организаций не превышает 200 тыс. членов»¹.

¹ Гумбель Э. Заговорщики. К истории германских националистических союзов. Л., 1925, с. 50.

Хотя между руководством ультраправых групп шла острая борьба за лидерство, вожди нацистов еще признавали авторитет идеологов «фёлькише» и «консервативной революции». В начале 1922 г. Гитлер заявил одному из «консервативно-революционных» теоретиков А. Мёллеру ван ден Бруку (автору формулы «Каждый народ имеет свой собственный социализм»¹): «У вас есть все, что отсутствует у меня. Вы разрабатываете духовное оружие для Германии. Я же не более чем барабанщик и собиратель, давайте же работать вместе»². Гитлеровцы блокировались с другими крайне правыми союзами — «Оберланд» и «Имперский флаг», вступили в объединенный «Немецкий боевой союз». Но «скромность» нацистов длилась недолго. В 1923 г. НСДАП выступила в качестве претендента на власть в немецком государстве.

2.3. «Пивной путч» и его последствия

В январе 1923 г. НСДАП провела общегерманский съезд и 6-тысячный парад штурмовиков в Мюнхене. В Баварии нацистам благоприятствовали особые обстоятельства: наступление реакции после подавления Баварской советской республики 1919 г., наличие милитаристских «добровольческих корпусов», члены которых симпатизировали нацизму, терпимое или даже покровительственное отношение к нацизму со стороны генерального комиссара Баварии Г. фон Кара. Позиции НСДАП укрепило и присоединение к ней бывшего генерал-квартирмейстера кайзеровской армии генерал-полковника Эриха Людендорфа, пользовавшегося популярностью среди ветеранов Первой мировой войны³.

Нацисты широко прибегали к террору против своих политических противников. В октябре 1922 г. во время празднования «дня Германии» 800 штурмовиков во главе с Гитлером напали на город Кобург и два дня при попустительстве властей громили рабочие демонстрации и организации, избивали прохожих. Среди других нацистских акций были погромы редакций газет, покушения на депутатов, нападения на рабочих активистов, взрыв бомбы в бирже Мангейма, погромы еврейских лавок и магазинов, уличные стычки с членами коммунистического Союза красных фронтовиков.

В условиях резкого обострения политической ситуации в Германии нацистская партия, в которой осенью 1923 г. насчитывалось более 50 тыс. членов, попыталась совершить государственный переворот. Сиг-

¹ Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. М., 1978, с. 110.

² Фест И. Адольф Гитлер, т. 1. Пермь, 1993, с. 18.

³ Hitzler F. Der Mord im Hofbräuhaus. Unbekanntes und Vergessenes aus der Baierischen Räterepublik. Frankfurt a. M., 1981.

налом к нему должны были стать события в Мюнхене. 8 ноября 1923 г. штурмовики на митинге в пивной «Бюргерброй» провозгласили «национал-социалистическую консервативную революцию»: Гитлер был объявлен главой правительства, Людендорф — командующим вооруженными силами. Мятежники попытались занять стратегические пункты города, арестовали социал-демократических депутатов муниципалитета и граждан «с еврейскими фамилиями», готовили массовые расстрелы. Однако «пивной путч» был плохо организован и, натолкнувшись на сопротивление полиции, захлебнулся уже на следующий день. Полиция открыла огонь по трехтысячной колонне путчистов, разогнав шествие. Было убито 14 нацистов. Людендорф был схвачен, но вскоре освобожден «под честное слово», капитан Рём сдался. Знаменосец «пивного путча» Г. Гиммлер позорно бежал. 12 ноября 1923 г. был арестован «фюрер» НСДАП Гитлер¹.

В Баварии были запрещены национал-социалистические издания, а лидеры путчистов отданы под суд. Но нацистские вожаки отделались мягким наказанием. Согласно приговору мюнхенского суда 1 апреля 1924 г., Людендорф был оправдан, Гитлер и несколько его сподвижников получили приговоры до 5 лет тюрьмы, однако с правом досрочного освобождения. В тюрьме Гитлер писал свою «теоретическую» работу «Mein Kampf». В декабре 1924 г. «фюрер» вышел на свободу.

Однако, несмотря на мягкость, проявленную властями Веймарской республики в отношении нацистов, после провала «пивного путча» НСДАП стала разваливаться. К началу 1925 г. в гитлеровской партии осталось лишь 500 членов. Большинство бывших сторонников Гитлера присоединились к другой националистической организации — «Немецко-фёлькише партии свободы», во главе которой встал Людендорф. Однако успехи «легальных» нацистов также были скромными: на выборах в рейхстаг в мае 1924 г. сторонники Людендорфа собрали около 7%, а в декабре того же года — всего лишь 3% голосов².

Оказавшись на свободе, Гитлер предпринял меры по восстановлению НСДАП. Вплоть до великого экономического кризиса, охватившего Германию в начале 1930-х гг., влияние национал-социалистов в целом оставалось ограниченным. Как признавал позднее нацистский автор Х. Фабрициус, деятелей НСДАП в тот период считали «хвастунами и болтунами, политическими шутами. Над ними подшучивали и насмехались»³.

¹ Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М., 2014, с. 20–23.

² Дамье В.В. Национал-социализм (нацизм) http://encyclopedia.biga.ru/enc/history/NATSIONAL-SOTSIALIZM_NATSIZM.html

³ Fabricius H. Wilhelm Frick. Ein Lebensbild des Reichsministers des Innern. Berlin, 1938, S. 13.

Однако в это время НСДАП закладывала основу будущего успеха, налаживала жесткую внутреннюю структуру и расширяла сеть связей в обществе. С помощью братьев Грегора и Отто Штрассеров, популярных в националистических кругах мелких собственников и рабочих, ей удалось создать организации нацистов на северо-западе страны (в промышленных зонах — Руре, Гамбурге, Средней Германии). Во второй половине 1920-х гг. гитлеровцы активно налаживают контакты с крупными предпринимателями и добиваются от них значительных средств на финансирование партии. Возрождались штурмовые отряды СА, которые возобновили нападения на сторонников левых партий и профсоюзов, активистов Союза красных фронтовиков, рабочие демонстрации и собрания. В 1925 г. было образовано элитарное военизированное подразделение НСДАП — «охранные отряды» (СС), своего рода внутренняя полиция; в конце 1930 г. в СС состояло около 2700 человек. Росло число нацистских изданий: в 1926 г. НСДАП имела всего одну ежедневную газету тиражом в 10,7 тыс. экземпляров, в 1928 г. — уже четыре общим тиражом в 22,8 тыс., а в 1929 г. — 10 газет тиражом в 72,6 тыс. экземпляров¹.

Национал-социалистам удалось вытеснить своих конкурентов в ультраправом лагере и стать, по существу, основной национально-консервативной силой в Германии. В 1927 г. три депутата «фёлькише» перешли в НСДАП, а на выборах 1928 г. политическая организация «фёлькише» окончательно сошла со сцены. В конце 1929 г. нацисты добились успеха на выборах в ряде земельных парламентов, кроме того, было преодолено своеобразное «политическое табу» — их впервые (хотя и ненадолго) включили в земельное правительство в Тюрингии. Большинство активистов крайних националистических группировок вступили в НСДАП, приняв авторитет ее «фюрера» и партийную программу.

2.4. Путь нацистов к власти

Воспользовавшись почти всеобщими настроениями недовольства, порожденными острейшим социальным и экономическим кризисом, в котором оказалась Германия в 1930–1932 гг., национал-социалисты смогли добиться стремительного роста своих рядов и популярности. Они вновь приобрели широкие симпатии в своей традиционной базе — среди мелких собственников, расширили националистическую агитацию среди рабочих и безработных, развивали контакты среди предпринимателей. На выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. НСДАП собрала 18,5% голосов, в июле 1932 г. — 31% (в ноябре 1932 г. число голосов

¹ Дамье В.В. Указ. соч.

несколько сократилось — до 26,4%)¹. В ряде земель были сформированы правительства с участием нацистов.

Успехи на выборах и надежды на «легальную» победу не мешали нацистам продолжать и даже усилить террор против левых сил. В ряде районов страны уличные столкновения между нацистами и коммунистами стали систематическим явлением.

Как кандидаты на роль «сильной власти» и силы, способной «навести порядок», гитлеровцы становились все более приемлемыми и для экономической и политической элиты — ведущих предпринимателей (особенно лидеров тяжелой промышленности), чиновников, военных, политиков. Гитлер и другие вожди партии проводили многочисленные встречи с ними и успокаивали их, обещая не осуществлять на практике намеченные в партийной программе меры по ограничению деятельности трестов. «Наши предприниматели, — заявил “фюрер”, — обязаны своим положением своим способностям. Этот отбор, лишь подтверждающий их принадлежность к высшей расе, дает им право руководить»². Такая переориентация вызывала недовольство среди многих рядовых членов НСДАП и штурмовых отрядов. В их среде получили распространение представления, которые именовали «левым фашизмом». Речь шла о соединении воинствующего немецкого шовинизма и антисемитизма с требованием принять меры против крупного капитала. Теоретик этого течения Отто Штрассер выступал за превращение основных предприятий и фирм в совместную собственность государства, работников и бывших владельцев. Вместе с группой своих сторонников он покинул нацистскую партию и создал собственную организацию. Однако значительная часть приверженцев «левого фашизма» осталась в НСДАП и занимала руководящие посты в СА (включая руководителя штурмовиков Эрнста Рёма).

Представители влиятельных финансовых кругов стали призывать привлечь к управлению «крупнейшую партию страны». В сентябре 1932 г. с таким заявлением выступила группа предпринимателей Рура, а в ноябре 1932 г. — промышленники Тиссен, Шредер, Шахт, Крупп, директор «Коммерц-банк» Рейнхарт. Гитлер договорился с ведущими правыми политиками, прежде всего, с бывшим рейхсканцлером Францем фон Папеном. 30 января 1933 г. президент Германии генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург назначил новое правительство во главе с рейхсканцлером Адольфом Гитлером. Помимо нацистов, в кабинет вошло несколько представителей других крайне правых организаций (Немецко-национальной народной партии и «Стального шлема»), а также

¹ Галкин А.А. *Германский фашизм*. М., 1989, с.165.

² Strasser O. *Hitler and I*. Boston, 1940, p. 112.

беспартийные. Президентским декретом 1 февраля 1933 г. был распущен рейхстаг и назначены новые выборы. 27 февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага; нацисты обвинили в поджоге коммунистов. В Германии началась кампания террора против левых сил. 28 февраля 1933 г. Гинденбург подписал два подготовленных Гитлером декрета: «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа и происков изменников родины». В стране было прекращено действие конституционных прав и свобод, отменены семь статей конституции. Гарантии личных прав и свобод ликвидировались. Правительство Гитлера наделялась чрезвычайными полномочиями¹.

5 марта 1933 г. состоялись выборы в рейхстаг, на которых нацисты получили 43,9% голосов². Была запрещена Коммунистическая партия Германии (КПГ). Мандаты, которые должны были по итогам прошедших выборов достаться депутатам-коммунистам (81 мандат), были аннулированы. Около четверти оппозиционных нацистам депутатов от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) была арестована или выслана из страны. Исключив из парламента депутатов-коммунистов и социал-демократов, НСДАП обрела необходимое большинство мест и могла приступить к насаждению своей модели государственной власти. Нацистская пропаганда объявила эти события победой «национал-социалистической консервативной революции». Нацистская идеология и террор стали воплощаться в политику государства.

2.5. Третий рейх

Национал-социалисты называли свое государство «Третьим рейхом». В германских древних преданиях так называли грядущий счастливый век. Это название должно было подчеркнуть преемственность имперских притязаний: первым рейхом считалась средневековая Священная римская империя германской нации, вторым — созданная Бисмарком Германская империя 1871–1918 гг.

Национал-социалисты отменили принципы парламентаризма и демократического государственного устройства, по сути, демонтировав Веймарскую республику (1919–1933 гг.). В первые два года своего пребывания у власти они заменили демократические основы Веймарской республики моделью авторитарного государства, основанного на принципе «фюрерства»: «один народ, одна страна, один вождь». Решения по всем вопросам принимались не большинством голосов, а «ответствен-

¹ История Германии XX века. Источники, статистика, художественные документы. М., 2008, с. 193–199.

² Шульце Х. Краткая история Германии. М., 2004, с. 170.

ным вождем» в духе правила: «авторитет сверху вниз, ответственность снизу вверх».

Нацисты полностью не упразднили Веймарскую конституцию 1919 г., но внесли в нее коренные изменения и отменили действие ряда ее принципиальных положений. Если в республиканской Германии законы принимались парламентом (рейхстагом) при участии органа представительства земель (рейхсрата) и президента, то, в соответствии с «Законом о преодолении бедственного положения народа и рейха» (24 марта 1933 г.), законы могли приниматься также правительством. Допускалось, что они могут расходиться с конституцией страны, если только не касаются рейхстага и рейхсрата. Тем самым законодательная власть парламента была сведена на нет. Немецкий юрист Э.Р. Хубер подчеркивал в 1939 г., что это был «первый Основной закон нового рейха. Его ядро — объединение законодательной и исполнительной власти в одних руках. Это акт отрицал все конституционное развитие Запада, разрушал сформулированное в XIX в. понятие конституционного государства»¹.

Весной — летом 1933 г. гитлеровский режим запретил или заставил самораспуститься все остальные политические партии. 14 июля 1933 г. создание новых партий было официально запрещено законом. С 12 ноября 1933 г. рейхстаг как «орган народного представительства» избирался уже по «единому списку» нацистской партии. С исчезновением оппозиции он превратился в простой механизм одобрения правительственных решений.

Верховным органом власти в стране стало правительство, возглавляемое рейхсканцлером. Этот пост с 30 января 1933 г. занимал фюрер НСДАП Гитлер; он определял основные направления государственной политики. После смерти рейхспрезидента Гинденбурга пост главы государства был, по закону «О главе Германского рейха» от 1 августа 1934 г. соединен с должностью рейхсканцлера. 19 августа 1934 г. состоялось всенародное голосование, задним числом подтвердившее новый статус Гитлера как главы государства, главы правительства, верховного вождя нацистской партии и верховного главнокомандующего вооруженными силами. Результаты этого голосования (89,9% голосов «за» при явке 95,7%), как отмечает современный немецкий историк Н. Фрай, «показали, какой подъем вскоре ждет режим, окрыленный растущими внутри- и внешнеполитическими успехами... Германия пошла за Гитлером»².

Таким образом, в руках фюрера сосредоточилась вся верховная власть в стране. Законом «О новом устройстве рейха» от 30 января

¹ Essner C. Die "Nürnberger Gesetze" oder die Verwaltung des Rassenwahns 1933–1945. Paderborn, 2002.

² Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М., 2009, с. 30–31.

1934 г. суверенитет земель был ликвидирован, ландтаги во всех землях были распущены. Рейхсрат сначала был практически полностью лишен полномочий, а в феврале 1934 г. ликвидирован. В Германии было отменено земельное гражданство и введено единое гражданство рейха.

Законом от 30 января 1935 г. имперские наместники стали постоянными представителями правительства в землях. Наместник мог быть теперь главой земельного правительства, министры которого назначались фюрером по его предложению. Фюрер назначал также земельных чиновников. Земельные законы издавались с согласия правительства рейха.

Особое место в системе нацистского Рейха играла НСДАП. Закон об обеспечении единства партии и государства (1 декабря 1933 г.) объявил ее «носителем германской государственной идеи». Для укрепления взаимодействия между партией и государством заместитель фюрера в партийном руководстве (Рудольф Гесс, затем Мартин Борман) становился членом правительства рейха. Страна была поделена на 32 партийных округа НСДАП — «гау» во главе с гауляйтерами, которые назначались лично Гитлером и отвечали только перед ним. Нередко один и тот же человек совмещал государственную должность имперского наместника и партийную должность гауляйтера. В 1939 г. германские земли были полностью упразднены и заменены «гау». Партийное и административное управление на местах было объединено: партия стала государством, а государство — партией. Таким образом, нацисты уничтожили федеративную структуру Германии. Третий рейх стал унитарным государством¹.

Нацистский режим осуществил «унификацию» всех общественных (профессиональных, кооперативных, гражданских и других) организаций. Их заменили специализированные организации нацистской партии. Статус подразделений партии имели: Штурмовые отряды (СА), Охранные отряды (СС), Гитлеровская молодежь, Национал-социалистический моторизованный корпус, Национал-социалистический корпус летчиков, Национал-социалистический немецкий союз студентов, Национал-социалистический союз женщин, Организация национал-социалистических ячеек на производстве и Национал-социалистическая организация ремесленников и торговцев. При НСДАП действовали корпоративные и социальные организации: Национал-социалистический немецкий союз врачей, Национал-социалистический немецкий союз юристов, Национал-социалистический союз учителей, Национал-социалистическая народная благотворительность, Национал-социалистическая помощь жертвам войны, Союз немецких чиновников, Национал-социалистический союз немецких техников и Немецкий трудовой фронт.

¹ Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung, 1992.

Программа нацистской партии обещала создание «сословного государства», причем «сословия», по существу, выступали аналогом фашистских корпораций. Так возникли «имперские сословия» (промышленности, ремесла, торговли и т.д.). Однако правительство Гитлера не пошло по пути итальянских фашистов, создавших специальную Палату корпораций. Не приняло оно и план перестройки хозяйства в духе «сословного государства», предложенный консерваторами Францем Зельдте и Францем фон Папеном, опасаясь, что он даст слишком много власти предпринимателям, которые окажутся во главе «сословной организации». Роль корпоративного органа в нацистской Германии играл Немецкий трудовой фронт во главе с Робертом Леем, объединивший рабочих, служащих и предпринимателей — «всех немцев, работающих головой и руками». Для предотвращения трудовых конфликтов вводились «социальные труды чести», которые разбирали случаи нарушения «социальных обязанностей» как работниками, так и предпринимателями. Проводились производственные соревнования и конкурсы. Культурно-массовой работой и организацией отдыха занималось образованное при Трудовом фронте общество «Сила через радость».

В сфере экономики нацистская партия отказалась от прежних лозунгов, направленных против крупных промышленных и финансовых групп, и пошла на компромисс с ними. 15 июля 1933 г. был образован Генеральный совет германского хозяйства с участием крупнейших предпринимателей. В то же время расширялись права министерства экономики в осуществлении контроля над кредитами, ценами и созданием новых монополистических объединений. Закон об организации национального труда (10 января 1934 г.) отменял все права производственных советов на предприятиях. По Закону об экономических мерах (3 июля 1934 г.), ведомство министра экономики Ялмара Шахта стало центром регулирования внешней и внутренней торговли и ценообразования. Позднее было проведено также укрупнение хозяйственных структур. По существу, перестройка экономики с помощью государства означала перераспределение ресурсов в пользу могущественных групп тяжелой промышленности, электроэнергетики и химии.

В 1936 г. управление хозяйством перешло в руки другой группировки — «администрации четырехлетнего плана» во главе с Германом Герингом, который возглавил в 1937 г. (вопреки протестам сталелитейных корпораций) государственный концерн, носивший его имя. Опираясь на поддержку химических и электротехнических компаний, новая администрация взяла курс на внедрение начал плановой экономики, «экономическое самообеспечение» («автаркию») страны и расширение бюджетного финансирования. В связи со Второй мировой войной централизация германской экономики еще более возросла. В начале Второй

мировой войны ведущие концерны высказались за единое, диктаторское и компетентное управление хозяйством под руководством военного управления вооружений, но Гитлер и Геринг воспротивились расширению функций вооруженных сил. В феврале 1942 г. власти ввели в действие «Новую организацию хозяйственного управления», которая установила централизованное управление производством, во главе которого стоял министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер; были созданы отраслевые объединения и региональные структуры, в которые включили и представителей промышленников. Однако не исключалось, что после успешного завершения войны будут восстановлены нормы «контролируемого рынка»¹.

Еще одной важнейшей отраслью государственной власти и управления, в которой нацистской иерархии пришлось договариваться с прежними элитами, была военная сфера. Правительство Гитлера пресекло требования лидеров штурмовиков о подчинении СА сил рейхсвера (профессиональной 100-тысячной армии Веймарской республики). 30 июня 1934 г. СС разгромили штурмовиков в ходе «Ночи длинных ножей». Были убиты политические противники Гитлера, включая командира СА Эрнста Рёма и лидера «левых наци» Грегора Штрассера².

Гитлер, прикрываясь лживым лозунгом «Германия хочет мира» развернул тайную программу вооружений. 1 февраля 1935 г. Гитлер приказал начать строительство подводных лодок, а шесть недель спустя отказался выполнять статьи Версальского договора, ограничивавшие военные возможности Германии. Законом об обороне (Wehrverfassung), принятым 16 марта 1935 г. и введенным в действие 21 марта 1935 г., в Германии была введена всеобщая воинская обязанность. Тем самым Гитлер «разорвал оковы Версаля». В Германии вводилась всеобщая воинская повинность, на основе которой создавался вермахт — постоянные массовые вооруженные силы численностью в 500–600 тыс. человек, военно-воздушный флот (люфтваффе) в 1500 самолетов и сильный военно-морской флот (кригсмарине). В июне 1935 г. по англо-германскому морскому договору Германия могла расширить строительство своего военно-морского флота и довести его до 35% к численности британского флота.

Маскируя свои агрессивные действия, Гитлер демагогически заявлял, что воинская повинность введена им «для сохранения престижа Германии». В действительности же нацисты шли напролом к подготовке широкой агрессии за «завоевание жизненного пространства» для «арийской расы господ».

¹ Дамье В.В. Указ. соч.

² Фест А. Указ. соч., т. 2, с. 390–391.

Саркастическое высказывание Гитлера, что сухопутная армия у него христианская, люфтваффе — национал-социалистические, а кригсмарине — все еще кайзеровские, был воспринят как призыв к нацификации армии и флота. Хотя германские военнослужащие по традиции, идущей с кайзеровских времен, не состояли в политических партиях (армия служит государству, а не политикам), нацистское влияние в вермахте было очень сильным. Армия, авиация и флот присягали не рейху, не отечеству, а лично Адольфу Гитлеру.

Однако вермахт, с февраля 1938 г. подчинявшийся лично Гитлеру как фюреру и верховному главнокомандующему, в сфере профессиональной компетенции вооруженных сил обладал известной автономией. Ситуация изменилась после поражений вермахта на Восточном фронте в 1941–1943 гг. В 1943 г. власти нацисты ввели в вермахте институт «офицеров по осуществлению национал-социалистического руководства». После неудачной попытки военного переворота 20 июля 1944 г. было восстановлено членство военнослужащих в нацистской партии, вместо уставного воинского приветствия вводилось партийное «Хайль Гитлер», политические дела военнослужащих передавались из военных судов в народные суды, военная разведка (абвер) была изъята из подчинения армейского ведомства.

Ключевую роль в механизме господства нацистов играла репрессивная система. Был создан огромный и разветвленный аппарат террора, который пресекал любую оппозиционную или подрывную деятельность и держал население в постоянном страхе. В марте 1933 г. в рамках прусской полиции была создана тайная государственная полиция (гестапо), которая в апреле 1934 г. перешла в подчинение шефа СС Генриха Гиммлера¹. В 1939 г. было образовано Главное управление имперской безопасности (РСХА), в которое вошли общие СС, гестапо, служба безопасности (СД) и т.д. РСХА служило еще одним автономным центром власти нацистской партии-государства.

С марта 1933 г. началось создание концлагерей, которые также были в итоге подчинены СС. До начала Второй мировой войны через них прошло около 1 миллиона немцев. К концу войны только на территории Германии имелось 1100 концлагерей, через которые прошло 18 миллионов человек, из них 11 миллионов погибли.

В рейхе создавались специальные суды. В апреле 1934 г. высшей судебной инстанцией стала назначаемая лично Гитлером Народная судебная палата во главе с Р. Фрайслером, которого Гитлер называл «наш Вышинский». К началу Второй мировой войны Народная судебная палата вынесла приговоры 225 тыс. человек общей сложностью в 600 тыс. лет

¹ Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М., 2014.

лишения свободы, а до гибели Фрайслера 3 февраля 1945 г. под американскими бомбами — 5 тыс. официальных смертных приговоров¹.

2.6. Расизм как основа нацистского государства

В гитлеровском рейхе расизм стал не просто государственной политикой, но самой основой государства, целью которого было господство «арийской расы». Для консолидации «арийского народного сообщества» нацистам нужен был «вечный враг нации», роль которого со средних веков традиционно отводилась евреям.

До 1933 г. евреи были полноправными гражданами Германии, полностью интегрированными во все сферы жизни общества. По данным главного управления службы безопасности СС, в 1933 г. в Германии жили 672 тыс. евреев, из которых 515 тыс. исповедовали иудаизм. Таким образом, на год прихода нацистов к власти евреи составляли чуть больше 1% населения Германии, насчитывавшего более 65 миллионов человек. Несмотря на столь малый процент населения, евреи до прихода нацистов к власти играли заметную роль в общественно-политической, деловой, научной и культурной жизни страны. Среди наиболее известных в Германии и мире еврейских имен были промышленники Р. Геснер и Ф. Мандель, банкиры О. Вассерман и М. Варбург, философы Г. Коген и Э. Гуссерль, социолог Г. Зиммель, математики Г. Кантор, Г. Минковский, бактериолог П. Эрлих, химик Ф. Габер, физики А. Эйнштейн, М. Борн, Д. Франк, О. Штерн, Ф. Блох, О. Вигнер, Г. Бете, Д. Габор, Л. Сциллард, Э. Теллер, медики Б. Хаин и Г. Кребс, художник М. Либерман, писатели Э. Людвиг, Л. Фейхтвангер, А. Цвейг, режиссеры М. Рейнхардт и Г. Фукс. Евреи были лидерами социал-демократов и коммунистов: Э. Бернштейн, В. Адлер, Г. Хаазе, Э. Толлер, К. Эйсер, Э. Левине. Значительное число евреев занимало видные посты в правительстве Веймарской республики и в правительствах германских земель: В. Ратенау, Г. Ландауэр, О. Ландсберг, Г. Прейс.

Дискриминация евреев началась сразу после прихода Гитлера к власти. В апреле 1933 г. нацисты развернули кампанию бойкота против магазинов и лавок, принадлежавших евреям. В том же месяце был принят Закон о восстановлении профессионального чиновничества, преградивший «неарийцам» доступ на государственную службу; накладывались ограничения на адвокатов еврейского происхождения; началось изгнание евреев-профессоров из высших учебных заведений, а для студентов-евреев была установлена 5%-ная норма. «С 1933 г. евреи в Германии подлежат государственно-правовым ограничениям как неарийцы», —

¹ Ortner H. Der Hinrichter: Roland Freisler, Mörder im Dienste Hitlers. Wien, 1993.

разъяснялось, например, в «Народном Брокгаузе» — словаре для школы и дома¹.

Степень расовой нетерпимости нацистов с годами всё более нарастала: нацистский антисемитизм был не только религиозным, политическим или социально-бытовым, но и, прежде всего, расовым: еврейство определялось по крови. К евреям нацисты относили не только тех, чьи предки во втором колене исповедовали иудаизм или имели еврейских предков. К евреям приравнивали тысячи людей отошедших от веры или перешедших из иудаизма в другую религию, вплоть до католических священников и монахинь, а также пасторов-протестантов, чьи предки во втором колене были евреями.

15 сентября 1935 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге были провозглашены расовые законы — «О гражданстве рейха» и «Об охране германской крови и германской чести», единогласно принятые сессией рейхстага, специально созванной в Нюрнберге по случаю съезда нацистской партии.

Согласно закону «О гражданстве рейха», гражданином мог быть лишь тот, кто обладает «германской или родственной ей кровью и кто своим поведением доказывает желание и способность преданно служить германскому народу и рейху». Такая формулировка фактически означала лишение немецкого гражданства в первую очередь евреев и цыган.

Закон «Об охране германской крови и германской чести» запрещал «осквернение расы» — брак и внебрачное сожительство между евреями и «гражданами германской или родственной ей крови», наём евреями домашней прислуги из женщин «германской или родственной ей крови» моложе 45 лет, а также вывешивание евреями национального или имперского флага и использование тканей сходной расцветки. Нарушение закона влекло уголовное преследование.

14 ноября 1935 г. была принята поправка к закону о гражданстве, где было определено, кого считать евреем, и установлены категории лиц с еврейской кровью: «Евреем считается тот, у кого трое из родителей его родителей были чистокровные евреи... Евреем считается также человек, родившийся в смешанном браке, поданный государства, происходящий от двух чистокровных евреев-родителей его родителей, если он а) в момент издания закона принадлежал к иудейской общине или был принят в нее позднее; б) в момент издания закона состоял в браке с евреем или вступил в такой брак позднее; в) является внебрачным ребенком, один из родителей которого был евреем»². Потомки евреев, которые не считались

¹ Der Volks-Brockhaus. Deutsches Sach- und Sprachwörterbuch für Schule und Haus. Brockhaus F. A. Leipzig, 1938.

² Verfolgung, Vertreibung, Vernichtung. S. 113–120.

евреями, были разделены на две категории «мишлингов», в первую входили те, у кого двое из дедушек и бабушек были евреями, а во вторую те, у кого только один из дедушек или одна из бабушек были евреями.

Осенью 1937 г. началась систематическая «аризация», т.е. изъятие имущества и собственности евреев. В 1938 г. власти ввели новые принудительные меры против евреев, наложили на них «контрибуцию» и запретили им посещение театров и концертов, завершили конфискацию «еврейских предприятий». 9 ноября 1938 г. по всей стране были проведены погромы евреев («хрустальная ночь»)¹. В том же году развернулась массовая отправка в концлагеря цыган. В 1939 г. и особенно с началом Второй мировой войны нацистский расизм перешел от преследований меньшинств к их уничтожению. Уже в 1939–1940 гг. национал-социалисты приступили к депортациям и эпизодическим казням еврейского населения европейских стран: на территориях, оккупированных гитлеровскими войсками, создавались гетто, власти разрабатывали планы выселения евреев из Европы. Наконец, с 1941 г. после нападения Германии на СССР развернулось систематическое массовое уничтожение еврейского и цыганского населения. На Ваннзейской конференции 20 января 1942 г. был принят план «окончательного решения еврейского вопроса»². Всего от нацистского расового террора погибли до 6 млн. евреев и сотни тысяч цыган.

Кроме того, национал-социалистический режим планировал массовое истребление других «не арийских» европейских народов, прежде всего славян. Генеральный план «Ост» предусматривал порабощение, изгнание или уничтожение более 30 млн. поляков, русских, украинцев, белорусов и поселение на землях «упраздненной» нацистами Польши и на европейской части Советского Союза 5 млн. немцев³. «Восток отныне принадлежит СС», — заявлял рейхсфюрер СС Г. Гиммлер⁴.

В рамках политики «расовой гигиены» нацистский режим расправлялся и с теми немцами, кто, по его мнению, занимался «порчей расы» или «выродился» — «асоциальными» элементами и душевнобольными. Уже в 1933 г. были приняты законы о принудительной стерилизации «асоциальных» лиц и людей, которые, как опасались нацисты, могли дать «потомство, страдающее наследственными заболеваниями». В 1935 г. был введен аборт по генетическим и наследственным по-

¹ Хавкин Б.Л. 9 ноября 1938 г. в германской истории: дата, событие, символ // Материалы VIII Международной научной конференции “Уроки Холокоста и современная Россия”. 14–17 ноября 2013 г. Калининград, 2013.

² Verfolgung, Vertreibung, Vernichtung. S. 336–341.

³ Пикер Г., Хаффнер С. План “Ост”. М., 2011, с. 222–251; Мейер К. Генеральный план “Ост”. Берлин-Далем, 28 мая 1942 г. М., 2012.

⁴ Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М., 2014, с. 112.

казаниям, тем, кого признали больными, запрещалось вступать в брак. В 1937–1938 гг. «антисоциальных» стали в массовом порядке отправлять в концлагеря. В 1939 г. власти ввели программу эвтаназии для душевнобольных и наследственно-больных детей, в 1940 г. распространили ее на взрослых и на «антиобщественные» элементы, а в 1942 г. заключенных, принадлежавших к этой последней категории, передали СС для «уничтожения посредством труда». Всего от рук нацистов погибло не менее 70 тыс. человек, объявленных «душевнобольными».

2.7. Военная экспансия и крах нацистского режима

Нацистская доктрина, частью которой был социал-дарвинизм, объявляла внешнеполитическую экспансию естественным следствием постоянного процесса борьбы рас и народов за «жизненное пространство». «Каждое существо стремится к экспансии, и каждый народ стремится к мировому господству, — заявил Гитлер в 1930 г. — Только тот, кто держит в поле зрения эту цель, выходит на правильную дорогу».

Придя к власти, НСДАП получила возможность осуществить свою внешнеполитическую программу. Она совпадала и с интересами экономической элиты Германии, которая стремилась решить хозяйственные проблемы с помощью массированного развития военной промышленности и оттеснить зарубежных конкурентов. Действия нацистского правительства были отчетливо направлены на форсирование военного конфликта с другими государствами. Так, в 1936 г. Германия приступила к вооруженному вмешательству в гражданскую войну в Испании, а также заключила «Антикоминтерновский пакт» с Японией, к которому в следующем году примкнула Италия. Образовался блок государств, которые ощущали себя «обиженными» итогами Первой мировой войны. Опираясь на него, нацистский режим под лозунгами «воссоединения всех немцев в одном рейхе» и «защиты немецких национальных меньшинств» осуществил волну захватов в Европе: в 1938 г. аннексировал Австрию и Судетскую область Чехословакии, в 1939 г. захватил Чехию и Моравию, отторг Мемельскую область у Литвы.

Путь Гитлеру ко Второй мировой войне прокладывала политика «невмешательства» лидеров Англии и Франции — Чемберлена и Даладье, пошедших с агрессором на «Мюнхенский сговор», а также советско-германская «дружба» — пакт Молотова-Риббентропа и договор «О дружбе и границе».

1 сентября 1939 г. вермахт вторгся в Польшу. Через 16 дней, 17 сентября, восточную границу Польши перешла Красная Армия. Началась Вторая мировая война.

В 1939 – первой половине 1941 г. войска Германии и ее союзников завладели большей частью Европы. Ряд стран и территорий был непосредственно присоединен к Германскому рейху или подчинен ему. Вместо Польши возникло «Генерал-губернаторство», вместо Чехии был образован «Протекторат Богемия и Моравия». Присоединены к рейху Эльзас и Лотарингия, потеряли независимость Франция и Люксембург. В захваченных немецкими войсками Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландах, Франции, Югославии, Греции были созданы оккупационные режимы. В орбите германского влияния оказались Венгрия, Болгария, Словакия, Румыния, Финляндия. Экспедиционный корпус генерал-фельдмаршала Э. Роммеля действовал в Северной Африке.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Началась советско-германская война, ставшая для советских людей Великой Отечественной. В 1941–1942 гг. Германия захватила огромные пространства Советского Союза — вплоть до Москвы, Волги и Кавказского хребта.

Однако успехи нацистов оказались недолговечными. Столкнувшись с длительным противостоянием со стороны антигитлеровской коалиции, нацистская военная машина надорвалась. В 1942–1943 гг. силы СССР, США и Великобритании перешли в контрнаступление. К началу 1945 г. Северная Африка и большая часть Европы были очищены от германских войск.

В попытке мобилизовать все ресурсы нацистский режим провозгласил в 1943 г. «тотальную войну». Но это уже не могло спасти Третий рейх от неминуемого краха. Трудности национал-социалистической диктатуры нарастали. Зрело недовольство не только среди населения, но и в высших военных кругах, среди части старых элит и т.д. 20 июля 1944 г. группа заговорщиков предприняла попытку государственного переворота, попытавшись убить Гитлера и свергнуть нацистское правительство, но выступление было жестоко подавлено¹. К маю 1945 г. германские вооруженные силы были разгромлены, а территория Германии занята армиями союзников. Национал-социалистический режим был повержен силами антигитлеровской коалиции. Однако было бы неверно игнорировать роль германского Сопротивления в борьбе против Гитлера.

¹ Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // Родина, 2004, № 6.

3. Германское антигитлеровское сопротивление

3.1. Основные тематические комплексы материалов по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления

В движении внутригерманского Сопротивления (определение понятия «Сопротивление» было дано во «Введении») участвовали разные личности и группы. Это были узник нацистских тюрем, лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман и коммунисты из организации Зефкова-Якоба-Бестлейна и «Красной помощи» Германии; Юлиус Лебер и социал-демократы из «Немецкого народного фронта»; национал-большевик Эрнст Никиш, крайне левые и анархисты из «Коммунистической партии — оппозиции» и «Антинацистского немецкого народного фронта»; профсоюзные деятели Вильгельм Лейшнер и Якоб Кайзер и активисты из «Рабочего комитета свободного профсоюза горняков» и «Комитета действий металлургов Берлина»; евреи из берлинской группы Герберта Баума; немцы, помогавшие евреям спастись от Холокоста; немецкие супруги евреев, арестованных для депортации в концлагеря, которые в 1943 г. устроили демонстрацию на Розенштрассе в Берлине и добились освобождения своих жен и мужей. Среди участников антигитлеровского Сопротивления были студенты из «Белой розы» и группы «Пираты Эдельвейса»; лютеранские священники Дитрих Бонхеффер и Мартин Нимеллер и католический епископ К. фон Гален, аристократы и интеллектуалы из «Кружка Крайсау», лидерами которого были Хельмут Джеймс граф фон Мольтке и Петер Йорк фон Вартенбург; консервативные политики Карл Фридрих Герделер, Ганс Бернд Гизевиус; дипломаты — граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, Адам фон Тротт цу Зольц; члены берлинской группы Харро Шульце-Бойзена – Арвид Харнака и других ячеек «Красной Капеллы», деятели Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и Союза немецких офицеров (СНО) Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, Фридрих Паулюс, Г. фон Айнзи-

дель, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, И. Бехер, В. Бредель; маршалы, генералы и офицеры вермахта Э. фон Вицлебен, Х. фон Тресков, К. фон Штауффенберг, К.-Х. фон Харденберг, В. фон Хефтен и другие. Эти организации были созданы на территории СССР и вели активную антигитлеровскую пропаганду.

Мы рассмотрим историю и историографию германского антигитлеровского Сопротивления на примере следующих тематических комплексов: «Коммунистическое Сопротивление», «Красная Капелла», «Национальный комитет “Свободная Германия”», «Консервативная оппозиция и заговор против Гитлера».

3.2. Коммунистическое Сопротивление

В последние годы тематика «немецкого коммунистического Сопротивления», которая в советские времена господствовала в отечественной литературе, почти исчезла из поля зрения российских историков, несмотря на то, что перестроечные тенденции «гласности» и устранения «белых пятен» в истории были особенно заметны в этом тематическом комплексе.

В 1933–1935 гг. в Германии шел процесс консолидации власти Гитлера, сращивания НСДАП и государства и создания основ нацистской диктатуры. Веймарская политическая система была уничтожена, многопартийность ликвидирована. На оппозиционные запрещенные политические партии, прежде всего коммунистов и социал-демократов, обрушился нацистский террор. Коммунисты были обвинены в поджоге рейхстага, а КПГ — запрещена. На начало 1933 г. из 300 тыс. членов КПГ около половины подверглись преследованиям, были брошены в тюрьмы и концлагеря. Жертвами нацистов стали 222 руководящих члена КПГ¹. 3 марта 1933 г. был арестован председатель КПГ Э. Тельман.

Однако на Лейпцигском процессе 1933 г. по делу о поджоге рейхстага, несмотря на все усилия Г. Геринга, обвиняемые болгарские коммунисты Г. Димитров, В. Танев и Б. Попов и заместитель председателя парламентской фракции КПГ в рейхстаге Э. Торглер были оправданы. Единственным обвиняемым, кому был вынесен смертный приговор, был голландский коммунист М. Ван дер Люббе.

Оправданные болгарские коммунисты получили советское гражданство; Г. Димитров, прославившийся на весь мир своей мужественной

¹ Репрессиям немецкие коммунисты подвергались не только в Германии. Из 1400 проживавших в СССР ведущих немецких коммунистов во время Большого террора в 1937–1938 годах погибло 178 человек — Weber H. *Hotel Lux: die deutsche Kommunistische Emigration in Moskau // Die politische Meinung*. 2006. № 443. S. 55–61.

борьбой на Лейпцигском процессе против Геринга и фактически превратившийся из обвиняемого в обвинителя нацистов,¹ эмигрировал в СССР и в 1935 г. был избран Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна.

Э. Торглер после освобождения работал на фирме «Электролюкс» и сотрудничал с гестапо. В 1935 г. он был исключен из компартии за сотрудничество с нацистами. Во время войны Торглер служил в геббельсовском министерстве пропаганды, был ведущим радио «Старая гвардия Ленина», вещавшего на СССР². Торглер выступал за сотрудничество коммунистов с левыми нацистами; он утверждал, что в 1934 г. лидер нацистских штурмовиков Э. Рем в случае успеха задуманного им путча против Гитлера был готов ввести коммунистов в состав правительства³.

Случай Торглера не был единичным. По воспоминаниям немецкого журналиста и историка С. Хафнера, в марте 1933 г. сразу сотнями тысяч в нацистскую партию вступали «рабочие из социал-демократических или коммунистических организаций. Причины, по которым они это делали, были различны, и часто это был целый клубок причин [...] Самая простая причина — почти всюду, если хорошо копнуть, самая глубинная, — страх: участвовать в избиениях других, чтобы не быть избитым. Затем: немного неясный восторг, восторг единения, магнетизм массы. Далее: у многих отвращение и мстительность по отношению к тем, кого они бросили на произвол судьбы. Далее: странная немецкая черта — этот ход мыслей: “Все прогнозы противников нацистов оказались неверны. Они утверждали, что нацисты не победят. Но они победили. Итак, их противники были неправы. А значит нацисты правы”. Далее: у некоторых (особенно у интеллектуалов) — вера в то, что еще можно изменить лицо нацистской партии и сменить ее направление, войдя в нее самим. Затем, само собой разумеется, также настоящее обычное попутничество и конъюнктурный образ мыслей. Наконец, [...] процесс, который мог происходить в мифические времена — когда побежденное племя отрекалось от своего, очевидно, “неправильного” бога и выбирало бога победоносного вражеского племени своим покровителем»⁴.

Одна из названных Хафнером причин — «вера в то, что еще можно изменить лицо нацистской партии и сменить ее направление, войдя в нее самим» отразилась в политической линии коммунистов, названной «тактикой троянского коня» — вступлением в массовые нацистские

¹ Димитров Г.М. Лейпцигский процесс: речи, письма и документы. М., 1961.

² Ковалёв Б. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.

³ Der Spiegel. 1959. № 45. S. 66.

⁴ Haffner S. Geschichte eines Deutschen // История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. М., 2008. С. 237–238.

организации с целью их «разложения изнутри». Однако на практике не коммунисты «разлагали изнутри» нацистские организации, а эти организации «переваривали» коммунистов, превращая их в нацистов.

3.2.1. Стратегия и тактика антинацистской борьбы КПГ

Коммунисты в своей борьбе руководствовались решениями Коминтерна, отказавшегося от концепции «социал-фашизма», согласно которой главным врагом коммунистов объявлялись не нацисты, а «социал-фашисты», т.е. социал-демократы. В июле 1935 г. на VII Конгрессе перешел к тактике «единого фронта» коммунистов и социал-демократов и народного фронта борьбы против фашизма и угрозы войны¹. Решения VII Конгресса Коминтерна легли в основу новой линии КПГ, выработанной в эмиграции на конференции КПГ, состоявшейся 3–15 октября 1935 г. в Кунцево под Москвой и в целях конспирации названной Брюссельской².

С основным докладом на Брюссельской партконференции выступил В. Пик, избранный председателем КПГ на время заключения Тельмана. В докладе Пика подчеркивалось, что КПГ после поражения германского рабочего класса в январе 1933 г. не сумела правильно поставить и решить вопросы борьбы за единство рабочего класса, допустила ряд ошибок в отношении к социал-демократам, роль которых после прихода гитлеровцев к власти существенно изменилась. Для работы внутри массовых нацистских организаций была разработана «тактика троянского коня» — проникновение в эти организации и их «разложение изнутри»³. На конференции были приняты резолюция «Новый путь к совместной борьбе всех трудящихся за свержение гитлеровской диктатуры» и манифест «К трудящемуся немецкому народу», в которых ставилась задача создания единого рабочего и народного антифашистского фронта для свержения гитлеровской диктатуры, предотвращения войны и построения свободной, демократической Германии. Брюссельская конференция обратилась с призывом к немецкому рабочему классу и международному пролетариату приложить все силы для освобождения Э. Тельмана⁴.

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935. С. 15.

² Die Brüsseler Konferenz der KPD (3.–15. Oktober 1935). Berlin, 1975.

³ Pieck W. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampfe für den Sturz der Hitlerdiktatur: Referat und Schlußwort auf der Brüsseler Parteikonferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands (Oktober 1935). Anhang: Resolution und Manifest der Partei-Konferenz. Strasbourg, 1935; Mammach K. Widerstand 1933–1939. Berlin, 1984. S. 111.

⁴ Florin W. Wie stürzen wir Hitler? Der Weg zur Einheitsfront und zur antifaschistischen Volksfront in Deutschland. Rede und Schlußwort auf der Brüsseler Konferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands (Oktober 1935). Strasbourg, 1935; Die Brüsseler Konferenz der KPD (3.–15. Oktober 1935). Berlin, 1975.

В рамках антинацистского движения на территории Германии действовали подпольные группы Сопротивления. После Брюссельской конференции подпольные организации КПГ стали теснее связываться с различными слоями трудящихся, с представителями других партий — социал-демократами, католиками, а также беспартийными антифашистами. В листовках и брошюрах компартии подчеркивалась общность интересов рабочих, крестьян и ремесленников — коммунистов, социал-демократов и католиков — в борьбе против фашизма, за предотвращение войны, за демократическую Германию¹.

Вместе с другими антигитлеровскими силами коммунисты вели борьбу против нацистского правительства². В берлинском районе Нойкёльн, например, с 1936 г. энергично работала боевая группа антифашистов во главе с коммунистом печатником Г. Капелле. Около 60 человек — коммунисты, комсомольцы, социал-демократы и католики — выпускали и распространяли антигитлеровские издания, помогали семьям жертв кровавого фашистского террора. В многочисленных листовках молодые борцы Сопротивления предупреждали немецкую молодежь об угрозе войны и призывали к решительной борьбе против гитлеровского режима. Активно работала подпольная молодежная организация, возглавляемая В. Тиссом. В Крейцберге (Берлин) коммунисты и комсомольцы, члены союза социалистической молодежи и бывшие члены профсоюзов с риском для жизни составляли и распространяли листовки, устанавливали связи с антифашистами, находившимися за границей. Тисс и его товарищи были казнены нацистами в 1943 г.³

О масштабах антигитлеровской борьбы можно судить и по тому, что только за 1936 г., по официальным отчетам гестапо, в рейхе было арестовано за нелегальную деятельность в коммунистических и социал-демократических организациях около 12 тыс. человек. С каждым годом в Германии усиливался нацистский террор. По данным гестапо, за один только май 1938 г. арестовано было 410 коммунистов, 29 социал-демократов, 158 других «врагов народа», 38 членов католических организаций, 198 евреев⁴.

Компартия Германии решительно поддержала призыв одной из крупных берлинских подпольных организаций социал-демократов, которая в конце 1936 г. обратилась ко всем антифашистам страны — коммунистам, социал-демократам и беспартийным — с манифестом. Эта орга-

¹ Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933–1945). М., 1964. С. 133.

² Mammach K. Widerstand 1933–1939. S. 162–208.

³ Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933–1945). С. 128–129.

⁴ Там же. С. 135; Pechel R. Deutscher Widerstand. Erlenbach-Zürich, 1947. S. 11.

низация, во главе которой стоял О. Брасс¹, впоследствии перешедший в ряды КПГ, получила название «Группа 10 пунктов»; она выдвинула предложение объединить все коммунистические, социал-демократические и другие антинацистские ячейки Сопротивления в единый «немецкий народный фронт» на основе 10 требований: «1. Свержение и уничтожение гитлеровской диктатуры. 2. Право и справедливость для всех. 3. Ликвидация кровавой юстиции. 4. Освобождение политических заключенных. 5. Свобода мировоззрения и верований; защита свободы совести, печати, собраний и объединений. 6. Полное самоуправление и самоопределение немецкого народа в обновленном государстве политической, хозяйственной и социальной демократии. 7. Прекращение гонки вооружений, сокращение сроков военной службы, проведение разоружения. 8. Мир и дружба со всеми народами. 9. Обеспечение подъема сельскохозяйственного производства путем создания свободных товариществ. 10. Национализация банков, тяжелой промышленности и энергетического хозяйства»². В апреле 1937 г. ЦК КПГ одобрил 10 пунктов в качестве основы для образования немецкого народного фронта и обратился к коммунистам с призывом вступить в переговоры с социал-демократами и католиками³.

Выполняя одно из наиболее важных решений Брюссельской конференции о борьбе за объединение всех демократических антифашистских сил, КПГ выступила инициатором создания Комитета германского народного фронта. В ноябре 1935 г. в Париже и Праге состоялись совещания коммунистов с руководителями социал-демократических оппозиционных групп и прогрессивными деятелями науки, литературы и искусства. В совещаниях принимали участие коммунисты, социал-демократы, католики, представители буржуазных партий. В течение предшествовавших лет была создана основа для сотрудничества коммунистов и других демократических антинацистских сил в эмиграции. Борьба за освобождение Г.М. Димитрова, Э. Тельмана и других политических узников нацизма объединила противников гитлеровского режима различных политических направлений, убеждений и взглядов.

На основе этих первых успехов в Париже в отеле «Лютеция» начались регулярные встречи коммунистов, социал-демократов и беспартийных интеллигентов. Через некоторое время по инициативе КПГ был образован Комитет по подготовке германского народного фронта, который возглавил выдающийся писатель-антифашист Г. Манн. Первое крупное

¹ Lorenz G. "Leitstern" Sozialismus: die politische Biografie des Remscheider Arbeiterführers Otto Braß (1875–1950) und seines Sohnes Otto (1900–1972). Essen, 2010.

² Schmidt W.A. Damit Deutschland lebe: ein Quellenwerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf 1933–1945. Berlin, 1959. S. 280–281.

³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966. Bd. 5. S. 182.

совещание Комитета состоялось в декабре 1935 г. Коммунисты подробно изложили идею народного фронта. В феврале 1936 г. состоялось новое совещание, на котором было принято «Обращение к немецкому народу» против военных провокаций гитлеровского фашизма. Под «Обращением» было собрано 118 подписей. Вместе с руководителями КПП над созданием народного фронта энергично работали и некоторые лидеры левых социал-демократов. Видный деятель германского рабочего движения Р. Брейтшейд был одним из первых руководящих деятелей СДПГ, который осознал необходимость совместной работы с коммунистами. Он активно участвовал в деятельности Комитета по подготовке народного фронта. В июне 1936 г. ЦК КПП рассмотрел вопрос о ходе переговоров в Париже, одобрил линию представителей компартии, соответствовавшую брюссельским решениям, и кратко сформулировал задачу народного фронта: борьба за антифашистскую, демократическую республику¹.

В. Пик по поручению ЦК КПП сделал в Комитете в июне 1936 г. заявление о политической платформе народного фронта в Германии. Ее основными требованиями были спасение Германии от надвигающейся катастрофы, свержение гитлеровской диктатуры, создание и укрепление демократической республики, свободной и счастливой Германии.

На этой основе коммунисты предложили выработать платформу германского народного фронта. Дискуссия в комиссии по подготовке этого документа выявила, однако, противоречивость взглядов на народный фронт: правые социал-демократы считали требование демократической республики лишь тактическим маневром КПП. Сойтись на определенной платформе не удалось. Тогда вместо платформы на одном из совещаний в декабре 1936 г. по предложению В. Пика был принят манифест к германскому народу «За мир, свободу и хлеб!»², где в общих чертах были изложены требования народного фронта и мероприятия, которые необходимо осуществить после свержения нацистской диктатуры.

«Будучи убеждены в том, что сокрушить коричневую тиранию можно лишь объединением усилий всех немцев, готовых бороться за свободу и за свои права. Мы призываем наших соотечественников в Германии и за ее пределами объединиться в едином немецком Народном фронте»³. Под этим первым программным документом немецкого Народного фронта стояли подписи В. Пика, В. Ульбрихта, В. Флорина, В. Кённа, деятелей социал-демократической партии Р. Брейтшейда, А. Браунталя, Т. Зендер, З. Ауфхойзера, А. Гржезинского, писателей-по-

¹ Rundschau. 1936. № 33. S. 1340, 1357, 1358.

² Mammach K. Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung, 1933–1939. Berlin, 1974. S. 244.

³ Ibid. S. 164.

литэмигрантов Лиона Фейхтвангера, Генриха Манна, Иоганнеса Бехера, Арнольда Цвейга, Бодо Узе, Эгона Эрвина Киша.

В майской 1938 г. резолюции ЦК КПП отмечалось, что, несмотря на некоторые успехи, уровень антифашистской борьбы все еще не позволяет свергнуть гитлеровский режим. Для выполнения этой задачи должны объединиться все друзья мира и демократии, все коммунисты, социал-демократы, католики, протестанты и все другие враги Гитлера. ЦК КПП заявил, что внешняя политика гитлеровского режима направлена не на обеспечение безопасности, жизненных интересов и национальной чести Германии, а на покорение других народов, подавление рабочего движения и всех демократических сил в Европе. Эта политика служит только классовым интересам германского монополистического капитала в его погоне за прибылью, а вынашиваемые им планы установления господства над Европой ведут к войне. «Это была бы самая страшная война... Она неизбежно закончилась бы поражением Германии». ЦК КПП призвал к борьбе за сохранение мира и вывод фашистских войск из Австрии и Испании, за прекращение угроз гитлеровцев в адрес Чехословакии и расторжение военного пакта Германии с Италией и Японией¹.

Немецкие патриоты вели борьбу против фашизма не только в Германии, хотя это был ее главный участок, но и в других странах. На фронтах гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. столкнулись две Германии: нацистский рейх, оказывавший военную помощь мятежникам генерала Ф. Франко, и немецкие антифашисты, сражавшиеся на стороне республиканской Испании. Среди наиболее боеспособных сил республиканцев были возглавляемые коммунистами интернациональные бригады и батальоны: немецко-австрийская XI интербригада под командованием М. Штерна (он же генерал Э. Клебер), XIII интербригада В. Цайссера, батальон имени Эрнста Тельмана, которым командовал Л. Ренн. Общая численность немецких добровольцев-интернационалистов в Испании составила примерно 6 тыс. чел.; половина из них пала смертью храбрых на полях сражений². Поражение республиканцев в гражданской войне в Испании означало усиление фашистской опасности в мире.

Тактику единого антифашистского и народного фронта развила конференция КПП, которая прошла 30 января – 1 февраля 1939 г. во Франции под Парижем и в целях конспирации была названа Бернской. Развивая решения Брюссельской партконференции, Бернская конференция КПП выработала платформу совместных действий коммунистов и со-

¹ Die Rote Fahne. 1938. № 5; Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933–1945). С. 154.

² Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма 1939–1945. М., 1987. С. 42–47.

циал-демократов для свержения Гитлера и создания новой, демократической республики. Эта платформа должна была стать основой объединения обеих партий рабочего класса. КПГ рекомендовала поставить на обсуждение вопрос о создании единой партии, предложила коммунистам и социал-демократам высказаться по этому вопросу и, не дожидаясь решений в общепартийном масштабе, практически добиваться единства действий на местах¹.

На Бернской конференции были разоблачены нацистские лозунги «Великой Германии» и «праве немецкого народа на самоопределение», выдвинутые гитлеровцами как предлог для осуществления своих завоевательных планов, направленных против других народов с целью нового империалистического передела мира. «На Западе, как и на Востоке, — говорилось в резолюции Бернской конференции, — гитлеровский режим создал такое положение, при котором немецкий народ внезапно может оказаться ввергнутым в катастрофу войны. Эту войну ему придется вести против мощного фронта всех народов, которые либо уже подверглись нападению Гитлера и держав оси, либо находятся под постоянной угрозой такого нападения»². В силу названных причин свержение власти Гитлера как главного поджигателя войны объявлялось национальным долгом немцев.

Бернская конференция КПГ заклеимила антисоветскую политику гитлеровского режима как «подлое предательство национальных интересов Германии»³. Партконференция КПГ заявила, что «политика гитлеровского режима, направленная против Советского Союза, является самым подлым предательством национальных интересов Германии. Советский Союз после поражения Германии в мировой войне был, несмотря на варварские действия армий кайзера Вильгельма на Украине, единственным другом Германии, непримиримым противником Версальского диктата, который Ленин и Сталин назвали несовместимым с величием немецкого народа. Советский Союз доказал за время своего существования, что с его стороны Германии никогда не угрожает опасность. Советский Союз дал во времена изоляции Германии в результате Версальского договора германской экономике миллиардные заказы, что обеспечило занятость сотен тысяч рабочих. В Советском Союзе трудящиеся с восхищением читают бессмертные труды великих немецких гениев. Советский Союз с его 180-миллионным населением, с мощной социалистической промышленностью и сельским хозяйством, с не-

¹ Die Berner Konferenz der KPD, 30. Januar – 1. Februar 1939. Berlin, 1974. S. 138–143.

² Ibid. S. 117; Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands: eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946. Berlin, 1954. S. 383.

³ Die Berner Konferenz der KPD. S. 121.

исчерпаемыми сырьевыми и продовольственными ресурсами, с его огромными золотыми запасами и сильнейшей армией мира, испытанной в многолетней дружбе с немецким народом, пользующийся любовью среди немецкого рабочего класса — непримиримый враг угнетения других народов. Вести враждебную политику против такой страны и гнать немецкий народ на войну против такой страны — это политика национальной катастрофы. Немецкий народ должен также понять, что реакционный крупный капитал в Англии и Франции пытается использовать Гитлера в качестве жандарма, а немецкий народ в качестве пушечного мяса в войне против Советского Союза, преследуя цель ослабить не только Советский Союз, но и Германию... Немецкий народ никогда не должен дать себя заставить воевать против социалистического Советского Союза. В случае войны он должен и сможет использовать все средства, чтобы в результате самостоятельных действий в союзе с Красной Армией свергнуть фашизм и завоевать мир и свободу Германии... Коммунистическая партия Германии заявляет, что если, несмотря на все усилия противников Гитлера, не удастся предотвратить провоцируемую Гитлером против других народов войну, то национальные интересы немецкого народа требуют того, чтобы, используя все средства, как можно скорее свергнуть Гитлера и окончить ее»¹.

Призывая всех действительно патриотически настроенных немцев объединиться для совместной борьбы против войны, КПГ опиралась на уроки, извлеченные из сентябрьского кризиса 1938 г., когда в Германии «антивоенные настроения оказались даже сильнее террора» нацистов². Как отмечал член подпольного руководства КПГ О. Винцер, «в ряде мест население явочным порядком стало осуществлять свободу собраний и открыто выражало свое мнение. Сопротивление войне приобрело сразу широкий размах и приняло весьма разнообразные формы. Это было беспрецедентным явлением при гитлеровском режиме. Имели место даже случаи прекращения работы, собраний в заводских столовых, актов саботажа на крупных военных заводах и другие формы сопротивления. Среди крестьян, мелкой буржуазии и среди широких буржуазных кругов проявлялось недовольство вплоть до открыто враждебного отношения к надвигающейся войне»³.

В то же время, сентябрьский кризис 1938 г. показал, как отмечалось в резолюции Бернской конференции «Единый фронт и создание единой партии германского рабочего класса», что рабочий класс не сумел возглавить широкую народную оппозицию военной политике Гитлера.

¹ Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Berlin, 1954. S. 383–400; Die Berner Konferenz der KPD. S. 121–122.

² Винцер О. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956. С. 119.

³ Там же. С. 119–120.

Антифашисты должны сделать отсюда вывод: «лишь единый фронт всего рабочего класса и объединение всех противников Гитлера в народном фронте создадут предпосылки для успешной борьбы за мир и для свержения гитлеровского режима»¹.

Бернская конференция КПГ адресовала «свой пламенный привет вождю партии, дорогому товарищу Эрнсту Тельману» и заявила, что «коммунисты и впредь будут вести свою работу с той стойкостью, преданностью делу и неиссякаемой уверенностью в победе, которую он воспитал в нас»². Коммунисты дважды, в 1934 и 1937 гг., предпринимали безуспешные попытки вырвать Эрнста Тельмана из тюрьмы. Благоприятная ситуация для освобождения Тельмана сложилась в 1939–1941 гг.

3.2.2. Разоблачение коммунистами подготовки гитлеровской агрессии

Антинацистская борьба КПГ имела много аспектов. Одним из важнейших из них в международном плане было разоблачение подготовки гитлеровской агрессии против Европы. В Париже по инициативе ЦК КПГ было основано издательство “Editions du Carrefour”, в котором в 1934 г. вышла в свет подписанная псевдонимом Дороти Вудман книга «Гитлер рвется к войне. Документальные разоблачения гитлеровских тайных вооружений»³. Автором этой работы, рисовавшей обширную картину тайных германских вооружений, был немецкий коммунист Альберт Шрейнер⁴, находившийся в эмиграции во Франции.

Книга Шрейнера была сразу отмечена мировой общественностью. В 1935 г. она была издана в Москве на русском языке под названием

¹ Die Berner Konferenz der KPD. S. 138–143; Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. S. 389.

² Die Berner Konferenz der KPD. S. 146.

³ Hitler treibt zum Krieg: Dokumentarische Enthüllungen über Hitlers Geheimrüstungen. Paris, 1934.

⁴ Шрейнер (Schreiner) Альберт (1892–1979), немецкий историк (ГДР). В молодости рабочий-металлист. В 1910 г. вступил в СДПГ (примыкал к её левому крылу), в 1919 г. — в КПГ, участвовал в издании работ по истории германского рабочего движения. После прихода в Германии к власти нацистов в 1933 г. — в эмиграции (до 1946 г.). В 1936–1938 гг. сражался в рядах Интернациональных бригад в Испании, был начальником штаба 13-й Интербригады. С 1950 г. работал в Музее германской истории в Берлине, Институте истории АН ГДР, Институте общественных наук при ЦК СЕПГ. Основные труды по истории внешней политики Германии, о влиянии Октябрьской революции 1917 г. на Германию. Лауреат Национальной премии ГДР 1952 г. — Kössler T. Schreiner Albert Hermann // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 2007. Bd. 23. S. 537–538.

«Германия вооружается»¹. Советский историк А.С. Ерусалимский писал о вскрытии автором этой книги «механики милитаризации, охватившей все стороны жизни фашистской Германии». В очерке А.С. Ерусалимского «Начало перевооружения фашистской Германии и переговоры с западными державами (по следам событий)» приводится данная Шрейнером оценка положения дел в Германии: «создание в гигантских масштабах массовой армии, использование в милитаристских целях 60-миллионного народа, лихорадочная поспешность, с какой все это проводится в жизнь, цель, к которой направлена вся эта деятельность, — все это неизбежно ведет к одному результату, и этот результат — война»².

За первой книгой Шрейнера последовала вторая, разоблачавшая подготовку нацистами войны в воздухе и создание военно-воздушных сил — люфтваффе. В 1935 г. в Париже эта работа была издана на немецком языке под псевдонимом Дороти Вудман и называлась «Гитлеровский воздушный флот готов к старту»; в том же году она была издана в по-русски в СССР под названием «Воздушные вооружения Германии»³. В 1936 г. в Париже под псевдонимом Мюллер вышла в свет новая работа Шрейнера «Гитлеровская моторизованная ударная армия», содержавшая предупреждение: «не слушайте лицемерные мирные заверения фюрера третьего рейха, смотрите на его дела»⁴. Различными путями, прежде всего через Швейцарию, книги Шрейнера проникали в Германию; многие их экземпляры были по почте отправлены офицерам рейхсвера.

Таким образом, уже через год после прихода к власти в Германии нацистов, завеса, скрывавшая от глаз людей гитлеровские военные приготовления, пала. Работа «Гитлер рвется к войне» стала, как подчеркивали историки Л. Бертольд и Д. Ланге (ГДР), «первым фундаментальным разоблачением политики войны, проводимой гитлеровским режимом»⁵.

Однако была ли эта книга первой? Еще в 1934 г. в лондонском издательстве “Dent” вышел в свет на английском языке памфлет Эрнста Генри «Гитлер над Европой?»⁶. Книга была переведена на ряд европейских языков. В русских изданиях 1935 и 1937 гг. она названа переводом

¹ Вудман Д. Германия вооружается. М., 1935.

² Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. М., 1964. С. 358–359.

³ Woodman D. Hitlers Luftflotte Startbereit. Paris, 1935; Вудман Д. Воздушные вооружения Германии. М., 1935.

⁴ Müller A. Hitlers motorisierte Stoßarmee. Paris, 1936. S. 31.

⁵ Antifaschistische Literatur in der Bewährung / hrsg. von L. Berthold und D. Lange. Berlin, 1978. Bd. 1: Hitler treibt zum Krieg. S. 511.

⁶ Henri E. Hitler over Europe? London, 1934.

работы английского журналиста, хотя издатели, разумеется, знали, что Эрнст Генри — не только немецкий коммунист, но и наш соотечественник. Прожив почти 15 лет в Германии и покинув ее в 1933 г., он, переехав в Англию, писал свои труды по-немецки.

Эрнст Генри (1904–1990) — Лейба (Леонид) Абрамович (Аркадьевич) Хентов, он же Семён (Симон) Николаевич Ростовский, он же Аркадий Лосев, он же А. Леонидов — родился в Витебске. Леонид Хентов был сыном разбогатевшего еврейского коммерсанта Абрама Хентова, которого Первая мировая война застала в Гамбурге, где тот был по делам своей фирмы. Хентов был интернирован как русский подданный и после войны остался в Германии. В 1919 г. 15-летний сын Хентова, получивший в Киеве советский паспорт, приехал к отцу. В Берлине Леонид Хентов был связан с группой немецкого комсомола «Молодая Гвардия» и организаторами Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) журналистом Вилли Мюнценбергом и писателем Альфредом Куреллой. Леонид стал курьером КИМа, вступил в КПГ, стал сотрудничать с коммунистической печатью. В 1922 г. в отделе международных связей Коминтерна ему «сделали» советский паспорт на имя Семёна Николаевича Ростовского, родившегося в 1900 г. в Тамбове, с которым он прожил всю оставшуюся жизнь¹.

В выборе псевдонима «Эрнст Генри», как С.Н. Ростовский рассказывал историку Я.С. Драбкину, был и некий конспиративно-романтический аспект: придумать его помогала бывший личный секретарь писателя-фантаста Герберта Уэллса писательница Амабел Уильямс-Эллис. Найден был специально такой, который скрывал национальность автора: Эрнст Поль Генри подходил и немцу (от Генриха) и французу (читалось: Анри). Позднее он приобрел также английскую форму написания: “Ernst Henry”. Вдобавок имя Эрнст значило по-немецки «серьезный». Впоследствии эта полушутка с псевдонимом обернулась для автора реальной смертельной угрозой. Когда гитлеровцы планировали высадку вермахта в Англии (операция «Морской лев»), то в составленном гестапо черном списке лиц, подлежащих аресту, где первым значился Уинстон Черчилль, а вторым архиепископ Кентерберийский, числился и Эрнст Генри с примечанием, что адрес его неизвестен. Этот трофейный немецкий документ демонстрировался после войны на Нюрнбергском процессе².

Нехитрая маскировка личности автора псевдонимом была продиктована желанием Эрнста Генри и немецких коммунистов раскрыть — прежде всего перед западным читателем — смертельную опасность, какую

¹ Драбкин Я.С. Наш человек в XX веке // Генри Эрнст. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М., 2004. С. 477.

² Там же. С. 473.

представляла для народов Европы и мира все более агрессивная политика недавно пришедшего к власти в Германии диктаторского режима Гитлера и его партии национал-социалистов. Тем более, что Гитлер с начала 1933 до весны 1935 г. прятал свои агрессивные намерения под живым лозунгом «Германия хочет мира»¹.

Книги Эрнста Генри имели сенсационный успех. А. Эйнштейн, гениальный физик, вынужденный эмигрировать из нацистской Германии, высоко оценив исследовательский и публицистический талант Генри, написал о первой книге, что «многому из нее научился», и добавил: «Если эта книга встретит такое понимание, какого заслуживает, то ее воздействие на развитие отношений в Европе может стать благотворным». Известный британский философ Б. Рассел лаконично заметил: «Исключительно интересно и ценно»².

Вторая книга Эрнста Генри «Гитлер над Россией», впервые была издана в 1936 г. в Англии, затем переиздана в США, Франции и Голландии³. В СССР книга получила название «Гитлер против СССР»; она вышла в свет по-русски в 1937 и 1938 гг.⁴

Как отмечал Я.С. Драбкин, «старшее поколение советских читателей, пережившее все испытания Великой Отечественной войны, лучше всего сохранило в памяти те главы этой книги, где автор обстоятельно, на основе скрупулезного сопоставления множества привлеченных им документов и материалов, анализировал “новый германский стратегический план” ведения Гитлером агрессивной войны против СССР. Генри называл его “планом Гофмана”, хотя антисоветски настроенный генерал умер еще в 1927 г.»⁵.

Генри не разделял официального мнения, что Красная Армия не пустит врага на территорию своей страны, а разобьет его на чужой земле. «Однако в духе тогдашнего советского оптимизма война виделась ему сравнительно краткосрочной, поначалу преимущественно воздушной и состоящей из пяти стадий. На первой “Гитлер наступает, имея первой целью Ленинград и Киев, второй целью Москву, третьей — пан-европейскую империю нового тевтонского ордена”. На второй стадии — фашистская армия отброшена; на третьей — социалистическая армия развивает сокрушительное контрнаступление; на четвертой нач-

¹ Dokumente der deutschen Politik. Berlin. 1941. Bd. 1. S. 4; Bd. 2. S. 96–154.

² Цит. по: Драбкин Я.С. Эрнст Генри — “наш человек в XX веке” // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 177.

³ Henri E. Hitler over Russia? London, 1936.

⁴ Генри Э. Гитлер против СССР: грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями. М., 1937.

⁵ Драбкин Я.С. Эрнст Генри — “наш человек в XX веке” // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 178.

нется “великая антифашистская революция в Германии”; на последней — бегство и гибель Гитлера и его сообщников»¹.

Генерал-полковник П.А. Белов вспоминал о впечатлении, которое в 1938 г. произвела на него книга «Гитлер против СССР». А затем также и об удивлении, испытанном им в начале войны, когда эта книга вообще исчезла из обихода, а высказанные в ней важнейшие соображения о планах германского наступления, очевидно, не были должным образом оценены и использованы Генштабом Красной Армии².

3.2.3. Письма Тельмана Сталину и Молотову 1939–1941 гг.

В Архиве Президента Российской Федерации хранятся письма председателя Коммунистической партии Германии (КПГ) Эрнста Тельмана Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и председателю Совета народных комиссаров и наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову, написанные в нацистской тюрьме³.

Эрнст Тельман, один из руководителей германского и мирового коммунистического движения, родился 16 апреля 1886 г. в Гамбурге⁴. С 16 лет он работал грузчиком в гамбургском порту. В 1903 г. вступил в Социал-демократическую партию Германии. Был солдатом первой мировой войны. С 1920 г. он член КПГ, активный участник гамбургского восстания 1923 г. Депутат рейхстага с 1924 г. В 1925 г. был избран председателем КПГ и председателем Союза красных фронтовиков. Член Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). Дважды был кандидатом на пост рейхспрезидента: на президентских выборах в марте — апреле 1925 г. он получил 1,9 млн.; в первом туре в

¹ Драбкин Я.С. Эрнст Генри — “наш человек в XX веке”. С. 178.

² Там же; Белов П.А. За нами Москва. М., 1963. С. 11.

³ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 1–148; Незвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову, 1939–1941 гг. / предисл. и коммент. В.С. Рыкина, Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 76–111; 1997. № 1. С. 75–106; № 2. С. 87–112; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. М., 2014. С. 103–175.

⁴ Отец Эрнста Тельмана Иоганнес Тельман, родом из гольштейнских крестьян, в 1880 г. приехал в Гамбург, где в 1884 г. женился на дочери плотника Марии Магдалене Копайс. Иоганнес работал кучером в экспедиционной конторе и в 1885 г. получил подданство “свободного ганзейского города” Гамбурга. Вскоре после рождения Эрнста его родители стали владельцами небольшой пивной рядом со своим домом на улице Альтерваль недалеко от порта. В середине 90-х гг. XIX в. семья Иоганнеса Тельмана открыла зеленную лавку в районе Айльбек, где и прошло детство Эрнста. После окончания народной школы в 1900 г., Эрнст два года помогал родителям в лавке, а затем ушел из дома и начал самостоятельную жизнь. — Эрнст Тельман: биография. М., 1984. С. 10–11.

марте 1932 г. — почти 5 млн., во втором туре в апреле 1932 г. — 3,7 млн. голосов граждан Германии¹.

Руководимая Тельманом КПП в начале 30-х гг. была по количеству членов второй коммунистической партией мира после ВКП (б)². На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. за КПП проголосовали 5,37 млн. избирателей, коммунисты получили 89 депутатских мест; на выборах 6 ноября 1932 г. почти 6 млн. человек отдали свои голоса коммунистам, завоевавшим в рейхстаге 100 депутатских мандатов³.

В марте 1933 г. Тельман был арестован нацистами, пришедшими к власти в Германии. Против него готовился судебный процесс. Согласно обвинительному заключению от 17 декабря 1934 г., председателю запрещенной нацистами КПП инкриминировалось соучастие в подготовке переворота с целью установления диктатуры пролетариата в Германии⁴. Обвинение, основанное на публикациях и внутрипартийных документах КПП, кроме оставшихся без ответа антифашистских призывов КПП к массам и революционных намерений коммунистов не смогло привести факты «государственной измены» Тельмана. Суд над руководителем КПП срывался: нацистская юстиция не хотела рисковать после неудачного для нее Лейпцигского процесса над Г. Димитровым и его товарищами⁵. В мире разворачивалась кампания за освобождение Тельмана⁶.

Окончательное решение отменить процесс над Тельманом было принято Гитлером после долгих колебаний. «Фюрер», собиравшийся

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographisches Lexikon. Berlin, 1970, S. 455–460; Winkler H.A. Der Schein der Normalität. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1924 bis 1930. Berlin, 1985. S. 240; Winkler H.A. Der Weg in die Katastrophe: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930 bis 1933. Berlin, 1987. S. 519, 528.

² КПП насчитывала в 1932 г. 360 тыс. членов, издавала 37 ежедневных газет. — Давидович Д.С. Эрнст Тельман: страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 123; Коммунистический союз молодежи, Революционная профопозиция, Международная организация помощи революционерам (МОПР) и другие коммунистические организации объединяли около 800 тыс. человек // Winkler H.A. Der Weg in die Katastrophe. S. 597, 602.

³ Эрнст Тельман: биография. С. 427; Давидович Д.С. Эрнст Тельман: страницы жизни и борьбы. С. 123; Winkler H.A. Der Weg in die Katastrophe. S. 684, 774.

⁴ Обвинительное заключение № 148/8J–151/28 против Эрнста Тельмана (копия) // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 526. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

⁵ Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага проходил с 21 сентября по 23 декабря 1933 г. По замыслу нацистов он должен был способствовать политической и юридической подготовке суда над Тельманом // Эрнст Тельман: биография. С. 482.

⁶ Там же. С. 526–532.

судить председателя КПП в октябре–ноябре 1935 г.¹, все же поступил иначе: 1 ноября 1935 г. нацистский «народный суд» принял постановление освободить Тельмана из заключения, но одновременно отдать его «в интересах поддержания общественной безопасности и порядка» под «превентивный арест» гестапо². Это означало не только бессрочное нахождение в гестаповских застенках, но и отсутствие всякой возможности отстаивать свои убеждения на открытом суде.

Тельман находился в заключении более 11 лет: до 1937 г. в берлинском застенке Моабит, затем до 1943 г. в тюрьме Ганновера, откуда он был переведен в тюрьму Баутцена. В 1944 г. председатель КПП был доставлен в концлагерь Бухенвальд, где 18 августа 1944 г. его расстреляли по личному приказу рейхсфюрера СС Г. Гиммлера³.

Тельману посвящена обширная литература. Первую его биографию, основанную на богатом фактическом материале, написал его земляк писатель-коммунист В. Бредель⁴. С воспоминаниями о своем муже и отце выступили вдова Тельмана Роза⁵ и дочь Ирма⁶, которые, как их муж и отец, были репрессированы нацистами⁷. О своем соратнике по борь-

¹ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Samtliche Fragmente / hrsg. von Elke Frohlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. T. 1, Bd. 2: 1.1.1931 – 31.12.1936. München, 1987. S. 526, 537.

² Wieland G. Das war der Volksgerichtshof: Ermittlungen, Fakten, Dokumente. Berlin, 1989. S. 29; Приказ от 1.11.1935 г. об аресте Тельмана см.: Тельман И. Воспоминания о моем отце // Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. М., 1986. С. 298.

³ Bundesarchiv Berlin. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR (BA-SAPMO). NL 4003 (Thälmann Nachlass); Staatsarchiv Hamburg (StaH). Polizeibehörde I. 331-1, I. 898, 902, 905; Politische Polizei. V 236-3, 236-6; PTACПИ. Ф. 526 (Эрнст Тельман).

⁴ Bredel W. Ernst Thälmann. Berlin, 1948. Рус. пер.: Бредель В. Эрнст Тельман. М., 1952.

⁵ Thälmann R. Auch im Keller mit dem Volke verbunden // Deutschlands unsterblicher Sohn. Erinnerungen an Ernst Thälmann. Berlin, 1961. S. 425–437. Рус. пер.: Тельман Р. И в тюрьме вместе с народом // Германии бессмертный сын: воспоминания об Эрнсте Тельмане. М., 1963. См. также: Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. С. 414–429.

⁶ Vester-Thälmann I. Ernst Thälmann: Erinnerungen an meinen Vater. Berlin, 1954. Рус. пер.: Вестер-Тельман И. Воспоминания о моем отце. Л., 1957. См. также: Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. С. 237–330.

⁷ 16 апреля 1944 г., в день рождения отца, Ирма Тельман была арестована гестапо и заключена в берлинскую тюрьму Шарлоттенбург, а затем брошена в концлагерь Равенсбрюк. 5 мая 1944 г. нацисты схватили Розу Тельман. Сначала она находилась в концлагере Жмаррике, а с сентября 1944 г. — в Равенсбрюке, где содержалась отдельно от дочери. В лагерных карточках жены и дочери Тельмана значилось: «Возвращение нежелательно». 30 апреля 1945 г. Ирма, а 1 мая 1945 г. Роза были спасены наступавшими войсками 2-го Белорусского фронта Советской Армии, освободив-

бе рассказали товарищи по КПП и Коминтерну Г. Димитров, В. Пик, М. Рейман, А. Абуш и др.¹

В ФРГ опубликована книга Х. Хеера², в которой академически беспристрастно освещена жизнь и деятельность Тельмана. Достижением историографии ГДР является коллективный труд труппы ученых под руководством Г. Хортшанского³, создавших «официальную версию» биографии председателя КПП. Мемориал Эрнста Тельмана в Гамбурге опубликовал автобиографические записи и хронику жизни Тельмана⁴.

Среди книг, изданных в нашей стране, следует отметить монографии В.Д. Кульбакина⁵ и Д.С. Давидовича⁶, а также сборник речей, статей и писем Тельмана, также содержащий воспоминания о нем, изданный к 100-летию со дня рождения вождя немецких коммунистов⁷.

Эпистолярное наследие Тельмана велико⁸. Письма, статьи, речи председателя КПП изданы сначала на немецком⁹, потом на русском языках¹⁰.

шими Равенсбрюк. Жене и дочери Тельмана была оказана медицинская помощь. После окончания войны они по приглашению советского правительства уехали в Москву. В дальнейшем они жили в ГДР. В 1986 г. Ирма Тельман присутствовала на открытии памятника своему отцу в Москве. — Тельман И. Воспоминания о моем отце // Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. С. 322–328; Давидович Д.С. Указ. соч. С. 206–209.

¹ См.: Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. С. 223–443.

² Heer H. Ernst Thälmann in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1975.

³ Ernst Thälmann: eine Biographie. Berlin, 1980. Рус. пер.: Эрнст Тельман: биография. М., 1984.

⁴ Thälmann E. Zwischen Erinnerung und Erwartung. Frankfurt/M., 1977.

⁵ Кульбакин В.Д. Эрнст Тельман. М., 1961.

⁶ Давидович Д.С. Указ. соч.

⁷ Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане.

⁸ Важнейшие источники, позволяющие исследовать эпистолярное наследие Тельмана, находятся в ФРГ в “Фонде Архива партий и массовых организаций ГДР” (SAPMO) Федерального Архива (BA), куда были переданы архивы Института истории рабочего движения (IFGA), созданного в 1990 г. на базе Института марксизма-ленинизма (IML) при ЦК СЕПГ, и материалы Центрального партийного архива (ZPA) ЦК СЕПГ. В России, кроме АП РФ, на фондах которого основана эта работа, источники по теме исследования выявлены в архиве Коминтерна в РГАСПИ, а также в переписке В.М. Молотова с полпредом в Германии А.А. Шкварцевым, хранящейся в Архиве внешней политики РФ.

⁹ Thälmann E. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1955.

¹⁰ Тельман Э. Избранные статьи и речи: к истории германского рабочего движения. М., 1957–1958.

Эти публикации дополнялись новыми документами и переиздавались¹, подвергаясь партийной цензуре².

Среди сотен писем, написанных Тельманом в разные годы, особенно интересны документы, созданные им в нацистских застенках в 1933–1944 гг. Все эти годы письма, которые он писал и получал, были важнейшим, а зачастую единственным звеном, связывавшим узника нацизма с внешним миром. Это были не только личные послания родным и близким³, но и его политическое завещание — написанный в начале 1944 г. «Ответ на письма товарища по тюремному заключению»⁴. Руководитель немецких коммунистов писал: «Конечно, и мы не являемся некими чистыми, непорочными ангелами, которых нельзя ни в чем винить и упрекать. Мы также совершили в прошлом серьезные и отчасти крупные политические ошибки, к сожалению, многое упустили и не сделали из того, что нам нужно было бы сделать в сложном переплетении минувших исторических событий, чтобы преградить фашизму путь к государственной власти»⁵.

Найденные в Архиве Президента РФ 24 письма Тельмана советскому руководству, нелегально написанные им в тюрьме Ганновера в 1939–1941 гг., тайно вынесенные его женой на волю и доставленные ею в советское полпредство в Берлине, а оттуда переправленные в Москву, существенным образом дополняют эпистолярное наследие председателя КППГ.

Эти уникальные документы хранились в бывшем архиве политбюро ЦК КПСС под грифом «Сообщить строго секретно. Для информации только членам Политбюро» и, за исключением фрагмента письма В.М. Молотову от 5 марта 1940 г., не были опубликованы⁶.

¹ Thälmann E. Ausgewählte Reden und Schriften in zwei Bänden. Frankfurt a.M., 1976.

² Grubel E. Realsozialistische Schönschrift // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin, 1995. S. 118–127. Эпистолярное наследие Тельмана до сих пор вызывает интерес, который приводит и к различного рода спекуляциям. См.: Gabelmann T. Thälmann ist niemals gefallen?: eine Legende stirbt. Berlin, 1996.

³ Личные письма Тельмана отцу Иоганнесу, жене Розе, дочери Ирме, другу детства и юности Рудольфу, написанные в тюрьме в 1933–1937 гг., см.: Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. С. 113–183.

⁴ К сожалению, этот документ перед первой публикацией в 1950 г. был подвергнут руководителями ГДР В. Пиком и В. Ульбрихтом с одобрения секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова идеологической цензуре. “Это ли не фальсификация, когда из письма, содержащего 1500 читаемых слов выбрасывается едва ли не половина и из 750 напечатанных слов более 200 в этой форме в оригинале не употребляются?” — задает риторический вопрос Е. Грюбель. — Grubel E. Op. cit. S. 119.

⁵ Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане. С. 185.

⁶ Отрывок из письма Тельмана Молотову от 5 марта 1940 г. опубликован Д.С. Давидовичем со ссылкой на материалы его личного архива. См. Давидович Д.С. Эрнст Тельман: страницы жизни и борьбы. С. 157–162. После того, как публикация писем Тельмана Сталину и Молотову 1939–1941 гг. была анонсирована “Новой и новей-

8 ноября 1939 г. полпред СССР в Германии А.А. Шкварцев направил из Берлина в Москву зашифрованную телеграмму с информацией о появлении в полпредстве женщины, назвавшей себя женой Тельмана. В телеграмме говорилось: «Женщина передала просьбу мужа узнать, заботится ли о нем Москва. Она хотела передать им для напоминания Москве личные письма Тельмана из тюрьмы»¹. Принимали Розу Тельман первый секретарь советского полпредства и переводчик В.М. Молотова В.Н. Павлов и советник А.З. Кобулов, он же Захар² — резидент разведки НКВД-НКГБ³ в Берлине и брат первого заместителя наркома внутренних дел Б.З. Кобулова. Очевидно, Павлов и Кобулов опасались провокации и, поэтому письма приняты не были. Жене Тельмана посоветовали зайти через неделю.

15 ноября 1939 г. Шкварцев направил Молотову дневник Кобулова, в котором подробно рассказывалось о беседе с Розой Тельман. В дневнике содержалось описание писем Тельмана: «Письма были написаны готическим шрифтом. Их было, примерно, пять, около 20 страниц. Мы взяли на выдержку одно письмо. Тельман писал о советско-германском сближении... Мы спросили, как ей удалось при тюремном режиме по-

---

шей историей» (1996, № 2, с. 222), берлинский журнал «Магазин» без ведома редакции «Новой и новейшей истории» и согласия коллег из Института современной истории в Мюнхене, совместно с которыми готовилась публикация этого источника, напечатал сенсационный материал Й. Шютрумпа о «случайной» находке писем Тельмана. Хотелось бы подчеркнуть, что этой находке и ее изучению способствовал немалый труд, плодами которого воспользовался Й. Шютрупф. Его статья содержит фактические ошибки. Например: режим содержания Тельмана в тюрьме Ганновера был изменен не в 1939 г., как утверждает автор (Schuttrumpf J. Meine Hoffnung ist zuversichtlich // Das Magazin. 1996. № 5. S. 41), а в 1938 г. (см. примеч. № 53). Редактируемый Й. Шютрумпом журнал опубликовал с основанным на тексте Б.Л. Хавкина предисловием Г. графа Айнзиделя, но без сносок и комментариев, письма от 1 марта 1939 г. и от 1 сентября 1939 г. Й. Шютрупф утверждает, что эти письма печатаются «по оригиналу из архива политбюро ЦК КПСС», в то время как он опубликовал сделанные в Германии обратные переводы на немецкий язык русских текстов писем, то есть копий, снятых с копий, переданных АП РФ для публикации журналу «Новая и новейшая история» // Utopie kreativ. 1996. № 67. S. 4, 38–55.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 57.

² А.З. Кобулов, до назначения в Берлин бывший наркомом госбезопасности Украинской ССР, не имел никакого разведывательного опыта, но имел большой вес в глазах Берии. — Безыменский Л.А. Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В свете новых документов // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 125; Захар — агентурное имя Кобулова — называется в публикациях по истории разведки. См. Секреты Гитлера на столе у Сталина: документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 237, 238.

³ Народный комиссариат внутренних дел — Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

лучать письма. Она ответила, что после заключения договора о дружбе между СССР и Германией¹ тюремные условия Тельмана значительно улучшены. Он получает немецкие газеты, имеет в две недели раз свидание с ней, причем свидания, с ее слов, проходят наедине, без представителя тюремного надзора»².

22 ноября 1939 г. жена Тельмана во второй раз пришла в советское полпредство. В тот же день в дневнике Кобулова появилась запись: «Сегодня, т.е. по истечении установленного срока, она вновь явилась с просьбой сообщить ей, какие меры принимает Москва для оказания помощи Тельману. Я ответил: “Мы ничем помочь ей не можем”. Ответ ее очень огорчил, на глазах появились слезы. Тельман заявила, что у нее никакого выхода нет, ибо, не имея средств к существованию, буквально голодает. Я повторил ей свой ответ. Тельман со вздохом заявила: “Неужели вся работа моего мужа в пользу СССР и коммунизма прошла даром?” и добавила, что лучше ее сжечь на месте, чем уходить безрезультатно. Затем Тельман сказала, что пять месяцев тому назад она подала заявление на имя Геринга³ об освобождении мужа, но до настоящего времени никакого ответа не имеет. Тельман просила нашего совета, может ли она вновь обратиться к Герингу с заявлением. Я ответил, что это ее частное дело. Тельман, очень огорченная, ушла»⁴.

26 ноября 1939 г. по указанию Молотова Розе Тельман была оказана материальная помощь: выдано 2 тыс. рейхсмарок. 8 марта 1940 г. она вновь посетила советское полпредство, о чем Шкварцев на следующий день информировал Москву шифротелеграммой: «8 марта в полпредство явилась Роза Тельман, которая заявила, что месяц тому назад из Швейцарии к ней в Гамбург явилась женщина по фамилии Мут, передавшая Тельман 1000 германских марок. Мут просила письма Тельмана передать туда, где они были не приняты. Тельман ответила, что у нее никаких писем нет»⁵.

¹ Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанный в Москве 28 сентября 1939 г.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 58–60.

³ Г. Геринг, занимая в иерархии нацистской Германии второе место, был премьер-министром и министром внутренних дел Пруссии, а также имел множество других государственных постов.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 63.

⁵ Там же. Л. 101. Сравни: Документы внешней политики, 1939. Т. 22, кн. 2. М., 1992. С. 338. Док. № 809 “Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова полномочному представителю СССР в Германии А.А. Шкварцеву” от 26 ноября 1939 г.; Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1. С. 270–271. Документ № 61 “Письмо И. Проскурова Г. Димитрову о передаче денег жене Э. Тельмана от 17 февраля 1940 г.”

19 марта 1940 г. Молотов направил секретарю Сталина А.Н. Поскребышеву для доклада генсеку немецкий рукописный оригинал и русский перевод письма Тельмана от 5 марта 1940 г., доставленного в советское полпредство в Берлине женой Тельмана. Ознакомившись с посланием председателя КПП, ожидавшего «активного вмешательства русских друзей» в дело своего освобождения и рассматривавшего СССР как свою «новую родину»¹, кремлевский диктатор наложил резолюцию: «В архив. И. Сталин»². Эти слова сыграли роковую роль в судьбе Тельмана. Сталин не хотел омрачать советско-германскую «дружбу» просьбой к Гитлеру об освобождении руководителя немецких коммунистов³. Сталину не нужен был Тельман в Москве; политически выгоднее было, считал он, оставить его в нацистском застенке. Сталин предпочел Тельману Гитлера.

Тельман же всегда был безусловным сторонником СССР и Сталина. Несмотря на то, что председатель КПП не одобрял расправы над Г. Ремеле, Г. Нойманом и другими немецкими коммунистами, ставшими жертвами сталинских «чисток»⁴, в письме Сталину от 1 марта 1939 г. из «угрюмой камеры фашистского ада» он обращался к XVIII съезду ВКП(б) с проникнутыми пафосом словами поздравления в связи с победой над оппозицией, которую постигло «справедливое наказание» и остатки которой «в случае продолжения своей контрреволюционной деятельности могут ждать только смертного приговора»⁵. Содержание и стиль письма позволяют предположить, что Тельман написал приветственный адрес XVIII съезду ВКП(б), рассчитывая на его публикацию в СССР и привлечение к себе внимания общественности. Однако в Москве на документ был наложен гриф «Сообщить строго секретно! Для информации только членам Политбюро!»⁶.

Но Тельман продолжал надеяться на Москву. Ориентация на СССР была для него решающим критерием политической идентификации коммуниста. Внешнеполитические интересы СССР постоянно находи-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 83.

² Давидович Д.С. Трагические страницы истории КПП // Новая и новейшая история, 1990. №

³ Давидович Д.С. Трагические страницы истории КПП. С. 227; Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1241. Л. 61.

⁴ Weber H. "Weiße Flecken" in der Geschichte. Die KPD-Opfer der Stalinschen Säuberungen und ihre Rehabilitierung. Berlin, 1990. S. 12–25; Die Säuberung. Moskau 1936: Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung / Georg Lukacs [et al.]. Reinbek bei Hamburg, 1991. S. 10; Tischler C. Die UdSSR und die Politmigration: das deutsche Exil in der Sowjetunion zwischen KPD, Komintern und sowjetischer Staatsmacht (1933 bis 1945): diss. phil. Kassel, 1995.

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 16.

лись в фокусе его внимания. Он даже давал руководству СССР советы по внешнеполитическим вопросам. Так, отмечая во втором письме от 1 марта 1939 г. активизацию агрессивной политики «тоталитарных держав»¹, Тельман подчеркивал, что Англия и Франция оказались «неспособными и нерешительными в борьбе с наступательной политикой Германии и Италии»², и рекомендовал советскому руководству заявить о своих симпатиях к президенту США Ф. Рузвельту.

В третьем письме, датированном тем же числом, автор, отмечая активизацию антисоветской кампании в Германии, рекомендовал СССР использовать экономические проблемы Германии с выгодой «для себя, чтобы потребовать путем новых хозяйственных переговоров концессии всякого рода. Возможно при этом поставить вопрос об освобождении Тельмана путем общения с руководящими торговыми людьми»³.

Заключение 23 августа 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа стало для Тельмана событием, важным вдвойне. Во-первых, он, как и многие репрессированные нацистами коммунисты, питал надежду на то, что потепление отношений между Берлином и Москвой приведет к их освобождению⁴. «Вопрос о моем освобождении теперь, вероятно, близок. Я твердо уверен в том, что во время переговоров в Москве между Сталиным и Молотовым... Риббентропом и графом Шуленбургом... этот вопрос также обсуждался», — писал главный узник Гитлера в письме от 1 сентября 1939 г.⁵

Германо-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и последовавший за ним договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. поставили председателя КПП в затруднительное положение, так как полностью противоречили проводившейся ранее СССР и Коминтерном и безоговорочно поддерживавшейся им политике.

Как отмечал российский историк П.П. Черкасов, «Компартия Германии, пожалуй, в большей степени, чем другие компартии Западной Европы, пострадала от последствий советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Она переживала тяжелейший моральный и кадровый кризис: многие видные деятели и активисты КПП, искавшие спасения от гестапо в СССР, были тогда репрессированы, потеряв на время

¹ Этим термином Тельман обозначал Германию, Италию и Японию, которым противостояли демократические государства — Англия и Франция, «связанные тесным союзом и пытающиеся использовать США и Советский Союз в своих интересах» // АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 1.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 73.

⁴ Leonhard W. Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes. Mu

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 36. Й. фон Риббентроп — рейхсминистр иностранных дел; граф Ф.В. фон дер Шуленбург — германский посол в СССР.

ориентиры в своем героическом и последовательном противостоянии фашизму»¹.

Тельман одобрил германо-советскую «дружбу». Более этого, он пытался объяснить читателям своих писем, почему он заранее не предусмотрел такой поворот событий. Тельман стремился убедить сомневавшихся коммунистов занять правильную, т.е. соответствующую интересам СССР, как их понимали Сталин и Молотов, позицию².

Мнение Тельмана полностью совпало с позицией ЦК КППГ. После подписания советско-германского договора о ненападении «некоторые руководящие работники компартии, активные антифашисты с опозданием осознали всю важность и необходимость этого шага Советского правительства». ЦК КППГ безоговорочно поддержал этот договор и «обратил особое внимание подпольных организаций на правильную ориентировку кадров партии в этом вопросе»³.

В подпольных и зарубежных изданиях КППГ был опубликован текст заявления ЦК компартии от 25 августа 1939 г. «Немецкий народ, — говорилось в нем, — приветствует заключение пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией, потому что он хочет мира и считает пакт достойным вкладом Советского Союза в дело мира. Немецкий народ приветствует этот пакт, так как он не имеет ничего общего с договорами, заключенными Гитлером с Муссолини и японскими милитаристами и являющимися орудиями войны и империалистического насилия над другими народами». КППГ призывал немецкий народ требовать заключения пактов о ненападении и с другими странами, в первую очередь с Польшей, Румынией, Францией, Англией. ЦК КППГ высказался за расширение торговых связей Германии с Советским Союзом, перевод экономики на мирные рельсы. «Необходимо, чтобы весь немецкий народ стоял на страже соблюдения советско-германского договора о ненападении». Руководство КППГ предостерегало немецкий народ от иллюзии, будто бы при гитлеровском режиме может проводиться подлинно миролюбивая политика. «Надейтесь только на свои собственные силы! — подчеркивал ЦК КППГ. — В час, когда Гитлер угрожает польскому народу и другим народам, мы снова призываем немецких рабочих объединиться в борьбе, чтобы в момент наивысшей опасности спасти мир»⁴.

В послании от 24 октября 1939 г. Тельман вновь поднял вопрос о своем освобождении. Он дал понять, что полностью полагается на со-

¹ Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: национальные особенности. М., 1991. С. 221.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 22–36.

³ Бланк А.С. КППГ в борьбе против фашистской диктатуры. С. 167.

⁴ Rundschau. 1939. № 46 (31.VIII).

ветское руководство и не принимает авансы германских властей, требующих отказаться от коммунистических убеждений в обмен на свободу. «Я склонен к подаче прощения... только в случае, если мне будет гарантировано немедленное освобождение... я готов отправиться в Советский Союз, где я буду принят охотно и дружелюбно», — подчеркивал Тельман¹.

Но Москва не собиралась спасать своего верного друга. Очередное посещение Розой Тельман большого серого здания в центре Берлина на Унтер ден Линден, в котором находилось советское полпредство, состоялось 3 мая 1940 г. На следующий день Шкварцев докладывал Молотову: «Настоящим сообщая, что 3 мая с.г. полпредство СССР в Германии посетила Роза Тельман — жена Эрнста Тельмана. С ней беседовали тов. Кобулов и т. Павлов В.Н. Р. Тельман передала и зачитала им последнее письмо Э. Тельмана², в котором он предлагает пути оказания материальной помощи, а также просит во избежание провокаций взять у Р. Тельман его письма. Мы согласились принять письма и просили Р. Тельман принести их вечером в полпредство. Затем тов. Кобулов спросил, как удалось Р. Тельман вынести это последнее письмо. Она ответила, что это письмо она положила в футляр от очков, под замшевую тряпочку, служащую для протирки очков. Т. Кобулов попросил подробно рассказать порядок свидания с Э. Тельманом, который, как она затем рассказала, заключается в следующем. Свидание происходит через каждые 14 дней со времени заключения советско-германского пакта о ненападении. Накануне свидания Э. Тельман пишет свои письма, закрывшись одеялом и закрывая “глазок” в камеру. Э. Тельману предоставляют бумагу, чернила, газеты. На вокзале в Ганновере Р. Тельман, как она заявила, ее приезда всегда ждет человек, который затем следит, куда она направляется с вокзала. В тюрьме Р. Тельман сразу проходит в кабинет директора тюрьмы, где последний производит осмотр чемодана с провизией. Личную сумку Р. Тельман директор не осматривает. Затем он сопровождает Р. Тельман в камеру Э. Тельмана, где затем оставляет их одних. В целях большей осторожности (Р. Тельман и Э. Тельман предполагают, что в стенах камеры имеются аппараты для подслуши-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 51. В письме и.о. начальника Разведуправления Генштаба Красной Армии И.И. Проскурова Г. Димитрову от 17 февраля 1940 г. говорилось: “Эрнст [Тельман. — Б.Х.] не сломлен. На вопрос о русско-германском пакте сказал, что это очень хорошо. К Эрнсту приходили с предложением подписать бумагу, документ, поносящий коммунизм и об отречении его от коммунизма потому, что его друзья решили покинуть его. В ответ на это он назвал имена руководителей и самого высшего руководителя (имеется в виду тов. Сталин) и сказал, что эти друзья его никогда не покинут...” // Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 270.

² Письмо от 30 апреля 1940 г. См. док. № 9.

вания) разговор между Р. и Э. Тельманом происходит при помощи приспособления, напоминающего грифельную доску. Свидание длится с 10-10 1/2 ч. примерно до 6 вечера, когда директор тюрьмы снова заходит за ней и без досмотра провожает ее из тюрьмы. Р. Тельман предполагает (пока она этого точно еще сказать не может), что по пути на вокзал, а возможно, и в поезде за ней также следят. В Гамбурге за квартирой Р. Тельман надзора не установлено. В Берлине этого Р. Тельман также не заметила»¹.

Жена Тельмана должна была называть себя в Ганновере своим девичьим именем — Роза Кох. Режим содержания ее мужа в тюрьме Ганновера, первоначально очень строгий (со времени прибытия 13 августа 1937 г. Тельман находился в полной изоляции от остальных заключенных) был в 1938 г. значительно смягчен. Тельман, состояние здоровья которого внушало опасения, был подвергнут медицинскому обследованию, с августа 1938 г. ему разрешили раз в две недели иметь в камере свидания с женой и дочерью без присутствия надзирателя. Он получал продовольственные посылки от родных, возобновил прекращенную в 1937 г. переписку, читал книги и газеты “*Berliner Tageszeitung*”, “*Berliner Borsenzeitung*”, журнал “*Die Ostwirtschaft*”. У него в камере был радиоприемник. Власти не оставляли попыток заставить Тельмана публично отречься от коммунистических убеждений в обмен на его освобождение. Однако Тельман решительно отклонял эти попытки. После 22 июня 1941 г. режим содержания заключенного был вновь ужесточен².

В дальнейшем жена председателя КПГ появлялась в советском полпредстве в Берлине 18 июля, 15 августа, 11 декабря 1940 г., 19 февраля, 24 марта, 21 апреля 1941 г. При каждом посещении она передавала письма мужа. Распоряжением Молотова от 22 августа 1940 г. для Розы Тельман была организована регулярная посылка денег³.

Новый заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов, в ноябре 1940 г. сменивший Шкварцева на посту советского полпреда в Германии, в письме Молотову от 14 декабря 1940 г. докладывал: «Здесь [в полпредстве. — Б.Х.] я застал такую картину. В бухгалтерии имеются расписки Шкварцева с указанием о выдаче денег Розе Тельман. Все это

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 123–124; Politische Haftlinge im Gerichtsgefängnis Hannover während der Nationalsozialistischen Herrschaft / hrsg. v. H. Obenaus, W. Sommer. Hannover, 1990. S. 30; Grbel E. Op. cit. S. 126; Dahlem F. Ernst Thälmann im Gefängnis // Deutschlands unsterblicher Sohn: Erinnerungen an Ernst Thälmann. S. 416; Эрнст Тельман: биография. С. 537–538.

² Politische Häftlinge im Gerichtsgefängnis Hannover während der Nationalsozialistischen Herrschaft. S. 30; Grubel E. Op. cit. S. 126; Dahlem F. Ernst Thälmann. S. 416; Эрнст Тельман: биография. С. 537–538.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 117. Л. 30.

дело не засекречено. Я изъяс эти расписки, но, вероятно, часть таких же расписок послана в НКВД и имеется в финансовом отделе, которые тоже следовало бы изъять. Я думаю, что если еще придется давать ей деньги в полпредстве, то проводить всю отчетность надо через Кобулова, по его линии¹, и даже в этом случае называть ее условным именем. Я запретил вообще называть ее фамилию даже в разговорах между собой. Люди не могли до этого додуматься сами. Вообще же трудно как-то себе представить, что ее посещения полпредства остаются незамеченными, ведь у подъезда день и ночь дежурят два полицейских и шныряют шпики. Странно вообще, что ее не обыскивают при выходе из камеры Т. [Тельмана. — Б.Х.], где она получает письма, а их разговор в камере между собой якобы не подслушивается². Я думаю, что полезно было бы проверить по письму его почерк — вероятно, есть такая возможность в Москве в ИККИ. Для конспирации в беседе с Р. Тельман условились называть ее тов. Тихонова, а его тов. Тихонов³.

На запрос Молотова председателю ИККИ Димитрову о подлинности писем Тельмана (Тихонова) Димитров, хорошо лично знавший Тельмана и его почерк, 24 декабря 1940 г. сообщил: «Товарищу Молотову. Дорогой товарищ Молотов. Возвращаю Вам обратно письмо т. Тихонова. Сравнение, которое я сам лично сделал между этим письмом и прежними письмами т. Тихонова, не оставляет никакого сомнения в том, что письмо написано его рукой, т.е. является аутентичным. С товарищеским приветом Г. Димитров. 24 декабря 1940 г.»⁴.

В целях конспирации во всех письмах, кроме первого, отсутствовали адресаты и подписи автора. К советским руководителям Тельман обращался словами «Дорогой товарищ» обращение «Тебе и ближайшим товарищам» было адресовано Розе Тельман и товарищам по КПГ, находившимся в подполье. Официальные переводы писем Тельмана на русский язык были сделаны в 1939–1941 гг. переводчиками Ивановым и Г. Ленским⁵. Всего в 1939 г. в Москву было переправлено 6 писем Тельмана, в 1940 г. — 12, в 1941 г. — 6. Эти письма были впервые опубликованы В.С. Рыкиным и Б.Л. Хавкиным в журнале «Новая и новейшая история»⁶.

¹ Т.е. по линии резидентуры НКВД-НКГБ.

² Можно с большой долей вероятности предположить, что Деканозов имел основания опасаться провокаций. Тайная государственная полиция нацистов следила за всеми связями Тельмана с внешним миром. «Очевидно, гестапо желало контакта Тельмана с руководством КПГ, прежде всего с Коминтерном, а значит, с Москвой.» // Schuttrumpf J. Op. cit. S. 41.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 117. Л. 47–48.

⁴ Там же. Л. 72.

⁵ Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. М., 2014. С. 103–175.

⁶ Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову 1939–1941 гг. — Новая и новейшая история. 1996. № 6; 1997. № 1–2.

3.3. «Красная капелла»

К важным задачам российской историографии немецкого Сопротивления относится изучение тематического комплекса «Красная капелла». До конца 80-х годов почти все публикации по истории «Красной капеллы» в СССР базировались на иностранных источниках и литературе. Изучение источников из отечественных архивов было невозможно вследствие строгой секретности этих документов.

Однако в результате архивной революции в России 1991–1993 годов многие источники, например, советские оригиналы советских секретных документов советско-германских соглашений 1939–1941, объявленные в СССР не существующими, были преданы огласке¹.

В архиве Президента РФ во время «архивной революции» были открыты фонды, содержащие информацию, поступавшую от руководителей «Красной Капеллы» — сотрудника имперского министерства экономики Германии д-ра А. Харнака и офицера министерства люфтваффе Х. Шульце-Бойзена. В первой половине 1941 г. Харнак и Шульце-Бойзен предупреждали Советский Союз о подготовке гитлеровского нападения на СССР. Информация советской внешней разведки, основанная на данных «Красной Капеллы», была передана лично Сталину, который проигнорировал и это сообщение².

В Центральном архиве ФСБ России хранятся протоколы допросов высокопоставленных сотрудников гестапо и абвера — Г. Панныца, Ф. фон Бентивегни и Ф. Панцингера, которые в советском плену были допрошены контрразведкой «Смерш» по делу «Красной Капеллы».

Важный источник по «Красной Капелле» — следственные и реабилитационные дела участников «Красной Капеллы», которые были в СССР после войны объявлены «шпионами» и «предателями», а спустя многие годы — реабилитированы. Среди них — советские офицеры-разведчики Л. Треппер, Ш. Радо, А. Гуревич, а также борцы немецкого

¹ Chavkin B. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte, S. 249–279.

² “Т. Меркулову. Можете послать ваш ‘источник’ из штаба герм. авиации к е... матери. Это не ‘источник’, а дезинформатор. И. Ст.”. — Рукописная резолюция И.В. Сталина на записке наркома госбезопасности СССР В.М. Меркулова от 17.VI.1941. — Кириллов И., Мурин Ю., Николаев Г., Сигачев Ю., Степанов А. Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны (1940–1941 г.). О подготовке Германии к нападению на СССР. О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР. — Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 220; Пешерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной капеллы”, с. 175; Chavkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle. — Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Schriften der Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin 1994, S. 136, Dok. 50, Anm. 103.

Сопротивления Й. Венцель, Р. Дюббендёрфер, П. Вётхер и другие. ЦА ФСБ России и Главная военная прокуратура РФ содержат обширный массив документов по этой теме. Например, объединенное следственное дело А. Гуревича и Л. Треппера из ЦА ФСБ содержит 12 томов.

Большой массив документов по «Красной капелле» хранится в архиве СВР России¹. Документы архива СВР раскрывают содержание переписки между Первым главным управлением (ПГУ), КГБ СССР и Министерством государственной безопасности ГДР по вопросам возникновения, деятельности и гибели берлинской группы антифашистов. Материалы относятся, главным образом, к 1960-м гг., когда появилась возможность отметить советскими правительственными наградами подвиг антифашистской группы Харнака – Шульце-Бойзена.

В архиве ГРУ хранятся материалы советского разведчика А.М. Короткова, которые содержат не только информацию о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР, но и радиограмму ГРУ от 26 августа 1941 г. — распоряжение резиденту ГРУ в Брюсселе А.М. Гуревичу (псевдоним — «Кент»²), направиться в Берлин для восстановления радиосвязи с берлинской группой немецких антифашистов. Берлинская группа «Красной Капеллы» рассматривалась советской стороной как важный источник информации. В архиве ГРУ содержатся также радиограммы, излагающие содержание разговоров между «Кентом» и Шульце-Бойзеном в Берлине в ноябре 1941 г.

С 1941 г. советские спецслужбы и их сегодняшние российские преемники пытаются создать впечатление, что немецкие антифашисты, в особенности из группы Харнака и Шульце-Бойзена, были советскими агентами и возглавляли обширную советскую разведывательную сеть в западной Европе³.

Однако это противоречит самосознанию немецких борцов Сопротивления и их антигитлеровской деятельности. Разочаровавшись политикой Запада в период мюнхенского сговора и поражением Франции в войне, Харнак и Шульце-Бойзен видели в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять Гитлеру.

Хотя Харнак и Шульце-Бойзен сотрудничали с советской разведкой, они не считали себя ее берлинским отделением или агентами Москвы. У немецких антифашистов были свои цели, вытекавшие из их опыта

¹ Материалы Архива СВР: Красная капелла. Д. 93629; Корсиканец. Д. 34118; Старшина. Д. 34122; Лучистый. Д. 34123; Захар. Д. 15852; Франц. Д. 26742; Итальянец. Д. 34124; Старик. Д. 28095.

² Зоря Ю.Н., Хавкин Б.Л. Тайна «Кента». Судьба советского разведчика А.М. Гуревича. // Новая и новейшая история. 1993. № 5.

³ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995.

Сопротивления и оценки СССР как союзника немецких противников Гитлера в борьбе против нацистского режима. Немецкие антифашисты не были оплачиваемыми источниками и агентами, они стремились к равноправному сотрудничеству с советской стороной. Поэтому было бы правильней рассматривать «Красную Капеллу» не в качестве агентов Москвы, а как немецких партнеров СССР по антифашистской борьбе.

Эта новая интерпретация характера отношений между Москвой и «Красной Капеллой» на основе новых источников была представлена берлинским историком Г. Коппи и московскими авторами Ю.Н. Зорей и Б.Л. Хавкиным¹ и поддержана бывшим офицером советской разведки и историком спецслужб В.Л. Пещерским².

Правильность определения «Красной Капеллы» не в качестве агентурной сети Москвы, а как организации немецкого антигитлеровского Сопротивления, подтверждает и ее деятельность, не связанная с разведкой, а зачастую и противоречащая правилам поведения разведчика: написание прокламаций, распространение листовок, привлечение новых сторонников.

В литературе дискутируется вопрос о причинах разоблачения «Красной Капеллы». Однако ее провал был неизбежен — это был всего лишь вопрос времени. Чекисты воспринимали «Красную Капеллу» как «спящую агентурную сеть», которая должна была давать информацию «любой ценой», в том числе и ценой жизни антифашистов. Осенью 1941 г., передав брюссельскому резиденту «Кенту» радиogramму, содержащую телефонные номера и берлинские адреса А. Кукгофа и Х. Шульце-Бойзена, с тем, чтобы «Кент» посетил их в Берлине и восстановил связь, Центр поставил под удар существование берлинской группы Сопротивления. После того как германская служба радиоперехвата расшифровала эту радиogramму, а такую возможность должны были учитывать в Москве, гестапо осенью 1942 г. раскрыло «Красную Капеллу» и приступило к арестам ее членов.

Российские источники по «Красной Капелле» не подтверждают мнение о берлинской сети «Красной Капеллы» как самой большой советской разведывательной организации в Германии во время Второй мировой войны. Утверждение о «500 радиogramмах преимущественно военного содержания, которые только лишь берлинская группа радиовала в Москву»³, не подтверждается фактами.

Разумеется, история немецкого Сопротивления не может быть написана лишь по архивам советских органов госбезопасности⁴. Однако до-

¹ Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Op. cit.

² Пещерский В.Л. Красная капелла 1935–1941 годы // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. С. 416–425.

³ Blank A., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler. Berlin 1979, S. 178.

⁴ Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Op. cit., S. 109.

кументы этих архивов при их критическом изучении являются важным источником для дальнейшего изучения проблемы.

Термин «Красная капелла» («Красный оркестр»), которым обозначалась «разветвленная шпионская сеть советской разведки», был изобретен в IV управлении Главного управления имперской безопасности (РСХА) — государственной тайной полиции (гестапо). В декабре 1942 г. шеф гестапо группенфюрер СС Г. Мюллер подписал секретный отчет о «Красной капелле», текст которого сохранился в архивах ФРГ¹. Против «красных пианистов» действовала особая комиссия (зондеркоманда) гестапо «Красная капелла», имевшая берлинское и франко-бельгийское отделения, непосредственно подчинявшаяся рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру.

Этимология термина «Красная капелла» такова: контрразведка выслеживала радистов, на профессиональном жаргоне «пианистов». Поскольку «пианистов» было много, они образовали «оркестр» или «капеллу». Ее ориентация на Москву добавила определение «красная».

Этим термином пользовалась внешнеполитическая разведка службы безопасности (СД) — VI управление РСХА и военная разведка и контрразведка — абвер, также работавшие против «русских шпионов». Под «Красной капеллой» подразумевались различные разведгруппы, выходившие в эфир с территории Германии, Италии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии; радисты использовали коротковолновые радиопередатчики для связи с Москвой.

Нацистскими спецслужбами преднамеренно замалчивался антифашистский характер деятельности ряда групп, участвовавших в движении Сопротивления и решавших разведывательные задачи. РСХА и абвер не интересовало, связана та или иная группа, которую они разрабатывали, с военной или внешней разведкой СССР. Всё объединялось общим понятием: советская разведка.

Против понимания «Красной капеллы» как «советской шпионской сети» настойчиво возражала Г. Кукхоф, одна из активных участниц берлинской группы Харнака – Шульце-Бойзена, выжившая в застенках гестапо и спасенная от гибели Советской Армией. «В реакционной прессе Запада после 1945 г., отмечала Г. Кукхоф, патриотов, которые ставили на карту свою жизнь ради того, чтобы стало возможным развитие Германии по антифашистскому демократическому пути, стали клеймить как “предателей родины”»².

Г. Шеель, член той же берлинской группы, чудом выживший в водовороте Второй мировой войны, отмечал, что главным для эсэсовцев

¹ Niedersächsisches Hauptstaatsarchiv Hannover. Nds. 721. Lüneburg. Acc. 69/67. Bd. 6. Bl. 816–817; Фотокопия: Bundesarchiv. R 58/1131. Fol. 37–38.

² Кукхоф Г. Опасность ходила за каждым // Наши жертвы были не напрасны. М., 1988. Т. 2. С. 148.

было то, что у берлинских подпольщиков имелись радиопередатчики, настроенные на волну Москвы. «Таким образом, возникновение звучного названия “Красная капелла” объясняется именно этим сухим фактом; и назвал нас так наш враг. Но история знает примеры, когда даже бранные слова, употребляемые врагом, становились почетными именами»¹. Значение термина «Красная капелла» претерпело коренное изменение и превратилось в свою противоположность, став символом отваги, подлинного патриотизма и интернационализма.

До начала 1990-х гг. почти все публикации по истории «Краской капеллы» в СССР базировались на иностранных источниках² и на литературе³; затем появились мемуары участников событий и исследования советских авторов и первые публикации источников⁴. На рубеже XX–

¹ Шеель Г. “Красная капелла” действует // Там же. С. 89.

² The Rote Kapelle: the CIA's history of Soviet Intelligence Networks in Western Europe, 1936–1945. Washington, 1979. Документация Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США является ценным источником информации о “Красной капелле”, основанным как на трофейных документах нацистских спецслужб, так и на результатах послевоенных расследований деятельности “Красной капеллы”, проведенных военной разведкой и ЦРУ США.

³ Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987; Фельфе Х. Мемуары разведчика. М., 1988; Перро Ж. Красная капелла. М., 1990; Sahm U. Rudolf von Scheliha, 1897–1942: ein deutscher Diplomat gegen Hitler. Munchen, 1990; Scheel H. Schulfarm Insel Scharfenberg. Berlin, 1990; In den Fangen des NKWD. Deutsche Opfer des stalinischen Terror in der UdSSR. Berlin, 1991; Griebel K., Coburger M., Scheel H. Erfasst? Das Gestapo-Album zur Roten Kapelle: eine Foto-Dokumentation. Berlin, 1992; Eva-Maria Buch und die “Rote Kapelle”: Erinnerung an den Widerstand gegen den Nationalsozialismus/ hrsg. K. Schilde. Berlin, 1992.

⁴ Корольков Ю.М. Где-то в Германии. М., 1971; Его же. В годы большой войны. М., 1981; Бланк А.С. В сердце “третьего рейха”. М., 1974; Blank A., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler. Berlin, 1979; Бирнат К.-Г., Краусаар Л. Организация Шульце-Бойзена – Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974; Гинцберг Л.И. Герои сопротивления. М., 1977; Его же. Борьба немецких патриотов против фашизма. М. 1987; Радю Ш. Под псевдонимом “Дора”. 1988; Треппер Л.З. Большая игра: воспоминания руководителя “Красного оркестра”. М., 1990; Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны: (документы 1940–1941 гг.). О подготовке Германии к нападению на СССР; О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР / публ. подгот. И. Курилов [и др.] // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 198–223; Безыменский Л.А. 108 фотографий из архива гестапо // Новое время. 1993. № 17, 18; Кассис В., Колосов В. “Красная капелла”: легенда и быль // 13 новелл о советских разведчиках. М., 1992; Тайна “Кента”: судьба советского разведчика А.М. Гуревича // Новая и новейшая история. 1993. № 5; Воскресенская З.И. Теперь я могу рассказать правду: из воспоминаний разведчицы. М., 1993; Пешерский В.Л. Московское досье “Красной капеллы” // Новое время. 1994. № 12–13; Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1994; Решин Л.Е. Разведчиков готовили по энциклопедическому словарю // Источник. 1994. № 4; Царев О.И., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995.

XXI вв. антология «Красной капеллы» пополнилась новыми работами, опубликованными в нашей стране¹ и за рубежом².

В 1979 г. был опубликован пространный доклад ЦРУ США «Красная капелла. История советской разведывательно-шпионской сети в Западной Европе. 1936–1945». В этом документе к материалам Главного управления имперской безопасности (РСХА) по «Красной капелле» прибавились донесения американской и британской разведок³.

В 1991 г. историк из ФРГ Юрген Даниель обнаружил в национальном архиве США в Вашингтоне копию 90-страничного доклада гестаповской зондеркоманды «Красная капелла» под названием «Большевистские организации изменников Родины, действовавшие в рейхе и в Западной Европе (Красная капелла)», рассекреченного в 1950 г., но лишь в 1989 г. ставшего доступным исследователям⁴.

В 1994 г. в Германии Хансом Коппи, Юрием Зорей и Б.Л. Хавкиным были опубликованы российские источники по «Красной капелле»⁵. Затем последовали публикации в России⁶. Ранее изучение источников из отечественных архивов было невозможно вследствие строгой секретности этих документов. В результате «архивной революции» в России 1991–1993 гг. были преданы огласке многие новые источники. В архиве Президента РФ были открыты фонды, содержащие информацию, поступавшую от руководителей «Красной капеллы» — сотрудника имперского министерства экономики Германии д-ра А. Харнака и офицера министерства люфтваффе Х. Шульце-Бойзена. В первой половине 1941 г.

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995; Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 407–432; Там же. Т. 4. М., 2003. С. 129–140; Пешерский В.Л. Красная капелла: советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000; Томин В. Большой шеф Красной Капеллы. М., 2005; Гуревич А.М. Разведка — это не игра: мемуары советского резидента Кента. СПб., 2007.

² Coppi H. Harro Schulze-Boysen — Wege in den Widerstand. Koblenz, 1993; Die Rote Kapelle im Widerstand gegen Nationalsozialismus. Berlin, 1994; Steinbach P. Widerstand im Widerstereit. Paderborn, 1994; Krieg im Äther: Widerstand und Spionage im Zweiten Weltkrieg. Wien, 2004; Rote Kapellen, Kreisauer Kreise, schwarze Kapellen: neue Sichtweisen auf den Widerstand gegen die NS-Diktatur 1938–1945. Hamburg, 2004; Tüchel J. Das Ministerium für Staatssicherheit und die Widerstandsgruppe “Rote Kapelle” in den 1960er Jahren // Der vergessene Widerstand: Zu Realgeschichte und Wahrnehmung des Kampfes gegen die NS-Diktatur. Göttingen, 2005; Nelson A. Red Orchestra: the Story of the Berlin Underground and the Circle of Friends Who Resisted Hitler. New York, 2009.

³ The Rote Kapelle: The CIA’s History of Soviet Intelligence and Espionage Networks in Western Europe, 1936–1945. Washington, 1979.

⁴ Tüchel J. Die Gestapo-Sonderkommission “Rote Kapelle” // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994. S. 152.

⁵ Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Ibid. S. 104–144.

⁶ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995; Пешерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной капеллы” // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

Харнак и Шульце-Бойзен предупреждали Советский Союз о подготовке гитлеровского нападения на СССР. Информация советской внешней разведки, основанная на данных «Красной капеллы», была передана лично Сталину, который проигнорировал и это сообщение¹.

3.4. Группа Шульце-Бойзена – Харнака в антинацистском Сопротивлении

Харнак и Шульце-Бойзен никогда не были, по словам советской разведчицы З.И. Рыбкиной, «классическими агентами. Они не давали подписки о работе в пользу СССР и им не выплачивали за их труд вознаграждение»². Это были вынуждены признать даже преследователи и палачи немецких антифашистов. «Деньги не играли для них важной роли, — писал в мемуарах начальник внешнеполитической разведки СД бригадфюрер СС В. Шелленберг. — Как явствует из протоколов следствия, они боролись не только против национал-социализма, в своем мировоззрении они настолько отошли от идеологии Запада, который они считали безнадежно больным, что видели спасение человечества только на Востоке»³.

Разумеется, история немецкого Сопротивления не может быть написана лишь по архивам советских органов госбезопасности⁴. Однако документы этих архивов при их критическом изучении являются важными источниками для дальнейшего изучения проблемы.

В деле Арвида Харнака, он же «Корсиканец» (первоначальный псевдоним «Балтиец»), начатом в 1935 г., оконченом в конце 1940-х гг., по сути, раскрывается вся деятельность антифашистской группы. Названы мотивы, которые привели его к выводу о целесообразности установления контакта с представителями советской разведки⁵. Арвид Харнак с середины 1930-х гг. занимал видное положение в имперском министерстве экономики. Он получил высшее образование в Германии, Англии и США, имел ученые степени доктора права и доктора философии.

¹ Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны: (документы 1940–1941 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 220; Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной капеллы”. С. 175; Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus: Schriften der Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Berlin 1994. S. 136. Dok. 50. Anm. 103.

² См. об этом: Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной Капеллы” // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

³ Шелленберг В. Мемуары. М., 1991. С. 225.

⁴ Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Op. cit. S. 109.

⁵ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118.

Арвид был женат на Милдред, урожденной Фишер, американке немецкого происхождения. Доктор филологических наук М. Харнак занималась американской литературой, переводила произведения немецких классиков на английский язык.

Архивное дело Харро Шульце-Бойзена («Старшины»), начатое в марте 1941 г. и оконченное в 1948 г., содержит документы, рисующие облик бесстрашного антифашиста, стремившегося к активным действиям. Харро Шульце-Бойзен, внучатый племянник и крестник основателя кайзеровского военно-морского флота гросс-адмирала А. фон Тирпица, с января 1941 г. служил в группе атташе главного штаба люфтваффе, с декабря 1941 г. был референтом в имперском министерстве авиации, имел звание старшего лейтенанта люфтваффе. Летом 1936 г. он женился на Либертас Хаас-Хайе, внучке князя Ф. Ойленбурга. По словам «Корсиканца», Либертас якобы состояла членом Коммунистической партии Германии (КПГ). Весной 1939 г. Шульце-Бойзен через связника в Швейцарии установил отношения с КПГ. Конспиративные связи с коммунистами в Берлине приобрели стабильный характер, Харро помогал пропагандистской деятельности КПГ¹. Если Харнак видел решение волнующих его проблем антифашистской борьбы в отдаленной перспективе, то Шульце-Бойзен хотел сделать все необходимое для их хотя бы частичной реализации уже сегодня. Он также по идейным соображениям стал помогать СССР в его борьбе против фашизма.

Архивные дела предвоенных и военных лет, касающиеся группы «Корсиканца» и «Старшины», отражают факты сложные и противоречивые. Отдельно взятые документы порой кажутся неполными, несоответствующими последующему развитию событий. Это неизбежно, поскольку сущность происшедшего раскрывалась со временем, по мере того, как разведка добывала новые сведения, выстраивающиеся в логический ряд. Информация постоянно уточнялась. В ответах на запросы Центра загранаппарат внешней разведки приводил данные, подтверждавшие сделанные предположения, или опровергавшие возникавшие сомнения. Но ответы на поставленные жизнью вопросы нередко приходили спустя годы, когда ничего уже нельзя было изменить.

По условиям делопроизводства разведки и в соответствии с принципом конспирации шифротелеграммы, которыми обменивались Центр и закордонные резидентуры, хранились в особых делах ограниченное время. Затем они уничтожались. Но чтобы не потерять нить, существо вопроса, добиться преемственности ведения дел, с шифротелеграмм снимались справки, которые были довольно близки к оригиналам, но не являлись дословным их повторением. В первоначальном виде сохранились только

¹ Архив СВР. Старшина. Д. 34122. Л. 28, 64, 73.

оперативные письма и копии документов, исполненные во внутриведомственной переписке или направленные высшему руководству страны.

Харнак участвовал в немецком антифашистском движении с довоенных лет. Именно как антифашист он строил свои отношения с советской разведкой¹. Вопреки распространенному мнению, «Корсиканец» сотрудничал не с Разведывательным управлением Красной Армии (РУКА), а с внешней (чекистской) разведкой. Длительное замалчивание участия внешней разведки в деятельности «Корсиканца» и «Старшины» объяснялось, очевидно, рядом обстоятельств. Ни одна разведка в мире без крайней необходимости не раскрывала свои контакты с лицами, являвшимися ее информаторами, особенно в условиях «холодной войны» — длившегося десятилетиями острого противостояния Запада и Востока. К тому же любая разведка озабочена безопасностью своих сотрудников и связанных с ними лиц.

В начале 1930-х гг. советский консул, а затем ответственный сотрудник полпредства в Берлине А.В. Гиршфельд познакомился с Харнаком. В 1932 г. Харнак примкнул к Союзу работников умственного труда, объединившего немецких интеллигентов, и вскоре вошел в состав его правления. Союз был образован по инициативе КППГ с целью пропаганды коммунистических взглядов². В том же году Харнак занял пост генерального секретаря созданного при его активном участии Общества по изучению советского планового хозяйства «АРПЛАН».

Харнак прошел эволюцию своих политических взглядов — от буржуазно-националистических до левых социалистических и даже коммунистических. После 1933 г. Харнак превратился в убежденного и стойкого противника нацистского режима; он сотрудничал с КППГ.

В 1935 г. в Берлин прибыл Б.М. Гордон, он же «Рудольф», резидент внешней разведки НКВД. С помощью Гиршфельда Гордон устно договорился с Харнаком о сотрудничестве и оказании помощи СССР. Харнак подробно расспросил, что от него ожидают, и согласился информировать Советский Союз об авантюрах фашистских правителей³.

В 1938 г. Гордон был отозван в Москву и особым совещанием приговорен к расстрелу. Вероятной причиной гибели талантливого разведчика послужило его тесное сотрудничество с начальником чекистской разведки А.Х. Артузовым. Артузов лично ходатайствовал перед наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым о предоставлении должности консула в посольстве в Берлине для прикрытия разведчика. После отъезда Гордона контакт с Харнаком поддерживал разведчик А. Белкин, он

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 43.

² Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 163–164, 166.

³ Там же. Л. 52.

же «Кади». Вскоре Белкин был направлен резидентом в Испанию, и его заменил оперработник Н. Анаянц, он же «Рубен».

С целью укрепления позиций в обществе и государственной системе Харнак по рекомендации советской разведки вступил в «Клуб богатых» и в «Союз нацистских юристов». Это подготовило почву для его приема в члены нацистской партии. В глазах нацистов Харнак стал своим человеком и был продвинут по служебной лестнице — назначен государственным советником министерства экономики. К нему на подпись приносили документы, касавшиеся секретных экономических и торговых соглашений Германии с США, Польшей, странами Балтии, Ираном, сведения о торгово-валютных операциях Германии за рубежом, о финансировании зарубежной нацистской разведывательной агентуры. Эту важную информацию Харнак сообщил своим советским друзьям¹.

Ближайшими соратниками «Корсиканца» были: писатель и драматург Адам Кукхоф («Старик») и его жена Грета, урожденная Лорке. Грета познакомилась с супругами Харнак в США, где окончила университет как стипендиатка английской секты квакеров. С Харро Шульце-Бойзенем и его женой Либертас Арвид и Милдред Харнак установили контакт в 1940 г.

Среди лиц, которых Харнак хорошо знал и которых привлек к сотрудничеству, были: ведущий экономист крупнейшего химического концерна «И.Г. Фарбениндустри» Ганс Рупп («Турок»), ответственный сотрудник отдела Управления хозяйства и вооружения Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) Вольцоген-Нейгауз («Грек»), генеральный директор фабрики Лейзера Тициенс («Албанец»), техник фирмы «АЕГ Турбине» Карл Беренс («Лучистый»).

Беренс был членом нацистской партии и даже штурмовиком. Но он выступил с критикой гитлеровского режима, за что и был выгнан из штурмового отряда. Занимаясь в вечерней гимназии, Беренс познакомился с Милдред Харнак, став впоследствии одним из активных помощников супругов Харнак. Беренс встречался с Белкиным и передавал ему ценные сведения по технологии высокочастотной аппаратуры. После отъезда Белкина «Лучистый» пытался создать на заводе коммунистическую ячейку и поддержать моральный дух ее членов. Но о том, что делать дальше, Беренс имел смутное представление.

В дипломатические круги Берлина, прежде всего посольство США, супругов Харнак ввела дочь американского посла У.Э. Додда Марта, с которой Милдред Харнак познакомилась и подружилась в США².

Был еще один круг лиц, особо оберегаемых «Корсиканцем», — его родные и близкие. Харнак предпочел не втягивать в свои дела брата ре-

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 206.

² Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 140, 206.

жиссера Фалька Харнака. Его двоюродный брат социал-демократ Эрнст фон Харнак, текстильный фабрикант, бывший глава полиции Кёльна, был связан с антигитлеровской группировкой, возглавлявшейся обер-бургомистром Лейпцига в годы Веймарской республики Карлом Гёрделером. Племянник Арвида Харнака лейтенант флота Вольфганг Хавеман, он же «Итальянец», служил в отделе дешифровки Верховного командования германского ВМФ. В разговорах с дядей, как бы между прочим, он сообщал иногда заслуживающие внимания сведения. Однако беседы дяди и племянника по большей части касались общеполитических вопросов. Муж племянницы Милдред Харнак — Отто Доннер («Икс») служил директором военно-хозяйственного статистического института при Комитете по выполнению четырехлетнего плана¹. «Корсиканец» характеризовал его как «буржуа», с которым нужна длительная воспитательная работа, чтобы он хоть приблизился к антифашистам.

Но в окружении Харнака никто не знал об его отношениях с представителями советской разведки. В отличие от руководителя разведывательной сети, строившего отношения со своими сотрудниками на основе строгой дисциплины и конспирации, безусловного выполнения его требований, Харнак оказывал влияние на свое окружение благодаря личному авторитету. Он пользовался признанием как бесспорный лидер. С ним делились информацией по доброй воле, свободно обмениваясь мнениями о положении в мире и будущем Германии.

Что же заставляло тех немецких патриотов, которые шли на эти контакты, смертельно рисковать? По данным архивных дел, партнерство и своего рода союз между немецкими антифашистами и советской разведкой объяснялся общностью политических целей в борьбе против фашизма, стремлением к его уничтожению и необходимостью в этой связи взаимной поддержки и помощи. Без падения фашизма невозможно было построить новую, демократическую и миролюбивую Германию. Харнак понимал, что только Советский Союз мог сокрушить гитлеровский режим.

После того, как «Корсиканец» в марте 1938 г. последний раз встретился с «Рубеном» в его контактах с советскими представителями наступил длительный перерыв. Дело «Корсиканца» по-прежнему хранилось в сейфе на Лубянке, а хорошо знавший Харнака Гордон был уже расстрелян. «Рубен» скончался на операционном столе. Сотрудники центрального аппарата разведки, наблюдавшие за деятельностью «Корсиканца»: И.М. Кедров — начальник немецкого отделения, К.И. Силин — вернувшийся из Германии заместитель нелегального резидента, А. Мнацаканов, работавший в Берлине и Каяк, латыш, капитан госбезопасности, — были уничтожены в ходе сталинских репрессий².

¹ Там же. Л. 143.

² Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 52; Т. 2. Л. 12.

Разведка несла тяжелые и невосполнимые потери и от нацистских спецслужб, однако ее работа продолжалась¹. Вечером 17 сентября 1940 г. в дверь дома № 18 по Вайерштрассе в Берлине, где жил «Корсиканец», постучал высокий худощавый молодой шатен, представившийся удивленному хозяину как Александр Эрдберг. Это был заместитель берлинского резидента «легальной» резидентуры Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД А.М. Коротков. За его плечами были годы нелегальной разведывательной деятельности в Центральной Европе, выполнение сложного и тяжелого задания во Франции, работа в Германии в 1936 г.²

Харнак придиричливо приглядывался к позднему визитеру и задавал ему вопросы, желая убедиться в том, что перед ним сидит посланец советской России, а не провокатор гестапо. Чистая немецкая речь Эрдберга с легким австрийским акцентом только сбивала с толку. Короткову пришлось приложить немало сил, чтобы убедить настороженного собеседника в том, что он представитель Москвы.

Коротков стремился к тому, чтобы установить с «Корсиканцем» дружественные отношения, добиться его полного доверия, взаимопонимания, обеспечить безопасность контакта с ним, активизировать его информационные возможности. Москва одобрила такую линию поведения, особо подчеркнув важность завоевания доверия и расположения «Корсиканца». В то же время Центр уже не удовлетворялся прежней информацией источника и задумывался над путями повышения его эффективности³.

В конце октября 1940 г. в Берлине произошли события, которые были восприняты в Центре, как осложнение обстановки, чреватой возможной провокацией против Короткова. Ему было предложено заморозить связи и срочно выехать в Москву для более глубокого анализа ситуации⁴.

В Москве Короткова познакомили с планом работы и задачами, которые ему предстояло решать. План, составленный руководством разведки и утвержденный наркомом внутренних дел Л.П. Берией, требовал от Короткова, чтобы он разобрался в знакомствах «Корсиканца», «сосредоточив внимание на наиболее перспективных с точки зрения разведки, обеспечил получение информации по актуальным проблемам внутренней и внешней политике Германии, выяснил положение и роль оппозици-

¹ Архив СВР. Лучистый. Д. 34123. Л. 14.

² Архив СВР. Обзор. Спецномер 30026. Л. 79. Об А.М. Короткове см. также: Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen Nationalsozialismus. S. 105, 110; Гладков Т.К. Лифт в разведку: “король нелегалов” Александр Коротков. М., 2002; Его же. Коротков. М., 2005.

³ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 62–63.

⁴ Архив СВР. Захар. Д. 15852. Л. 21.

онных сил в стране, получил сведения, обеспечивающие безопасность командированных в Германию советских граждан». Ему предлагалось проверить и в случае подтверждения детализировать ранее поступившую от «Корсиканца» информацию о военных планах Гитлера в отношении СССР¹.

Документ обходил вопрос о возможности войны между СССР и Германией в недалеком будущем. Однако полностью такая вероятность не исключалась. Отсюда — указание, выяснить, что будет делать Германия в случае «затяжки и расширения» войны². Таким образом, заключение 23 августа 1939 г. Советско-германского пакта о ненападении и подписание 28 сентября того же года «Договора о дружбе и границе между СССР и Германией» не снизило бдительности советской разведки.

В начале января 1941 г. Коротков был в Берлине, а 7 числа того же месяца встретился с «Корсиканцем». В кругах «Клуба богатых» складывается мнение, рассказывал «Корсиканец», что Германия проиграет войну. В этой связи немцам необходимо договориться с Англией и Америкой о том, чтобы повернуть оружие на Восток. Как сообщил «Корсиканцу» «Старшина», в штабе военной авиации Германии отдано распоряжение начать в широких масштабах разведывательные полеты над советской территорией с целью фотографирования всей пограничной полосы СССР. В зону разведывательных полетов включен Ленинград.

Главком люфтваффе рейхсмаршал Г. Геринг все более склоняется к заключению соглашения с Америкой и Англией. Геринг «распорядился перевести “русский реферат” министерства авиации в “активную часть” штаба авиации, разрабатывающую военные операции»³.

В тот же вечер телеграмма из резидентуры в Берлине ушла в Москву и утром следующего дня лежала на столе Берии, распорядившегося разослать ее высшему руководству страны.

Сведения, поступающие от «Корсиканца» и «Старшины», указывали на то, что Германия приступила к непосредственной подготовке нападения на Советский Союз. В то же время из Москвы, кроме замечаний о неточности географических названий и расхождений в цифровых данных о немецкой авиации, никаких указаний не поступало. После многодневных размышлений Коротков решил на рискованный и беспрецедентный шаг: обратиться лично к Берии и высказать ему свою тревогу за будущее.

Резидент А.З. Кобулов понимал, что отмалчиваться в такой ситуации становилось опасно, но и брать ответственность на себя он не хотел. Кобулов разрешил Короткову подать рапорт наркому, но только от своего

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 97–98.

² Там же.

³ Архив СВР. Обзор. Спецномер 30026. Л. 85–88.

имени. 20 марта 1941 г. Коротков сдал письмо на отправку в Москву с дипломатической почтой:

«Тов. Павлу¹ — лично. Разрешаю себе обратить ваше внимание на следующее: в процессе работы с «Корсиканцем» от него получен ряд ценных сведений, говорящих о подготовке немцами военного выступления против Советского Союза на весну текущего года»².

Это было принципиально важное сообщение. Оно нелегко далось Короткову, который знал, как внимательно следят в Центре за каждой строкой информации «Корсиканца» и «Старшины» и при удобном случае стараются подчеркнуть ненадежность данных, похожих на англо-американскую или немецкую дезинформацию.

«В октябре 1940 г. «Корсиканец» сообщил, — писал Коротков, — что в ближайшее время предстоит оккупация немцами Румынии. Эта акция всего лишь предварительный шаг к выступлению против СССР, цель которого является отторжение от Советского Союза территории западнее линии Ленинград – Черное море и создание на ней правительства, находящегося в немецких руках. На остальной части СССР должно быть образовано дружественное Германии государство»³.

Ответственный работник института при Комитете Геринга по выполнению четырехлетнего плана рассказал «Корсиканцу», что получил задание подготовить расчеты эффективности оккупации Германией советской территории. При этом приводилось мнение начальника Генерального штаба ОКХ Ф. Гальдера о неспособности Красной Армии оказать длительное сопротивление, о возможности оккупации вермахтом Украины в чрезвычайно короткий срок при нанесении молниеносного удара и даже о захвате Баку.

Принц Зольм, знакомый «Корсиканца», имевший связи в военных кругах, заявил, что подготовка удара против СССР стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение германских войск на советской границе. Немцев очень интересует железная дорога Львов – Одесса, имеющая западноевропейскую колею. Журналист, преподаватель высшей партийной школы нацистов в Берлине, имеющий знакомых среди сотрудников министерства иностранных дел и органов безопасности Германии, заявил «Корсиканцу», сославшись на свой разговор с германским фельдмаршалом, что Германия в мае 1941 г. выступит против Советского Союза⁴.

От других лиц «Корсиканец» получил аналогичные сведения. Например, данные о том, что немцы подготавливают карты размещения

¹ Павел — псевдоним Л.П. Берии.

² Архив СВР. Обзор. Спецномер 30026. Л. 87–90.

³ Архив СВР. Обзор. Спецномер 30026. Л. 87–90.

⁴ Там же.

советской промышленности по отдельным районам страны, а военно-обязанные, знающие русский язык, получили извещения, что в случае мобилизации они будут использованы в качестве переводчиков при военных трибуналах.

Сотрудник одного из подразделений «исследовательского отдела» — технической разведки люфтваффе, службы прослушивания телефонов, в беседе с «Корсиканцем» высказал личное мнение, что военные операции против Британских островов отложены. Вначале последуют боевые действия в зоне Средиземного моря, после этого — война с СССР и лишь затем — операция против Англии. Другие источники подтверждали данную информацию¹.

Эти данные, напомнил Коротков, подробно, с указанием источников и обстоятельств их получения «Корсиканцем» уже докладывались Центру. Однако их рассмотрение в полном объеме дало бы новые более глубокие возможности для анализа, чем приведенный им краткий обзор.

В глазах Короткова «Корсиканец» заслуживал полного доверия, а данные о том, что немцы всерьез взвешивают вопрос о нападении в скором времени на СССР, соответствуют действительности. «Но мои личные впечатления могут быть недостаточны или ошибочны... Отношениям с “Корсиканцем” помимо всего прочего, стараемся придать характер личной дружбы и внимания». В Москве, по-видимому, материалы о «Корсиканце» не сконцентрированы в одном месте, что затрудняет работу с ним, прежде всего анализ сообщаемой им информации².

Коротков призывал Центр к активизации работы по добыче и проверке информации о подготовке Германии к войне. Это был слишком важный вопрос, чтобы его решением занимались только «Корсиканец» и «Старшина», одними из первых подавшие сигнал тревоги.

Берия никак не отреагировал на записку Короткова. Тем не менее, кое-какие выводы в Центре были сделаны. Чтобы разгрузить «Корсиканца», обобщавшего всю информацию, поступающую от источников, и дать ему возможность сосредоточиться на сведениях, имевшихся в министерстве экономики, 27 марта 1941 г. Виктор³ дал указание в резидентуру, установить Степанову⁴ контакт непосредственно со «Старшиной», от которого главным образом поступали в последнее время сведения о военных приготовлениях Германии.

Просьба Эрдберга представить его «Старшине» не вызвала у «Корсиканца» возражений. Он только попросил Эрдберга не раскрывать Шульце-Бойзену своей принадлежности к Советскому Союзу и сказать,

¹ Архив СВР. Обзор. Спецномер 30026. Л. 87–90.

² Там же.

³ Псевдоним начальника внешней разведки П.М. Фитина.

⁴ Псевдоним А.М. Короткова в переписке с Центром.

что является лишь посредником русских. Как полагал «Корсиканец», его друг, узнав, что имеет дело с советским человеком, может быть шокирован и отойти от организации. По словам «Корсиканца», «Старшина» считает свою информационную деятельность частью антифашистской борьбы и, вероятно, разочаруется, когда узнает, что все обстояло несколько иначе.

Во время встречи с Эрдбергом «Старшина» догадался, с кем он беседует и дал это понять. Он не стал скрывать удовлетворения от установления прямого контакта с советским представителем¹. Но договориться о продолжении контакта оказалось не просто. «Старшина» находился на казарменном положении в Потсдаме – Вильдпарке, где разместился штаб авиации. В своем передвижении он был ограничен и не всегда мог прибыть к обусловленному сроку. По предложению Эрдберга, решили, что «Корсиканец», как и прежде, будет звонить Шульце-Бойзену и договариваться о дне встречи, а приходить на нее будет Эрдберг.

Однажды, сообщая Эрдбергу информацию о деятельности в Москве агента нацистов, «Старшина» предупредил, что эти сведения известны узкому кругу лиц и следует обращаться с ними очень осторожно, поскольку посты радиоперехвата абвера записывают все радиogramмы советского посольства, надеясь когда-нибудь их расшифровать. Не меньшая внимательность необходима и при использовании данных, чтобы не провалить источник. Коротков сообщил в Центр сообщения «Старшина» и они были учтены².

Из бесед со «Старшиной» Коротков узнал, что в его окружение входил скульптор Курт Шумахер («Тенор»)³. Его мастерская превратилась в убежище для антифашистов, бежавших из лагерей. Жена Курта — Элизабет («Ида»), по национальности еврейка, была идейно близка к коммунистам. Другом и единомышленником Шульце-Бойзена, надежным источником достоверной информации был Г. Вайзенборн («Художник»), писатель и драматург, редактор программы новостей берлинского радио. Он имел обширные связи среди представителей творческой интеллигенции и в министерстве пропаганды Германии. Начальник отдела контрразведывательной службы министерства авиации майор люфтваффе Э. Гертц был давно знаком с Шульце-Бойзеном. Когда они встретились в министерстве авиации, прежнее знакомство возобновилось. После начала войны Германии против СССР оба офицера часто доверительно беседовали между собой о содержании секретных документов, проходивших через руки Гертца. Х. Хайльман («Керн»), оператор службы радиоперехвата военной разведки и контрразведки — «функабвера»,

¹ Архив СВР. Старшина. Д. 34122. Л. 34.

² Архив СВР. Старшина. Д. 34122. Л. 47.

³ Там же. Л. 84.

познакомился со «Старшиной» в Берлинском университете. Среди друзей Шульце-Бойзена он был, пожалуй, одним из самых молодых. Он передал «Старшине» радиокоды, которые расшифровала контрразведка. В.Штейн, бывший социал-демократ, редактор газеты управления Трудового фронта, снабжал «Старшину» важной политической информацией. Г. Коппи («Кляйн»), молодой антифашист, функционер комсомольской организации берлинского района Нойнкельн, должен был работать радистом группы «Старшины». О. Шоттмюллер («Ани») танцовщица, выполняла обязанности связной в группе «Старшины» и хозяйки конспиративной квартиры¹.

В апреле 1941 г. в резидентуру советской внешней разведки в Берлине было отправлено указание Короткову установить прямой контакт с Кукхофом. Центр стремился непосредственно получать сведения от источников информации с тем, чтобы оперативно проверять и анализировать добытые сведения. В донесении Центру резидентура сообщила, что Степанов выполнил полученное задание. «Старик» произвел на него положительное впечатление как умный и интеллигентный человек. Кукхоф считал себя коммунистом. Его суждения о положении в Германии и международной обстановке подтверждали это².

Друзья «Старика», интеллектуальная элита и богема — ученые, писатели, артисты, художники, скульпторы, режиссеры — были одной из основных опор антифашистской деятельности Харнака — Шульце-Бойзена. «Корсиканец», оценивая перспективы этой группы, подчеркнул в беседе с Эрдбергом, что видит в ней кадры, воспитанные в духе прогрессивных идей. В случае радикальных перемен в стране они могли бы, полагал «Корсиканец», возглавить новые государственные структуры. Кукхоф и его друзья, по словам «Корсиканца», проверены годами, проведенными в антифашистском подполье. Что касается Кукхофа, то в нем «Корсиканец» был полностью уверен³.

Среди знакомых «Старика» находился его школьный друг А. Гримме. До прихода фашистов к власти он занимал пост министра культов в правительстве земли Пруссия. По вероисповеданию протестант, по политическим взглядам социал-демократ. Общественное положение и авторитет Гримме не позволили фашистам немедленно расправиться с ним, и они отправили его в отставку. Нацистский переворот в стране вызвал у Гримме отрицательную реакцию и подтолкнул его к сближению с оппозицией. В частности Гримме, как выяснила резидентура внешней разведки, поддерживал контакты с Гёрделером. Некоторое время после 1933 г. Гёрделер работал имперским комиссаром по ценам,

¹ Архив СВР. Старшина. Д. 34122. Л. 19, 47.

² Архив СВР. Старик. Д. 28095. Т. 1. Л. 64.

³ Там же.

но затем полностью порвал с фашистами. Он сошелся с лидером социал-демократов Лейшнером, но основную ставку делал на офицеров, недовольных режимом Гитлера, с ними он связывал свои планы государственного переворота в Германии. О замыслах Гёрделера знал шеф абвера адмирал В. Канарис, который в своих интересах готовился разыгрывать карту «гражданской и военной оппозиции»¹.

Проникновение в круги немецкой оппозиции, выяснение ее положения и намерений было одной из задач советской разведки. Москва рассчитывала, что сумеет ее решить с помощью «Старика» и его друга А. Гримме, которому в этой связи был дан псевдоним «Новый». Гёрделер был закодирован чекистами как «Голова»². О планах в отношении «Нового» и «Головы» резидентура доложила в Центр 15 мая 1941 г. Руководство внешней разведки посчитало их несколько поспешными. В своем ответе Центр предупредил резидентуру, что давать, как предполагалось, «Новому» политическую литературу, прежде всего сочинения Ленина, с целью оказания на него влияния не следует. Когда отношения со «Стариком» станут более определенными, указывал Центр, тогда вместе с ним следует выработать план сближения с «Новым», а в дальнейшем и с группой «Головы». В целях безопасности «Корсиканца» он не должен быть информирован об этом деле, тем более в нем участвовать³.

Временно утратив контакт с советской разведкой после нападения Гитлера на СССР, группа «Корсиканца» и «Старшины» установила связь с буржуазными и военными кругами Германии, предпринявшими покушение на фюрера 20 июня 1944 г. Однако данные о том, что «Корсиканец» и «Старшина» координировали свои действия с группой Гёрделера, разведке неизвестны. Вместе с тем достоверно установлено, что арестованные гестапо в конце 1942 г. берлинские антифашисты, несмотря на жестокие пытки, не выдали «Нового» и «Голову»⁴.

Регулярные встречи Короткова с представителями берлинской группы антифашистов не оставили сомнений, по крайней мере у него, в том, что война скоро обрушится на Советский Союз.

В марте 1941 г. резидентура письмом № 147 доложила руководству, что, как видно из поступающей информации, политическая ситуация все более обостряется. «С учетом этого полагаем, — писал резидент, — что все наши мероприятия по созданию нелегальной резидентуры и обеспечению ее радиосвязью с Центром должны быть ускорены. Поэтому необходимо группу “Корсиканец” — “Старшина” немедленно

¹ Архив СВР. Старик. Д. 28095. Т. 1. Л. 17, 29.

² Там же.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 13.

снабдить шифром для радиостанции и денежной суммой примерно в 50–60 тыс. немецких марок. Это обеспечило бы ее работу в случае потери связи с нами. Исходя из вышесказанного, просим срочно выслать в резидентуру рацию и шифр для передачи берлинским подпольщикам»¹.

Резидентура сочла целесообразным в резко менявшейся обстановке от партнерства и союза с антифашистами перейти на отношения традиционного конспиративного сотрудничества, требовавшего большей дисциплины и налагавшего строгие обязательства. Представления чекистов о конспиративном сотрудничестве с берлинской группой не всегда полностью соответствовали взглядам немецкой стороны. Харнак отказался от предложения резидентуры работать с радиопередатчиком, но согласился шифровать телеграммы и передавать их через связного радисту группы. Шульце-Бойзен был озадачен новым подходом в меньшей степени, но и он уклонился под благовидным предлогом от фотографирования документов штаба ВВС и передачи их в непроявленной пленке «советским товарищам». Вместе с тем он без колебания взялся за налаживание радиосвязи с Москвой, помогая в этом Короткову.

Удивительного в этом ничего нет: «Корсиканец», как и «Старшина», были, прежде всего, антифашистами и только потом уже разведчиками, к тому же недостаточно подготовленными к работе в чрезвычайных условиях войны. Но не надо забывать и о том, в каком сложном положении оказалась советская разведка, потеряв свои квалифицированные кадры еще в 1938 г.

Нарком госбезопасности НКГБ В.Н. Меркулов внимательно отнесся к предложению резидентуры. На документе появилась его резолюция: «Надо это сделать, послать рацию, условия и порядок связи. Шифры предварительно покажите мне»². Начальник чекистской разведки П.М. Фитин, ознакомившись с указанием Меркулова, поручил исполнить задание начальнику немецкого отделения П.М. Журавлеву. Под распоряжением Меркулова, подчеркивая его особую важность, он написал: «Т. Журавлеву. Лично проследите за исполнением»³.

18 апреля Центр отправил в резидентуру в Берлине радиоаппаратуру для «Корсиканца». Портативная радиопередающая станция могла работать на батарейках непрерывно около двух часов, после чего требовалась ее перезарядка. Ее радиус действия составлял 800–1000 км. Запасной комплект электропитания, инструкцию для рации «Д-6», код, расписание радиосеансов и позывные Центр обещал отправить следующей почтой⁴. 5 мая 1941 г. в резидентуру был послан второй радиопере-

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 300.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 2. Л. 17.

датчик с дальностью действия до 1000 км.¹ Радиопередатчик и шифры были переданы «Корсиканцу» 17 июня.

Приемную базу для берлинской рации намечалось оборудовать на советско-польской границе в районе Бреста. Судя по этому, Красная Армия не собиралась отступать и рассчитывала сдержать удар противника в приграничной полосе, не допустив его прорыва вглубь страны.

В инструкции по применению шифра обращалось внимание на то, что предложенный код прост и не требует никаких специальных материалов. Достаточно запомнить лозунговое слово «шраубе» — «винтик» и постоянное число 38745. Вместе с тем специалисты, говорилось в письме Центра, гарантируют, что шифр никакими аналитическими путями раскрыть нельзя. Даже в случае захвата черновиков по ним удастся прочитать только текст, находившийся в обработке. Все предыдущие и последующие телеграммы раскрыть невозможно. «Корсиканец» не должен посвящать в секреты шифра никого и не сообщать его «Лучистому», которого предполагалось использовать как радиста. Радиоаппаратуру необходимо хранить в отдельном, специально подобранном месте, но ни в коем случае не у «Корсиканца»².

Граф К. фон Брокдорф-Ранцау и графиня Э. фон Брокдорф превратили свою квартиру в надежное место хранения рации. Из их квартиры радисты пытались установить двустороннюю связь с Центром³.

В течение весны Коротков не раз обсуждал с «Корсиканцем» вопросы организации нелегальной радиоточки и условия ее работы. «Корсиканец» в принципе согласился с предложением Эрдберга. Но заметил, что, как он раньше слышал от «Итальянца», работающую радиостанцию можно обнаружить с помощью пеленгатора в течение 30 минут. Эрдберг объяснил «Корсиканцу», что его рация будет находится в эфире не более 10–20 минут для кратких, экстренных сообщений самого важного. Тем не менее, сомнения у «Корсиканца» полностью не рассеялись. Вероятно, поэтому пожелание Эрдберга, чтобы радистом стал «Лучистый», было неожиданно отвергнуто «Корсиканцем». Никакие доводы не могли поколебать его решения. В крайнем случае, он соглашался на то, чтобы радистом нелегальной резидентуры был «Тенор»⁴.

Короткову пришлось на ходу перестраиваться и менять планы относительно организации нелегальной резидентуры «Корсиканца». Но тут произошла новая неприятность. «Старшина», встретившись с Эрдбергом, сообщил, что 7 июня 1941 г. «Тенор» призван в армию. «Старшина» предложил заменить «Тенора» Г. Коппи, которого хорошо знал и за

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 2. Л. 20.

² Там же. Т. 1. Л. 300.

³ Там же. Л. 47–49.

⁴ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 312, 346.

честность и надежность которого ручался¹. Коппи имел лишь один существенный недостаток: он не умел работать с радиостанцией.

Руководство советской разведки было раздосадовано таким ходом дел и сожалело об упущенном времени. Оно ответило резидентуре, что дальнейшие поиски радиста следует прекратить, так как о намерениях стало известно большому кругу лиц без видимых результатов, Коппи неизвестен в Центре. Предписывалось через «Старшину», предварительно выяснить принципиальное согласие Коппи и его отношение к воинской повинности. В положительном случае и при подтверждении гарантии со стороны «Старшины» руководство согласилось с использованием «Кляйна», но только для обслуживания группы «Старшины»².

«Надеемся, говорилось в конце указания Центра, что резидентуре удастся создать две нелегальных группы: в составе “Корсиканца” и “Лучистого”, а также “Старшины” и “Кляйна”. Это подстраховывало бы связь с антифашистами от возможных срывов»³.

Коротков тщательно готовился к очередной встрече с «Корсиканцем», сомневаясь, однако, что сумеет его переубедить. В результате беседы с Эрдбергом «Корсиканец» согласился только с тем, что будет собирать информацию, хранить шифр и контролировать работу радиоточки.

Вести разговоры на эту тему с «Корсиканцем», а также с «Лучистым» совершенно бесполезно, — доложила резидентура в Москву. — Всю необходимую организационную работу взял на себя «Старшина» и в целом с ней справился. После получения «Старшиной» принципиального согласия Коппи и беседы с ним Короткова был проведен инструктаж молодого антифашиста относительно работы на рации. Радист резидентуры «Аким»⁴ познакомил «Кляйна» с основами радиопередач. Состоялся пробный радиосеанс станции «Д-6»: «1000 приветов всем друзьям»⁵.

Лаконичная фраза свидетельствовала, что рация «Корсиканца» работала и нелегальная резидентура, хоть и не без труда, начала свою жизнь.

Резидент Кобулов, зная о том, что обсуждение вопросов с «Корсиканцем» о создании нелегальной резидентуры с радиоточкой проходило с трудом, по своей инициативе встретился с Харнаком. Из Москвы тут же пришло строгое предупреждение: «Ваш контакт с “Корсиканцем” и “Тенором” не одобряем. Он не вызывался никакой необходимостью. Тем более что за несколько дней до этого Вы были предупреждены о ведении за Вами гестапо усиленной слежки»⁶.

¹ Там же. Т. 2. Л. 344.

² Там же. С. 345.

³ Там же.

⁴ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 2. Л. 346.

⁵ Там же. Л. 347.

⁶ Там же. Л. 349.

Многочисленные нарушения конспирации, личная недисциплинированность, некомпетентность в работе и ряд неэтичных, аморальных проступков переполнили чашу терпения Центра. Меркулов распорядился вызвать Кобулова в Москву для личных объяснений. Непросто было решиться на этот шаг, зная, что Кобулову покровительствовал сам Берия.

Узнав о предстоявшей поездке Кобулова в Москву, Коротков обратился с личным письмом к Фитину. «Отношения с “Корсиканцем”, “Старшиной” и другими источниками, — писал разведчик, — заставляют меня поставить перед Вами вопрос о вызове меня, хотя бы на несколько дней в Москву, чтобы я мог лично доложить по всем проблемам, касающимся этой группы. Переписка по указанным вопросам была бы затяжной и не выявила всех аспектов. По моему мнению, важность группы для нас не вызывает сомнения и будет полезно продолжить с ней контакт, добиваясь максимально возможного результата. Обсуждение в Центре этих документов облегчило бы в дальнейшем наши отношения с группой. Если в Центре имеются иные мнения в отношении группы или ее отдельных членов, можно было бы рассмотреть и это, решив, как следует поступить в таком случае. Независимо от вызова т. Захара в Москву прошу вызвать и меня в Советский Союз. Это необходимо, поскольку именно я непосредственно связан с берлинскими антифашистами. 4 июня 1941 г. Степанов»¹.

Однако Центр, несмотря на поддержку Кобулова, по неизвестной причине просьбу Короткова отклонил.

В начале июня 1941 г. Короткову было ясно, что скоро будет война. Но точная дата ее начала пока не была известна, неясно было, в какой форме произойдет нападение Германии на СССР. После встречи Короткова со «Старшиной» 11 июня 1941 г. резидентура отправила в Москву следующую телеграмму: «В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены Советскому Союзу какие-либо требования, неизвестно и потому следует считаться с возможностью неожиданного удара. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен выехать в новое место расположения своей штаб-квартиры»². Более серьезного предупреждения трудно было себе представить. Через несколько дней «Старшина» и «Корсиканец» сообщили Эрдбергу сведения, которые не оставляли тени сомнения в грядущей катастрофе.

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 348.

² Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 155.

17 июня 1941 г. нарком госбезопасности Меркулов доложил эти данные Сталину, Молотову и Берии. «Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает: Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время... Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений “будущих округов” оккупированной территории СССР... На собрании хозяйственников, предназначенных для “оккупированной территории СССР”, выступил также Розенберг¹, который заявил, что понятие “Советский Союз” должно быть стерто с географической карты. Начальник 1-го Управления НКГБ СССР Фитин»².

Сталин твердо и размашисто написал карандашом на документе: «Т. Меркулову. Может послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к е... матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.»³

На следующий день Сталин вызвал к себе Меркулова и Фитина: «Вот что, начальник разведки. Нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно? Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне»⁴.

Фитин не знал, информировал ли Сталина Пик, но был уверен, что никакой информации, в отличие от получаемой советской разведкой, Пик не представил. В источниках внешней разведки, в людях, которые состояли в нацистской партии и служили в вермахте, Сталин сомневался.

Почему Сталин скептически относился ко всему объему необычайно тревожной информации? Нельзя сбрасывать со счетов и широкую кампанию дезинформации, контролируруемую Гитлером, в которой принимали участие высокопоставленные лица рейха, например, Геринг и Риббентроп, использовавшие в своих целях такой канал доведения до Москвы лживых сведений, как Кобулов⁵.

Дезинформация просачивалась и в материалы «Красной Капеллы». Например, в агентурном сообщении из Берлина от 9.V.1941 г. со ссылкой на источник в штабе германской авиации сообщалось: «В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба ча-

¹ А. Розенберг — один из идеологов нацизма, рейхсминистр оккупированных восточных территорий.

² Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 161–163.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 220.

⁴ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М., 2002. С. 209.

⁵ Архив СВР. Захар. Д. 115852. Л. 65.

сто называется 20 мая как дата начала войны с СССР. Другие полагают, что выступление намечено на июнь. В тех же кругах заявляют, что вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды»¹. Дезинформация о якобы готовящемся Германией ультиматуме, лишь после предъявления которого развернуться боевые действия, а также неоднократный перенос сроков начала германского наступления на СССР укрепляли недоверие Сталина к сообщениям «Корсиканца» и «Старшины»².

Однако и достоверная информация, добытая разведкой, оставалась в силу сложившейся политической конъюнктуры по существу не востребованной в полной мере. Вместе с тем по распоряжению советского руководства в центральные военные округа перебрасывались миллионы солдат и офицеров, за Уралом создавались крупнейшие запасы стратегического сырья, готовилась дублирующая система управления в Куйбышеве (ныне Самара), наращивались темпы оборонной промышленности. Сталин был готов пойти на значительные уступки, только бы оттянуть начало войны с Германией. Западные разведки замечали военные приготовления СССР и характеризовали их как оборонительные. Однако германская пропаганда использовала их для раздувания враждебной антисоветской кампании, а спецслужбы Германии распространяли в этой связи дезинформацию о том, что рейх вынужден готовиться к «превентивной» войне против СССР³.

После 22 июня 1941 г. информация от берлинской группы некоторое время не поступала. Позывные «Д-6» («Корсиканца») и «Д-5» («Старшины») не были слышны в эфире. После потери радиостанции под Брестом Фитин направил письмо заместителю начальника РУ КА генерал-майору А.Б. Панфилову с просьбой дать указание установить связь с радиостанцией в Берлине. Пункт приема желательно создать в районе Минска⁴. Но Минск был также оставлен советскими войсками.

Не раз чекистская и военная разведка оказывали друг другу помощь, проверяли через свои каналы добытую информацию, обменивались сведениями, предупреждали об опасности. Это, впрочем, не исключало соперничества между разведками за приоритет и первенство.

В октябре 1941 г. центральные государственные учреждения, среди которых был приемно-передающий радиоузел, были эвакуированы из

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Л. 102.

² См.: Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 94.

³ Мельтюхов М.И. Миф о “превентивной” войне Германии против Советского Союза // СССР и его союзники и противники во Второй мировой войне. М., 2010. С. 26–29.

⁴ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 2. Л. 42.

Москвы в Куйбышев. Потребовалось полтора месяца, чтобы развернуть радиоузел на новом месте. По мнению экспертов, услышать маломощные позывные «Корсиканца» и «Старшины» в Куйбышеве было делом трудным и почти безнадежным¹.

Еще ранее, 4 июля 1941 г. руководство внешней разведки отдало распоряжение своим резидентурам в Лондоне и Стокгольме слушать позывные «Корсиканца» и «Старшины». Но все безрезультатно.

Тревожная неизвестность, собственные ограниченные возможности заставили Фитина обратиться в РУ. В августе 1941 г. чекисты и военные договорились об установлении связи военной разведкой с берлинской группой антифашистов.

Итогом этих переговоров явилась телеграмма, адресованная резиденту военной разведки «Отто» (Л.З. Трепперу. — Б.Х.) в Париже (связь через Брюссель): «При посещении Берлина явиться к Адаму Кукхофу или его жене по адресу Вильгельмхойер-штрассе, 18, тел. 83-62-61, вторая лестница налево, верхний этаж и заявить, что присланы другом “Арвида” (новый псевдоним Харнака. — Б.Х.) и “Харо” (Шульце-Бойзен. — Б.Х.), которого “Арвид” знает как Александра Эрдберга. Напомнить о книге, которую Кукхоф подарил Эрдбергу незадолго перед войной и его пьесе “Уленшпигель”. Предложить Кукхофу устроить Вам встречу с “Арвидом” и “Харо”. В случае невозможности встречи выяснить через Кукхофа:

1. Когда начнется связь, почему ее нет?
2. Где и в каком положении находятся все друзья (в частности известные “Арвиду”: “Итальянец” (В. Хавеман), “Штральман” (Г. Коппи), “Лео” (предположительно Скржепчинский), “Карл” (возможно, К. Беренс) и др.
3. Получить подробную информацию для передачи Эрдбергу.
4. Предложить срочно послать человека на личную связь в Стамбул — лично явиться к торгпреду, или в Стокгольм — лично явиться к консулу, в обоих случаях от имени Штральмана.
5. Подготовить квартиру для приема людей.

В случае отсутствия Кукхофа явиться к жене “Харо” — Либертас Шульце-Бойзен по адресу Альтенбургер Аллее, 19, тел. 99-58-48 и заявить, что прибыл от имени человека, которого с ней познакомила Элизабет в Маркварте (местечко Маркварт под Берлином было известно своим рестораном. В нем Эрдберг встретился с Коппи. — Б.Х.). Задание то же, что и при встрече с Кукхофом. 26 августа 1941 г.»

К тексту имеется примечание: «Эрдберг Александр, немец, сотрудничал с советским торгпредством в Берлине, связан с ПГУ НКВД». Те-

¹ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 20.

леграмму подписал зам. начальника РУ РККА Панфилов и комиссар РУ Ильичев. Завизировал документ начальник разведки НКГБ Фитин¹.

Однако телеграмма была отправлена резиденту военной разведки в Брюсселе А.М. Гуревичу («Кенту») только в сентябре 1941 г. Задержка объяснялась тем, что вначале к этому делу был привлечен Л.З. Треппер («Отто»). Треппер доложил в Центр, что может послать в любой момент с заданием завербованного им надежного человека — В. Максимовича². Но «Отто» переоценил возможности Максимовича: оккупационные власти в Париже не выдали ему визы в Берлин, и поездка сорвалась. Тогда «Отто» предложил с согласия А.М. Гуревича направить его с заданием в Берлин.

В середине октября 1941 г. «Кент» выехал из Брюсселя в Берлин, где находился с 26 октября по 5 ноября 1941 года. В пригороде Берлина (Каров, Шпинола Штрассе, 4) «Кент», приняв меры предосторожности, посетил К. Шульце («Берга»), радиста советской военной разведчицы И. Штёбе («Альте»), сотрудницы министерства иностранных дел Германии. «Кент» передал ему книгу, служившую основой шифра, и проверил, как он усвоил код, ему же была передана программа радиосвязи с Центром.

Выждав сутки и убедившись в том, что за ним не ведется слежка, «Кент» по телефону связался с Л. Шульце-Бойзен. «Кент» обратился к Либертас с просьбой организовать ему свидание с «Харо» на следующий день, которое и прошло без каких-либо помех. Беседа А.М. Гуревича с Х. Шульце-Бойзенем была продолжительной. «Харо» задал «Кенту» вопрос, который он, откровенно говоря, не ожидал: почему в СССР не прислушались к предупреждениям о готовившейся войне и оказались сейчас в трудном положении? «Кент» высказал свое мнение на этот счет, с которым Шульце-Бойзен в общем согласился и добавил: «Рано или поздно Советский Союз сломает шею Гитлеру. Германия проиграет эту войну»³.

«Харо» сообщил «Кенту» важную информацию, которую разведчик тайнописью занес в записную книжку. Из Берлина А.М. Гуревич отправился в Прагу с целью восстановления радиосвязи с местной разведгруппой, потерявшей контакт с Москвой. Но группа была разгромлена гестапо и «Кенту» повезло, что засада была уже снята. Вернувшись в Бельгию, Гуревич до 28 ноября в несколько радиосеансов передал в Москву сведения «Харо».

¹ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 20. Текст телеграммы повторяется в: Корсианец. Д. 34118. Т. 1. Л. 44.

² Барон Василий Максимович, русский эмигрант, по специальности инженер, участник группы «Отто». Был схвачен гестапо и после пыток казнен.

³ Цит. по: Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной Капеллы» // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

По данным «Старшины», на весну 1942 г. предполагалось наступление вермахта на Кавказ, прежде всего на Майкоп. Это диктовалось острой нехваткой нефти в Германии. Запасы горючего, имевшиеся в распоряжении германской армии, могло хватить до февраля – марта 1942 г. Имелось в виду укрепить пехотные части под Москвой и Ленинградом за счет парашютистов, принимавших участие в операциях на Крите. Ленинград будет изолирован от страны и его принудят к сдаче посредством блокады. Главные атаки направлялись в сторону нефтеносных районов Кавказа.

Несмотря на то, что немцы не установили приборы на самолетах для применения боевых отравляющих веществ, их крупные запасы указывают на то, что химическая война немцами подготавливается. Немецкие летчики снабжены противогАЗами, как и наземные войска. Немецкая авиация понесла крупные потери и к тому времени имела 2700 самолетов всех типов, годных к использованию в бою. У немцев была потеряна уверенность в скорой победе. Они обеспокоены тем, что помощь Англии и Америки СССР может существенно повлиять на исход операций против России. Немцы овладели дипломатическим шифром СССР, который они захватили в советском генеральном консульстве в Петсамо. Немцы расшифровали большую часть телеграмм, посылаемых английским правительством руководству США. Немцы раскрыли всю систему английской разведки на Балканах. Канарис за большие деньги завербовал офицера Жау, начальника штаба генерала де Голля. Вербовка Жау была осуществлена в Португалии. Жау посетил также Берлин и Париж. С его помощью немцы раскрыли систему шпионажа генерала де Голля во Франции. Произведены были крупные аресты, главным образом среди офицерского состава¹.

Военная разведка информировала Сталина и получила высокую оценку добытым «Харо» сведениям. Сообщив об этом «Кенту», руководство РУ КА отметило, что разведчик представлен к правительственной награде за успешное выполнение задания.

Копии сообщений «Кента» были пересланы РУ КА руководству внешней разведки. По указанию Фитина информация была доложена Берии.

Солидный пакет данных из Берлина, полученных во время тяжелых боев за Москву, показал, что берлинская группа «Корсиканца» и «Старшины» жива, действует, по-прежнему верит в разгром Гитлера и намерена продолжать антифашистское Сопротивление. «Кент» проинформировал Москву, что организация значительно выросла: в ней более 200 человек². Успех «Кента» в налаживании связи с берлинской группой

¹ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 22–32.

² Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 8.

антифашистов закрепить не удалось. В конце 1941 г. его резидентура в Бельгии была разгромлена немецкой контрразведкой, а сам он был вынужден обосноваться в г. Марселе.

Однако советская внешняя разведка не собиралась отказываться от дальнейших попыток наладить связь с «Корсиканцем» и «Старшиной». Руководство командировало в лондонскую резидентуру двух опытных агентов «Бригадира» и «Вахе». В декабре 1941 г. в Лондон было дано указание резиденту «Джону» подготовить двух агентов к заброске на континент с целью проникнуть в Берлин, встретиться с антифашистами и организовать устойчивую радиосвязь с Москвой¹. Но во время тренировочных прыжков «Вахе» едва не разбился и операция сорвалась, не успев начаться.

Для достижения поставленной задачи, которая по-прежнему оставалась для внешней разведки одной из главных, решено было привлечь резидентуру в Швеции. 23 января 1942 г. в Стокгольм резиденту «Кину» — Б.А. Рыбкину была отправлена шифротелеграмма с требованием подобрать в кратчайшие сроки надежного человека для направления в Берлин². Рыбкин предложил Центру кандидатуру «Адама», члена правления коммерческой фирмы, еще до войны посещавшего столицу рейха по своим делам³. Не имея другого выбора и доверившись резидентуре, Центр согласился с предложением «Кина». Времени практически не оставалось для дальнейших поисков курьера⁴. Задание «Адаму» носило ограниченный характер. Он должен был встретиться в Берлине с К. Шумахером или его женой, К. Шульце, это было согласовано с РУ КА, а также с «Кляйном» при необходимости. На встрече с одним из подпольщиков «Адам» должен был передать записку, но не вступать в разговоры. Какие-то сомнения в отношении агента у Центра, видимо, остались. Поручалось ему и заложить в городском парке тайник с деньгами, хорошо запомнить место.

«Адам» возвратился из поездки в Берлин во второй половине июня 1942 г. и рассказал «Кину», что ему удалось встретиться с «Бергом». «Берг» по своей инициативе предложил условия явки для установления контакта с ним, если это потребуется. Инициатива агента объяснялась тем, что «Берг» собирался поменять квартиру. В его зашифрованной записке сообщалось: «Нет анодов. Достаю источники питания. Ганс вызывает безрезультатно. Пытаемся сделать все. Берг»⁵

¹ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 2. Л. 74.

² Там же. Л. 83.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Там же. Л. 104.

⁵ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 2. Л. 106, 166.

Из полученного послания в Центре сделали вывод, что дела у «Корсиканца» и «Старшины» осложняются и им необходима помощь на месте. О проблемах «Берга» было проинформировано РУ КА.

К этому моменту положение разведчиков-чекистов немного улучшилось. У них появилась собственная база для подготовки нелегалов для заброски в глубокий немецкий тыл и подходящие для этого люди. Несколько месяцев на подмосковном объекте обучалась группа антифашистов-интернационалистов. Среди них были А. Хесслер и Р. Барт.

А. Хесслер за 32 года жизни сменил немало рабочих профессий. Убежденный революционер, он подвергся преследованиям в Германии и был вынужден эмигрировать. На стороне республиканских сил он в 1936 г. сражался в Испании против фашизма как комиссар роты, а потом и ее командир. После ранения лечился в Испании и во Франции. Французские власти выслали Хесслера в Советский Союз. После полного выздоровления он работал на Челябинском тракторном заводе. Там же познакомился с К.С. Рубцовой, врачом, ставшей его женой. Кандидатура Хесслера, он же «Франц», «Бруно», «Хельмут Виснер», «Вальтер Штайн» — не вызывала сомнений¹.

В напарники Хесслеру для его подстраховки выбрали Роберта Барта («Бек»). Ровесник Хесслера, он происходил из рабочей семьи, по профессии печатник. С 1929 г. состоял в КПП, подвергался гонениям. В 1939 г. призван в немецкую армию. 2 марта 1942 г. Барт сдался в плен Красной Армии под Харьковом². Добровольно согласился пройти курс обучения в разведшколе. Проверка Барта через Исполком Коммунистического Интернационала подтвердила сообщенные им о себе сведения.

В ночь с 4 на 5 августа 1942 г. «Франц» и «Бек» были сброшены на парашютах под Брянском в районе действия партизанских отрядов. В десятых числах августа они благополучно прибыли в Берлин под видом отпущенных на отдых военнослужащих вермахта³. «Франц» должен был осесть в Берлине и наладить устойчивую связь с Москвой, ему дал явки к «Тенору», «Ани», «Бергу» и адрес «Корсиканца»⁴.

На первое время «Бек» обеспечил «Франца» жильем у родственников в Берлине. После этого они расстались. Явки «Беку» к берлинским подпольщикам не давались. Ему следовало надежно обосноваться в Берлине и в дальнейшем выйти на радиосвязь с Центром.

¹ Архив СВР. Франц. Д. 26742. Л. 15.

² Griebel K., Coburger M., Scheel H. Erfasst?: das Gestapo-Album zur Roten Kapelle. S. 208.

³ Архив СВР. Обзор. Спецномер 298. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 26.

С помощью «Тенора» «Франц» встретился с Шульце-Бойзенем, установил контакт с Коппи¹. На квартире Брокдорфов он и «Кляйн» раз-вернули радию и в сентябре дважды попытались наладить двустороннюю связь с Москвой.

Внезапно «Франц» на длительное время исчез. Он появился в эфире только 8 октября 1942 г. и коротко сообщил, что положение тяжелое, что он трижды сменил квартиру, поступают тревожные сведения относительно берлинских антифашистов².

В середине октября 1942 г. начались аресты. 15 октября 1942 г. от «Франца» была принята путанная, подозрительная телеграмма, в тексте которой повторялись отдельные столбцы цифр. Но в Центре не придали этому значения. Днем раньше, 14 октября 1942 г., такая же неразборчивая телеграмма поступила и от «Бека», похожая на обусловленный в Москве сигнал тревоги³.

В конце октября 1942 г. руководство внешней разведки обратилось в штаб-квартиру радиосвязи за разъяснениями, какие же телеграммы были приняты?

Радиосвязь с корреспондентом 4-24 («Бек»), ответил радиоцентр, проходила чрезвычайно напряженно по причине слабой его слышимости и плохой работе на ключе, вследствие чего прием каждой группы цифр радиогруппы производился по несколько раз. Установить точно, давал ли корреспондент повторения групп в смысле его работы под диктовку или же по причине плохого радиоприема невозможно⁴.

«Бек» использовался гестапо как радист, пока аналитики внешней разведки в начале 1943 г. не дали заключение: все его сообщения носят поверхностный характер и, по-существу, провоцируют Центр на постановку новых заданий, раскрывающих явки наших агентов, посылку денежных средств и раскрытие тайников впустую. От продолжения связи с ним отказались. В 1945 г. «Бек» оказался в плену у американцев, которые передали его советской стороне. «Бек» был доставлен на Лубянку. Особое совещание обвинило его в предательстве и сотрудничестве с гестапо, стандартное обвинение, предъявленное многим разведчикам, побывавшим в застенках гестапо, и приговорило к высшей мере наказания⁵.

Операция «Франц» – «Бек», хотя и не достигла полностью намеченной цели, была очень важна: в то время, как вермахт рвался к Сталинграду и уже предвкушал скорую победу, два советских разведчика

¹ Архив СВР. Франц. Д. 26742. Л. 16.

² Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 166.

³ Архив СВР. Обзор. Спецномер 298. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ Архив СВР. Обзор. Спецномер 298. Л. 74.

проникли в Берлин, а один из них встретился с представителями антифашистской группы.

Руководство внешней разведки, не получая регулярных известия из Берлина, не теряло надежду связаться с антифашистами. С этой целью чекисты предприняли новую попытку выяснить положение А. Кукхофа и других членов организации с помощью РУ КА. В конце 1942 г. и начале 1943 г. разведуправление Красной Армии на запросы Фитина дважды ответило примерно одно и тоже: наш человек в Берлине обращался по указанному телефону, но никто к аппарату не подошел¹.

К этому времени основное ядро берлинской группы было разгромлено нацистской контрразведкой.

«В середине 1942 г., — писал в мемуарах Шелленберг, — нам удалось проникнуть в крупнейшую советскую шпионскую организацию, которая впервые появилась в поле нашего зрения летом 1941 г., создав обширную сеть радиосвязи. Мы дали этой организации название “Красная капелла”, (в противоположность “Черной капелле” — группа сопротивления, сформировавшаяся вокруг адмирала Канариса и генерала Остера)»².

Шелленберг имел в виду, что только в середине июля 1942 г. немецкие дешифровальщики прочитали телеграмму Москвы, адресованную в августе 1941 г. первоначально Л.З. Трепперу, а затем переадресованную А.М. Гуревичу с заданием посетить Берлин. Из этой телеграммы контрразведка узнала, что в Берлине действует подпольная организация, связанная с Москвой. В документе назывались: А. Кукхоф, «Арвид» и «Харо», приводились два адреса — Кукхофа и Либертас Шульце-Бойзен их домашние телефоны, пароли для связи. Были указаны клички еще пяти членов организации, давались явки для связи с разведчиками-чекистами в Стамбуле и Стокгольме, а также говорилось о предстоящем прибытии в Берлин курьеров или связников. Это было больше чем достаточно, чтобы начать разработку «Харо» и «Арвида», но далеко не все, чтобы разобраться в сложном сплетении имен и лиц³.

Как и когда немецкой контрразведке удалось прочитать то, что считалось недоступным и не могло быть раскрыто обычными методами дешифрования? После начала войны Германии против СССР «функабвер» — служба радиоперехвата военной разведки Германии обнаружил активную работу радиопередатчиков в Бельгии⁴. Немного позже, в ночь с 25 на 26 июня была засечена радиоточка и в самом Берлине, но она быстро ушла из эфира⁵.

¹ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Л. 5, 78.

² Шелленберг В. Мемуары. С. 221.

³ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 44–45.

⁴ Шелленберг В. Мемуары. С. 221.

⁵ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 118.

Первые сведения о действии коротковолновых передатчиков настояжили руководство контрразведки. Шеф абвера адмирал В. Канарис, начальник «функабвера» генерал-лейтенант Ф. Тилле, шеф гестапо Г. Мюллер и В. Шелленберг немедленно собрались для обсуждения ситуации и принятия необходимых мер. Было решено впредь действовать согласованно, проводить широкомасштабные совместные действия¹. Мюллер тем не менее создал самостоятельную радиостанцию для слежения за эфиром Бельгии и северной Франции. Бельгийской группой зондеркоманды «Красная капелла», в пригороде Брюсселя по ул. Атрребат были захвачены «Аннет», С. Познанская — шифровальщица парижской резидентуры, радист-стажер из Парижа «Антонио» — Давид Ками (Каминский), хозяйка виллы Жульет. Был задержан на конспиративной квартире также «Хемниц» — М.М. Макаров, заместитель «Кента» и его радист. Собрал разведчиков в конце декабря 1941 г. «Отто», специально прибывший для этого из Парижа. После первых дней упорного молчания, арестованные под жестокими пытками гестапо заговорили. Макаров открыл шифр и ключ к нему, расписание работы радиостанции, длину радиоволны, позывные, известные ему сведения о «Кенте» и «Отто» и др.²

Проводившиеся до этого работы по дешифровке перехваченных радиogramм под руководством доктору Фаука дали не так уж много. После того, как из гестапо поступили вышеназванные сведения вместе с обрывками обгоревших криптограмм, Фаук стал успешно продвигаться с дешифрованием перехваченного материала. Шелленберг подчеркнул особые заслуги Мюллера в обнаружении «Красного оркестра»³.

По словам бельгийского журналиста Р. Шейсенса, захват в декабре 1941 г. в Брюсселе радиста «Красной капеллы» немецкой поисковой группой, снабженной радиопеленгатором, послужил отправной точкой для следствия гестапо, которое привело к установлению личности «Харо» — Харро Шульце-Бойзена⁴.

Это подтверждается и документами советской внешней разведки. В аналитической справке ПГУ КГБ СССР, предназначенной для министерства госбезопасности ГДР, отмечается, что разгром группы «Корсиканца» и «Старшины» явился следствием провала одного из звеньев разведывательной цепи⁵. Это дало повод спецслужбам рейха как бы

¹ Coppi H., Danyel J., Tichel J. Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. S. 140.

² Архив СВР. Обзор. Спецномер 298. Л. 67.

³ Шелленберг В. Мемуары. С. 221.

⁴ Les Dossiers de la seconde guerre mondiale / par H. Bernard [et al.]. Verviers, 1964. P. 172.

⁵ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 13.

«пристегнуть» ее к начатой с первых дней войны против СССР разработке «Красной капеллы», которой была придана общая окраска «советские разведывательные организации, охватившие всю Европу»¹.

Расшифровка шифротелеграммы Москвы от 26 августа 1941 г. стимулировала активизацию германской контрразведки. Канарис поспешил с докладом к Гиммлеру, в свою очередь Мюллер предоставил возможность Шелленбергу лично доложить Гиммлеру о достижениях спецслужб. По докладу Гиммлера Гитлер распорядился провести ускоренное следствие и держать его постоянно в курсе дел².

О розыскных действиях германской контрразведки рассказал на допросе в Москве 29 июня 1951 г. бывший оберштурмбанфюрер СС, и.о. начальника IV Управления РСХА, заместитель шефа гестапо и руководитель зондеркоманды «Красная капелла» Ф. Паннцингер. По его словам, операциями по делу «Красной капеллы» и радиоигры с Москвой руководил он, а всю работу выполнял находившийся в его прямом подчинении начальник берлинского отделения «капеллы» руководитель отдела IV-A2 гестапо Х. Копкоф. С учетом данных радиоперехвата было установлено наружное наблюдение за объектами разработки, устраивались засады на квартирах участников организации, разыскивались источники информации в генштабе и министерстве иностранных дел, откуда сведения уходили за кордон. Но разобраться во всех псевдонимах информаторов было невозможно. Особенно раздражала невозможность установления личности «Луизы», весьма осведомленного лица³. Незвестным оставался некий «Виктор» и многое другое⁴.

Выявились, рассказал Паннцингер, тесные связи Шульце-Бойзена с Шумахером и с Хайльманом. Была дешифрована переписка Москвы с Парижем и Брюсселем, показавшая, как глубоко русские проникли в секреты рейха. Оказалось разоблаченным прикрытием сети русских агентов — коммерческое предприятие «Симекс-Симекско» (Париж — Брюссель), и это привело гестапо к выводу о том, что большая часть информации, добытой русскими, отправлялась через Швейцарию в Москву.

Паннцингер говорил, таким образом, о «Красной капелле» в широком понимании этого слова⁵. Но это же свидетельствовало и о той чрезмерной путанице или сознательном искажении понятия «Красная капелла», которое допускали нацистские спецслужбы.

¹ Архив СВР. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 8–9.

² Шелленберг В. Мемуары. С. 222.

³ Центральный Архив ФСБ России. Д. 101551. Т. 9. Л. 87.

⁴ По-видимому, речь может идти о начальнике внешней разведки П.М. Фитине.

⁵ ЦА ФСБ. Д. 101551. Т. 9. С. 89.

Не сумев овладеть кодом группы советских военных разведчиков, действовавших в Швейцарии под руководством Ш. Радо («Дора»), Шелленберг оказал значительное давление на швейцарского комиссара полиции Маурера и добился через него ареста большинства членов организации «Дора»¹.

Гестапо считало свой розыск берлинских антифашистов далеко не завершенным. Но в конце августа оно узнало, что Хайльман сообщил Шульце-Бойзену о дешифровке советских радиogramм². Это внезапно возникшее обстоятельство, по словам Паннцингера, ускорило аресты в Берлине³. 31 августа 1942 г. на службе в германском министерстве авиации сотрудниками отдела IV-A2 гестапо был задержан Шульце-Бойзен. Хайльман не сомневался в истинном характере исчезновения Харро и рассказал о содержании расшифрованной радиogramмы Либертас Шульце-Бойзен и члену группы журналисту И. Грауденцу. Чемодан с книгами и записями Шульце-Бойзен он спрятал у знакомой актрисы Р. Хельсей. 5 сентября гестапо добралось до Хайльмана и доставило его в штаб-квартиру на Принц-Альбрехтштрассе. Тогда же был задержан А. Траксель, вахмистр IV отдела ставки Главного командования вооруженных сил (ОКВ). Он был дружен с Хайльманом. Есть основания полагать, что именно он сообщил Хайльману о том, что доктор Фаук идентифицировал источник «Харо», поддерживающий связи с Москвой, как Харро Шульце-Бойзена⁴. В глазах гестапо все трое представляли первостепенную опасность: Шульце-Бойзен мог дать знак членам организации скрыться, а дешифровальщики информировали его о том, как глубоко зашло следствие в раскрытии деятельности берлинских подпольщиков.

Следующие аресты антифашистов были произведены 7–8 сентября 1942 г. На побережье Восточной Пруссии на отдыхе были схвачены супруги Харнак. В вагоне поезда, следовавшего в направлении франко-германской границы, была задержана Либертас Шульце-Бойзен. Все они попали в руки следователя, отличавшегося особой жестокостью при допросах. Харнак подвергся чудовищным пыткам, Либертас сильному морально-психологическому давлению, а в камеру к ней подсадили гестаповского агента-provokатора.

С 12 по 16 сентября были задержаны наиболее активные участники группы Харнака — Шульце-Бойзена: супруги Шумахер, Ганс и Хильда Коппи, И. Грауденц, Эрика фон Брокдорф, супруги Кукхоф, В. Хуземан, Ода Шоттмюллер. До конца месяца были также арестованы журна-

¹ Там же.

² Griebel K., Coburger M., Scheel H. Op. cit. S. 58–270.

³ ЦА ФСБ. Д. 101551. Т. 9. С. 90.

⁴ Griebel K., Coburger M., Scheel H. Op. cit. S. 58–270.

лист Г. Вайзенборн, В. Хавеман, К. Беренс, которого разыскивали даже на фронте под Ленинградом.

Интенсивные аресты в Берлине продолжились в октябре, когда были захвачены старший лейтенант отдела контрразведки ОКВ Г. Гольнов, полковник люфтваффе Э. Гертц, железнодорожник Й. Зиг¹.

Сотрудники отдела IV-A2 гестапо проникли в самостоятельное звено берлинских антифашистов, возглавляемое резидентом военной разведки «Альте» — И. Штёбе, арестованной 12 сентября 1942 г. Подвергшись жестокому обращению, она, однако, никого не выдала. Среди членов ее группы находился ценный агент «Ариец» — Рудольф фон Шелиа, высокопоставленный дипломат германского министерства иностранных дел. По словам Паннцингера, группа была раскрыта в результате радиоперехвата и его дешифровки². Это верно в отношении И. Штёбе, но требует уточнения в связи с Шелиа. С момента нападения Германии на Советский Союз он стал проявлять особую настороженность и уклоняться от встреч с Штёбе. Для поддержания с ним более устойчивой и регулярной связи РУ КА в октябре 1942 г. выбросило на парашюте под Прагой своего агента Г. Кёнена, откуда он прибыл в Берлин и явился на квартиру Штёбе. Здесь он угодил в засаду. Из документов, найденных при обыске Кёнена, следовало, что целью его командировки в Берлин был Шелиа. Последний был арестован 29 октября 1942 г.³

Арест в сентябре 1942 г. А. Хесслера и его напарника Р. Барта в октябре 1942 г. привел к перехвату радиоканалов связи Центра с Берлином и в результате радиоигры с Москвой гестапо вышло на след Г.-Г. Куммерова, инженера, помощника директора фабрики «Лёве-радио АГ» и Э. Томфора, директора фабрики «Лёве-радио АГ». Оба были арестованы в ноябре 1942 г. и подвергнуты пыткам. Особенно изощренные измывательства перенес Куммеров⁴.

В декабре 1942 г. в Париже был арестован Г. Робинсон — коммунист, связанный с РУ КА. Его задержание произвело парижское отделение зондеркоманды «Красная капелла». Прямого отношения к берлинской группе Харнака — Шульце-Бойзена он не имел. Жена Робинсона — К. Шабель, член берлинской антифашистской группы, коммунистка, работница завод «АЭГ» в Хеннингсдорфе была арестована 18 октября 1942 г.⁵.

¹ Бирнат К.Г., Краусхаар Л. Указ. соч. С. 7–190.

² ЦА ФСБ. Д. 101551. Т. 9. С. 89–91.

³ Эндриу К. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 271–292.

⁴ Архив СВР. Д. 26742. Л. 17; Д. 26736. Л. 24.

⁵ Griebel K., Coburger M., Scheel H. Op. cit. S. 58–270.

К концу сентября 1942 г. было арестовано в Берлине 70 антифашистов, а к концу октября — около 100, т.е. около половины членов группы. Следовательно, несмотря на огромные силы, брошенные нацистами на разгром «Красной капеллы», арестовать всех участников антифашистского Сопротивления в Германии так и не удалось. Это признавал в частности Шелленберг.

Зондеркоманда «Красная Капелла» действовала до 13 мая 1943 г., а вплоть до 16 февраля 1945 г. гестапо шло по следу антифашистов¹. В деле «Красной Капеллы» было много обвиняемых и почти отсутствовали свидетели. Гестаповское следствие пошло на подлог. Оно разбило общее дело на многочисленные подпроцессы, в каждом из которых участвовали шесть обвиняемых. Показания одних обвиняемых использовались как обвинение против других задержанных антифашистов².

Арестованные противопоставили гестапо свою тактику. Харнак старался взять большую часть вины на себя, так как это он вовлек друзей-единомышленников в борьбу против фашистского режима³. Шульце-Бойзен различными способами стремился затянуть процесс. Он хорошо был осведомлен о группе Гёрделера, готовившейся выступить против Гитлера. Об этих заговорщиках Харро не обмолвился не единым словом, но до их выступления не дожид, как и большинство членов берлинской антифашистской организации⁴.

Приговоры осужденным утверждал Гитлер, его решение скреплял своей подписью начальник штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель.

Из 130 человек, представших перед военно-полевым судом, 49 были осуждены на смертную казнь: мужчины через повешение, женщины к гильотинированию. 3 человека покончили самоубийством в ходе следствия, остальные были осуждены к различным срокам каторги и тюрьмы⁵. Внешняя разведка до настоящего времени не располагает полными и достоверными данными о судьбе каждого члена организации Харнака – Шульце-Бойзена.

В 1969 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 42 за вклад в разгром немецкого фашизма, оказанную Советской Армии помощь и личное мужество были отмечены высокими наградами Советского Союза 32 немецких антифашиста, в большинстве посмертно. В частности, орденом Красного Знамени были удостоены доктор Арвид Харнак, Харро Шульце-Бойзен, доктор Адам Кукхоф, Ильзе Штёбе,

¹ Coppi H., Danyel J., Tuchel J. Op. cit. S. 145–155.

² Архив СВР. Д. 68400. Л. 57.

³ Архив СВР. Итальянец. Д. 34124. Л. 36–73.

⁴ Там же. Красная капелла. Д. 93629. Т. 5. Л. 11–13.

⁵ Архив СВР. Корсиканец. Д. 34118. Т. 1. Л. 284–285.

доктор Ганс-Генрих Куммеров, Герхард Кегель, Рашель Дюбендёрфер, Курт Фишер, Рут Фишер (Вернер)¹.

3.5. Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров»

Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) и «Союз немецких офицеров» (СНО) были учреждены в 1943 г. в Советском Союзе и представляли собой не только созданные с целью разложения вермахта пропагандистские структуры, но и организации немецкого антигитлеровского Сопротивления, главные задачи которых — свержение Гитлера и прекращение войны — совпадали с целями антигитлеровской коалиции. Как свидетельствовал первооткрыватель темы НКСГ в советской историографии А.С. Бланк, инициатива создания НКСГ принадлежала лично Сталину, хотя ни в одном документе соответствующее телефонное распоряжение Сталина зафиксировано не было.

В литературе высказывается мнение, что отсрочка открытия западными союзниками второго фронта в Европе в 1943 г. способствовала тому, что Сталин подверг предварительной проверке возможность заключения сепаратного мира с Германией. Для этого Советскому Союзу нужно было иметь политического партнера в лице оппозиционного Гитлеру представительства немецкого народа и армии. Роль прообраза будущего антигитлеровского и просоветского правительства Германии должен был сыграть НКСГ, который провозглашал своей целью свержение Гитлера «объединенными усилиями немецкого народа» и создание нового германского правительства.

Германское антигитлеровское правительство, в случае его создания противниками Гитлера внутри Германии или в эмиграции, могло выступить в качестве союзника Объединенных Наций. Для возможного ведения диалога с немцами Советскому Союзу нужно было создать себе политического партнера в лице оппозиционного Гитлеру представительства немецкого народа и армии. Роль «Германии без Гитлера» могли бы взять на себя НКСГ и СНО.

Советский Союз использовал НКСГ и СНО не только для пропаганды, но и для решения своих внешнеполитических задач: немецкие антинацистские организации в СССР были средством давления на Великобританию и США с целью побудить союзников к скорейшему открытию Второго фронта в Западной Европе и сделать их более сговорчивыми в других вопросах.

¹ В списке награжденных были не только участники группы Харнака — Шульце-Бойзена, но и сотрудники резидентур “Альте” и “Дора”.

В многолетнем споре историков боннской ФРГ¹, ГДР², СССР³, а теперь — объединенной Германии⁴ и России⁵ о том, кто был главным актором немецкого антигитлеровского Сопротивления, традиционно противопоставлялись друг другу участники консервативной оппозиции и

¹ Petrick B. “Freies Deutschland” — die Zeitung des Nationalkomitees “Freies Deutschland” (1943–1945). München, 1979; Roon G. van. Widerstand im Dritten Reich: ein Überblick. München, 1979; Spiegelbild einer Verschwörung: die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt. Stuttgart, 1984; Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954; Hoffmann P. Widerstand, Staatsstreich, Attentat: der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1979; Müller K.-J., Mommsen H. Der deutsche Widerstand gegen das NS-Regime: zur Historiographie des Widerstands // Der deutsche Widerstand 1933–1945. Paderborn, 1986.

² Winzer O. Zwölf Jahre Kampf gegen Faschismus und Krieg. Berlin, 1955; Adam W. Der schwere Entschluß. Berlin, 1965; Steidle L. Entscheidung an der Wolga. Berlin, 1969; Finker K. Stauffenberg und der 20. Juli 1944. Berlin, 1972; Wolff W. An der Seite der Roten Armee: zum Wirken des Nationalkomitees “Freies Deutschland” an der sowjetisch-deutschen Front 1943 bis 1945. Berlin, 1982.

³ Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933–1945). М., 1961; Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: легенда и действительность. М., 1962; Бланк А.С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964; Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель — Свободная Германия. М., 1969; Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939–1945. М., 1987; Движение сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: национальные особенности. М., 1991.

⁴ Scheurig B. Verräter oder Patrioten: das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion, 1943–1945. Berlin, 1993; Steinbach P. Widerstand im Widerstreit. Paderborn, 1994; Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Ostheer. NKFD und BDO. Antrag auf Auflösung // Kriegsgefangene – военнопленные. Düsseldorf, 1995; Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt/M., 1995; Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien Deutschen Bewegungen, 1943–1948. Stuttgart, 1997; Aufstand des Gewissens: Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933 bis 1945. Hamburg, 2000; Morre J. Hinter den Kulissen des Nationalkomitees: Das Institut 99 in Moskau und die Deutschlandpolitik der UdSSR 1943–1946. München, 2001; Möller L. Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923–1945. Wiesbaden, 2013.

⁵ Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит: очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004; Его же. Жестокая память: нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014; Всеволодов В.А. Национальный комитет “Свободная Германия для Запада” // Новая и новейшая история. 2008. № 4; Хавкин Б.Л. Российская историография германского антигитлеровского Сопротивления // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне. М., 2010; Его же. Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. 2013. № 1; Ватлин А.Ю. Немецкое антигитлеровское Сопротивление в историографии СССР и России // Новая и новейшая история. 2015. № 1.

заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. с одной стороны, и коммунисты и руководимые ими организации, в частности НКСГ и СНО, с другой.

Однако между деятелями 20 июля 1944 г. в рейхе и движением «Свободная Германия» в СССР было, наряду со многими различиями, главное сходство: эти немецкие организации боролись против Гитлера и могли рассматриваться в роли возможного правительства Германии после свержения нацистской диктатуры и, следовательно, отражали представления своих вдохновителей, создателей и участников о послевоенном будущем Германии.

Со стороны немцев-антифашистов, НКСГ и СНО были попыткой (в специфических условиях военного плена и политической эмиграции в СССР), создания немецкой антигитлеровской коалиции — направленного против Гитлера объединения немцев различных политических и религиозных убеждений, социального положения, профессий и возрастов. Манифест НКСГ формулировал важнейшие внутри- и внешнеполитические цели создаваемой организации: освобождение Германии от Гитлера, немедленное заключение мира, создание «свободной демократической Германии».

Но если стратегические цели СССР с одной стороны, НКСГ и СНО — с другой, совпадали, то тактика их достижения отличалась. Между советской военной пропагандой и призывами НКСГ и СНО была существенная разница. Для адресованных немецкими антифашистами немецким солдатам воззваний НКСГ и СНО советская «пропаганда ненависти», за исключением ненависти к Гитлеру, была неприемлема. Более того, цитируемые нацистской пропагандой призывы Симонова, Шолохова, Эренбурга удерживали немецких солдат от сдачи в советский плен и перехода в ряды НКСГ.

Если НКСГ и СНО, исходя в своей политической работе из национальных интересов немцев, пытались предотвратить военную катастрофу Германии и ставили задачу создания немецкого национального антигитлеровского правительства, то в пропаганде, проводимой Красной Армией, эти проблемы не затрагивались. Советская военная пропаганда, направленная на разложение войск и тыла противника, подчеркивала успехи Красной Армии, показывала неотвратимость поражения Гитлера, призывала немецких солдат добровольно сдаваться в плен.

Особенности пропаганды НКСГ и СНО состояли прежде всего в подчеркивании национальных задач немцев: необходимости свержения Гитлера немецким народом, а также в разработке плана, согласно которому вермахт должен был вернуться на прежние границы рейха и возвратить завоеванные территории¹. Только так немецкому антигитле-

¹ ММНА. Нвф. 976; Там же. Нвф. 977; Там же. Нвф. 1077/1.

ровскому Сопротивлению можно было получить моральное право на ведение самостоятельных мирных переговоров и предотвратить разгром Германии победителями. Но это противоречило линии союзников, которые стремились с 1943 г. вести войну до полной и безоговорочной капитуляции вермахта. В свою очередь, требование безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии противоречило программным документам НКСГ и СНО.

Если НКСГ призывал вермахт к отходу к границам рейха и свержению Гитлера силами самих немцев¹, то союзнические обязательства стран антигитлеровской коалиции, ход боевых действий на фронтах Второй мировой войны, ставили иные задачи, а именно: полный разгром нацистской Германии, привлечение к ответственности военных преступников, установление в Германии такого порядка, который не позволил бы в будущем развязывание новой войны. Эти положения вошли в документы Московской конференции министров иностранных дел, состоявшейся 19–30 октября 1943 г.

Президент СНО генерал Зайдлиц тщетно добивался того, чтобы СССР, хотя бы в осторожной форме, сделал официальное заявление о поддержке основного положения манифеста о свержении гитлеровского правительства и прекращении войны, но официального ответа советской стороны он не получил.

3.5.1. НКСГ и СНО. Судьбы Паулюса и Зайдлица

Роль прообраза будущего антигитлеровского и просоветского правительства Германии должен был сыграть учрежденный 12–13 июля 1943 г. в подмосковном Красногорске антифашистский «Национальный комитет “Свободная Германия”» (НКСГ)², который провозглашал своей целью свержение Гитлера «объединенными усилиями немецкого народа» и создание нового германского правительства³. НКСГ был попыткой создания немецкой антигитлеровской коалиции — направленного про-

¹ ММНА. Нвф. 832/1-2.

² Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель — свободная Германия. М., 1969; Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 1997. № 2. S. 179.

³ Ксерокопия пер. на рус. яз. Манифеста НКСГ // ММНА. Нвф. 977; Manifest des Nationalkomitees “Freies Deutschland” an die Wehrmacht und das deutsche Volk anlässlich der Gründung des NKFD am 12./13. Juli 1943 // Das des Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt/M., 1995. S. 265–268. Рус. пер. Учредительного манифеста НКСГ см.: За Германию — против Гитлера!: документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров. М., 1993. С. 185–236. (Далее: За Германию — против Гитлера!).

тив Гитлера объединения немцев различных политических и религиозных убеждений, социального положения, профессий и возрастов.

Делегатами учредительной конференции НКСГ стали немецкие военнопленные и антифашисты, эмигрировавшие из Германии в СССР. Они представляли различные социальные слои немецкого народа и территории Германии, разные воинские части, чины и звания вермахта. Среди выступивших в Красногорске 22 ораторов были 3 коммуниста-политэмигранта и 19 военнопленных-антифашистов, из которых 4 рабочих, 1 крестьянин, 2 служащих, 7 интеллигентов, 1 студент, 1 издатель, 2 пастора, 4 кадровых военных. Все они единодушно поддерживали идею создания антифашистского движения немецких военнопленных, руководящим органом которого должен был стать НКСГ. В состав НКСГ были избраны 38 чел.: руководители КПГ В. Пик, В. Ульбрихт, В. Флорин; профсоюзные деятели А. Аккерман, Г. Собботка; депутаты рейхстага М. Арендзее, Э. Гернле, писатели Э. Вайнерт, Ф. Вольф, И. Бехер, В. Бредель; 25 военнопленных солдат, унтер-офицеров и офицеров. В состав НКСГ вошли 6 рабочих, 1 крестьянин, 4 писателя, 8 общественных деятелей, 1 студент, 8 служащих, 1 священник, 4 кадровых офицера, 3 инженера, 1 учитель, 1 режиссер. Президентом НКСГ был избран политэмигрант-коммунист поэт Э. Вайнерт; вице-президентами — военнопленные: инженер-майор К. Хетц, лейтенант люфтваффе Г. граф фон Айнзидель, рядовой М. Эмендёрфер.¹

Членами НКСГ стали, как подчеркивал бывший командир 295-й пехотной дивизии вермахта генерал-майор д-р О. Корфес, один из первых пленных немецких генералов, перешедших на антифашистские позиции, «коммунисты и социалисты, свободомыслящие и христиане, приверженцы партии Центра и либералы, консерваторы и демократы, профессиональные военные, бывшие члены “Стального шлема” и участники штурмовых отрядов, которые извлекли уроки из своего прошлого; их объединила любовь к немецкому народу»².

Среди историков развернулась дискуссия о том, кому принадлежала инициатива создания НКСГ³. Если историография ГДР приписывала эту заслугу руководству КПГ, в частности немецким и коммунистам-политэмигрантам в СССР, которые в новых условиях выполняли решения

¹ ММНА. Нвф. 1567/3; Бланк А.С., Левель Б. Наша цель — свободная Германия. М., 1969. С. 77; Бланк А.С. Германский фашизм и западногерманский неонацизм. Вологда, 1973. Ч. 2. С. 81–82; За Германию против Гитлера! С. 107.

² Korfes O. Das Nationalkomitee Freies Deutschland // Juni 1941. Beiträge zur Geschichte des hitlerfaschistischen Überfalls auf die Sowjetunion. Berlin, 1961. S. 357.

³ Heider P. Gründung des NKFD und der BDO — allerdings Verdienst der KPD oder sowjetischer Entschluss? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1992. № 3.

нелегальных Брюссельской (состоялась 3–15 октября 1935 г. в СССР под Москвой) и Бернской (30 января – 1 февраля 1939 г. во Франции под Парижем) конференций КПП и развивали тактику единого антифашистского и народного фронта¹, то в западногерманской и частично в советской (после 1991 г. — российской) историографии утверждалось, что «непосредственный толчок для образования НКСГ исходил прямо от Сталина, а не от КПП», что создание НКСГ было решением советской стороны². Причем первоначально предполагалось создать в лице НКСГ германское правительство в эмиграции³. Однако открытое провозглашение НКСГ таким правительством могло разрушить антигитлеровскую коалицию. Поэтому нарком иностранных дел В.М. Молотов, беседуя 26 июля 1943 г. (через 13 дней после создания НКСГ) с британским послом в Москве А. Керром, заверял своего собеседника, что «Комитет “Свободная Германия” — пропагандистский комитет. Наши (советские. — Б.Х.) разведчики считают, что этот комитет полезен с точки зрения увеличения врагов Германии в германском народе и в германской армии. Мы же считаем, что чем больше будет врагов у Гитлера, тем полезнее это будет для союзников»⁴.

Формально НКСГ был учрежден как общественная организация — антифашистский комитет, по аналогии со Всеславянским комитетом, Антифашистским комитетом советских ученых, Антифашистским комитетом советской молодежи, Еврейским антифашистским комитетом⁵.

Как свидетельствовал советский историк А.С. Бланк, инициатива создания НКСГ принадлежала лично Сталину. В июне 1943 г. состоялся телефонный разговор Сталина с секретарем ЦК ВКП(б) начальником Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаковым: «Товарищ Щербаков, немцам пора создать свой антифашистский комитет на широкой основе. Уже пора. Дайте указания и предоставьте необходимые средства для этого». Ни в одном документе устное распоряжение Сталина зафиксировано не было⁶. После этого прошли все необходимые предварительные переговоры и согласования между Управ-

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Berlin: Dietz Verlag, 1966. S. 350–357.

² Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. С. 28, 79, 93, 97.

³ Мюллер-Энбергс Г. Манифест НКСГ от 13 июля 1943 г. // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 93.

⁴ СССР и германский вопрос, 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. С. 227.

⁵ Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР, 1941–1945 гг. М., 1999.

⁶ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 161; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. М., 2014. С. 363–364. Примеч. 11.

лением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); структурами формально распущенного в мае 1943 г. Коминтерна («Институты» 99¹, 100², 205³ — Отдел международной информации ЦК ВКП(б), Комиссия по политической работе среди военнопленных, аппарат Исполкома Коминтерна); Главным Политическим управлением (Главпур) РККА (7 отдел Главпур «Разложение войск противника»); Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) СССР (Главное управление по делам военнопленных и интернированных — ГУПВИ НКВД)⁴. Практической работой по созданию НКСГ занимались руководители этих структур И.С. Брагинский, Г.М. Димитров, С.А. Лозовский, Д.З. Мануильский, Н.Д. Мельников, И.А. Петров, В. Пик, А.С. Щербаков.

На учредительной конференции Национальный комитет «Свободная Германия» обратился к вермахту и германскому народу с программным манифестом, текст которого по заданию члена ЦК ВКП(б), секретаря ИККИ и члена Совета военно-политической пропаганды при Главном политуправлении Красной Армии Д.З. Мануильского написали немец-

¹ Институт 99 «курировал» НКСГ и готовил кадры для 7 отдела Главного политического управления Красной Армии. Директором Института 99 был назначен М. Козлов, бывший заведующий хозяйственным сектором хозяйственно-оперативного управления ИККИ. В административном отношении Институт 99 подчинялся НКВД, а в хозяйственном — обслуживался Особым аппаратом Управления делами ЦК ВКП(б). — Морре Й. Институт 99 // Национальный Комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. С. 123–127; Morre J. Hinter den Kulissen des Nationalkomitees: das Institut 99 in Moskau und die Deutschlandpolitik der UdSSR 1943–1946. München, 2001; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. М., 2004. С. 236–241.

² Институт 100 — бывший Первый отдел ИККИ. Директором Института был назначен бывший начальник Первого отдела ИККИ И. Морозов, который ранее работал в НКВД. В задачи Института входило осуществление курьерской спецсвязи с зарубежными компартиями, изготовление документов для нелегалов, отправляемых за границу или в тыл противника, отправка «специальных грузов» (оружия, боеприпасов, медикаментов, литературы, шрифтов, матриц, кино- и радиоимущества) для ЦК зарубежных компартий, обеспечение их радиосвязью, обучение радистов-нелегалов. — Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. С. 233–241.

³ Институт 205 — преемник Отдела печати и радиовещания ИККИ. Директором Института 205 был назначен бывший заведующий Отделом печати и радиовещания ИККИ Б. Геминдер. До мая 1945 г. главным в деятельности Института 205 было нелегальное радиовещание на различные страны мира. — Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы. С. 233–241; Морре Й. Институт 99 // Национальный Комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. С. 123.

⁴ Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР, 1939–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

кие коммунисты — журналист Р. Херрнштадт и писатель А. Курелла¹ (в дальнейшем они редактировали газету НКСГ под названием «Свободная Германия»). Манифест формулировал важнейшие внутри- и внешнеполитические цели создаваемой организации: освобождение Германии от Гитлера, немедленное заключение мира, создание «свободной демократической Германии».

Манифест объявил НКСГ представительством немецкого народа. Документ гласил: «Национальный комитет выражает мысли и чаяния миллионов немцев на фронте и в тылу, преисполненных тревогой за судьбу своей отчизны. Национальный комитет вправе и обязан в этот суровый час говорить от имени германского народа, говорить ясно и непреклонно, как этого требует серьезность переживаемого момента: Гитлер тащит Германию в бездну. Беспримерны в истории Германии поражения последних семи месяцев: Сталинград, Дон, Кавказ, Ливия, Тунис. Вся ответственность за эти поражения падает на Гитлера. И он все еще продолжает оставаться во главе армии и государства. Вдали от родины находятся сейчас германские войска. Разбросанные по фронту, простирающемуся на тысячи километров, связанные с заведомо небоеспособными и ненадежными союзниками, они поставлены лицом к лицу с мощной коалицией, силы которой с часу на час возрастают. Войска Англии и Америки стоят у ворот Европы. Близится день, когда на Германию обрушатся удары одновременно со всех сторон. Ослабленная германская армия, теснимая превосходящими силами противника, не сможет долго выдержать. Час ее крушения приближается! [...]

Годами подготовлял Гитлер эту захватническую войну, не спрашивая воли народа. Он привел Германию к политической изоляции. Он бросил безответственно вызов трем самым могущественным державам мира и привел к тому, что они объединились для беспощадной борьбы против гитлеризма. Всю Европу сделал он врагом германского народа, а имя его покрыл позором. Он — виновник той ненависти, которая окружает сейчас Германию. Никогда внешний враг не ввергал нас, немцев, в пучину бедствий так, как это сделал Гитлер. Факты неумолимо говорят: война проиграна. Ценой неслыханных жертв и лишений Германия может еще на некоторое время затянуть войну. Продолжение безнадежной войны было бы, однако, равносильно гибели нации.

Но Германия не должна умереть! Быть или не быть нашему отечеству — так стоит сейчас вопрос. Если германский народ по-прежнему безропотно и покорно допустит, чтобы его вели на гибель, то с каждым

¹ Р. Херрнштадт и А. Курелла через Коминтерн были тесно связаны с Советским Союзом. Херрнштадт до начала Второй мировой руководил резидентурой советской военной разведки в Варшаве. Курелла в 1941–1945 гг. служил в 7-м отделе Главпура РККА.

днем войны не только будут истощаться и иссякать его силы, но будет возрастать и виновность его. Тогда Гитлер будет свергнут лишь силой армий коалиции. Но это будет означать конец нашей национальной независимости, нашего государственного существования, расчленение нашего отечества. И пенять нам придется тогда только на самих себя.

Если германский народ, вовремя обретет в себе мужество и докажет делом, что он хочет быть свободным народом и что он преисполнен решимости освободить Германию от Гитлера, то он завоюет себе право самому решать свою судьбу, и другие народы будут считаться с ним. Это единственный путь к спасению существования, свободы и чести германской нации. Германский народ нуждается в немедленном мире и жаждет его. Но с Гитлером мира никто не заключит. Никто с ним и переговоров не станет вести. Поэтому образование подлинно национального немецкого правительства является неотложнейшей задачей нашего народа. Только такое правительство будет пользоваться доверием народа и его бывших противников. Только оно может принести мир [...] Это правительство может быть создано лишь в результате освободительной борьбы всех слоев немецкого народа. Оно будет опираться на боевые группы, которые объединятся для свержения Гитлера. Верные родине и народу силы в армии должны при этом сыграть решающую роль. Это правительство тотчас же прекратит военные действия, отзовет германские войска на имперские границы и вступит в переговоры о мире, отказавшись от всяких завоеваний. Так оно добьется мира и возвратит Германию в среду равноправных народов. Только оно создаст для германского народа возможность свободного волеизъявления в условиях мира, возможность суверенного разрешения вопроса о государственном устройстве.

Наша цель — свободная Германия. Это означает: сильную демократическую власть, которая не будет иметь ничего общего с бессилием веймарского режима, демократию, которая будет беспощадно, в корне подавлять всякую попытку каких бы то ни было новых заговоров против прав свободного народа или против европейского мира [...]

Немецкие солдаты и офицеры на всех фронтах! У вас в руках оружие! Сохраните его! Под руководством командиров, которые сознают свою ответственность и идут вместе с вами против Гитлера, смело расчищайте себе дорогу на родину, к миру [...] Наша история показывает нам великий пример. 130 лет тому назад, когда немецкие войска стояли еще как враги на русской земле, лучшие из немцев — фон Штейн, Арндт, Клаузевиц, Йорк и другие — обратились именно из России через головы изменников — германских правителей — к совести германского народа и призвали его к освободительной войне. Подобно им, мы отдадим все наши силы, а если понадобится — и самую жизнь, чтобы поднять наш народ на борьбу за свободу и ускорить свержение Гитлера [...]

За народ и отечество! Против Гитлера и его преступной войны! За немедленный мир! За спасение германского народа! За свободную и независимую Германию!¹».

Внешнеполитические задачи НКСГ как будущего антигитлеровского германского правительства соответствовали целям антигитлеровской коалиции. Впервые эти цели были в общем виде изложены в Атлантической хартии, принятой Великобританией и США 14 августа 1941 г. Атлантические государства боролись за «окончательное уничтожение нацистской тирании» и установление такого мира, «который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории»².

24 сентября 1941 г. к Атлантической хартии присоединился СССР. В советской декларации о согласии с основными принципами Атлантической хартии говорилось, что «задача всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии... объединяет в данный момент наши страны и наши правительства... в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от... преступного, кровавого нацизма... разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма»³.

Таким образом, три самые могущественные державы мира — Великобритания, СССР и США объединили свои усилия в борьбе против Гитлера.

К борьбе против Гитлера стремился и Национальный комитет «Свободная Германия». Манифест НКСГ констатировал, что Гитлер «привел Германию к политической изоляции. Он бросил безответственно вызов трем самым могущественным державам мира и привел к тому, что они объединились для беспощадной борьбы против гитлеризма»⁴.

Но если страны антигитлеровской коалиции с точки зрения немецких антифашистов выступали в борьбе против Гитлера как внешняя сила, то НКСГ ставил своей задачей свержение Гитлера силами самих немцев. НКСГ считал своей целью освобождение Германии от Гитлера силами немецкого народа и формирование демократического немецкого правительства, которое «тотчас же прекратит военные действия, отзовет германские войска на имперские границы и вступит в переговоры о мире, отказавшись от всяких завоеваний»⁵. Тем самым НКСГ заявил о себе как о немецкой части антигитлеровской коалиции, стремящейся объединить всех немецких противников Гитлера.

¹ За Германию против Гитлера! С. 102–107.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. С. 131.

³ Там же. С. 129–130.

⁴ За Германию против Гитлера! С. 104.

⁵ За Германию против Гитлера! С. 105.

В этой связи характерна апелляция авторов манифеста НКСГ не к коммунистической революционной традиции, а к немецким национальным ценностям, к историческому примеру борьбы немцев, заключивших союз с Россией против Наполеона: «Штейн, Арндт, Клаузевиц, Йорк и другие — обратились именно из России через головы изменников — германских правителей — к совести германского народа и призывали его к освободительной войне»¹. Таким образом, если в начале XIX в. немецкое освободительное движение против Наполеона было поддержано Россией, то в середине XX в. немецкое освободительное движение против Гитлера поддерживал Советский Союз.

Однако для «германского антигитлеровского правительства» НКСГ был недостаточно представлен. Отсутствие в НКСГ старших офицеров (самым старшим по званию был майор Хетц) и генералов вермахта вызывало сомнения в авторитетности и значимости этой организации.

«Кураторами» НКСГ из ЦК ВКП(б), Института 99, 7 отдела Главпура РККА и ГУПВИ НКВД СССР было решено создать антигитлеровскую организацию генералов и старших офицеров — Союз немецких офицеров (СНО), который был бы частью движения «Свободная Германия». В августе 1943 г. наркомом внутренних дел Л.П. Берией была одобрена предложенная замначальника 4-го управления НКВД-НКГБ и замначальника ГУПВИ (начальником оперативно-чекистского отдела) комиссаром госбезопасности (генерал-майором) Н.Д. Мельниковым кандидатура президента СНО — бывшего командира 51-го армейского корпуса разбитой под Сталинградом 6-й армии вермахта генерала артиллерии В. фон Зайдлица. Хотя прусский аристократ и потомственный военный Зайдлиц занимал высокое положение в вермахте и был широко известен в Германии, на посту главы СНО для советской стороны была бы, разумеется, предпочтительнее фигура Ф. Паулюса — первого, и на тот момент единственного, германского генерал-фельдмаршала, добровольно сдавшегося в плен. Но Паулюс возражал как против создания этой организации, так и против своего участия в ней.

О желании вступить в СНО заявили бывшие командиры: 389-й пехотной дивизии генерал-майор М. Латтманн, 295-й пехотной дивизии генерал-майор д-р О. Корфес, 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. фон Даниэльс. Однако 17 генералов во главе с Паулюсом, а также 1-й адъютант Паулюса полковник В. Адам 1 сентября 1943 г. в заявлении советскому правительству осудили своих коллег: «Военнопленные германские офицеры, среди которых генерал артиллерии фон Зайдлиц, генерал-майор Латтманн и генерал-майор Корфес, выразили свою готовность создать “Союз германских офицеров”, чтобы действо-

¹ Там же. С. 106–107.

вать для заключения мира между Германией и Россией... Они хотят выступить с воззванием к германскому народу и к германской армии, требуя смещения немецкого руководства и гитлеровского правительства, так как только отстранение руководства делает возможным заключение такого мира... Мы резко осуждаем путь борьбы, который избрал “Союз немецких офицеров”. Военнопленный не может знать действительного положения в своей стране... военнопленный, призывающий народ и армию против их вождя, вносит разложение в их ряды и ослабляет свой народ в самое тяжелое для него время. То, что делают офицеры и генералы, принадлежащие к “Союзу”, является государственной изменой. Мы глубоко сожалеем, что они пошли по этому пути. Мы их больше не считаем своими товарищами, и мы решительно отказываемся от них»¹.

Зачинщик заявления семнадцати, Паулюс, у которого были трения с Зайдлицем еще со времен Сталинградского котла (Паулюс отклонял все предложения Зайдлица идти на прорыв из окружения), был по настоянию Зайдлица удален из лагеря военнопленных № 48 и помещен на специальный объект — дачу Дуброво под Москвой, где подвергался усиленной психологической обработке². Как вспоминал фельдмаршал, «преследовалась цель вовлечь меня, и тем самым остальных генералов, в движение “Свободная Германия”, чтобы таким единством добиться более сильного воздействия на вооруженные силы и народ. После многочисленных бесед (с генералами И.А. Петровым и Н.Д. Мельниковым, майором В.С. Штерном, профессором Арнольдом [А.Я. Гуральским³] и другими советскими спецпропагандистами. — Б.Х.), явившихся для меня основательным испытанием, я лично все же не мог отступить от моей точки зрения. Но я обещал, что постараюсь убедить генералов, находившихся в Войкове, отказаться от упомянутого выше письменного порочащего заявления относительно действий генералов фон Зайдлица, Корфеса и Латтманна. Для этой цели я поехал обратно. Однако мое предложение взять безоговорочно обратно вышеупомянутое письменное заявление встретило одобрение лишь части генералов. Чтобы добиться единодушного отказа от него всех, я согласился на такую

¹ Заявление подписали: генерал-фельдмаршал Паулюс, генерал-полковник Хейц, генерал пехоты Штреккер, генерал-лейтенант Сикст фон Армин, генерал-лейтенант Шлеммер, генерал-майор Фассоль, генерал-лейтенант Дебуа, генерал-майор Вульц, генерал-майор Лейзер, генерал-майор Роске, генерал артиллерии Пфеффер, генерал-лейтенант Занне, генерал-лейтенант Роденбург, генерал-майор Магнус, генерал-штабс-врач Ренольди, генерал-майор фон Ленски, генерал-майор фон Дреббер, полковник Адам. — “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С. 88–89.

² Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. С. 167.

³ Подробнее о А.Я. Гуральском см.: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 115–117; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 108.

формулировку (принятую всеми), которая хотя и снимала первоначальное единодушное осуждение действий генералов Зайдлица, Корфеса и Латтманна, но не определяла при этом отношения каждого из них к движению “Свободная Германия”. Одновременно... я на основании письменного заявления, без своей оценки, чисто по существу, сообщил генералам мотивы, побудившие Зайдлица, Корфеса и Латтманна к такому шагу. Кроме того, я объявил, что впредь не должно быть каких-либо коллективных действий против движения “Свободная Германия” и что никто не имеет права в своих решениях ссылаться на мою позицию»¹.

Таким образом, Паулюс был нейтрализован и 11–12 сентября 1943 г. в Лунёво под Москвой был учрежден СНО во главе с Зайдлицем. СНО признал программу Национального комитета «Свободная Германия» и присоединился к нему². Генерал артиллерии Зайдлиц и генерал-лейтенант А. Эдлер фон Даниэльс были избраны вице-президентами НКСГ.

О создании СНО объявила газета НКСГ «Свободная Германия»³, были опубликованы документы СНО⁴, а на имя Берии направлен секретный рапорт: «Всё предусмотренное программой проведено полностью и в соответствии с мероприятиями, разработанными нами ранее [...] В состав комитета избрано 19 человек, заранее подобранных нами [...] Все делегаты подписали документы: “Союз немецких офицеров: задачи и цели” и “Обращение к немецким генералам и офицерам, к народу и армии” [...] Круглов, Петров, Мельников»⁵.

В «Обращении к немецким генералам и офицерам! К народу и армии», принятом на учредительной конференции СНО 1 сентября 1943 г., говорилось: «Гитлер и его режим несут перед историей полную, безраздельную ответственность за роковые ошибки и просчеты, которые приведут Германию к гибели, если только народ и армия своевременно не заставят повернуть обратно. Гитлер, как политик, привел к созданию направленной против Германии непреодолимой коалиции могущественнейших держав мира. Гитлер, как полководец, привел германскую армию к жесточайшим поражениям [...] Война продолжается исключительно в интересах Гитлера и его режима, вопреки интересам народа и

¹ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 167–168. См. также: Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 95–97.

² Задачи и цели СНО Сентябрь 1943 г. // ММНА. Нвф. 1572/74.

³ Freies Deutschland. 1943. № 8/9 (15.09).

⁴ Die Gründung des Bundes deutscher Offiziere: Protokoll der Gründungstagung. September 1943 // Nationalkomitee “Freies Deutschland”, 1943. Рус. пер. см.: За Германию — против Гитлера!: документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров. М., 1993. С. 185–236.

⁵ “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С. 89–90.

отечества. Продолжение бессмысленной и безнадёжной войны может со дня на день привести к национальной катастрофе. Предотвратить эту катастрофу уже сейчас — таков нравственный и патриотический долг каждого немца, сознающего меру своей ответственности»¹.

В докладе на учредительной конференции СНО бывшего начальника связи 6-й армии полковника Г. ван Гувена «Положение Германии зависит от решения армии» был дан глубокий анализ военно-политической ситуации. Ван Гувен поставил вопрос о гарантиях для Германии, которые он видел в выполнении «программы действий англо-советско-американской коалиции» и в заявлении Сталина 6 ноября 1942 г.: «Только своевременное окончание войны гарантирует Германии заполучение почетного мира, который сможет обеспечить сохранение и жизнь нации. Обеспечить эти гарантии в данный период времени должен и сможет сам немецкий народ, так как вооруженные силы армии и экономика еще представляют собой еще реальную силу. В случае же продолжения войны эта возможность будет утрачена. [...] Эти гарантии покоятся далее на торжественном заявлении маршала Сталина, сделанном им 6 ноября 1942 г. перед лицом мировой общественности. Это заявление, которое должно лечь в основу работы “Союза немецких офицеров”, заключается в следующем: “Программа действий англо-советско-американской коалиции гласит: уничтожение расовой исключительности, равноправие наций и неприкосновенность их территории; освобождение поработанных наций и восстановление их суверенных прав; право каждой нации устраиваться по своему желанию; экономическая помощь всем потерпевшим нациям и содействие им в деле достижения их материального благополучия; восстановление демократических свобод, уничтожение гитлеровского режима”»².

Цитируя доклад Сталина на торжественном заседании 6 ноября 1942 г. в честь 25-годовщины Советской революции³, ван Говен и другие учредители СНО рассматривали изложенную советским лидером программу действий англо-советско-американской коалиции в качестве основы работы «Союза немецких офицеров». Тем самым СНО, а значит и НКСГ, встали на платформу коалиции Великобритании, СССР и США. «Это коалиция, — по словам Сталина, — прогрессивно обростает миллионами сочувствующих людей, готовых биться вместе с ней против тирании Гитлера. [...] У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно унич-

¹ Обращения НКСГ к немецким офицерам СССР. 1943–1950 гг. // ММНА. Нвф. 1531/54; За Германию — против Гитлера! С. 229.

² За Германию — против Гитлера! С. 196.

³ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 61–77.

тожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и должно»¹.

Ван Гувен апеллировал к глубоким традициям германо-советской дружбы, упоминал о «благодарных плодах многолетнего сотрудничества» между Германией и Россией. «Скорейшее заключение мира и установление дружбы с народами СССР и другими народами являются для Германии жизненным вопросом. Об этом всегда говорил никто иной как трезвый и умный, хорошо разбирающийся в политических делах, генерал-полковник Сект»².

Однако речи Зайдлица, Корфеса, ван Гувена и других членов СНО не убедили Паулюса присоединиться к этой организации. В спецсообщении «О работе с военнопленным фельдмаршалом Паулюсом», подписанном Мельниковым 27 сентября 1943 г., говорилось, что «Паулюс еще не может принять окончательного решения [...] и высказал Латтманну и фон Даниэльсу сомнение в отношении того, нужно ли сейчас идти по пути разложения действующей германской армии [...] После этих разговоров с Паулюсом генерал Латтманн заявил нашему оперативному работнику [майору В.С. Штерну. — Б.Х.], что он намерен вопрос об участии Паулюса в офицерском союзе поставить перед ним в категорической форме и что, если Паулюс будет продолжать колебаться, прекратить с ним всякие отношения. Генерал фон Даниэльс, не разделяя этих выводов генерала Латтманна, сообщил: «Паулюс всё равно к нам придет, но это только вопрос времени. Сейчас он еще надеется на то, что с Германией еще не все потеряно, и поэтому боится сказать свое окончательное слово»³. Однако Паулюс признал цели СНО честными и согласился убедить генералов, подписавших 1 сентября 1943 г. меморандум советскому правительству, отозвать этот документ. 17 октября 1943 г. появилось следующее заявление: «Как нам сообщили, наше коллективное заявление от 1 сентября 1943 г. рассматривается как поступок, направленный против Советского Союза. Т.к. наш поступок ни в коем случае таких намерений не предусматривал, то мы, не изменяя своих взглядов на законы нашей родины, берем свое заявление, сделанное правительству Советского Союза, назад. Лагерь для военнопленных № 48»⁴. Это заявление подписали все генералы, ранее поставившие свои подписи под заявлением от 1 сентября 1943 г., кроме Шлеммера, за несколько дней до того тайно вступившего в СНО.

¹ Там же. С. 71–72, 75.

² За Германию — против Гитлера! С. 197.

³ Там же. С. 92–93. См. также: ЦХИДК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 6. Л. 120–121.

⁴ “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С. 93.

Практическая работа СНО, ставшего частью движения «Свободная Германия» на платформе НКСГ, свелась в основном к антигитлеровской пропаганде, которая велась как на фронте, так и в лагерях военнопленных. Национальный комитет издавал еженедельную газету «Свободная Германия», составлял и распространял многочисленные антифашистские листовки; адресованные немецким солдатам на фронте и военнопленным в советских лагерях. У комитета была радиостанция «Свободная Германия». На передовой фронтовыми уполномоченными НКСГ использовались как мощные громкоговорящие установки (МГУ), так и окопные громкоговорящие установки (ОГУ), транслировавшие записанные на грампластинки воззвания Зайдлица, Ульбрихта, Аккерманна, Вайнерта, Айнзиделя и других деятелей НКСГ и СНО¹. Активисты «Свободной Германии» через МГУ и ОГУ обращались к солдатам, офицерам и генералам вермахта. Например, Зайдлиц зимой 1944 г. выезжал на 1-й Украинский фронт и призывал немецких солдат, окруженных в Корсунь-Шевченковском котле, сдаваться в советский плен и вступать в ряды НКСГ².

Однако между советской военной пропагандой и призывами НКСГ и СНО была существенная разница. Различие акцентов официальной советской пропаганды и целей НКСГ и СНО явствует из директивы Главпура Красной Армии от 21 июля 1943 г.: «Как видно из Манифеста Национального комитета, последний исходит в своей политической работе из национальных немецких интересов, пытается предотвратить катастрофу, к которой Гитлер уже привел Германию. Комитет старается спасти то, что еще можно спасти. Он ставит перед собой задачу — создание национального правительства. В пропаганде, проводимой Красной Армией, эти проблемы не должны затрагиваться. Продолжая развивать в нашей пропаганде темы и лозунги, вскрывающие бесперспективность для немцев исхода войны, следует делать особый упор на успехи Красной Армии, неотвратимость поражения Гитлера и на призыв к добровольной сдаче в плен офицеров и солдат»³.

Особенности пропаганды НКСГ и СНО состояли прежде всего в подчеркивании национального момента, необходимости свержения Гитлера немецким народом, а также в разработке плана, согласно которому вермахт должен был вернуться на прежние границы рейха и возвратить завоеванные территории. Только так можно было получить моральное право на ведение самостоятельных мирных переговоров и предотвратить

¹ ММНА. Нвф. 1572/82.

² За Германию — против Гитлера. С. 415; Проект листовки НКСГ обращение Вальтера фон Зайдлица. СССР, 1943–1950 гг. // ММНА. Нвф. 1531/53; Радиопередача № 2 Курта Мюллера “Группа содействия НКСГ в вермахте” // ММНА. Нвф. 832/1-2.

³ Цит. по: За Германию — против Гитлера! С. 19.

разгром Германии победителями. Но это противоречило линии союзников, которые стремились с 1943 г. вести войну до капитуляции вермахта¹.

Идеологическая партийно-политическая работа среди бойцов и командиров Красной Армии велась в духе сталинского приказа № 227 («Ни шагу назад») и союзнического требования полного разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов. Простые солдаты, преисполненные справедливой ненавистью к врагу, понимали эти требования просто: «убей немца». В основу этого пропагандистского лозунга были положены рассказ М.А. Шолохова «Наука ненависти», стихотворение К.М. Симонова «Убей его!» и публицистическая статья И.Г. Эренбурга «Убей!»².

«Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих [близких] и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!», — писал Эренбург³.

В конце Великой Отечественной войны, 14 апреля 1945 г., в «Правде» была опубликована статья начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова, содержавшая резкую критику Эренбурга и положившая конец «пропаганде ненависти». Как отмечал британский журналист А. Верт, «судя по послевоенным мемуарам Эренбурга, его выступления были подвергнуты критике по прямому указанию Сталина. Статья Александрова “Товарищ Эренбург упрощает” вменяла ему в вину два момента: во-первых, считать всех немцев “недо-людьми” значило придерживаться антимарксистской и неразумной точки зрения... Было бы совершенно неправильно предполагать, что каждый немецкий демократ или коммунист — это обязательно переде-

¹ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1956. М., 2002. С.116.

² Шолохов М.А. Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня; Симонов К.М. Убей его! // Красная звезда. 1942. 18 июля; Эренбург И.Г. Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля.

³ Эренбург И.Г. Война, 1941–1945. М., 2004. С. 256–257.

тый нацист... Во-вторых, Александров возражал против опубликованной двумя днями ранее в “Красной звезде” статьи Эренбурга под названием “Хватит!”, где автор возмущался той легкостью, с какой союзники продвигались на западе, и отмечал отчаянное сопротивление, которое немцы по-прежнему оказывали русским на востоке. Эренбург объяснял это тем, что, уничтожив на востоке миллионы мирных граждан, немцы теперь боялись Красной Армии, но не западных союзников. Соглашаясь с некоторыми из этих утверждений Эренбурга, Александров, однако, заявил, что он упрощает вопрос»¹.

Для адресованных немецкими антифашистами немецким солдатам воззваний НКСГ и СНО «пропаганда ненависти», за исключением ненависти к Гитлеру, была неприемлема. Более того, цитируемые нацистской пропагандой призывы Симонова, Шолохова, Эренбурга удерживали немецких солдат от сдачи в советский плен и перехода в ряды НКСГ.

Если НКСГ призывал вермахт к отходу к границам рейха и свержению Гитлера силами самих немцев, то союзнические обязательства стран антигитлеровской коалиции, ход боевых действий на фронтах Второй мировой войны, ставили иные задачи, а именно: полный разгром нацистской Германии, привлечение к ответственности военных преступников, установление в Германии такого порядка, который не позволил бы в будущем развязывание новой войны. Эти положения вошли в документы Московской конференции министров иностранных дел, состоявшейся 19–30 октября 1943 г.

Однако требование безоговорочной капитуляции противоречило программным документам НКСГ и СНО. Сразу после Московской конференции генерал Зайдлиц обратился куратору СНО по линии НКВД СССР генералу Н.Д. Мельникову с просьбой разъяснить, остаются ли в силе программные требования Национального комитета. В письме от 8 ноября 1943 г. Зайдлиц предлагал Мельникову не привлекать к ответственности за военные преступления участников движения «Свободная Германия», считая их антифашистскую деятельность искуплением вины перед советским народом. Президент СНО полагал, что НКСГ и офицерский союз должны рассматриваться в качестве официальных представителей новой Германии, построенной на принципах Манифеста «Свободной Германии». Зайдлиц добивался того, чтобы СССР, хотя бы в осторожной форме, сделал официальное заявление о поддержке основного положения Манифеста о свержении гитлеровского правительства и прекращении войны. Судя по повторным обращениям Зайдлица, официального ответа советской стороны он не получил².

¹ Верт А. Россия в войне, 1941–1945. М., 2001. С. 607.

² Мухамеджанов М.М. Самоликвидация или роспуск НКСГ и СНО? // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 21.

Паулюс находился в сложном положении. Он, публично более не осуждая Зайдлица и его единомышленников, участия в работе СНО не принимал. Опасения Гитлера, что в «крысоловке» (так он называл внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке. — *Б.Х.*) Паулюс непременно заговорит, выступит по радио с порочащим фюрера воззванием, не оправдались¹. Может быть потому, что обращение с Паулюсом было весьма корректным. Да и в «крысоловке» его не держали. Фельдмаршал находился в хороших условиях в лагерях и специальных объектах в Красногорске, Суздале, Чернцы, Войково, Лунёво, Дуброво и Томилино, получал сытную пищу и папиросы, квалифицированную медицинскую помощь². Паулюс много читал, вел переписку³.

Благоразумное молчание пленного фельдмаршала было оценено Берлином. Гитлер, который в ночь на 31 января 1943 г. произвел Паулюса в фельдмаршалы в надежде, что Паулюс предпочтет смерть плену, 1 февраля поносил его последними словами «за трусость, отсутствие характера и чести». Однако 3 февраля 1943 г., когда вся Германия погрузилась в национальный траур, объявленный в связи с разгромом Сталинградской группировки войск «Третьего рейха» и его сателлитов, Гитлер почтил память фельдмаршала Паулюса, «павшего смертью храбрых вместе с геройскими солдатами 6-й армии», а в мае 1943 г. наградил главного пленника Сталинграда знаком «Дубовые листья» (регистрационный № 187) к ранее врученному ордену «Рыцарский крест»⁴.

Москва, в свою очередь, не оставляла попыток включить Паулюса в антифашистскую работу. «Обработка» Паулюса проводилось по специальному плану, разработанному Кругловым и утвержденному Берией. Важную роль в привлечении Паулюса к СНО должен был сыграть Зайдлиц. Однако со времени создания СНО прошел почти год и более

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!»: стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М., 1967. С. 462–463.

² Паулюса в лагере № 48 оперировал в связи с воспалением лучевого нерва предплечья вследствие ранения, полученного в первую мировую войну, ведущий нейрохирург Ивановского медицинского института профессор П.А. Карташов. — Учетное дело военнопленного Паулюса. РГВА. Ф. 463/п. Д. 17. Л. 8.

³ Весной 1943 г. в Суздальском лагере Паулюс, по воспоминаниям работавшего с ним переводчика Александра Бланка, впервые познакомился с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. По просьбе Паулюса ему принесли «Капитал» К. Маркса на немецком и на французском языках. Долгие часы фельдмаршал занимался тем, что переводил Маркса с французского на немецкий, а затем сличал свой перевод с оригиналом и очень радовался, когда ему удавалось добиться совпадения текстов. — Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 149.

⁴ Учетное дело военнопленного генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. РГВА. Ф. 463/п. Д. 17. Л. 30б; Личный фонд генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса № 372 в военном архиве ФРГ (Bundesarchiv/Militaerarchiv).

полтора лет со времени пленения фельдмаршала, прежде чем Паулюс открыто заявил о своем переходе на антигитлеровскую позицию. Решающую роль в этом сыграли успехи Красной Армии на фронтах в 1943–1944 гг., ее приближение к границам Германии, и, разумеется, события в Берлине 20 июля 1944 г.¹

Несмотря на то, что участникам заговора против Гитлера не удалось установить прямые контакты с деятелями НКСГ и СНО, прежде всего с Зайдлицем, за действиями НКСГ и СНО из круга заговорщиков велось пристальное наблюдение. Военный руководитель антигитлеровского заговора полковник генштаба К. фон Штауффенберг симпатизировал Зайдлицу и искал связи с ним. По свидетельству перешедшего после 20 июля 1944 г. на советскую сторону фронта майора генштаба И. Куна, Штауффенберг еще в апреле 1944 г. сказал Куну, что возможно путь Зайдлица был не так уж и неверен². Однако самого Куна, после событий 20 июля 1944 г. добровольно сдавшегося в советский плен и искавшего контакты с Зайдлицем, сознательно не допускали к НКСГ и СНО³. Вероятно, это объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. Кун в итоге попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций, а в объятия военной контрразведки «СМЕРШ»: перебежчик, к тому офицер генштаба, рассматривался как возможный шпион⁴.

Участник заговора против Гитлера дипломат А. фон Трот цу Зольц в июле 1944 г. пытался, правда, безуспешно, установить контакт между деятелями Сопротивления в рейхе и НКСГ через советское посольство в Швеции⁵. Советник советского посольства в Стокгольме В.С. Семёнов отмечал, что «не исключено, что отдельные немецкие представители, настроенные против гитлеровского режима, на самом деле искали контакт с советской миссией и при этом искренне хотели способствовать

¹ Ueberschär G. Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler // Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund der Deutscher Offiziere. Frankfurt/M., 1995. S. 42.

² См.: Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 152. Примеч. 24.

³ Neue Quellen zur Geschichte des 20. Juli 1944 aus dem Archiv des FSB der RF. “Eigenhändige Aussagen von Major i. G. Joachim Kuhn / kommentiert von B. Chavkin und A. Kalganov // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2001. H. 2; Хавкин Б. Гитлер и Сталин против майора Куна // Новое время. 2002. № 11. С. 36–40.

⁴ Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. / публ. А.М. Калганова и Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 153.

⁵ Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Stuttgart, 1961. S. 201; Venohr W. Stauffenberg. S. 364; Ueberschär G. Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler // Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt/M., 1995. S. 42; Wuermeling H. Doppelspiel: Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München, 2004. S. 168–169.

скорейшему окончанию войны. Но... каждая попытка в этом направлении могла быть воспринята лишь как провокация, преследующая скрытую цель внести недоверие в ряды Антигитлеровской коалиции»¹.

Реакция Зайдлица и Паулюса на предпринятое их коллегами в рейхе покушение на Гитлера была противоречивой и нервной. «До чего докатилась наша армия! Покушаться на главнокомандующего — это какие-то балканские методы», — не сдержал своих эмоций Зайдлиц². Остро переживал события Паулюс: «Если сведения о выступлении Браухича соответствуют действительности, то положение в Германии чрезвычайно тяжелое, так как Браухич пользуется огромным влиянием. Но этого не может быть. Я хорошо знаю Браухича и не допускаю мысли, чтобы он сделал такой шаг». В беседе с начальником оперативного отдела лагеря № 48, состоявшейся 24 июля 1944 г., фельдмаршал был осторожен. «Мне трудно высказать свое отношение к событиям в Германии, так как я не располагаю достаточной информацией. Если Браухич, фон Бок и Кейтель действительно участвуют в восстании против Гитлера, то им виднее, как там поступать. Я с самого начала принял твердое решение не принимать никакого участия в политической жизни, пока я являюсь военнопленным. Это решение я не намерен пересматривать и в данный момент», — заявил он. В то же время, как отмечали в отчете на имя Круглова генерал Петров и полковник Швец, «руководящие генералы офицерского союза фон Зайдлиц, Латтманн и Ленски безгранично рады выступлению против Гитлера в Германии. Независимо от программных вопросов Браухича, Кейтеля и фон Бока, совместные действия генералов из “Союза немецких офицеров” возможны и крайне желательны по двум вопросам: а) свержение Гитлера; б) заключение мира... Для организованного выступления против Гитлера всех военнопленных немецких генералов, находящихся в СССР, и привлечения к этому фельдмаршала Паулюса генералы из Офицерского Союза считают целесообразным ... немедленно взять Паулюса на объект 25-в, где начать обработку его вместе с новыми военнопленными генералами, выступившими в печати против Гитлера и готовыми к выступлениям в дальнейшем (Гофмейстер, Мюллер, Фелькерс и др.)»³.

8 августа 1944 г., в тот день, когда в Берлине по приказу Гитлера был повешен генерал-фельдмаршал Э. фон Витцлебен, друг Паулюса, главный пленник Сталинграда заявил о своем вступлении в борьбу с Гит-

¹ Semjonow W.S. Von Stalin bis Gorbatschow: ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission, 1939–1991. Berlin, 1995. S. 149.

² Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену // НКСГ — 50 лет. Красноярск, 1994. С. 179.

³ “Союз немецких офицеров”. Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. 1993. № 0. С. 101–102.

лером. «События последнего времени, — говорил Паулюс по радио “Свободная Германия”, — сделали для Германии продолжение войны равнозначным бессмысленной жертве. Для Германии война проиграна. В таком положении страна оказалась в результате государственного и военного руководства Адольфа Гитлера... Методы обращения с населением в занятых областях со стороны части уполномоченных Гитлера преисполняют отвращением каждого настоящего немца и вызывают во всем мире гневные упреки в наш адрес. Если немецкий народ сам не отречется от этих действий, он будет вынужден нести за них полную ответственность. Германия должна отречься от Адольфа Гитлера и установить новую государственную власть, которая прекратит войну и создаст нашему народу условия для дальнейшей жизни и установления мирных, даже дружественных отношений с нашими теперешними противниками»¹. В тот же день, 8 августа 1944 г., Берия доложил Сталину об обращении Паулюса «К немецкому народу и военнопленным офицерам и солдатам, находящимся в СССР» и представил Сталину немецкий подлинник и русский перевод документа².

«Развитие военных событий до лета 1944 г. позволило мне осознать, что Гитлер не намерен сделать вывод из ставшего бесперспективным положения и что поэтому он ввергает немецкий народ в невообразимую катастрофу, — писал впоследствии Паулюс. — К тому же я получил возможность составить более полное представление о систематических зверствах и мероприятиях по истреблению населения оккупированных областей, которые проводились по приказу Гитлера. Мне стало ясно: Гитлер не только не мог выиграть войну, но и не должен ее выиграть, что было бы в интересах человечества и в интересах германского народа. Так я пришел к выводу, что теперь уже важно было ...поощрять враждебные нацизму силы и разложением фронта добиться прекращения борьбы и тем самым избежать ужасной окончательной катастрофы»³.

Выступление Паулюса получило широкий отклик в Германии. В рапорте о важнейших политических событиях начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер немедленно доложил об этом рейхслайтеру М. Борману. На нацистское руководство заявление Паулюса произвело столь сильное впечатление, что внешнеполитической разведке Шелленберга было поручено произвести идентификацию его подписи под обращением о присоединении к дви-

¹ Цит. по рус. пер. радиообращения Паулюса, опубликованному в газете “Правда” 15.12.1944 г. См. также: За Германию — против Гитлера! С. 336–338.

² Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 498. Л. 73.

³ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 178. См. также: Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 94.

жению «Свободная Германия», как и подписей других немецких генералов, присоединившихся к этому движению. Экспертиза установила безусловную подлинность подписей. Семье Паулюса было предложено публично осудить поступок своего мужа и отца, отречься от него и сменить фамилию. Когда они решительно отказались выполнить эти требования, то были подвергнуты «ограничению в правах»: сын фельдмаршала капитан вермахта Эрнст Александр Паулюс был заточен в крепость Кюстрин, а жена фельдмаршала Елена Констанция Паулюс, урожденная румынская графиня Розетти-Золеску, была заключена в концлагерь Дахау¹.

14 августа 1944 г. фельдмаршал Паулюс вступил в СНО, о чем Берия немедленно доложил Сталину². На следующий день Паулюс и 29 плененных немецких генералов подписали обращение к генералам и офицерам армейской группы «Норд», отрезанной в Прибалтике, о чем 21 августа 1944 г. Берия сообщил Сталину и Молотову³. Для Паулюса началась активная антинацистская работа, о ходе которой был подробно информирован Кремль. По инициативе Паулюса 8 декабря 1944 г. было принято составленное по его проекту обращение 50 пленных генералов к немецкому народу и вермахту. В то время, как советские войска сражались на Висле, а англо-американские — на Рейне, Паулюс признал, что война проиграна и призвал немецкий народ покончить с Гитлером и войной: «Никогда раньше никакая война не приносила столько бедствий нашему отечеству! Час крушения под ударами объединившихся противников приближается. До этого Германию довел Гитлер! Он обманул наш народ своими национальными и социальными обещаниями. [...] В головокружении первых успехов мы не разглядели грозящую опасность неумеренных планов Гитлера, приведших нас к этой гибельной войне. Нас обманули и использовали в своих целях. Мы стали слепым орудием и в итоге станем жертвами. [...] Эта политика вероломства и грубых нарушений международного права в конечном итоге привела к тому, что все народы мира объединились в войне против Германии. [...] Надежды на изменение положения больше нет! Ни одна держав мира не стает вести переговоры с Гитлером! Война проиграна! [...] Но наш народ не должен погибнуть! Поэтому эта война должна быть немедленно окончена! [...] Разумеется, наше будущее будет трудным, мы будем работать, восстанавливать, и снова пойдем в гору. На месте террора, произвола и расовой ненависти воцарятся право, порядок и человечность. Вместо нищеты и безгранич-

¹ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 179.

² Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО в зеркале московских документов // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. С. 233.

³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66, Л. 241.

ного страха наступит мир. При помощи нашего усердия и честных намерений мы будем приближаться на новом пути к тому дню, когда немецкий народ снова займет свое место среди свободных и равноправных народов. [...] Немцы! Восстановите свое доброе имя перед всем миром, сделайте тем самым первый шаг к лучшему будущему!»¹.

Этот документ стал этапом на пути мировоззренческой эволюции подписавших его немецких генералов². Как справедливо отмечает военный историк из ФРГ Ф. Уле-Веттер, «большинство генералов, и в их числе Паулюс, решились на сотрудничество с русскими, стремясь к поражению свастики, а не во имя Сталина и коммунистов России»³.

Для нового мировоззрения Паулюса, в основном сформировавшегося к этому времени, было характерно то, что он, в отличие от других активистов НКСГ и СНО, ориентировался не столько на пропагандируемую НКСГ и СНО историческую традицию барона фон Штайна, возглавившего в России во время борьбы против Наполеона Немецкий освободительный комитет, и генерала Йорка фон Вартенбурга, вопреки воле короля Пруссии заключившего с Россией конвенцию о сотрудничестве в войне против Наполеона⁴, сколько на пример генералов Гинденбурга и Людендорфа, которые потребовали от кайзера в конце сентября 1918 г. для спасения Германии начать мирные переговоры с Антантой⁵: «Гинденбург и Людендорф потребовали в 1918 г. закончить войну, когда военное положение стало безвыходным из-за превосходства обстоятельств. По той же причине мы, генералы, вместе с сотнями тысяч солдат и офицеров, присоединившихся к движению “Свободная Германия”, шлем свой призыв к вам из русского плена»⁶.

¹ Цит. по: Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 268–270; Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 180–181.

² В то же время, несмотря на призывы 50 генералов приблизить поражение гитлеровской Германии, в сообщении руководства ГУПВИ Сталину и Молотову от 27 января 1945 г. отмечалось подавленное психическое состояние и нервозность пленных немецких генералов в связи с ухудшением военного положения рейха и предстоявшим решением пограничного вопроса с Польшей. — ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 92. Л. 264–268.

³ Uhle-Wetter F. Hoehe und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984. S. 342.

⁴ Воззвание НКСГ “К генералам германской армии” от 22 июня 1944 г. гласило: “132 года назад генерал фон Йорк действовал вопреки приказу своего короля, так как знал, что наступит день, когда народ и армия поймут и одобряют его действия... Он знал, что как генерал он несет политическую ответственность за судьбу своего отечества и должен действовать в интересах нации. История не повторится, но она учит, что надлежит делать сегодня”. — За Германию — против Гитлера! С. 312.

⁵ См. об этом: Борозняк А.И. Генерал-фельдмаршал Паулюс: эволюция мировоззрения // НКСГ — 50 лет. С. 76.

⁶ Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 270.

Тем не менее, следует признать, что эволюция мировоззрения Паулюса произошла не только в результате внутреннего переосмысления и переоценки им национал-социализма и германо-советской войны. На Паулюса оказало существенное влияние давление со стороны руководства ГУПВИ (генералов Петрова и Мельникова), спецпропагандистов Швеца и Штерна. Советским офицерам в работе с Паулюсом активно помогали немецкие военачальники, взятые в плен в июне 1944 г. в результате разгрома группы армий Центр, активисты НКСГ и СНО — генералы Зайдлиц, Сикст фон Армин, Гофмейстер, Винценц Мюллер. Давление на Паулюса сочеталось с посулами. Как отмечал в докладной записке от 2 августа 1944 г. старший оперуполномоченный Штерн, Паулюс сказал, что метод непрерывного нажима на него лишь вызывает протест, что мешает ему принять решение. Предложения, сделанные ему генералом Петровым, неприемлемы. «Единственный вопрос, над которым он хочет подумать, это вопрос его участия в органах самоуправления на освобожденной территории Германии. Хотя и этот вопрос для него является трудным... В результате всего разговора мне было ясно, — писал Штерн, — что Паулюс отходит уже от позиции, занимаемой им в беседе с генералом Петровым и полковником Швец вечером 1.VIII.44 г. Поэтому я счел нужным наступать на него. Я сказал ему, что выступление 17 генералов дает нам право требовать от него определить свою позицию: считает ли он себя маршалом немецкого народа или маршалом Гитлера, ибо как с маршалом Гитлера мы имеем право расправиться с ним политически, т.е. представить его перед миром как врага будущей демократической Германии, который должен делить судьбу гитлеровской клики. В этом случае сами немцы постараются, чтобы его имя не было покрыто ореолом мученика — так что позорная смерть, по-моему, для него более неприемлемая, чем предложения, которые ему сделал генерал Петров, т.е. стать маршалом немецкого народа»¹.

Однако «маршалом немецкого народа», очевидно, хотел стать не Паулюс, а Зайдлиц. Проекты создания немецких антинацистских боевых частей НКСГ («армии Зайдлица») разрабатывались президентом СНО начиная с осени 1943 г.², но дальше создания небольших диверсионно-разведывательных и пропагандистских групп дело не пошло.

¹ Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 232–233.

² См.: документы № 5–7 // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 214–221. См. также: РГВА. Ф. 451/п. Оп. 2. Д. 6. Л. 126–129; Там же. Д. 7. Л. 174; Там же. Оп. 3. д. 7. Л. 12–15.

В литературе ФРГ до сих пор идут поиски следов этой никогда не существовавшей армии¹. За «армию Зайдлица» выдаются действия советских диверсионно-разведывательных групп численностью несколько десятков человек. Некоторые из этих групп формировались из числа активистов НКСГ и СНО, но подчинялись не Зайдлицу, а начальнику 4-го управления НКВД-НКГБ СССР, которое организовывало диверсии в тылу противника, генералу П.А. Судоплатову².

Последний раз вопрос о создании «армии Зайдлица» был поднят советским руководством 4 марта 1944 г., когда Берия направил Сталину «Меморандум Зайдлица» от 16 февраля 1944 г.³, суть которого сводилась к предложению признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать германские освободительные войска — «создать воинское подразделение Национального комитета как авангарда внутренней освободительной борьбы в Германии [...] Это может привести к тому, что станет ненужной совместная оккупация союзниками (Германии. — Б.Х.) со всеми вытекающими из нее последствиями — демаркационной линией, сферами влияния»⁴.

Однако события развивались иначе. На Тегеранской конференции 28 ноября – 1 декабря 1943 г. лидеры трех ведущих держав антигитлеровской коалиции договорились об установлении послевоенных границ Польши. Как отмечал 28 марта 1944 г. в своем дневнике Г. Айнзидель, «Теперь Советский Союз обещал Польше предоставить нечто вроде компенсации на Западе... Советская пресса не оставляла сомнений в том, что... речь шла о значительных территориях в Силезии, Померании и Восточной Пруссии. Помимо этого в своем заявлении Черчилль потребовал выделить для Польши примерно 400 километров на побережье Балтийского моря западнее Кенигсберга. Все это, естественно, глубоко шокировало членов Национального комитета... Те, кто симпатизировал коммунистам, не упустили случая, чтобы указать своим товарищам, что предложение Черчилля также является нарушением Атлантической хартии. Для генералов все это было слишком... На своей даче, куда русские обычно отвозили их на выходные, они приняли решение направить меморандум советским представителям с предложением о реорганизации комитета. В его руководстве отныне должны быть представлены только

¹ Le Tisser T. Deutsche gegen Deutsche. Spuren bewaffneter "Seydlitz-Truppen" im Einsatz 1945 // Militärgeschichte. 1995. № 4. См.: Reschin L. General zwischen den Fronten. Berlin, 1995. S. 108–124.

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 153–154, 198–200.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 35. Л. 23–31.

⁴ Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. С. 280.

генералы и члены рейхстага, и теперь данный орган должен получить статус правительства в изгнании, которому русские обязаны дать гарантии относительно будущих границ Германии». Отношение Айнзиделя к этому меморандуму явствует из его слов: «Похоже, что водка, которую они (немецкие генералы. — Б.Х.) привыкли употреблять на своей даче по выходным в компании с немцами-эмигрантами, крепко ударила им в голову»¹.

За спиной остальных членов НКСГ немецкие генералы вручили этот документ помощнику Мельникова полковнику Швецу. Через неделю он вернул его с ироническим замечанием, что в интересах подписавших документ не передавать его советскому руководству. Зайдлицу пришлось извиняться перед членами НКСГ за «нарушение демократических принципов», а Мельников задал ему настоящую трепку.

Однако меморандум Зайдлица от 16 февраля 1944 г., содержавший предложение признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать германские освободительные войска, были переданы Мельниковым «по команде»².

7 апреля 1944 г., через месяц и три дня после представления Сталину «Меморандума Зайдлица», генерал Мельников, который, вероятно, и был «идейным вдохновителем» этого документа и проекта создания «армии Зайдлица»³, застрелился. Очевидно, это и был ответ Сталина на «Меморандум Зайдлица». Поддерживая Зайдлица, Мельников допустил политически неверный шаг: весной 1944 г. Советский Союз для победного завершения войны не нуждался ни в просоветском германском правительстве за рубежом ни, тем более, в «германской освободительной армии» — создавать в советском тылу немецкие вооруженные формирования, пусть даже и антифашистские, представлялось делом опасным с военной точки зрения и политически ошибочным. Сталин не доверял немцам: «нет немцев кроме Вильгельма Пика, которым можно верить»⁴. Кроме того, муссирование темы «компромиссного мира» с Германией могло осложнить британо-советско-американские отношения накануне открытия второго фронта в Европе.

Это обстоятельство отразилось и на пропаганде Национального комитета. В принятых НКСГ 5 марта 1944 г. и изданных в виде листовки тиражом в 1 млн. экземпляров «25 тезисах об окончании войны» говорилось: «Обманом является болтовня об отсутствии единства между

¹ Айнзидель Г. фон. Дневник пленного немецкого летчика. М., 2012. С. 160–163.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 35. Л. 23–31.

³ “Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР” / публ. Л.Г. Бабиченко // Источник. 1996. № 1. С. 51–61.

⁴ Черненко А. По данным разведки: из архивов органов госбезопасности СССР // Правда. 1989. 8 мая. Эту фразу использует писатель Анатолий Рыбаков: Рыбаков А.Н. Дети Арбата. М., 2009. Кн. 3: Прах и пепел. С. 184.

союзниками. Из месяца в месяц простачи ожидают, когда же наступит раскол между союзниками. А его все нет. Напротив, все более крепнут удары союзников, единство которых все более возрастает. Уже много месяцев ожидают простачи “компромиссного мира”. Но его нет и не может быть. Гитлер бросил вызов не только правительствам, но и самим народам. В полном единстве народы и их правительства ведут войну против Гитлера. Никогда не успокоятся народы, пока не будет уничтожен разбойник, лишивший их мира и свободы. Чем больше он неистовствует, с тем большим единством и с тем большей силой громят они его [...] Возбуждение надежд на раскол между союзными державами — это планомерно культивируемый Гитлером обман¹. Тезисы заканчивались призывом: «Гитлер должен пасть, чтобы Германия жила!»².

Паулюс не одобрял проект создания «армии Зайдлица». В разговоре со Штерном 4 августа 1944 г. Паулюс поинтересовался позицией советского руководства относительно формирования немецкой освободительной армии из числа военнопленных и был «очень доволен» ответом Штерна, что Москва не заинтересована в том, чтобы немцы стреляли в немцев³.

Через шесть недель после своего вступления в СНО Паулюс обратился с личным письмом к Сталину. Излагая «как маршал маршалу» свои «глубокие соображения и надежды», Паулюс просил Сталина принять его⁴. Сталин никогда не встречался со своим высокопоставленным пленником, однако могущественное покровительство кремлевского хозяина и после войны продолжало защищать Паулюса. Хотя в СССР и были собраны необходимые для судебного процесса над Паулюсом материалы, суд над ним не состоялся. В этом его судьба выгодно отличалась от участи многих его коллег⁵, в частности двух других пленных генерал-фельдмаршалов вермахта — Клейста и Шёрнера, которых, в отличие от Паулюса, содержали не на подмосковных дачах со своими поварями и ординарцами, а в тюрьмах МГБ⁶.

¹ Мемориальный музей немецких антифашистов (ММНА). Н.в.ф. 1156/13; Цит. по: За Германию — против Гитлера! С. 274.

² За Германию — против Гитлера! С. 282.

³ Решин Л.Е. Усилия по привлечению генерал-фельдмаршала Паулюса к работе НКСГ и СНО... С. 232–233.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 498. Л. 80–82.

⁵ В 1950 г. в СССР отбывали наказание осужденные на 17 показательных процессах 211 немецкий военнопленные, в числе которых был 41 генерал. 9 генералов находились под следствием. — ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 373–374; Там же. Д. 235. Л. 130.

⁶ Лишь в феврале 1952 г. фельдмаршалы Шёрнер и Клейст были осуждены на 25 лет как военные преступники. — Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins // Gefangen in Russland: die Beiträge des Symposions auf der Schallaburg 1995.

Все же Паулюсу пришлось выступить перед судом. Но не в роли обвиняемого, а в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. Поездке в Нюрнберг предшествовало заявление Паулюса правительству СССР от 9 января 1946 г., содержавшее подробный рассказ о вкладе германского генералитета в подготовку войны¹. Паулюс признавал и свою вину: «Я сам несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добровольно выполнял приказы военных руководителей, действовавших сознательно преступно... Как оставшийся в живых под Сталинградом, я считаю себя обязанным дать удовлетворение русскому народу»². 11 и 12 февраля 1946 г. свидетель Паулюс был допрошен Международным военным трибуналом. Особое значение в устах Паулюса, непосредственно участвовавшего в разработке плана «Барбаросса», приобрели обвинения, выдвинутые им против подсудимых Кейтеля и Йодля. В Нюрнберге, вспоминая Сталинград, «где погибли от холода, голода и снега сто тысяч немецких солдат», Паулюс подчеркнул, что инициатива антифашистского движения среди пленных не была внесена русскими, но «исходила из рядов армии», которую он привел к Сталинграду³.

Выступления Паулюса и генерала Бушенхагена в Нюрнберге, активную роль в подготовке которых сыграло МВД СССР, явились полной неожиданностью не только для подсудимых, защиты и прессы, но и для ближайшего окружения Паулюса из числа военнопленных. Немецкие пленные информировали советские «компетентные органы» о высказывании Зайдлица, о котором министр внутренних дел Круглов доложил Сталину, Молотову и Берии: «Всё это отдаёт сенсацией, испытываешь какое-то странное чувство. Пару лет тому назад мы предлагали Паулюсу самому сделать русским заявление... о том, чтобы помочь вскрыть действительных виновников войны. Паулюс ... отказался от этого. Он колеблющийся человек». Среди пленных генералов звучали и более резкие оценки роли, сыгранной Паулюсом в Нюрнберге. Генерал-лейтенант А. Хитер сказал: «Паулюс выступает свидетелем советского обвинения в Нюрнберге. Ну и пусть выступает, если он хочет заслужить презрение всех немцев». Были и положительные отзывы: «Выступление Паулюса... это настоящая и очень приятная сенсация. В особенности это приятно

Graz, 1995. S. 212, 214; Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: документы из следственных дел немецких военнопленных, 1941–1951. М., 2009. С. 29–123.

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1958. Т. 2. С. 592.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 599.

³ Там же. С. 611–620. См. также: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Указ. соч. С. 183–194.

для генералов, взятых в плен в Сталинграде. Паулюс умный человек и он понимает, что фашизм довел Германию до катастрофы, а поэтому фашистское руководство надо не защищать, а обвинять и этим самым помогать немецкому народу находить новый путь своего развития», — сказал генерал-майор М. Дреббер¹.

Паулюс надеялся в Нюрнберге встретиться с женой, которую не видел с 1942 г., но семье так и не суждено было соединиться: по окончании заседания суда фельдмаршал сразу же был вновь отправлен в Советский Союз. Елена Констанция Паулюс умерла в 1949 г. в Баден-Бадене, так больше и не увидев своего мужа. Правда, по возвращении из Нюрнберга Паулюс получил письмо от сына, из которого узнал, что его жена была заключена в концлагерь. Прочтя письмо, он сказал: «Если бы я раньше знал всё, я бы использовал процесс и выступил бы более резко. Разве я не имел права выступать против этих свиней?!»²

После возвращения из Нюрнберга Паулюс жил на подмосковной даче МВД в Томилино. Там же находились генералы В. Мюллер, которого Круглов назвал «нашим агентом», и В. Шрайбер. Круглов так заботился о своем главном подопечном, что даже (с разрешения Сталина и Молотова) отправил Паулюса, а за кампанию с ним Мюллера и Шрайбера, на двухмесячный отдых и лечение в Крым³.

30 сентября 1945 г. Берия обратился к Сталину с предложением ликвидировать ставшие после войны ненужными НКСГ и СНО. Ведомством Берии военнопленные-активисты этих организаций были поставлены на «специальный учет». 26 сентября 1945 г. бывший Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, затем заведующий отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г.М. Димитров и первый заместитель начальника ГУПВИ А.З. Кобулов представили Берии свои предложения о процедуре роспуска НКСГ и СНО. 30 сентября 1945 г. Берия направил Сталину сообщение, в котором, ссылаясь на решения состоявшейся летом 1945 г. в Берлине конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, просил согласия на ликвидацию НКСГ и СНО. Через месяц, 30 октября 1945 г., «закрытым» решением Политбюро ЦК ВКП(б) эти организации были распущены, политическая и культурно-просветительская работа с пленными была возложена на ГУПВИ, а президенту НКСГ Вайнерту предложили созвать объединенный пленум «с участием руководящих лиц НКСГ и СНО» и объявить о самороспуске этих ор-

¹ Письмо Круглова Сталину, Молотову и Берии от 3 апреля 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 198–201.

² См.: Chawkin B. Stalins persönlicher Gefangener // Moskauer Deutsche Zeitung. 2003. № 2.

³ Письмо Круглова Сталину и Молотову от 8 июля 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 160.

ганизаций, что и было сделано 2 ноября 1945 г.¹ В 1946 г. был закрыт Институт 99, задачи которого после войны концентрировались на подготовке немецких антифашистов к послевоенному их использованию Советской военной администрацией в Германии в качестве «активистов первого часа». До мая 1946 г. через «обучение» в Институте 99 прошло примерно 8 тыс. человек².

Меньше, чем через год после роспуска НКСГ и СНО, Берия и Кобулов поняли свою ошибку: они лишились важного инструмента политического воздействия на пленных немцев с помощью самих немцев. Возникла идея создания Центра пропагандистской работы среди пленных. Зайдлиц на главную роль в этом Центре не годился: «информаторы» среди пленных всё чаще приводили его высказывания, вызывавшие неудовольствие Кремля и Лубянки.

Недоверие советских властей к Зайдлицу нарастало постепенно. 19 мая 1944 г., выступая на совещании начальников служб, занимавшихся разложением войск противника (7-х отделов), начальник Главного политуправления Красной Армии генерал-полковник А.С. Щербаков потребовал внимательно следить за руководителями НКСГ, потому что у «них свои планы», некоторые из них хотят «противопоставить Советский Союз союзникам, столкнуть» их. «Генерал Зайдлиц, — сказал Щербаков, — представил нам несколько документов. В них предлагалось объявить Национальный комитет немецким правительством и дать тем самым ему возможность вести работу как временному правительству или полуправительству. Нужно работать так, чтобы мы их использовали в целях победы Красной Армии, и не допускать, чтобы они нас использовали»³ 25 мая 1944 г. заместитель председателя Совнаркома СССР Д.З. Мануильский сообщил Щербакову, что «составление “Меморандума Зайдлица” было провокационным действием фашистской группы внутри СНО»⁴.

¹ ММНА. Нф.1572/84; Предложения по распоряжению московского руководства о самороспуске НКСГ и СНО, адресованные Димитровым и Кобуловым Берии и Молотову от 26 октября 1945 г. // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 271. См. также: РГВА. Ф. 451. Оп. 4. Д. 10. Л. 12; Benser G. Zur Auflösung des NKFD 1945 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1990. Н. 38. S. 907–914; Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Osttheer. NKFD und BDO. Antrag auf Auflösung // Kriegsgefangene — Voennoplennye: sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland, deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Düsseldorf, 1995. S. 69–70.

² Морпе Й. Институт 99 // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. Красногорск, 1996. С. 125.

³ Центральный архив министерства обороны РФ. Ф. 32. Оп. 65607. Д. 30. Л. 146–147.

⁴ Там же. Д. 9. Л. 123. См. также: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 46.

Позднее «информаторы» фиксировали негативные высказывания Зайдлица о Крымской конференции: «По-видимому, Германия будет поделена между США, Англией, СССР и Францией. СНО больше ничего не может сказать немецкому народу, а немцам остается только покориться... От Германии останутся одни только клочки, лучшим исходом для Германии было бы присоединение к СССР в качестве 17-й советской союзной республики»¹. Решения Потсдамской конференции о восточных границах Германии Зайдлиц оценивал как «холодный Майданек» для немецкого народа, который обязан Советскому Союзу тем, что у немцев «отнимут все области на восток от Одера и Нейсе... Где тут справедливость? ... Красный империализм принимает чрезвычайные меры». По поводу затянувшегося решения вопроса о репатриации генералов из СНО Зайдлиц говорил, что, «когда пребывание в этой стране станет пройденным этапом, можно будет трижды перекреститься. Здесь мы переживаем одни разочарования»².

11 июня 1946 г. к Паулюсу в Томилино с предложениями подготовить проект новой организации немецких военнопленных приехал представитель ГУПВИ подполковник Л.Ф. Парпаров. Уже на следующий день фельдмаршал представил свой проект, предусматривавший создание среди военнопленных регулярной секции, входящей в состав СЕПГ — «Демократического союза». Когда Паулюсу было указано на несоответствие его проекта сделанному ему предложению, фельдмаршал, как отмечал Кобулов в письме Круглову, «принял наш вариант». 16 июня 1946 г. готовый документ, названный Паулюсом «Дополнения к моему предложению от 12.VI.1946 г.»³, был передан Кобулову. Паулюс, признавая, что произошло недоразумение, писал о необходимости создания среди военнопленных «Движения СЕПГ», включающего «кадры», «сторонников» и «сочувствующих». Однако ни «Движение СЕПГ», ни «Демократический союз» во главе с Паулюсом так и не были созданы: очевидно, на Лубянке поняли всю утопичность этой затеи.

Фельдмаршал переключился на научную работу. На даче в подмосковном поселке Томилино, где вместе с Паулюсом, которого обслуживали ординарец Эрвин Шульте и повар Лев Георг⁴, жили генералы Зайдлиц и Мюллер и полковник Адам⁵, шла работа по консультированию

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 322–324.

² РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. т22. Л. 96–101.

³ “Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической единой партии Германии”. Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник. 1994. № 3. С. 102–107.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 337. Л. 26.

⁵ Bei Paulus in Turmilino (Турмилино — так Вильгельм Адам ошибочно называет поселок Томилино) // Adam W. Derschwere Entschluss. Berlin, 1965. S. 466–468.

фильма «Сталинградская битва». По заданию военно-исторического управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР Паулюс и Зайдлиц независимо друг от друга написали воспоминания о ходе боев на германо-советском фронте¹.

Среди рукописей Паулюса, опубликованных в СССР, но оставшихся вне поля зрения ученых как России, так и ФРГ — критический анализ вышедшей в 1949 г. в Западной Германии брошюры генерал-полковника Ф. Гальдера «Гитлер как полководец»².

После возвращения из Нюрнберга Паулюс, весьма лояльный по отношению к советским властям, всё чаще думал о своей работе в советской зоне оккупации Германии. «Я вам скажу, — говорил он генералу Бушенхагену 30 марта 1946 г., — какие должности русские могут предложить нам: 1) главный начальник полиции в советской зоне; 2) президент “Красного Креста”; 3) русско-немецкое общество»³. Однако подержанные Кругловым неоднократные заявления Паулюса советскому правительству с просьбой «рассмотреть вопрос о возможности своего использования в восточной зоне при восстановлении Германии» Сталин оставлял без ответа⁴. Не помогло и поздравительное письмо Паулюса и генерал-лейтенанта Бамлера по случаю 70-летия «господина генералиссимуса», в котором Сталин был назван «великодушным другом немецкого народа»⁵. Зайдлиц от подписания этого письма уклонился.

¹ См.: Паулюс Ф. Принципиальные вопросы операции 6-й армии под Сталинградом // Сталинград: уроки истории. М., 1980. С. 290–291; О написании Зайдлицем военно-исторических заметок, рассказывающих о действиях ударной группы “Зайдлиц” по прорыву Демянского котла в марте–апреле 1942 г., над которыми автор работал “охотно и добросовестно”, упоминается в справке, подписанной Кобуловым 30 ноября 1949 г. // РГВА. Ф. 451. Оп. 5. Д. 22. Л. 96–101. Эти заметки Зайдлица не опубликованы.

² Паулюс был первым немецким исследователем, который убедительно доказал ошибочность основных тезисов консервативных германских историков и бывших военачальников вермахта об “ошибках Гитлера, которые не позволили выиграть войну”. Паулюс развенчал ставший в настоящее время вновь популярным миф о “превентивном” характере войны против СССР: “Не Восток угрожал Гитлеру, а Гитлер угрожал Востоку” // Военно-исторический журнал. 1962. № 5. С. 98–102.

³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 198–201.

⁴ Сопроводительная записка Круглова от 16 июля 1948 г., направленная Сталину, Молотову и Берии, а также Заявление Паулюса от 29 июня 1948 г. советскому правительству. См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 373–377; Письмо Вышинского и Круглова Сталину от 29 марта 1950 г. “О возможности репатриации Паулюса” и подготовленный ими проект распоряжения правительства СССР “О репатриации генерал-фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха Паулюса” // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 268–269; Письмо Круглова от 29 февраля 1952 г. Сталину, Молотову, Маленкову, Берии о возможности репатриации Паулюса в ГДР // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 337. Л. 26.

⁵ Сопроводительное письмо Круглова Сталину от 24 декабря 1949 г. и поздравительное письмо Паулюса и Бамлера Сталину от 20 декабря 1949 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 236. Л. 322–323.

Лишь после смерти Сталина Паулюс смог навсегда покинуть СССР. «Прежде, чем я покину Советский Союз, — писал он в заявлении советскому правительству от 24 октября 1953 г., — я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг». Свой главный вывод, выстраданный им за долгие годы войны и плена, генерал-фельдмаршал бывшей германской армии сформулировал так: «Судьбу германского народа нельзя строить на базе идеи господства, а только лишь на базе длительной дружбы с Советским Союзом и всеми другими миролюбивыми народами»¹. На следующий день, 25 октября 1953 г., он уже был в Восточном Берлине.

Паулюс, «почетный гость немецкого социалистического государства», сразу же попавший в ГДР под негласное наблюдение МГБ СССР², поселился в дачном пригороде Дрездена «Белый олень», где и умер 1 февраля 1957 г.

По иному сложилась судьба Зайдлица, роковую роль в которой сыграл его бывший командарм.

В январе 1949 г. Зайдлиц подал заявление с просьбой о репатриации в восточную зону, чтобы «работать там на хозяйственной работе, предпочтительно по коневодству» и выразил желание взять туда свою семью, проживавшую в английской зоне в городе Ферден в районе Ганновера. Главноначальствующий Советской военной администрации в Германии генерал армии В.И. Чуйков и руководство СЕПГ дали свое согласие. 12 ноября 1949 г., когда перед Зайдлицем, как писал Кобулов, «был конкретно поставлен вопрос о репатриации его в ближайшее время в Германскую Демократическую Республику при условии переезда туда его семьи, он выразил явное нежелание поселиться в восточной зоне»³. Кобулову донесли о недопустимых высказываниях бывшего президента СНО: «Это невыносимое требование! Что это все значит? Если нам не доверяют, пусть нам это прямо скажут. Без гарантии в отноше-

¹ Правда. 1953. 1 ноября.

² 2-й и 3-й пункты распоряжения Совета Министров СССР о репатриации Паулюса гласили: “2. Обязать уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации (тов. Голикова) принять от МВД СССР Фридриха Паулюса и направить его в распоряжение Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова для использования на работе в одном из провинциальных городов Германской Демократической Республики. 3. Обязать МГБ СССР (тов. Абакумова) установить за Паулюсом в Германии соответствующее наблюдение”. — ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 269.

³ Справка на военнопленного генерала артиллерии бывшей германской армии фон Зайдлиц Вальтера // ЦХИДК. Ф. 451. Оп. 5. Д. 22. Л. 96–101. См. также: Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 240–243. Док. № 4.

нии участи моих детей мне никогда не удастся убедить свою жену. Почему я должен верить, что для нас действительно сделают все возможное? ...Я — не политический деятель; я выступал против Гитлера как генерал; Это же было и в интересах англичан и американцев. Я не могу согласиться, что за это англичане могут причинить зло мне или моей семье... Я же не шахматная фигура, которую можно переставлять как угодно»¹.

После этих высказываний своего товарища по фронту и плену, Паулюс, отношения которого с Зайдлицем всегда складывались сложно и противоречиво, выразил Кобулову сомнения в политической устойчивости Зайдлица. 15 ноября 1949 г. германский фельдмаршал направил первому заместителю начальника ГУПВИ следующее письмо: «Глубокоуважаемый господин генерал! ... В ходе ... беседы и связанных с ней разговоров с генералом фон Зайдлицем у меня создалось впечатление, что при репатриации его в восточную зону могут возникнуть такие затруднения, которые поставят под вопрос целесообразность этого мероприятия. Согласно неоднократным заявлениям генерала фон Зайдлица, его семья настолько связана с тем городом, в котором она в настоящее время проживает (гор. Ферден — английская зона), и со своими родственниками и друзьями, находящимися исключительно в западной зоне, что ему (Зайдлицу) будет исключительно трудно склонить свою семью к переезду в восточную зону. Сможет ли Зайдлиц ... при любых условиях остаться в восточной зоне, убедить свою жену в правильности этого решения, представляется мне ... мало вероятным. Между тем человек с разладом в душе ... не в состоянии продолжительное время делать плодотворную работу. Это должно рано или поздно привести к срыву. Если я до сих пор старался влиять на генерала фон Зайдлица с тем, чтобы укрепить в нем желание работать в восточной зоне, то я также исходил из того соображения, что при возвращении в западные зоны с ним, как с политически уязвимым лицом, могут произойти нежелательные осложнения. Такая опасность, конечно, существует; но я считаю ее гораздо менее значительной, чем вред, который будет причинен в случае, если работа фон Зайдлица в восточной зоне кончится срывом, то есть, если он в один прекрасный день заявит: “Я больше не могу здесь оставаться”. Я считаю своей обязанностью ознакомить Вас с этим положением вещей как в интересах дела, так и в интересах самого моего товарища»².

¹ Документальная коллекция ЦА ФСБ РФ. Док. № 2 // Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 237–238.

² Письмо Паулюса Кобулову от 15 ноября 1949 г. в пер. с нем. см.: Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 239–240. Док. № 3. Факсимиле нем. текста документа см.: Reschin L. General zwischen den Fronten. S. 244–247.

В результате бывший президент СНО был внесен в список «реваншистски настроенных генералов»¹, которые обязательно фигурировали среди кандидатов на предание суду военного трибунала². Суд военного трибунала ожидал и Зайдлица. Оставалось лишь найти его вину.

Было известно, что еще в 1943 г. Зайдлица, как и многих военнопленных, встревожили решения Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США о привлечении к ответственности военных преступников³. 8 ноября 1943 г. Зайдлиц обратился к генералу Мельникову с просьбой «в виде исключения предоставить смягчающие обстоятельства тем виновникам преступлений, которые присоединятся к движению “Свободная Германия” и искупят свою вину путем особенно активной борьбы с гитлеровским режимом»⁴. Когда в 1944 г. виновниками зверств были названы генералы Траут и Клянт, Зайдлиц обратился в ГУПВИ с просьбой ускорить расследование, так как деятельность НКСГ и СНО будет сильно скомпрометирована, если его члены, объявленные гитлеровским правительством преступниками, будут обвинены также и в СССР⁵.

Но такая же участь ждала самого Зайдлица. Президент СНО в «Третьем рейхе» был объявлен вне закона, а 26 апреля 1944 г. нацистский военный суд в военном городке люфтваффе в Дрездене заочно приговорил его «за предательство интересов Германии, подлую измену Родине

¹ 17 марта 1950 г. были утверждены два строго секретных Постановления Совета Министров СССР № 1108-396сс и № 1109-397сс, которые предписывали освободить из плена и репатриировать 23 генерала, а остальных привлечь к уголовной ответственности по Указу от 19 апреля 1943 г., разделив их на три группы, каждая из которых была включена в отдельный список. Список № 1 “Военные преступники, совершившие зверства на временно оккупированной территории СССР” — 51 человек, список № 2 “Генералы, реакционно реваншистски настроенные” — 59 человек, список № 3 “Сотрудники карательных, разведывательных, полицейских органов и частей СС” 9 человек. 3 генерала должны были быть переданы властям Чехословакии. Зайдлиц был внесен в список № 2 // ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 9. Д. 49. Л. 17. Директива № 00201 от 22.03.1950 г.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 32–34.

³ В Московской декларации от 30 октября 1943 г. говорилось, что военные преступники будут отправлены “в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран” (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 418). В 1945–1947 гг. в СССР на процессах над военными преступниками 18 немецких генералов были приговорены к смертной казни, а 23 генерала — к 25 годам каторжных работ // ЦХИДК. Ф. I/II. Оп. 21а. Д. 4. Л. 44.

⁴ ЦХИДК. Ф. 451. Оп. 2. Д. 7. Л. 151.

⁵ Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену // НКСГ — 50 лет. С. 178–179.

и фюреру» к смертной казни. Госпожа Зайдлиц была вынуждена в интересах детей заочно оформить с развод с мужем, но и она, и их дочери были арестованы гестапо и заключены в концлагерь.

24 мая 1950 г. Зайдлиц был арестован и помещен в московскую Бутырскую тюрьму. Он был обвинен в преступлениях, предусмотренных 1-й статьей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.¹ Основными свидетелями по делу Зайдлица были пленные генералы фон Коллани и Бек-Беренс. Показания Бек-Беренса сводились к тому, что он, как начальник штаба 16-й армии, отдавал преступные приказы, а командир 12-й пехотной дивизии Зайдлиц их преступно выполнял². Ни следствие, ни суд не приняли во внимание то обстоятельство, что Бек-Беренс был назначен начальником штаба 16-й армии уже после того, как Зайдлиц сдал командование 12-й пехотной дивизией и, следовательно, никак не мог выполнять приказы Бек-Беренса. После знакомства с обвинительным заключением Зайдлиц сказал сокамернику — немецкому офицеру: «На суде я скажу всю правду, выступлю как Георгий Димитров». Узнав об этом из доноса сокамерника, Кобулов приказал ускорить «расследование». Вместе с тем сокамерник отмечал ненормальное поведение Зайдлица. Позже врачи поставили диагноз: реактивный психоз. «Дело» Зайдлица было рассмотрено 8 июля 1950 г. на закрытом судебном заседании военного трибунала войск МВД Московского военного округа без участия защиты и свидетелей. Заседание началось в 11 часов 35 минут, а в 15 часов 55 минут был оглашен приговор: 25 лет тюремного заключения. Выслушав его, генерал сказал: «Лучше бы я сразу умер»³. В Новочеркасской тюрьме, куда поместили осужденного Зайдлица, условия содержания были намного хуже лагерных: холодная камера, отсутствие продовольственных передач и денежных переводов.

Вскоре после смерти Сталина режим содержания осужденных — бывших военнопленных изменился к лучшему: с 6 июня 1953 г. все осужденные специальным постановлением Совета Министров СССР получили право на посылки, письма, денежные переводы.

26 сентября 1955 г. Президиум ЦК КПСС утвердил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении не-

¹ Обвинительное заключение в деле Зайдлица // ЦХИДК. Ф. 451. Оп. 5. Д. 225. Л. 117–122.

² Бек-Беренс, надеясь облегчить свою участь, по настоянию следователей дал показания против Зайдлица. Однако “чистосердечное признание” не помогло ему освободиться из плена. Бек-Беренс, так и не дождавшись репатриации, скончался в лагере № 48 в январе 1955 г.

³ Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену. С. 181–183.

мецких граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов СССР. 4 октября 1955 г. осужденный гитлеровской и сталинской юстицией бывший вице-президент НКСГ и президент СНО Вальтер фон Зайдлиц был «выдворен за пределы СССР». Перед тем как навсегда покинуть Советский Союз, он обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР маршалу К.Е. Ворошилову с благодарственным письмом: «Завтра, покидая территорию Советского Союза, я испытываю глубокую потребность выразить свою сердечную благодарность Верховному Совету СССР за всё то хорошее, что я здесь пережил и узнал за время моего более чем 12-летнего пребывания»¹.

Вальтер фон Зайдлиц жил в ФРГ, где и умер в 1976 г. Смертный приговор, вынесенный ему нацистским судом в 1944 г., был отменен в ФРГ в 1956 г. Но лишь через 20 лет после смерти, 23 апреля 1996 г., он был реабилитирован в России².

3.5.2. НКСГ и вопрос о создании немецкого антигитлеровского правительства

Коалицию западных демократий и сталинского СССР сплачивал общий враг — Гитлер. Наличие общего врага создавало возможность заключения союзниками по антигитлеровской коалиции мира, как всеобщего, так и, возможно, сепаратного, с германским правительством, пришедшим к власти в результате физического уничтожения Гитлера и свержения нацистской диктатуры, а также использование фактора сепаратного мира в качестве карты в большой политической игре Великих держав.

Цели антигитлеровской коалиции были изложены в Атлантической хартии, принятой Великобританией и США 14 августа 1941 г. Атлантические государства боролись за «окончательное уничтожение нацистской тирании» и установление такого мира, «который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории»³. 24 сентября 1941 г. к Атлантической хартии присоединился СССР. В Декларации правительства СССР о согласии с основными принципами Атлантической хартии говорилось, что «задача всех народов и всех государств,

¹ Письмо Зайдлица Ворошилову от 3.10.1955 г. см.: РГВА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 19. Л. 265–266.

² Письмо Главной военной прокуратуры РФ о реабилитации Зайдлица // Национальный Комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 247. См. также: Всеволодов В.А. Срок хранения — постоянно. Красногорск, 2003. С. 251.

³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1983. Т. 1: 1941–1943. С. 131.

вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии... объединяет в данный момент наши страны и наши правительства... в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от... преступного, кровавого нацизма... разгрома гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма»¹.

В Атлантической хартии от 14 августа 1941 г. и Декларации правительства СССР от 24 сентября 1941 г. союзники исходили из императива разгрома нацизма, но не требовали безоговорочной капитуляции Германии, и, следовательно, не считали неприемлемым подписание сепаратного мира с ее послегитлеровским правительством. Возможность же ведения переговоров и заключения «перемирия или мирного договора» с гитлеровской Германией «кроме как с обоюдного согласия» Москвы и Лондона, исключалась межправительственным соглашением СССР и Великобритании от 12 июля 1942 г.²

Принцип безоговорочной капитуляции стран оси был впервые провозглашен президентом США Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке 14–23 января 1943 г.: «Пусть эта встреча будет “встречей безоговорочной капитуляции”. Хотя мы не совещались со всеми Объединенными Нациями, и я, и премьер-министр (Великобритании У. Черчилль. — Б.Х.) убеждены в том, что те же цели и задачи преследуют все Объединенные Нации — Россия, Китай и др.», — сказал в Касабланке Рузвельт³.

В приказе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 1 мая 1943 г. говорилось о единстве союзников и подтверждалось требование безоговорочной капитуляции Германии: «Фашисты начинают все чаще поговаривать о мире. Если судить по сообщениям иностранной печати, можно прийти к выводу, что немцы хотели бы получить мир с Англией и США при условии их отхода от Советского Союза, или, наоборот, они хотели бы получить мир с Советским Союзом при условии его отхода от Англии и США... Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?»⁴

Принятая Московской конференцией министров иностранных дел США, Великобритании, СССР и Китая 19–30 октября 1943 г. «Декла-

¹ Там же. С. 129–130.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 82.

³ The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 727. Цит. по: Лебедева Н.С. Безоговорочная капитуляция агрессоров. М., 1989. С. 73.

⁴ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 99–100.

рация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» провозглашала решимость правительств США, Великобритании, СССР и Китая¹ «в соответствии с Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 года и последующими декларациями продолжать военные действия против тех держав оси, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны, пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции»².

Победы Красной Армии, одержанные в 1943 г., вдохновили народы стран Европы на «активное Сопротивление оккупантам, особенно во Франции, Италии, Голландии, Югославии, Польше, Чехословакии. В Германии стали активнее действовать разрозненные группы Сопротивления. Оппозиционные настроения охватили даже высшие военные круги», пытавшиеся устранить Гитлера от власти³.

Германское антигитлеровское правительство, в случае его создания противниками Гитлера внутри Германии и в эмиграции, могло выступить в качестве союзника Объединенных Наций. Как отмечает историк Й. Лауфер (ФРГ), «единственным поводом отказаться от планов в отношении Германии могли послужить для Сталина, равно как и для всех других противников национал-социалистов, мирные переговоры с Германией без Гитлера». При этом «в доступных на сегодняшний день источниках нет никаких намеков на то, что советское правительство когда-нибудь готовилось к таким переговорам»⁴. Но государственный переворот в Германии был невозможен без поддержки «большой тройки» — Великобритании, СССР и США. Однако Лондон, Москва и Вашингтон имели свои геополитические aspirations. Причем устремления Черчилля и Рузвельта зачастую не совпадали между собой и противоречили интересам Сталина.

«Великая коалиция, — писал американский военный историк М. Мэтлофф, — выкованная в войне и для войны, сложилась в 1941–1942 годах. Это был военный союз, напоминавший “брак по расчету”. Общая опасность объединила в 1941 году Соединенные Штаты, Англию и Советский Союз, но из-за различий в традициях, политике, интересах,

¹ Посол Китая в СССР Фу Бин-чан был уполномочен президентом национального правительства Китайской Республики подписать этот документ от имени Китая. — Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19–30 октября 1943 г.: сборник документов. М., 1978. С. 403.

² Там же. С. 346–347.

³ Ахтамзян А.А. К историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М., 2010. С. 363–364.

⁴ Лауфер Й. Сталинские цели послевоенного миропорядка и преемственность советской политики в отношении Германии (1941–1953) // Сталин и немцы: новые исследования. М., 2009. С. 189.

географическом положении и ресурсах каждая страна — участница коалиции смотрела на войну в Европе по-своему»¹.

Таким образом, немецкое антигитлеровское Сопротивление, бывшее высшим проявлением оппозиционных настроений в рейхе, оказалось между двумя полюсами — Востоком и Западом, между СССР с одной стороны, Великобританией и США, с другой. При этом у коалиции Великобритании, СССР и США с одной стороны, и немецкого антигитлеровского Сопротивления с другой, была общая цель: уничтожение Гитлера и его приспешников, что объективно превращало немецких противников Гитлера в союзников Объединенных Наций².

Однако, если германское антигитлеровское Сопротивление стремилось устранить Гитлера с политической сцены, то лидерам СССР и США для сохранения единства союзников Гитлер как символ нацистской Германии нужен был живым до конца коалиционной войны. Глава разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ СССР генерал-лейтенант П.А. Судоплатов в мемуарах отмечал: «В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза»³. Англичане и американцы, в свою очередь, подозревали СССР в поисках сепаратного мира с Третьим рейхом.

Эти подозрения были не лишены оснований: в 1943 г. главной задачей советской дипломатии было решение проблемы второго фронта в западной Европе⁴. Но открытие второго фронта откладывалось Великобританией и США. Сталину необходимо было иметь средство давления на Рузвельта и Черчилля. С этой целью советский лидер подверг предварительной проверке возможность заключения сепаратного мира с Германией⁵. Для ведения диалога с немцами Советскому Союзу нужно было создать себе политического партнера в лице оппозиционного Гитлеру представительства немецкого народа и армии. Роль «Германии без Гитлера» могли бы взять на себя НКСГ и СНО.

¹ Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964. С. 22.

² Хавкин Б.Л. Немецкое антигитлеровское Сопротивление между Западом и Востоком // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 308.

³ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 173.

⁴ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М., 2009. С. 53.

⁵ Carnes J.D. General zwischen Hitler und Stalin. Das Schicksal des Walter von Seydlitz. Düsseldorf, 1980. S. 176; Weinberg G. A World At Arms: a Global History of World War Two. Cambridge, 1994. P. 611; Хавкин Б.Л. Между Западом и Востоком // Независимое военное обозрение. 2004. 11 июля.

Первооткрыватель темы НКСГ и СНО в советской историографии А.С. Бланк отмечал: «Движение “Свободная Германия”, специально созданное, организованное сверху, не представляло собой результат спонтанно родившегося протеста против деспотизма и тирании. Оно было картой в политической игре противных сторон и, поскольку помогало борьбе против Гитлера, было полезным делом. Но не случайно движение это захирело уже в конце 1944 года и окончательно самоликвидировалось в 1945 году, когда Сталин утратил к нему всякий интерес. Оккупированная Германия, согласно договоренности между союзниками, должна была быть разделена на оккупационные зоны; надобность в правительстве для всей Германии отпадала»¹.

3.5.3. Реакция Великобритании и США на создание НКСГ

Создание в Советском Союзе Национального комитета «Свободная Германия» негативно восприняли как в гитлеровской Германии², так и в Великобритании и США. Если в нацистском рейхе НКСГ считали «организацией предателей за колючей проволокой»³, то англичане и американцы рассматривали НКСГ как созданный СССР отдельно от западных союзников правительственный орган будущей Германии и даже выразили протест против разрешения его антифашистской деятельности⁴.

Учреждение Советским Союзом на базе НКСГ своего рода «германского правительства в изгнании» и создание им «германской освободительной армии» стало бы прямым нарушением Вашингтонской декларации Объединенных Наций, подписанной 26 государствами антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, 1 января 1942 г.; это противоречило советско-британскому договору от 26 мая 1942 г.; шло бы в разрез с союзническими обязательствами, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, состоявшейся 19–30 октября 1943 г. Все эти документы запрещали сепаратные переговоры с врагом. На Московской конференции министров иностранных дел была одобрена декларация о принципах «всеобщей безопасности», содержавшая формулу «безоговорочной капитуляции» Германии, выдвинутую Президентом США Ф.Д. Рузвельтом в Касабланке в январе 1943 г.

Очевидно по этой причине, Сталин, 21 октября 1943 г. беседуя во время Московской конференции с британским министром иностранных

¹ Бланк А.С. Воспоминания. Главное дело // Личный архив Б.Л. Хавкина.

² ММНА. ОФ. 993/14.

³ Verrat hinter Stacheldraht? // Scheurig B. Verräter oder Patrioten: das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943–1945. Berlin, 1993.

⁴ Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981. С. 187.

дел А. Иденом, заявил: «Германский комитет — это орган пропагандистский... Конечно, в германском комитете есть люди, которые мечтают о том, что они будут решать судьбы Германии. Однако, нужно помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными»¹.

Существует очевидная связь между сообщениями советской разведки о планах западных союзников и созданием НКСГ². Хронологическая взаимообусловленность затяжки Запада с открытием второго фронта в Европе и созданием НКСГ подтверждается документами контрразведывательной операции «Венона», которую с 1943 по 1980 г. осуществляли американская военная контрразведка, ЦРУ и Федеральное бюро расследований (ФБР) министерства юстиции США³.

Согласно этим источникам, 9 августа 1943 г. резидентура советской военной разведки ГРУ в Нью-Йорке направила в Москву зашифрованную телеграмму о реакции политических кругов США на создание НКСГ. Редактор журнала «Ньюсуик» Э. Линдлей, который был тесно связан с госдепартаментом США и лично знаком с госсекретарем К. Хэллом, сообщал, что создание НКСГ вызвало удивление в госдепартаменте. Высказывалось мнение, что НКСГ был нужен для создания в Германии дружественного СССР правительства. Госдепартамент настаивал на том, чтобы президент Рузвельт потребовал от СССР объяснений по поводу образования НКСГ и получил гарантии, что, в соответствии с декларацией НКСГ, СССР не заключит с ним сепаратный мир как с новым правительством Германии⁴.

В то же время, образование НКСГ, принятие его манифеста и выход в свет газеты «Свободная Германия» признавалось администрацией США событием большого значения. Об этом в июле 1943 г. писал эксперт европейского отдела госдепартамента США Ч. Болен. Работа НКСГ отслеживалась Управлением стратегических служб (УСС) США. Британские правительственные учреждения подробно занимались анализом деятельности этой организации⁵.

¹ СССР и германский вопрос, 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. С. 664.

² Weinberg G. A World At Arms: a Global History of World War Two. Cambridge, 1994. P. 611.

³ Romerstein H., Breindel E. The Venona Secrets, Exposing Soviet Espionage and America's Traitors. Washington, 2000; Лайнер Л. «Венона»: самая секретная операция американских спецслужб. М., 2003.

⁴ О'Салливан Д. Проект «Венона»: неизвестные документы ЦРУ США // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 118–119.

⁵ Бунгерт Х. «Сломить волю немцев к сопротивлению» // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. С. 46.

Рассматривая причины и цели создания НКСГ, американцы и англичане выдвигали четыре версии: во-первых, НКСГ учрежден для ведения психологической войны; во-вторых, НКСГ — это «козырная карта» Сталина на переговорах СССР с англо-американцами во вопросу скорейшего открытия второго фронта и учета советских интересов в Европе; НКСГ — это будущее германское зарубежное правительство, с которым СССР мог бы подписать сепаратный мир; НКСГ — первая фаза грядущей большевизации Германии¹.

Парадоксальным образом, точка зрения британских и американских аналитиков во многом совпадала с оценкой нацистской пропаганды, которая не преминула использовать ситуацию для попытки раскола антигитлеровской коалиции: «Крупные американские газеты активно обсуждают создание так называемого свободного немецкого правительства в Москве. Даже сам государственный секретарь Хелл был вынужден заявить во время одной пресс-конференции, что создание свободного немецкого правительства противоречит совместно выработанной линии поведения Америки и Англии и было предпринято Москвой самовольно. Европа рассматривала это решение Москвы как стремление укрепить свои большевистские позиции. В Европе давно знали о том, что роспуск Коминтерна является лишь ловким приемом и его нельзя принимать всерьез. Его действительный роспуск означал бы отказ от коммунистического движения и отказ от осуществления планов мирового господства. Создание самостоятельного немецкого правительства является лишь доказательством того, что Москва имеет намерение большевизировать Германию и Европу»².

Радиостанция «Бухарест», вещавшая из столицы германского сателлита Румынии, использовала тот же пропагандистский прием: «Из двух заявлений дипломатического характера ясно следует, как в действительности обстоит дело с сотрудничеством между большевизмом и англосаксонскими державами. В Москве создано так называемое правительство свободных немцев. Речь идет о новой разновидности войны, которая преследует пропагандистские цели. Но и подобная агитация не может быть одобрена английскими учреждениями, что было подтверждено правительством его величества английского короля. Ненависть англичан к немцам никогда не сможет снизойти до признания большевизации Германии»³.

¹ Bungert H. Ein meisterhafter Schachzug: das NKFD in der Beurteilung der Amerikaner, 1943–1945 // *Geheimdienstkrieg gegen Deutschland*. Göttingen, 1993. S. 90–121; Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien Deutschen Bewegungen 1943–1948. Stuttgart, 1997.

² За Германию против Гитлера! С. 475.

³ Там же.

В США разрабатывались планы создания своих немецких антифашистских организаций, которые можно было бы противопоставить просоветскому НКСГ. Очевидно, об этих планах знали в СССР. Когда 2 июля 1943 г. слушатель антифашистской школы в Красногорском лагере для военнопленных лейтенант люфтваффе Г. граф Айнзидель спросил одного из преподавателей школы о причинах спешки с созданием немецкого антигитлеровского комитета (Национального комитета «Свободная Германия»), то получил ответ, что в Москве опасаются, «как бы на Западе не опередили Советский Союз»¹.

В июле 1943 г. отдел планирования УСС предлагал учредить в США немецкое правительство в эмиграции; И.Х. Шерман из нью-йоркского бюро УСС призывал создать «Немецкий комитет спасения» из именитых немецких эмигрантов, таких как Г. Раушнинг, В. Зольман, К. Рицлер, Г. фон Хентинг, П. Тиллих, Т. Манн, М. Бауэр, О.М. Граф. В конце концов, этот проект провалился из-за противоречий в госдепартаменте, который в конце сентября 1943 г. высказался против его создания и сохранения свободы действий госдепартамента во внешней политике США. Дипломаты сообщили спецслужбе, что «госдепартамент не хотел бы предпринимать шаги, которые были бы поняты как подражание или могли бы повлечь за собой возникновение соперничества с уже созданным в Москве комитетом, по меньшей мере, до тех пор, пока не прояснится советская позиция по отношению к Германии на предстоящей конференции трех держав»².

УСС в качестве ответа московскому НКСГ косвенно поддерживало планы эмигрировавших в США немецких социал-демократов по созданию «Союза свободных немцев». Этот союз, по замыслу его создателей, должен был объединить авторитетных немецких политических деятелей некоммунистической ориентации, проживавших в эмиграции в США, Великобритании, Швеции и Швейцарии.

Но в итоге и этот проект был заблокирован госдепом, не желавшим допускать прокоммунистического влияния как в этой структуре, так и на нее³. Власти США осторожничали: они стремились подождать дальнейшего развития международных событий и по возможности учитывать интересы своего советского союзника. Англичане в своей политике в отношении НКСГ руководствовались аналогичными соображениями.

Осенью 1943 г. штаб начальника военной полиции армии США, явно подражая антифашистским школам для военнопленных в СССР, начал

¹ Айнзидель Г. фон. Дневник пленного немецкого летчика. М., 2012. С. 73.

² Цит. по: Бунгерт Х. «Сломить волю немцев к сопротивлению» // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. С. 47.

³ Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. С. 47.

разработку секретной программы обучения немецких военнопленных, содержащихся в американских лагерях, американским общественно-политическим ценностям с целью подготовки проамериканских кадров для послевоенной оккупации Германии (Intellectual Diversion). Этим занимался отдел специальных проектов (Special Projects Division), который возглавлял подполковник Э. Дэвисон. Сильное влияние нацистской идеологии среди немецких военнопленных стало одним из препятствий успешного завершения программы обучения немцев американской демократии¹. Несмотря на возникшие трудности в ее осуществлении, эта программа летом 1944 г. получила одобрение нового начальника военной полиции США Лерка². Обучение начиналась курсом «Введение в демократию», преподавание которого продолжалась до мая 1945 г. Одним из важных антинацистского демократического перевоспитания военнопленных было издание ими немецкоязычной газеты «Призыв» («Der Ruf»). Редакция газеты находилась в учебном центре под названием «Фабрика идей», находившемся в лагере военнопленных в штате Род Айленд. Однако эффективность этой программы была невысокой. 15 июня 1945 г. в связи с окончанием войны в Европе программа была рассекречена, затем постепенно сошла на нет³.

США обсуждали вопрос об образовании антигитлеровского комитета немецких военнопленных. Отдел УСС, ответственный за ведение психологической войны, в апреле 1944 г. предложил создать организацию немецких военнопленных по образцу НКСГ, какие уже действовали в других европейских странах. Но после обращения УСС в госдепартамент этот проект был отклонен, как как противоречил требованию безоговорочной капитуляции Германии и мог иметь нежелательные политические последствия. Предложение двух авторов проекта из отдела психологической войны УСС, подчинить создаваемый комитет московским НКСГ и СНО, осталось без ответа⁴.

С 1944 г. и англичане и американцы активно содействовали образованию антинацистских организаций немецких военнопленных на своей территории. В качестве образца для подражания были взяты НКСГ и СНО. С начала 1944 г. британская разведка задавала немецким военнопленным генералам вопрос, готовы ли они к сотрудничеству с англичанами в рамках движения, сходного с московским НКСГ и СНО. Большинство опрошенных плененных немецких генералов проявили интерес

¹ Krammer A.P. German Prisoners of War in the United States // Military Affairs. 1976. Vol. 40. №. 2. P. 70–71.

² Robin R. The Barbed-Wire College: Reeducating German POWs in the United States during World War II. Princeton, 1995. P. 24.

³ Ibid. P. 60, 127.

⁴ Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 50.

к этому проекту. Однако проект был свернут. Было отклонено и предложение пленного немецкого генерала В. Риттера фон Тома «вызвать к жизни движение “Свободная Германия” в Великобритании, которое могло бы иметь гораздо большее влияние на Германию, чем то, что сделали русские»¹.

Британский премьер У. Черчилль был решительным противником сотрудничества с немцами. По свидетельству близкого друга Черчилля и его личного секретаря по парламентским делам Б. Брэжена, сообщившего своему шефу о покушении Штауффенберга, Черчилль встретил эту новость словами: «чем больше немцы будут убивать друг друга, тем лучше». Как отмечал князь Г.И. Васильчиков, автор комментариев к «Берлинскому дневнику» своей сестры — княжны М.И. Васильчиковой, Черчилль испытывал «недальновидную удовлетворенность» тем, что «немцы убивают немцев»².

Немецкий историк Х. Бунгерт пишет: «после того, как Гитлер после неудачного июльского путча устранил многих противников режима прозападной ориентации, англичане во всем видели признак того, что Германия повернулась к России: группа армий Центр капитулировала, шестнадцать ее генералов, попав в плен, призвали к свержению Гитлера, а генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс в августе этого (1944. — Б.Х.) года присоединился к НКСТ. В ответ на это англичане, за это время кое-чему научившиеся у России, изменили свою тактику. Они не стали больше тешить себя иллюзией, что после обращения по радио генералов можно ожидать заключения сепаратного мира с немцами: “Мы ничего не можем поделать с тем, что генералы, желающие сотрудничать, думают, что своими обращениями по радио они уже сделали первый шаг в направлении объединения Германии с Западом против России. Но это не означает, что такие намеки могут иметь место в радиопередаче”. Но запланированная акция провалилась из-за генералов, которые опасались за безопасность своих родственников в Германии и уклонились от участия в радиопередачах, сославшись якобы на их неэффективность»³.

Попытки привлечь на свою сторону пленных немецких генералов провалилась не только у англичан, но и у американцев. Министерством обороны США 8 сентября 1944 г. было принято решение по примеру СНО привлечь пленных немецких генералов к антивоенной антигитлеровской радиопропаганде, направленной на немецкую армию и население Германии, а также поручить генералам антифашистскую работу с немецкими военнопленными офицерами и солдатами на территории

¹ Там же. С. 48–49.

² Васильчикова М.И. Берлинский дневник, 1940–1945. М., 1994. С. 230–232.

³ Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 49.

США. Но все восемь отобранных для этого американцами немецких генералов отказались от такой работы, сославшись на ее неэффективность и свою верность присяге, данной Гитлеру¹.

В конечном итоге, ни англичанам, ни американцам не удалось создать своего антикомитета, альтернативного НКСГ. Но опыт его работы изучался и использовался. Некоторые немецкие военнослужащие, находясь в англо-американском плену, участвовали в антинацистской пропаганде на стороне противника. Великобритания и США, подобно СССР, готовили из числа немецких военнопленных кадры «активистов первого часа» для послевоенной Германии. Правда, кадры эти были противоположно настроены идеологически.

Согласно выводам Х. Бунгерт, «основных причин, по которым дело так и не дошло до образования “западного Национального комитета”, можно назвать четыре: в решающий момент немцы отказывались сотрудничать; англосаксы испытывали неловкость перед задачей безоговорочной капитуляции; они чувствовали отвращение к сотрудничеству с офицерами вермахта, скомпрометированными в их глазах как милитаристы; и они не хотели политических осложнений с советским партнером по союзническому договору. Но то, что планы создания такого антикомитета вынашивались, является доказательством того, что многие американские и английские чиновники косвенно осознавали, что Советы их обошли в этом отношении и стремились сделать то же самое»². Кроме того, создание «западного Национального комитета», тем более придание ему иных функций, кроме пропагандистских, противоречило бы политической линии союзников на безоговорочную капитуляцию Германии.

3.5.4. Движение «Свободная Германия» за пределами СССР

Антифашистское движение «Свободная Германия» получило широкое распространение среди немецкой эмиграции как в странах Западной Европы, так и Америки. Видные деятели немецкой культуры в эмиграции, среди которых были Томас Манн, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, Оскар Мария Граф, Элизабет Бергер, Альберт Бассерман, Манфред Георге, Эрвин Пискатор, Ханс Эйслер, Альберт Шрайнер и другие приветствовали создание НКСГ и СНО и рассматривали эти организации в качестве национального организационно-политического центра немецких антинацистов, рассеянных по всему миру. Многочисленные полити-

¹ Mallett D.R. Prisoners of War – Cold War Allies: the Anglo-American Relationship with Wehrmacht Generals: a diss. ... doctor of Philosophy. Texas, 2009.

² Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров. С. 53.

ческие и культурные объединения немецких противников Гитлера в разных странах заявили о своем согласии с программой и целями НКСГ¹.

В августе 1943 г., одним из первых за пределами СССР, движение «Свободная Германия» возникло в Швейцарии: Руководящую роль в нем играли коммунист и художник Вольфганг Лангхоф и бывший статс-секретарь прусского министерства внутренних дел Вильгельм Абегг. Долгое время власти нейтральной Швейцарии, не желая раздражать своего агрессивного соседа — нацистскую Германию, не давали движению «Свободная Германия» развернуться: лишь в январе 1945 г. удалось провести первое массовое собрание «Свободной Германии» в Швейцарии.

В Англии активность немецких эмигрантов-противников Гитлера была высока еще до создания НКСГ; немцы-антинацисты были важной частью общebritанского движения антифашистского единства и солидарности с СССР. Массовый митинг в Лондоне 7 ноября 1942 г. в честь 25-й годовщины Октябрьской революции в СССР стал демонстрацией единства антифашистских сил британской общественности и немецких эмигрантов-антинацистов с Советским Союзом. На митинге были собраны пожертвования в пользу защитников Сталинграда. Немецкие эмигранты в Англии, наряду с англичанами, шили теплые вещи для красноармейцев, готовили для них посылки. Молодые немцы-эмигранты ходатайствовали об их приеме в качестве добровольцев в британскую армию, чтобы участвовать в вооруженной борьбе с нацизмом².

В сентябре 1943 г. в Англии по инициативе руководства КПГ (Курта Хагера и Вильгельма Кенена) организациями «Союз свободных немецких деятелей культуры» (руководитель Юрген Кучински), «Союз свободной немецкой молодежи» (руководители Адольф Буххольц и Хорст Браш), «Союз свободных работников немецкой высшей школы» (руководитель профессор Альфред Мойзель) был образован «Инициативный комитет по объединению немецких эмигрантов», который призвал к созданию «Свободного немецкого движения» на платформе НКСГ. В учредительной конференции, состоявшейся 25 сентября 1943 г. в Лондоне, участвовало около 400 немецких противников Гитлера различных политических и идеологических направлений, в том числе социал-демократ писатель Генрих Френкель, издатель Леопольд Ульштейн, бывший депутат рейхстага Август Вебер, католические и лютеранские священники. Первым президентом «Свободного немецкого движения в Великобритании» был избран профессор Роберт Ренэ Кучински. В Лондоне, Бирмин-

¹ Deutsches Exilarchiv 1933–1945 der Deutschen Nationalbibliothek Frankfurt/M.

² Белл Ф. Великобритания и Сталинградская битва // Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М., 1994. С. 377; Hamacher G. Gegen Hitler — Deutsche in der Résistance, in den Streitkräften der Antihitlerkoalition und der Bewegung “Freies Deutschland”: Kurzbiographien. Berlin, 2005.

геме, Глазго, Манчестере и других городах вскоре возникли окружные или провинциальные группы движения, а в середине ноября 1943 г. состоялась его первая всебританская конференция¹.

В Мексике, где существовала значительная группа немецких эмигрантов, уже с конца 1941 г. развернулось движение свободных немцев. В эту страну эмигрировал коммунист Александр Абуш, который в 1943 г. вместе с другим деятелем КПП Паулем Меркером стал основателем «Свободного немецкого движения» в Латинской Америке и Национального комитета «Свободная Германия» в Мексике. В феврале 1943 г. был образован латиноамериканский комитет «свободных немцев», президентом которого стал Людвиг Ренн, а секретарем Пауль Меркер, который был главным редактором литературно-политического ежемесячника «Свободная Германия» и хозяином немецкого антифашистского издательства «Свободное слово». В июле 1943 г. комитет объявил себя секцией НКСГ и принял его программу в качестве генеральной линии для своей политической деятельности².

Полемика относительно истинных целей создания московского Национального комитета «Свободная Германия» затронула и Мексику. В октябре 1943 г. Пауль Меркер на страницах своего ежемесячника «Свободная Германия» спорил с главным редактором издававшегося в США немецко-еврейского еженедельника «Восстановление» (“Aufbau”) Манфредом Георге, который высказал предположение, что СССР, создав на своей территории НКСГ и СНО, готовит сепаратный мир с немецкими генералами. В этой связи американско-немецкий теолог Райнхольд Нибур в ноябре 1943 г. писал, что участие старших немецких офицеров в антигитлеровском движении на стороне СССР в большей степени свидетельствовало о намерении Советского Союза вести переговоры с немецкой армией, чем о стремлении СССР к коммунистической революции³.

Особенно широкую и успешную работу проводил созданный в ноябре 1943 г. во Франции Комитет «Свободная Германия» для Запада («НКСГ для Запада»)⁴, объединивший немецких антифашистов, солдат оккупационных войск вермахта, а также рабочих батальонов организации Тодта, которые занимались строительством и ремонтом дорог в прифронтовой и фронтовой полосах⁵. Основой объединения стала

¹ Wiemann D. Exilliteratur in Großbritannien 1933–1945. Opladen, 1998.

² Kießling W. Exil in Lateinamerika. Leipzig, 1980.

³ Exil in den USA: mit einem Bericht “Schanghai — eine Emigration am Rande”. Leipzig, 1983. S. 206. (Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil 1933–1945; Bd. 3).

⁴ Comité “Allemagne Libre” Pour l’Ouest // Exil in Frankreich. Leipzig, 1981. (Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil 1933–1945; Bd. 7).

⁵ Штейнле Л. От Волги до Веймара: мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. М., 1975. С. 18.

программа НКСГ, изложенная в манифесте от 12 июля 1943 г., а также «25 тезисов об окончании войны», принятых НКСГ 5 марта 1944 г.¹

Документы «НКСГ для Запада», составившие основу 18-й главы «Боевые организации “Свободной Германии” в других странах» отчета президента НКСГ Э. Вайнерта, подготовленного в декабре 1945 г. для советских инстанций, легли в основу этой части исследования².

В обращении «НКСГ для Запада» под названием «Ко всем немцам на Западе» было сказано: «Мы должны спасти Германию путем свержения Гитлера и добиваться мира. Не принимайте участие ни в арестах, ни в доносах. Устанавливайте связь с французским населением на местах. Говорите, что Вы противники Гитлера»³.

В состав «НКСГ для Запада» вошли представители различных политических взглядов и мировоззрений. Согласно данным «Политической информации» НКСГ № 24 за 1944 г. число членов комитета при его создании составляло 2 тыс. человек⁴. Комитет стал политическим и организационным центром для немцев-эмигрантов из Германии, Австрии и Швейцарии, находящихся во Франции, Бельгии и Люксембурге. С образованием Комитета «Свободная Германия» для Запада возникла немецкая организация Сопротивления, которая вела борьбу против гитлеризма, действуя в тесном контакте с другими антифашистскими союзами и организациями французского Сопротивления.

Большую роль в развитии антигитлеровского движения на Западе сыграли нелегальные газеты, издаваемые немецкой антинацистской организацией «Германский труд», которая была связана с французским Сопротивлением. Цели организации «Германский труд» были следующие: «печатная и устная антигитлеровская пропаганда, создание широкой организации борьбы за мир как внутри армии, так и в административных учреждениях и немецкой администрации»⁵. Важнейшими печатными органами этих нелегальных групп были газеты «Солдат на Западе» (“Der Soldat im Westen”), которая распространялась во Франции, «Солдат на Средиземном море» (“Der Soldat am Mittelmeer”) — распространялась в южной Франции и Италии, «Правда» (“Die Wahrheit”)⁶ — для Бельгии, Голландии и Люксембурга. С помощью газет и листовок эта антифашистская организация привлекала на свою сторону противников войны и

¹ За Германию — против Гитлера! С. 102–108. 272–282.

² За Германию — против Гитлера! С. 487–494; РГВА. Ф. 4п. Оп. 5. Д. 17; ЦАМО. Ф. 32. Оп. А-32531. Д. 114.

³ За Германию — против Гитлера! С. 488.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Всеволодов В.А. Национальный Комитет “Свободная Германия” для Запада // Новая и новейшая история. 2008. № 4.

Гитлера. В 1942–1943 гг. в ней работали около 400 подпольных функционеров (кроме тех, кто действовал внутри германской армии)¹.

В ноябре 1943 г. члены различных групп немецкого Сопротивления, находившихся в оккупированных странах западной Европы, последовали призыву созданного в июле 1943 г. в СССР Национального комитета «Свободная Германия» к объединению всех разрозненных групп Сопротивления в едином антифашистском и антигитлеровском движении. Результатом призыва к единству действий стало создание Национального Комитета «Свободная Германия» для Запада². Комитет заявил, что его возникновение «вне всякого сомнения связано с созданием НКСГ в Москве и что он рассматривает себя его филиалом на Западе»³.

Президентом «НКСГ для Запада» был избран коммунист, политэмигрант О. Нибергаль, вице-президентом стал социал-демократ, муниципальный советник и секретарь федерального союза военных сирот и вдов войны К. Хоппе; генеральным секретарем — представитель «Движения студентов-антигитлеровцев», г. Берлин Х. Хаузер⁴. С конца 1943 г. главным печатным органом организации была газета «Народ и Родина» (“Volk und Vaterland”).

«Национальный Комитет “Свободная Германия” для Запада» принял программу московского комитета и заявил о том, что рассматривает себя в качестве филиала НКСГ на Западе⁵. Члены нелегальной организации использовали различные формы и методы борьбы. Они входили в контакт с французским и немецким движением Сопротивления, распространяли антифашистскую литературу, организовывали акты саботажа, принимали участие в сборе средств и оружия для Сопротивления⁶.

В листовках и газетах «НКСГ для Запада» публиковались обращения к немецким солдатам и офицерам с призывом не принимать участие в преступной войне во Франции, создавать из антифашистки настроенных солдат, унтер-офицеров и офицеров группы и связываться с представителями французского Сопротивления, дезертировать из вермахта и вступать в ряды вооруженного французского Сопротивления. Тираж всех изданных комитетом материалов составлял к началу 1944 г. 200 тыс. экземпляров в месяц⁷. Немцы – противники Гитлера во Фран-

¹ За Германию — против Гитлера! С. 488.

² Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 92.

³ За Германию — против Гитлера! С. 489.

⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 2. Д. 92. Л. 124.

⁵ ММНА. Нвф. 1395/7.

⁶ Особенностью движения было то, что оно финансировалось за счет средств, изъятых из касс вермахта, немецких оккупационных учреждений и добровольных пожертвований членов и друзей движения // За Германию — против Гитлера. С. 494.

⁷ За Германию — против Гитлера. С. 491.

ции с помощью борцов Сопротивления разных национальностей до осени 1944 г. изготовили и распространили свыше 5 млн. листовок¹.

Пропагандистская деятельность «НКСГ для Запада» в значительной степени проходила под влиянием лозунгов московского НКСГ. Многие материалы из Москвы стенографировались и перепечатывались на страницах центрального органа и других изданиях. Так, например, были изданы: Манифест Национального комитета «Свободная Германия» от 12 июля 1943 г. (на французском языке, гектограф), список ведущих членов НКСГ (на немецком языке, гектограф), воззвание НКСГ в связи с генеральским путчем 20 июля 1944 г. (на немецком языке); выступления: председателя компартии Германии В. Пика по радио 3 октября 1944 г. (на французском языке, гектограф), генерала фон В. Зайдлица от 8 октября 1944 г. (на французском языке, гектограф) и фельдмаршала Ф. Паулюса от 28 октября 1944 г. (на французском языке, гектограф)². В третьем номере газеты «Народ и Родина» от января 1945 г. было опубликовано «Воззвание 50 немецких генералов»³.

По инициативе «НКСГ для Запада» на юге Франции возникли боевые группы «Свободная Германия» — так называемые «добровольческие корпуса». Бойцы корпусов, состоящих из политэмигрантов и солдат-дезертиров, принимали участие в ряде боев против германской полевой жандармерии и французских коллаборационистов в районах Лиона, Тулузы, Ниццы и в центральной Франции⁴. Среди акций, осуществленных членами организации «Свободная Германия», были крушение эшелона с боевой техникой, порча оружия и моторов локомотивов, организация взрыва на бензохранилище в районе Франковиль, освобождение французских и других политических заключенных⁵.

Антифашистская деятельность «НКСГ для Запада» увеличивала число противников Гитлера и вела к образованию в частях вермахта групп движения «Свободная Германия». По данным комитета, в частях вермахта имелось около 100 групп, общей численностью от 600 до 800 солдат и офицеров. Кроме того, группы сопротивления существовали в Бельфоре, Бордо, Лиле, Леоне, Марселе, Монпелье, Монтобане, Тарбе, Тулузе, на одном из аэродромов запасных частей, а также в штабе вооружений. Особенно активно действовала в Париже в штабе военно-морского флота Германии группа в составе офицеров Г. Хайзеля, К. Хелькера и А. Эберхардта⁶.

¹ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 50об.

² За Германию — против Гитлера. С. 492.

³ Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 93.

⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 50об.

⁵ За Германию — против Гитлера. С. 494.

⁶ Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 94.

К ноябрю 1944 г. движение потеряло около 100 участников. Среди них были: руководитель организации «Германский труд» в Бельгии немецкий журналист Ф. Коль; девять офицеров немецкой армии, работавших во Франции в управлении вооружения сухопутных сил; уполномоченный комитета по Северной Франции Доли; лейтенант вермахта Шнайдер и уполномоченный комитета в Бордо¹.

Важное значение для развития антифашистской борьбы «НКСГ для Запада» сыграло признание комитета французским Сопротивлением в апреле 1944 г. С этого момента комитет стал одним из боевых отрядов Сопротивления на западе Европы². В 1944 г. 12 членов комитета достигли во французском Сопротивлении командных постов³; к концу войны их насчитывалось уже 20⁴.

Новый этап в истории «НКСГ для Запада» начался с открытием второго фронта и, прежде всего, высадкой союзников во Франции. Пропандистская деятельность комитета в это время стала составной частью пропагандистского обеспечения военных действий союзников. 20 августа 1944 г. «НКСГ для Запада» опубликовал обращение к немецким войскам, находящимся в районе Парижа, с требованием сложить оружие. Этот призыв имел успех⁵.

Освобождение Парижа ознаменовало начало нового, легального этапа в деятельности комитета, который открыл свое представительство в центре Парижа на Монмартре. После освобождения Парижа газета «Народ и Родина» стала выходить два раза в месяц тиражом 13 тыс. экземпляров⁶.

Сразу после освобождения Парижа представители «НКСГ для Запада» обратились к французским властям с предложением направить для работы на фронте делегатов от комитета. До конца войны «НКСГ для Запада» распространил на разных участках фронта более 300 тыс. листовок. Комитетом был учтен многонациональный состав частей, воевавших на Западном фронте. «Пропуск в плен» печатался на трех языках: немецком, французском и английском⁷. Известен случай, когда таким пропуском воспользовались 350 немецких солдат, которые вместе со своим командиром перешли на сторону французского сопротивления

¹ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 50об.

² Force Française de L'Interieue (FFI) — внутренние вооруженные силы Франции, объединявшие все партизанские отряды.

³ За Германию — против Гитлера. С. 490.

⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 125.

⁵ За Германию — против Гитлера. С. 494.

⁶ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 126.

⁷ Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 95.

в районе г. Брив¹. Делегаты «НКСГ для Запада» использовались в качестве переводчиков при допросах пленных немцев.

Делегаты комитета использовались в качестве членов вооруженной группы, проводившей разведку по заданию французского командования. Группа действовала в районе Мозеля. Кроме этого, союзники предполагали использовать немецких антифашистов в активной боевой и нелегальной работе непосредственно в Германии. На основании решения, принятого на переговорах уполномоченных комитета с представителями штаба американского генерала Д. Эйзенхауэра, 35 немецких антифашистов, среди которых были бывшие испанские интернационалисты и участники французского Сопротивления, в феврале–марте 1945 г. прошли специальную подготовку под контролем американских спецслужб (“Office of Strategic Service”). Однако в связи с окончанием войны эта боевая группа так и не побывала в деле. Отобранные французскими властями для специальной работы в Германии 6 делегатов комитета также оказались не у дел².

Отношение к членам и деятельности «НКСГ для Запада» у западных союзников было двоякое: одни не доверяли этой организации, другие признавали важность ее деятельности и высоко оценивали работу членов комитета. Как писал Нибергаль: «Американцы чинили нашим делегатам всяческие препятствия и то, что нашим делегатам пришлось прекратить работу на Западном фронте и на участке Лориента, следует отнести к их влиянию»³. Вместе с тем, начальник отдела психологической войны на Атлантическом фронте так охарактеризовал работу членов комитета: «Без всякого сомнения, благодаря их работе... последующие за тем бои оказались менее кровопролитными. Таким образом, были сохранены как с немецкой стороны, так и с французской, человеческие жизни, чем оказали значительную услугу союзникам»⁴.

С окончанием боевых действий на Западном фронте деятельность фронтовых членов «НКСГ для Запада» была подчинена решению новых задач. Одной из них была работа среди военнопленных в лагерях. Комитет приступил к политической работе в лагерях для немецких военнопленных, направленной на разрушение нацистской идеологии.

Политическая работа и пропаганда «НКСГ для Запада» строилась на основании лозунгов и программ, разработанных московским комитетом («Всё оружие — против Гитлера!», «Гитлер должен умереть, немец-

¹ Этому событию была посвящена листовка Комитета под названием “350 солдат со своим командиром перешли на сторону французского сопротивления в районе г. Брив” // АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 61.

² Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 95.

³ Там же.

⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 23–24.

кий народ должен жить!»). Большую роль в пропаганде идей движения «Свободная Германия» в среде немецких военнопленных сыграла газета «Народ и Родина». В июне 1945 г. в этой газете появилась приписка: «Издание газеты ограничено, поэтому мы просим товарищей после прочтения передавать ее дальше»¹.

С осени 1944 г. одной из важнейших задач «НКСГ для Запада» стало «воспитание демократии» у немецких пленных, находящихся во французских лагерях. В качестве средства воспитания пленных рассматривалось, прежде всего, их участие в восстановлении Франции и в возмещении ими ущерба, нанесенного войной и оккупацией. Были разработаны «Предложения антигитлеровского движения “Свободная Германия” о политическом перевоспитании и профессиональном образовании военнопленных», которые были опубликованы отдельной брошюрой 28 декабря 1944 г.² Программа действий, изложенная в этом документе, предполагала устранение нацистской идеологии и внедрение демократических идей. При этом главным становилась воспитательная работа среди военнопленных, «которая не является политической работой в духе какой-либо политической партии. Напротив, это воспитание имеет целью внедрение в сознание немецкого народа идеи такого государства, которое наполнено принципами демократии и взаимопонимания между народами, берущими начало в Великой французской революции»³.

Комитет жестко сформулировал свою позицию по отношению к военным преступникам, прежде всего, членам СС, сотрудниками гестапо и убежденным нацистам, находившимся среди военнопленных. При этом комитет исходил из того, что большинство солдат и офицеров вермахта являлись лишь попутчиками нацистов. Он отделял пронацистски настроенных пленных от «незапятнанных», которые, по его мнению, и должны были стать носителями новых идей и участвовать в демократическом восстановлении Европы. Политическое перевоспитание с точки зрения комитета состояло в том, чтобы пленные осознали ответственность за все разрушения и тем самым мотивировали свое активное участие в восстановлении и возмещении ущерба. «Немецкий народ несет коллективную ответственность за все разрушения и преступления, которые принесли нацисты, — говорилось в документе. — Репарация есть моральный и первоочередным долг для всех немцев за причиненный ущерб... Военнопленные являются первыми представителями немецкой рабочей силы во Франции»⁴.

¹ Volk und Vaterland. 1945. № 11 (Juni). S. 4.

² La reconstruction et la reeducation ideologique et professionnelle. — Union dans la lutte. Hublie par le comite anti-hitlerien “Allemagne Libre” pour le Midi. Toulouse, 1944.

³ Ibid. P. 27.

⁴ Volk und Vaterland. 1944. № 1 (Dezember). S. 2.

К августу 1945 г. почти во всех лагерях существовали отделы комитета. Из антифашистки настроенных военнопленных офицеров был создан «Союз немецких офицеров на Западе». Его президентом стал полковник О. Махст. К концу войны в этой организации состояло более 300 чел.¹

Однако, несмотря на успехи движения, работа комитета с осени 1944 г. стала всё больше подвергаться критике со стороны союзнических властей, причем не только французских, но и английских и американских. В конце февраля 1945 г. движению «Свободная Германия» был окончательно закрыт доступ в лагерь.

14–15 мая 1945 г. на состоявшемся в Париже заседании делегатов движения «НКСГ для Запада» были подведены итоги борьбы и обозначены новые задачи. Главной целью «НКСГ для Запада» после окончания войны стало сохранение жизни миллионам немецких солдат и офицеров для новой Германии и Европы².

После победы антигитлеровской коалиции над Германией деятелям «НКСГ для Запада» стали реализовываться принятые в феврале 1945 г. в Ялте планы Великобритании, СССР и США в отношении их родины. Союзники «договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпишем нацистской Германии после того, как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны»³.

В Декларации о поражении Германии и взятии верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Англии, США и Франции, подписанной 5 июня 1945 г. в Берлине, констатировалось, что «германские вооруженные силы на суше, на море и в воздухе потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали и Германия, которая несет ответственность за войну, неспособна больше противостоять воле держав-победительниц. Тем самым Германия поставила себя в зависимость от требований, которые будут ей предъявлены». В Декларации указывалось, что «в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц. Именно при этих обстоятельствах правительства СССР, Англии, США и Франции взяли на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагало германское правительство, вер-

¹ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 126.

² Volk und Vaterland. 1945. № 11 (Juni). S. 1–2.

³ Тегеран. Ялта. Потсдам: сборник документов. М., 1970. С. 185–186.

ховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство»¹.

Таким образом, цели НКСГ, как и «НКСГ для Запада», достигнуты не были. Более того, они не соответствовали взглядам союзников на послевоенный порядок в Европе.

Еще 5 мая 1945 г. французское временное правительство так обозначило свою позицию по отношению к «НКСГ для Запада»: «Члены комитета могут рассматриваться как истинные антинацисты. Но нельзя забывать, что эти люди являются, прежде всего, немцами»². Ограничения политического и практического характера, отсутствие поддержки со стороны союзников по антигитлеровской коалиции привели к тому, что летом 1945 г. комитет свернул свою работу.

Последней попыткой заявить о себе как о политической силе стала выдвинутая комитетом идея образования гуманитарной организации “Deutsche Kriegsgefangenenfürsorge in Frankreich” — ДКФ, целью которой была бы материальная, моральная и правовая поддержка немецких военнопленных, находящихся в лагерях во Франции³.

Не найдя поддержки у западных союзников, «НКСГ для Запада» обратился к СССР. 11 июля 1945 г. была организована встреча делегации комитета с представителем посольства СССР во Франции. В послании «НКСГ для Запада» Верховному командованию оккупационными войсками Красной Армии была изложена программа ДКФ, а также просьбы: поставить вопрос о сроках и условиях репатриации членов «НКСГ для Запада» и выяснить возможность помощи советского Красного Креста, необходимой для «розыска родных, оставшихся в Германии»⁴. Официальной реакции представителей СССР не последовало.

3.6. Консервативная оппозиция и заговор против Гитлера

При всем уважении к Сопротивлению меньшинств (евреев, коммунистов, социал-демократов, пацифистов, деятелей церкви, студентов и т.д.) в Третьем рейхе реальное военно-политическое значение (а Гитлера с конца 1930-х гг. можно было свергнуть только военными средствами)

¹ Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии, составленный 3-м Европейским отделом МИД СССР, 1943–1945 гг. М., 1946. С. 78.

² Gerhard L. Les Allemands dans la resistance. DRAFD e.V. Berlin, 1999. S. 6.

³ DKF — Deutsche Kriegsgefangenenfürsorge in Frankreich.

⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 124.

имело лишь Сопротивление германских военных, связанных с консервативной политической оппозицией.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в Германии сложились основные звенья оппозиции Гитлеру:

- военная группа во главе с генерал-фельдмаршалом Эрвином фон Вицлебенем и генерал-полковником Людвигом Беком;
- группа в руководстве военной разведки (абвера) во главе с начальником штаба абвера Гансом Остером;
- группа консервативных политиков во главе с Карлом Фридрихом Гёрделером¹;
- группа в дипломатов во главе с Ульрихом фон Хасселем и графом Фридрихом Вернером фон дер Шуленбургом;
- группа молодых аристократов во главе с графом Гельмутом фон Мольтке и графом Питером Йорком фон Вартенбургом («Кружок Крей-сау»);
- группа офицеров штаба группы армий «Центр» на Восточном фронте во главе с генералом Х. фон Тресковым;
- группа офицеров Генерального штаба во главе полковником К. фон Штауффенбергом;
- другие объединения Сопротивления консервативно настроенных немецких военных, политиков и чиновников.

Заговор немцев против Гитлера объективно способствовал победе антигитлеровской коалиции. После нападения Германии на СССР военные задачи СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и немецкого антигитлеровского Сопротивления, с другой — во многом совпадали. Немецкие антинацисты были частью европейского движения Сопротивления.

Этого очевидного факта долго не хотели признавать советские историки²: сохранялись стереотипные оценки событий 20 июля 1944 г. как «результата деятельности западных спецслужб», «оппозиции сплошной реакции» и «попытки спасти германский империализм от полного и по-

¹ Карл Фридрих Гёрделер — обер-бургомистр Лейпцига с 1930 по 1937 г. В 1934–1935 гг. был рейхскомиссаром по ценам в правительстве Гитлера. В 1935 г. ушел в отставку из-за серьезных разногласий с нацистами. С конца 1930-х гг. находился в центре гражданской антигитлеровской оппозиции гитлеризму. В многочисленных его записках и проектах разрабатывались планы переустройства политической жизни Германии после государственного переворота. После свержения Гитлера Гёрделер был готов занять пост рейхсканцлера. После провала покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Гёрделер был арестован. 8 сентября 1944 г. он был приговорен народным трибуналом к смерти; казнен 2 февраля 1945 г.

² См. об этом: Finker K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20. Juli 1944 // Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994. S. 38–54.

ражения», «милитаристского заговора не только против СССР, но и против немецкого народа»¹.

Тем не менее, объективный взгляд на проблему немецкого антинацистского Сопротивления в российской историографии пробивает себе дорогу². События 20 июля 1944 г. в России все чаще рассматриваются как часть европейского антифашистского Сопротивления. Историки подчеркивают, что «особенно сложной для участников Сопротивления была обстановка в нацистской Германии», что «участники внутригерманского Сопротивления оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу»³.

¹ Бродский Е.А. Заговор 20 июля и социально-политический характер гёрделевской оппозиции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; Майский И.М. К возрождению германского милитаризма // Вопросы истории. 1956. № 5; Деборин Г.А. Вторая мировая война: военно-политический очерк. М., 1958. С. 290; Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1961. С. 26, 65, 77, 88.

“Провал ‘заговора 20 июля’ означал крушение далеко идущих планов англо-американской реакции, а также определенной части германской монополистической буржуазии и генералитета. Их попытка помешать военному и политическому разгрому германского фашизма потерпела крах” (Розанов Г.Л. Конец “третьего рейха”. М., 1990. С. 70). Первую попытку научного, реалистичного и объективного подхода к истории событий 20 июля 1944 г. предпринял в годы хрущевской “оттепели” советский историк Д.Е. Мельников. Ученый исходил из тезиса о том, что движение 20 июля было “сложным политическим комплексом”, что установки графа К. фон Штауффенберга и его единомышленников “отличались значительным реализмом и пониманием подлинных интересов Германии”. Мельников отмечал, что заговор 20 июля 1944 г. был “не просто делом рук “кучки офицеров”, не просто “генеральским путчем”, а попыткой определенной части германской буржуазии найти выход из проигранной войны”. Военные и хозяйственные круги “третьего рейха”, подчеркивал историк, были охвачены двойным страхом — “перед неминуемой военной катастрофой и назревающим внутренним крахом гитлеровского режима” (Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: легенда и действительность. М., 1962. С. 4, 56, 200, 235).

Важную роль не классовых интересов, а общечеловеческих моральных факторов в немецком антигитлеровском Сопротивлении убедительно показал историограф Н.С. Черкасов. Он исходил из того, что “среди участников заговора против Гитлера, в буржуазных и военных кругах, было много людей, искренне возмущавшихся преступлениями фашизма и потому вступивших с ними в борьбу” (Черкасов Н.С. Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 г. в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1967. Вып. 5. С. 137, 145).

² Chavkin B. Der deutsche Widerstand gegen Hitler aus Sicht der russischen Historiographie // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2008. Н. 2.

³ Комолова Н.П., Бровко Л.Н., Савина И.С. Идеи и программы Сопротивления // Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: общие проблемы. М., 1990. С. 72.

Что касается дискуссионного вопроса о «прозападной» (то есть «антисоветской») политической ориентации деятелей 20 июля 1944 г., отметим, что значительная часть немецких военных, участвовавших в заговоре против Гитлера (их наиболее известным представителем был граф Клаус Шенк фон Штауффенберг), в отличие от так называемого «штатского сектора» оппозиции, являлась сторонниками ориентации на Восток — заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений. Сталинский режим они не считали препятствием для послевоенной германской демократии: ведь Веймарская республика успешно сотрудничала с СССР, в частности в военной сфере.

Взгляды «штатского сектора» оппозиции характеризует разработанный участниками антинацистского «кружка Крейсау» документ «Основные принципы нового порядка» (проект Мольтке от 9 августа 1943 г.), в котором историческая и политическая ответственность за нацизм и войну возлагалась на Третий рейх. В документе говорилось, что «после дня “X”» необходимо не просто вернуться к Веймарскому «многопартийному государству», ценности которого члены «кружка Крейсау» считали в значительной степени дискредитированными, но и создать новую Германию. Мольтке и его единомышленники стремились к духовному и политическому обновлению Германии, которое рассматривалось ими в качестве альтернативы тоталитарной диктатуре нацистов. Новый внутренний порядок должен быть стать основой для справедливого и длительного мира, путь к созданию которого «лежит, очевидно, в решительном и действенном воплощении в жизнь христианского наследия». Этот документ существенно отличался от конституционных проектов Гёрделера, предусматривавших установление в Германии парламентарной монархии или авторитарно-сословного государства, что было бы шагом назад по сравнению с Веймарской республикой. Взгляды Гёрделера в отношении России были противоречивы. С одной стороны, Гёрделер считал, что никакое плодотворное экономическое и политическое сотрудничество с большевистской Россией развиваться не может; с другой стороны, он полагал, что целью Германии должно быть постепенное включение России в европейское объединение, в котором доминировала бы Германия: «Федерация европейских государств под германским главенством станет через 10–15 лет фактом».

Если Гёрделер был сторонником сохранения и укрепления Германской империи в довоенных границах, то лидеры «кружка Крейсау» мечтали о будущей свободной и децентрализованной Германии, федерации земель, равноправном члене европейского союза наций, может быть, даже с единой для всей Европы (но без России и Англии) валютой и общими вооруженными силами.

Однако между обеими программами было и нечто общее: их «ордолиберализм»¹ После Второй мировой войны некоторые его идеи воплотились в ФРГ в реформе Л. Эрхардта, с которой началось «немецкое экономическое чудо», а политические проекты «кружка Крайсау» нашли свое отражение в Конституции ФРГ.

3.6.1. Причины и характер антигитлеровской фронды представителей германских консервативных элит

Традиционными опорами государственной власти в Германии были бюрократия и военщина. Установление гитлеровской диктатуры означало не только устранение нацистами политических конкурентов в результате победы во внутривнутриполитической борьбе, но и использование государственных институтов в своих политических интересах. Целью нацистов было сращивание государства и гитлеровской партии. Оно было зафиксировано в «Законе об обеспечении единства партии и государства» от 1 декабря 1933 г.

7 апреля 1933 г. был опубликован «Закон о восстановлении профессионального чиновничества», «арийский параграф»², которого гласил: «чиновники неарийского происхождения подлежат увольнению пенсию; если же они имеют почетное звание, то лишаются его»³. По этому закону с государственной службы увольнялись неугодные нацистам чиновники: демократы, либералы и, прежде всего, евреи; их сменили сторонники НСДАП.

Немецкое чиновничество было опорой гитлеровской диктатуры; чиновники составляли огромный партийно-государственный бюрократический аппарат. В 1937 г. были приняты «Закон о чиновничестве» и «Закон об имперском гражданстве»⁴. Они были направлены на то, что-

¹ Немецкая ветвь неолиберализма, объединявшая видных немецких экономистов вокруг ежегодника «Ордо». Смысл ордолиберального учения сводится к тому, что государство ограничивается формированием экономического строя, а регулирование и хозяйственный процесс происходят спонтанно.

² Закон «о восстановлении профессионального чиновничества» (“Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums”) вводил расистское понятие “неариец” в правовое поле. Инструкция по применению закона гласила: “Неарийцем считается тот, чье немецкое происхождение неарийское, особенно если у него родители или один из родителей — евреи. Достаточно, если один из родителей или родители родителей были неарийцами. Особенно важно, если один из родителей или родители родителей исповедовал иудаизм” // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стб. 78–89.

³ Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums vom 7. April 1933 // Dokumente des Verbrechens: aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945. Berlin, 1993. Bd. 1. S. 38–41, § 3.

⁴ Noack E. Die Gesetzgebung des Dritten Reiches: ein Grundriss. Berlin, 1938. S. 46; Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 254.

бы, во-первых, полностью избавиться от чиновников, не разделявших нацистских взглядов; во-вторых, законы устанавливали привилегии для чиновников, верно служивших «рейху»; в-третьих, они повышали материальный уровень государственных служащих. Нужда в чиновниках и служащих намного возросла по сравнению с донацистским временем.

В связи с резким усилением вмешательства государства во все сферы жизни страны, расширением регламентации, контроля, централизации во много раз выросла численность бюрократического государственного аппарата. Кроме того, возник огромный, постоянно растущий и разветвляемый аппарат нацистской партии и примыкавших к ней массовых организаций «немецкого трудового фронта», «имперского продовольственного сословия», женских, молодежных и других организаций. Количество возникших дополнительных штатных мест в партийно-государственном аппарате оценивалось более чем в 100 тыс.¹ Допуск в эту привилегированную категорию осуществлялся аппаратом нацистской партии. Чиновники и служащие были тщательно выверены на политическую благонадежность и чистокровное «арийское» происхождение.

«Немецкий чиновник может... сказать, что он сам горд своими достижениями и своей должностью и одновременно заверить народ в том, что он служит ему и работает для него, как того требует национал-социализм. Профессиональное чиновничество, которое сохранило свои традиционные качества, и в годы борьбы всегда находило признание со стороны национал-социалистического Движения, признание своей роли как одной из главных опор истинного государства», — так определил роль чиновничества в Третьем рейхе заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс². По распоряжению Гесса, все нацисты, вступившие в НСДАП до 30 января 1933 г., превращались в привилегированную касту; им было обеспечено не только трудоустройство, но и быстрое продвижение по службе. «Следует помнить, что очень часто менее ценные деловые качества старых членов партии компенсируются характерным для них энтузиазмом и стремлением трудиться на пользу национал-социалистического государства»³.

До 1943 г., когда гитлеровцы, осуществляя план «тотальной мобилизации», вынуждены были резко сократить число чиновников и служащих и послать освободившихся на Восточный фронт, где многие нашли свою смерть, положение государственных чиновников и служащих партийного аппарата было стабильным. Это не исключало громадной разницы в уровне жизни между высшими служащими нацистского ап-

¹ Галкин А.А. Германский фашизм. С. 254.

² Гесс Р. Избранные речи // E-libra.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/188116-izbrannnye-rechi.html> [дата обращения 31.03.2015]

³ Галкин А.А. Указ. соч. С. 255.

парата и рядовыми сотрудниками. Но и последние были допущены к «пирогу»: они получили свою долю награбленного в оккупированных странах Западной Европы, имели отсрочку от мобилизации в армию, привилегии престижного характера и другие льготы.

С «нацификацией» армии, точнее, сил обороны Веймарской республики (рейхсвера), дело было сложнее: вооруженные силы, хоть и ограниченные Версальским договором, лишенные тяжелого вооружения, насчитывавшие всего 100 тыс. чел., были традиционным институтом германской государственности, носителем имперских традиций, звеном, связующим Второй и Третий рейх, но отнюдь не «орудием нацистской партии».

Офицерский корпус рейхсвера на 20% состоял из дворян, из поколения в поколение служивших в прусско-германской армии¹. Военные аристократы, хотя после революции 1918 г. в Германии больше не было императора Вильгельма II, считали себя хранителями традиций Второго германского рейха. «Отец рейхсвера» генерал Г. фон Сект еще в 1923 г. в разговоре с канцлером Г. Штресеманом так охарактеризовал дух германского офицерского корпуса: «Господин канцлер, если вы пойдете по немецкому пути, то рейхсвер будет с вами. А кто может определить этот “немецкий путь”, как не командование армии?»² Как отмечал в своих записках адъютант Секта, «рейхсвер снова становится носителем внутриполитической ответственности. Его вновь касаются все вопросы, имеющие отношение к национальным интересам»³.

Парадокс состоял в том, что рейхсвер, несмотря на серьезные военно-политические разногласия части германского генералитета с нацистами, был одной из основных сил, приведших Гитлера к власти: «если бы не рейхсвер и его мюнхенские офицеры, Германия вовек не узнала бы Адольфа Гитлера»⁴.

Нацисты в свойственной им разнузданной манере не раз пытались скомпрометировать командование рейхсвера. Так, 27 сентября 1923 г. центральный орган НСДАП газета «Фелькишер беобахтер» открыла кампанию против «еврейской диктатуры Штресемана – Секта» и намекала на «неарийское происхождение» жены генерала Секта Доротеи фон Сект. Эта провокация стала прелюдией к «восстанию» Гитлера и Людендорфа против Веймарского режима 8 ноября 1923 г., вошедшего в историю как мюнхенский «пивной путч».

¹ Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве, 1650–1945. М., 2007. С. 69.

² Галло М. Ночь длинных ножей: борьба за власть партийных элит Третьего рейха, 1932–1934. М., 2007. Гл. 12.

³ Hallgarten G. Hitler, Reichswehr und Industrie: zur Geschichte der Jahre, 1918–1933. Frankfurt/M., 1962. S. 21.

⁴ Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. М., 2004. С. 9.

Однако нанеся в ноябре 1923 г. «удар по крайне правым, рейхсвер нанес удар по самому себе»¹. Политический процесс против организаторов мюнхенского путча привел к опубликованию в 1925 г. материалов, показывавших двусмысленную роль, которую в этих событиях играло командование рейхсвера, в частности генерал Сект². В 1926 г. Сект ушел в отставку и отправился в Китай в качестве военного советника Чан Кайши.

Соратник Секта новый начальник управления сухопутных сил министерства рейхсвера генерал К. фон Шлейхер (ему было суждено стать последним перед Гитлером канцлером Веймарской республики) по прежнему ставил своей задачей отмену военных ограничений, накладываемых на Германию Версальским договором, осуществление легальным и нелегальным путем перевооружения Германии, возрождение мощи германского милитаризма. Но методы борьбы рейхсвера за эти цели отличались от методов «Моей борьбы» Гитлера.

Возникли признаки раскола милитаристских сил на «республиканскую» и «антиреспубликанскую» группы. Однако единство целей — восстановление старого кайзеровского режима было еще сильнее, чем тактические расхождения. Не отказываясь от монархических симпатий, генералы рейхсвера решили на время примириться с республикой, президентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами которой в 1925 г. стал символ германского милитаризма и убежденный монархист генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург. Перевооружение Германии и восстановление ее прежних военных и политических позиций должно было, по мнению командования рейхсвера, «осуществляться руками парламентских правительств. Задача же военных состояла в том, чтобы толкать правительств на этот путь, добиваться от них все более энергичных и решительных действий»³. Стратегически же цели командования рейхсвера и Гитлера совпадали. Связующим звеном между нацистами и генералами стал Гинденбург.

3 февраля 1933 г., через 4 дня после назначения рейхсканцлером, Гитлер выступил перед 30 генералами, собравшимися в Берлине на Бендлерштрассе, в служебной квартире командующего сухопутными силами рейхсвера генерал-полковника К. фон Хаммерштейна⁴.

¹ Галкин А.А. Указ. соч. С. 107.

² Lanio L. Der Hitler-Luddendorff-Prozess. Berlin, 1925.

³ Галкин А.А. Указ. соч. С. 108.

⁴ Генерал-полковник барон К. фон Хаммерштейн-Экворд (1878–1943) был активным участником военного сотрудничества рейхсвера и Красной Армии; он открыто презирал нацистов, называя их «грязными свиньями». Зимой 1930 г. Хаммерштейн заявлял, что «рейхсвер не позволит Гитлеру прийти к власти». На президентских выборах 1932 г. Хаммерштейн, как и большинство офицеров рейхсвера, проголосовал

Новый канцлер обещал «восстановление политической власти» в стране, «полное изменение существующего внутривластного положения в Германии»; «уничтожение марксизма на корню... Закалка молодежи и укрепление воли к борьбе всеми средствами. Смертная казнь за измену родине и народу. Авторитарное руководство государством. Устранение раковой опухоли — демократии! Во внешней политике: борьба против Версаля». Генералам было обещано «восстановление вермахта... восстановление всеобщей воинской повинности. Однако прежде правительство должно позаботиться о том, чтобы пацифизм, марксизм, большевизм не отравляли» сознание военнообязанных¹.

До недавнего времени о содержании двухчасовой речи Гитлера на квартире Хаммерштейна было известно по записям генерал-лейтенанта фон Либмана и по короткой заметке полковника фон Райхенау в главном органе НСДАП газете “Völkischer Beobachter”; Райхенау утверждал, что «никогда раньше задачи, стоящие перед государством, не были столь близки и понятны вермахту»².

6 февраля 1933 г., в день публикации заметки в “Völkischer Beobachter”, конспект речи Гитлера перед генералами от 3 февраля 1933 г. был в Москве в секретариате Коминтерна. Уже через 3 дня после встречи Гитлера с генералами рейхсвера Сталин имел об этой встрече полную информацию. Содержание выступления Гитлера перед генералами передано в Москву по радио Лео Рот (псевдоним Руди) — немецкий коммунист и агент Коминтерна. Рот был близким другом дочери Хаммерштейна, двадцатилетней Хельги, которая вместе со старшей сестрой Марией-Луизой сотрудничала со службой информации КПГ и выполня-

---

за Гинденбурга, видя в нем последнее препятствие на пути Гитлера к власти. 1 февраля 1934 г. Хаммерштейн ушел в отставку с поста командующего сухопутными силами рейхсвера. Во время мобилизации 1939 г. он вновь был призван в армию и назначен командующим укрепрайоном “А” Западного вала (Кёльн), затем начальником 8-го военного округа (Силезия). Хаммерштейн надеялся заманить Гитлера в свой штаб и там арестовать его. Хаммерштейн был близок к кругам консервативной оппозиции, которые представлял К. Гёрделер. Хаммерштейн умер 25 апреля 1943 г. в Берлине. Его дочери были связаны с советской разведкой, а сыновья участвовали в попытке государственного переворота 20 июля 1944 г. После провала антигитлеровского военного заговора семья Хаммерштейна была репрессирована. — Enzensberger H.M. Hammerstein oder der Eigensinn: eine deutsche Geschichte. Frankfurt/M., 2008.

¹ Из конспекта речи Гитлера перед командующими сухопутными силами и военно-морским флотом (3 февраля 1933 г.) // История Германии. Т. 3. Документы и материалы. С. 318. Док. 272.

² Reichenau: “Nie war die Wehrmacht identischer mit den Aufgaben des Staates als heute” // Völkischer Beobachter. 1933. 6. Februar.

ла задания Коминтерна. Таким образом, через Коминтерн шло разоблачение тайных военных приготовлений Гитлера¹.

На рубеже XX–XXI вв. научный сотрудник гамбургского Института социальных исследований (ФРГ) Р. Мюллер обнаружил в Москве в архиве Коминтерна записанный 3 февраля 1933 г. в Берлине дочерью Хаммерштейна и переданный Ротом в Москву текст речи Гитлера перед генералами рейхсвера²; последовали публикации этого документа в Германии и России³.

Единение рейхсвера, Гинденбурга и Гитлера было подкреплено торжественной церемонией, состоявшейся 21 марта 1933 г. в гарнизонной церкви Потсдама, где захоронены останки прусского короля Фридриха II. Новый рейхсканцлер Гитлер, во фраке и при цилиндре, покорно склонил голову в низком поклоне перед рейхспрезидентом Гинденбургом в парадной форме генерал-фельдмаршала. В этой сцене Гитлер продемонстрировал подчинение Гинденбургу — герою Первой мировой войны, «беспартийному» президенту, «отцу нации», который призван защищать единство немцев, порядок и дисциплину⁴. Кроме того, этот жест должен был показать членам Немецкой националистической народной партии, почитавшей Гинденбурга, что Гитлер контролируем. Пожимая руку бывшему ефрейтору, Гинденбург признавал его в качестве военного, который может в будущем стать главнокомандующим. Буржуазным слоям общества, потерявшим спокойствие от радикальных выходок Гитлера, внушалось, что настоящим главой государства по-прежнему является президент Гинденбург, а глава правительства канцлер Гитлер не несет социальной опасности.

В «день Потсдама» национал-социалисты надеялись продемонстрировать символическую преемственность прусско-германской истории, где Гитлер встал в один ряд с королем Пруссии Фридрихом Великим, «железным канцлером» Германской империи Отто Бисмарком и президентом Веймарской республики Гинденбургом. В присутствии священнослужителей, депутатов рейхстага, высших чинов государства и рейхс-

¹ Вудман Д. Германия вооружается. М., 1935; Ее же. Воздушные вооружения Германии. М., 1935; Müller A. Hitlers motorisierte Stoßarmee. Paris, 1936; Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М., 2004. (См. об этом: Гл. 1, § 2).

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 530.

³ Alltag unter Hitler / hrsg. von W. Schneider. Berlin, 2000. S. 65; Müller R. Hitlers Rede von der Reichswehrführung 1933: eine neue Moskauer Überlieferung // Mittelweg 36. 2001. № 1. S. 73–90; Wirsching A. “Man kann nur Boden germanisieren”: eine neue Quelle zu Hitlers Rede von den Spitzen der Reichswehr am 3. Februar 1933 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2001. № 3. S. 517–550; Из конспекта речи Гитлера перед командующими сухопутными силами и военно-морским флотом (3 февраля 1933 г.) // История Германии. Т. 3. Документы и материалы. С. 318. Док. 272.

⁴ История Германии. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 148.

вера, генералов кайзеровской армии Гинденбург подтвердил, что Гитлер пользуется его полным доверием. Гитлер ответил пафосной речью о величии Германии. Затем оба почтили память Фридриха Великого.

Так прошел «день Потсдама», ставший в Третьем рейхе ежегодным праздником, символизирующим «немецкий путь» — единение прусско-германского милитаризма и нацизма. Была создана правящая коалиция нацистов и прусских консерваторов — германских националистов и милитаристов. В 1933 г., выступая перед «Стальным шлемом», Гитлер сказал: «Все мы прекрасно знаем, что если бы армия... не стояла на нашей стороне, то мы не были бы здесь»¹.

Однако, несмотря на то, что «немецкий путь» армии во многом совпадал с курсом нацистов (отмена «оков Версаля», перевооружение армии, реванш за поражение в Первой мировой войне) германское военное чиновничество зачастую было настроено против Гитлера и его партии: пролетарски-хвастливые манеры национал-социалистов не нравились многим консервативным офицерам. В первую очередь неприязнь консерваторов относилось к СА — штурмовым отрядам нацистской партии, которые претендовали на то, чтобы стать армией национал-социалистического государства. Для рейхсвера, считавшего себя единственным гарантом германской государственности, это было дерзким незаконным притязанием.

Генералы-аристократы считали Гитлера плебеем, парвеню, выскочкой, демагогом и митинговым популистом. Рейхспрезидент Веймарской республики генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург за глаза называл Гитлера «богемским ефрейтором» и долго не мог запомнить его имя. Считалось, что Гитлер не был способен командовать: как отмечал бывший командир Гитлера в Первую мировую войну начальник штаба 16-го пехотного полка капитан Фриц Видеман, ефрейтор Гитлер, служивший в штабе полка в должности посыльного, был начисто лишен командирских качеств².

Генералов, придерживавшихся правила, сформулированного министром рейхсвера генералом Гренером в циркуляре от 6 октября 1930 г.: «рейхсвер стоит превыше всех партий и служит одному государству»³ пугал политический авантюризм нацистов. Своей политикой Гитлер провоцировал конфликты с соседями Германии, прежде всего с Францией и Чехословакией, к которым германская армия была еще не готова. В этой связи генерал фон Штюльпнагель писал генералу Беку 30 декабря 1936 г. «Несомненно, мы можем держать мир в волнении еще неко-

¹ Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. С. 49.

² Wiedemann F. Der Mann der Feldherr werden wollte. [Velbert], 1964. S. 26; Фест И. Адольф Гитлер: биография. Пермь, 1993. Кн. 1. С. 124.

³ Деметр К. Указ. соч. С. 361–362.

торое время, но в один прекрасный день с мира будет достаточно, и он призовет нас к порядку»¹.

В феврале 1934 г. лидер штурмовиков Э. Рем предложил начать на основе штурмовых отрядов СА формирование «народной армии». Это крайне обеспокоило офицерский корпус рейхсвера. Генералы не могли допустить, чтобы рейхсвер попал под контроль «казнокрадов, хулиганов и пьяниц»². По словам будущего генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, создание армии «было слишком серьезным и сложным делом, чтобы можно было терпеть участие в нем воров, пьяниц и гомосексуалистов». Ситуация, при которой выскочки и самозванцы из штурмовых отрядов будут заправлять «народным войском», претила сословному чувству германских генералов, привыкших быть в армии «среди своих»³.

Гитлер же опасался усиления «левых» штурмовиков. В начальнике штаба СА Эрнсте Реме он видел своего политического конкурента.

Таким образом, в стремлении «приструнить» СА совпадали интересы командования рейхсвера и Гитлера, который был в достаточной степени реалистом, чтобы увидеть, что рейхсвер как инструмент власти был для него полезнее, чем СА.

30 июня 1934 г., в «ночь длинных ножей», рейхсвер участвовал в подавлении «путча Рема» и тем самым стал соучастником убийств, жертвами которых пали многие противники Гитлера, в частности последний канцлер Веймарской республики и министр рейхсвера генерал К. фон Шлейхер и начальник канцелярии министерства рейхсвера генерал Ф. фон Бредов.

Шляйхер был застрелен у себя дома вместе с своей женой Элизабет; трупы обнаружила их 16-летняя дочь. Как рассказывала потом повариха, она привела к нему в кабинет Шляйхера двух мужчин в штатском. Один из них спросил: «Вы генерал фон Шлейхер?» Услышав утвердительный ответ, они выстрелили: сначала — в фон Шлейхера, затем — в его жену, выбежавшую на звук выстрелов. Гитлер подозревал Шлейхера в попытках реставрации династии Гогенцоллернов. Версия о связи между Шлейхером и Ремом даже не рассматривалась ввиду очевидной нелепости: Шлейхер испытывал такую сильную неприязнь к Рему, что даже не пытался скрывать этого.

Домой к Бредову ворвалась группа людей, выволокла генерала на улицу и затолкала в припарковавшийся рядом с домом полицейский фургон. Там его убили. Тело Бредова сбросили в придорожную канаву. Бредов, ближайший соратник Шлейхера и многолетний глава абвера (военной разведки и контрразведки) был носителем секретной инфор-

¹ Там же. С. 200–201.

² Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004. С. 196.

³ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 130.

мации, которая в случае публикации могла представлять опасность для Гитлера.

Когда убивали генералов Шлейхера и Бредова, рейхсвер оставался спокойным; это сделало его руководителей сообщниками неправового нацистского государства. После волны убийств в «ночь длинных ножей» немецкий юрист, специалист по государственному праву Карл Шмитт сказал: «Фюрер защищает право». Тем самым произвол диктатора был возведен в степень высшего закона¹. Это было осквернением, нанесенным чести германского офицерства. Но вермахт оставил его без ответа.

Следующей «пощечиной», которую Гитлер нанес генералам, было официальное соединение после смерти Гинденбурга государственного и партийного титулов, причем партийный был поставлен впереди государственного: «фюрер и рейхсканцлер». По закону «О главе государства Германского рейха» были объединил посты президента и канцлера, а Гитлер стал единоличным правителем Германии².

По закону «О приведении к присяге государственных служащих и солдат вооруженных сил» от 20 августа 1934 г. чиновники и солдаты отныне присягали на верность не Родине, а лично Адольфу Гитлеру. Текст присяги был по-военному краток: «Клянусь хранить верность и послушание фюреру Германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, соблюдать законы и добросовестно выполнять свои служебные обязанности, да поможет мне Бог»³.

Таким образом «фюрер, рейхсканцлер» получил всю полноту власти. В нацистской Германии окончательно победил «принцип фюрерства»: «Один народ, одно государство, один вождь».

16 марта 1935 г. был принят закон «О введении всеобщей воинской повинности в Германии». Кадровый 100-тысячный рейхсвер преобразовывался в массовую призывную армию — вермахт. Военные ограничения, наложенные на Германию Версальским договором, отменялись в одностороннем порядке. «Германский вермахт снова станет тем, чем он должен быть: во внутривнутриполитической жизни — национальной школой воспитания боевого духа и любви к Отечеству у нашей молодежи; во внешнеполитической — абсолютно равным и сильным стражем и защитником рейха», — сказал военный министр генерал В. фон Бломберг 17 марта 1935 г. в речи по случаю введения всеобщей воинской обязанности⁴.

21 мая 1935 г. был принят закон «Об обороне», определявший призывной контингент, сроки службы в вермахте, обязанности и права во-

¹ Шульце Х. Краткая история Германии. С. 172.

² История Германии. Кемерово, 2005. Т. 3: Документы и материалы. С. 325. Док. 283.

³ Там же. С. 325. Док. 284.

⁴ Там же. С. 327. Док. 287.

еннослужащих. Военнообязанными стали все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Срок военной службы был установлен в 1 год (с 1936 г. — 2 года). Лица, отбывшие воинскую повинность, до достижения 45 лет зачислялись в резерв. Евреи из «почетной службы немецкому народу» исключались.

С весны 1935 г. ускоренными темпами шло создание и вооружение вермахта — массовой призывной армии: 36 дивизий, объединенных в 12 корпусов. Это открывало головокружительные перспективы как перед генеральским, так и перед офицерским составом бывшего рейхсвера. Развертывание вооруженных сил создавало резкую нехватку подготовленных командных кадров. В этих условиях опытные офицеры ценились на вес золота. Повышения и выдвижения происходили непрерывно. Засидевшиеся в чинах в веймарские времена капитаны и майоры делали в вермахте головокружительную карьеру, становясь за год-два генералами. Их признательность Гитлеру, который совершил для них это «чудо», нетрудно себе представить¹.

Впоследствии, говоря о позиции германских вооруженных сил в первые годы гитлеровского режима, генерал Бломберг признавал: «Немецкие генералы не были настроены против Гитлера. Ведь он обеспечил им успехи, которых они желали»². Значение этого признания тем более велико, что сделано оно было в 1945 г., в письменном свидетельском показании, рассчитанном на то, чтобы обелить командование рейхсвера, доказать, что оно не несет ответственности за преступления нацистского режима³.

Базой для формирования современной массовой армии служил не только рейхсвер, но и полиция, значительная часть которой находилась на казарменном положении. Организованная по армейскому принципу, она проходила регулярную боевую подготовку. Из полиции было взято около 2500 офицеров для вермахта⁴. Вермахт пополнялся за счет кадров различных военизированных организаций, примыкавших к нацистской партии: СА, «Гитлерюгенда» (молодежь Гитлера), национал-социалистских автомобильного и авиационного корпусов, спортивных обществ.

С помощью нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд» и с 1936 г. на основе «Закона о Гитлерюгенде» вся немецкая молодежь должна была «воспитываться в Гитлерюгенд физически, умственно и духовно в духе национал-социализма»⁵. С 1940 г. членство в «Гитле-

¹ Галкин А.А. Указ. соч. С. 129.

² Цит. по: Dulles A. Verschwörung in Deutschland. Kassel, 1949. S. 55.

³ Галкин А.А. Указ. соч. С. 129.

⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 1. С. 33.

⁵ Закон о «Гитлерюгенд» (1 декабря 1936 г.) // История Германии. Т. 3. Документы и материалы. С. 331. Док. 295.

рюгенд» или «Союзе немецких девушек» было обязательным для всех молодых людей. Задачи «Гитлерюгенда» Гитлер объяснил на имперском партсъезде НСДАП в 1935 г.: «Мальчик идет в “Юнгфольк” (молодой народ), подросток — в “Гитлерюгенд”, затем он вступает в СА, в СС или другие формирования, члены СА и СС затем призываются на трудовую службу, в этих организациях молодой человек созревает и становится солдатом народа»¹. Один из руководителей «Гитлерюгенда» заявлял: «С течением лет мы хотим добиться того, чтобы немецкий мальчик так же уверенно обращался с оружием, как с пером»². Построенная по военному образцу, нацистская молодежная организация имела свои части и подразделения, члены ее носили униформу, имели ранги и звания, обучались стрелковому делу под руководством офицеров-инструкторов. Перед Второй мировой войной в «Гитлерюгенд» и «Союз немецких девушек» входили 8 млн. 700 тыс. юношей и девушек³, которые стали мобилизационным резервом трудового фронта, вермахта, нацистских женских организаций.

5 марта 1937 г. началась новая фаза в отношениях между вермахтом и Гитлером: на совещании в имперской канцелярии Гитлер сообщил командованию вермахта о своем решении напасть на Чехословакию под предлогом защиты судетских немцев. Военный министр Бломберг, так и главнокомандующий сухопутных сил генерал В. фон Фрич, отнеслись к этому намерению Гитлера весьма настороженно. Вермахт по технической оснащенности уступал армии Чехословакии, а если бы в конфликт вмешалась союзная Чехословакии Франция, сухопутная армия которой считалась лучшей в мире, то поражение Германии представлялось немецким генералам неизбежным⁴.

Вскоре над Бломбергом и Фричем, осмелившимися перечить Гитлеру, сгустились тучи: в январе 1938 г. Бломберг был обвинен в том, что его жена была проституткой. Гитлер потребовал от Бломберга немедленного развода с женой. Генерал отказался. Разразился громкий скандал. Гитлер отстранил военного министра от дел. Генерал Фрич был также скомпрометирован: Гитлеру был представлен материал скрытого полицейского наблюдения, якобы свидетельствующий о склонности Фрича к гомосексуализму⁵. Гитлер, поддерживавший на протяжении более 10 лет самые

¹ Шульце Х. Краткая история Германии. С. 176.

² Заключительная речь главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса на Нюрнбергском процессе. Произнесена 26–27 июля 1946 г. // Горшенина К.П. Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1955.

³ Численность членов Гитлерюгенд (1933–1938 гг.) // История Германии. Т. 3. Документы и материалы. С. 332. Док. 296.

⁴ Der II. Weltkrieg: Dokumentation. Das III. Reich. Gütersloch, 1989.

⁵ Хёне Х. Чёрный орден СС: история охранных отрядов. М., 2003. С. 223.

дружеские отношения с гомосексуалистом Ремом, разыграл бурное возмущение. 4 февраля 1938 г. Фрич был отправлен в отставку. Однако офицерский суд чести оправдал Фрича; он был восстановлен в армии в должности почётного шефа 12-го артиллерийского полка.

В провокации против Фрича была видна рука гестапо. Тем не менее генералитет практически ничего не предпринял, чтобы встать на его защиту. Солидарность со своим шефом проявил генерал Бек. Он предложил, чтобы генералы потребовали от Гитлера следующих действий: а) полной публичной реабилитации Фрича; б) перемещений в гестапо, которые затронули бы Гиммлера, Гейдриха и других, замешанных в этом деле. Однако Браухич, назначенный на место Фрича, спустил это предложение на тормозах. Другие генералы также не проявили готовности ломать из-за Фрича копья. В конечном итоге все свелось к тому, что, выступая 19 июня 1938 г. перед генералами во время маневров в Померании, Гитлер мимоходом упомянул, что в отношении фон Фрича произошла ошибка, в которой виновны отдельные низшие чиновники. О восстановлении в должности фон Фрича он, разумеется, и не заикнулся¹. «Этот человек — судьба Германии как в добром, так и в злом, — говорил Фрич о Гитлере. — Если он теперь свалится в пропасть, он увлечет за собой всех нас. Сделать ничего нельзя»². Во время нападения Германии на Польшу Фрич специально искал смерти на поле битвы — он погиб в бою под Варшавой 22 сентября 1939 г., пожертвовав жизнью ради офицерской чести.

В 1938–1939 гг. фронда консервативных противников Гитлера стала преобразовываться в движение Сопротивления, в котором приняли участие некоторые германские политики и военачальники. Британский политический деятель У. Черчилль в своих воспоминаниях подтверждает, что в 1938 г., перед нападением на Чехословакию, был заговор против Гитлера, в котором участвовали «генералы Гальдер, Бек, Штюльпнагель, Вицлебен (командующий берлинским гарнизоном), Томас (заведующий вооружением), Брокдорф (командующий потсдамским гарнизоном) и граф Гельдорф, стоявший во главе берлинской полиции. Главнокомандующий генерал фон Браухич был осведомлен и одобрил»³. Напомним, что летом 1938 г. Бек покинул свой пост начальника Генштаба сухопутных сил в знак протеста против агрессивных планов Гитлера в отношении Чехословакии, а Гальдер стал преемником

¹ Галкин А.А. Указ. соч. С. 136.

² Buchheit G. Soldatentum und Rebellion: Die Tragödie der deutschen. Rastatt/Baden, 1961. S. 142.

³ Хавкин Б.Л. Провал операции “Валькирия” // Военная мысль. 2004. № 7. С. 66–67; Его же. Фюрера пытались убить много раз // Независимое военное обозрение. 2004. 30 июля.

Бека на этом посту; генерал Штюльпнагель был оберквартирмейстером (заместителем начальника) Генштаба. Заговорщики собирались свергнуть Гитлера 14 сентября 1938 г. в 8 часов вечера. Танковая дивизия генерала Гёпнера должна была войти в Берлин и занять узловые пункты города. «Планировалось, — рассказывал Гальдер, — занять силами войск рейхсканцелярию и те правительственные учреждения, в частности министерства, которыми руководили нацисты и сторонники Гитлера»¹. Гитлера намечалось захватить живым, судить Народным трибуналом, затем, признав душевнобольным, отправить в сумасшедший дом. Заговорщики пытались заручиться поддержкой Лондона. Однако британский премьер-министр Н. Чемберлен трижды летал в Германию на переговоры с Гитлером, что нарушало планы заговорщиков. Поэтому реализация «Берлинского путча» была сначала отложена, а потом, как стало известно, что Чемберлен вылетает в Мюнхен для подписания соглашения с Гитлером, и вовсе отменена. 29 сентября 1938 г. состоялся «Мюнхенский сговор». Таким образом, Англия и Франция в 1938 г. не только отдали Гитлеру часть Чехословакии, но и спасли его самого. Однако о подготовке свержения Гитлера никто из генералов не проговорился: Гитлер о заговоре не узнал, а генералы стали искать другого случая «устранения» своего фюрера и Верховного главнокомандующего². Во главе заговорщиков стояли генерал-полковники Л. Бек, К. фон Хаммерштейн, Ф. Гальдер, а также шеф военной разведки (абвера) адмирал В. Канарис и начальник штаба абвера и заместитель Канариса полковник (с 1941 г. — генерал-майор) Ханс Остер. Причем «крышей» заговора служил абвер³.

Несмотря на пополнение вооруженных сил молодыми нацистами, прошедшими школу «Гитлерюгенда», морально-нравственные ценности в армии в целом оставались христианскими: вермахт оставался армией христианской страны; в вермахте сохранялся институт военных священников — католиков и протестантов⁴. Расовые аспекты не играли для традиционно мыслящих немецких военных такой роли, как для нацистов. Германский офицерский корпус гораздо более важной задачей, чем преследование евреев, считал сохранение своего социального статуса и влияния в качестве военно-политической силы, обеспечивающей выполнение государственных внешнеполитических задач.

Лучшие прусско-германские военные традиции были основаны на принципах корпоративности, офицерской чести, боевого товарищества,

¹ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 448.

² Хавкин Б.Л. Ребус Рудольфа Рёсслера // Родина. 2013. № 7. С. 34–35.

³ Метаксас Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего рейха. М., 2012. С. 420.

⁴ ММНА. Нвф. 1557/3.

доверия и ответственности: «ответственность в обмен на доверие, доверие в обмен на ответственность»¹. Прусские аристократы имели свое, отличавшееся от нацистского, понимание пруссачества. «От истинного пруссачества неотделимо понятие свободы. Истинное пруссачество означает синтез привязанности и свободы, гордости за собственное и понимания чужого, суровости и сочувствия. Вне такой связи существует опасность погрязнуть в бездушной солдатчине и черствой несговорчивости» — учил своих сыновей потомственный прусско-германский военный, участник антигитлеровского заговора генерал Х. фон Тресков².

Нацисты же рассматривали пруссачество как абсолютную власть, передаваемую по военно-государственной вертикали сверху вниз при безусловной ответственности снизу вверх, народное единство на основе принадлежности к «высшей» расе, принцип «фюрерства» и основанную на нем строгую иерархию и военную муштру. Ценностные ориентации германского офицерства и нацистов, при всей их близости, не совпадали, что в дальнейшем привело к появлению оппозиционных настроений среди военнослужащих вермахта.

4 февраля 1938 г. было ликвидировано Военное министерство и создано Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) во главе с Гитлером — Верховным главнокомандующим вооруженными силами Германии. Начальником штаба ОКВ был назначен генерал-фельдмаршал В. Кейтель, прозванный армии за свою лакейскую преданность Гитлеру «Лакейтель». Кейтель занимал эту должность в течение всего существования ОКВ — до мая 1945 г.

Германская армия, послушная нацистам, готовилась к агрессивной идеологической войне за господство «арийской» расы. Для большинства офицеров и генералов вермахта, как подчеркивал участник антигитлеровского заговора У. фон Хассель, «карьера в самом мелком плане, доходы и виды на маршальский жезл стали гораздо важнее, чем общие идеалы и моральные ценности»³.

Таким образом, к 1938 г. Гитлер сосредоточил в своих руках всю полноту власти над принятием военных решений. Чтобы стать Верховным главнокомандующим, надо было годами учиться военному делу, обладать качествами стратега, сделать успешную военную карьеру, иметь солидный опыт командования воинскими объединениями, а глав-

¹ Гаевский А.Г. Попытка переворота 20 июля 1944 г. как кризис германских воинских традиций // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания. М., 2005. С. 329.

² Хавкин Б.Л. Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 169.

³ Hassel U. Vom ändern Deutschland: aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938–1944. Zürich, 1948. S. 274.

ное — принадлежать к военной элите рейха. Ничего этого у Гитлера не было, но в его руках была абсолютная власть над страной и армией.

Во время Второй мировой войны, когда после первых успехов Гитлера 1939–1940 гг. в Польше и Западной Европе последовали провал блицкрига в России, большие потери, поражения под Москвой, Сталинградом, Курском. Это вызвало рост оппозиционных Гитлеру настроений в вермахте и рейхе, вплоть до антигитлеровского заговора и попытки государственного переворота 20 июля 1944 г.

3.6.2. Участники заговора против Гитлера между СССР с одной стороны и США и Великобританией с другой

Во время «холодной войны» история германского Сопротивления была одним из участков фронта политико-идеологической борьбы между Востоком и Западом, в частности между СССР и США. На Западе в качестве примера «другой Германии» рассматривались консерваторы и церковная оппозиция. Для Советского Союза олицетворением Сопротивления были немецкие коммунисты¹. Если консервативная оппозиция в целом ориентировалась на Запад (Великобританию и США), то коммунисты рассматривали в качестве своего идейно-политического ориентира СССР.

Тем самым, немецкое антигитлеровское Сопротивление, бывшее высшим проявлением оппозиционных настроений в рейхе, находилось между двумя полюсами — Востоком и Западом, между СССР и США. «Великая коалиция, — писал американский военный историк М. Мэтлофф, — выкованная в войне и для войны, сложилась в 1941–1942 годах. Это был военный союз, напоминавший “брак по расчету”. Общая опасность объединила в 1941 году Соединенные Штаты, Англию и Советский Союз, но из-за различий в традициях, политике, интересах, географическом положении и ресурсах каждая страна — участница коалиции смотрела на войну в Европе по-своему»².

Коалиция западных демократий и сталинского СССР была основана на наличии общего врага — Гитлера. Не случайно эта коалиция называлась не антифашистской, не антинацистской, а антигитлеровской. Однако если германское антигитлеровское Сопротивление стремилось устранить Гитлера с политической сцены, то лидерам СССР и США для сохранения единства союзников Гитлер как символ нацистской Германии нужен был живым до конца коалиционной войны.

¹ Chavkin B. Der deutsche Widerstand gegen Hitler aus Sicht der russischen Historiographie // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2008. № 2.

² Мэтлофф М. От Касабланки до “Оверлорда”. М., 1964. С. 22.

8 июля 1944 г. Сталин выразил эту мысль так: «Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с Гитлером. Свои политические интересы в Германии они будут стремиться обеспечить, не вступая на путь сговора с гитлеровцами, которые потеряли всякое доверие своего народа, а изыскивая возможности образования в Германии послушного им правительства»¹.

Англичане и американцы, в свою очередь, подозревали СССР в поисках сепаратного мира с Третьим рейхом. В литературе высказывается мнение, что отсрочка открытия западными союзниками второго фронта в Европе в 1943 г. способствовала тому, что Сталин подверг предварительной проверке возможность заключения сепаратного мира с Германией. Для этого Советскому Союзу нужно было иметь политического партнера в лице оппозиционного Гитлеру представительства немецкого народа и армии. Роль прообраза будущего антигитлеровского и просоветского правительства Германии должен был сыграть учрежденный 12 июля 1943 г. в подмосковном Красногорске антифашистский Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ)², который провозглашал своей целью свержение Гитлера «объединенными усилиями немецкого народа» и создание нового германского правительства³.

Создание НКСГ негативно восприняли как в гитлеровской Германии, так и в Великобритании и США. Если в нацистском рейхе НКСГ считали «организацией предателей за колючей проволокой»⁴, то англичане и американцы рассматривали НКСГ как созданный СССР отдельно от западных союзников правительственный орган будущей Германии и даже вызвали протест против разрешения его антифашистской деятельности⁵.

Председатель учрежденного 11–12 сентября 1943 г. в подмосковном Лунёво на платформе НКСГ «Союза немецких офицеров» (СНО)

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1988. Т. 3. С. 145.

² Бланк А.С., Лёвель Б. Наша цель — свободная Германия: из истории антифашистского движения “Свободная Германия”. М., 1969; Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 1997. № 2. S. 179.

³ ММНА. Нвф. 977; Manifest des Nationalkomitees “Freies Deutschland” an die Wehrmacht und das deutsche Volk anlässlich der Gründung des NKFD am 12./13. Juli 1943 // Das des Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt/M., 1995. S. 265–268. Рус. пер. Учредительного манифеста НКСГ см.: За Германию — против Гитлера!: документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров. М., 1993. С. 185–236.

⁴ Verrat hinter Stacheldraht? // Scheurig B. Verräter oder Patrioten. Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943–1945. Berlin, 1993.

⁵ Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981. С. 187.

генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц также рассматривал НКСГ и СНО в качестве основы будущего германского правительства¹. Генерал направил руководству СССР меморандум, суть которого сводилась к предложению признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать германские освободительные войска. Официального ответа на свой меморандум Зайдлиц не получил. Однако вскоре после представления этого документа Сталину застрелился начальник оперативно-чекистского отдела Главного управления по делам военнопленных НКВД-НКГБ СССР генерал Н.Д. Мельников, который, вероятно, и был «идейным вдохновителем» меморандума и проекта создания «армии Зайдлица». Очевидно, это и был ответ Сталина².

Учреждение Советским Союзом на базе НКСГ своего рода «германского правительства в изгнании» и создание им «германской освободительной армии» стало бы прямым нарушением Вашингтонской декларации Объединенных Наций, подписанной 26 государствами антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, 1 января 1942 г.; это противоречило советско-британскому договору от 26 мая 1942 г.; шло бы в разрез с союзническими обязательствами, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, состоявшейся 19–30 октября 1943 г. Все эти документы запрещали сепаратные переговоры с врагом.

Обсуждение германского вопроса на Московской конференциими-нистров иностранных дел «большой тройки» характеризовала взаимная осторожность. Наркомат иностранных дел считал, что «одним из наиболее актуальных вопросов, по которым англо-американцы хотели бы прошупать нашу позицию, является германский вопрос, в частности вопрос о нашем отношении к условиям будущего перемирия с Германией и вопрос о ее послевоенном устройстве». Советский полпред в США М.М. Литвинов полагал, что у Вашингтона и Лондона отсутствуют готовые предложения по германскому вопросу, выдвинут же он был «главным образом в результате антисоветской пропаганды, связанной с некоторыми нашими выступлениями и с образованием комитета “Свободная Германия” и Союза офицеров»³.

¹ Die Gründung des Bundes deutscher Offiziere. Protokoll der Gründungstagung. September 1943. Nationalkomitee “Freies Deutschland”, 1943. Рус. пер. см.: За Германию — против Гитлера! С. 185–236.

² Reschin L. General zwischen den Fronten. Berlin, 1995. S. 108–124; “Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР” / публ. Л.Г. Бабиченко // Источник. 1996. № 1. С. 51–61; Хавкин Б.Л. Фельдмаршал Паулус и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. М., 2004. Вып. 3. С. 307–308. Примеч. 38.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. М., 2014. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. С. 272.

На Московской конференции была одобрена декларация о принципах «всеобщей безопасности», содержавшая формулу «безоговорочной капитуляции» Германии, выдвинутую Президентом США Ф.Д. Рузвельтом в Касабланке в январе 1943 г.

Однако Сталин предпочитал держать своих западных союзников в напряжении, разыгрывая «германскую карту» в своих интересах. Впрочем, западные союзники не раз делали тоже самое.

Существует очевидная связь между сообщениями советской разведки о планах западных союзников и созданием НКСГ¹. Хронологическая взаимообусловленность затяжки Запада с открытием второго фронта в Европе и созданием НКСГ подтверждается документами контрразведывательной операции «Венона», которую с 1943 по 1980 г. осуществляли американская военная контрразведка, ЦРУ и Федеральное бюро расследований (ФБР) министерства юстиции США².

Согласно этим источникам, 9 августа 1943 г. резидентура советской военной разведки ГРУ в Нью-Йорке направила в Москву зашифрованную телеграмму о реакции политических кругов США на создание НКСГ. Редактор журнала «Ньюсуик» Э. Линдлей, который был тесно связан с госдепартаментом США и лично знаком с госсекретарем Корделлом Хэллом, сообщал, что создание НКСГ вызвало удивление в госдепартаменте. Высказывалось мнение, что НКСГ был нужен для создания в Германии дружественного СССР правительства. Госдепартамент настаивал на том, чтобы президент Рузвельт потребовал от СССР объяснений по поводу образования НКСГ и получил гарантии, что, в соответствии с декларацией НКСГ, СССР не заключит с ним сепаратный мир как с новым правительством Германии³.

Какова была позиция США по вопросу заговора немцев против Гитлера и подписания с антинацистскими силами Германии сепаратного мира? Американцы не готовили покушения на Гитлера своими силами, однако специальный представитель Президента Рузвельта Аллен Даллес⁴, с ноября 1942 г. до конца войны возглавлявший в Швейцарии резидентуру Управления стратегических служб (УСС) США, был в курсе

¹ Weinberg G. A World At Arms: a Global History of World War Two. Cambridge, 1994. P. 611.

² Romerstein H., Breindel E. The Venona Secrets, Exposing Soviet Espionage and America's Traitors. Washington, 2000; Лайнер Л. «Венона»: самая секретная операция американских спецслужб. М., 2003.

³ О'Салливан Д. Проект «Венона»: неизвестные документы ЦРУ США // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 118–119.

⁴ Мемуары А. Даллеса «Germany's Underground» (New York, 1947), «The Craft of Intelligence» (New York, 1963), «The Secret Surrender» (New York, 1966) являются ценным источником по изучаемой теме. В рус. пер.: Искусство разведки. М., 1992; Асы шпионажа. М., 2002; Тайная капитуляция. М., 2004.

странным образом срывавшихся планов покушения немецкой оппозиции на своего фюрера и верховного главнокомандующего. Провалилось и самое известное покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.

Проблема взаимоотношений между спецслужбами США и внутри-германской консервативной оппозицией Гитлеру изучалась в работах Л.А. Безыменского¹ и В.М. Фалина, из которых следует, что швейцарская резидентура УСС поддерживала постоянную связь с заговорщиками. Как отмечает В.М. Фалин, 12 и 15 июля 1944 г. Даллес сообщал в Вашингтон о предстоящем выступлении немецкой консервативной оппозиции против Гитлера, а 20 июля 1944 г. в 16 часов получил по телефону сообщение о состоявшемся взрыве в ставке Гитлера «Волчье логово». Понятно, что США в своем военном планировании должны были учитывать возможность совершения силами немецкого Сопротивления государственного переворота и физического устранения Гитлера. Американский план «Рэнкин», пишет В.М. Фалин, был связан с возможным покушением немцев-заговорщиков на Гитлера и организацией поляками восстания в Варшаве². План «Рэнкин», отмечал Л.А. Безыменский, был принят на основе информации Даллеса о замыслах группы Бека-Гёрделера (с марта 1943 г. по май 1944 г. Даллес отправил в Вашингтон по этому вопросу 145 телеграмм) и предусматривал, в случае внезапного краха Германии до начала операции «Оверлорд», оккупацию ее территории англо-американскими войсками и закрепление за ними оккупационных зон (Великобритания — северо-запад, США — юг Германии)³.

Основным информатором Даллеса по делам антигитлеровского Сопротивления был вице-консул германского генконсульства в Цюрихе Ганс Гизевиус (он же агент УСС № 512), который слыл активным заговорщиком, служил в абвере и был «дозорным» адмирала Канариса в Швейцарии. Гизевиус высоко ценил Даллеса и считал, что он «наложил свой отпечаток на деятельность не только американской, но и всей разведки западных союзников в Европе»⁴. Гизевиус доставлял Даллесу сообщения от лидеров германкой консервативной оппозиции генерал-полковника Л. Бека⁵ и К. Гёрделера и держал Даллеса в курсе подготовки заговоров против Гитлера.

¹ Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 220–231.

² Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 445–447, 482, 514.

³ Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. С. 207–212.

⁴ Гизевиус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002. С. 516–517; Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. М., 2004. С. 295–296.

⁵ Генерал-полковник Людвиг Бек — один из создателей вермахта, в 1935–1938 гг. — начальник генштаба сухопутных сил. Выступал против сосредоточения всей военной власти в руках Гитлера. В 1938 г. был против нападения на Чехослова-

Своему американскому шефу Гизевиус давал такую характеристику: «Аллен Даллес первым нашел в себе мужество распространить свою деятельность на политические аспекты войны. Обладая острым умом и знанием европейских проблем еще со времен после Первой мировой войны и Версальских мирных переговоров, он сделал вывод, что уже теперь надо интенсивно думать насчет политического окончания этой кровавой схватки, а потому стал искать контакта со всеми европейскими группами Сопротивления. Его бюро на бернской Герренштрассе со временем превратилось прямо-таки в центр европейского Резистанса»¹.

Появление Даллеса в Швейцарии зарегистрировали во внешнеполитической разведке СС² и даже внедрили к нему своего агента — немца под условным именем «Габриэль», который выдавал себя за участника заговора против Гитлера. (В донесениях СС «Габриэль» имел номер “VM-144/7957”). В ведомстве Шелленберга сумели раскрыть американский шифр, которым пользовался Даллес, отправляя шифрограммы в Вашингтон «Дикому Биллу» — директору УСС генералу Уильяму Donovanу. Правда не обошлось без курьезов: немцы спутали Аллена Уэлша Даллеса с его старшим братом Джоном Фостером и присвоили Аллену условное имя «Фостер»³.

Среди немецких посетителей Даллеса был советник германского министерства иностранных дел Адам фон Тротт цу Зольц, член кружка Крейсау и участник антигитлеровского заговора. Тротт цу Зольц совершил поездку в Швейцарию, чтобы предупредить Даллеса о том, что если западные демократии откажутся рассматривать возможность подписания достойного мира с антинацистским режимом в Германии, то заговорщики обратятся к Советской России. Даллес отнесся к этому с пониманием, однако не дал каких-либо заверений. «Можно только удивляться лидерам немецкого Сопротивления, которые проявляли такую настойчивость в достижении мирного соглашения с Западом и такую нерешительность в избавлении от Гитлера», — отмечал американский журналист Уильям Ширер⁴.

кию. 18 августа 1938 г. уволен в отставку. Бек должен был, по замыслу военной оппозиции, после казни Гитлера возглавить германское государство. Вечером 20 июля 1944 г., после провала покушения на Гитлера, Бек предпринял неудачную попытку самоубийства и был застрелен фельдфебелем в Берлине в штабе верховного командования сухопутных сил.

¹ Гизевиус Г.Б. Указ. соч. С. 517.

² VI отдел Главного управления имперской безопасности (РСХА) “СД-Аусланд”, который возглавлял бригадефюрер СС В. Шелленберг.

³ Hagen W. Die geheime Front. Linz, 1950. S. 456; Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 150.

⁴ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 2. С. 408.

Одним из ближайших сотрудников Даллеса был Геро фон Шульце-Геверниц — немец, после прихода нацистов к власти эмигрировавший из Германии в США. Геверниц был женат на дочери рурского угольного магната Гуго Стиннеса. Еще до вступления США в войну Геверниц, часто посещая Берлин и Берн, постарался завязать многочисленные связи, перспективные с точки зрения разведки. «Все годы Второй мировой войны, что я провел в Швейцарии, мы постоянно работали вместе, и он был моим ближайшим соратником, когда дело касалось взаимодействия с антигитлеровским Сопротивлением, — писал Даллес о Гевернице. — Одного его имени было достаточно, чтобы обеспечить нам выгодные позиции в установлении контактов с участниками главного заговора против Гитлера, кульминацией которого стало неудавшееся покушение 20 июля 1944 г.». Геверницем, отмечал Даллес, «во многом двигала его убежденность в том, что нацизм не настолько глубоко проник в сознание немцев, как были склонны считать многие; что были люди в Германии, даже на высоких военных и гражданских постах, готовые поддерживать любое реальное предприятие, которое позволило бы избавиться от Гитлера и нацистов и положить конец войне». Геверниц «подружился со многими видными немцами и австрийцами, которые искали в Швейцарии убежища от нацистских преследований, а также с антифашистами из Германии, посещавшими Швейцарию»¹.

В феврале 1943 г. в Берне Даллес и Геверниц встречались с князем Максом Гогенлоэ (доверенным лицом как рейхсминистра иностранных дел И. фон Риббентропа, так и рейхсфюрера СС Г. Гимmlера и его спецслужб) и военачальниками вермахта — фельдмаршалом В. Браухичем и генерал-полковником К. Цейтцлером. Обсуждались вопросы возможных путей завершения войны и послевоенного устройства Германии и Европы в целом. Речь шла о том, что Германия может согласиться на мир, если западные державы не допустят советской оккупации Германии. В заметках немецких участников этих встреч отмечалось, что «американцы... знать не хотят о большевизме или панславизме в Центральной Европе и в противоположность англичанам ни в коем случае не хотят видеть русских на Дарданеллах и в нефтяных областях Румынии или Малой Азии»².

По оценке Даллеса, лучшим из его источников и одним из лучших секретных агентов в истории разведки был Джордж Вуд. Под этим псевдонимом скрывался технический сотрудник германского министерства иностранных дел в чине консульского секретаря 1-го класса Фриц Кольбе. Бюро посла по особым поручениям Карла Риттера, в котором слу-

¹ Даллес А. Тайная капитуляция. М., 2004. С. 273.

² Безыменский Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964. С. 300.

жил Кольбе, осуществляло связь министерства иностранных дел с верховным главнокомандованием вермахта. В обязанности Кольбе входило просматривать и распределять для исполнения телеграммы, которыми обменивались эти ведомства и германские дипломатические учреждения в разных странах. Так Кольбе оказался одним из самых информированных чиновников рейха.

Кольбе часто посылали в качестве дипкурьера в Швейцарию, а также в другие дипломатические представительства Германии. Во время одной из таких курьерских поездок «Вуд, — пишет Даллес, — сумел установить контакт с нами, уверенный, что таким путем сможет внести свой вклад в свержение ненавистного ему нацизма»¹. Денег за свою драгоценную информацию Кольбе не брал. Он считал себя «немецким патриотом с обычной человеческой совестью». Уже с 1939 г. Кольбе считал военное поражение нацистского рейха единственной возможностью спасения Германии и Европы. «Я хочу приблизить конец войны», — говорил он².

Через знаменитого берлинского хирурга Фердинанда Зауэрбруха (с его секретаршей у Кольбе был роман), Кольбе установил контакты с одной из групп Сопротивления. Тесные доверительные отношения у него сложились с бывшим президентом рейхстага социал-демократом Паулем Лебе и майором вермахта Альфредом графом фон Вальдерзее, который еще в 1941 г. собирался застрелить Гитлера, когда тот придет в Париж. Через вхожего в оппозиционные нацистскому режиму религиозные круги предпринимателя Вальтера Бауэра Фриц Кольбе познакомился видными деятелями консервативного Сопротивления с Дитрихом Бонхёффером и Карлом Гёрделером.

Весной 1944 г. Кольбе стал вынашивать планы государственного переворота — с помощью американцев. Он собирался создать боевую группу немецкой «народной милиции» от 30 до 100 человек, которые подготовили бы все необходимое для приема американского десанта на территории между берлинскими озерами Ваннзее и Шлахтензее. Затем американские командос с помощью «народной милиции» должны были захватить столицу рейха и арестовать или уничтожить Гитлера. Даллес, как полагал Кольбе, должен был убедить Вашингтон в осуществимости плана Кольбе. Но Даллес оказался чужд авантюрам.

В июне 2000 г. тогдашний президент США Билл Клинтон принял решение о рассекречивании ряда материалов времен Второй мировой

¹ Даллес А. Тайная капитуляция; Хавкин Б.Л. Немецкое антигитлеровское Сопротивление между Западом и Востоком // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 313.

² Карпов М. Тихий немец Фриц Кольбе // Совершенно секретно. 2004. 1 мая (№ 5/180).

войны. Среди наиболее интересных из них оказались 1600 документов УСС, основанных на информации, полученной от Кольбе (Вуда). Вуд предупреждал о готовящихся атаках «волчих стай» германских подлодок на транспортные конвои союзников, сообщал о новом реактивном «мессершмидте», испытании прототипа межконтинентальной ракеты, предупреждал о запланированном уничтожении еврейской общины Рима и предстоящей депортации евреев из Венгрии. Кстати, именно из депеш Вуда союзникам стало известно имя оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана и его роли в «окончательном решении еврейского вопроса»¹.

Переговоры с любой сколько-нибудь серьезной немецкой оппозицией Даллес рассматривал, как средство установить в послегитлеровской Германии выгодный для США режим. Во всяком случае, в изложении агента «Габриэль», следовало, что Даллес осуждает Рузвельта за требование безоговорочной капитуляции Германии и ищет в рейхе людей, которые помогли бы Западу².

Как сообщал «Габриэль», по мнению Даллеса, в 1944 г. «будет всё больше сокращаться сфера власти Гитлера и генералитет начнет вести войну самостоятельно. С его точки зрения, это психологически важный момент, заключающий в себе возможности переговоров. Принятое в Касабланке решение о том, чтобы не идти на какие-либо переговоры и ждать безусловной капитуляции, представляет, конечно, ценность как, например, средство давления, но он готов в любое время предпринять в Вашингтоне шаги с целью начать переговоры с такой оппозицией в Германии, которую действительно можно принимать всерьез. Уже сам факт переговоров может дать этой оппозиции такой импульс и привести к таким далеко идущим последствиям, что их трудно предвидеть»³.

Таким образом, Даллес был готов пойти на сепаратные переговоры с немцами; дело было за малым: наличием в Германии такой оппозиции, «которую действительно можно принимать всерьез». Однако в 1944 г. после весенне-летнего наступления Красной Армии, высадки союзников в Нормандии и провала немецкого военного путча против Гитлера, американцам оставалось «принимать всерьез» лишь рейхсфюрера СС Гимmlера. И они действительно через посредников вступили в переговоры с главным нацистским палачом⁴.

¹ Delattre L. Fritz Kolbe: Der wichtigste Spion des Zweiten Weltkriegs. München, 2004.

² Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 150.

³ Felfe H. Im Dienst des Gegners. 10 Jahre Moskaus Mann im BND. Hamburg, 1986; Фельфе Х. Мемуары разведчика. М., 1988. С. 53.

⁴ Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гимmlер. Второй после Гитлера. М., 2014. С. 129–137.

Корделл Хэлл, государственный секретарь США в 1933–1944 гг. и сторонник американо-советского сближения, в 1948 г., когда уже началась «холодная война», писал, что американцы «всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы нас (американцев. — Б.Х.) и открыл двери для следующей тридцатилетней войны»¹.

Однако германское антигитлеровское Сопротивление во время Второй мировой войны ориентировалось не только в основном на Запад («Деятели 20 июля»), но и на Восток («Красная Капелла»). Пока шла война, все антинацистские силы как в Германии, так и за ее пределами, имели общую цель; различия между прозападными (в частности проамериканскими), и просоветским силами Сопротивления отходили на задний план.

«Красная капелла» — организация немецкого антинацистского Сопротивления и самая знаменитая в истории Второй мировой войны разведывательная сеть, в которую, наряду с другими политическими силами, входили коммунисты, была ориентирована на Советский Союз. При этом, как признают составители «Очерков по истории российской внешней разведки», утверждение, что все участники «Красной капеллы» направлялись «из единого зарубежного (читай: советского. — Б.Х.) центра и что их руководителем якобы являлся советский военный разведчик Леопольд Треппер, ошибочно»; причем «связи между антифашистами и представителями советской разведки носили характер партнерства»².

Мало известно, что участники «Красной Капеллы» были также связаны и с США. Приведу один лишь факт: в марте 1941 г. американский торговый атташе в Берлине Сэм Э. Вудс через «Красную Капеллу» получил информацию о намерении Германии напасть на СССР. Сначала эта информация не воспринималась серьезно в разведывательных кругах США. Но после того, как ее подтвердили американские специалисты, которые читали шифрованную переписку между Токио и японским послом в Берлине, Президент Рузвельт приказал информировать об этом И.В. Сталина. В телеграмме говорилось: «Правительство Соединенных Штатов, пытаясь оценить развитие в мире, получило информацию, которую считает достоверной, ясно указывающую на намерение Германии напасть на Советский Союз». Резолюция Сталина на этой телеграмме была типичной для него: «Провокация»³.

¹ Цит. по: Фалин В.М. Мистерии второго фронта // Родная Ладога. СПб., 2010. № 1. С. 100–101.

² Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 415.

³ Мёрфи Д. Что знал Сталин. Загадка плана “Барбаросса”. М., 2009.

Эта информация корреспондируется со «Справкой 1-го Управления НКГБ СССР № 106 от 2 апреля 1941 г.: «“Старшина” (Хульце-Бойзен. — Б.Х.) встретился с “Корсиканцем” (Харнаком. — Б.Х.). “Старшина” сообщил о полной подготовке и разработке плана нападения на Советский Союз его учреждением (министерством военной авиации. — Б.Х.)»¹.

Каким образом «Красная Капелла» «вышла» на торгового атташе США в Берлине? Чтобы ответить на этот вопрос, кратко расскажем о руководителях этой организации антигитлеровского Сопротивления. Лидерами берлинской группы «Красной Капеллы», включавшей около 150 человек, были обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен и советник министерства экономики д-р экономики и д-р философии Арвид Харнак. С Харро Шульце-Бойзенем и его женой Либертас супруги Арвид и Милдред Харнак установили контакт в 1940 г.

Хотя Шульце-Бойзен и Харнак симпатизировали Советскому Союзу, их вряд ли можно считать коммунистами в сталинско-коминтерновском смысле этого слова. Шульце-Бойзен был скорее аристократом левых взглядов и немецким патриотом. Харнак — ученый-экономист, пытавшийся «скрестить» новый курс Ф. Рузвельта со сталинским плановым хозяйством (он был одним из создателей общества изучения плановой экономики — «АРПЛАН») и убежденный противником нацизма. Жена А. Харнака, д-р Милдред Харнак (урожденная Фиш) была американкой. Супруги познакомились в США, в университете штата Висконсин в Мэдисоне, где Арвид был стипендиатом фонда Д. Рокфеллера и работал над диссертацией на тему «Домарксистское рабочее движение в США». Милдред занималась американской литературой, переводила произведения немецких классиков на английский язык и также увлекалась «левыми» идеями. Она даже вела марксистский кружок. В 1939 г. Милдред Харнак стала членом «Красной капеллы». В дипломатические круги Берлина, прежде всего посольство США, супругов Харнак ввела дочь американского посла У.Э. Додда Марта, с которой Милдред Харнак познакомилась и подружилась в США². До вступления США во Вторую мировую войну Милдред была председателем женского клуба при посольстве США в Берлине³, что давало ей возможность поддерживать регулярную связь с американскими дипломатами. Очевидно, это она в марте 1941 г. в «неофициальной беседе» информировала торгового атташе Вудса о намерении Германии напасть на СССР.

¹ 1941: документы. М., 1998. Док. № 355. (Россия XX век).

² Пещерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной капеллы” // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 162–184.

³ Weihnachten müsst Ihr richtig feiern // Zeit online. URL: <http://www.zeit.de/2007/51/A-Rote-Kapelle> [дата обращения 31.03.2015]

Ближайшими соратниками Шульце-Бойзена и Харнака были писатель и драматург Адам Кукхоф и его жена Грета, урожденная Лорке. Грета познакомилась с супругами Харнак в США, где она окончила университет как стипендиатка секты квакеров.

О том, что США пристально интересовались деятельностью «Красной Капеллы», свидетельствуют архивы американских спецслужб. Документация Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США является ценным источником информации о «Красной капелле», основанным как на трофейных документах абвера и гестапо, так и на результатах послевоенных расследований деятельности «Красной капеллы», проведенных военной разведкой и ЦРУ США¹. Часть шифрограмм «Красной капеллы» была расшифрована в США в ходе операции «Венона»².

Интересно соотнести американские данные с документами «Красной Капеллы», оказавшимися в советских архивах и опубликованными в 1990-е гг. в России и ФРГ³. Сопоставление этих источников свидетельствует как о перехвате и в дальнейшем дешифровке и чтении в США радиogramм «Красной Капеллы», посланных из Берлина в Москву, так и о обмене СССР и США в 1944–1945 гг. «оригинальной разведывательной информацией»⁴.

Однако в 1939–1942 гг., в годы активной антигитлеровской борьбы «Красной Капеллы», этого обмена не было. Между западными союзниками и СССР, несмотря на публичные декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля, всегда существовало взаимное недоверие, огонек которого то разгорался, то тлел, но никогда не угасал.

Масла в этот огонь подлила история, случившаяся 7 августа 1943 г.: в этот день сотрудник резидентуры разведки НКВД в Вашингтоне подполковник Миронов (Марков) направил директору ФБР Э. Гуверу письмо, в котором не только раскрыл себя, но и сообщил о том, что сотрудник посольства В.М. Зарубин — резидент разведки НКВД.

1934–1937 гг. полковник Зарубин вместе с женой работал в Германии в качестве резидента нелегальной разведки; Осенью 1941 г. он был на-

¹ The Rote Kapelle: the CIA's History of Soviet Intelligence Networks in Western Europe, 1936–1945. Langley, 1979.

² О'Салливан Д. Указ. соч.

³ Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994; Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995; Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1997. № 4.

⁴ Взаимодействие разведок СССР и США в годы войны // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т. 4. С. 399–415.

правлен резидентом «легальной» резидентуры в США. Перед отъездом был принят Сталиным. В беседе с разведчиком Сталин поставил главную задачу: следить за тем, чтобы правящие круги США не сговорились с нацистской Германией и не закончили войну сепаратным миром.

Миронов выдал также других советских разведчиков, работавших в США. Донос Миронова способствовал проведению крупных контрразведывательных операций, направленных против советской разведки, среди которых был и проект «Венона», куда попали и шифровки «Красной Капеллы», направленные в Москву в 1941–1942 гг.¹

Гестапо и функ-абвером (службой военной контрразведки, обеспечивавшей контроль за эфиром) были перехвачены радиোগраммы «Красной Капеллы»:

- о наличии разработанного плана нападения Германии на Советский Союз,
- о завершении подготовки Германии к нападению на СССР (передано в Москву 16 июня 1941 г.),
- о численности и боеспособности германской авиации к началу войны против Советского Союза,
- о месячной производительности германской авиационной промышленности в июне–июле 1941 г.,
- о числе боеспособных самолетов германской авиации осенью 1941 г.,
- о дислокации германской авиации на Восточном фронте,
- о запланированном перемещении германских войск вниз по Днепру,
- о положении с горючим в Германии,
- о местонахождении ставки верховного главнокомандования вермахта,
- о запланированном наступлении германских войск на Майкоп,
- о концентрации химических боевых средств в Германии,
- о потерях германских парашютистов на острове Крит,
- о раскрытии советского радиокода в Петсамо и т.д.

Эти шифровки фигурировали на судебном процессе имперского военного трибунала 15–19 декабря 1942 г. в качестве главных доказательств измены Шульце-Бойзена – Харника «родине и фюреру»².

Получаемая советской разведкой информация «Красной капеллы» дополнялась сведениями, поступавшими от лиц, работавших или служивших на предприятиях и учреждениях рейха, в армии, авиации, на железнодорожном транспорте. Некоторые из этих людей впоследствии вошли в группы заговорщиков против Гитлера, которые объединены условным обозначением «деятели 20 июля 1944 г.».

¹ Письмо Маркова Гуверу впервые опубликовано генералом П.А. Судоплатовым // Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997.

² Haase N. Der Fall “Rote Kapelle” vor dem Reichskriegsgericht // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994.

Зачастую к разным группам Сопротивления принадлежали одни и те же лица. Например, сценарист и режиссер Фальк Харнак был связан с «Красной Капеллой» через своего старшего брата Арвида Харнака; когда Арвид Харнак был арестован, его младший брат Фальк стал сотрудничать с мюнхенской студенческой группы Сопротивления «Белая роза». В то же время, Фальк Харнак через своих двоюродных братьев Клауса и Дитриха Бонхёффер и мужа их сестры Кристель Ханса фон Донаньи был связан с германской военной разведкой — абвером. Юрист Ханс фон Донаньи еще 1934 г. сблизился с лидером германской консервативной оппозиции Карлом Гёрделером и другими противниками нацизма из высших военно-политических и аристократических кругов Германии.

Гёрделер возглавлял «штатский сектор» организации, который ориентировался на Англию и США. Прозападную позицию Гёрделера разделяли президент рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхскомиссар прусского министерства финансов Йоханнес Попиц. Этой ориентации придерживались генералы Бек, Браухич, Вицлебен, Штюльпнагель. Шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис после провала заговора 20 июля 1944 г. на допросе показал: «Мы обсуждали возможности заключения мира. В первую очередь говорилось о том, чтобы заключить мир с западными державами и вместе с ними вести борьбу с большевиками»¹.

Штаб Канариса был одним из центров консервативного Сопротивления Гитлеру, ориентированного на Запад. Ханс фон Донаньи, с 1939 г. действуя под руководством заместителя Канариса генерал-майора Ханса Остера, разрабатывал юридические вопросы устранения Гитлера. Кроме Донаньи, в группу Остера входили Фальк Харнак и братья Клаус и Дитрих Бонхёффер.

Пастору и ученому-теологу Дитриху Бонхёфферу принадлежали слова, которыми руководствовались заговорщики: «попытка убрать Гитлера, даже если бы это означало убийство тирана, была бы по сути делом религиозного послушания; новые методы угнетения со стороны нацистов оправдывают новые способы неповиновения... Если мы утверждаем, что мы христиане, нечего рассуждать о целесообразности. Гитлер — это антихрист»².

Религиозный мотив в деятельности немецкого Сопротивления отмечал западногерманский историк Г. Ротфельс: «Участие (в заговоре против Гитлера. — Б.Х.) и сама смерть этих людей не определялась

¹ 20. Juli — Spiegelbild einer Verschwörung: die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler. Stuttgart, 1961. S. 407.

² Bethge E. Dietrich Bonhoeffer: man of Vision, man of Courage. New York, 1977. P. 626–627; Метаксас Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего Рейха. М., 2012.

интересами какого-то класса, а были выражением протеста отдельных личностей, которые следовали истинным заветам консервативного мировоззрения и христианской набожности»¹.

Брат Дитриха, юрист Клаус Бонхёффер случил начальником юридического отдела немецкой авиакомпании «Люфтханза»; в его подчинении работал молодой юрисконсульт Отто Йон². Через Клауса Бонхёффера Йон вошел в контакт с противниками гитлеровского режима и вскоре стал курьером антинацистского Сопротивления: как юрист «Люфтханзы» Йон, свободно владевший английским языком, часто летал за границу, что давало ему возможность в нейтральных странах встречаться с британскими и американскими представителями. Советские источники в британской разведке, а именно Ким Филби, доносили о тайных связях Йона с разведкой Великобритании³.

Судя по данным, полученным в 1939 г. советской разведкой из Берлина, к этому году Йон уже имел контакт с американским корреспондентом Луисом Лохнером, в котором немецкая консервативная антигитлеровская оппозиция видела связь Президентом США Рузвельтом.

В ноябре 1941 г., еще до вступления США в войну, группа Гёрделера направила в США через Лохнера меморандум с запросом об условиях сепаратного мира⁴.

В марте 1942 г. Йон возглавил представительство «Люфтганзы» в Мадриде. Этот город, а так же Лиссабон — столица соседней с Испанией нейтральной Португалии, куда часто выезжал Йон «по делам службы», превратились в центры «тайной дипломатии» германских противников Гитлера, искавших связи с Западом.

1 июня 1944 г. Йон передал представителю Управления стратегических служб США в Мадриде письмо от группы Сопротивления, состоявшей из остатков Социалистической партии и партии Центра, адресованное проживавшему в эмиграции в США бывшему лидеру партии Центра и канцлеру Веймарской республики в 1930–1932 гг. Генриху Брюнингу: зондировался вопрос о готовности Брюнинга войти в правительство Германии, созданное после устранения Гитлера.

«Теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Гёрделер надеялся, что британское правительство поддержит немецкое Сопротивление. Однако Уинстон Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и «прусский милитаризм», категорически отказался принимать

¹ Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt/M.; Hamburg, 1958, S. 98.

² Хавкин Б.Л. Загадка Отто Йона // Родина. 2014. № 3. С. 150–155.

³ Об отношении К. Филби к немецкому Сопротивлению и, в частности, к Йону, см.: Knightly P. The Master Spy. New York, 1989. P. 108–109; Бейли Д., Кондрашов С., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин. М., 2002. С. 224.

⁴ Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. М., 2004. С. 287.

послания немецкой оппозиции. Черчилль был принципиально против «самых незначительных контактов» с немецкими противниками Гитлера, считая, что чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше¹.

Тем не менее, Гёрделер упорно бомбардировал Лондон своими меморандумами. Осенью 1939 г., вскоре после нападения Германии на Польшу, Гёрделер, будучи в Швеции, направил заместителю статс-секретаря британского министерства иностранных дел лорду Ван-ситтарту разработанные консервативной оппозицией условия мира с Великобританией². Во время «странной войны» на Западе деятели немецкой консервативной оппозиции стремились к восстановлению германо-англо-французского «согласия», достигнутого в Мюнхене в 1938 г. В феврале 1940 г. лорду Галифаксу были переданы мирные предложения германского дипломата Ульриха фон Хасселя. Тогда же, через проживавшего в Швейцарии бывшего канцлера Веймарской республики Й. Вирта, был установлен контакт группы Гёрделера с представителями британского Форин оффиса. Из Лондона были получены заверения, что британское правительство благосклонно рассмотрит предложения антигитлеровской оппозиции о заключении мира при одном условии: если Гёрделер и его сторонники придут к власти в Германии³.

Предложения немецкой консервативной оппозиции сводились к закреплению статус-кво начала 1940 г. Гёрделер и его сторонники в обмен на мир предлагали Англии согласиться с присоединением к Германскому рейху большинства захваченных им к тому времени территорий: Австрии, большей части Чехословакии, Польши.

В составленном в конце 1940 – начале 1941 гг. (до нападения Германии на СССР) обширном меморандуме «Цель» Гёрделер отмечал: «Характер народа и центральное положение Германии в Европе в кругу других национальных государств принуждают германский рейх к сохранению достаточно сильного вермахта. Это внешнеполитически достижимо... Сохранение германского вермахта столь важно, что эта точка зрения должна выдвигаться на первый план в отношении момента и способа окончания данной войны. Вермахт необходим также и в качестве связующей внешнеполитической силы, и как школа воспитания народа... Предназначенное для Германии большое хозяйственное пространство — это определено Европа. Однако, не говоря о том, что на ближайшие два десятилетия ввиду отсталости России оно является недостаточным, было бы трусливым отказом не пожелать использовать нашу производственную мощь и в других частях мира... Центральное

¹ Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. S. 551.

² Hassel U. v. Vom andern Deutschland: aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938–1944. S. 122.

³ Текст британского официального заявления см.: Ritter G. Op. cit. S. 253.

положение в Европе, численная сила населения и предельное напряжение производственной мощи гарантируют немецкому народу руководство европейским блоком, если только он сам не подорвет это руководство неумеренностью или властолюбивыми манерами. Говорить о немецком сверхчеловеке-господине глупо и самонадеянно... Руководства Европой достигнет та нация, которая как раз уважает малые нации и умеет руководить их судьбами мудрым советом и мудрой рукой, а не жестокой силой... Предпринимая же все возможное для того, чтобы сделать руководство незаметным, подчеркнуто давая внешне преимущество другим, можно играючи вести европейские государства к общему благу». О Советском Союзе в меморандуме Гёрделера говорилось: «На Востоке никакое плодотворное экономическое и политическое сотрудничество с большевистской Россией развиваться не может... Весь опыт истории предостерегает нас от насильственного вмешательства (в дела России. — Б.Х.). Оно может вызвать к жизни невиданные национальные силы. При всех условиях рекомендуется постоянный контакт с Англией, США, Китаем и Японией. Целью должно быть постепенное включение России в европейское объединение»¹.

Мирный план Гёрделера от 30 мая 1941 г., предназначенный для передачи британскому правительству гласил: «Группа германских деятелей, являющихся руководящими лицами во всех сферах жизни, готова взять на себя ответственность за формирование такого правительства [Германии], которое бы в подходящий момент осуществило свою легитимацию посредством свободного волеизъявления немецкого народа. Все соответствующие действия носили бы исключительно внутригерманский характер. Поэтому вышеупомянутые авторитетные лица уже теперь хотят выяснить вопрос, смогут ли (вскоре после успешного начала деятельности этого отвергающего национал-социализм правительства) быть начаты, согласно прежним заверениям британского правительства, мирные переговоры»². В тоже время, после блицкрига вермахта на Западе 1940 г. внешнеполитические требования консервативной оппозиции существенно расширились. Мирный план Гёрделера от 30 мая 1941 г., составленный при участии руководства фирмы «Бош» и одобренный главнокомандующим сухопутных сил генерал-фельдмаршалом В. фон Браухичем, содержал далеко идущие политические и территориальные требования. Гёрделер и его единомышленники желали не только восстановления границ Германской империи 1914 г. на Востоке, но и присоединения к рейху Эльзас-Лотарингии на Западе. Авторы плана хотели сохранить за Германией захваченные ей территории, требовали возврата Германии колоний, утра-

¹ Ritter G. Op. cit. S. 320; Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 73–74.

² Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. Док. 29.

ченных ей после поражения в Первой мировой войне. Эта программа германских аннексий вызвала неудовольствие английских друзей Гёрделера. Британское правительство отказалось даже принять этот документ. После поражения, нанесенного вермахту Красной Армией под Москвой зимой 1941–1942 гг., Гёрделер сократил свои территориальные притязания, в особенности в отношении западных границ Германии.

В апреле 1942 г. Гёрделер избрал в качестве своих посредников в переговорах между германской консервативной оппозицией и правящими кругами Великобритании и США шведских банкиров братьев Якоба и Маркуса Валленбергов (их племянником был шведский дипломат Рауль Валленберг, спасший от уничтожения нацистами 100 тыс. венгерских евреев¹). Клан Валленбергов был тесно связан с английскими, немецкими, американскими банками и фирмами. Гёрделер просил Якоба Валленберга узнать в Лондоне, что получила бы оппозиция в случае государственного переворота в Германии. Ответ Якоба Валленберга последовал в ноябре 1942 г.: шведский банкир не без иронии посоветовал немецкому коллеге, если он на самом деле собирается действовать, не отягощать Лондон бесконечными запросами.

В мае 1942 г. представили оппозиционных нацизму церковных кругов Германии — член отдела внешних сношений немецкой евангелической церкви Г. Шёнфельд и священник Д. Бонхёффер встретились в Стокгольме с англиканским епископом Дж. Беллом. Они рассказали епископу о планах германской антигитлеровской оппозиции и поинтересовались, будут ли готовы ли западные союзники заключить достойный мир с новым германским правительством после свержения Гитлера, если это правительство выведет германские войска с оккупированных территорий и в вопросе установления послевоенных границ в Европе будет руководствоваться правом наций на самоопределение. Бонхёффер вручил Беллу список лиц, которые вошли бы в германское антигитлеровское правительство. Белл передал информацию министру иностранных дел Великобритании сэру Антони Идену; ответа из Форин оффис не последовало².

В декабре 1942 г. был составлен новый проект обращения Гёрделера к Англии, в котором лидер немецкой консервативной оппозиции выдвигал компромиссное решение проблемы Эльзас-Лотарингии. Предполагалось на основе плебисцита решить вопрос о присоединении франкоговорящей части населения этих территорий вместе с их землями к Франции, а говорящих по-немецки жителей включить вместе с их

¹ Бирман Дж. Праведник. Рауль Валленберг: биография, факты, документы. М., 2001. С. 127.

² Мельников Д.Е. Указ. соч. С. 230; Гизевиус Г.Б. Указ. соч. С. 475.

территорией в состав рейха. Вопрос о колониях для Германии Гёрделер предлагал оставить открытым для обсуждения.

В феврале 1943 г. Гёрделер сообщил Якобу Валленбергу, что заговорщики подготовили план переворота, намеченного на март. 26 марта 1943 г., через два месяца после победы Красной Армии в Сталинградской битве, Гёрделер написал свой очередной меморандум. Этот документ был предназначен для германского генералитета и представлял собой развернутую программу действий. Гёрделер нарисовал перед генералами тревожную картину, хотя и заявлял, что верит в превосходство немецкого оружия, как в Евангелие. Тем не менее, «война находится в безнадежной стадии. Силы армии и нации истощаются. Продовольственное положение ухудшилось. Военная промышленность топчется на месте. Население недовольно. Германии грозит “практическая большевизация”. Гитлер не проявил себя настоящим полководцем. Союзники Германии не верят в ее победу и готовятся к сепаратному миру. Прежними методами, — предупреждал Гёрделер, — войну выиграть нельзя». Возможность выиграть войну, писал Гёрделер, лежит в другой области. Еще возможно «достичь ведущего положения Германии на континенте». Но как? Ответ: в блоке с США и Англией. «Обе англосаксонские державы, как и Германия, жизненно заинтересованы в том, чтобы большевизм не проник дальше на Запад. Только Германия может сдерживать большевизм». Политику блока с США и Англией должно осуществлять новое правительство монархического типа, опирающееся на вермахт. Войну на Востоке следует продолжать, ибо разрядка в отношениях с западными державами «облегчит... сосредоточение всех военных сил немецкого народа на Востоке»¹.

В меморандуме Гёрделера от 26 марта 1943 г. отмечается, что время для приобретения Германией колоний ушло. Однако в Европе рейх еще мог бы сохранить за собой Австрию, Судеты и даже Южный Тироль. Другими территориями придется пожертвовать в качестве платы за мир. Однако за их утрату Гёрделер рассчитывал получить «компенсацию» за счет земель на Востоке, т.е. Польши и СССР². Гёрделер полагал, что граница между Германией и Польшей должна быть установлена соглашением Великобритании и США. «Если такое соглашение будет достигнуто, Германия гарантирует границы Польши и будет способствовать образованию польско-литовской унии. На востоке Польши освобождается русская территория до границ 1938 года». Германия, указывал Гёрделер,

¹ Полный текст меморандума опубликован Г. Риттером: Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. S. 577–596. Цит. S. 577; Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. С. 290–291.

² Ritter G. Op. cit. S. 587–588.

даже «готова воевать за обеспечение восточных границ Польши»¹. В мае 1943 г. Гёрделер через М. Валленберга передал на Запад свои условия мира, основанные на тезисах мартовского меморандума.

Адмирал В. Канарис, арестованный после провала антигитлеровского путча 20 июля 1944 г., на допросе в гестапо рассказал об ответе Валленберга, содержавшем изложение позиции англичан: «Мы при случае обсуждали возможности мира. В первую очередь о том, чтобы заключить мир с западными державами и вместе с ними совместно бороться с большевиками. Фельдмаршал Клюге спросил меня, какой компромисс может быть достигнут с англичанами. Я мог ему сообщить лишь то, что через месяц Валленберг изложил как английскую позицию: на востоке границы 1914 года; Польша и Литва должны образовать государственную унию и, ввиду их антибольшевистских настроений, примкнуть к Германии; Австрия и Судетская область остаются немецкими, Южный Тироль вплоть до линии Боцен – Меран снова будет немецким, район Эйпен – Мальмеди остается немецким, об Эльзасе – Лотарингии Германия будет вести непосредственные переговоры. Германский суверенитет неприкосновенен, никаких репараций, вместо них совместное восстановление Европы, экономическое объединение европейских государств без России»².

В меморандуме, написанном осенью 1943 г., после поражения вермахта в Курской битве, Гёрделер возвращается к идее направленного против СССР англо-германского сговора по вопросу раздела территорий на востоке Европы. «Существование Польши зависит от того, сможет ли Германия удержать фронт на границах Польши 1938 года»³. Гёрделер писал, что если Англия и США дадут Германии «возможность закончить войну без катастрофы», рейх выступит как оплот против СССР в Европе. Поэтому западным союзникам необходимо отказаться от требования безоговорочной капитуляции Германии.

Несмотря на нежелание официального Лондона разговаривать с немцами, всё же последовал ответ. В начале 1944 г., когда безнадежность военного положения Германии стала очевидной, Гёрделер, через Маркуса Валленберга, получил принципиальное согласие английского правительства на то, чтобы в случае государственного переворота в Германии германские войска заняли фронт на линии, проходящей восточнее старых границ Польши.

В дневнике посла Хасселя упоминается, что заговорщики обсуждали вопрос обращения и к Советскому Союзу. Такое обращение, как полагал

¹ Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: легенда и действительность. М., 1962. С. 231.

² Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 225–226.

³ Там же.

Хассель, должно было «оказать давление на Великобританию и США, чтобы сделать их более уступчивыми в связи с возможностью договориться с русскими»¹.

К сожалению, подлинных документов, характеризующих внешнеполитические планы группы Гёрделера, не так уж много. Вот почему большой интерес вызвала публикация протоколов, которые велись созданной начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером следственной комиссией СС по делу заговора 20 июля 1944 г. Почти каждый день Кальтенбруннер доносил о результатах следствия заместителю фюрера по партии партайгеноссе Мартину Борману, а тот докладывал Гитлеру. Так, в донесении 21 ноября 1944 г. указывалось, что «под влиянием Бека и Гёрделера, которые имели наибольший вес как будущие имперский наместник и имперский канцлер, со временем все сильнее определялось так называемое западное решение, имевшее целью создание фронта против Востока... Они надеялись на возможность союза с Англией и Америкой против России»².

Уже после того, как 8 сентября 1944 г. «имперский народный суд» приговорил Гёрделера за участие в заговоре против Гитлера к смертной казни, приговоренный к смерти пошел на сотрудничество с рейхсфюрером СС Гиммлером. В октябре 1944 г., когда нацистские крысы, обладавшие более тонким чутьем, побежали с тонущего корабля Третьего рейха, Гиммлер сделал Гёрделеру предложение «использовать его тесные политические связи с Якобом Валленбергом и с руководителем сионистов д-ром Вейцманом и... установить контакт с английским премьер-министром Черчиллем и таким путем достичь быстрого и приемлемого мира. Гёрделер принял это поручение»³. 8 ноября 1944 г. Гёрделер под давлением Гиммлера обратился с письмом к Валленбергу, в котором призвал своего шведского партнера способствовать заключению Англией (в тайне от России) мира с «нынешней», т.е. нацистской, Германией⁴.

В тюрьме Гёрделер создал свой последний документ — «Меморандум приговоренного к смерти», своеобразное политическое завещание лидера консервативной оппозиции. В конце жизни бывший лейпцигский обер-бургомистр осознал иллюзорность своих политических построений. Накануне казни Гёрделер написал слова, на которые мало кто

¹ Hassel U. v. Vom andern Deutschland: aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938–1944. S. 231.

² Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Stuttgart, 1961. S. 308, 492–495.

³ Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. С. 332–333.

⁴ Ritter G. Op. cit. S. 429–430.

из немцев мог тогда осмелиться: «Вероятно, Господь карает весь немецкий народ, даже невинных детей, за то, что мы позволили уничтожать евреев, не пошевелив пальцем в их защиту... Я прошу мир принять нашу мученическую судьбу как жертву за немецкий народ»¹.

Однако не все «деятели 20 июля» ориентировались на США и Великобританию. Значительная часть немецких военных, участвовавших в заговоре против Гитлера (их наиболее известными представителями были полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг и генерал-майор Хеннинг фон Тресков), в отличие Гёрделера и его группы, являлась сторонниками ориентации на Восток — заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений. Сталинский режим они не считали препятствием для послевоенной германской демократии: ведь Веймарская республика успешно сотрудничала с СССР, в частности в военной сфере.

Центральный пункт внешнеполитической программы группы Штауффенберга — это полный разрыв с установками на сепаратный мир с Западом, четкая ориентация на окончание войны на всех фронтах и заключение мира не только с США, Англией и Францией, но и с Советским Союзом. «Источник (Гизевиус. — Б.Х.) сообщил, что полковник фон Штауффенберг, совершивший покушение на Гитлера, в случае удачи путча планировал заключить мир с Советами и объявить в Германии “режим рабочих и крестьян”. Старомодные генералы не были согласны с этим планом и, как прежде, выступали за соглашение с западными союзниками без Советов. Однако они не возражали фон Штауффенбергу, так как он был единственным человеком, который решился рискнуть своей жизнью, и только он мог подложить бомбу. Они надеялись, что будут в состоянии повести последующее развитие в более консервативном направлении», — гласит секретное донесение Даллеса в Вашингтон от 21 января 1945 г., в котором содержатся сведения, полученные от заговорщиков 17 августа 1944 г.²

Штауффенберг считал целью заговора установление в послевоенной Германии демократической республики, создание нового социального государства, поддержанного народными массами. «Для него участие социалистов и коммунистов в решении судеб новой Германии было обязательно»³. Что касается внешнеполитической программы Штауффенберга и его сторонников, то суть ее состояла в полном отказе от установки на сепаратный мир с Западом, ориентация на прекраще-

¹ Беркович Е. Одиноким героям: история покушений на Гитлера // Вестник-Online. 2004. № 4.

² Цит. по: Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. С. 228–229.

³ Widerstand, 1933–1945. Sozialdemokraten und Gewerkschaftler gegen Hitler. Bonn, 1980. S. 86; Mommsen H. Der 20. Juli und die deutsche Arbeiterbewegung. Berlin, 1989.

ние военных действий на всех фронтах и заключение мира не только с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, но и с СССР. «Именно в этом коренное отличие внешнеполитической программы Штауффенберга от программы ведущих деятелей заговора — Гёрделера, Хасселя и других», — отмечал первооткрыватель темы «20 июля» в отечественной историографии Д.Е. Мельников¹.

К пониманию невозможности выиграть войну против России Штауффенберг пришел не сразу. Первый известный нам документ, отражающий эволюцию взглядов Штауффенберга, относится к августу 1942 г. Августовской ночью 1942 г., за полгода до катастрофы вермахта под Сталинградом, в Виннице состоялась дружеская беседа Штауффенберга с майором Иоахимом Куном. Штауффенберг утверждал: «Наступательная война может лишь тогда иметь смысл, если она прокладывает путь политике, которая является плодотворной для возможно большей части человечества. Ежедневные доклады подчиненных штабов говорят об отношении германских гражданских властей к населению в оккупированных странах, об отсутствии каких-либо политических целей для поработанных народов, о преследовании евреев, — всё это в совокупности показывает, что утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым. Таким образом, эта война для нас нежелательна, к тому же ее ведут так, что даже по оперативным и организационным причинам ее нельзя выиграть, не говоря уже о том, что с того момента, когда была сделана ошибка объявления войны России, эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве. Следовательно, эта война является бессмысленным преступлением... Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать всё, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира, причем сейчас, когда мы еще располагаем силами»².

Штауффенберг и Тресков хорошо понимали, что судьба войны решается на германо-советском фронте и считали первоочередной задачей установление мира на Востоке. Штауффенберг говорил, что «необходимо использовать каждую возможность вести политические переговоры с Россией, которая является нашим соседом»; он настаивал на том, чтобы были предприняты конкретные шаги для установления контакта с советским правительством³.

¹ Мельников Д.Е. Полковник Клаус фон Штауффенберг и заговор против Гитлера // Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 9.

² Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. Из Центрального архива ФСБ России // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 163.

³ Мельников Д.Е. Полковник Клаус фон Штауффенберг и заговор против Гитлера // Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга. С. 9.

«Восточный фронт требовал всех наших сил, внимания и психической и физической выносливости. Даты предстоящих покушений (на Гитлера. — *Б.Х.*) совпадали с календарем наших боевых действий. В марте 1943 г., за два дня до визита Гитлера в штаб-квартиру группы армий “Центр”, Георг (Бёзелагер. — *Б.Х.*) и его всадники были больше заняты борьбой с партизанами, чем подготовкой покушения», — вспоминал последний из участников антигитлеровского заговора Ф. Бёзелагер, ушедший из жизни в 2008 г.¹

Сторонники сотрудничества с СССР были и среди немецких дипломатов. Наиболее последовательным из них был граф Шуленбург. Его позицию по этому вопросу в основном разделяли деятели «Кружка Крейсау»². Один из участников «Кружка Крейсау» Теодор Штельцер в воспоминаниях так описывает внешнеполитические взгляды большинства членов этого кружка и их разногласия с Гёрделером: «Следующее разногласие касалось отношения к России. Мы в своем кружке придерживались того взгляда, что она принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею... Мы единодушно держались той точки зрения, что Россия должна являться неотъемлемым фактором будущего европейского порядка»³.

Эта точка зрения полностью отвечала взглядам графа Шуленбурга⁴. Шуленбург считал для себя позором служить дипломатическим прикрытием подготовки гитлеровского нападения на СССР. Сотрудник германского посольства в Москве и советский разведчик Г. Кегель, лично знавший Шуленбурга, писал: «Убежден, что такой спокойный, уравновешенный, имевший собственные политические убеждения и моральные принципы человек, каким был Шуленбург, собиравшийся к тому же уходить на пенсию, воспринял все упомянутые обстоятельства как личное унижение, и это также подтолкнуло его на нелегкое решение стать на свой лад, несмотря на возраст, участником борьбы против Гитлера»⁵.

В мае 1941 г., когда нацистскую агрессию уже невозможно было предотвратить, посол трижды предупреждал советское руководство о том, что германское нападение на СССР должно начаться в ближайшее время.

¹ Boeselager Ph. von. Wir wollen Hitler töten: ein letzter Zeuge des 20. Juli erinnert sich. München, 2011. S. 122.

² Ullrich V. Der Kreisauer Kreis. Hamburg, 2008.

³ Steltzer Th. Sechzig Jahre Zeitgenosse. S. 154. Цит. по: Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г.: дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 141.

⁴ Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М., 1991. С. 48.

⁵ Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987. С. 156.

После эвакуации немецкого посольства из Москвы в 1941 г. Шуленбург формально был руководителем «русского» (13-го политического) отдела и председателем «русской коллегии» министерства иностранных дел. Ни реальных полномочий, ни политического влияния Шуленбург на этих постах не имел: с началом войны Россией занимались не дипломаты, а военные.

После поражения группы армий «Центр» под Москвой зимой 1941–1942 гг. и полного провала «блицкрига» Шуленбург направил Гитлеру записку с предложением начать сепаратные переговоры с СССР. Ответа не последовало. Тогда Шуленбург стал искать иные пути к миру: с 1942 г. он стал контактировать с деятелями антигитлеровской оппозиции¹.

В декабре 1942 г. Шуленбург и Тротт цу Зольц встретились с сотрудником бюро Риббентропа Бруно Петером Клейстом, который должен был установить связь с советским посольством в Стокгольме, чтобы прозондировать возможность мирных переговоров с Кремлем².

Однако ни эта, ни последующие попытки германской антигитлеровской оппозиции по каналам Риббентропа (и, возможно, Канариса) связаться с Москвой через Стокгольм успехом не увенчались. Как отмечал советник советского посольства в Швеции в 1942–1945 гг. В.С. Семенов, «не исключено, что отдельные немецкие представители, настроенные против гитлеровского режима, на самом деле искали контакт с советской миссией и при этом искренне хотели способствовать скорейшему окончанию войны. Но должно быть ясно, что руководящие круги Германии, которые уже однажды вероломно обманули Сталина, не могли надеяться на то, что они быстро вернут его доверие. Поэтому каждая попытка в этом направлении могла быть воспринята лишь как провокация, преследующая скрытую цель внести недоверие в ряды антигитлеровской коалиции»³.

Последнюю из этих попыток Тротт цу Зольц предпринял в июне 1944 г. Он хотел встретиться с советским послом в Швеции Александрой Коллонтай, чтобы «облегчить контакт Шуленбург–Москва»⁴. Этот факт

¹ «План противников Гитлера использовать Шуленбурга для контактов с Советским Союзом возник в конце декабря 1942 года» // Кегель Г. Указ. соч. С. 156.

² Kleist P. Zwischen Stalin und Hitler. Bonn, 1950; Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 198–199; Martin B. Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluß im Zweiten Weltkrieg. Bericht und Dokumentation // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Freiburg, 1985. S. 284; Wuermeling H. Doppelspiel: Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München, 2004. S. 168–169.

³ Semjonow W.S. Von Stalin bis Gorbatschow: ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995. S. 149.

⁴ Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г. С. 143; Fleischhauer I. Die Chancen des Sonderfriedens: Deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941–1945. Berlin, 1986.

подтверждается Даллесом, который в книге о германском подполье сообщает, что накануне покушения на Гитлера Тротт цу Зольц намеривался установить контакт с находившимся в СССР Национальным комитетом «Свободная Германия». К деятельности этого комитета Тротт цу Зольц проявлял большой интерес и получал о нем регулярную информацию через Стокгольм¹.

Как сообщали в Вашингтон из Стокгольма агенты УСС, 26 июня 1944 г. представитель Тротт цу Зольца Эдгар Клаус посетил советское посольство и был принят Семеновым. Через 10 минут Клаус покинул здание посольства, оставив Семенову некоторые бумаги².

Однако реакция Москвы на попытку Тротт цу Зольца установить контакт с советским посольством в Швеции была скорой и категоричной: «Не следует больше обращать внимание на анонимные письма, которые немецкие провокаторы подбрасывают время от времени. Если советская миссия их и дальше будет принимать, это вызовет нежелательные слухи», — гласила шифровка Молотова, направленная 22 июня 1944 г. в Стокгольм³.

Есть и другое объяснение неудач контактов германских противников Гитлера с Советским Союзом. Представитель Риббентропа в ставке Гитлера Франц фон Зоннлейтнер считал, что дело было в позиции самого Шуленбурга. По мнению Зоннлейтнера, бывший германский посол в Москве не доверял антигитлеровской оппозиции, считая, что она намерена вести с Россией нечестную игру, в которой он, Шуленбург, будет всего лишь пешкой. Шуленбург «выступал за срединное положение Германии между Востоком и Западом и не собирался водить за нос Сталина»⁴.

Шуленбург действительно не хотел вводить советское руководство в заблуждение относительно намерений рейха: ведь он в 1941 г. невольно послужил дипломатическим прикрытием подготовки гитлеровской агрессии против Советского Союза. Однако речь теперь шла не о политике Гитлера, безусловным противником которой Шуленбург стал после нападения Германии на СССР, а о заключении мира с Россией новым германским правительством, которое должно было прийти к власти в результате государственного переворота и уничтожения Гитлера. Если Шуленбург не доверял антигитлеровской оппозиции, он никогда бы не пошел на контакт с ней, тем более не согласился войти в новое германское правительство.

¹ Dulles A. *Germany's Underground*. New York, 1947. P. 172.

² Wuermeling H. *Op. cit.* S. 191.

³ Semjonow W.S. *Op. cit.* S. 146.

⁴ Hoffmann P. *Widerstand. Staatsstreich. Attentat: der Kampf der Opposition gegen Hitler*. München, 1979. S. 310.

С 1943 г. Шуленбург (наряду с фон Хасселем и фон Вайцеккером) рассматривался в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в правительстве рейхсканцлера Гёрделера, которое должно было быть сформировано после устранения нацистского диктатора и ликвидации наиболее одиозных личностей и структур национал-социализма. Причем Гёрделер, несмотря на свою «прозападную» ориентацию, поддерживал кандидатуру Шуленбурга¹.

В отношении стран антигитлеровской коалиции новое германское правительство, как полагали ориентации на СССР, должно было немедленно заключить перемирие на всех фронтах и начать мирные переговоры. Особую роль в переговорах с СССР должен был сыграть Шуленбург, которого лично хорошо знали в Москве. Свою основную задачу в новом послегитлеровском правительстве Шуленбург видел в скорейшем прекращении войны, восстановлении и развитии отношений с СССР.

Осуществить антигитлеровский государственный переворот должны были военные при помощи «штатского сектора». В вермахте действовало как минимум три группы заговорщиков — в основном офицеров Генерального штаба. В силу своего служебного положения офицеры Генштаба лучше других были осведомлены о реальном положении дел и понимали, что Гитлер ведет Германию и ее вооруженные силы к неминуемой катастрофе. Следовательно, единственный способ спасти страну и армию — это уничтожить Гитлера.

Заговорщики были в Генштабе Верховного командования сухопутных сил в Цоссене (генералы Вагнер и Линдеман), в штабе командующего армии резерва на Бендлештрассе в Берлине (генерал Ольбрихт², полковник граф Штауффенберг) в штабе группы армий «Центр» на Восточном фронте в Смоленске (генерал фон Тресков, подполковник граф Харденберг³).

Офицеры штаба группы армий «Центр» организовали ряд покушений на нацистского диктатора. 13 марта 1943 г. в личный самолет Гитлера, на котором диктатор прибыл на оперативное совещание в штаб группы армий «Центр» в Смоленск и должен был через несколько часов

¹ Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994. S. 140; Гизевиус Г.Б. До горького конца: записки заговорщика. Смоленск. 2001. С. 539–540.

² Генерал от инфантерии Фридрих Ольбрихт — начальник Управления резерва Верховного командования вермахта. Один руководителей заговора против Гитлера и разработчиков плана государственного переворота. 20 июля 1944 г. расстрелян во дворе штаба армии резерва на Бендлештрассе в Берлине.

³ Граф Карл-Ханс фон Харденберг: одна из судеб немецкого Сопротивления. М., 2007.

вернуться в Берлин, генералом фон Тресковым была подложена взрывчатка замедленного действия, замаскированная под две бутылки коньяка. Один из сопровождавших фюрера офицеров согласился захватить эти бутылки в Берлин и передать их в подарок генералу Ольбрихту. Но взрывной механизм не сработал...

Покушения срывались одно за другим. Тогда в конце августа 1943 г. Тресков по рекомендации генерала Ольбрихта посетил Шуленбурга в его берлинской квартире. Во время дружеской беседы Тресков описал Шуленбургу критическое для вермахта положение, сложившееся на Восточном фронте, и от имени действующих в армии противников Гитлера изложил план скорейшего заключения компромиссного мира с Советским Союзом.

С помощью офицеров штаба группы армий «Центр» Шуленбурга намечалось переправить за линию фронта для ведения переговоров со Сталиным и Молотовым¹. По мнению Трескова, это был единственный шанс избежать тотального поражения Германии. Об этом плане осенью 1943 г. Тресков беседовал с Гёрделером, который воспринял план Трескова довольно прохладно: он все еще надеялся достичь договоренности с Западом. План Трескова так и остался невыполненным².

Однако отказ Гёрделера от плана Трескова не был жестом недоверия к Шуленбургу: в дальнейшем Гёрделер включил Шуленбурга в состав своего правительства в качестве кандидата на пост министра иностранных дел, так как «граф Шуленбург и сегодня надеется достичь договоренности со Сталиным»³.

В целом немцы-заговорщики, как военные, так и штатские, ориентированные как на СССР, так и на Великобританию и США, несмотря на внутренние разногласия, сходились в том, что после устранения Гитлера необходимо: немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его клики; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определять основные формы управления страной и направления политики.

¹ Тайны дипломатии Третьего рейха. М., 2011. С. 509–510.

² Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Stuttgart, 1961, S. 308, 492–495; Финкер К. Указ. соч. С. 173.

³ Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit. Frankfurt/M.; Berlin, 1990. S. 208–210, 349.

3.6.3. Новые документы по истории подготовки группой немецких военных и чиновников государственного переворота против Гитлера (1943–1944 гг.)

Согласно российскому закону «О реабилитации жертв политических репрессий» и изменениям и дополнениям к нему¹, среди подлежавших реабилитации жертв политических преследований были и бывшие военнопленные — граждане России и иностранцы. В процессе их реабилитации в архивах были выявлены новые документы, представляющие научный интерес.

Среди реабилитированных в последние годы в России иностранных граждан был и германский подданный, офицер вермахта, майор генерального штаба сухопутных сил (ОКХ), бывший военнопленный Иоахим Кун. Кун с сентября 1943 г. принадлежал к антигитлеровской оппозиции. Его имя стало известно в Германии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Вместе с другими офицерами² Кун в 1943 и 1944 гг. приобретал и прятал взрывчатку для покушений на Гитлера. Кун состоял в тесной связи с фактическим руководителем заговора полковником генштаба графом Штауффенбергом и его активным участником генерал-майором Х. фон Тресковым³.

Документы Куна — уникальный источник и по немецкой, и по российской истории: Кун был осужден как в «третьем рейхе», так и в СССР — Гитлером как «заговорщик и перебежчик», Сталиным как «военный преступник»⁴.

По ходатайству Г. Вагенленера, председателя Объединения бывших репатриантов, военнопленных и членов семей лиц, пропавших без вести (ФРГ), Главная военная прокуратура РФ 23 декабря 1998 г. реабили-

¹ Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». — Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 44, ст. 1428; Закон РФ от 22 декабря 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Совета Народных Депутатов РФ. 1993. № 1. Ст. 21.

² Среди документов Куна, с которыми он попал в советский плен, была фотография одного из них — командира 630-го саперного батальона майора Г. Кнака, до бывшего взрывчатку для покушения на Гитлера, готовившегося в ноябре 1943 г.

³ Lexikon des Widerstandes 1933–1945. München, 1994. S. 116–117.

⁴ В историографии считалось, что следы Куна затерялись в сталинских застенках. Однако нам удалось обнаружить их и на основе российских архивных источников проследить жизненный путь Куна в советском плену. См.: Chavkin B. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955 // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. № 2. S. 185. Anm. 64; Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Russlands // Ibid. 2001. № 1. S. 355–358.

тировала бывшего германского офицера Куна Иоахима, осужденного в 1951 г. Военным судом Московского военного округа, «за отсутствием в его действиях состава преступления»¹.

Причем за год до юридической реабилитации Куна, 30 ноября 1997 г., когда «Дело» Куна еще не было рассекречено, первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин в подмосковной резиденции Завидово передал тогдашнему канцлеру ФРГ Г. Колю копии нескольких документов из этого досье².

Таким образом, на Запад попали ранее не известные в России фрагменты уникального исторического источника — датированные 1944 г. документы майора Куна — активного участника заговора германских офицеров против Гитлера³.

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) в Москве хранится комплекс материалов, составляющих «Дело по обвинению Куна Иоахима»⁴; эти документы были впервые введены нами в научный оборот в России и Германии⁵.

«Дело по обвинению Куна Иоахима», имевшее первоначальный следственный № 5141, было начато 29 августа 1951 г. и окончено 6 ок-

¹ Определение № Н-240 Военного суда Московского военного округа от 23 декабря 1998 г.

² Hoffmann P. Tresckow und Stauffenberg. Ein Zeugnis aus dem Archiv des russischen Geheimdienstes // Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). 1998. 20.VII.; Von zur Mühlen B. Das Schicksal von Major i. G. Joachim Kuhn in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1944–1956 // Die Angeklagten des 20. Juli von dem Volksgerichtshof. Berlin, 2001. S. 57.

³ В статье берлинского кинодокументалиста Б. фон цур Мюлена со ссылкой на газетную публикацию канадского историка П. Хофмана (Hoffmann P. Op. cit. // FAZ. 1998. 20.VII) в качестве документальной базы называется не перво-, а вторичный источник — надзорное производство Прокуратуры РФ от 1998 г. (№ 03-1877898). Первоисточником же является «Дело по обвинению Куна Иоахима» из фондов Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ), которое не было доступно канадскому и немецкому исследователям. Работы как П. Хофмана, так и Б. фон цур Мюлена, написанные на ограниченной документальной базе, дают лишь первое, неполное и не во всем точное представление о «Деле Куна». Как подчеркивает Б. фон цур Мюлен, «К сожалению, большая часть протоколов допросов до сих пор недоступна» // Von zur Mühlen B. Op. cit. S. 60.

⁴ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Материалы следственного и тюремного дел Р-46988 составляют источниковую основу нашей публикации.

⁵ Chavkin B., Kalganov A. Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Rußlands // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2001. № 1. S. 355–358; Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального архива ФСБ России / предисл. и коммент. А.М. Калганова и Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 2002. № 3; Хавкин Б.Л. Гитлер и Сталин против майора Куна // Новое время. 2002. № 11. С. 36–40; Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1990–1945: сплетение истории. М., 2014. С. 295–357.

тября 1951 г. Документы «Дела» подобраны в соответствии с требованиями делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ СССР. По содержанию «Дело» Куна стоит в одном ряду с другими следственными делами пленных германских офицеров, привлеченных в 1945–1952 гг. в СССР к уголовной ответственности за совершение военных преступлений. Однако для следственной практики НКВД-НКГБ-МГБ было необычно то, что к материалам «Дела» Куна были приобщены его «Собственноручные показания», данные до ареста, несмотря на то, что эти показания не легли в основу обвинения и не использованы в нем. По практике делопроизводства НКВД-НКГБ-МГБ эти документы могли быть уничтожены как «не представляющие оперативного интереса» или приобщены к материалам переписки Главного управления военной контрразведки «Смерть шпионам» (ГУК «СМЕРШ»). Сохранение в уголовном «Деле» Куна его «Собственноручных показаний», данных им в качестве военнопленного, а не подследственного — редчайший случай, объяснимый лишь тем, что первый экземпляр этих показаний попал в 1944 г. «на самый верх».

Как же сложилась жизнь Куна? Иоахим Кун родился 2 августа 1913 г. в Берлине в семье адвоката Артура Куна и его жены Хильдегард-Марии Кун, урожденной Кустер¹. В 17 лет молодой Иоахим окончил гимназию и поступил в технический институт, который не окончил. В 19 лет, в 1932 г. он поступил на службу в стотысячный рейхсвер — профессиональную армию Веймарской республики. В 1933–1934 гг. Кун обучался в военных училищах в Дрездене и Мюнхене и в конце 1934 г. получил специальность военного инженера. В должности батальонного, а затем полкового адъютанта лейтенант Кун принимал участие в кампании Германии против Польши в 1939 г., командовал ротой в войне против Франции в 1940 г. За наведение понтонной переправы под огнем противника и личную храбрость был награжден «Железным крестом».

Летом 1941 г., когда Германия напала на СССР, капитан Кун служил в должности 1-го адъютанта (начальника штаба) 111-й пехотной дивизии вермахта, входившей в состав группы армий «Юг». До ноября 1941 г. он был на Восточном фронте. Затем как образцовый штабист был направлен на учебу в Берлин в академию генерального штаба, где обучался до мая 1942 г. и окончил ее как лучший офицер своего выпуска. Так он вошел в германскую военную элиту — корпус офицеров генерального штаба. Для дальнейшего прохождения службы Кун, в январе 1943 г. получивший чин майора, был направлен в генштаб сухопутных сил — в организационный отдел верховного командования ОКХ. Его непосредственным начальником был граф Штауффенберг.

¹ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 182.

22 июня 1944 г. майор генштаба Кун был назначен на должность 1-го адъютанта (начальника штаба) 28-й Егерской дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Г. фон Цильберг. 20 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, Кун находился на фронте, в Польше, в штабе 28-й Егерской дивизии.

27 июля 1944 г., через неделю после провала заговора, Кун был взят в плен под Белостоком наступавшими войсками 2-го Белорусского фронта.

В «Собственноручных показаниях» Кун описывает свое пленение не как заранее подготовленный переход на сторону противника, а как вынужденное бегство с целью спасения своей жизни: он был на волосок от ареста и неминуемой казни как заговорщик. Однако в Германии, как во время, так и после войны, он считался перебежчиком¹.

4 августа 1944 г. в лагере для военнопленных в Волковыске Кун заявил советскому офицеру о том, что он майор генштаба и готов сообщить очень важные для командования Красной Армии сведения. Обладавший особо ценной информацией военнопленный был доставлен в Москву.

Пленение Куна было сразу же замечено руководителями «третьего рейха». 10 августа 1944 г. начальник Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер писал рейхслайтеру М. Борману: «Не будет неожиданностью, если из-за участия в поставке заговорщикам взрывчатого вещества перебежавший к большевикам майор Кун всплывет в Национальном Комитете (“Свободная Германия”, далее: НКСГ. — Б. Х.)»².

В этой связи представляют интерес воспоминания бывшего вице-президента НКСГ графа Г. фон Айнзиделя, записанные в 2002 г. По словам Айнзиделя, он впервые услышал о Куне 22 августа 1944 г. из рапорта фронтового уполномоченного НКСГ по 2-му Белорусскому фронту лейтенанта Вильмса, сообщавшего, что Красной Армией взят в плен один из участников заговора 20 июля 1944 г. майор генштаба Кун, который хочет включиться в движение «Свободная Германия» и войти в Союз немецких офицеров (СНО)³. Но ни в НКСГ, ни в СНО Кун не по-

¹ Spiegelbild einer Verschwörung: die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. S. 129, 190; Herwarth H. von. Zwischen Hitler und Stalin: Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt/M., 1982. S. 304; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. S. 534; Lexikon des Widerstandes, 1933–1945. S. 117.

² Spiegelbild einer Verschwörung: die Opposition gegen Hitler... S. 190, 193–194.

³ В деле 3-го Сената имперского военного трибунала против генерал-лейтенанта Цильберга есть свидетельства двух немецких унтер-офицеров, которые 31 июля 1944 г. видели в советском лагере для военнопленных, расположенном примерно в 75 км восточнее Белостока, немецкого майора, одетого в кожаную танкистскую куртку и носившего эмблему генштаба. Фамилия майора была Кун. Он искал воз-

явился. На все вопросы председателя СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица о Куне работавшие с НКСГ и СНО советские офицеры вразумительного ответа не давали.

31 декабря 1944 г. Айнзидель в качестве фронтового уполномоченного НКСГ прибыл на 2-й Белорусский фронт в районе Нарева. Там он познакомился с майором 7-го отдела Главного политуправления Красной Армии Л.З. Копелевым, который спросил Айнзиделя о Куне и был очень удивлен, узнав, что в НКСГ и СНО Куна в глаза не видели. Копелев рассказал, что однажды в июле 1944 г. в только что освобожденной польской деревне к нему и еще двум советским офицерам подошла крестьянка и сказала, что скрывающийся у нее немецкий офицер хочет сдаться в плен. Этим немецким офицером и был майор Кун. Копелев допросил Куна, который заявил о своем желании примкнуть к движению генерала Зайдлица. Копелев выдал Куну документ как пленному, имеющему особое значение, и выделил офицера для сопровождения в вышестоящие инстанции. Однако сначала Кун попал в обычный пересыльный лагерь для военнопленных, и уже откуда его направили особым транспортом в Москву. Спустя много лет после войны, когда Айнзидель был в гостях у Копелева в Москве, у них речь вновь зашла о Куне. При чем Копелев так и не смог объяснить, почему Куну не дали установить контакт с Зайдлицем, СНО и НКСГ¹.

Таким образом, по воспоминаниям Айнзиделя, немецкий лейтенант Вильмс и советский майор Копелев независимо друг от друга сообщали о желании Куна войти в СНО, глава которого генерал Зайдлиц был информирован об этом и хотел встретиться с Куном. То есть и Кун и представители НКСГ и СНО стремились к прямому контакту, который, однако, так и не состоялся².

возможности срочно быть доставленным в Москву для дачи важных показаний. Немецкий лейтенант, занимавшийся “большевистской обработкой военнопленных, которых затем с заданием от русских возвращали в Германию” (Вильмс. — Б.Х.), сказал унтер-офицерам, что майор Кун был связан с людьми, совершившими 20 июля 1944 г. покушение на Гитлера. Поэтому по возвращении в Германию они ничего не должны о нем говорить. — Haase N. *Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft*. Berlin, 1993. S. 244.

¹ Как пишет Г. Айнзидель, по словам Куна, сказанным в личной беседе с Айнзиделем в Германии после войны, Штауффенберг в апреле 1944 г. сказал Куну, что возможно путь Зайдлица был не так уж и неверен. — Из письма графа Г. фон Айнзиделя Б.Л. Хавкину от 9 января 2002 г. Личный архив Б.Л. Хавкина.

² В свете воспоминаний Айнзиделя нуждается в уточнении тезис историка из ФРГ Г. Юбершера о том, что прямых контактов между НКСГ с одной стороны и связанными со Штауффенбергом группами Сопротивления с другой стороны не существовало // *Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere*. Frankfurt/M., 1995. S. 42.

Почему же советские инстанции не дали Куну возможности связаться с НКСГ и СНО? Вероятно, это обстоятельство объяснялось тем, что работавшие с военнопленными советские структуры конкурировали между собой. Кун в итоге попал не в руки «курировавших» НКСГ и СНО организаций — Главного политуправления Красной Армии и Главного управления по делам военнопленных, а в объятия «СМЕРШ»: перебежчик, к тому офицер генштаба, рассматривался как возможный шпион.

2 сентября 1944 г. в ГУК «СМЕРШ» в Москве на Лубянке Кун напечатал на немецкой пишущей машинке «Собственноручные показания», на каждой странице которых подписался по-немецки. На русский язык «Собственноручные показания» Куна перевел оперативный уполномоченный 2-го отдела ГУК «СМЕРШ» Д.Г. Копелянский. На последней странице русского перевода есть его рукописная помета: «Справка. Первый экземпляр направлен для информации ГКО¹. Оперуполн. 2-го отдела Гл. Упр. “Смерш” капитан Копелянский»².

23 сентября 1944 г. начальник ГУК «СМЕРШ» генерал-полковник В.С. Абакумов направил члену ГКО Г.М. Маленкову письмо следующего содержания: «В Берлине на процессе по делу о покушении на Гитлера, как известно из прессы, одним из активных участников заговора фигурировал майор немецкой армии Кун Иоахим, который германским судом был заочно осужден к смертной казни. Немцы также сообщили, что Кун бежал на сторону Красной Армии и в связи с этим объявлен изменником родине... Будучи доставлен в Москву в Главное Управление “СМЕРШ” и тщательно допрошен, Кун в собственноручных показаниях изложил известное ему о заговоре против Гитлера и своем участии в нем. Особый интерес представляют показания Куна в части известных ему участников заговора, либо сочувствовавших заговору, которые не были репрессированы Гитлером и до последнего времени продолжали находиться на руководящих военных постах... Большую осведомленность в делах заговора и близкие связи с высокопоставленными лицами германского военного командования Кун объясняет своим служебным положением в генеральном штабе, прошлым своих родителей (дед был генералом от кавалерии) и тем, что начальники рассматривали его как способного и растущего офицера. Имея в виду, что Кун объявлен в Германии изменником и активным участником заговора, и к тому же в показаниях несколько выпячивает свою роль в заговоре, — не исключена возможность, что он, под предлогом всего этого заброшен немцами на нашу сторону с какими-либо специальными целями... Об изложенном

¹ Государственный Комитет Обороны (ГКО) — высший орган государственной власти и управления в СССР в годы Великой Отечественной войны.

² ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 55.

доложено товарищу Сталину. При этом представляю перевод собственноручных показаний Куна»¹.

В конце сентября 1944 г. «Собственноручные показания» Куна лежали на рабочем столе председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего Красной Армией И.В. Сталина. Таким образом, Сталин был подробно информирован о подготовке германскими офицерами покушения на Гитлера.

В плену Кун, разумеется, не располагал точной информацией из Германии, касавшейся судьбы своих родственников и своей участи как участника заговора против Гитлера. Этим обстоятельством можно объяснить непреднамеренные ошибки, содержащиеся в тексте его «Собственноручных показаний».

Например, он пишет: «4.VIII-1944 года я обратился к находившемуся в лагере гор. Волковыск советскому штабному офицеру и сказал, что имею сообщить важные сведения. Много позднее я узнал, что как раз в этот день в Берлине меня приговорили к смертной казни». Но этот факт не соответствовал действительности.

В то же время, сообщенная Куну советской стороной версия о том, что он 4 августа 1944 г. был приговорен в Германии к смертной казни, не являлась сознательной дезинформацией с целью получения от Куна требуемых на Лубянке показаний. О том, что Кун «германским судом был заочно осужден к смертной казни» говорилось и в письме Абакумова Маленкову от 23 сентября 1944 г.² Конечно же, Абакумов не собирался вводить Маленкова в заблуждение. Информация о том, что 4 августа 1944 г. Куна приговорили в «третьем рейхе» к смерти, была основана на справке, составленной «СМЕРШ» по материалам Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) от 9 августа 1944 г., а ТАСС, в свою очередь, ссылалось на агентство «Трансоцеан»³.

В действительности же 4 августа 1944 г. Кун приговорен к смерти не был: в этот день майор генштаба ОКХ Иоахим Кун по предложению суда чести сухопутных сил и приговору народного трибунала «третьего рейха» был исключен из рядов вермахта «как перебежчик и в связи с событиями 20.7.1944 г.».

Но в дальнейшем нацисты всё же вынесли Куну смертный приговор. 6 февраля 1945 г. 3-й Сенат имперского военного трибунала под председательством судьи Шмаусера заочно приговорил Иоахима Куна к смерти «за измену родине, боевому знамени, воинскому долгу и переход на

¹ ЦА ФСБ. По материалам ГУК «СМЕРШ».

² ЦА ФСБ. По материалам ГУК «СМЕРШ».

³ В «Справке по материалам ТАСС» со ссылкой на агентство «Трансоцеан» от 9 августа 1944 г. майор Кун был упомянут среди «лиц, фигурирующих по материалам процесса». — Там же.

сторону врага». 20 февраля 1945 г. Гитлер лично утвердил смертный приговор Куну и потребовал «немедленно привести его в исполнение, как только преступник попадет в немецкие руки»¹.

Возможно, что в сентябре 1944 г. работавший по «Делу» Куна капитан «СМЕРШ» Копелянский, также, как и его начальники, не располагал всей поступавшей из Германии информацией о Куне. Ни Копелянский, ни сам Кун тогда еще не знали, что 27 июля 1944 г., в тот же день, когда майор Кун попал в советский плен, его отец Артур и мать Хильдегард-Мария были взяты в Берлине под превентивный арест как родители перебежчика.

С 12 августа 1944 г. до 1 марта 1947 г. военнопленный Кун содержался во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке и в Бутырской тюрьме в Москве. «Из соображений оперативной необходимости» ему было дано другое имя. В тюремном «Деле» Кун значился как Иоахим Маловиц. Обращение с заключенным Маловицем и условия его содержания были относительно хорошими. В госпитале Бутырской тюрьмы ему оказывалась необходимая медицинская помощь. Всё это время контрразведка «СМЕРШ» вела с особо ценным пленным немецким офицером активную «оперативную работу». С целью «оперативной работы» военнопленный Кун согласно указаниям Абакумова от 15 февраля 1945 г. и от 28 февраля 1947 г. дважды вывозился на «особые объекты».

Сотрудничество Куна с советской военной контрразведкой дало сенсационный результат. 17 февраля 1945 г. офицеры «СМЕРШ» с помощью вывезенного на «особый объект» Куна откопали в лесу Мауэрвальд под Растенбургом² (Восточная Пруссия) недалеко от бывшей штаб-квартиры ОКХ³, тайник, который нацистские спецслужбы, несмотря на долгие поиски, так и не смогли найти. В тайнике были спрятаны секретные документы, составленные офицерами из группы Штауффенберга, намеревавшимися осенью 1943 г. убить Гитлера во время посещения им Ставки «Волчье логово». Готовить взрывчатку для уничтожения Гитлера и рассчитать силу и направление взрыва должен был военный инженер Кун — единственный из заговорщиков, умевший профессионально обращаться со взрывчатыми веществами. После того, как это покушение на Гитлера сорвалось, Кун, по личному указанию

³ Haase N. Aus der Praxis des Reichskriegsgerichtes: Neue Dokumente zur Militärgerichtsbarkeit im Zweiten Weltkrieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1991. № 39. S. 393. Anm. 45; Ibidem. Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 1993. S. 240; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. S. 534.

² Ныне город Кентшин, Польша.

³ Штаб-квартира ОКХ находилась примерно в километре восточнее Растенбурга, неподалеку от Ставки Гитлера «Волчье логово» и штаба ОКВ.

Штауффенберга закопал в землю в Мауэрвальде две банки — железную и стеклянную. В банках была спрятана вся секретная документация заговорщиков¹.

В 1945 г. Кун узнал то место, где он в 1943 г. сделал тайник. Офицеры СМЕРШа извлекли из земли составленный в 1943 г. «календарь мероприятий по реализации плана смены главы германского государства и Верховного Главнокомандующего», приказ о смерти Гитлера, постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы войскам, обращения к армии и народу, оперативные распоряжения участникам военного переворота. Среди авторов этих документов был и Кун. Им совместно с другими офицерами были подготовлены 4 оперативных приказа по I военному округу (Восточная Пруссия), которые предусматривали захват ставки Гитлера и штаб-квартиры верховного командования сухопутных сил².

Как отмечал в составленной в феврале 1945 г. пояснительной записке к этим документам начальник Главного управления советской военной контрразведки (ГУК) СМЕРШ генерал-полковник В.С. Абакумов, «приказ верховного главнокомандующего, как показал Кун, был составлен осенью 1943 г. руководителем заговора генерал-полковником Бек (застрелился) и Штауффенбергом (казнен). На пост верховного главнокомандующего и главы государства заговорщиками намечался Бек, который и должен был подписать этот приказ. Приказ об объявлении чрезвычайного военного положения в стране должен был подписать фельдмаршал Вицлебен (казнен), намечавшийся заговорщиками командующим вооруженными силами Германии»³.

Приведем эти документы в официальном переводе, сделанном СМЕРШ в феврале 1945 г. с сохранением оформления, стиля, орфографии и пунктуации.

«Перевод с немецкого.

Главная ставка

Приказ

Фюрер мертв.

Испорченные и бессовестные элементы, преследовавшие с давних пор под защитой неограниченной власти свои личные цели, сделали попытку захватить в свои руки власть. Они знали, что народ и армия со все увеличивающимся ожесточением следят за их незаконными дей-

¹ ЦА ФСБ. По материалам ГУК «СМЕРШ».

² Калганов А.М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. // Тайные страницы истории. М., 2000. С. 306–307.

³ ЦА ФСБ. По материалам ГУК «СМЕРШ». Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами. Л. 2.

ствиями. Равнодушные к жертвам, понесенным Германией, незатронутые тем, что родина лежит в развалинах, они были озабочены лишь собственном благополучии и надеялись с помощью безграничного насилия спасти самих себя и свою добычу, затопив в реках крови голос справедливости.

В минуту высшей опасности для отечества выступила армия, обезвредила предателей и взяла на себя исполнительную власть.

Один солдат руководит сейчас империей и главнокомандованием вооруженных сил. Из всех слоев народа, из всех областей империи стоят рядом с ним испытанные люди со знанием своего дела и с незапятнанной честью.

Солдаты

Будучи облечен верховной властью над вооруженными силами, я ручаюсь, что буду руководить Вами по-деловому. С этого часа от Вас будут требовать лишь необходимых для спасения отечества жертв. Ни одному из Ваших командиров не будет угрожать позорное удаление из армии за самостоятельные действия, основанные на знании обстоятельств и чувства ответственности.

Солдатское руководство страной гарантирует Вам, что родина будет такова, какой Вы, сражающиеся на фронтах, хотите ее видеть и увидите, когда возвратитесь. Эта родина будет всеми силами служить делу Вашей борьбы. Родина в свою очередь надеется на Вас. Она верит и ждет, что Вы ее спасете.

Солдаты

и прежде всех вы, бойцы Восточного фронта.

За эту родину вы должны выступить. После 4-х лет величайшей борьбы выйти в последний бой за родину, не за фантастические планы, безграничные завоевания, а за простую цель: за Ваш очаг, Ваш дом, за спасение Ваших жен и детей.

Если Вы не устоите, то все, что Вам дорого станет достоянием гибели и опустошения. Выдержите эту борьбу, чтобы мы могли свободно искать примирения, мира, достойного наших погибших.

Именем отечества обещаю я Вас снова к верности, послушанию и храбрости.

Вместе с отечеством я надеюсь на ваше непреклонное мужество, которое становится тверже, чем больше угроза.

Я доверяю Вашим силам и Вашей вере в Германию.

Подпись»¹.

¹ ЦА ФСБ. По материалам ГУК «СМЕРШ». Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами. Л. 6–7.

«Перевод с немецкого.

Транслировать по радио.

Приказ об объявлении чрезвычайного положения в занимаемых запасной армией имперских областях.

Фюрер Адольф Гитлер мертв.

I. Изменническая клика “СС”-овских и партийных руководителей, используя серьезность положения, ударила в спину находящемуся в тяжелой борьбе Восточному фронту и пытается в целях достижения личного благополучия захватить власть.

II. Для единения всех сил нации в этот тяжелый час, для обеспечения права, спокойствия и порядка, имперское правительство поручило мне одновременно верховное командование вооруженными силами и исполнительную власть в занимаемых запасной армией имперских областях, а также распорядилось немедленно объявить чрезвычайное военное положение.

III. Исходя из этого, приказываю:

1. Исполнительную власть в имперских областях, занимаемых запасной армией, принять командующему запасной армией генерал-полковнику

2. Исполнительную власть в военных округах немедленно принять командующим округами, им же передать полномочия имперских комиссаров обороны.

Командующим округами подчинены:

а) все находящиеся в их округах воинские учреждения и части, включая войска “СС”, отряды трудовой армии и организации ТОДТ;

б) все общественные учреждения (империи, провинций и общин), в особенности вся административная полиция, а также полиция порядка, безопасности и порядка;

в) органы и подразделения НСДАП и приданные им части;

г) транспортные средства и пищевая промышленность.

3. Командующий запасной армией и находящиеся в его области командующие военными округами принимают необходимые решения и мероприятия для поддержания и восстановления права, порядка и общественной безопасности и проводят их в жизнь, с случае необходимости, вооруженной силой.

На все время действия чрезвычайного военного положения в имперских областях, занимаемых запасной армией, допустимы сокращения имеющихся законных границ в отношении личной свободы, собственности, права свободного выражения мнений, прав союзов и собраний, нарушения тайны почтовой и телеграфной и телефонной связи, а также приказы о домашних обысках и конфискациях.

4. Лица, выступающие против проведения приказов и распоряжений чрезвычайного военного положения или призывающие другие лица к непослушанию, будут переданы полемому суду.

Главкомандующий
вооруженными силами
фельдмаршал»¹.

Календарный план оперативных мероприятий заговорщиков, составленный Куном совместно с генералами Штифом и Фельгибелем и полковником Штауффенбергом, был рассчитан по минутам². Момент казни Гитлера был условно обозначен знаком «Х». Время до покушения обозначалось «Х минус». Например, указанное в плане время «Х минус 24» означало «за 24 часа до покушения». Время после покушения обозначалось «Х плюс». Например, «Х плюс 10 минут» означало «через 10 минут после убийства Гитлера».

Условная фраза «все восточные батальоны переводятся» означала, что Гитлер в результате покушения убит. Слова «половина восточных батальонов переводятся» означали, что Гитлер ранен. «Восточные батальоны остаются, следует ждать признаков разложения» — заговор раскрыт, покушение не удалось. «Восточные батальоны остаются, переорганизация не нужна» — покушение не удалось, но заговор не раскрыт.

Таким образом, правдивость «Собственноручных показаний» Куна была подтверждена. Интересно отметить, что Абакумов еще в феврале 1945 г. предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы заговора 1943 г. против Гитлера, однако они оставались секретными до конца 1990-х гг.³

В 1947 г. по указанию Абакумова, который в это время возглавлял МГБ, Кун был помещен на «особый объект» — подмосковную дачу, где находился с 1 марта 1947 г. до 22 апреля 1948 г. На даче он не столько отдыхал, сколько готовился к репатриации в Восточную Германию в качестве будущего сотрудника новой администрации. На «особом объекте» Кун находился под наблюдением. Его «кураторы» получили сведения, что он «критиковал советскую власть»: В частной беседе Кун якобы сказал, что сыт по горло сотрудничеством с советскими властями и хочет по возвращении в Германию податься к американцам⁴. Разумеется, что после такой информации о репатриации в Германию Куну пришлось забыть.

Весной 1948 г. Куна вновь поместили в тюрьму. Он содержался в московских тюрьмах: Лефортово с 22 апреля 1948 г., и в Бутырке с 5 апре-

¹ ЦА ФСБ. По материалам ГУК «СМЕРШ». Документы, обнаруженные в ставке главного командования германскими сухопутными силами. Л. 4–5.

² Там же. Л. 2.

³ Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // Родина. 2004. № 6. С. 29.

⁴ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 244–246.

ля 1950 г.¹ Парадокс состоял в том, что юридически он в это время арестованным не считался. Ордер на его арест был выписан лишь 30 августа 1951 г. Капитану И.С. Мамаеву предписывалось обыскать Куна и арестовать его «по месту нахождения»². Местом нахождения Куна в это время была Бутырская тюрьма.

Юридическое оформление ареста Куна последовало сразу же за июльскими событиями 1951 г. — исключением из ВКП(б), снятием с должности, а затем арестом и расстрелом министра госбезопасности СССР Абакумова, которого, среди прочего, обвинили в затягивании расследования особо важных преступлений. В августе 1951 г. новым министром госбезопасности был назначен партийный работник С.Д. Игнатьев, который стал «наводить порядок» и готовить к передаче в судебные инстанции следственные дела на всех находившихся в распоряжении МГБ немецких военнопленных, которых, как правило, приговаривали к 25 годам лишения свободы³.

Иоахим Кун был обвинен на основании «пункта 1-а статьи II Закона № 10 Контрольного Совета в Германии» и признан виновным «в подготовке и ведении агрессивной войны против СССР». 17 октября 1951 г. Особое Совещание при МГБ СССР приговорило Куна к 25 годам тюремного заключения, срок которого исчислялся со дня его сдачи в плен — 27 июля 1944 г.⁴

Участие Куна в заговоре против Гитлера следователи и судьи рассматривали в качестве доказательства его вины. Как гласило обвинительное заключение, «Установлено, что участники заговора имели следующую цель: уничтожение Гитлера; заключение сепаратного мира с Англией, Францией и США; продолжение войны против Советского Союза совместно с этими государствами»⁵.

Как доказательство обвинения, в «Деле» Куна фигурируют показания заключенного на Лубянке сотрудника СД гауптштурмфюрера СС Р. Гамоты от 28 февраля 1949 г. о немецкой антигитлеровской организации «Обновление», в действительности никогда не существовавшей.

¹ ЦА ФСБ. Дело арестованного «КУН (Маловиц) Иоахим». Р-46988.

² МГБ СССР. Ордер № Ф-25 // ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 4.

³ См. об этом: Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998. С. 67–68.

⁴ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 229. Как отмечал историк из ФРГ М. Борхард, к 25 годам принудительных работ были приговорены более 85 процентов осужденных после войны в СССР немецких военнопленных. — Borchard M. Zwischen den Fronten des Kalten Krieges: die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949–1955 // Kriegsgefangene — Voennoplennye. Dusseldorf, 1995. S. 88.

⁵ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 225.

Эсэсовец преднамеренно подвел Куна под обвинение, тем самым отомстив ему как настоящему участнику военной оппозиции Гитлеру.

Документальная база основанного на показаниях Гамоты обвинения Куна была весьма шаткой. К тому же сам «свидетель» Гамота был осужден как военный преступник. Подвести под обвинение «политический фундамент» должна была приобщенная к «Делу» Куна «в качестве документального доказательства» статья советского журналиста А. Леонидова (псевдоним Эрнста Хентова) «Международная роль англо-американо-немецкого банка Шредера», опубликованная 28 февраля 1947 г. в московском журнале «Новое время»¹. Леонидов, ни разу не упоминая имени Куна, наклеивал всем немецким противникам Гитлера политические ярлыки в соответствии со стереотипами «холодной войны».

Основные тезисы статьи в «Новом времени» таковы: «Деятельность американской военно-политической разведки была направлена не столько против фашистов, сколько против подлинно антифашистского движения, поскольку участники этого движения не хотели, чтобы дело освобождения родины свелось к замене одной империалистической клики другой». Филиал банка Шредера в Швейцарии был филиалом американской разведки и имел контакты с антигитлеровской оппозицией в Германии. «Кто была эта “оппозиция”? Реакционные офицеры, представители прусской аристократии и высших германских финансовых кругов. Это были те круги, которые, убедившись, что Гитлер проиграл войну против Советского Союза, делали ставку на дворцовый переворот. Весь план, как известно, заключался в том, чтобы в удобный момент заменить Гитлера, быстро заключить сепаратный мир с западными союзниками и, тем спасти, пока еще не поздно, германский империализм»².

6 октября 1951, т.е. за 11 дней до вынесения приговора по «Делу» Куна, его следователь майор госбезопасности Кичигин принял решение «Кун Иоахима, как военного преступника, после осуждения направить для отбытия наказания в особую тюрьму»³.

Особой тюрьмой, в который сидел Кун с 1951 по 1956 г., был известный во всей России Александровский централ — каторжная тюрьма в Иркутске. По иронии судьбы, немецкий офицер, участвовавший в заговоре против Гитлера, сидел в той же тюрьме, что и русские офицеры-декабристы, участники заговора против царя в 1825 г.

В Александровском центреале Кун страдал от недоедания — у него началась дистрофия. Офицеры МГБ предполагали также, что он заболел

¹ Леонидов А. Международная роль англо-американо-немецкого банка Шредера // Новое время. 1947. № 8–9.

² ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 208–209.

³ Там же. Л. 228.

психически. Это предположение основывалось на некоторых необычных письмах, написанных Куном в Александровском центре:

«Перевод с немецкого. Граф фон дер Пфальц-Цвейбрюккен, генерал-майор. Иркутск, 15 февраля 1952 года (копия от 27 мая 1952 г.). Господину Министру госбезопасности, гор. Москва.

Я чувствую себя обязанным оставаться дружественным и искренним по отношению к Советскому Союзу и его Министерству. Поэтому я обратился с предложением и получил разрешение сообщить о нижеследующем.

Я был вынужден носить фамилию Кун и жить под этой фамилией на основании требования немецкого правительства. Но я по происхождению граф фон дер Пфальц-Цвейбрюккен. Это изменение произошло в силу указа имперского президента от 13.6.1926 года.

К сведениям о моей личности я могу лишь добавить, что из полковников генштаба я был произведен в генерал-майоры армии Западной Германии»¹.

Далее Кун, присвоивший себе имя графа Пфальц-Цвейбрюккена, сообщал министру госбезопасности СССР, что «целью и результатом его 34-летнего труда... является сверхкоротковолновый аппарат», запатентованный в США. Кун пытался объяснить технические подробности изобретения, но сделал это так, что переводчица МГБ Потапова в отчаянии вынуждена была написать: «переведено буквально, смысл непонятен»².

Однако, по нашему мнению, смысл письма был ясен. После нечитаемого и непереводаемого текста, очевидно содержащего технические данные прибора, Кун писал: «Остальные сведения я могу сообщить лишь с разрешения западногерманского правительства и США в Москве и сделаю это лишь в том случае, если буду помещен в гостиницу и обеспечен достаточным нормальным питанием (поскольку за это время у меня наступила дистрофия), а также если будет подтверждено данное мне обещание в отношении предстоящего освобождения и отправки в ближайшее время на родину, на основании чего я и действовал»³.

Эту цель после проверок и экспертиз определили следователи. «Заявление Куна от 27 мая 1952 г. является от начала и до конца плодом его фантазии, обусловленной или стремлением улучшить свое положение путем умышленной дезинформации наших органов или же невменяемым состоянием заключенного... Судя, однако, по содержанию заявления Куна и отдельным моментам из его показаний, а также конструкции употребляемых им предложений, мы имеем дело скорее с психически

¹ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 231.

² Там же.

³ Там же.

неполноценным человеком», — писал в декабре 1952 г. начальник следственного отдела 2-го главного управления МГБ полковник Рублев¹.

Все усилия узника Александровского централа обратить на себя внимание советских властей оставались безуспешным. Но Кун, который то ли симулировал душевное расстройство, то ли на самом деле постепенно сходил на каторге с ума, продолжал борьбу за восстановление справедливости.

10 ноября 1953 г. Кун написал заявление главе правительства СССР. В «Деле» Куна сохранился сделанный карандашом на папиросной бумаге русский перевод этого заявления. Русский текст имеет немецкую подпись «граф фон дер Пфальц-Цвайбрюкен»:

«Председателю Совета Министров СССР г. Маленкову.

Заявление з/к графа фон дер Пфальц-Цвайбрюкена (Куна)

Господин Председатель,

Как известно 2-му Управлению МГБ, я находился в заключении в Москве с 1944 по 1951 г. Это имело место несмотря на то, что, я военнопленный офицер, которому, как мне неоднократно заявляли в присутствии свидетелей, нельзя было предъявить никаких обвинений. После ряда допросов в сентябре – октябре 51 г. следователь 2-го управления заявил мне: “следствием установлено, что нет больше никаких оснований Вас больше содержать под стражей”. Затем он поздравил меня через переводчицу: “Итак можно Вас поздравить”. К чему было добавлено, что я должен вернуться в Германию. Вместо этого меня отправили в Александровскую тюрьму, где я до сих пор еще нахожусь. Уже продолжительное время тому назад были освобождены немецкие военнопленные. Кроме того, в августе с.г. было достигнуто соглашение об освобождении также и тех военнопленных немцев, которые были осуждены судом. Т.е. не имеется никаких оснований для дальнейшего содержания меня под стражей. И поэтому прошу Вас вернуть меня в Германию свободным человеком.

Александровск, 10 ноября 1953 г.»².

Между этим письмом главе советского правительства и освобождением Куна из плена прошли еще два года и два месяца.

Хотя состояние здоровья узника Александровского централа вызывало опасения, его продолжали использовать на общих каторжных работах. Но в 1954 г. появились и послабления режима: с июня 1954 г. Кун получил возможность писать и получать письма и принимать по-

¹ ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 244–246.

² ЦА ФСБ. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 251.

сылки. В тюремном деле есть отметки о получении им 43 посылок от матери.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. заключенный Иоахим Кун подлежал досрочному освобождению. Но в сентябре 1955 г. его не освободили, а перевели в тюрьму г. Первоуральска, где он провел последние, самые тягостные месяцы заключения, продолжавшегося до 7 января 1956 г.

16 января 1956 г. он был передан в распоряжение правительства ФРГ¹ и через лагерь для перемещенных лиц Фридланд вернулся на родину².

11 лет заключения превратили его в тяжело больного и морально надломленного человека. С прежними друзьями он никогда более не встречался.

Как писал друживший с Куном в 1943–1944 гг. участник немецкого Сопротивления Х. фон Херварт, «возможно он (Кун. — Б.Х.) стыдился своих тогдашних действий, которые критиковали не только нацисты, но и некоторые из его друзей. Эти действия сделали его ответственным за смерть командира дивизии (командира 28-й Егерской дивизии генерал-лейтенанта Цильберга. — Б.Х.). Я убежден в том, что Кун, вынужденный очень быстро принять решение, не уяснил себе всех его последствий»³.

По воспоминаниям графа Г. фон Айнзиделя, навестившего Куна в конце 1970-х гг., Кун жил замкнуто и одиноко в дешевом пансионе в Бад-Боклете, неподалеку от города Киссингена на реке Саале⁴. Где и умер в 1994 г., всеми забытый.

Так заканчивается история Иоахима Куна — участника заговора против Гитлера и узника сталинских лагерей, роль которого в немецком Сопротивлении была неизвестна в России и замалчивалась в Германии.

Как отметил Г. Айнзидель, говоря о личной трагедии Куна, «выжившие заговорщики о нем просто умалчивали, как будто под страхом смерти. Он же больше не имел сил (возможно, он действительно стра-

¹ Там же. Л. 253об. Дата освобождения, а также другие биографические данные Куна до января 1956 г. подтверждаются и немецкими источниками. (См. Письмо сотрудника Немецкой службы поиска бывших военнослужащих вермахта — Deutsche Dienststelle — г-на Герике от 19. 07.2001.) Эта дата названа и в ответе сотрудника поисковой службы Немецкого Красного Креста в Мюнхене г-на Х. Реберга на запрос Б.Л. Хавкина о дальнейшей судьбе Куна по возвращении из плена. — Письма гг. Герике от 19 июля 2001 г. и Реберга от 25 сентября 2001 г. Б.Л. Хавкину// Личный архив Б.Л. Хавкина.

² Письмо г-на Герике Б.Л. Хавкину от 19 июля 2001 г. // Личный архив Б.Л. Хавкина.

³ Herwarth von H. Op. cit. S. 304.

⁴ Из письма графа Г. фон Айнзиделя Б.Л.Хавкину от 9 января 2002 г.

дал шизофренией¹), чтобы оправдаться и рассказать свою историю, какой, она была на самом деле. В ФРГ нужно было вечно стыдиться того, что ты перешел к русским. Да и после того, как с ним обращались в чека, он не поумнел... Человека, который был так сломен жизнью, как он, не хотели представлять в качестве борца Сопротивления. Да и то, что среди заговорщиков были люди, которые рассматривали СССР как возможного партнера, было в 50-е годы, в разгар “холодной войны”, запретной темой. Итак, его похоронили еще при жизни. Он пал жертвой не только Гитлера и Сталина, но и жертвой насквозь лживой исторической легенды»².

¹ “Так как я знал, что Кун выдавал себя тогда за кронпринца Вильгельма фон Гогенцоллерна и даже дал мне свою визитную карточку с этим именем, я обратился к нему “Ваше кайзеровское высочество”. Возможно, поэтому он проникся доверием ко мне. Однако, наперекор моим словам, он утверждал, что не имел никакого отношения к покушению на Гитлера. Гитлер же его преследовал и хотел убить в связи с тем, что он кронпринц... На мой вопрос, что кронпринц командовал армией еще в первую мировую войну, Кун уточнил, что он сын этого кронпринца, но по династическим причинам его рождение хранилось в тайне”. Из письма графа Г. фон Айнзиделя Б.Л. Хавкину от 9 января 2002 г. // Личный архив Б.Л. Хавкина.

² Из письма графа Г. фон Айнзиделя Б.Л.Хавкину от 9 января 2002 г.

4. Немецкое антигитлеровское сопротивление в лицах

4.1. Вилли Леман — советский разведчик из гестапо

В центре снятого в 1972 г. режиссером Татьяной Лиозновой по роману Юлиана Семенова и до сих пор популярного в России 12-серийного телевизионного художественного фильма «Семнадцать мгновений весны» образ советского разведчика Максима Исаева, под именем штандартенфюрера СС (звание соответствует армейскому полковнику) Макса Отто фон Штирлица служившего в VI управлении Главного управления имперской безопасности (РСХА) — внешней разведке СД, руководимой бригадефюрером СС (т.е. по-армейски — генерал-майором) В. Шелленбергом. С тех пор прошло уже 35 лет, но тема «Штирлица» остается одной из любимых в российской литературе об истории разведки¹.

Разумеется, русского по происхождению и выдававшего себя за немца советского разведчика-нелегала, внедренного в аппарат эсесовских спецслужб, быть не могло, как говорится, «по определению»: при вступлении в СС требовалось документально подтвердить «арийское» происхождение с 1750 г., иметь безупречную характеристику местной ячейки нацистской партии (НСДАП) и рекомендации двух поручителей, а также постоянно жить на одном месте не менее пяти лет². Офицер СС, в отличие от холостяка Штирлица, должен был к 35 годам непременно жениться на «чистокровной арийке», чтобы произвести на свет «расово полноценное» потомство. К тому же Штирлиц, как всякий образованный немец, должен был не только свободно владеть немецким литера-

¹ Царев О.А. А был ли Штирлиц? // Комсомольская правда. 1994. 1 декабря; Лазарев А. Штирлиц был состоятельным бюргером // Комсомольская правда. 1997. 3 июня; Любарский Г. Кто был “Штирлицем”? // Вестник. 1999. № 7; Шарапов Э.П. Тайна Штирлица // Мир новостей. 2003. 6 января; Соколов Б.В. Кем был Штирлиц? // Разведка. Тайны Второй мировой войны. М., 2003. С. 68–81; Дегтярев К. Штирлиц без грима. Семнадцать мгновений вранья. М., 2006.

² Kogon E. Der SS-Staat. München, 1985. S. 22.

турным языком, но и, как выходец из определенной германской земли, знать «родной» диалект.

Однако у вымышленного Исаева-Штирлица есть реальный исторический прототип. Когда в конце 1960-х – начале 1970-х гг. писатель Юлиан Семенов работал над своим знаменитым произведением, он прочитал опубликованные на Западе, но не известные тогда в СССР воспоминания Шелленберга¹, в которых рассказывается история немецкого полицейского чиновника «инспектора Л.» — Вилли Лемана, сотрудничавшего с разведкой русских.

Криминал-инспектор Вилли Леман — чуть выше среднего роста, голубоглазый, с приплюснутым носом, почти круглой лысой головой, уже немолодой, но, несмотря на диабет и болезнь почек, энергичный и добродушный толстяк, которого коллеги попросту звали «дядюшка Вилли», внешне мало походил на Штирлица. «Дядюшка Вилли» вел жизнь обыкновенного бюргера: был скромным и аккуратным, исправно ходил на службу, бережно относился к деньгам, любил свою жену Марту, с которой счастливо прожил более четверти века. Одно лишь огорчало супругов Леман: их брак был бездетным. В 1930-е гг. Марта получила в наследство гостиницу и небольшой ресторан на узловой железнодорожной станции в Силезии, куда супруги намеревались переселиться после выхода Вилли на пенсию.

Однако этот «добродушный дядюшка» поставлял советской разведке самые секретные документы из берлинской штаб-квартиры РСХА, что находилась на улице Принца Альбрехта в доме № 8². Леман до сих пор считается одним из наиболее значительных советских агентов, действовавших накануне и во время Второй мировой войны. Это был единственный агент разведки Наркомата внутренних дел — Наркомата госбезопасности СССР (НКВД-НКГБ) — кадровый офицер-контрразведчик германской тайной государственной полиции (гестапо — IV управления РСХА)³.

¹ Hagen L., Deutsch A. The Schellenberg Memoirs. London, 1956; The labyrinth: Memoirs of Walter Schellenberg, Hitler's Chief of Counterintelligence. New York, 1956. На рус. яз. эти книги были изданы лишь в 1991 г.: Шелленберг В. Мемуары. М., 1991; Его же. Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

² Когда в 1973 г. фильм «Семнадцать мгновений весны» был показан в ГДР, берлинцы старшего поколения не могли не обратить внимание на тот факт, что действие фильма, разворачивающееся в Берлине с 12 февраля по 18 марта 1945 г., не могло происходить в доме № 8 по улице Принца Альбрехта: это здание было разбомблено 3 февраля 1945 г. во время налета авиации 8-го американского воздушного флота на Берлин. — Topographie des Terrors. Gestapo, SS und Reichssicherheitshauptamt auf dem "Prinz-Albrecht-Gelände". Eine Dokumentation. Berlin, 2002, S. 178–182.

³ В музее ФСБ России есть упоминание агента под условным именем «Валь», который, возможно, также работал в РСХА.

«Леман в годы войны был единственным офицером гестапо, сотрудничавшим с нами», — признавал генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, бывший во время войны начальником разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ. Леман «снабжал нас исключительно важной информацией. Он передавал нам в 1935–1941 годах важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению агентуры в среду русских эмигрантов и в коммунистическое подполье. От Лемана мы также узнали, какие источники польской контрразведки были перевербованы и использовались немцами после разоблачения в 1936 году в Берлине польского резидента Сосновского»¹.

Чрезвычайная информированность Лемана являлась следствием его служебного положения: IV управление (гестапо), возглавляемое группенфюрером СС² Г. Мюллером, занимало одно из главных мест в системе РСХА³. Большая часть документов IV управления, включая ежедневные сводки, печатавшиеся только в двух экземплярах (один — для шефа РСХА группенфюрера СС Р. Гейдриха, другой — для руководящих работников гестапо), проходила через руки Лемана.

То обстоятельство, что в Германии до сих пор очень мало известно о работе Лемана на советскую разведку, связано с тем, что в свое время рейхсфюрер СС Г. Гиммлер⁴ предпринял все меры по сокрытию правды о Лемане: его жизнь и даже смерть были сфальсифицированы.

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 166.

² Звание соответствует армейскому генерал-лейтенанту.

³ После создания 27 сентября 1939 г. РСХА, включавшего, кроме гестапо, службу безопасности СД, уголовную полицию, внешнеполитическую разведку и контрразведку и другие управления, центральный аппарат гестапо состоял из 5 отделов и насчитывал примерно 1500 сотрудников. Отдел “IV-A” — борьба с политическими противниками нацизма и другими оппозиционерами; “IV-B” — надзор за деятельностью религиозных организаций: католиков, протестантов, иудеев, масонов, сектантов, а также оппозиционными проявлениями молодежи; “IV-C” — регистратура, картотека, досье, архив, а также контроль за прессой, слежка и превентивные аресты; “IV-D” — борьба с движением Сопротивления на оккупированных территориях, контроль за национальными меньшинствами, вопросы, связанные с эксплуатацией иностранных рабочих в Германии; “IV-E” — контрразведка и борьба со шпионажем. В 1943 г. был создан отдел “IV-F”, включавший пограничную полицию и бюро паспортов. В 1945 г. законом № 2 Союзного Контрольного Совета в Германии гестапо объявлено вне закона. В 1946 г. Нюрнбергский трибунал признал гестапо преступной организацией. — Zipfel F. Gestapo und Sicherheitsdienst. Berlin, 1960; Aronson S. Reinherd Heydrich und die Frühgeschichte von Gestapo und SD. Stuttgart, 1971; Graf Ch. Politische Polizei zwischen Demokratie und Diktatur: die Entwicklung der preußischen politischen Polizei vom Staatsschutzkorps der Weimarer Republik zur Geheimen Staatspolizei des Dritten Reiches. Berlin, 1983; Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993.

⁴ Звание “рейхсфюрер СС” соответствует генерал-фельдмаршалу. — Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер // Новая и новейшая история. 1991. № 1.

29 января 1943 г. «Бюллетень приказов шефа полиции безопасности и СД» сообщил, что в декабре 1942 г. криминал-инспектор Вилли Леман отдал жизнь за «фюрера и рейх»¹.

Однако Леман не погиб при исполнении служебных обязанностей и даже не скоропостижно скончался во время служебной поездки в Варшаву: «во время приступа сахарной комы выпал из поезда и разбился насмерть»², как было сообщено его коллегам. На самом деле Леман был расстрелян в гестапо³.

Шелленберг, в конце 30-х годов руководивший контрразведкой гестапо (отдел «IV-E1»), писал о Лемане: «В нашем отделе... служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть — лошадиные бега»⁴. Но денег для удовлетворения этой страсти у «дядюшки Вилли» зачастую не было. Однажды некий г-н Мецгер⁵ предложил «дядюшке Вилли» небольшую сумму денег в виде помощи с условием, что он будет получать половину от каждого выигрыша. Но «дядюшка Вилли» проиграл эти деньги. Мецгер потребовал вернуть долг и пригрозил, если не получит своих денег, пожаловаться «вышестоящему начальству»; однако возможен и иной выход: если «дядюшка Вилли» будет сообщать «информацию из центрального управления разведки», то старый долг будет прощен, а Леман получит новую ссуду. «Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного “друга”... Отныне он состоял на службе у русских. В течение нескольких лет его так умело использовали, что со стороны никто не заметил появления у него нового источника доходов... За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы»⁶.

Однако Леман, арестованный своими бывшими коллегами, давал на допросах ложные показания. Он признался в сотрудничестве с совет-

¹ Befehlsblatt des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD, Ausgabe A, 29. Januar 1943.

² Шелленберг В. Мемуары. С. 118.

³ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3: 1933–1941. С. 348; Шелленберг В. Мемуары. С. 118.

⁴ Шелленберг В. Мемуары. С. 117.

⁵ Лемана в 1929 г. завербовали берлинский резидент ИНО ОГПУ Б.Д. Берман и его помощник М.И. Вайнштейн. — Шнейнберг М. Юстаса подвела безответственность Алекса: прототип Штирлица слишком доверял Центру // Независимое военное обозрение. 2003. 18 июля.

⁶ Шелленберг В. Мемуары. С. 117.

ской разведкой с 1936 г., в то время как он был завербован еще в 1929 г.¹ Описание деятельности Лемана, а также обстоятельств его вербовки и разоблачения, в воспоминаниях Шелленберга весьма отличаются от фактических событий и напоминают порой «крутой» детектив. Чего стоит, например, эпизод о том, как Леман передавал советской разведке шпионские сведения при помощи своей шляпы: «Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. “Хозяин” Мецгера, имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер передавались в Москву из дома, расположенного в глубине двора, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию»². Все вышесказанное, очевидно, дает возможность Шелленбергу оценить «Дело дядюшки Вилли» как «типичный образец великолепной работы Советов»³.

Публикации Службы внешней разведки России (СВР)⁴ и новые архивные источники, в частности из Федерального архива ФРГ⁵, позволяют хотя бы в общих чертах рассказать читателям о работе Лемана на советскую разведку, которая длилась почти 13 лет.

Что же известно об этом человеке?

Вилли Леман родился 30 мая 1884 г. в Медеритцше под Лейпцигом в семье учителя гимназии. В 17 лет, после обучения ремеслу столяра-мебельщика, он добровольно пошел служить на кайзеровский военный флот. Обер-фейерверкер⁶ Леман побывал во многих дальних плаваниях, ходил к берегам Африки, был свидетелем русско-японской войны 1904–1905 гг., в частности героической гибели крейсера «Варяг» и морского сражения при Цусиме⁷.

В 1911 г. Леман, прослужив на боевых кораблях 10 лет, ушел в отставку. В том же году он поступил на службу в прусскую полицию.

¹ По версии П.А. Судоплатова, Леман сотрудничал с советской разведкой с 1935 г. // Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 116.

² Шелленберг В. Мемуары. С. 118.

³ Там же.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3: 1933–1944 годы; Т. 4: 1941–1945 годы. М., 1999.

⁵ Bundesarchiv Berlin (далее — BA-Berlin): R58/252; R58/864; R58/3529; R58/3533; R58/4213; ZR 590/3; Karteikarte der Personensuchdatei des Bundesarchives; Berlin Document Center. Parteistatistischer Erhebungsbogen von Willy Lehmann. 01.07.1939.

⁶ Старшина корабельной артиллерии.

⁷ Писатель и историк разведки Т.К. Гладков полагает, что “то, что Леман был свидетелем Цусимского сражения, сыграло ту роль, что он заинтересовался Россией. Он стал таким, ну, нельзя сказать, что патриотом, но, во всяком случае, человеком, глубоко симпатизирующим России”. Из телеинтервью Т.К. Гладкова. См. также: Гладков Т.К. Его Величество Агент. М., 2010.

Вскоре бывший моряк, проявивший способности к полицейской службе, был переведен в контрразведывательный отдел Управления полиции Берлина. В годы Первой мировой войны он участвовал в разоблачении и задержании нелегальных агентов Антанты, проявил мужество, аналитический склад ума и оперативность, за что и был награжден Железным крестом 3-го класса. Леман сделал быструю карьеру в отделе «1-Д» под руководством Рудольфа Дильса и в 1920 г. был назначен референтом и заместителем начальника отдела¹.

Леман бы в курсе всей переписки отдела, распределял дела между сотрудниками, докладывал начальству о результатах их деятельности, проводил еженедельные совещания с младшими чиновниками, лично вел особо важные расследования; он присутствовал на дипломатических приемах с участием иностранных военных атташе, выезжал с ними на маневры и сопровождал их в поездках по Германии, осуществлял негласное наблюдение за контактами этих иностранцев с германскими гражданами. Фактически Леман был тем человеком, через которого проходили важнейшие нити оперативного руководства прусской полицейской контрразведкой. Хотя ответственные решения принимали руководители более высокого ранга, Леман был посвящен в них, так как во многих случаях организовывал их исполнение².

К сотрудничеству с советской разведкой Леман был привлечен немецким осведомителем НКВД, имевшим кодовое обозначение «А/70». Под этим шифром скрывался бывший сотрудник контрразведывательного отдела Управления полиции Берлина криминал-обер-вахмистр Эрнст Кур, уволенный из полиции в 1927 г. за совершение дисциплинарного проступка. Кур, начиная с марта 1929 г., продавал секретную информацию берлинской резидентуре НКВД. Так как доступ Кура к служебным секретам был ограничен, он привлек к сотрудничеству с советской разведкой своего коллегу криминал-ассистента Лемана. С лета 1929 г. Леман начал поставлять информацию советской разведке, в документах которой он стал обозначаться шифром «А/201»³.

Вскоре московский разведцентр понял, что из обоих агентов именно Леман поставляет наиболее ценный материал: «Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где при малейшей неосторожности со стороны А/201 или А/70 может прийти много бед. Счи-

¹ BA-Berlin. Karteikarte der Personensuchdatei des Bundesarchives; Roewer H., Schäfer S., Uhl M. Lexikon der Geheimdienste im 20. Jahrhundert. München, 2003. S. 265.

² Дегтярев К. Указ. соч. С. 92.

³ Мотов В. Агент А/201 “Брайтенбах” // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 2. С. 298.

таем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201»¹.

Резидентура ответила: «Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей»². С этого момента Кур стал лишь контактным лицом, передававшим собранный Леманом материал берлинскому резиденту разведки НКВД Б.М. Гордону.

В 1934 г. в целях обеспечения безопасности «А/201», рассматриваемого советской разведкой в качестве важнейшего источника, руководство Иностранного отдела НКВД (ИНО) приказало прекратить его связь с Москвой через «А/70». Начальник ИНО А.Х. Артузов назначил «оператором» Лемана офицера НКВД В.М. Зарубина, получившего свой первый разведывательный опыт на Дальнем Востоке и в дальнейшем под маской чешского инженера создавшего разведывательную сеть ИНО в Швейцарии, Франции и Италии. Зарубин, свободно говоривший по-английски, по-французски и по-чешски, был человеком в высшей степени интеллигентным и способным интегрироваться в любое общество. После того, как в 1934 г. Зарубин со своей женой Елизаветой, которая говорила по-немецки, был переведен в Берлин в качестве нелегального (работавшего без дипломатического прикрытия) резидента НКВД, супруги Зарубины сразу же установили прямую связь с Леманом. В целях усиления конспирации Леману было дано новое условное имя: источник «А/201» превратился в агента «Брайтенбах». Советская сторона ежемесячно выплачивала ему материальное вознаграждение в 580 рейхсмарок. Тем самым за относительно небольшие деньги разведка НКВД в Германии получила доступ к секретнейшей информации, о которой ранее она могла лишь мечтать³.

Но не следует считать, что Леман работал только за деньги. Советский разведчик Б.Н. Журавлев, лично знавший Лемана, утверждал, что «Брайтенбах» сотрудничал с СССР из-за антифашистских убеждений. «Я и сегодня ни минуты не сомневаюсь, что “Брайтенбах” работал исключительно на идейной основе. Хоть и кадровый полицейский, он был

¹ Шифротелеграмма начальника ИНО ОГПУ М.А. Трилиссера руководителю легальной резидентуры в Берлине Б.Д. Берману, 7 сентября 1929. Документ находится в архиве СВР в Москве. Это самый ранний источник, свидетельствующий о разведывательной деятельности Лемана в пользу СССР. Цит. по: Пешерский В.Л. Штирлиц служил под началом... Мюллера // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 25; см. также: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 340–341.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 341.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 342; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. М., 2001. С. 453; Прохоров Д.П. Разведка от Сталина до Путина. СПб., 2004. С. 38.

антинацистом. Возможно, даже именно поэтому. Тем более что, очутившись в гестапо, видел изнутри, насколько преступен гитлеровский режим, какие несчастья он несет немецкому народу», — сказал Журавлев в интервью Т.К. Гладкову. «Да, я иногда передавал ему деньги, поверьте, то были очень скромные суммы, на которые не разгуляешься. Их надо считать не платой за информацию, а лишь своеобразным пособием для приличного существования. К слову сказать, он куда больше радовался продовольственным карточкам, которыми я его снабжал... Когда вы встречаетесь с человеком, разговариваете с ним, и не только о делах, вы начинаете ощущать, чем он дышит... Я никогда не забуду отчаяния в его глазах при нашей последней встрече за три дня до начала войны. Это были страдающие глаза моего собрата и соратника по борьбе с нацизмом, а не глаза платного информатора. Я и обратился к нему не по псевдониму, а “геноссе” — товарищ», — вспоминал Журавлев¹.

Об антинацистских взглядах Лемана свидетельствует такое его высказывание: когда в мае 1941 г. «заместитель фюрера по партии и его полномочный представитель» Р. Гесс перелетел в Англию и был в Германии официально объявлен сумасшедшим, Леман сказал: «Ну вот, теперь ясно, кто стоит у власти. Все над нами смеются»².

Однако сотрудничество Лемана с Москвой началось еще до прихода нацистов к власти, во времена демократической Веймарской республики. Особенной удачей для советской разведки было то обстоятельство, что с весны 1930 г. Леман в Управлении полиции Берлина отвечал за контрразведывательное обеспечение полпредства СССР. Таким образом, через Лемана НКВД получил доступ к многочисленным ценным документам. Агент «Брайтенбах» поставлял Зарубину такие секретные материалы, как: «Вопросы русского шпионажа», «Разведшкола в Минске», «КПП и государственная измена», «Советское посольство в Германии». Зарубин сразу же передавал полученные от Лемана сведения в Москву³.

Начиная с 1932 г. наряду с текущими данными берлинской полиции по контрразведке советская внешняя разведка стала получать от «Брайтенбаха» многочисленные сведения о польских шпионских организациях: в этом году Леман был назначен руководителем польского направления контрразведки. В ноябре 1932 г. «Брайтенбаху» удалось передать советским «кураторам» весь комплект польских дел, которыми располагала германская контрразведка.

Когда в апреле 1933 г. была создана тайная государственная полиция, отдел контрразведки вошел в эту структуру. Леман, получивший

¹ Цит. по: Гладков Т.К. Коротков. М., 2005. С. 164–165

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 347.

³ Ставинский Э. Наш человек в гестапо: кто вы, господин Штирлиц. М., 2002. С. 49.

чин криминал-секретаря, возглавил в гестапо группу «Борьбы с коммунистическим шпионажем». В марте 1933 г. Леман посетил берлинскую тюрьму Моабит, где содержался вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман и сообщил советской стороне об условиях его содержания¹. «Брайтенбах» также передал советской разведке список лиц, подлежащих аресту гестапо или высылке, что помогло спасти некоторых из них.

В своем отделе «Брайтенбаху» удалось похитить компрометирующий Москву материал о разведывательных операциях СССР в Германии и их поддержке немецкими коммунистическими группами². Провалом мероприятий абвера и гестапо, направленных против советской разведки в «третьем рейхе», НКВД было обязано Леману.

Даже с помощью перевербованных агентов Коминтерна германским контрразведчикам не удалось достичь заметных результатов в борьбе с советским шпионажем. Среди арестованных в Германии с 1930 по 1941 г. советских разведчиков были почти исключительно агенты Коминтерна. Ликвидация этой густой, но мало эффективной разведывательной сети не привела гестапо и абвер к победе над советской разведкой: сеть Коминтерна в основном служила лишь для поддержки и прикрытия более ценной агентуры — ИНО и Разведупра Красной Армии³.

На основе информации «Брайтенбаха» в 1934 г. удалось, например, предотвратить готовившийся гестапо арест нелегала ИНО Арнольда Дойча (псевдоним Стефан Ланг). Дойч, который благодаря «Брайтенбаху» остался нераскрытым и выехал в Великобританию, создал там одну из самых успешных советских разведгрупп — «кембриджскую пятерку», куда входили Ким Филби, Энтони Блант, Гай Берджесс, Джон Керн-кросс и Дональд Маклин⁴.

Среди переданных Леманом советской разведке материалов были многочисленные документы о структуре и характере работы гестапо и абвера, а также обширные досье на руководителей этих шпионских организаций. Ценнейшие данные содержали добытые «Брайтенбахом» шифротелеграммы: советским специалистам по дешифровке удалось взломать германские секретные коды и прочитать их.

¹ См.: Рыкин В.С., Хавкин Б.Л. Письма Эрнста Тельмана Сталину и Молотову 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 6.

² BA-Berlin. R58/864. Namensverzeichnis der bei der Gestapo beschäftigten männlichen Personen. 25.06.1935. S. 15; Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля: Волленберг, Артузов и другие. М., 2001. С. 35.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 209.

⁴ Пронин А. Агент А-201 // Родина. 2000. № 12. С. 58; Roewer H. Skrupellos: die Machenschaften der Geheimdienste in Deutschland und Russland, 1914–1941. Leipzig, 2004. S. 425.

В гестапо Леман был вне подозрений: 20 апреля 1934 г., в день рождения Гитлера, он был принят в СС и даже вступил добровольцем в 44-й берлинский штурмовой отряд СС. Летом 1934 г. «Брайтенбах» сообщил НКВД подробности «путча Рема». На основе этой информации нарком внутренних дел Г.Г. Ягода разработал для Сталина подробный доклад о «ночи длинных ножей»¹. 30 июня 1934 г. в канун «ночи длинных ножей» министр внутренних дел и глава полиции Пруссии Г. Геринг пригласил Лемана среди других полицейских чинов на открытие своей загородной виллы, откуда Геринг и руководил действиями эсесовцев в Берлине².

В 1934 г. Леман был переведен в отдел «III-F» управления гестапо Берлина. Под руководством Гюнтера Патшовского Леман в ранге окружного криминал-секретаря отвечал за обеспечение защиты военных предприятий от иностранного шпионажа. Таким образом, в распоряжение советской разведки попали обширные материалы по германской военной промышленности.

1935 г. «Брайтенбах» в силу своего служебного положения получил доступ к информации о сверхсекретной германской программе ракетостроения, которой руководил Вернер фон Браун. В конце 1935 г. Леман принимал участие в испытаниях 1,5-тонного жидкостного двигателя для ракеты «А-3» на полигоне Куммерсдорф в 40 км юго-западнее Берлина. В докладе объемом в шесть страниц Леман, в частности, писал: «В лесу, в отдаленном месте стрельбища, устроены постоянные стенды для испытания ракет, действующих при помощи жидкости. От этих новшеств имеется немало жертв. На днях погибли трое»³. Доклад «Брайтенбаха» об этом испытании Зарубин немедленно передал в Москву начальнику ИНО А.А. Слуцкому.

17 декабря 1935 г. доклад Лемана был направлен генсеку И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову, а 26 января 1936 г. — замнаркома обороны М.Н. Тухачевскому. Начальник Разведупра Красной Армии С.П. Урицкий, которому эти сведения были посланы строго для личного ознакомления, возвращая документ, приложил к нему вопросник на трех листах. В пункте первом вопросника говорилось: «Ракеты и реактивные снаряды, а) Где работает инженер Браун? Над чем он работает? Нет ли возможностей проникнуть к нему в лабораторию? б) Нет ли возможностей связаться с другими работниками в этой области?»⁴.

¹ Известна реакция Сталина на этот доклад: «Молодец этот Гитлер! Вот как следует поступать с политическими врагами!» // Гладков Т.К. Указ. соч. С. 170.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 342.

³ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М., 2002. С. 229.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 344; Uhl M. *Stalins V-2: der Transfer der deutschen Raketentechnik in die UdSSR und der Aufbau der sowjetischen Raketenindustrie 1945–1959*. Bonn, 2001. S. 32.

На эти вопросы «Брайтенбах» дал ответы. В мае 1936 г. он сообщил дислокацию пяти секретных полигонов для испытания новых видов оружия, в том числе особо охраняемого в лагере Дебериц близ Берлина. В июне 1936 г. от «Брайтенбаха» поступило подробное описание системы мощных укреплений, сооружаемой вдоль польско-германской границы и включавшей обширную зону затопления¹.

В том же году руководству СССР были направлены новые сообщения «Брайтенбаха», который докладывал о создании фирмой «Хорх» бронетранспортера; о новом цельнометаллическом бомбардировщике фирмы «Хейнкель»; о новом цельнометаллическом истребителе; о специальной броне, предохраняющей самолет от пуль и осколков снарядов; об огнеметном танке, о зажигательной жидкости. Леман также информировал советскую разведку о том, что на 18 судовых верфях Германии начато строительство подводных лодок, предназначенных для операций на Балтике и на Северном море².

Даже когда 1 января 1936 г. новым начальником административно-правового управления СД стал Вернер Бест³, Леман, который перешел в отдел «III-D» — «Контрразведывательные операции и прочие вопросы контрразведывательного характера в отношении противника: Советский Союз», возглавляемый криминальным комиссаром Артуром Феннером⁴, продолжал свою разведывательную работу в пользу НКВД.

Поток поступавшей от «Брайтенбаха» информации заstopорился лишь в 1936 г., когда в гестапо поступил донос, согласно которому Леман якобы на рубеже 1920–30-х гг. придерживался антифашистских убеждений. Было проведено служебное расследование, ознакомившись с результатами которого Мюллер вынес вердикт: прекратить дело «за недоказанностью вины». Однако через несколько недель произошел трагикомический случай. Арестованная гестапо некая фрау Дильтей заявила, что советское торгпредство имеет в гестапо своего человека и его фамилия Леман. За «дядюшкой Вилли» в одну из суббот велось наружное наблюдение, о чем ему доверительно сообщил сослуживец — участник операции. Как рассказал впоследствии Леману Феннер, Дильтей сожительствовала с сотрудником гестапо — однофамильцем Лемана. Но тот изменил своей любовнице, которая из чувства мести и сделала ложный донос в полицию⁵. Подозрения с «дядюшки Вилли» были сняты.

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 344.

² Там же.

³ Topographie des Terrors. S. 74.

⁴ BA-Berlin. R58/252. Bl. 13. Stellenverteilungsplan des Geheimen Staatspolizeiamts. 01.01.1938.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 345.

В центральном аппарате гестапо работали, по меньшей мере, семь человек с фамилией Леман, из них трое — по имени Вилли. Один из них был в 1941 г. начальником группы отдела “IV-A” в ранге оберштурмбанфюрера СС (подполковника), другой в звании гауптштурмфюрера СС (капитана) служил в отделе “IV-B2”. С последним в исторической литературе часто путают Вилли Лемана — «Брайтенбаха»¹, который имел лишь эсесовский чин унтерштурмфюрера, что соответствует общевойсковому званию лейтенанта².

Чтобы окончательно рассеять все подозрения, «дядюшка Вилли» 1 мая 1937 г. вступил в НСДАП, получив членский номер 5 920 162³.

После этого «Брайтенбах» продолжил свою разведывательную работу в пользу СССР. Особую ценность для Москвы имели секретные материалы о новых вооружениях вермахта: танках, боевых самолетах, подводных лодках и даже о химическом оружии.

Леман сообщил об особых мерах режима секретности, введенных гестапо для охраны государственной тайны в области разработки и производства новых видов вооружений. Однако эти меры не помешали ему продолжать добывать секретную информацию о военном потенциале Германии. От Лемана советская разведка узнала, что в Наундорфе (Силезия) на заводе фирмы «Браваг» под личным наблюдением Геринга проводятся секретные опыты по изготовлению бензина из бурого угля. Эта информация указывала на то, что, готовясь к войне, Германия искала заменитель нефти, которой ей остро не хватало. В ноябре 1936 г. Леман сообщил о каналах переброски немецкого вооружения в Испанию для Франко. В феврале 1937 г. он передал информацию о строительстве нового секретного завода по производству боевых отравляющих веществ⁴.

Эти и другие сообщения «Брайтенбаха» о германских вооруженных силах, их структуре, личном составе, оснащении и вооружении разведка НКВД получала с начала 1935 г. в рамках операции «Шлем». Леман снял копию с секретной инструкции, в которой перечислялись 14 видов новейшего вооружения, разрабатываемого для вермахта⁵. В 1937 г. Леман даже передал Зарубину экземпляр доклада «Об организации нацио-

¹ Шнейнберг М. Указ. соч.; Пронин А. Как Москва “Штирлица” провалила // Аргументы и факты. Долгожитель. 2003. 10 октября; Соколов Б.В. Указ. соч. С. 73; Гладков Т.К. Указ. соч. С. 163

² BA-Berlin. ZR 590/3. Bl. 17a. Angehörige der Geheimen Staatspolizei. Staatspolizeileitstelle Berlin, o.Datum; Там же. R58/4213. Dienstaltersliste SS. 01.12.1938.

³ BA-Berlin. Berlin Document Center. Parteistatischer Erhebungsbogen von Willy Lehmann, 01.07.1939; Ставинский Э. Указ. соч. С. 213–216.

⁴ Очерки истории внешней разведки. Т. 3. С. 344–345.

⁵ Дегтярев К. Указ. соч. С. 102.

нальной обороны Германии», имевшего гриф «Особой важности, только для высшего руководства»¹.

Сталинские «чистки» негативно сказались на деятельности Лемана. Зарубин, единственный кадровый советский разведчик в Берлине, который лично знал «Брайтенбаха», был в начале 1937 г. отозван в Москву, где был обвинен в сотрудничестве с гестапо и едва избежал расстрела. В итоге Зарубин был разжалован и назначен на незначительную должность в центральном аппарате разведки. Связь с Леманом теперь поддерживала «Клеменс». Под этим псевдонимом скрывалась некая американка, имя которой до сих пор не известно историкам. По профессии она была фотограф. В ее квартире производилась пересъемка разведывательного материала, добытого Леманом. Затем пленку забирал шеф легальной резидентуры НКВД в Германии Александр Агаянц, который и переправлял ее в Москву. Но, так как ни «Клеменс», ни Агаянц не владели немецким языком в той мере, которая была необходима для квалифицированной постановки перед Леманом разведывательных задач, качество поставляемой «Брайтенбахом» информации заметно снизилось.

После того, как в декабре 1938 г. Агаянц скоропостижно скончался в берлинский клинике Шарите во время хирургической операции, контакт советских спецслужб с «Брайтенбахом» полностью прекратился. Леман, крайне обеспокоенный создавшейся ситуацией, писал: «Как раз когда я мог бы заключать хорошие сделки, тамошняя фирма совершенно непонятным для меня образом перестала интересоваться деловой связью со мной»². К этому времени материалы «Брайтенбаха» и переданные им советской разведке секретные документы составляли, по меньшей мере, 14 томов³.

Советской внешней разведке, серьезно ослабленной сталинскими репрессиями (из 450 сотрудников ИНО, включая и загранаппарат, в 1937–1938 гг. были репрессированы 275)⁴, в 1939 г. не удалось восста-

¹ Мотов В. Указ. соч. С. 304–306; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. С. 453.

² Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. С. 231.

³ Соколов Б.В. Указ. соч. С. 72; Гладков Т.К. Тайны спецслужб III рейха. М., 2004. С. 176–177.

⁴ «К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры. В ‘легальных’ оставалось по 1–2 человека, причем это были, как правило, молодые и неопытные сотрудники. Почти все резиденты были отозваны и репрессированы. Из-за потерь в 1938 году в течение 127 дней подряд внешняя разведка не поставляла руководству страны никакой информации. С 1936 по 1939 год сменилось пять начальников разведки. Были репрессированы А.Х. Артузов, возглавлявший разведку с августа 1931 года по май 1935 года, С.М. Шпигельглас, З.И. Пассов. От сердечного приступа в 1938 году в своем кабинете скоропостижно скончался А.А. Слуцкий. Не знавший основ внешней разведки В.Г. Деканозов в 1938–1939 году несколько месяцев руково-

новить связь с «Брайтенбахом». В конце июня 1940 г. Леман был вынужден совершить крайне рискованный шаг. Он опустил в почтовый ящик советского полпредства в Берлине адресованное военному атташе письмо, в котором просил возобновить с ним контакт. «В ином случае продолжение моей работы в гестапо становится бессмысленным», — писал он¹.

Таким образом, Леман восстановил разорванную связь, «прекрасно сознавая, что в случае разоблачения ему грозит не увольнение со службы, не тюрьма, а мучительные пытки в подвалах своего ведомства и неминуемая казнь. Такой судьбой никого ни за какие деньги не соблазнишь. К тому же Леман был человеком в годах, без юношеской экзальтации и романтизма, он все прекрасно понимал и шел на смертельный риск совершенно осознанно»².

НКВД незамедлительно направил в Берлин опытного разведчика Александра Короткова, действовавшего под именем 3-го секретаря советского посольства Александра Эрдберга. Коротков не только восстановил с прерванный контакт с Леманом, но и стал «оператором» берлинской группы «Красной капеллы», возглавляемой Харро Шульце-Бойзенем и Арвидом Харнаком.

9 сентября 1940 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия лично направил Короткову указания о направлениях работы с Леманом: «Никаких специальных заданий Брайтенбаху давать не следует, а нужно брать пока всё, что находится в непосредственных его возможностях и, кроме того, то, что будет знать о работе разных разведок против СССР, в виде документов, не подлежащих возврату, и личных докладов источника»³.

Сначала «Брайтенбах» поставлял материал о созданном в 1939 г. РСХА. Как сотрудник регистратуры отдела «IV-E1», занимавшегося общими вопросами контрразведки, Леман обеспечивал советские спецслужбы внутренней информацией, исходившей из аппарата органов безопасности рейха. Например, 10 июня 1941 г. на стол Берии лег добытый Леманом доклад «О советской подрывной деятельности против Германии», который несколькими днями ранее шеф СД Гейдрих представил Гитлеру. Из этого документа следовало, что германская контрразведка

дил ею, но с задачей не справился и был отправлен полпредом в Берлин” // Гуськов С. Но разведка доложила точно... // Красная звезда. 2001. 21 июня; Безродный А. Верны ли показания Ежова? // Военно-промышленный курьер. 2006. № 7.

¹ Мотов В. Указ. соч. С. 314. Приведенный здесь немецкий перевод информации берлинской резидентуры, направленной в Москву, содержит ошибки.

² Из интервью Б.Н. Журавлева Т.К. Гладкову. Цит. по: Гладков Т.К. Указ. соч. С. 164–165.

³ Цит. по: Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. С. 232–233.

не имела подробного представления о советских разведывательных операциях в рейхе¹.

То, что германская контрразведка на самом деле мало знала о деятельности советской разведки, свидетельствовал тот факт, что «дядюшка Вилли» не только оставался вне подозрений, но и был на хорошем счету у начальства. Когда четверем офицерам РСХА, которые были признаны лучшими сотрудниками этого учреждения, были вручены портреты фюрера с его автографом и почетные грамоты, среди награжденных был Вилли Леман².

Леман регулярно снабжал Короткова, а с начала 1941 г. своего нового «оператора» Журавлева, материалами о предстоящем нападении Германии на СССР. Аналогичные сообщения поступали в Москву и из других источников, в частности от «Красной капеллы»³. 15 марта 1941 г. берлинской резидентуре НКГБ было поручено проверить через «Брайтенбаха» информацию «Корсиканца» о подготовке германского нападения на СССР⁴. Информация подтвердилась. «Брайтенбах» передал, что в абвере в срочном порядке укрепляют подразделение для работы против России, а в госаппарате проводятся мобилизационные мероприятия. Но Москва придавала мало значения этим сообщениям.

В конце концов, 19 июня 1941 г. «Брайтенбах» вопреки всем правилам конспирации позвонил по телефону прямо в советское полпредство и потребовал немедленной встречи с Журавлевым. Вечером 19 июня на окраине Берлина состоялась встреча Журавлева с Леманом, ставшая последней. Леман сообщил, что германское нападение на СССР начнется 22 июня 1941 г. в 3 часа утра⁵. В тот же вечер эта важнейшая информация телеграфом через полпреда В.Г. Деканозова, что обеспечивало ее срочное прохождение, была передана в Москву⁶.

Но предупреждение «Брайтенбаха», как и другие аналогичные сигналы, не произвело впечатления на Сталина, считавшего, что летом 1941 г. Германия на СССР не нападет, а информация о подготовке этого нападения является возможной провокацией⁷.

¹ BA-Berlin. R58/3533. Bl. 97. Gliederung des Reichssicherheitshauptamtes, o. Datum; Там же. R58/3529. Bl. 97. Mitarbeiterverzeichnis des RSHA-Referates IVE 1, o. Datum (1941); Мотов В. Кодовый номер А/201 // Новости разведки и контрразведки. 2003. № 21–22. С. 15.

² Шнейнберг М. Указ. соч.

³ Секреты Гитлера на столе у Сталина. С. 93, 155–156, 161–163.

⁴ Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen Nationalsozialismus. Berlin, 1994. S. 121.

⁵ Лебедев А. Из последних сил // Известия. 2001. 22 июня; Разведка и контрразведка в лицах: энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002. С. 283.

⁶ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 348.

⁷ Пещерский В.Л. «Красная капелла»: советская разведка против абвера и гестапо. С. 71–73; Murphy D. What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. New Haven, 2005. P. 208.

Утром 22 июня 1941 г. войска охранного батальона СС оцепили здание советского полпредства на улице Унтер-ден-Линден в Берлине. Контакты советской разведки с «Брайтенбахом» прекратилась окончательно. Все попытки восстановить с ним связь потерпели неудачу и, в конце концов, привели к аресту Лемана¹.

В ночь с 4 на 5 августа 1942 г. под Брянском в районе действий партизан с борта советского дальнего бомбардировщика совершили прыжки с парашютами немецкие антифашисты — бывшие солдаты вермахта, перешедшие на сторону Красной Армии, «Франц» (Альберт Хёсслер) и «Бек» (Роберт Барт)², оснащенные радиопередатчиками дальнего радиуса действия, батареями, шифровальными блокнотами. Они должны были под видом немецких солдат-отпускников через Белоруссию и Польшу проникнуть в Германию и выполнить ответственное спецзадание³. Барт направлялся на связь с «Брайтенбахом»; план-задание для «Бека» было утверждено лично Берией⁴.

В десятых числах августа 1942 г. Барт и Хёсслер благополучно прибыли в Берлин. Но вскоре последовал провал: они были выслежены гестапо. Тайная полиция брала на учет всех пропавших без вести солдат и дезертиров, контролировала места их возможного появления в Германии. К тому же, «немцы уже держали под наблюдением группу, на связь с которой они были посланы»⁵. Группой, на связь с которой направлялся Хёсслер, была «Красная капелла». В конце сентября 1942 г. Хёсслер был арестован.

9 октября 1942 г., после того, как он передал в Москву три радиogramмы подряд, в руки гестапо попал Барт. Он был арестован у постели больной жены, предусмотрительно помещенной в частную клинику, сотрудники которой были осведомителями гестапо⁶.

Если Хёсслер отверг любое сотрудничество с германской контрразведкой, то Барта ей удалось «перевербовать». Эксперт РСХА Томас Амплетцер использовал Барта в радиоиграх против Москвы. Однако Барт 14 октября 1942 г. передал в Центр условный знак, означавший, что

¹ Пещерский В.Л. «Красная капелла»: советская разведка против абвера и гестапо, С. 71–73; Lukacs J. June 1941: Hitler and Stalin. New Haven, 2006. S. 75–82.

² Роберт Барт, 1910 г. рождения, берлинец, происходил из рабочей семьи, по профессии печатник. С 1929 г. состоял в КПГ, подвергался гонениям. В 1939 г. призван в вермахт, 2 марта 1942 г. сдался в плен под Харьковом. — Griebel R., Coburger M., Scheell H. Erfasst?: das Gestapo-Album zur Roten Kapelle. Rendsburg, 1992. S. 208–209.

³ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. М., 2000. Кн. 1. С. 346–350.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 135.

⁵ Там же. С. 136; Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 116.

⁶ Griebel R., Coburger M., Scheell H. Erfasst?... S. 208–209; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 136.

он работает под контролем противника. Согласно российской версии, «Центр по техническим причинам не смог его принять, и работа с агентом велась так, как если бы “Бек” находится на свободе»¹.

В конце октября 1942 г. руководство советской внешней разведки обратилось в центр радиосвязи за разъяснениями. Радиоцентр ответил, что «радиосвязь с корреспондентом 4-24 (“Бек”) проходила чрезвычайно напряженно по причине слабой его слышимости и плохой работе на ключе, вследствие чего прием каждой группы цифр радиограммы производился по нескольку раз. Установить точно, давал ли корреспондент повторения групп в смысле его работы под диктовку или же по причине плохого радиоприема невозможно»².

Анализ этого случая, проведенный в начале 1943 г., показал, что Барт 14 октября 1942 г. «работал в эфире неуверенно, не объявлял группы зашифрованного текста при их повторении и давал другие группы знаков. Можно предположить, что он таким образом предупреждал Центр, как было условлено, о том, что работал на радиции под контролем германской контрразведки»³. Однако сотрудники радиоцентра не обратили внимания на сигнал Барта. На запрос внешней разведки они дали ответ, что, по их мнению, сигнал тревоги, поданный корреспондентом, «неудачен», особенно в виду слабой его слышимости. Вместе с тем «неизвестно, предупредила ли внешняя разведка радиоцентр о том, чтобы он фиксировал случаи поступления радиограмм с какими-либо отклонениями от принятых параметров»⁴.

В итоге оплошность и бюрократическая неразбериха в Центре стоила жизни и Леману и Барту. Центр, полагая, что операция идет по плану, 4 декабря 1942 г. радировал «Беку» пароль для встречи с «Брайтенбахом», а также его адрес и номер телефона.

11 декабря 1942 г. в Москве получили радиограмму «Бека» о том, что он якобы разговаривал с «Брайтенбахом» по телефону, обменялся с ним паролями, но на следующий день тот на встречу не явился. При повторном звонке к телефону подошла жена, сказавшая, что мужа нет дома⁵.

После окончания войны «Бек» был арестован англичанами, передан Советскому Союзу и доставлен в Москву. В ноябре 1945 г. Особое совещание приговорило его к расстрелу⁶. В справке для Особого совещания

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 348.

² Архив СВР. Обзор. Спецномер 298. Л. 29. Цит. по: Пешерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной капеллы” // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 179.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 136.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 3. С. 348.

⁶ Архив СВР. Обзор. Спецномер 298. Л. 74. Цит. по: Пешерский В.Л. Неразгаданные тайны “Красной капеллы” // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 179.

из его личного дела сказано, что он «по заданию гестапо с 14.10.42 г. по 12.04.44 г. поддерживал связь с Москвой по радио, передавая сообщения под диктовку сотрудников гестапо, в результате чего в декабре 1942 года был арестован и расстрелян агент органов НКГБ 201-й, т.е. «Брайтенбах»»¹.

Утром 11 декабря 1942 г. квартирный телефон Лемана № 44-36-42 зазвонил. Леман снял трубку. Незнакомый ему голос на другом конце провода назвал пароль и назначил встречу. Когда через несколько минут Леман вышел из своей квартиры по Принцлауэр-аллее 137, он был арестован². После допросов, которыми руководил лично шеф гестапо Мюллер, «Брайтенбах» в конце декабря 1942 г. был расстрелян.

В октябре 1969 г. Президиум Верховного Совета СССР за вклад в борьбу против фашизма наградил военными орденами группу участников немецкого Сопротивления³. На состоявшейся в декабре 1969 г. в столице ГДР церемонии вручения «высоких советских боевых наград родственникам погибших в гитлеровских застенках героев-антифашистов» присутствовала и вдова Лемана. «Имена благородных и храбрых борцов немецкого антифашистского Сопротивления навечно останутся в памяти не только немецкого народа, но и народов Советского Союза и всего свободолюбивого человечества», — торжественно произнес советский посол в ГДР П.А. Абрахимов⁴.

Но советского боевого ордена Вилли Леман не удостоился. Марте Леман был вручен ценный подарок — золотые часы с надписью: «На память от советских друзей»⁵. До декабря 1969 г. Марта Леман ничего не знала о том, что ее муж был советским разведчиком.

4.2. Немецкий антифашист Рудольф Рёсслер

Немецкий журналист и издатель, эмигрировавший в 1934 г. в Швейцарию и ставший разведчиком-антифашистом, Рудольф Рёсслер — он же «Люци», таинственный человек из Люцерна, занимает особое место в истории Сопротивления немцев диктатуре Гитлера. Германские источники чрезвычайно ценной разведывательной информации Рёсслера остаются нераскрытыми до сих пор; неизвестен и способ передачи сведений для «Люци», которые весьма оперативно поступали из Германии в Швейцарию.

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 348–349.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 134–136; Sudholt G. Das Geheimnis der Roten Kapelle. Leoni, 1978. S. 136.

³ Правда. 1969. 7 октября.

⁴ Neues Deutschland. 1969. 28 декабря.

⁵ Пронин А. Штирлица провалила Москва // Труд. 1999. 16 марта.

Резидент советской военной разведки в Швейцарии Шандор Радо («Дора»), который, впрочем, никогда лично не встречался со своим лучшим агентом, считал, что «разведывательная деятельность Рёсслера-Люци и его единомышленников должна оцениваться только однозначно: все они были истинными патриотами, стойкими борцами против черных сил фашизма и войны. Они желали видеть свою Германию не очагом дикого мракобесия и кровавых распрей, а страной свободы и прогресса, живущей в мире с другими народами»¹.

О Рёсслере на Западе вышли десятки книг; одна из них называлась так: «Человек, который выиграл Вторую мировую войну». Британский разведчик Л. Фараго считал Рёсслера лучшим советским агентом в Европе. Американский исследователь Буранелли называл его «важнейшим источником информации о германском вермахте»².

Высокую оценку Рёсслеру давал Аллен Даллес, руководитель действовавшей во время Второй мировой войны в Швейцарии резидентуры Управления стратегических служб США: «Если бы у меня была пара таких агентов (как Рёсслер. — Б.Х.), я бы мог ни о чём не беспокоиться». В книге «Искусство разведки» Даллес писал: «К концу 1942 года... советская разведка обзавелась новым фантастически эффективным агентом-информатором, обосновавшимся в Швейцарии. Этим человеком был некто Рудольф Рёсслер (зашифрованный под псевдонимом “Люци”). Через каналы, не выясненные до настоящего времени, Рёсслер, находясь в Швейцарии, умудрялся систематически получать разведывательную информацию из штаб-квартиры немецкого верховного командования в Берлине, причем зачастую ежедневные распоряжения немецкой ставки, касающиеся военных действий на Восточном фронте, поступали к Рёсслеру менее чем через 24 часа»³.

Радист резидентуры Александр Фут рассказывал о Рёсслере: «“Люци”... держал в своих руках нити, которые тянулись в Германию — во все три главных штаба немецких вооруженных сил, а также могли обеспечить — и обеспечивали — получение информации из других нацистских учреждений... Каждый, кто участвовал в руководстве боевыми операциями на уровне генерального штаба, поймет, чего стоит возможность точно нанести на карту флажки, положение войск противника и, следовательно, соответствующим образом планировать диспозицию собственных сил... “Люци” часто предоставлял Москве такую возможность и внес неоценимый вклад в выработку стратегии Красной Армии и в окончательный разгром вермахта»⁴.

¹ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1988. С. 161.

² Цит. по: Дамаскин И.А. 100 великих разведчиков. М., 2007. С. 238.

³ Даллес А. Искусство разведки. М., 1992. С. 210–211.

⁴ Foote A. Handbook for Spies. London, 1949. P. 75.

Внешне «Люци» не подходил под созданный авторами шпионских романов и детективных фильмов стереотип разведчика. «Рёсслер походил скорее на витающего в облаках литератора, а не на холодного расчетливого агента. Он был и до сих пор остается для меня самой большой психологической загадкой. Как этот человек попал в разведку?.. Он был типичным немецким мечтателем», — писал историк и бывший офицер отдела пропаганды Верховного командования вермахта Вильгельм фон Шрамм, знавший Рёсслера с 20-х годов¹.

Ханс Хауземан из Санкт-Галлена, во время войны возглавлявший секретный филиал швейцарской разведки «Бюро Ха», полагал, что «Рёсслер не соответствовал типичным представлениям о шпионе... Было бы совершенно неверно сравнивать Рёсслера с Зорге (речь идет о легендарном советском разведчике Рихарде Зорге. — Б.Х.)»².

Российский писатель и историк разведки Т.К. Гладков писал: «Будучи активным борцом с германским нацизмом, Рёсслер стал уникальным разведчиком-одиночкой, работавшим не на какую-то конкретную страну, а на любую, которая, по его представлениям, всегда трезвым и обоснованным, могла стать жертвой агрессии или находилась в состоянии войны с Третьим рейхом. Второго такого примера история мировой разведки не знает»³.

Но был ли «Люци» таким уж асом разведки, как, например, Зорге?

Историк из ФРГ Хельмут Рёвер в новой книге «Красный оркестр и другие мифы секретных служб. Германский и советский шпионаж во Второй мировой войне, 1941–1945» утверждает, что оперативные сообщения «Люци», касавшихся России, были в своей массе неверны. Швейцарская разведка подсовывала Рёсслеру дезинформацию; остальное он выдумывал сам. Он умело связывал действительно поступающую информацию с сообщениями из газет. Рёсслер был беден и его разные хозяева, которые постоянно требовали от него новых сведений, платили бедному эмигранту высокие гонорары за работу. Вот это и есть, по мнению Рёвера, отрезвляющая правда о самой успешной агентурной сети Второй мировой войны⁴.

Рёверу вторит российский историк Б.В. Соколов, который отмечает, что нет ясных ответов на вопросы «кто были эти люди, как сложилась

¹ Schramm W. Verrat im Zweiten Weltkrieg: vom Kampf der Geheimdienste in Europa. Düsseldorf, 1967.

² Zehn kleine Negerlein // Der Spiegel. 1967. № 4.

³ Гладков Т.К. Тайны спецслужб III рейха [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: http://historylib.org/historybooks/Teodor-Kirillovich-Gladkov_Tayny-spetssluzhzb-III-Reykha--Informatsiya-k-razmyshleniyu/24 [дата обращения 29.03.2015]

⁴ Roewer H. Die Rote Kapelle und andere Geheimdienstmythen: Spionage zwischen Deutschland und Russland im Zweiten Weltkrieg 1941–1945. Graz, 2010.

и действовала их антинацистская организация, каким путем сведения из Берлина попадали к Рёсслеру». Соколов считает, что «Люци» был «двойным немецким агентом и вступил в контакт с швейцарской, советской, британской и американской разведками под контролем абвера, гестапо или службы Шелленберга»¹.

Таким образом, крайняя противоречивость точек зрения и оценок, данных «Люци» бывшими разведчиками и историками, делает его жизнь и деятельность еще более загадочной.

После Второй мировой войны о Рёсслере рассказывали самые диковинные истории. Например, что Рёсслер якобы был бывшим офицером австро-венгерского Генштаба родом из Богемии. Он якобы был знаком с Радо еще со времен Венгерской советской республики 1919 г.

Если поискать корни этой версии, которую сообщил публике немецкий журнал «Шпигель»², мы наткнемся на так называемые «международные разведывательные круги», точнее, на генерала Рейнхарда Гелена, бывшего главу отдела «Иностранные армии Востока» Генштаба Верховного командования сухопутных сил, а в ФРГ — руководителя Федеральной службы разведки (БНД).

Рёсслер родился 22 ноября 1897 г. в городе Кауфбойрен, Германская империя, в семье чиновника лесного ведомства. Окончил народную школу и в 1916 г. гимназию в Аугсбурге, Бавария. Солдатом-добровольцем ушел на Первую мировую войну.

После войны Рёсслер активно занимался журналистикой и издательской деятельностью. Среди его друзей были известные литераторы, в частности, писатель Томас Манн. В отличие от многих разочарованных и озлобленных поражением в Первой мировой войне ветеранов, Рёсслер никогда не разделял нацистских взглядов; он активно выступал против нацизма в газетах «Мюнхен-Аугсбургер-Абендцайтунг» и «Альгеймайне Цайтунг». В 1922 г. Рёсслер основал Аугсбургское литературное общество, с 1925 г. редактировал журнал «Форм унд Зинн» («Форма и содержание»), с 1929 г. руководил «Бюнефольксбундом» — Народным театральным союзом в Берлине и издавал журнал «Национальный театр».

После прихода Гитлера к власти профессиональная деятельность для Рёсслера в Германии стала невозможна. В 1934 г. Рёсслер, человек христианско-консервативных взглядов, немецкий националист и в то же время идейный противник нацизма, покинул родину и вместе с женой Ольгой Хофман поселился в нейтральной Швейцарии. В Люцерне он основал и возглавил литературное издательство «Вита Нова». Он издавал книги писателей, труды которых были запрещены в нацистской

¹ Соколов Б.В. Разведка. Тайны Второй мировой войны. С. 136, 152.

² Zehn kleine Negerlein // Der Spiegel. 1967. № 4.

Германии: Рауля Клауделя, Стенли Болдуина, Николая Бердяева, Федора Степуна, Вальтера Шубарта, Вальдемара Гуриана¹.

В 1939–1944 гг. Рёсслер сотрудничал со швейцарской разведкой. Для нее был счастливой находкой: когда он предложил свои услуги «Бюро Ха», то уже имел в Германии и Швейцарии надежных информаторов, готовых вести тайную борьбу против Третьего рейха.

Летом 1942 г. Рёсслер по собственной инициативе через посредников — Кристиана Шнайдера («Тейлор») и Рашель Дюбендорфер («Сиси») — начал передавать свои материалы нелегальной резидентуре советской военной разведки под руководством Шандора Радо («Дора»), а с осени 1942 г. тесно взаимодействовал с ней.

«Люци» поставил перед Радо единственное условие: не пытаться узнать, откуда и от кого он получает информацию. Источниками Рёсслера, как полагает Т.К. Гладков, «были его старые армейские друзья, такие же антинацисты, как и он, которые, скорее всего (иначе и быть не могло), служили на высоких должностях в Генеральном штабе вермахта, а то и в ставке Гитлера. Случалось, что какой-то приказ ОКВ поступал в Москву даже раньше, чем к командующему какой-либо армией на Восточном фронте»².

Информация «Люци», в частности, способствовала победе Красной Армии под Сталинградом. 22.01.1943 г. Центр радировал Радо: «Выразите Люци нашу благодарность за хорошую работу. Сведения вашей группы о Центральном участке фронта весьма существенны»³.

За ценную информацию «Директор» щедро платил «Люци»: «12 марта 1943 г. “Директор” — “Доре”. Согласен. План Восточного вала⁴ покупаем за 3000 франков. Что известно Люци о подлинности и достоверности этих документов? Срочно узнайте, какие еще документы может достать Люци»⁵.

Информация, полученная от «Люци», сыграла важную роль в разгроме вермахта под Курском в 1943 г. «Дора» передавал в «Директору»

¹ Документы о Рудольфе Рёсслере и его издательстве сохранились в швейцарских архивах: Archiv für Zeitgeschichte der Eidgenössischen Technischen Hochschule Zürich (Nachlass: Strafprozesse, Dok.); Staatsarchiv Luzern (PA 215: Zeitung Artikel in der “Freien Innerschweiz”; PA Nachlass Xaver Schnieper; A 1044/12269: Handelsregisterbelege Vita Nova Verlag).

² Гладков Т.К. Тайны спецслужб III рейха [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: http://historylib.org/historybooks/Teodor-Kirillovich-Gladkov_Tayny-spetsssluzhbn-III-Reykha--Informatsiya-k-razmyshleniyu/24 [дата обращения 31.03.2015]

³ Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012. С. 650–651.

⁴ Восточный вал — стратегический оборонительный рубеж немецких войск на советско-германском фронте, построенный к осени 1943 г.

⁵ Rote Kapelle. Finale in Luzern // Der Spiegel. 1953. № 16.

(начальнику Главного разведывательного управления наркомата обороны СССР генерал-лейтенанту И.И. Ильичёву) информацию, добытую «Люци» с помощью своих источников в гитлеровском рейхе. В Москву были переданы дополнительные сведения о планах противника, данные о новых танках «Тигр» и «Пантера», истребителях «Мессершмитт 109 G-6», о другом вооружении и боевой технике¹.

Предоставленные Рёсслером сведения касались также, как отмечал Радо, «политических и дипломатических маневров правителей гитлеровской Германии и ее сателлитов», а также заговора немецких военных против Гитлера. В радиограмме в Центр от 20 апреля 1943 г. говорилось, что «группа генералов, которая еще в январе хотела устранить Гитлера, теперь исполнена решимости ликвидировать не только Гитлера, но и поддерживающие его круги»².

Информация советской разведки оперативно доходила до Верховного Главнокомандующего и членов Государственного комитета обороны (ГКО). По воспоминаниям члена ГКО А.И. Микояна, ещё 27 марта 1943 г. Сталин сообщил ему «в общих деталях» о немецких планах³.

Накануне, 26 марта 1943 г. в Москву пришло сообщение Радо, содержащее основные сведения о предстоящем немецком наступлении. 8 апреля тот же источник сообщил, что операция перенесена на начало мая. 20 апреля наступление было отсрочено до 12 июня, а затем — чуть ли не отменено вообще⁴.

В итоге, немцы начали «Цитадель» лишь 5 июля. Но их уже ждали: на изготовившиеся к наступлению войска противника обрушился всесокрушающий огонь советской артиллерии.

В мае 1944 г. Рёсслер был арестован швейцарской контрразведкой в связи с делом «Доры». Это было сделано, чтобы в тюрьме спасти его от гестаповцев, которые могли выкрасть его и заставить признаться, что он работает на швейцарскую разведку, и раскрыть его источники. Спустя четыре месяца Рёсслер был освобожден⁵.

Уже после войны, в октябре 1945 г., в Швейцарии состоялся судебный процесс по обвинению Ш. Радо, его жены Лены, Р. Дюбендорфер, А. Фута, Р. Ресслера, Х. Шнейдера и других. Их обвиняли в проведении разведывательной деятельности на территории Швейцарской конфедерации. Все обвиняемые были осуждены на разные сроки заключения, кроме Р. Ресслера, которого оправдали. Но в тюрьму никто не попал:

¹ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М., 1988. С. 201, 227–238, 235–239, 253–265.

² Радо Ш. Под псевдонимом Дора. С. 188.

³ Микоян. А.И. Так было. М., 1999. Глава 37. Создание Резервного (Степного) фронта в 1943 г.

⁴ Безыменский Л.А. Курский сигнал // Новое время. 2003. № 18/19. С. 37–39.

⁵ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. М., 2002. С. 523.

одни были осуждены заочно, другие — условно, а Шнейдер освобождён с учётом проведённого в тюрьме времени.

В 1947–1953 гг. Рёсслер сотрудничал с чехословацкой разведкой, вновь был арестован 9 марта 1953 г. и предстал перед судом 2 ноября 1953 г.

На суде он так объяснил смысл своей деятельности: «Меня называют шпионом. Но, как известно, шпион — это такой человек, который, нарушая признанные нормы ведения войны, вводит в заблуждение противника, например, переодевшись в его форму, пробирается на территорию врага или же вообще путем обмана, а иногда и насилия и получает важные секретные данные. Однако даже в обвинении не утверждается, что я проводил такую или же подобную этой деятельность... Я с чистой совестью могу сказать, что не желал, чтобы возможные последствия моей деятельности нанесли ущерб внешним связям Швейцарии»¹.

В этой связи профессор истории Базельского университета Эдгар Бонжур в докладе о внешней политике Швейцарии во время Второй мировой войны писал, что Рёсслер, Радо, Отто Пюндер (владелец швейцарского информационного агентства «Инса», под псевдонимом «Пакбо» поставлявший Радо сведения из неуставленных источников, в частности от Рёсслера) «не могут быть названы шпионами в буквальном смысле этого слова. Сами они не занимались шпионской деятельностью, а собирали, систематизировали и оценивали полученную от их агентов информацию, которую затем частично по радио, а частично по почте направляли по назначению»².

Рёсслер был приговорен к одному году тюремного заключения. После освобождения он из-за финансовых трудностей вынужден был расстаться со своим издательством. Умер Рёсслер 11 декабря 1958 г. в городе Криенс, Швейцария³. На надгробном памятнике надпись: «Рудольф Рёсслер 1897–1958».

У Рёсслера было два швейцарских заказчика: «Бюро Ха» в Люцерне и занимавшаяся Германией группа “NS-1” майора Макса Вайбеля из разведывательного управления армии.

В 1937 г. Рёсслер лишился гражданства Германии. Его деятельность как разведчика, вероятно, началась в 1938–1939 гг. в связи с обострением ситуации вокруг Чехословакии и последовавшей нацистской оккупацией этой страны.

В литературе встречается утверждение, что источником информации Рёсслера был один из руководителей берлинской группы «Красной ка-

¹ Соколов Б.В. Разведка. Тайны Второй мировой войны. С. 136–137.

² Там же.

³ Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012. С. 650–651.

пеллы» обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен, служивший в министерстве авиации и пользовавшийся покровительством рейхсмаршала Германа Геринга¹.

Весной 1941 г. в издательстве Рёсслера была издана 84-страничная брошюра «Театры военных действий и условия ведения войны». Автор, подписавшийся псевдонимом Роберт Александр Гермес, анализировал геополитическую ситуацию в 1941 г., приводил обширную информацию стратегического характера. Гермес приходил к выводу, что Германия готовится к развязыванию мировой войны, которая кончится для нее поражением и революционной катастрофой².

Кто скрывался за псевдонимом Гермес? Это вымышленное имя принадлежало сразу двум лицам: Шульце-Бойзену и Рёсслеру. 15 карт, которыми была иллюстрирована брошюра Гермеса, были выполнены картографом Радо в его агентстве «Геопресс»³. Так что Шульце-Бойзен и Рёсслер были, как минимум, знакомы. Однако прямых доказательств, что обер-лейтенант снабжал разведывательной информацией «Люци» нет. К тому же, Шульце-Бойзен был арестован 31 августа 1942 г. и казнен 22 декабря 1942 г., в то время как именно во второй половине 1942 г. разведывательная деятельность «Люци» приобретала широкий размах.

Очевидно, Рёсслер с берлинской группой Шульце-Бойзена – Харнака связан не был. Анализ документов позволяет сделать вывод, что «Люци» был скорее связан не с «Красной», а с «Черной капеллой» — группой германского консервативного Сопротивления, во главе которой был бывший обер-бургомистр Лейпцига и рейхскомиссар по ценам Карл Гёрделер. Он считался основным кандидатом на пост рейхсканцлера в послегитлеровском правительстве Германии. Рёсслер, по-видимому, ставил Гёрделера на первое место среди своих источников, поскольку знал его лично. Кроме Гёрделера, основными информаторами Рёсслера были Ханс Остер, Ханс-Бернд Гизевиус и Йозеф Вирт.

В историографии высказывается мнение, что Рёсслер, находясь в Швейцарии, располагал обширным доступом к информации, исходившей из берлинского «Клуба господ» (с 1933 г. он назывался «Германским клубом»). Членами этого клуба, осуществлявшего контакты между нацистами и представителями традиционных консервативных элит, были крупные германские промышленники и аграрии, банкиры, прави-

¹ Schramm W. Op. cit.; Huber P. Sowjetische und parteikommunistische Nachrichtenkanäle in der Schweiz (1937–1944) // Krieg im Äther. Widerstand und Spionage im Zweiten Weltkrieg. Wien, 2004. S. 91.

² Hermes R.A. Die Kriegsschauplatze und die Bedingungen der Kriegführung. Luzern, 1941.

³ Бояджи Э. История шпионажа. М., 2003. Т. 2. С. 104.

тельствственные чиновники. Однако в клуб входили и представители консервативных кругов, оппозиционных Гитлеру, в частности Ульрих фон Хассель и Карл фон Йорданс. В 1938–1939 гг. фронда консервативных противников Гитлера стала преобразовываться в движение Сопротивления, в котором участвовали некоторые германские политики и военные, в частности и офицеры разведки. С ними и был связан Рёсслер.

Во главе заговорщиков стояли генерал-полковники Людвиг Бек, Курт фон Хаммерштейн, Франц Гальдер, а также шеф военной разведки (абвера) адмирал Вильгельм Канарис и начальник штаба абвера и заместитель Канариса полковник Ханс Остер. Причем «крышей» заговора служил абвер¹.

В силу своего положения в абвере, Остер был очень хорошо информирован. Ему были известны многие государственные тайны рейха, даже те, которые охранялись конкурентами абвера из Главного управления имперской безопасности — гестапо и СД.

Остер играл важную роль среди офицеров, которые намеревались отстранить Гитлера от власти. Зимой 1939–1940 гг. он информировал голландское и норвежское правительства о том, что Гитлер планирует совершить агрессию против этих стран. После того, как вермахт летом 1940 г. нанес поражение западным державам, объектом пристального внимания Остера стала Швейцария.

Опасная игра Остера была прервана в апреле 1943 г.: он был отстранен от должности, а год спустя уволен из армии. После провала заговора 20 июля 1944 г. Остер был арестован и казнен вместе со своим шефом адмиралом Канарисом в концлагере Флоссенбург 9 апреля 1945 г.

Швейцарской разведке были известны планы подготовки германского нападения на Швейцарию. По этой причине швейцарской стороне было выгодно способствовать передаче информации о Германии странам, враждебным гитлеровскому рейху.

Чтобы разведывательные сообщения из нейтральной Швейцарии уходили в Советский Союз, с которым у Швейцарской Конфедерации тогда не было дипломатических отношений, швейцарским спецслужбам, как и немецким друзьям «Люци», нужен был «посредник не швейцарец»: Эту роль играл Рудольф Рёсслер.

О связи «Люци» с советской разведкой позаботился немецкий эмигрант и журналист д-р Кристиан Шнайдер, работавший сначала в Международной организации труда (МОТ) при Лиге наций в Женеве, а позже — в издательстве Рёсслера. В МОТ работали несколько советских агентов. Одной из них была Рашель Дюбендорфер. Она завербовала

¹ Метаксас Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего рейха. М., 2012. С. 420.

Шнайдера для советской военной разведки и дала ему псевдоним «Тэйлор» («Шнайдер» и «Тэйлор» означают соответственно на немецком и английском языках «портной».) Шнайдер-Тэйлор знал Рёсслера; таким образом, была установлена связь Рёсслера с советской военной разведкой — резидентурой «Дора».

Шнайдер был для Рёсслера «предохранителем», защищавшим его от стремления советской разведки узнать германские источники «Люци». Сообщения шли от Рёсслера к Шнайдеру, от него к Дюбендорфер, а уже от нее к Радо.

Историк Герхард Риттер (ФРГ) считает одним из источников Рёсслера бывшего канцлера Веймарской республики Йозефа Вирта, жившего в эмиграции в Швейцарии. Вирт получил от англичан предложение выступить посредником между ними и участниками немецкой оппозиции. В середине февраля 1940 г. два представителя британского «Форин Оффиса», Йозеф Вирт и третье лицо, хорошо известное в Лондоне, с начала войны жившее в Люцерне и с тех пор поддерживавшее связи со своими английскими друзьями, встретились в замке Уши. Этим господином из Люцерна и мог быть «Люци», лично знавший Вирта, который также жил в Люцерне¹.

Имя Вирта упоминается в шифровках, которыми обменивались «Директор» и «Дора». 14 января 1943 г. «Директор» направил «Доре» радиограмму: «Просим сообщить о точном содержании переговоров между Лонгом (Жоржем Блэном, французским журналистом и важным информатором «Доры») и Виртом. Прежде всего, нас интересует содержание переговоров между Виртом и англосаксами и их отношение к переговорам с СССР. Какие практические меры он намерен принять, чтобы наладить контакт с нами?»².

Таким образом, через «Люци» поддерживалась связь не только между немецкой консервативной оппозицией и Лондоном, но и между немецким Сопротивлением, Лондоном и Москвой.

В литературе встречаются утверждения, что «Люци» через Радо отправлял в Москву результаты британского радиоперехвата, полученного путем расшифровки немецких радиогрмм. Об этом писал генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, занимавший во время Великой Отечественной войны должность начальника IV (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ: «На самом деле Рёсслер передавал нам информацию, которую получал от англичан. Английская разведка знала о работе группы Радо, поскольку еще накануне войны внедрила своего агента в “Красную капеллу” в Швейцарии. По дипломатическим кана-

¹ Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954.

² Цит. по: Кузнецов В.В. НКВД против гестапо. М., 2008. С. 151–152.

лам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане не передавали эту информацию, опасаясь, что мы не поверим и потребуем назвать источник. Мы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины “Enigma”, которую собрал в 1938 году для британской спецслужбы польский инженер... Англичане держали в строжайшем секрете существование “Enigm’ы”, дававшей им возможность дешифровать немецкие радиogramмы. Сведения о ней поступили к нам в 1945 году от Филби и Кэрнкросса»¹.

Анализ сообщений Радо и материалов, поступавших из Лондона, свидетельствует, об их «разительном совпадении». Однако, как отмечал Судоплатов, «информация из Лондона от кембриджской группы была более полной, а от группы “Люци” явно отредактированной. Ясно было, что информация “Люци” дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами»². А Сталин, как известно, не очень доверял своему «злейшему союзнику» Черчиллю.

Когда англо-американцам после Второй мировой войны в ходе контрразведывательного проекта «Венона»³ удалось заполучить советские шифры и ключи к ним, английские контрразведчики увидели, какую ценную информацию передавали русским их коллеги и одновременно советские агенты «Мольер» (Джон Кэрнкросс), «Ральф» (Лео Лонга) и «Зёйхен» (Ким Филби).

«Кембриджская группа»⁴ сумела получить доступ ко многим ценным материалам британского внешнеполитического ведомства и разведки (еженедельным сводкам, оперативным приказам германского командования, содержанию радиogramм, в которых раскрывалась осведомленность германского командования о состоянии войск Красной Армии). Офицер британской разведки Кернкросс, хорошо знавший немецкий язык и обладавший аналитическими способностями, с помощью аналога немецкой шифровальной машины «Энигма» смог прочитать немецкие секретные радиogramмы. От Кернкросса и Филби в резидентуру НКГБ в Лондоне поступали сведения о планировании немецкого наступления под Курском⁵. Кэрнкросс передал советской разведке специальные сообщения люфтваффе в преддверии операции «Цитадель».

«Весной 1943 года, за несколько недель до начала Курской битвы, наша резидентура в Лондоне получила от кембриджской группы инфор-

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 169.

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль.

³ О’Салливан Д. Проект “Венона”: неизвестные документы ЦРУ США // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

⁴ Модин Ю.И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1997.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 246–247.

мацию о конкретных целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием операция “Цитадель”... Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии военной разведки от “Люци” из Женевы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно, что англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хотят, чтобы мы сорвали немецкое наступление», — писал П.А. Судоплатов¹.

Часть сведений Рёсслера шла от швейцарской разведслужбы, но там почти не было ничего существенного, что касалось русской кампании немцев, если не считать некритически передававшейся дезинформации. Главные источники «Люци» были в рейхе. Звали их Вертер, Ольга, Тедди, Штефан, Фанни, Фердинанд и Билл. Они фигурировали как источники в сообщениях «Доры». Псевдонимы должны были быть шифрами для Главнокомандования вермахта (Вертер), Главнокомандования люфтваффе (Ольга), Главнокомандования сухопутных войск (Тедди), группы атташе в имперском министерстве авиации (Штефан), Министерства иностранных дел (Фанни), командующего резервной армии (Фердинанд) и управления вооружений сухопутных войск (Билл).

Но основной вопрос остается: откуда Рёсслер брал свою информацию?

Источники Рёсслера следует искать в окружении Гёрделера — среди участников заговора против Гитлера. В этой связи назовем имя Ханса-Бернда Гизевиуса — видного деятеля германского консервативного Сопротивления и одного из руководителей антигитлеровского заговора. Гизевиус — чиновник гестапо, а с 1939 г. офицер «Абвер/Аусланд». В 1940–1944 гг. по заданию Остера он под именем зондерфюрера д-ра Шлиха служил вице-консулом в генеральном консульстве Германии в Цюрихе².

Интересно отметить, что генеральным консулом Германии в Берне служил резидент VI управления РСХА (внешняя разведка СД Вальтера Шелленберга) Ханс Мейснер, который руководил охотой нацистских спецслужб за «Красной капеллой» в Швейцарии.

В Швейцарии Гизевиус занимался контрразведкой для абвера и поиском контактов с представителями стран антигитлеровской коалиции (в частности с А. Даллесом), а также с лицами, представлявшими интерес для германского консервативного Сопротивления. Среди них был

¹ Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 169–170.

² Узнав, что гестапо получило информацию о его участии в заговоре против Гитлера, Гизевиус 12 июля 1944 г. тайно вернулся в Берлин. 20 июля 1944 г. он находился в штабе путчистов на Бендлер-штрассе. После провала заговора скрывался в Германии, затем бежал в Швейцарию.

и Рёсслер, которого также интересовал Гизевиус. В оставшихся после смерти Рёсслера бумагах сохранилось досье Гизевиуса.

Информация «Люци» проходившая по каналу Гизевиуса, исходила от Ханса Остера, поддерживавшего тесную связь с другими противниками гитлеровского режима: генералом Георгом Томасом (управление вооружения и экономики в Верховного командования вермахта) и генералом Фридрихом Ольбрихтом (начальником Общего управления сухопутных войск и заместителя командующего резервной армии). В книге воспоминаний Гизевиус отмечает, что «Остер был поистине больше, чем только техником оппозиции. Он был ее движущей силой»¹.

20 апреля 1943 г. Дора отправил в Центр следующее донесение: «От Рота. Через генерального директора... бургомистра Герделера. С Бендлерштрассе (ОКВ)... Генеральный штаб считает, что наступление может начаться, самое раннее, в конце апреля и должно произвести эффект снежного кома. Так называемый второй комплект генералов, которые уже в январе намеревались выступить против Гитлера, решил ликвидировать Гитлера и всех, кто его поддерживает. Более ранняя попытка не удалась, т.к. Гитлер был предупрежден о ней Манштейном»².

На основании этой радиограммы и данных о деятельности Гизевиуса в Швейцарии можно предположить, что именно он скрывался под условным именем «Рот» («Красный»). Гизевиус был знаком с Рёсслером, знал Вирта, чья связь с участниками заговора 20 июля 1944 г. была подтверждена генералами Остером и Беком. Очевидно, он знал и Гёрделера, одного из самых убежденных заговорщиков. Гизевиус с симпатией относился к Советскому Союзу.

Если Гёрделер и большинство его сторонников ориентировались на США и Великобританию, то некоторые участники заговора, в частности, Гизевиус, Клаус граф фон Штауффенберг, Адам фон Тротт цу Зольц, Фридрих Вернер граф фон Шуленбург рассчитывали на послевоенное сотрудничество Германии с Советским Союзом³.

Кроме Гизевиуса, у «Люци» был и швейцарский канал Хауземана, по которому поступали сообщения, исходившие из штаба резервной армии рейха, которой командовал генерал-полковник Фридрих Фромм. Документы об этом есть в Федеральном архиве ФРГ. Информация, вероятно,

¹ Гизевиус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2001. С. 442.

² Кузнецов В.В. Указ. соч. С. 152–153.

³ Хавкин Б.Л. Граф Шуленбург: “Сообщите господину Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество” // Родина. 2011. № 1; Его же. Германское консервативное Сопротивление и Россия // Россия и Германия: диалог культур: Копелевские чтения, 2012. Липецк, 2012; Его же. Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. 2013. № 1.

исходила от офицера штаба Фромма капитана Германа Кайзера, который был связным между Гёрделером и военными участниками заговора¹.

Рёсслер, обладая острым аналитическим умом, умел добывать информацию из открытых источников — прежде всего, из прессы. К примеру, он предсказал захват Германией Рейнской демилитаризованной зоны за месяц до того, как это произошло. В 1950-е гг. швейцарская контрразведка при обыске в доме Рёсслера нашла обширный и упорядоченный газетный архив с тысячами заметок с политической и военной информацией.

Связь «Люци» с Германией осуществлялась при помощи Гизевиуса через курьерскую дипломатическую почту. Но курьерская связь была лишь одним из каналов; другим — было радио. Французские авторы Пьер Аккос и Пьер Кё в книге о Рёсслере² выдвигают, в частности, такую концепцию: берлинские единомышленники снабдили своего друга-эмигранта радиостанцией и шифром еще до начала Второй мировой войны. Рёсслеру, сотрудничавшему со швейцарской разведкой, незачем было опасаться доносчиков или полиции. Он мог свободно выходить на связь в любое время дня и ночи. Его друзья в рейхе пользовались служебной радиостанцией — они передавали зашифрованные сведения прямо из центра связи Верховного командования вермахта (ОКВ), расположенного в военном лагере Майбах в Цоссене, под Берлином. Причем на Рёсслера работали 5 генералов и еще 5 офицеров ОКВ. Никакой радиопеленгатор не смог бы выявить каких-либо подозрительных телеграмм в той огромной массе радиошифровок, которая непрерывно извергалась в эфир из главного узла связи ОКВ. Таким образом, между ОКВ и Рёсслером будто бы существовал неуязвимый радиомост.

Радо считал, что «это предположение не лишено убедительности, особенно если учесть, что один из источников Люци, которому я дал имя Ольга, служил в штабе связи ОКВ»³. Известно, что начальником связи Верховного командования вермахта был генерал-лейтенант Эрих Фельгибель, казненный в 1944 г. как активный участник оппозиционно-го «заговора генералов».

По-видимому, сам Рёсслер не работал на рации. Скорее всего, он пользовался узлом связи какого-то официального ведомства. Это могло быть немецкое консульство в Швейцарии (Гизевиус) или «Бюро-Ха». Пеленгаторы «Функ-абвера» натыкались в эфире на радиостанции официальных учреждений, но заподозрить немецкое консульство в шпионаже против Германии было трудно. Что касается «Бюро-Ха», то нацисты не могли ничего предпринять против него, не имея доказательств, что

¹ Bundesarchiv, Freiburg. Nachlass: Kaiser, Hermann.

² Accoce P., Quet P. A Man Called Lucy. New York, 1967.

³ Радо Ш. Указ. соч. С. 167.

оно связано с разведывательными источниками в Германии. К тому же надежным прикрытием для «Люци» был второй человек в абвере — Ханс Остер.

Бернд Руланд — немецкий офицер, в годы Второй мировой войны служивший в телетайпном центре Верховного командования вермахта (ОКВ), в изданной в Швейцарии книге «Глаза Москвы» проливает свет на то, каким образом приказы, распоряжения и другие секретнейшие документы высшего гитлеровского командования попадали к «Люци».

Руланд рассказывает о действиях двух подчиненных ему вольнонаемных связисток, которые, рискуя жизнью, снимали копии со строго секретных документов и передавали их для использования в борьбе против нацизма. Как повествует Руланд, вечером 14 июня 1941 г., во время своего дежурства, он получил для зашифровки и передачи по телетайпу несколько строго секретных документов. И вот копию одной из телеграмм он обнаружил у связистки по имени Ангелика. Руланд был буквально потрясен тем, что эта девушка, отчетливо сознавая, что ее ждет за действия, квалифицируемые гитлеровскими законами как «государственная измена» и «шпионаж», из идейных антифашистских соображений ведет свою опасную работу. Выслушав Ангелику, Руланд дал ей слово, что не выдаст ее и в течение всей войны свое слово сдержал. После войны Руланд стал разыскивать Ангелику и в июне 1947 г. встретился с мужественной антифашисткой. Женщина рассказала, что действовала не одна, а со своей подругой телетайписткой по имени Мария. Ангелика и Мария скопировали 7 050 секретных директив ОКВ.

Уже после войны женщины, рассказав в деталях о своей работе против Гитлера, взяли с Руланда слово, что их подлинные имена и фамилии он откроет только после их смерти. Они сообщили также, что их связником был офицер общего управления вермахта, которого Руланд в книге назвал капитаном фон Кемпером. Оказалось, что для передачи информации в Швейцарию Кемпер использовал даже дипломатических курьеров германского министерства иностранных дел. Кемпер был не только передаточным звеном данных из радио- и телетайпного центра, но и сам собирал разведанные через своих многочисленных друзей в разных кругах Германии¹.

Возможно, при всей кажущейся фантастичности рассказа Руланда, он раскрыл тайну Вертера и других источников «Люци». Таким образом, уже разгаданы многие загадки «Люци». Но пока еще далеко не все.

¹ Ruland B. Die Augen Moskaus. Fernschreibzentrale der Wehrmacht in Berlin: Zwei Mädchen gegen Hitler. Zürich, 1974.

4.3. Граф Шуленбург и немецкое антигитлеровское Сопротивление

При всем уважении к Сопротивлению меньшинств, в Третьем рейхе реальное военно-политическое значение (а Гитлера с конца 1930-х гг. можно было свергнуть только военными средствами) имело лишь Сопротивление германских военных, связанных с консервативной политической оппозицией, к которой принадлежал и немецкий дипломат граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944).

Граф Шуленбург был связан как с фрондой дипломатов, так и (через своего племянника Фрица Дитлофа фон дер Шуленбурга — заместителя начальника берлинской полиции) с «Кружком Крейсау» — интеллектуальным центром оппозиции, который в известной мере противостоял прозападной ориентации Гёрделера.

Заговорщики собирались устранить Гитлера до военного поражения Германии. «Мы должны будем уничтожить Гитлера, прежде чем он окончательно погубит Германию», — эти слова Шуленбург произнес в июне 1943 г.¹ Тем самым, пытаясь спасти свою страну от разгрома, заговорщики де-факто подрывали фундамент Антигитлеровской коалиции. Вынужденный союз западных демократий со Сталиным был основан на наличии общего врага — Гитлера. Не случайно направленная против Третьего рейха и его сателлитов коалиция СССР, Великобритании, США и других государств называлась не антигерманской и даже не антифашистской, а антигитлеровской. После нападения Германии на СССР военные задачи СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и немецкого антигитлеровского Сопротивления, с другой — во многом совпадали. Немецкие антинацисты были частью европейского движения Сопротивления. Заговор немцев против Гитлера объективно способствовал победе антигитлеровской коалиции.

Тем не менее, объективный взгляд на проблему немецкого антинацистского Сопротивления в российской историографии пробивает себе дорогу. События 20 июля 1944 г. в России всё чаще рассматриваются как часть европейского антифашистского Сопротивления. Этого очевидного факта долго не хотели признавать советские историки Сопротивления (подробнее см. раздел 3.6).

Что касается дискуссионного вопроса о «прозападной» (то есть «антисоветской») политической ориентации деятелей 20 июля 1944 г. отметим, что значительная часть немецких военных, участвовавших в заговоре против Гитлера (их наиболее известным представителем был граф Клаус Шенк фон Штауффенберг), в отличие от так называемого

¹ Столыпин А.П. На службе России. Frankfurt/M., 1986. С. 109.

«штатского сектора» оппозиции, являлась сторонниками ориентации на Восток — заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений.

«Штатский сектор» организации, политическим лидером которого был Карл Фридрих Гёрделер, ориентировался на Англию¹. Прозападную позицию Гёрделера разделяли президент рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхскомиссар прусского министерства финансов Йоханнес Попиц и многие другие. Исключение составлял граф Шуленбург — последовательный сторонник сотрудничества с СССР. Его позицию по этому вопросу в основном разделяли деятели «Кружка Крейсау».

Один из участников «Кружка Крейсау» Теодор Штельцер в своих воспоминаниях так описывает внешнеполитические взгляды большинства членов этого кружка и их разногласия с Гёрделером: «Следующее разногласие касалось отношения к России. Мы в своем кружке придерживались того взгляда, что она принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею... Мы единодушно держались той точки зрения, что Россия должна являться неотъемлемым фактором будущего европейского порядка»².

Эта позиция полностью отвечала взглядам графа Шуленбурга. В 1934–1941 гг. граф Шуленбург, будучи послом Германии в Москве, «лавировал между Сциллой сталинской системы и Харибдой гитлеровской диктатуры»³. Посол отстаивал интересы своей родины (так, как он их понимал) и способствовал германо-советскому сближению, в частности экономическому сотрудничеству и подписанию договора о ненападении⁴. «Шуленбург и его сотрудники немало сделали для того, чтобы ссылками на неизбежные в противном случае последствия укреплять советское правительство в его курсе на умиротворение», — отмечала немецкий историк И. Фляйшхауэр⁵.

До назначения в Москву карьерный дипломат Шуленбург слыл «бесцветным» чиновником, от которого не ждали самостоятельных политиче-

¹ Однако британский премьер У. Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и так называемый «прусский милитаризм», категорически отказался принимать послания немецкой оппозиции, заявив: «Я абсолютно против самых незначительных контактов». — Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1964. S. 551.

² Steltzer Th. Sechzig Jahre Zeitgenosse. S. 154. Цит. по: Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г. Дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 141.

³ Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М., 1991. С. 48.

⁴ Lexikon des Widerstandes 1933–1945. München, 1994. S. 166.

⁵ Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. С. 359.

ских инициатив. Именно поэтому его и направили в СССР: Гитлер намеревался довести германо-советские отношения до самого низкого уровня и сохранять их «в замороженном виде» до тех пор, пока он не сможет развязать против СССР захватническую войну, после чего уже никаких дипломатических отношений не понадобится. Казалось, что прекрасно образованный¹, консервативный по своим взглядам, многоопытный и осторожный, немолодой и почти готовый к выходу на пенсию аристократ будет для этого самой подходящей кандидатурой. Почетный пост посла Германии в России мог стать достойным завершением многолетней дипломатической службы. Из карьерных соображений Шуленбург 1 октября 1934 г. «по предписанию сверху» вступил в нацистскую партию, хотя и не разделял политических взглядов нацистов².

Однако фюрер и рейхсканцлер Адольф Гитлер и рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп ошиблись в оценке Шуленбурга: «он оказался человеком, имевшим собственное мнение, которое, он, однако, слишком часто скрывал, когда речь шла о выполнении указаний министра иностранных дел»³.

Как знаток и ценитель России⁴, Шуленбург стремился сохранить заложенный в 1922 г. в Рапалло фундамент германо-советских отношений и, когда в 1939 г. возникла основа для их нормализации, способствовать их улучшению. Шуленбург делал все, что было в его силах, чтобы не допустить войны между Германией и СССР.

«В начале 1941 г. ...я находился в посольстве в Москве несколько дней. В беседах с Шуленбургом мы много говорили об отношении к России. Шуленбург и я являлись сторонниками политики дружбы по отношению к СССР и высказывали опасения для Германии, если эта политика изменится. Шуленбург, очевидно, знал о готовящемся нападении на СССР, потому что поручил мне использовать мои связи в Генштабе, доказать опасность для Германии изменения политики по отношению к СССР. Это поручение Шуленбурга я обещался выполнить», — рассказывал в августе 1945 г. генерал-майор Оскар фон Нидермайер⁵.

¹ Шуленбург изучал юриспруденцию в университетах Лозанны, Берлина и Мюнхена, где в 1894 г. получил степень доктора права.

² Auswärtiges Amt. Gedenkfeier für Botschafter Friedrich Werner von der Schulenburg. Bonn, 10. Dezember 1975. S. 7–8.

³ Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987. С. 154.

⁴ Род Шуленбургов был связан с Россией с конца XVIII в., когда Людвиг фон дер Шуленбург, сын графа Римской империи Генриха Морица фон дер Шуленбурга, поступил в русскую службу и дослужился до чина генерал-майора. Дворянский род Шуленбургов в России был высочайше утвержден в графском достоинстве в 1854 г. и записан в родословной книге Черниговской губернии.

⁵ Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944–1951. М., 2009. С. 359–360.

В апреле 1941 г. Шуленбург предпринял последнюю попытку убедить Берлин в мирных намерениях Москвы в отношении Германии, в невозможности одержать военную победу над СССР.

28 апреля 1941 г. посол сказал Гитлеру во время аудиенции, что он, Шуленбург, «не может поверить в то, что Россия когда-либо нападет на Германию». Гитлер завершил беседу: «И еще, граф Шуленбург, я не собираюсь воевать с Россией. К тому же немецкие послы всегда против войны со страной их пребывания»¹.

Тем временем подготовка Германии к войне шла полным ходом: Шуленбург знал это от своих надежных друзей в Берлине. «Война — дело решенное... Гитлер намеренно меня обманул», — сообщил посол своим доверенным сотрудникам, вернувшись 30 апреля 1941 г. в Москву².

Шуленбург считал для себя позором служить дипломатическим прикрытием подготовки гитлеровского нападения на СССР. Сотрудник германского посольства в Москве и советский разведчик Г. Кегель, лично знавший Шуленбурга, писал: «Убежден, что такой спокойный, уравновешенный, имевший собственные политические убеждения и моральные принципы человек, каким был Шуленбург, собиравшийся к тому же уходить на пенсию, воспринял все упомянутые обстоятельства как личное унижение, и это также подтолкнуло его на нелегкое решение стать на свой лад, несмотря на возраст, участником борьбы против Гитлера»³.

В мае 1941 г., когда нацистскую агрессию уже невозможно было предотвратить, посол трижды предупреждал советское руководство о том, что германское нападение на СССР должно начаться в ближайшее время.

5 мая 1941 г. Шуленбург пригласил на завтрак на свою подмосковную дачу в Астафьево советского полпреда в Германии В.Г. Деканозова⁴. В присутствии советника германского посольства Г. Хильгера⁵ и совет-

¹ Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa": die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. Berlin, 1991. S. 309–310.

² Кегель Г. Указ. соч. С. 154.

³ Там же. С. 156.

⁴ В.Г. Деканозов (Деканозишвили) — с декабря 1938 г. заместитель начальника Главного управления государственной безопасности НКВД, начальник контрразведывательного и иностранного отделов НКВД. Один из главных организаторов "чисток" в органах разведки и контрразведки. С мая 1939 г. — заместитель наркома иностранных дел. В ноябре 1940 г. назначен полпредом в Германии (с сохранением поста замнаркома). После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. был интернирован и на границе СССР и Турции обменен на германского посла в СССР графа Шуленбурга. 30 июня 1953 г. арестован. Расстрелян 23 декабря 1953 г. по приговору Верховного Суда СССР как один из членов "банды Берии".

⁵ Г. Хильгер описал эту беседу в воспоминаниях: Hilger G. Wir und der Kreml: Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941: Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt/M., 1959. S. 308.

ского переводчика В.Д. Павлова Шуленбург сообщил Деканозову, что «слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией являются “взрывчатым веществом” и их надо пресечь... Источник слухов не имеет значения. Со слухами нужно считаться как с фактом». На следующей встрече с Деканозовым, состоявшейся в наркомате иностранных дел 9 мая, Шуленбург подчеркнул, что «надо действовать быстро», так как «дело очень спешное». 12 мая состоялась третья беседа Шуленбурга с Деканозовым. В присутствии Хильгера германский посол дважды упомянул о том, что он «разговаривал в частном порядке и сделал свои предложения, не имея на то никаких полномочий». Более того, посол просил «не выдавать его в Берлине». У Деканозова даже сложилось впечатление, что «Шуленбург и Хильгер намекали на уход Шуленбурга с поля политической деятельности»¹.

Но «предостережение» Шуленбурга было проигнорировано Сталиным². Советский вождь не мог себе представить, что германский посол действовал на свой страх и риск. В Кремле восприняли слова Шуленбурга не как отчаянную попытку германского дипломата спасти мир, а как провокацию. «Сталин просто отмахнулся и от этого важного сообщения, посчитав его очередной немецкой дезинформацией», — вспоминал нарком внешней торговли А.И. Микоян, назвавший поступок Шуленбурга «беспрецедентным в истории дипломатии»³.

22 июня 1941 г. в 5 ч 30 мин утра по московскому времени Шуленбург передал наркому иностранных дел В.М. Молотову ноту германского правительства. На вопрос Молотова, что эта нота означает, посол ответил, что, по его мнению, это начало войны. Шуленбург сказал, что «он в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать»⁴.

После эвакуации немецкого посольства из Москвы в 1941 г. Шуленбург формально был руководителем «русского» (13-го политического) отдела и председателем «русской коллегии» министерства иностранных дел. Ни реальных полномочий, ни политического влияния Шуленбург на этих постах не имел: с началом войны Россией занимались не дипло-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23, кн. 2, ч. 2. М., 1998. С. 654–657, 664–667, 675–677.

² Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941 / G. Ueberschär, L. Bezymenskij (hrsg.). Darmstadt, 1998. S. 135; Бонвеч Б., Кудряшов С. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // СССР – Германия, 1933–1941. М., 2009. С. 40. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

³ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 50.

⁴ Запись из дневника В. Молотова о приеме фон Шуленбурга 22 июня 1941 г. — СССР – Германия, 1933–1941. М., 2009. С. 341–342. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

маты, а военные. Оккупированные вермахтом территории СССР находились в ведении имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга.

После поражения группы армий «Центр» под Москвой зимой 1941–1942 гг. и полного провала «блицкрига» Шуленбург направил Гитлеру записку с предложением начать сепаратные переговоры с СССР. Ответа не последовало. Тогда Шуленбург стал искать иные пути к миру: с 1942 г. он стал контактировать с деятелями антигитлеровской оппозиции¹.

В декабре 1942 г. Шуленбург и советник германского министерства иностранных дел Адам фон Тротт цу Зольц встретились с сотрудником бюро Риббентропа Бруно Петером Клейстом, который должен был установить связь с советским посольством в Стокгольме, чтобы прозондировать возможность мирных переговоров с Кремлем².

Однако ни эта, ни последующие попытки германской антигитлеровской оппозиции по каналам Риббентропа (и возможно — абвера) связаться с Москвой через Стокгольм успехом не увенчались. Москва рассматривала такие попытки как провокации.

Есть и другое объяснение неудач контактов германских противников Гитлера с Советским Союзом. Представитель Риббентропа в ставке Гитлера Франц фон Зоннлейтнер считал, что дело было в позиции самого Шуленбурга. По мнению Зоннлейтнера, бывший германский посол в Москве не доверял антигитлеровской оппозиции, считая, что она намерена вести с Россией нечестную игру, в которой он, Шуленбург, будет всего лишь пешкой. Шуленбург «выступал за срединное положение Германии между Востоком и Западом и не собирался водить за нос Сталина»³.

Шуленбург действительно не хотел вводить советское руководство в заблуждение относительно намерений рейха: ведь он в 1941 г. невольно послужил дипломатическим прикрытием подготовки гитлеровской агрессии против Советского Союза. Однако речь теперь шла не о политике Гитлера, безусловным противником которой Шуленбург стал по-

¹ “План противников Гитлера использовать Шуленбурга для контактов с Советским Союзом возник в конце декабря 1942 года” // Кегель Г. Указ. соч. С. 156.

² Kleist P. Zwischen Stalin und Hitler. Bonn, 1950; Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 198–199; Martin B. Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluß im Zweiten Weltkrieg. Bericht und Dokumentation // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Freiburg, 1985. S. 284; Wuermeling H. Doppelspiel: Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. München, 2004. S. 168–169.

³ Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1979. S. 310.

сле нападения Германии на СССР, а заключении мира с Россией новым германским правительством, которое должно было прийти к власти в результате государственного переворота и уничтожения Гитлера. Если Шуленбург не доверял антигитлеровской оппозиции, он никогда бы не пошел на контакт с ней, тем более не согласился войти в новое германское правительство.

С 1943 г. Шуленбург (наряду с фон Хасселем и фон Вайцзеккером) рассматривался в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в правительстве рейхсканцлера Гёрделера, которое должно было быть сформировано после устранения нацистского диктатора и ликвидации наиболее одиозных личностей и структур национал-социализма. Причем Гёрделер, несмотря на свою «прозападную» ориентацию, подерживал кандидатуру Шуленбурга¹.

В отношении стран антигитлеровской коалиции новое германское правительство предполагало немедленное заключение перемирия на всех фронтах и начало мирных переговоров. Особую роль в переговорах с СССР должен был сыграть Шуленбург, которого лично хорошо знали в Москве. Свою основную задачу в новом послегитлеровском правительстве Шуленбург видел в скорейшем прекращении войны, восстановлении и развитии отношений с СССР. При этом Шуленбург отнюдь не симпатизировал большевикам: старый дипломат хорошо понимал, что война против Советского Союза, который обладал огромным людским и военным потенциалом и гигантской территорией, будет стоить Германии очень дорого и может обернуться для нее национальной катастрофой. Шуленбург хорошо помнил предостережение «железного канцлера» Отто фон Бисмарка: двумя самыми большими ошибками внешней политики Германии могут стать война на два фронта и война с Россией.

Приверженцами политики Бисмарка, выступавшего против войны с Россией, были многие профессиональные германские дипломаты. Не случайно, что в их рядах в последствии оказалось немало участников заговора 20 июля 1944 г.²

Заговорщики, как военные, так и штатские, несмотря на разногласия, сходились в том, что после устранения Гитлера необходимо: немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его клики; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определять основные формы управления страной и направления политики.

¹ Der 20.Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994. S. 140.

² Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. С. 16.

Главной движущей силой государственного переворота были военные. С некоторыми из них, «наиболее известными знатоками России» в дальнейшем связанными с заговорщиками, Шуленбург познакомился еще в германском посольстве в Москве. По показаниям участника антигитлеровской оппозиции майора Иоахима Куна, данным в 1944 г. в советском плену, это были: военный атташе, глава московской резидентуры абвера генерал кавалерии Эрнст Кёстринг и советник посольства ротмистр Ханс Герварт фон Биттенфельд. Герварт был личным референтом, а его жена — секретарем Шуленбурга. Во время войны Герварт стал адъютантом Кёстринга, который в 1944 г. служил генерал-инспектором «добровольческих восточных формирований». Герварт, друживший с Куном, был тесно связан как с Кёстрингом, так и с Шуленбургом¹. Таким образом, Шуленбург оказался косвенно вовлеченным в проект создания так называемого «русского освободительного движения» на стороне Германии.

В вермахте действовало как минимум три группы заговорщиков — в основном офицеров Генерального штаба. В силу своего служебного положения офицеры Генштаба лучше других были осведомлены о реальном положении дел и понимали, что Гитлер ведет Германию и ее вооруженные силы к неминуемой катастрофе. Следовательно, единственный способ спасти страну и армию — это уничтожить Гитлера.

Заговорщики были в Генштабе Верховного командования сухопутных сил в Мауэрвальде (генералы Вагнер и Линдеман), в штабе командующего армии резерва на Бендлештрассе в Берлине (генерал Ольбрихт², полковник граф Штауффенберг), в штабе группы армий «Центр» на Восточном фронте в Смоленске (генерал фон Тресков, подполковник граф Харденберг³).

Офицеры штаба группы армий «Центр» организовали ряд покушений на нацистского диктатора. 13 марта 1943 г. в личный самолет Гитлера, на котором диктатор прибыл на оперативное совещание в штаб группы армий «Центр» в Смоленск и должен был через несколько часов

¹ Кёстринг «резко осуждал положение, сложившееся в Германии... утверждал, что отсутствие ясных политических целей неизбежно приводит добровольческие формирования к разложению и его работа, таким образом, теряет всякий смысл». — Калганов А.М., Хавкин Б.Л. Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. Собственноручные показания военнопленного майора вермахта Иоахима Куна от 2 сентября 1944 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 176–177.

² Генерал от инфантерии Фридрих Ольбрихт — начальник Управления резерва Верховного командования вермахта. Один руководителей заговора против Гитлера и разработчиков плана государственного переворота. 20 июля 1944 г. расстрелян во дворе штаба ОКХ в Берлине.

³ Граф Карл-Ханс фон Харденберг: одна из судеб немецкого Сопротивления. М., 2007.

вернуться в Берлин, генералом фон Тресковым была подложена взрывчатка замедленного действия, замаскированная под две бутылки коньяка. Один из сопровождавших фюрера офицеров согласился захватить эти бутылки в Берлин и передать их в подарок генералу Ольбрихту. Но взрывной механизм не сработал...

21 марта 1943 г. офицер штаба группы армий «Центр» Рудольф-Кристоф фон Герсдорф должен был взорвать себя вместе с Гитлером во время посещения последним выставки трофейного советского оружия, которую группа армий «Центр» устроила в берлинском цейхгаузе. Но взрывной механизм в кармане шинели Герсдорфа был установлен на 10 минут, а Гитлер провел на выставке всего лишь 2 минуты. Герсдорф едва успел скрыться в туалете, чтобы извлечь взрыватель из адской машины...

Покушения срывались одно за другим. Тогда в конце августа 1943 г. фон Тресков по рекомендации генерала Ольбрихта посетил Шуленбурга в его берлинской квартире. Во время дружеской беседы Тресков описал Шуленбургу критическое для вермахта положение, сложившееся на Восточном фронте, и от имени действующих в армии противников Гитлера изложил план скорейшего заключения компромиссного мира с Советским Союзом. По мнению Трескова, это был единственный шанс избежать тотального поражения Германии.

В выполнении плана решающая роль отводилась Шуленбургу: он должен был лично установить контакт с советским правительством для разъяснения целей антигитлеровской оппозиции. С помощью Трескова и других офицеров штаба группы армий «Центр», которые должны были установить радиосвязь с противником и согласовать с ним все параметры операции, намечалось переправить Шуленбурга через линию фронта для политических переговоров с советской стороной.

Шуленбург согласился на это рискованное предприятие при условии его одобрения Гёрделером. В начале сентября 1943 г. Тресков встретился с Гёрделером и подробно изложил ему содержание беседы с Шуленбургом. Гёрделер воспринял план Трескова довольно прохладно: он всё ещё надеялся достичь договоренности с Западом. Однако отказ Гёрделера от плана Трескова не был жестом недоверия к Шуленбургу: в дальнейшем Гёрделер включил Шуленбурга в состав своего правительства в качестве кандидата на пост министра иностранных дел, так как «граф Шуленбург и сегодня надеется достичь договоренности со Сталиным»¹.

В Донесениях начальника Главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбуннера (обобщающих показания, выбитые из

¹ Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit. Frankfurt/M., 1990. S. 208–210, 349.

заговорщиков после их ареста) говорится: «Осенью 1943 г. Гёрделер и Тресков беседовали о возможности перебросить бывшего посла графа фон дер Шуленбурга через линию Восточного фронта. Идея, которую отстаивал Тресков, была примерно такова: Шуленбург — один из немногих немцев, лично знающих Сталина, а потому должен вновь установить с ним контакт. Если Шуленбург придет со Сталиным к положительному результату, следует осуществить в Германии военную акцию [по свержению гитлеровского режима]. Имело значение то обстоятельство, что Шуленбург всегда отговаривал от войны против Советского Союза. Подобный план заключения мира, вне всякого сомнения, излагался Тресковым»¹.

За несколько дней до рокового 20 июля 1944 г. Шуленбурга неожиданно вызвали к Гитлеру. Об этом сообщает в своем дневнике княжна Мария Васильчикова, работавшая в министерстве иностранных дел Германии и тесно связанная с заговорщиками: «Среда, 12 июля. Граф Шуленбург вернулся из Зальцбурга, куда его вызывал Риббентроп. Ему предписано отправиться с докладом в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Наконец-то понадобился его квалифицированный совет. Немного поздновато, но ходят слухи, что готовится какая-то сепаратная сделка на Востоке. [*Только теперь, три года спустя после его возвращения из Москвы, Гитлер ощутил впервые потребность принять Шуленбурга*]»².

Совет Шуленбурга — заключить мир на Востоке — в очередной раз был проигнорирован.

Накануне событий 20 июля 1944 г. среди заговорщиков царило единодушное мнение, что после устранения Гитлера надо немедленно провести переговоры как с западными державами, так и с СССР. В донесениях Кальтенбруннера говорится о последнем совещании заговорщиков в воскресенье 16 июля 1944 г.: «Фон Тротт отстаивал точку зрения, что вражеская сторона будет готова пойти на переговоры, если предпосылкой их послужит полная смена режима. В последовавшей дискуссии высказывалось мнение, что переговоры должны вестись военными с военными, причем не только с врагами на Западе, но и с Советами. Шуленбург-старший (Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. — *Б.Х.*) и бывший военный атташе в Москве (генерал Кестринг. — *Б.Х.*) должны были включиться в переговоры в качестве знатоков дела. Что касается переговоров с англо-американской стороной, то их хотел вести Тротт. Кандидатуру более влиятельного германского политика, которого можно было бы использовать в отношении Запада, заговорщикам подыскать не удалось»³.

¹ Kaltenbrunner-Berichte. S. 308, 492–495. Цит. по: Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г. Дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 173.

² Васильчикова М.И. Берлинский дневник 1940–1945. М., 1994. С. 198.

³ Kaltenbrunner-Berichte. S. 201; Venohr W. Op. cit. S. 364.

20 июля 1944 г. произошло покушение на Гитлера: бомба Штауффенберга взорвалась, но Гитлер чудом уцелел. Государственный переворот провалился.

21 июля 1944 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер создал «Особую следственную комиссию» во главе с шефом гестапо Генрихом Мюллером. Около 400 сотрудников гестапо и СД искали участников заговора. Поначалу были арестованы всего около десятка человек, захваченных в военном министерстве на Бендлерштрассе. Через несколько дней, когда гестаповцам удалось обнаружить списки заговорщиков, начались массовые аресты. Однако даже тогда многие руководители антигитлеровской оппозиции сумели избежать ареста.

Но тут как гром среди ясного неба прозвучал голос из Лондона. Княжна Мария Васильчикова 8 августа 1944 г. в ужасе записала в своем дневнике: «Радио союзников делает невесть что: они называют имена людей, которые, как они утверждают, участвовали в заговоре. А между тем многие из них пока официально к заговорщикам не причислены»¹.

Глава диверсионной службы СД Отто Скорцени, участвовавший в подавлении мятежа, в своих воспоминаниях отмечал, что английское радио Би-Би-Си сообщало о группах заговорщиков, которые пытались установить связь с правительствами стран антигитлеровской коалиции². Наряду с Фридрихом Вернером Шуленбургом, назывались Карл Гёрдлер, Адам фон Тротт цу Зольц и другие имена.

Шуленбург был арестован и обвинен в государственной измене. На суде он всё отрицал: «Я ничего не знал о заговоре. Я не знал всех этих людей из армии. Ничего, совсем ничего». В то же время он признал, что заговорщики ценили его как эксперта по России: «Я был человеком, который до последнего момента находился в Москве, и слыл лучшим знатоком России... Я просто пришел туда, где мне сказали: послушайте, может быть, и вы будете полезны военным... Я всегда мог говорить только о Востоке»³.

23 октября 1944 г. председатель «Народной судебной палаты» Роланд Фрейслер («наш Вышинский», как его называл Гитлер⁴) вынес приговор: «Вы, Шуленбург, участвовали в подготовительных совещаниях пре-

¹ Васильчикова М.И. Указ. соч. С. 230.

² Скорцени О. Секретные задания РСХА // Короли диверсий. М., 1997. С. 117.

³ Deutsches Rundfunkarchiv. Ffm B004627584.

⁴ Фрейслер — «отвратительный злобный маньяк, который, оказавшись в Первую мировую войну в русском плену, стал фанатичным большевиком, а позднее, вступив в 1924 г. в нацистскую партию, таким же фанатичным нацистом. При этом он остался горячим поклонником советского террора. Он специально изучал приемы Андрея Вышинского, главного прокурора на московских процессах тридцатых годов». — Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 2. С. 463.

дателей 20 июля. Тем самым вы — навсегда лишив себя чести — оказывали помощь нашим врагам, с которыми мы ведем войну. Именем немецкого народа вы приговариваетесь к смерти»¹.

10 ноября 1944 г. граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург был повешен в берлинской тюрьме Плетцензее.

В январе 1946 г. бывший советник германского посольства в Москве Готхольд Штарке в данных на Лубянке «собственноручных показаниях» рассказал о последнем послании графа Шуленбурга: «13 или 14 августа 1944 года, точную дату я сейчас не помню, Шуленбург вызвал меня к себе и объявил, что в связи с событиями 20 июля он ежеминутно ожидает ареста... Перед арестом он желает мне сообщить, что он верен своей политике “ориентации на Восток” и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей политической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через линию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав, таким образом, последний шаг к спасению германского народа. Затем Шуленбург обратился ко мне с просьбой в случае его казни, и если я сам останусь в живых, передать после окончания войны, которая, вероятно, завершится капитуляцией Германии, народному комиссару иностранных дел Советского Союза господину Молотову свое последнее послание. Шуленбург заявил мне тогда буквально следующее: “Сообщите господину Молотову, что я умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, то есть за советско-германское сотрудничество... Передайте господину Молотову, что в трагический утренний час 22 июня 1941 года я был уверен в том, что надежды германского правительства обеспечить себе и германскому народу руководящую роль по отношению к европейским нациям и объединенным народам Советского Союза обречены на провал. Факт моей смерти за дело сотрудничества советского и германского народов даст мне все же право обратиться к руководству советской внешней политики с мольбой, чтобы оно мудро и терпимо отнеслось к германскому народу, так как его широчайшие слои, и не в последнюю очередь интеллигенция, осуждали безумие войны против Советского Союза”»². Таково было политическое завещание графа Шуленбурга.

¹ Deutsches Rundfunkarchiv. Ffm 2894949/20.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49170. Л. 26–28; Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: документы из следственных дел, 1944–1955. М., 2011. С. 507–508.

4.4. Генерал Х. фон Тресков и Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте

В истории борьбы немцев против Гитлера личность генерал-майора Х. фон Трескова (1901–1944) долгое время оставалась в тени образа полковника К. фон Штауффенберга, ставшего символом германского консервативного Сопротивления. Однако две эти фигуры стоят в одном ряду в когорте героев немецкого антигитлеровского Сопротивления. Причем и Тресков и Штауффенберг не были рождены героями — благородными рыцарями без страха и упрека. Это были живые люди, со своими слабостями и заблуждениями, ошибками и противоречиями¹.

В послевоенной Западной Германии отношение к праву военнослужащих бывшего вермахта на Сопротивление нацистскому режиму прошло трудный путь: от полного отрицания этого права до официального его признания в качестве одной из основ нынешней германской демократии.

В заговоре против Гитлера участвовали коммунисты, социал-демократы, либералы, консерваторы, пацифисты, религиозные деятели, евреи и т.д. Но это всегда было «Сопротивление меньшинств». По общему определению немецкого историка Х. Моммзена, это было «Сопротивление без народа»².

Реальное военно-политическое значение (а Гитлера с конца 1930-х гг. можно было свергнуть только военными средствами) имело лишь Сопротивление германских военных, связанных с консервативной политической оппозицией. Так как после нападения Германии на СССР судьба войны решалась на германо-советском фронте, то и Сопротивление группы немецких военных на Восточном фронте имело особое значение.

Мотивация действий участников немецкого Сопротивления была намного шире и разнообразнее, чем это считалось ранее. Военный историк В. Хейнеман (ФРГ) в работе об антигитлеровском Сопротивлении на Восточном фронте справедливо отмечает, что «разные группы и личности по различным мотивам и разнообразным образом оказывали Сопротивление несправедливому режиму третьего рейха. Однако из самой природы тоталитарной диктатуры, в особенности в условиях тотальной войны, следовало, что лишь военное Сопротивление могло представлять собой опасность для существования нацистской системы»³. Хейнеман

¹ Хавкин Б.Л. Сопротивление в рядах вермахта на восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 157.

² Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 263–276.

³ Heinemann W. Der Widerstand gegen das NS-Regime und der Krieg an der Ostfront // Militärgeschichte. 1998. № 8. С. 49.

определил Сопротивление немецких военных Гитлеру как «прежде всего восстание военного профессионализма против преступного безумия нацистской войны». Однако за проявлением военного профессионализма последовало «“восстание совести”, побуждавшей к действию и в том случае, когда уже не приходилось ждать конкретных выгод»¹.

Сопротивление немецких военных гитлеровскому режиму составляет сегодня одну из главных традиций, на которых воспитываются солдаты и офицеры вооруженных сил ФРГ. «Восстание совести» — так называлась передвижная выставка военно-исторического исследовательского центра бундесвера². История Сопротивления наглядно демонстрирует конфликт между «принципом воинского приказа и повиновения» с одной стороны и морально-этическими ценностями, человеческой совестью с другой³.

Однако точка зрения, что антигитлеровское Сопротивление — это только лишь «Восстание совести», сегодня пересматривается исследователями. Военный историк В. Ветте (ФРГ) критикует представление о «Восстании совести» как «об общем знаменателе, предназначенном для приведения к единому метафизическому уровню всего разнообразия участвовавших в Сопротивлении личностей и групп»⁴. Почему же некоторые историки считают тезис о «Восстании совести» не вполне релевантным?

Во-первых, это размывает понятие «Сопротивление», относя к нему и борьбу с нацизмом, и соучастие в его преступлениях при одновременном их неодобрении. Расширение понятия «Сопротивление», в общем-то, соответствует призыву историка П. Штайнбаха «представить и признать Сопротивление во всем его разнообразии и глубине»⁵. Однако, как отмечал историк Г. Венткер, «Понятие “Сопротивление” сегодня

¹ Heinemann W. Der militärische Widerstand // Militärgeschichte. 2004. № 2. S. 5.

² Aufstand des Gewissens. Der militärische Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933–1945. Katalog zur gleichnamigen Ausstellung. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933 bis 1945. Begleitband zur Wanderausstellung des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. Hamburg, 2000.

³ Российская историография не оставляет без внимания диалектику немецкого Сопротивления, отмечает сложность и неоднозначность этого процесса. Российские историки не находят противоречия между “Восстанием совести” и попыткой военного путча против Гитлера из военно-политических соображений. Небольшая группа немецких офицеров попыталась устранить Гитлера и заключить мир до того, как Союзники оккупируют Германию и ликвидируют германскую государственность. — Хавкин Б.Л. Российская историография германского антигитлеровского Сопротивления // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне. М., 2010.

⁴ Wette W. Reichswehr, Antisemitismus und militärischer Widerstand // NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. Darmstadt, 2000. S. 28.

⁵ Steinbach P. Widerstand im Widerstreit: der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994. S. 15.

объединяет... намного больше, чем только целенаправленные действия и рассуждения, ведущие к перевороту или, по меньшей мере, предполагающие его. Понятие “Сопротивление” уже не является чисто интенциональным, но, в смысле, вкладываемом в него Мартином Броскатом, вне зависимости от лежащих в его основе мотивов, понимается как “активная оборона, ограничение, сдерживание нацистского режима или его притязаний”¹ и поэтому указывает на различные виды деятельности и поведения, которые препятствуют всеобщему разложению общества, но не обязательно ведут к свержению диктатора”².

Во-вторых, это значит, что «участников Сопротивления следует искать не только среди старых элит, которые находятся у руля национал-социалистского государственного аппарата. В значительной степени с 1960-х гг. Сопротивление изучается во всей своей общественной и политической широте — от рабочих до дворян, от “крайне левых” до “крайне правых”, как на региональном, так и на локальном уровне”³.

В-третьих, как сформулировала в запросе правительству ФРГ группа депутатов бундестага от фракции «левых»: «Многое говорит о том, что значительная часть офицеров — участников заговора 20 июля 1944 г. принимала участие в Сопротивлении потому, что надеялась, свергнув Гитлера, предотвратить безоговорочную капитуляцию рейха, или, по крайней мере, добиться окончания войны на менее жестких для Германии условиях. Для такой позиции мало подходит термин “Сопротивление”. У тех участников покушения (на Гитлера. — Б.Х.), которые действительно руководствовались собственной совестью, еще надо бы спросить, с какого времени и по каким причинам у них “созрело” это решение совести, какими ценностями они руководствовались и насколько эти ценности могут служить примером сегодня”⁴.

Современной историографией установлено, что участники германского военного Сопротивления, в основном выходцы из национально-консервативных кругов, по этическим мотивам первоначально никоим образом не отрицали Гитлера, нацизм, войну. Более того, они сначала приветствовали приход Гитлера к власти: на первый взгляд нацистский диктатор во внешней политике преследовал параллельные национально

¹ Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand. Bayern im Nationalsozialismus. München, 1987. S. 49.

² Wentker H. Der Widerstand gegen Hitler und der Krieg. Oder: Was bleibt vom “Aufstand des Gewissens”? // Der 20. Juli 1944 – Profile, Motive, Desiderate. Berlin, 2008. S. 9–32.

³ Ibidem.

⁴ Bundeswehrgelöbnis am 20. Juli und die Tradition der Bundeswehr. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Ulla Jelpke, Sevim Dagdelen, Paul Schäfer (Köln), weiterer Abgeordneter und der Fraktion “Die Linke”. Drucksache 16/2178. – Deutscher Bundestag. 16. Wahlperiode. Drucksache 16/2358. 07.08.2006.

ориентированным консерваторам цели, а во внутренней — стремился к сильному авторитарному государству¹. Германское офицерство было далеко от либерализма, демократии и пацифизма².

Например, генерал-полковник Л. Бек, который с 1939 по 1944 г. участвовал в военном Сопротивлении и принадлежал к руководству заговором (в некоторых планах заговорщиков ему отводилась роль нового главы государства), теоретически вполне мог себе представить новую «войну за основание рейха» (*“Reichsgründungskrieg”*) в центральной Европе. Оппозиция Бека гитлеровскому режиму основалось на злоупотреблении властью со стороны нацистов, но не на авторитарном характере их власти³.

Штауффенберг, в 1944 г. осуществивший покушение на Гитлера, в 1933 г. был готов «как солдат народа верно служить ему», — отмечает историк В. Венор⁴.

Фигура фон Трескова, одного из главных действующих лиц военного Сопротивления на Восточном фронте, привлекает особый интерес⁵. Тресков по своему служебному положению участвовал не только в планировании военных операций против Красной Армии, но и в борьбе с партизанами оккупированной Белоруссии. Его соратник по заговору против Гитлера Г. фон Безелагер предложил создать для борьбы с партизанами «мертвые зоны», в которых с определенного времени убивали бы всех мужчин⁶. Тресков одобрил этот проект: он выступил за создание «мертвых зон».

В новейшей германской историографии развернулась дискуссия о роли Трескова и его единомышленников в уничтожении нацистами евреев на территории СССР летом и осенью 1941 г.⁷

¹ Graml H. Die außenpolitischen Vorstellungen des deutschen Widerstandes // Widerstand im Dritten Reich: Probleme, Ereignisse, Gestalten. Frankfurt/M., 1984. S. 92–139; Mommsen H. Gesellschaftsbild und Verfassungspläne des deutschen Widerstandes // Ebenda. S. 14–91; Hildebrand K. Die ostpolitischen Vorstellungen im deutschen Widerstand // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1978. № 29. S. 213–241.

² Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. М., 2004.

³ Müller K.-J. General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938. Boppard, 1980. S. 149.

⁴ Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit: eine politische Biographie. Frankfurt/M., 1990. S. 73.

⁵ Хавкин Б.Л. Под боком у фон Бока // Родина. 2011. № 11.

⁶ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944. Hamburg, 1999. S. 1028.

⁷ Hürter J. Auf dem Weg zur Militäropposition. Tresckow, Gersdorff, der Vernichtungskrieg und der Judenmord. Neue Dokumente über das Verhältnis der Heeresgruppe Mitte zur Einsatzgruppe B im Jahr 1941 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (далее — VfZ). 2004.

Научный сотрудник Института современной истории в Мюнхене Й. Хюртер нашел в архивах бывшего министерства госбезопасности ГДР донесения о казнях евреев эсэсовцами из «айнзацгруппы Б». На этих документах стоит виза Трескова: «“1а” принял к сведению». Хюртер оценил этот факт так: «Тресков и его сотрудники, которые позже стали ядром оппозиции против Гитлера, в июле–августе 1941 г. восприняли устранение еврейских мужчин по меньшей мере как необходимую в условиях войны меру... Они ничего не предприняли, хотя и обладали для этого абсолютной свободой действий и даже могли ограничить свободу карательных отрядов Гиммлера... Лишь позже Тресков понял: “Всё поменялось, когда подразделения СС осенью 1941-го перешли к массовым расстрелам женщин и детей. К этому времени моральное возмущение, совесть снова зашевелились. И это снова стало сильным мотивом критического отношения к Гитлеру”»¹. Хюртер считает, что данном случае «по военно-профессиональным причинам» можно говорить о постепенном ослаблении действия морального императива в течение первых военных месяцев.

Директор Мемориала немецкого Сопротивления в Берлине Й. Тухель ставит под сомнение информационную ценность документов, обнаруженных Хюртером. Тухель считает, что есть отдельные сообщения, на которых стоит виза Трескова, то есть он что-то знал. Однако документов, на основе которых можно сделать вывод, что Тресков одобрял эти вещи, поддерживал их, нет. Тухель в оценке Трескова делает другой вывод: «Я вижу здесь того, у кого были сведения, и кто, в отличие от многих других, располагавших теми же сведениями, летом и ранней осенью 1941 г. сделал собственные выводы. Произошло ли это днем раньше или днем позже — имеет ли это в действительности значение в условиях осени 1941-го? Не намного ли важнее то, что наконец кто-то набрался духу и захотел сделать что-то вразумительное против Гитлера?.. Если бы у нас (немцев. — Б.Х.) было больше таких военных руководителей с такой харизмой (как Тресков. — Б.Х.), которые были бы готовы рисковать своей жизнью против Гитлера, то персональная основа так называемой армейской оппозиции, вероятно, не была бы так скудна, как она была»².

№ 3; Ringshausen G. Der Aussagewert von Paraphen und der Handlungsspielraum des militärischen Widerstandes // VfZ. 2005. № 1; Römer F. Das Heeresgruppenkommando Mitte und der Vernichtungskrieg im Sommer 1941 // VfZ. 2005. № 3; Graml H. Massenmord und Militäropposition. Zur jüngsten Diskussion über den Widerstand im Stab der Heeresgruppe Mitte // VfZ. 2006. № 1; Hürter J., Römer F. Alte und neue Geschichtsbilder von Widerstand und Ostkrieg // VfZ. 2006. № 3; Ringshausen G. Kuriergepäck und Pistolen. Neue Quellen zu den Attentatsplänen in der Heeresgruppe Mitte im März 1943 // VfZ. 2008. № 3.

¹ Цит. по: Кнопф Г. История вермахта: итоги. СПб., 2009. С. 155.

² Там же. С. 156.

Противоречие личности Трескова состояло в том, что неприятие им гитлеровского режима находилось в постоянном конфликте с его обязательствами перед армией, частью которой он был. Тресков был противником режима, которому ему пришлось служить. Наибольшую угрозу своему предприятию заговорщики из группы Трескова видели в развязывании гражданской войны против верных гитлеровскому режиму войск или в развале германского Восточного фронта. Как будущий «шеф германской полиции» и с 1 декабря 1943 г. начальник штаба 2-й армии, Тресков в ходе подготовки и осуществления государственного переворота боролся против обеих этих опасностей. Чтобы удержать Восточный фронт, заговорщики вынуждены были сдерживать советское наступление и бороться с партизанами.

«Восточный фронт требовал всех наших сил, внимания и психической и физической выносливости. Даты предстоящих покушений (на Гитлера. — Б.Х.) совпадали с календарем наших боевых действий. В марте 1943 г., за два дня до визита Гитлера в штаб-квартиру группы армий “Центр”, Георг (Безелагер. — Б.Х.) и его всадники были больше заняты борьбой с партизанами, чем подготовкой покушения», — вспоминал участник антигитлеровского заговора Ф. Безелагер¹.

Хейнеман отмечает: «Тресков и Герсдорф (представитель абвера в штабе группы армий “Центр”. — Б.Х.) читали самые разные приказы и отчеты, подписывали их и передавали дальше. В рамках оперативного планирования верховного командования они также разрабатывали документацию, необходимую для ведения боевых действий против партизан. Они знали о бесчинствах, творимых немецкими солдатами, об убийствах, совершаемых СС, об ответственности вермахта за соучастие в военных преступлениях. Тресков делал из этого не частные выводы морального порядка, что он должен найти себе иное применение — служить там, где можно было бы не пачкать рук. Его ответственность была в большей мере политического и этического плана: важнее, чем лично оставаться невиновным, свергнуть преступную систему. Чтобы положить конец бессмысленным жертвам немецких солдат, а также прекратить преступления против русских и евреев, нужно убить Гитлера и полностью устранить нацистский режим»².

Х. Моммзен приходит к выводу, что «значительное число противников Гитлера, активно участвовавших в событиях 20 июля 1944 г. и пожертвовавших своими жизнями, ранее содействовало нацистам в ведении войны за уничтожение “неполноценных рас”, в ряде случаев

¹ Boeselager Ph. von. Wir wollen Hitler töten. Ein letzter Zeuge des 20. Juni erinnert sich. München, 2011. S. 122.

² Heinemann W. Der Widerstand gegen das NS-Regime und der Krieg an der Ostfront. S. 54.

одобряло эту войну и активно ей способствовало»¹. Историк К. Хильдебранд (ФРГ) указывал в этой связи на «диалектику соучастия и противодействия, сотрудничества и отказа от него, лояльности и оппозиции»². Кроме того, как отмечает Моммсен, для представителей «второго поколения имперских офицеров», к которому принадлежали Штауффенберг и Тресков, «выраженный антисемитизм был делом само собой разумеющимся»³.

Штауффенберг и Тресков сыграли заметную роль в поддержке коллаборационистского «русского освободительного движения». Под покровительством Трескова и Герсдорфа осенью 1941 г. в Смоленске был создан антисоветский «Русский освободительный комитет»⁴. В 1941–1942 гг. Тресков и Герсдорф вынашивали планы создания русских воинских частей на стороне Германии, сформированных из военнопленных и белоэмигрантов. Однако эти планы были решительно отвергнуты начальником генштаба Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем, который исполнял политическую волю Гитлера⁵.

В феврале–марте 1943 г. Тресков организовал приезд генерала Власова в Смоленск и Могилев, рассчитывая на то, что после убийства Гитлера, которое должно было состояться 13 марта 1943 г., Власов станет главой русского правительства в Смоленске и характер войны немедленно изменится.

Тресков был сторонником изменения германской оккупационной политики. В служебной записке от 25 декабря 1942 г. под названием «Опыт управления на местах и выработка политических целей» он выступал за налаживание контактов с местным населением в районе оперативной ответственности группы армий «Центр» и заявлял «о нетерпимости текущих методов администрации и неприемлемости планов колонизации»⁶.

Хранящиеся в Федеральном военном архиве ФРГ, в Мемориале немецкого Сопротивления в Берлине, в Институте современной истории в

¹ Mommsen H. *Alternative zu Hitler: Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes*. München, 2000. S. 377.

² Hildebrand K. *Das Vermächtnis des anderen Deutschland. Diktatur und Widerstand — zur Gegenwärtigkeit des Vergangenen* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1989. 22.VII.

³ Mommsen H. *Die Stellung der Militäropposition... // NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler*. Darmstadt, 2000. S. 126.

⁴ Штрик-Штрикфельдт В. *Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение*. М., 1993. С. 54–55.

⁵ Штеенберг С. *Генерал Власов*. М., 2005. Примеч. 47.

⁶ *Erfahrungen in der Verwaltung des Landes und politische Zielsetzung*. 25.XII.1942. — Dallin A. *Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945*. Düsseldorf, 1958. S. 562–563.

Мюнхене и в других местах источники и литература¹ позволяют воссоздать неоднозначный образ Трескова.

Хеннинг (полное имя: Хеннинг Херманн Роберт Карл) фон Тресков родился 10 января 1901 г. в прусском городе Магдебурге. Его детство прошло в родительском имении Вартенберг, расположенном на восточном берегу Одера (теперь — польская Западная Померания). Родословная фон Тресковых уходит корнями в XIV в.; его предки по мужской линии были военными, дипломатами и придворными. Среди них — командующий франконским ополчением в XVIII в. генерал-фельдмаршал Адам Фридрих фон Тресков, тайный советник и посол Арнд Хайнрих фон Тресков, прусско-королевский камергер Отто Мельхиор фон Тресков².

Хеннинг обладал сильным характером, сформировавшимся в результате сочетания христианского воспитания и глубоко укоренившихся семейных традиций³. Его дед — герой франко-прусской войны генерал пехоты Герман Генрих Теодор фон Тресков был шефом военного кабинета прусского короля Вильгельма I, а затем командовал 9-м армейским корпусом. Отец Хеннинга, Герман фон Тресков, в 1900 г. вышел в отставку в чине генерала кавалерии и поселился в своем имении. Генерал был убежденным монархистом и всю жизнь (он умер в 1933 г.) любил вспоминать, как в 1871 г. молодым лейтенантом он удостоился чести присутствовать на коронации кайзера Вильгельма I в зеркальном зале Версальского дворца. Его жена Мария-Агнеса была дочерью кайзеровского гофмейстера графа Р. фон Цедлиц-Трютцшлера. До смерти в 1926 г. она жила в имении, занимаясь семьей и домом.

Премудрости наук юному Хеннингу и его брату Герду, который был двумя годами старше, поначалу преподавал домашний педагог. Затем братья продолжили обучение в школе при монастыре Локкум. Хеннинг окончил ее в июне 1917 г. и добровольно отправился в кайзеровскую армию, где уже служил его брат. В июне 1918 г. юнкер при знамени Х. фон Тресков стал одним из самых молодых лейтенантов 1-го Потсдамского гвардейского пехотного полка. Он участвовал в одном из наиболее жестоких сражений Первой мировой войны — в битве на Марне, был награжден Железным крестом II-го класса.

В ноябре 1918 г. Первая мировая война завершилась поражением империи Вильгельма II. В Германии произошла революция, кайзер бежал

¹ Scheurig B. Henning von Tresckow. Ein Preuße gegen Hitler. Berlin, 1997; Arelin K.O. Freiherr von. Henning von Tresckow // 20. Juli. Portraits des Widerstands. Düsseldorf, Wien, 1984; Haffner S., Venohr W. Henning v. Tresckow // Preußische Profile, 1986; Grabner S., Röder H. Henning von Tresckow: "Ich bin, der ich war". Berlin, 2005.

² Neues allgemeines deutsches Adels-Lexicon. Leipzig, 1859–1870. Bd. 9. S. 267–269.

³ Мэнвелл Р., Френкель Г. Июльский заговор. История неудавшегося покушения на жизнь Гитлера. М., 2007.

из страны, а к власти пришли, как считали в офицерских кругах, «социалисты-демократы и еврей-плутократы, нанешие рейху удар ножом в спину». В декабре 1918 г. полк, в котором служил молодой лейтенант, был распущен, а уже в январе 1919 г. Тресков в составе добровольческого отряда майора фон Стефани участвует в подавлении восстания последователей русских большевиков — немецких «спартаковцев» в Берлине¹. До ноября 1920 г. Тресков остается в армии; теперь это лишенные артиллерии, танков, авиации 100-тысячные профессиональные силы обороны Веймарской республики — рейхсвер.

В конце 1920 г., разочаровавшись в военной карьере, отставной офицер решил стать «деловым человеком». В 1920–1921 гг. Тресков изучал в Берлинском университете имени Фридриха-Вильгельма юриспруденцию, теорию современного государства, финансы и биржевое дело. В 1922–1923 гг. он продолжил обучение в университете г. Киля, однако диплома так и не получил: в январе 1923 г. он поступил на работу в банкирский дом Вильгельма Кана в Потсдаме, где впрочем, проработал недолго. В июле 1924 г. он вместе с другом обер-лейтенантом К. фон Хессе отправился в кругосветное путешествие, надеясь, что впечатления от жизни заморских стран помогут расширить кругозор и приобрести новые знания и жизненный опыт. Путешественники посетили Амстердам, Лондон, Париж, Лиссабон и отправились в Новый Свет. Но в декабре 1924 г. Тресков был вынужден прервать путешествие: в Сантьяго-де-Чили его застала весть, что надо спасать от долгов родовое гнездо. Пришлось вернуться на родину. В Германии он устроился на работу управляющим на небольшую фабрику. 18 января 1926 г. Тресков женится на Эрике фон Фалькенхайн, дочери генерала Эриха фон Фалькенхайна и двоюродной сестре генерала Федора фон Бока, которому Тресков приходился также племянником. От брака Хеннинга и Эрики фон Тресков родились четверо детей: сыновья Марк и Рюдигер и дочери Ута и Адельгейда. Эрика фон Тресков была не только верной женой и матерью, но и соратником своего мужа: она, вместе с М. фон Овен и Э. фон дер Шуленбург, в 1943 г. в большой тайне перепечатывала на пишущей машинке тексты секретных приказов и распоряжений заговора. Все эти документы начинались словами «фюрер Адольф Гитлер мертв»².

1 февраля 1926 г. Трескова по личной рекомендации рейхспрезидента генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга вновь зачисляют на военную службу. Он командует ротой 9-го Потсдамского пехотного полка. 1 февраля 1928 г. Его производят в обер-лейтенанты и переводят на должность адъютанта 1-го батальона. В полку царил привычная для рейхсвера ат-

¹ Scheurig B. Henning von Tresckow. Ein Preuße gegen Hitler. S. 20.

² Venohr W. Stauffenberg. S. 215.

мосфера: офицеры — почти все приверженцы «отца рейхсвера» генерала фон Секта, почитавшего армию за государство в государстве, по полковым праздникам первый бокал традиционно поднимали за династию Гогенцоллернов. Но кайзера на имперском троне больше не было. Да и сама империя, по Веймарской конституции, была объявлена республикой. Тресков отнюдь не был твердолобым монархистом, он признавал необходимость социально-экономических и политических изменений, но смириться с политическим хаосом Веймарской республики не мог.

Наибольшие симпатии Трескова, как и большей части германского офицерства, вызывали те политики, которые сулили рейхсверу новые перспективы. Поэтому Тресков, как и его сослуживцы, увидел в соратниках Гитлера силу, способную вернуть армии, а стало быть, и Германии, утраченные позиции в мире и смыть позор Версаля. В 1929 г. Тресков выступил в офицерском казино в поддержку национал-социалистической «консервативной революции» а в следующем году написал в одном из писем: «Мы голосуем за А. Г.»¹.

Биограф Трескова Б. Шойриг отмечает, что в начале 1930-х гг. Тресков поддался на многообещающую агитацию нацистов. Вопреки своему благородному происхождению, он критиковал дворянский консерватизм и считал, что не черствый душой молодой человек должен быть либо коммунистом, либо нацистом. «Если ты умна — голосуешь за Гугенберга, если страстна — выбираешь Гитлера», — советовал он одной своей родственнице². В отличие от своего брата Герда, который с самого начала был противником нацизма, Хеннинг приветствовал приход Гитлера к власти.

Первые сомнения относительно правильности политики нацистского «фюрера» пришли к Трескову после расправы гитлеровцев над двумя генералами рейхсвера 30 июня 1934 г. в «ночь длинных ножей». В эту ночь, кроме вождей штурмовиков, были убиты бывший рейхсканцлер К. фон Шляйхер и бывший шеф военной разведки (абвера) и военный министр в кабинете Шляйхера Ф. фон Бредов. Тресков, с 1 мая 1934 г. капитан, считал эти политические убийства разложением основ правопорядка в стране³.

В октябре 1934 г. Тресков поступил в военную академию и в сентябре 1936 г. блестяще окончил ее. Как лучший офицер своего выпуска он получил назначение в 1-й (оперативный) отдел Генерального штаба. По долгу службы он ознакомился с секретными планами в отноше-

¹ Карпов М. Пристрелить пляшущего дервиша // Совершенно секретно. Приложение. Люди на все времена, 1945–2011. 2011. № 4/8.

² Scheurig B. Op. cit.

³ Deutschlandarchiv-Info. Widerstand in Diktaturen. Der 20. Juli 1944 in der deutschen Erinnerungskultur. Oldenburg, 9. Juli 2004. S. 885.

нии Чехословакии. Его насторожило изменение этих планов в декабре 1937 г.: за ним стоял явный отказ Гитлера от оборонительных действий в пользу захватнической войны. Впервые Трескову стали ясны агрессивные внешнеполитические замыслы нацистского «фюрера», его планы сыграть ва-банк и захватить соседние государства. В случае войны на два фронта, которая могла бы возникнуть из-за нападения Германии на Чехословакию, военных сил рейха было явно недостаточно, чтобы сражаться против Чехословакии и союзной ей Франции. Это обстоятельство, по мнению Трескова, требовало от Германии проведения политики мира. Авантюристическую позицию Гитлера Тресков считал «политикой в стиле Дикого Запада».

В 1938 г. оппозиция в среде консервативной и военной элиты рейха стала постепенно усиливаться. Следующий шаг антигитлеровской эволюции Трескова произошел в феврале 1938 г., когда в стране и армии разразился скандал, названный «аферой Бломберга – Фрича». Главнокомандующий вермахтом (так с 1935 г. стали называться вооруженные силы Германии, воссозданные на основе всеобщей воинской повинности) генерал-фельдмаршал В. фон Бломберг и главнокомандующий сухопутных войск генерал-полковник В. фон Фрич крайне отрицательно отнеслись к авантюристическим планам Гитлера. Вследствие этого последовала позорная отставка обоих генералов: Бломбергу поставили в вину потерю офицерской чести из-за женитьбы на женщине, чья репутация «не соответствует его высокому посту ее мужа», а Фричу инкриминировали гомосексуализм. Несмотря на доказанную абсурдность обвинений, оба генерала были скомпрометированы и лишены своих постов. Гитлер заменил Фрича В. фон Браухичем, а место Бломберга занял сам. Через несколько дней после устранения этих военачальников было учреждено Верховное командование вермахта во главе с Гитлером — «фюрером» и Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Германии.

Осенью 1938 г. среди военных созрел антигитлеровский заговор, во главе которого стояли генерал-полковники Л. Бек, К. фон Хаммерштейн, Ф. Гальдер, а также шеф военной разведки (абвера) адмирал В. Канарис и его заместитель Х. Остер.

Во время Судетского кризиса Тресков намеревался «пристрелить Гитлера как бешеного пса»¹. «Именно такие люди, как Тресков, нам теперь необходимы, чтобы обуздать безумие», — заявлял Вицлебен, один из руководителей генеральского заговора. 29 сентября 1938 г. состоялся «Мюнхенский сговор». Таким образом, Англия и Франция не только отдали Гитлеру часть Чехословакии, но и спасли его от заговорщиков.

¹ Gedenkstätte Deutscher Widerstand. Biographien. Henning von Tresckow. URL: <http://www.gdw-berlin.de/de/vertiefung/biographien/personenverzeichnis/> [дата обращения 31.03.2015]

В январе 1939 г. Тресков был назначен командиром 10-й роты 3-го батальона 45-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии. 1 марта 1939 г. он получил чин майора, а в середине августа 1939 г. — должность начальника оперативного отдела (офицера «1а») 228-й пехотной дивизии. В этой должности Тресков участвовал в нападении Германии на Польшу; за успешное оперативное руководство действиями своей дивизии был награжден Железным Крестом I класса. 23 октября 1939 г. Тресков был переведен штаб группы армий «А», где он служил помощником начальника оперативного отдела (офицером «1а-оп») Э. фон Манштейна. Осенью и зимой 1939 г. Тресков стал свидетелем серьезных разногласий между группой генералов и Гитлером по вопросу планирования военной компании на Западе. Однако весенне-летнее наступление вермахта на Западном фронте, вопреки опасениям генералов, прошло блестяще: 14 июня 1940 г. германские войска вошли в Париж. 10 декабря 1940 г. подполковник Тресков был назначен офицером «1а» (начальником оперативного отдела) штаба группы армий «Б», которой командовал дядя Трескова генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок.

22 июня 1941 г. в связи с нападением Германии на СССР группа армий «Б» была переименована в группу армий «Центр», которая действовала на направлении главного удара и должна была через три месяца взять Москву. Тресков, как и большинство немецких военных, испытывал определенные надежды на успех блицкрига. «У нас есть возможность разбить Россию, если группа армий “Центр” до наступления зимы выиграет битву за Москву», — говорил он своему двоюродному брату, адъютанту Манштейна А. Штальбергу¹.

Но вскоре точка зрения Трескова изменилась: нападение Гитлера на СССР он называл «дерзостью превеликого дилетанта, предпринятою, несмотря на то, что Англия все еще не побеждена»².

Первый адъютант фон Бока граф К.-Х. фон Харденберг вспоминал, как теплым летним вечером 1941 г. они с Тресковым долго беседовали на берегу Березины. Они «тогда уже поняли, что никакие попытки увещевания людей, призванных управлять страной, не приведут к успеху. То ли из-за необычайной способности Адольфа Гитлера внушать свои идеи другим, то ли из-за недостатка гражданского мужества у немцев,... не нашлось никого, кто попытался бы, используя все возможности своего положения, выступить против преступных приказов и милитаристского безумия... Мы хорошо осознавали всю трудность нашей задачи... Тот, кто сегодня считает себя в праве полагать, что тогда нами руководило лишь честолюбие, желание прославиться или спасти себя от надвигающейся катастрофы, тот ничего не знает об угрызеньях совести и

¹ Stahlberg A. Die verdammte Pflicht: Erinnerungen 1932 bis 1945. Berlin, 1987. S. 175.

² Финклер К. Указ. соч. С. 116.

душевных муках, с которыми каждый из нас должен был справляться поодиночке. Что с нами будет, если мы проиграем? Не пропадут ли тогда все наши усилия понапрасну, оставшись лишь преступлением? Это продолжалось дни и недели... Наконец, после расквартирования в Смоленске было решено: нужно действовать»¹.

В формировании антинацистских взглядов Трескова и его единомышленников сыграли решающую роль крайняя жестокость ведения войны и военные преступления на Восточном фронте. Нацистский режим решился на агрессию против СССР в июле 1940 г. и с декабря 1940 г., в соответствии с планом «Барбаросса», готовил ее как «войну на уничтожение». С целью завоевания «жизненного пространства» на Востоке для «господства высшей арийской расы» и уничтожения «еврейско-го большевизма» подлежали изгнанию, порабощению и уничтожению более 30 млн. чел.²

Германское государственное и военное руководство сознательно morило голодом миллионы советских военнопленных и гражданских лиц, отдавало противоречащие международному праву приказы об убийствах командиров и комиссаров Красной Армии и использовало войну на Востоке для развязывания Холокоста против европейских евреев.

После первоначальных военных успехов вермахта, последовали победы советского оружия в битве под Москвой в конце 1941 г., в Сталинградском сражении осенью-зимой 1942–1943 гг., в битве на Курской дуге летом 1943 г., ознаменовавшие поражение Германии. Германско-советская война стоила бoльших жертв (в том числе и для немцев), чем любая другая война в истории Европы. Стратегическое поражение вермахта на Восточном фронте; преступный характер военных действий, которые планировало и вело германское военно-политическое руководство, как ОКВ, так и ОКХ (верховное командование сухопутных сил)³; уничтожение евреев, осуществляемое воинскими частями (как СС, так и вермахта), привели к активизации Сопротивления против нацистского режима⁴.

¹ Граф Харденберг: одна из судеб немецкого Сопротивления. М., 2007. С. 22–23.

² Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки: документы и материалы. М., 1973. Т. 2. С. 30–41; Generalplan Ost. Rechtliche, wirtschaftliche und, 28. Mai 1942. URL: <http://gplanost.x-berg.de/gplanost.html> [дата обращения 31.03. рäumliche Grundlagen des Ostaufbaus. Vorgelegt von SS-Oberführer Prof. Dr. K. Meyer. Berlin-Dahlem 2015]; Мейер К. Генеральный план “Ост”: правовые, экономические и пространственные принципы обустройства на Востоке: представлен обер-фюрером СС проф. др. Конрадом Мейером (Берлин-Далем, 28 мая 1942 г.). М., 2012.

³ Хотя Международным военным трибуналом (МВТ) в Нюрнберге вермахт не был признан преступной организацией, представители командования германских вооруженных сил были осуждены как МВТ, так и на 12-м малом Нюрнбергском процессе (“ССША против В. фон Лееба”).

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 156.

Сопротивление оказывалось также и небольшой группой офицеров германских вооруженных сил. Особую роль, в силу решающего военного и политического значения Восточного фронта во Второй мировой войне, играла антигитлеровская оппозиция немецких военных на германо-советском фронте, в частности в штабе группы армий «Центр», практическим руководителем которой был полковник (с 1942 г.) генерально-го штаба (с 1 июня 1944 г. генерал-майор) Тресков.

К группе Трескова принадлежали офицеры штаба группы армии «Центр» и подчиненных ему штабов на Восточном фронте: Р.-К. фон Герсдорф, К.-Х. фон Харденберг, Б. фон Клейст, Ф. фон Шлабрендорф, А. фон дем Бусше, братья Г. и Ф. фон Безелагер, Х. фон Лендорф-Штайнорт и другие. В силу своего служебного положения офицеры Генштаба лучше других были осведомлены о реальном положении дел. Многие из них понимали, что Гитлер ведет Германию и ее вооруженные силы к неминуемой катастрофе. Следовательно, единственный способ спасти страну и армию — это уничтожить Гитлера. Почти все эти офицеры были молодыми аристократами, чьи нравственные ценности вступили в острое противоречие с военными преступлениями нацистов.

Уничтожение 20–21 октября 1941 г. эсэсовцами из «айнзацгруппы Б» всего еврейского населения белорусского города Борисова, о котором узнал уполномоченный абвера при штабе группы армий «Центр» барон Герсдорф, оказало сильнейшее воздействие на окружение Трескова и развеяло последние сомнения в необходимости борьбы против Гитлера и его режима¹. В начале декабря 1941 г. Герсдорф говорил Трескову: «У меня создалось впечатление, что расстрелы евреев, военнопленных и комиссаров осуждаются офицерским корпусом повсеместно... Расстрелы рассматриваются как позорящие честь германской армии, в особенности ее офицерского корпуса. Виновен в этом только один человек — и вы отлично знаете кто»².

Барон Бусше, полковой адъютант 9-го Потсдамского пехотного полка, был свидетелем массового убийства в украинском местечке Дубно. 5 октября 1942 г. было уничтожено все еврейское население Дубно — около 3 тыс. мужчин, женщин и детей. Для Бусше этот случай стал мо-

¹ В Борисове при ликвидации гетто было расстреляно от 7 до 10 тыс. чел. // Холокост на территории СССР: энциклопедия. М., 2011. С. 100; Hürter J. Auf dem Weg zur Militäropposition. Tresckow, Gersdorff, der Vernichtungskrieg und der Judenmord. Neue Dokumente über das Verhältnis der Heeresgruppe Mitte zur Einsatzgruppe B im Jahr 1941 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. № 3. S. 533.

² Die Ermordung der europäischen Juden: Eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941–1945. München, 1989. S. 142, 143.

ментом истины: «Лишь смерть тирана может положить конец этому ужасу», — писал он¹.

Граф Лендорф, в 1941 г. адъютант фон Бока, будучи в отпуске на родине рассказывал жене о преступлениях СС: «Я принял окончательное решение вступить в ряды Сопротивления. Нас целая группа у Бока»².

Тресков много раз, правда, безрезультатно, пытался убедить командующего группой армий «Центр» заявить официальный протест против приказа «О комиссарах»³.

Как отмечает историк Б. Шойриг, «это не было абсурдное незаконное притязание штабного офицера, а хорошо просчитанная стратегия благородного прусского дворянина: с точки зрения происхождения Тресков занимал прочное положение и вращался в высших кругах — фельдмаршал фон Бок был его дядей. Поэтому Тресков решил надавить на родственника: “Ты должен сегодня же отправиться к Гитлеру, вместе с генерал-фельдмаршалом Рундштедтом и генерал-фельдмаршалом Леебом... Вы должны поставить вопрос о доверии кабинету Гитлера и все вместе заявить: вы обещали нам, что армия не будет обязана выполнять преступные приказы. Это обещание было нарушено, потому что теперь вы послали нам приказ, который однозначно является преступным. Мы отказываем вам в повиновении, если вы не отмените этот приказ”. Фельдмаршал фон Бок не был в восторге от этого: “Да он же меня вышвырнет вон!”. Его племянник ответил: “Тогда ты с точки зрения истории, по крайней мере, красиво уйдешь!”»⁴. Усилиями Трескова этот преступный

¹ Knopp G. Der Widerstand gegen Hitler im Gedächtnis der Deutschen // Der militärische Widerstand gegen Hitler — der Beitrag Hessens zum 20. Juli 1944. Wiesbaden, 2005. S. 10.

² Besprechung des Buches: A. Vollmer. Doppelleben. Heinrich und Gottliebe von Lehn-dorff im Widerstand gegen Hitler und von Ribbentrop. Frankfurt/M., 2010 // Süddeutsche Zeitung. 2010. 14.IX.

³ Приказ ОКВ «О комиссарах» от 6.VI.1941 г. гласил: «Комиссары не признаются в качестве солдат; на них не распространяется защита, предоставляемая международным военным правом. После отделения их следует уничтожать». (Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы. М., 1987. С. 106). В вермахте были отдельные случаи протеста против приказа «О комиссарах». Командующий 39-м армейским корпусом генерал Р. Шмидт в сентябре 1941 г. обратился к Гитлеру с призывом отменить этот приказ. Тогда же с аналогичным заявлением к начальнику Генштаба ОКВ и автору этого приказа В. Кейтелю обратился шеф абвера адмирал В. Канарис. Приказ «О комиссарах» был частично пересмотрен в июне 1942 г.: принадлежность к политсоставу Красной Армии более не каралась расстрелом, но евреи, как и прежде, подлежали смертной казни. — Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. “Unternehmen Barbarossa” 1941. Frankfurt/M., 1991. S. 301–302, 340–341; Шнеер А. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. С. 408–410; Полян П.М. Право на убийство // Время новостей. 2010. 8 июня.

⁴ Scheurig B. Op. cit.

приказ был задержан в штабе Бока, а командующий не издал соответствующих директив по подчиненной ему группе армий¹.

«Если нам не удастся побудить фельдмаршала Браухича² предпринять, даже пустив в ход весь свой авторитет, все возможное для того, чтобы отменить эти приказы («О комиссарах» и «Об особой подсудности в районе “Барбаросса”» — Б.Х.³), Германия окончательно потеряет свою честь, а это будет давать себя знать на протяжении сотен лет. Вину за это возложат не на одного только Гитлера, а и на вас и на меня, на вашу жену и на мою, на ваших детей и на моих», — говорил Тресков Герсдорфу⁴.

В сентябре 1941 г., когда до Трескова дошли сведения о ситуации в концлагерях, он вступил в контакт с берлинской группой Сопротивления во главе с Л. Беком, К.Ф. Гёрделером и Х. Остером.

Первая попытка военного переворота, планируемого Тресковым и его единомышленниками в Берлине и назначенного на декабрь 1941 г., так и не состоялась. Она была связана с именем генерал-полковника Гёпнера. Для захвата или уничтожения Гитлера предполагалось использовать силы находившейся в подчинении Гёпнера 4-й танковой группы. Однако отправить танкистов Гёпнера в рейх для участия в военном перевороте заговорщикам не удалось. 4-я танковая группа, действовавшая в составе группы армий «Центр», понесла тяжелые потери в Вяземском сражении и Московской битве. 7 января 1942 г. Гёпнер за самовольное отступление под Москвой был отстранен от командования. На следующий день он был с позором отправлен в отставку «за трусость и неподчинение приказам». Однако связи опального Гёпнера с антигитлеровским Сопротивлением только усилились. 20 июля 1944 г. его арестовали как участника заговора против Гитлера и 8 августа 1944 г. повесили в тюрьме Плётцензее в Берлине⁵.

¹ Шнеер А. Указ. соч. С. 412; Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 209.

² Генерал-фельдмаршал В. фон Браухич — главнокомандующий германских сухопутных сил в 1938–1941 гг., уволенный Гитлером в отставку 19 декабря 1941 г. в связи с провалом «блицкрига» против СССР.

³ Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Берлин, 1992. С. 45, 46.

⁴ Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М., 2004. С. 116–117.

⁵ Участие Гёпнера в военной оппозиции Гитлеру не мешало ему исповедовать, по сути, нацистские взгляды в отношении России. В приказе по 4-й танковой группе от 22 июня 1941 г., изданном в связи с нападением на Советский Союз, он призывал к «великой борьбе германцев против большевизированного славянства», «дабы сохранить наш германский народ и наших потомков». — Юбершер Г. Образ России в кругах германского Сопротивления Гитлеру // Германия и Россия: события, образы, люди. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 39–40.

После провала немецкого наступления под Москвой был снят с поста командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок. 19 декабря 1941 г. в командование группой армий «Центр» вступил генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге по прозвищу «Умный Ганс». Это прозвище он получил не только по совпадению с фамилией (немецкое слово «Дер Клюге» переводится как «умный»), но и в честь знаменитой в Германии цирковой лошади по кличке «Умный Ганс», которая якобы отличалась глубоким интеллектом и даже умела считать.

Тресков как офицер («Ia») имевший постоянный личный контакт с новым командующим, пытался, однако без особого успеха, вовлечь «Умного Ганса» в ряды военного Сопротивления Гитлеру.

В ноябре 1942 г. адъютант и кузен Трескова лейтенант Ф. фон Шлабрендорф, выполняя поручение Трескова, привез на тайную встречу с фон Клюге одного из лидеров антигитлеровской консервативной оппозиции Гёрделера. В лесу под Смоленском «Гёрделер, политический застрельщик немецкого Сопротивления, обратился к фельдмаршалу Клюге... с просьбой сыграть активную роль в ликвидации Гитлера»¹. Казалось, что Клюге после разговора с Гёрделером согласился принять участие в борьбе против Гитлера. Однако «Умный Ганс» был слишком хитер, чтобы однозначно встать на сторону заговорщиков. Через несколько дней после разговора с Гёрделером он написал генералу Беку в Берлин, чтобы путчисты на него не рассчитывали. Очевидно, в пользу Гитлера сыграл щедрый подарок: 30 октября 1942 г. в день 60-летия Клюге Гитлер прислал ему чек на 250 тыс. марок (что тогда составляло около 100 тыс. американских долларов)².

17 ноября 1942 г. Тресков в беседе со Штальбергом сказал, что «генштаб не заслуживает больше своего названия, остались только блеск воротников и красные лампасы на штанах. Никто больше не обращается к Клаузевицу и старому Мольтке. Гитлер потребовал, говоря его собственными словами, — офицеры генштаба должны, “как кровожадные собаки, рвать поводок, чтобы, когда их спустят, броситься на врага и разорвать его в клочья”. Эти слова фюрера являются оскорблением генштаба. Гитлеру хотелось бы иметь в генштабе мелких пособников-подхалимов. “Пособники на службе главного преступника”... Я (Штальберг. — Б.Х.) спросил его, что он может сказать о слухах злоупотреблений СС в отношении гражданского населения. Он ответил, что... речь идет не об отдельных злоупотреблениях, а о планомерном уничтожении людей. В группе армий имеется достоверная информация, что созданы специальные части СС и СД, которые делают это

¹ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 2. С. 404.

² Там же.

дело с такой четкой организацией и в таких масштабах, что все это выходит за рамки любых фантазий. В то время как мы, солдаты на передовой, должны подставлять себя под пули, СС за нашей спиной вершит темные дела. Он, Хеннинг, видит в этом оскорбление солдатской чести тех, кто жертвует собой на фронте. Я слушал его в оцепенении. То, что он рассказал, было чудовищно. Затем он начал говорить, что он сейчас делает, чтобы покончить со всем этим. Никто сегодня не знает, когда наступит этот день, но он уверен, что он наступит, и это будет ужасно, — добавил он»¹.

Заговорщики из штаба группы армий «Центр» и их соратники в Берлине продолжали готовить государственный переворот. Характерно, что Клюге не только не выдал их, но и фактически прикрывал подготовку Тресковым и его группой покушения на фюрера и Верховного главнокомандующего, которого Тресков предлагал «пристрелить как «пляшущего дервиша»². Возможно, образ пляшущего дервиша был связан с антихристианскими высказываниями Гитлера: «Немец, наделенный разумом, должен был просто за голову схватиться, видя, как еврейский сброд и попы с их болтовней побудили немцев вести себя наподобие высмеиваемых нами завывающих турецких дервишей и негров... Немцы попались на удочку теологии, которая воистину лишена какой бы то ни было глубины»³. Хотя для намеревавшихся свергнуть Гитлера профессиональных военных, прежде всего, имели значение не религиозные взгляды Гитлера, а его реальная политика, ведущая Германию к катастрофе.

Тресков утверждал, что принесенная Гитлеру присяга больше не имеет силы. «Разве это не удивительно, что... в генеральном штабе германской армии... обсуждают, как лучше убить главу государства! И все-таки, это единственное решение, чтобы спасти немецкий народ от величайшей катастрофы во всей его истории»⁴.

Будучи кадровым и потомственным прусским офицером, Тресков являлся противником милитаризма, в особенности в нацистском обличии. В 1943 г. Тресков говорил своим двум сыновьям во время их конфирмации в Потсдамской гарнизонной кирхе: «От истинного пруссачества неотделимо понятие свободы. Истинное пруссачество означает синтез привязанности и свободы, гордости за собственное и понимания чужого, суровости и сочувствия. Вне такой связи суще-

¹ Из воспоминаний А. Штальберга о встрече с Х. фон Тресковым 17.XI.1942 г. в штабе верховного командования группы армий «Центр» в Смоленске. — Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Берлин, 1992. С. 194.

² Карпов М. Указ. соч.

³ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1998. С. 143.

⁴ Финклер К. Указ. соч., с. 117.

ствуется опасность погрязнуть в бездушной солдатчине и черствой несговорчивости»¹. Такое понимание пруссачества придавало прусскому аристократу силы в антигитлеровской борьбе.

До середины осени 1943 г. успех заговора во многом зависел от позиции Клюге². Как позже писал участник заговора майор Й. Кун, «Клюге не мог решиться на то, чтобы отвести с фронта свою армейскую группу “Центр”³ для сохранения сил и нарушить тем самым приказ Гитлера. Однако на случай приезда Гитлера в ставку армейской группы “Центр” он был готов отдать приказ об его аресте. Для этой цели... в его распоряжении имелся кавалерийский полк под командованием полковника Безелагера. Большинство офицеров этого полка вовлечены в заговор и перед ними была поставлена задача, в случае прилета Гитлера в расположение штаба центральной армейской группы, арестовать его на аэродроме». Клюге сообщил Куну, что можно рассчитывать на поддержку находившейся в то время в Вильно 18-й артиллерийской дивизии, где начальником штаба был его сын⁴.

В подготовке покушения на Гитлера участвовали 9 офицеров — 4 из штаба группы армий «Центр» и 5 кавалеристов Безелагера. План предусматривал два варианта действий. Первый: застрелить Гитлера и сопровождающего его рейхсфюрера СС Гиммлера в офицерском казино во время званого обеда в честь фюрера и Верховного главнокомандующего. Второй: силами кавалерийского эскадрона В. Кёнига из полка Безелагера атаковать автомобильный кортеж Гитлера по дороге из штаба Клюге на аэродром, по возможности захватить Гитлера и Гиммлера живыми, приговорить их к смертной казни и немедленно расстрелять.

Клюге был в курсе дела: «Действуйте на свой страх и риск... я вас не выдам», — сказал он своему адъютанту Ф. Безелагеру, участнику заго-

¹ Rede Henning von Tresckow anlässlich der Konfirmation seiner beiden Söhne in der Garnisonkirche am 11. April 1943 URL: <http://www.garnisonkirche-potsdam.de/wp-content/uploads/pdf/tresckow.pdf> [дата обращения 31.03.2015]

² 12 октября 1943 г. Клюге попал в автомобильную катастрофу на шоссе Орша–Минск, получил тяжелые травмы и был отправлен для лечения в Германию. На посту командующего группой армий “Центр” его сменил генерал-фельдмаршал Э. Буш. Участие Клюге в заговоре против Гитлера было раскрыто после провала государственного переворота 20 июля 1944 г. 18 августа 1944 г. Клюге покончил жизнь самоубийством, отравившись цианистым калием

³ Неточность перевода. Правильно: группа армий «Центр».

⁴ “Собственноручные показания” Куна от 02.09.1944 // Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Дело по обвинению Куна Йоахима. Р-46988. Л. 72; Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из ЦА ФСБ России / предисл. и коммент. А.М. Калганова и Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 173.

вора и брату Г. Безелагера, командира кавалерийского полка, призванно-го сыграть решающую роль в государственном перевороте¹.

Однако накануне визита Гитлера в штаб группы армий «Центр» выяснилось, что «живая тень фюрера» — Гиммлер сопровождать Гитлера не будет. Когда 13 марта 1943 г. Гитлер на личном самолете прилетел из Винницы на оперативное совещание в штаб группы армий «Центр» в Смоленск, Ключе запретил Трескову и братьям Безелагер действовать: «убить Гитлера, но не захватить Гиммлера — это угрожает гражданской войной. После смерти Гитлера к власти придут СС и безжалостно уничтожат любую оппозицию. При любом перевороте прежде всего следует обязательно обезвредить СС. Короче, успешное покушение на Гитлера не приведет к решающим последствиям, если одновременно с ним не будет устранен рейхсфюрер СС»².

Однако у Трескова и его адъютанта Шлабрендорфа был еще один, запасной, вариант: организовать «несчастный случай» — сделать так, чтобы самолет с Гитлером на борту «по неясным причинам» взорвался бы в воздухе где-нибудь в районе Минска.

В «Фоке-Вульф Кондор», на котором Гитлер вылетел из Смоленска, Тресковым и Шлабрендорфом была подложена взрывчатка замедленного действия, замаскированная под коробку с двумя бутылками французского коньяка. Сопровождавший Гитлера полковник Х. Брандт из штаба ОКХ, бывший чемпион Берлинской олимпиады 1936 г. по конкуру, согласился захватить с собой эти бутылки и передать их в подарок генералу Штифу. Но в воздухе взрыва не последовало: Брандт поместил смертоносную посылку в багажное отделение самолета, где детонатор не сработал от холода. Узнав, что самолет Гитлера благополучно приземлился, Шлабрендорф срочно вылетел в Берлин, чтобы забрать у Брандта злополучную коробку, пояснив Брандту, что по ошибке передал ему не те бутылки.

Волею судьбы Брандту дважды довелось спасти жизнь Гитлера. 20 июля 1944 г., на совещании в «Волчьем логове» Гитлера под Растенбургом, Брандт, споткнувшись о начиненный взрывным устройством портфель Штауффенберга, переставил его, убрав за подставку массивного дубового стола. Прогревшим взрывом Брандт был убит, но лишь легко ранен Гитлер.

Вскоре заговорщикам из штаба группы армий «Центр» представилась новая возможность убить Гитлера. 20 марта 1943 г. доверенное лицо Трескова барон Герсдорф должен был взорвать себя вместе с Гитлером во время посещения последним выставки трофейного советского

¹ Boeselager Ph. von. Wir wollen Hitler töten. Ein letzter Zeuge des 20. Juni erinnert sich. München, 2011. S. 114.

² Boeselager Ph. von. Wir wollen Hitler töten. S. 115.

оружия, которую группа армий «Центр» устроила в берлинском цейхгаузе по случаю «дня повиновения героев». Но взрывной механизм в кармане шинели Герсдорфа был установлен на 10 минут, а Гитлер провел на выставке всего лишь 2 минуты. Герсдорф едва успел скрыться в туалете, чтобы извлечь взрыватель из адской машины¹.

Но и после неудачных попыток устранения Гитлера в марте 1943 г. заговорщики из штаба группы армий «Центр» продолжали готовить покушения на него².

В конце лета 1943 г. Тресков совместно с заговорщиками из генштаба ОКХ подполковником фон Штауффенбергом³ и майором Х.-У. фон Эртценом разрабатывал планы свержения нацистского режима, которые, наряду с устранением Гитлера и нацистской верхушки предусматривали заключения перемирия и мирные переговоры с советской стороной.

В конце августа 1943 г. Тресков изложил бывшему германскому послу в СССР, а в то время — руководителю 13-го политического («русского») отдела МИД Германии графу Ф.В. фон Шуленбургу план установления контактов с Советским Союзом. С помощью офицеров штаба группы армий «Центр» Шуленбурга намечалось переправить за линию фронта для ведения переговоров о заключении компромиссного мира с СССР⁴. По мнению Трескова, это был единственный шанс избежать тотального поражения Германии. Об этом плане осенью 1943 г. Тресков беседовал с одним из руководителей «штатского сектора» антигитлеровского заговора Гёрделером. Однако план Трескова так и остался невыполненным⁵.

В сентябре 1943 г. Трескову совместно со Штауффенбергом удалось приспособить план «Валькирия» (использование армии резерва для подавления беспорядков, вызванных восстанием иностранных рабочих-каторжников в германском тылу) для целей заговора против Гитлера. Тем самым подготовка к военному путчу пошла почти официально. Шансы успешного захвата заговорщиками государственной власти заметно возросли. Однако воинские части выступили на стороне заговора лишь летом 1944 г. С 11 по 21 июля 1944 г. кавалерийский полк (6 эскадро-

¹ Gersdorff R.-Ch. von. Soldat im Untergang. Frankfurt/M., 1977.

² В 1944 г. офицеры штаба группы армий «Центр» намеревались застрелить Гитлера в случае его нового визита в штаб. Ringshausen G. Kuriergepäck und Pistolen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. № 3. S. 430.

³ В новом германском правительстве, которое должно было прийти к власти после убийства Гитлера, Штауффенбергу предназначался пост статс-секретаря военного министерства.

⁴ Тайны дипломатии Третьего рейха. М., 2011. С. 509–510.

⁵ Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Stuttgart, 1961. S. 308, 492–495; Финкер К. Указ. соч. С. 173.

нов — около 1200 всадников) сформированного в феврале 1943 г. соединения «Безелагер» (3-й кавалерийской бригады из резерва группы армий «Центр») должен был на транспортных самолетах 6-го воздушного флота прибыть в Берлин, чтобы обеспечить успех государственного переворота. Часть офицеров этого полка была вовлечена в заговор¹. В связи с провалом покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. полк «Безелагер», совершавший марш в соответствии с планами заговорщиков, вернулся на место своей дислокации.

В сентябре 1943 г. генерал Штиф с группой офицеров штаба ОКХ, среди которых был майор Кун, пытался осуществить убийство Гитлера в Растенбурге. Но бомба, установленная заговорщиками в водонапорной башне, взорвалась преждевременно. Виновных не нашли: расследование по этому делу вел полковник абвера В. Шрадер, связанный с заговорщиками.

21 ноября 1943 г. была предпринята еще одна «шинельная» попытка покушения. Молодого капитана Бусше заговорщики выбрали в качестве «манекена» для показа новой униформы, разработанной по приказу Гитлера. Перед тем как утвердить униформу для массового пошива, была устроена ее демонстрация. Во избежание неудачи, которая постигла Герсдорфа, Бусше спрятал в карманах шинели два взрывных устройства. Его план состоял в том, чтобы в момент показа новых образцов военной одежды встать вплотную к Гитлеру и подорвать себя вместе с ним. Однако бомба союзников, сброшенная во время воздушного налета, уничтожила здание, где находились образцы новой военной одежды и демонстрация была отменена. Бусше вернулся в свою роту на Восточном фронте. Вскоре он был тяжело ранен в бою — «патриотический суицид» не удался².

В октябре 1943 г. Тресков был переведен в группу армий «Юг» на должность командира 442-го пехотного полка 168-й пехотной дивизии, входившей в состав 8-й армии. Тресков просил генерал-фельдмаршала Манштейна, который высоко ценил его как способного штабного офицера, способствовать его переводу в штаб группы армий «Юг» или же в Ставку Гитлера, рассчитывая, что это поможет ему снова стать в центре заговора. Но Манштейн, зная о ярко выраженных антинацистских взглядах Трескова, отказался удовлетворить его просьбу. Однако уже 20 ноября 1943 г. последовало новое назначение: начальником штаба 2-й армии группы армий «Центр». Так как 2-я армия вела тяжелые оборонительные бои, испытывая недостаток сил и неся большие потери, Тресков оказался в стороне от главных событий.

¹ Reuther Th. Soldaten für den Staatsstreich. Die Heeresgruppe Mitte und der 20. Juli 1944 // Militärgeschichte. 2004. № 2. S. 4, 6, 7.

² Ширеп У. Указ. соч. Т. 2. С. 417–418; Axel von dem Bussche. Mainz, 1994.

С осени 1943 г. ключевую роль в военном Сопротивлении стал играть Штауффенберг. В сентябре 1943 г. он был назначен начальником штаба общевойскового управления сухопутных сил в Берлине; с июня 1944 г. он в чине полковника стал начальником штаба армии резерва, которой командовал генерал-полковник Ф. Фромм. Штауффенберг пытался объединить единой программой различные группы Сопротивления, осуществлял связь с гражданской частью заговора и координировал планы государственного переворота с заговорщиками, которые действовали в Берлине, Вене, Париже и штабе группы армий «Центр» на Восточном фронте.

17 февраля 1945 г. офицеры советской военной контрразведки «Смерш» на основе показаний перешедшего на сторону Красной Армии участника заговора против Гитлера майора Куна раскопали на территории бывшей штаб-квартиры ОКХ в Мауэрвальде под Растенбумом (Восточная Пруссия) тайник, зарытый Куном осенью 1943 г. по указанию Штауффенберга. В двух банках, металлической и стеклянной, была спрятана документация заговора против Гитлера 1943 г. Из тайника были извлечены: «календарь мероприятий по реализации плана смены главы германского государства и Верховного главнокомандующего», постановление о введении в рейхе чрезвычайного положения в связи со смертью Гитлера, приказы, обращения, оперативные распоряжения, подготовленные в связи с так и не состоявшимся покушением на Гитлера 1943 г.

Характерно, что начальник Главного управления советской военной контрразведки «Смерш» генерал-полковник В.С. Абакумов еще в феврале 1945 г. предлагал опубликовать найденные с помощью Куна документы военного заговора против Гитлера, однако в нашей стране они остались секретными до конца 1990-х гг.¹

Участники государственного переворота, одновременно с арестом чинов гестапо и партийных функционеров нацистской партии, должны были взять в свои руки исполнительную власть в стране. Обязательным условием для этого и сигналом к началу всего восстания должно было стать убийство Гитлера в результате покушения. Однако надежных войск, которые под руководством посвященных в суть происходящих событий офицеров должны были выступить на стороне заговорщиков, в районе Большого Берлина не было. В имперской столице должны были действовать верные заговорщикам войска из резерва группы армий «Центр».

Управление страной переходило к новому политическому руководству, где Тресков должен был получить пост «шефа германской полиции» и в этом качестве обеспечивать безопасность нового правительства и успех государственного переворота.

¹ Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // Родина. 2004. № 6. С. 29.

26 декабря 1943 г. Штауффенберг был приглашен для доклада в ставку Гитлера «Волчье логово», находившейся под Растенбургом в Восточной Пруссии. В портфеле Штауффенберга находилось взрывное устройство замедленного действия, которое изготовил и хранил его друг и подчиненный Кун. Однако Гитлер по своему обыкновению в последний момент отменил совещание и Штауффенбергу пришлось увезти бомбу обратно в Берлин.

Главными движущими мотивами Штауффенберга в его решении убить Гитлера были именно зверства, чинимые гитлеровским режимом, его армией и спецслужбами на Востоке: жестокости германской оккупационной политики, бесчеловечное обращение с советскими военнопленными, уничтожение евреев. В разговоре с Куном, своим подчиненным и другом, состоявшемся в августе 1942 г. в Виннице, Штауффенберг так сформулировал свои взгляды: «Ежедневные доклады подчиненных штабов говорят об отношении германских гражданских властей к населению в оккупированных странах, об отсутствии каких-либо политических целей для поработанных народов, о преследовании евреев, — все это в совокупности показывает, что утверждение Гитлера о том, что война несет переустройство Европы, является лживым... Эта война для нас нежелательна, к тому же ее ведут так, что даже по оперативным и организационным причинам ее нельзя выиграть, не говоря уже о том, что с того момента, когда была сделана ошибка объявления войны России, эту войну нельзя было выиграть даже при самом искусном руководстве. Следовательно, эта война является бессмысленным преступлением... Первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистской теории... Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти германский народ. А это, в свою очередь, возможно лишь путем быстрого заключения мира, причем сейчас, когда мы еще располагаем силами»¹.

В июне 1944 г. Вторая мировая война вступила в свою заключительную фазу. 6 июня Союзники высадились в Нормандии, а 23 июня Красная Армия прорвала фронт группы армий «Центр». Новая ситуация сложилась для немецкого Сопротивления. Штауффенберг недвусмысленно поставил перед Тресковым вопрос, имеет ли теперь смысл совершать покушение на Гитлера. Тресков ответил: «Покушение на Гитлера должно быть совершено любой ценой. Если же оно не удастся, то, несмотря на это, надо попытаться совершить государственный переворот»². Ведь дело здесь уже не столько в практической цели, сколько в том, чтобы

¹ «Собственноручные показания» Куна от 02.09.1944 // ЦА ФСБ России. Дело по обвинению Куна Иоахима. Р-46988. Л. 60–61; Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 163.

² Тресков считал, что самое вероятное, государственный переворот потерпит неудачу. — Venohr W. Stauffenberg. S. 301.

показать, что германское движение Сопротивления перед лицом всего мира и истории отважилось, не щадя своей жизни, на этот решающий бросок. Все остальное в сравнении с этим безразлично»¹.

Высказывание Трескова соотносится со словами Штауффенберга, произнесенными в конце июня 1944 г.: «Речь больше не о фюрере, не об отечестве, не о моих жене и четырех детях — речь теперь идет обо всем немецком народе»².

Заговор немецкой консервативной оппозиции и военных кругов был окончательно сорван неудачным покушением на Гитлера 20 июля 1944 г. Узнав о казни Штауффенберга, Тресков сказал Шлабрендорфу: «Они скоро узнают про меня и постараются вырвать из меня имена наших товарищей. Чтобы предупредить их, я должен пожертвовать жизнью». Шлабрендорф не смог убедить своего двоюродного брата отказаться от самоубийства, которое генерал пытался замаскировать, имитируя гибель в бою, чтобы спасти от преследований свою семью. Шлабрендорф позднее передал слова Трескова, сказанные им незадолго до смерти: «Сейчас на нас обрушится весь мир и начнет осуждать. Но я, как и прежде, твердо убежден, что мы действовали правильно. Я считаю Гитлера заклятым врагом не только Германии, но и всего мира. Когда через несколько часов я предстану перед судом Всевышнего, чтобы отчитаться в своих действиях и упущениях, то, полагаю, смогу с чистой совестью поведать о том, что сделал в борьбе против Гитлера. Господь однажды пообещал Аврааму, что не погубит Содом, если в городе найдутся хотя бы 10 праведников, и я надеюсь, что Он ради нас не уничтожит Германию. Никто из нас не имеет права сетовать, что пришлось умереть. Тот, кто вступил в наш круг, надел отравленный хитон кентавра Несса³. Нравственная ценность человека начинается только с готовности отдать жизнь за свои убеждения»⁴.

О самоубийстве Трескова, произошедшем 21 июля 1944 г. в районе Белостока (теперь — Польша), сохранилось свидетельство Куна: «Находясь на фронте, я узнал о событиях 20-го июля лишь по радио 21-го в 7 часов утра... Генерал фон Тресков также как и я, узнал лишь по радио о неудаче покушения и смерти Бека, Штауффенберга и Ольбрихта. Когда мы с ним прибыли на передовую, он сказал мне: “Вам известно, что до Штауффенберга я под руководством Бека был вдохновителем того, что вчера не удалось. Мне известны все детали организации, и я также как Бек и Штауффенберг несу ответственность за случившееся. Таким

¹ Henning von Tresckow: Nachricht an Stauffenberg, Sommer 1944. Zitiert nach dem Bericht Schlabbrendorffs nach dem Krieg // Schlabbrendorff F. Offiziere gegen Hitler. Berlin, 1984.

² Venohr W. Stauffenberg. S. 6.

³ То есть был обречен на гибель. Согласно древнегреческому мифу, герой-полубог Геракл умер, надев отравленный хитон кентавра Несса.

⁴ Schlabbrendorff F. Op. cit.

образом, мой час пробил”. Я возразил ему, указав, что мне не надлежит обсуждать его решение, однако, такие люди, как он, в грядущие тяжелые времена будут особенно необходимы. Но Тресков всё же продолжал: “Я прошу Вас позаботиться о том, чтобы никто не узнал о моей добровольной смерти. Пусть станет известно, что я убит партизанами. Это необходимо в интересах нашего дела, участников заговора и моей семьи”. Затем он подал мне руку и сказал: “Прощайте, если Вам удастся остаться в живых, то в нужный час расскажите другим, чего мы хотели добиться”. Когда я отошел примерно на 100 метров, послышался взрыв ручной гранаты, которую Тресков держал в руках. Я официально сообщил о его смерти от рук партизан, и генерал фон Тресков был похоронен со всеми воинскими почестями. Сводка ОКВ упомянула о его героической смерти. В лице генерала фон Тресков я потерял товарища, являвшегося для меня образцом в жизни”¹.

4 августа 1944 г. имперский народный трибунал обвинил генерала Трескова в участии в заговоре против Гитлера и том, что он, опасаясь ареста, «добровольно направился под огонь врага в поисках смерти». Нацисты извлекли тело Трескова из земли, доставили в Берлин и сожгли в концлагере Заксенхаузен. После чего его прах был развеян по ветру². Брат Хеннинга подполковник Герд фон Тресков, служивший в Италии, был арестован за связь с заговорщиками и в заключении покончил жизнь самоубийством 6 сентября 1944 г. Вся семья Трескова была взята «под превентивный арест».

Жертвенная борьба Трескова и его соратников не привели германское военное Сопротивление к успеху. Как отмечал историк М. Броскат, «консервативное Сопротивление Гитлеру достойно моральной славы. Но политически оно оказалось не менее беспомощным, чем консервативные партнеры Гитлера в 1933 г.»³. Гитлер и нацистский рейх были повержены не самими немцами, а вооруженными силами Советского Союза и его Союзников по антигитлеровской коалиции.

4.5. Загадка Отто Йона

В канун 10-летия антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. молодую Боннскую республику потрясла политическая сенсация: глава одной из западногерманских спецслужб д-р Отто Йон бежал из ФРГ в ГДР,

¹ Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 160–161.

² Finker K. Stauffenberg und der 20.Juli 1944. Berlin, 1988. S. 266; Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933–1945. Berlin, 1994. S. 189; Wagner W. Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat. München, 2011. S. 714–715.

³ Броскат М. Закат тысячелетнего рейха. М., 2005. С. 267–268.

а затем оказался в Советском Союзе. В связи с чрезвычайно важным положением, которое Йон занимал в западногерманских спецслужбах (в 1950–1954 гг. Йон был первым президентом Федеральной службы защиты конституции ФРГ), его появление в июле 1954 г. в ГДР вызвало самый большой в ранней истории ФРГ политический кризис и международный шпионский скандал, эхо которого не умолкает: журналисты и историки в книгах и фильмах до сих пор спорят о том, чем был вызван уход Йона на Восток, совершил ли он этот поступок добровольно, или же его похитили разведки ГДР и СССР¹.

Об этой загадочной истории автор этой книги беседовал с Йоном в 1996 г. в Мюнхене в гостях у графа Генриха фон Айнзиделя — правнука князя Бисмарка и бывшего первого вице-президента антифашистского Национального комитета «Свободная Германия», созданного в 1943 г. в СССР. Айнзидель был одним из немногих людей, кто сохранял с Йоном, подвергшимся в ФРГ обструкции, дружеские отношения. Йон был уже стар (ему шел 86-й год) и тяжело болен, но не переставал говорить о том, что он невиновен и хочет при жизни успеть восстановить свое честное имя. К сожалению, сделать это ему не удалось. Йон так и остался жертвой раскола Германии и «холодной войны», а его «дело» стало одной из тайн борьбы спецслужб.

Отто Йон родился в 1909 г. в семье землемера в Марбурге, где окончил гимназию; изучал право в университетах Марбурга, Франкфурта и Берлина. Был членом социалистической молодежной организации «Молодые социалисты», а его младший брат Ханс, тоже дипломированный юрист, состоял в молодежной организации Коммунистической партии Германии. Отто Йон занимался адвокатской практикой и в 1935 г. защи-

¹ Diels R. Der Fall Otto John, Hintergründe und Lehren. Göttingen, 1954; Leiser E. Otto John: Eine deutsche Geschichte. Dokumentarfilm. 1995; Stöver B. Der Fall Otto John. // Doppelte Zeitgeschichte. Deutsch-deutsche Beziehungen 1945–1990. Bonn, 1998; Stöver B. Der Fall Otto John. Neue Dokumente zu den Aussagen des deutschen Geheimdienstchefs gegenüber MfS und KGB. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 47/1999; Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Поле битвы Берлин. М., 2002; Очерки истории российской внешней разведки. Т.5. М., 2003; Чернявский В.Г. Разведка: вымыслы и правда. М., 2004; Giesecking E. Der Fall Otto John. Entführung oder freiwilliger Übertritt in die DDR? // Subsidia Academica: Reihe A, Neuere und neueste Geschichte; Band 6. Lauf an der Pegnitz, 2005; Giesecking E. Otto John — Präsident des Bundesamtes für Verfassungsschutz. Kommunist, Monarchist oder Demokrat? // Zum Ideologieproblem in der Geschichte. Subsidia Academica: Reihe A, Neuere und neueste Geschichte. Band 8. Lauf an der Pegnitz, 2006; Schaefer K. Der Prozess gegen Otto John. Zugleich ein Beitrag zur Justizgeschichte der frühen Bundesrepublik Deutschland // Wissenschaftliche Beiträge aus dem Tectum Verlag: Rechtswissenschaft, Band 32. Marburg, 2009; Хавкин Б.Л. Отто Йон: судьба человека между Западом и Востоком // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв. Череповец, 2012.

тил докторскую диссертацию по правоведению. С 1937 по 1944 г. он работал синдиком (юрисконсультom) авиакомпании «Люфтханза». Его шефом в юридическом отделе «Люфтханзы» был противник Гитлера Клаус Бонхёфер — брат пастора и ученого-теолога Дитриха Бонхёфера, участника заговора против нацистского тирана. Дитриху Бонхёферу принадлежали слова, которыми руководствовались заговорщики: «попытка убрать Гитлера, даже если бы это означало убийство тирана, была бы по сути делом религиозного послушания; новые методы угнетения со стороны нацистов оправдывают новые способы неповиновения... Если мы утверждаем, что мы христиане, нечего рассуждать о целесообразности. Гитлер — это антихрист»¹.

Через Клауса Бонхёфера Йон еще до войны вошел в контакт с противниками гитлеровского режима и вскоре стал курьером антинацистского Сопротивления: как юрист «Люфтханзы» Йон, свободно владевший английским языком, часто летал за границу, что давало ему возможность в нейтральных странах встречаться с британскими и американскими представителями. Судя по данным, полученным в 1939 г. советской разведкой из Берлина, к этому году Йон уже имел контакт с американским корреспондентом Луисом Лохнером, в котором немецкая антигитлеровская оппозиция видела связь президентом США Франклином Рузвельтом. Советские источники в британской разведке, а именно Ким Филби, доносили о тайных связях Йона с разведкой Великобритании².

Эти контакты «прикрывал» абвер (германская военная разведка и контрразведка), сотрудником которой был юрист Ханс фон Донаньи — участник антигитлеровского заговора и племянник Бонхёфера. Заместитель начальника абвера генерал-майор Ханс Остер был одним из руководителей заговора — шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис был, разумеется, в курсе дела. В марте 1942 г. Йон возглавил представительство «Люфтганзы» в Мадриде. Этот город, а так же Лиссабон — столица соседней с Испанией нейтральной Португалии, куда часто выезжал Йон «по делам службы», превратились в центры «тайной дипломатии» германских противников Гитлера. 1 июня 1944 г. Йон передал представителю Управления стратегических служб США в Мадриде письмо от группы Сопротивления, состоявшей из остатков Социалистической партии и партии Центра, адресованное проживавшему в эмиграции в США

¹ Bethge E. Dietrich Bonhoeffer. Man of Vision, Man of Courage. New York, 1977. P. 626–627; Метаксас Э. Дитрих Бонхёфер. Праведник мира против Третьего Рейха. М., 2012.

² Об отношении К. Филби к немецкому Сопротивлению и, в частности, к Йону, см.: Knightly P. The Master Spy. New York, 1989. P. 108–109; Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Указ. соч. С. 224.

бывшему лидеру партии Центра и канцлеру Веймарской республики в 1930–1932 гг. Генриху Брюнингу: зондировался вопрос о готовности Брюнинга войти в правительство Германии, созданное после устранения Гитлера¹.

«Теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Гёрделер надеялся, что британское правительство поддержит немецкое Сопротивление. Однако Уинстон Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и так называемый «прусский милитаризм», категорически отказался принимать послания немецкой оппозиции, заявив: «Я абсолютно против самых незначительных контактов»². Черчилль отказался поддержать немецких противников Гитлера, считая, что чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше.

В день «икс» — 20 июля 1944 г. Йон оказался в Берлине, в самом центре драматических событий антигитлеровского заговора. Во второй половине дня ему позвонил его старый знакомый — адъютант фактического руководителя заговора полковника Клауса фон Штауфенберга обер-лейтенант Вернер фон Хефтен, который еще в 1942 г. спрашивал благословения пастора Бонхёфера на убийство Гитлера. «Приезжайте, мы берем власть в свои руки», — услышал Йон в телефонной трубке. Прибыв на Бендлер-штрассе, в штаб-квартиру Верховного командования германских сухопутных сил, Йон, надеявшийся, что с Гитлером, как уверял Штауфенберг, который в тот день взорвал бомбу в ставке фюрера «Волчье логово», покончено, стал свидетелем последних часов офицерского путча. «То, что я видел и слышал, — писал Йон в воспоминаниях, — являло собой шквал телефонных звонков и стремительную беготню офицеров». Когда ни у кого уже не осталось сомнений, что Гитлер уцелел и путч провалился, Йону удалось покинуть Бендлер-блок — огромное серое здание на Бендлер-штрассе, прежде чем дом оцепили эсэсовцы³.

Четыре дня спустя Йон на самолете «Люфтвагзы» вылетел в Мадрид. Принадлежность Йона к кругу заговорщиков недолго оставалась тайной для гестапо. Не дожидаясь, когда франкистский режим выдаст его нацистам, Йон бежал в Португалию. Оттуда в ноябре 1944 г. ему удалось перебраться в Великобританию, где он служил надзирателем в лагере для немецких военнопленных. В декабре 1944 г. Йон начал сотрудничать с антинацистской радиостанцией союзников «Солдатское радио Кале», которой руководил уроженец Берлина англичанин Сефтон Делмер.

¹ Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Указ. соч. С. 239.

² Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1964. S. 551.

³ John O. Falsch und zu spät. Der 20. Juli 1944. Epilog. Frankfurt/M, 1989.

По иронии судьбы, эта радиостанция после провала антигитлеровского путча 20 июля 1944 г. передавала в эфир списки его участников. Делмер признавал, что это делалось с целью «упомануть в связи с заговором тех немецких офицеров, на которых мы хотели навлечь подозрения гестапо и СД... Мы сумели представить в качестве участников “путча за мир” столько чинов из вермахта, МИД и вообще администрации, что количество названных имен почти сравнялось с общим фактическим числом заговорщиков»¹. Для участников немецкого Сопротивления, среди которых были и братья Йон, включение англичанами их имен в список заговорщиков фактически равнялось смертному приговору в рейхе. Канарис, Донаньи, Остер, братья Бонхёфер и Ханс Йон были расстреляны нацистами в апреле 1945 г., за несколько дней до конца войны.

После войны, вернувшись в Германию, Йон работал переводчиком британского обвинения на Нюрнбергском процессе, выступал как переводчик и свидетель обвинения на проходившем в 1949 г. в Гамбурге процессе против гитлеровского генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Йон представил суду выполненный им английский перевод военного дневника 2-й армии вермахта, который ежедневно визировал лично Манштейн. Йон обнаружил, что одно из мест немецком оригинале дневника заклеено. Восстановленный им текст гласил: «Новый командующий (Манштейн) не желает, чтобы офицеры присутствовали при расстреле евреев. Такое зрелище недостойно немецкого офицера». Английский суд на основании этой записи обвинил Манштейна в соучастии в убийстве евреев и приговорил его к 18 годам заключения. Многие западные немцы сочли этот приговор слишком суровым, а Йона назвали предателем. Вскоре срок Манштейну сократили до 12 лет. Но бывший фельдмаршал отсидел всего два с половиной года, и в 1952 г. по состоянию здоровья был освобожден. После чего прожил еще более 20 лет.

Когда 24 мая 1949 г. вступил в силу Основной закон ФРГ и под контролем западных оккупационных властей была учреждена Боннская республика (7 октября 1949 г. под контролем советских оккупационных властей была провозглашена ГДР), возник вопрос о создании службы безопасности нового государства: Федеральной службы защиты конституции ФРГ. Этой службе поручили бороться с левым и правым экстремизмом, шпионажем и деятельностью иностранцев, представляющей опасность для республики. Кроме того, это ведомство давало допуск государственным служащим к секретной информации. Федеральные земли ФРГ добились того, что полномочия политической контрразведки были поделены: появились земельные отделы службы по защите кон-

¹ Васильчикова М. Берлинский дневник 1940–1945. М., 1994. С.231.

ституции. Вся собранная ими информация заносилась в банк данных федерального ведомства, однако оно не имело права контролировать работу земельных отделов.

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр хотел иметь на посту начальника Федеральной службы защиты конституции своего человека, но канцлер не был полностью самостоятелен в принятии важнейших решений: приходилось прислушиваться к мнению разных внутривластных сил, а главное — западных оккупационных держав. Аденауэр не смог возразить, когда в конце 1950 г. президент ФРГ Теодор Хойс выдвинул на пост начальника Федеральной службы защиты конституции креатуру Лондона — Отто Йона. За кандидатуру Йона выступил также министр по общегерманским вопросам Якоб Кайзер. Однако Аденауэр затаил обиду: он игнорировал Йона и по всем вопросам обращался к другой спецслужбе — Федеральной разведывательной службе, возглавляемой бывшим гитлеровским генералом Рейнхардом Геленом. Поскольку Гелен очень уважал Манштейна, который был его шефом в штабе верховного командования сухопутных сил, он невзлюбил Йона, так как последний выступал на стороне обвинения на процессе Манштейна. Между Геленом и Йоном разгоралась скрытая вражда. За 4 года Йон ни разу не посетил Гелена в его штаб-квартире в пригороде Мюнхена Пуллахе, а Гелена не принимали в ведомстве Йона в Кёльне.

Йон, против воли Аденауэра, стал одним из немногих бывших участников антигитлеровского Сопротивления и антифашистов-эмигрантов, которые смогли занять высокие посты в молодом Западногерманском государстве. Однако Гелен и другие противники Йона из окружения Аденауэра вели против Йона скрытую борьбу. Гелен в 1950 г. подготовил донесение о симпатиях Йона к группе антигитлеровского Сопротивления «Красная капелла», которая во время войны была связана с советской разведкой и в которую среди прочих входили коммунисты.

Йону было очень сложно добиться признания политической элиты ранней ФРГ: на нём стояло клеймо участника заговора 20 июля 1944 г., который «нанес рейху удар ножом в спину», «либерального демократа», «человека, симпатизирующего коммунистам и, следовательно, Советскому Союзу». Ханс Глобке, который в Третьем рейхе разрабатывал антиеврейские законы, а в Боннской республике в должности статс-секретаря ведомства Федерального канцлера курировал западногерманские спецслужбы, презрительно называл Йона «розовым адвокатом».

Йон скоро осознал, что главными задачами спецслужб ФРГ не являются обеспечение национальной безопасности, денацификация государства, защита демократии и конституционных прав и свобод граждан. На практике речь шла о вытеснении из политической жизни страны левых

демократических сил и о воссоздании армии, которая могла быть так же направлена против новой демократической Боннской республики, как в своё время реакционные силы в рейхсвере участвовали в борьбе против демократической Веймарской республики. Йон видел, что в правительстве и в секретных службах ФРГ получили влияние бывшие нацисты; чиновники, сделавшие карьеру при Гитлере, пользуются покровительством властей Боннской республики; в западногерманских судах заседають судьи, верно служившие Третьему рейху.

Йон считал обманом заявления Аденауэра относительно воссоединения Германии. Вопреки словесным заверениям о германском единстве, Аденауэр заключил соглашение с западными союзниками, что правительство ФРГ в любом случае заблокирует воссоединение трёх западных зон с восточной зоной, даже в том случае, если Советский Союз согласится на проведение свободных выборов под наблюдением ООН и взаимный допуск существования различных политических партий¹.

Йон знал, что его скоро снимут с должности главы Федеральной службы защиты конституции: в июне 1954 г. шеф Йона министр внутренних дел ФРГ Герхард Шредер заявил, что, как только ФРГ станет полностью независимой, будет назначен новый руководитель этого ведомства. Таким образом, Йон был «чужим среди своих»; в личном и политическом плане он находился под постоянным давлением «вечно вчерашних»: он начал испытывать растущую психологическую неустойчивость, страдать от тяжёлых депрессий, злоупотреблять алкоголем.

Разумеется, личность главы Федеральной службы защиты конституции интересовала советскую разведку. Советский агент в окружении Йона характеризовал его как «защитника идеи единства Германии, который с симпатией относится к усилиям Советов в этом направлении, и откровенного критика политики Аденауэра и привлечения нацистов в правительство». Сотрудники КГБ СССР в Берлине стали всерьёз «разрабатывать» Йона, хотя делали это осторожно, подозревая в нем британского агента. Советские источники доносили, что «Йон бесхребетен относительно чужого влияния, непоследователен в своих действиях, невыдержан в употреблении алкоголя и неразборчив в выборе друзей»². Вербовка шефа политической контрразведки ФРГ представляла КГБ возможность взять реванш за поражение, которое советские и восточногерманские спецслужбы потерпели в июне 1953 г., когда во время народного восстания в ГДР судьба правящего в Восточной Германии просоветского режима висела на волоске. «Работой по Йону»

¹ John O. Zweimal kam ich heim. Vom Verschwörer zum Schützer der Verfassung. Düsseldorf – Wien, 1969.

² Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Указ. соч. С. 226.

(условное имя «Келлер») руководил полковник КГБ Вадим Кучин, он же Владимир Карпов. Вскоре представился случай для его личной встречи с Йоном.

20 июля 1954 г. в Западном Берлине, в Бендлер-блоке, в бывшей штаб-квартире верховного командования германских сухопутных сил, впервые (как полагают, в связи с ремилитаризацией Германии), на уровне правительства ФРГ состоялось торжественное мероприятие, посвященное памяти деятелей немецкого антигитлеровского Сопротивления 20 июля 1944 г. В этой церемонии участвовал и Отто Йон — один из немногих участников заговора против Гитлера, оставшихся в живых, и единственный из них, кто сделал политическую карьеру в ФРГ.

Прибыв 14 июля 1954 г. рейсом из Кёльна в западноберлинский аэропорт Темпельхоф, Йон объявил сотрудникам своей охраны, что они могут быть свободны: «Я чувствую себя в достаточной степени мужчиной, чтобы суметь самому постоять за себя». График пребывания президента Федеральной службы защиты конституции в Западном Берлине был напряженным и включал многочисленные служебные совещания.

Для самого же Йона главным должен был стать день 20 июля — десятая годовщина неудавшегося антигитлеровского путча. В этот день в завершение чествования героев Сопротивления западноберлинский сенат устроил торжественный прием. Многие из гостей обратили внимание на поведение Йона, который много пил и был явно не в себе. Его старые друзья вспоминали: «Отто даже не поприветствовал никого из нас». Один из них трижды представил Йону свою жену, но тот, обычно большой любитель женщин, не обратил на даму никакого внимания. Наконец, в самый неподходящий момент Йон во всеуслышание заявил: «Здесь кругом одни нацисты!»

После приема Йон поехал в гостиницу, где запершись в комнате, опустошил карманы: бумажник, служебный паспорт, связка ключей, в том числе от кельнского кабинета и личного сейфа, были выложены на ночной столик. При Йоне остались 750 марок наличными и удостоверение личности на чужое имя, которых у шефа спецслужбы было в избытке.

Около 19.40 Йон вызвал такси и выехал в направлении улицы Курфюрстендамм. Машина остановилась у французского культурного центра “Maison de France”, где на 20.00 была назначена встреча Йона с офицерами британской секретной службы. Однако англичане ждали напрасно: Йон направился на Уландштрассе и зашел в дом № 175, где жил его старинный приятель д-р Вольфганг Вольгемут — врач, музыкант-любитель и известный берлинский бонвиван по прозвищу «Во-Во». Вольгемут давно знал Отто Йона: в 1942 г. лечил его брата Ханса, тяжело раненного на Восточном фронте.

«Во-Во» считал себя коммунистом («банкетный партизан», как говорили берлинцы); был связан с советскими разведчиками в Восточном Берлине, но не являлся агентом КГБ в прямом значении этого слова: на профессиональном сленге это называется «доверительный контакт». Вольгемут обратил внимание друзей из КГБ на разочаровавшегося во всем Йона, у которого были крупные неприятности по службе и который был в плохих отношениях с влиятельными боннскими политиками: канцлером, статс-секретарем, министром внутренних дел и главой разведки.

Поздним вечером 20 июля 1954 г. на машине, которой управлял Вольгемут, Йон направился в Восточный Берлин. По свидетельству западноберлинских полицейских, в ответ на обычное в таких случаях предупреждение, что их маршрут ведет в Восточный сектор Берлина, оба сидевших в машине господина подтвердили, что туда-то им и надо: берлинской стены еще не было и проехать из одного сектора города в другой было несложно.

Прибыв в столицу ГДР, Йон пересел в оперативную машину КГБ, в которой находился Кучин, и был доставлен на явочную квартиру в берлинском пригороде Карлсхорст. Из официального доклада заместителя Верховного комиссара СССР в ГДР, уполномоченного КГБ при Министерстве государственной безопасности (МГБ) ГДР генерала Евгения Питовранова председателю КГБ СССР Ивану Серову следует, что «20 июля президент Западногерманского ведомства по защите конституции (политическая полиция) Отто Йон был привезен в Демократический Берлин западногерманским врачом Вольфгангом Вольгемутом, доверительным контактом разведывательного отдела Инспекции». Далее в докладе говорится о мотивах, побудивших Йона приехать в Восточный Берлин, о его желании установить контакт с Советским Союзом: Йон «желал установить с нами контакт, чтобы обсудить политические проблемы и общие действия против фашистов в Западной Германии». Однако Питовранов полагал, что «настоящая позиция Йона ненадежна: он также отказался дать информацию о деятельности боннских учреждений и агентурных операциях собственного ведомства, заявив, что не имеет доступа к этим материалам». Питовранов пришел к выводу, что «вербовка Йона нецелесообразна и нереальна. Мы приняли решение склонить его не возвращаться в Западную Германию и открыто порвать с Аденауэром, а для этого сделать соответствующие политические заявления»¹.

22 июля по радио ГДР прозвучало официальное сообщение: «Президент Федерального ведомства по охране конституции господин доктор

¹ Инспекция — кодовое название аппарата КГБ в Берлине. Цит. по: Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Указ. соч. С. 228.

Отто Йон по окончании выступления Хойса по случаю 10-й годовщины событий 20 июля 1944 года провел в демократическом секторе беседу с официальными представителями ГДР. Господин доктор Йон принял решение по политическим мотивам предложить свои услуги властям ГДР. Государственный секретариат госбезопасности анализирует в настоящее время детали, побудившие господина Йона установить контакт с представителями властей ГДР. Доктора Отто Йона сопровождает господин доктор Вольфганг Вольгемут, проживающий в берлинском районе Шарлоттенбург». Следом по радио передавали заявление от имени Йона: «Из-за конфронтации между Востоком и Западом Германии угрожает опасность остаться навеки разделенной. Назрела необходимость с помощью демонстративного поступка призвать всех немцев выступить за воссоединение страны. Поэтому в годовщину событий 20 июля я предпринял решительный шаг и установил контакт с немцами на Востоке»¹.

11 августа 1954 г. на большой пресс-конференции в Восточном Берлине Йон обосновал свой переход в ГДР критическим отношением к Аденауэру, его политике ремилитаризации Западной Германии и привязки ФРГ к Западу, что не способствует достижению цели германского единства: «После долгих размышлений я решил уйти в ГДР и остаться здесь, так как я вижу здесь больше возможностей содействовать воссоединению Германии и борьбе против угрозы новой войны»².

Кроме того, Йон обвинял власти ФРГ в росте влияния старых нацистов в Боннской республике. В качестве примера он назвал имена федерального министра по делам изгнанных Теодора Оберлендера — «убийцу из Лемберга», служившего в украинском карательном батальоне «Нахтигаль», и Рейнхарда Гелена — президента Федеральной разведывательной службы, который при нацистах возглавлял отдел «Иностранные армии Востока» Генерального штаба сухопутных сил и участвовал в разработке плана «Барбаросса» (нападения на СССР).

После пресс-конференции 11 августа 1954 г. с Йоном беседовал его бывший английский шеф Дельмер. Йон не произвел на него впечатления человека, на которого оказывается давление. «Доктор Йон подчеркнул, что он добровольно оставил свой пост шефа западногерманской контрразведки и перешёл к коммунистам, поскольку он уже давно был недоволен событиями в Боннской республике», — писала американская газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн»³.

¹ Карпов М. Из Германии в Германию и обратно // Совершенно секретно. 2004, № 11.

² John O. Ich wählte Deutschland. Rechtfertigungsschrift des nach Ostberlin entsprungene-
nen ersten Präsidenten des BfV. Berlin 1954.

³ New York Herald Tribune. 12.08.1954.

В ГДР Йону был организован ряд пропагандистских выступлений, включая забавную встречу с «главным пленником Сталинграда» генерал-фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом, который в 1953 г. вернулся из советского плена и жил на вилле под Дрезденом.

Уход Йона в Восточный Берлин и его разоблачения нацистов на государственной службе ФРГ вызвали в Боннской республике тяжелый внутриполитический кризис, в центре которого находились канцлер Конрад Аденауэр и его министр внутренних дел Герхард Шрёдер. Впервые в послевоенные годы в ФРГ публично обсуждался вопрос, насколько между бывшей «Тайной государственной полицией» Третьего рейха (гестапо) и спецслужбами Боннской республики существует личная преемственность. Отвечая на разоблачения Йона, его старый недруг Райнхард Гелен припечатал коллегу из контрразведки словами: «Единожды предавший — предатель навсегда», припомнив Йону участие в антигитлеровском заговоре 20 июля.

Чтобы нейтрализовать эффект разорвавшейся бомбы, боннские власти поспешили заявить, что Йон стал жертвой похищения. Но это была не более чем попытка успокоить общественное мнение. Представители британских и американских оккупационных властей повторили было тезис о похищении, но почти сразу от него отказались. Только французский Верховный комиссар Франсуа-Понсе с самого начала склонялся к мнению, что Йон решил на отчаянный шаг добровольно.

Находясь в ГДР, Отто Йон написал ряд писем видным деятелям на Западе. Среди них было и написанное в конце 1954 г. письмо Фрицу Хейне, члену правления Социал-демократической партии Германии и, также как и Йон, активному борцу Сопротивления против Третьего рейха. «Когда я 20 июля ушел в Восточный сектор, — писал Йон в этом письме, — решающим для меня было воспоминание о моем последнем разговоре с Юлиусом Лебером (одним из лидеров “левого крыла” антигитлеровского заговора, которого заговорщики рассматривали как кандидата на пост министра внутренних дел. — Б.Х.) перед 20 июля 1944 г. [...] Для него было делом само собой разумеющимся, что после устранения Гитлера в Германии должна была быть проведена “денацификация”. Но для него также было само собой разумеющимся участие коммунистов в строительстве новой Германии. [...] Такой же точки зрения придерживался и Штауфенберг. Это потрясающая трагедия, что Лебер был выдан нацистским шпииком при попытке найти общую точку зрения с коммунистами. Но политическая цель, которой он тем самым хотел достичь, была верной. Я и сегодня считаю ее правильной. В конечном итоге, поэтому я и ушел в ГДР»¹. Сильная эмоциональная привязанность

¹ Цит. по: Stöver B. Der Fall Otto John. Neue Dokumente zu den Aussagen des deutschen Geheimdienstchefs gegenüber MfS und KGB. S. 110.

Йона к идеям Сопротивления и контактам некоторых деятелей 20 июля 1944 г. с коммунистами свидетельствует о том, что Йон считал важным таким образом обосновывать свой переход в ГДР.

После месяца нахождения в Восточной Германии Йон был вывезен спецрейсом в СССР. С 25 августа по 12 декабря 1954 г. с ним много раз беседовали руководители внешней разведки КГБ, что, однако, не дало Советскому Союзу особых результатов. Копии протоколов этих допросов КГБ СССР передал МГБ ГДР; в дальнейшем уже в единой Германии они были частично опубликованы историком Берндом Штёвером.

В августе 1954 г. заместитель начальника внешней разведки КГБ генерал Александр Коротков с женой (оба прекрасно говорили по-немецки) проводил отпуск в санатории КГБ Гаграх, куда из Москвы был направлен Йон. Беседы с Короткова с Йоном мало напоминали праздные разговоры отдыхающих: они были долгими и напряженными, затрагивали многие темы, включая вопросы о «Красной Капелле», к которой Коротков имел прямое отношение: в августе 1940 г. он, под прикрытием должности 3-го секретаря полпредства СССР в Берлине (Коротков был тогда заместителем резидента легальной резидентуры советской внешней разведки в Германии), занимался восстановлением связи с «Красной Капеллой». Коротков пытался также выяснить отношения Йона с английской разведкой, требуя, чтобы Йон рассказал ему об «обязанностях, возложенных на него британцами, и о его начальнике в Лондоне»¹. Однако западногерманский контрразведчик не сказал Короткову ничего того, что он не говорил бы раньше. Йона снова отправили в Москву.

После четырехмесячного пребывания в СССР, Йон был возвращен в Восточный Берлин, где власти ГДР предоставили в его распоряжение две комфортабельные квартиры и бюро. В Восточном Берлине, находясь под постоянным наблюдением МГБ ГДР, Йон занялся политической деятельностью, в ходе которой он во многих своих выступлениях и публикациях разоблачал милитаризацию ФРГ влияние старых нацистов в правительстве Аденауэра.

В это время наметился поворот в политике Советского Союза по германскому вопросу: от тезиса о германском единстве СССР перешел к признанию факта существования двух германских государств, что означало поддержку ГДР — «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» и, в то же время, нормализацию отношений с ФРГ. В сентябре 1955 г. состоялся визит канцлера Аденауэра в СССР и его переговоры советскими руководителями Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным, приведшие к установлению дипломатических отношений между Москвой и Бонном. В то время, когда в Бонн должен был впервые

¹ Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Указ. соч. С. 234.

приехать советский посол, а в Москву — западногерманский, советская политическая разведка предоставила немцам самим решать проблему Йона: западногерманский беглец был полностью передан под опеку «друзей» из ГДР.

12 декабря 1955 г. произошло неожиданное для МГБ ГДР событие: Йон с помощью своего друга датского журналиста Хенрика Бонд-Хенриксена снова бежал: на сей раз из Восточного Берлина в Западный. Восточногерманский комитет за объединение Германии, в котором работал Йон, помещался в здании берлинского Гумбольдт-университета, недалеко от Бранденбургских ворот, где проходила граница между Восточным и Западным Берлином. Главный вход в университет был из-за ремонта закрыт строительными лесами. Однако, несмотря на ремонт, войти и выйти через этот вход было возможно. «Опекавшие» Йона сотрудники МГБ ГДР, полагая, что главный вход закрыт, охраняли только запасной вход, находившийся с другой стороны здания. 12 декабря 1955 г., завершив свой рабочий день, Йон вышел, как обычно, через запасной вход и заявил своим «прикрепленным», ждавшим его в машине у этого входа, что он забыл в помещении университета одну очень важную вещь. Затем он передал своим охранникам портфель и со словами «Я сейчас вернусь. Будьте повнимательнее: в портфеле — большая сумма денег», вновь зашел в здание университета. Через минуту Йон вышел, но уже через главный вход, где его ждал Бонд-Хенриксен на своей машине. Через 7 минут светло-зеленый «Форд» с датскими номерами был у Бранденбургских ворот. Служащие народной полиции ГДР уже привыкли видеть на границе машину датского журналиста, постоянно посещавшего Восточный Берлин. Офицер приветливо махнул рукой: «Проезжайте!»

О бегстве Йона из ГДР в советских архивах данных нет, разве что постоянно встречаются записи о том, что Йон «мог уехать в любое удобное для него время»¹. Бонд-Хенриксен отмечал, что эта операция планировалась в тесном контакте с западноберлинским представительством разведки ФРГ, которое, в свою очередь, информировало о ней министра внутренних дел Шредера.

Из Западного Берлина Йон сразу же был доставлен в ФРГ. В Западной Германии он был обвинен в государственной измене и 22 декабря 1956 г. Третьим сенатом Федерального суда в Карлсруэ приговорен к четырем годам тюрьмы. 27 июля 1958 г. Йон был досрочно освобожден из заключения. Со своей женой Люси-Марлен он переселился в Австрию в Иннсбрук-Иглс, где жил в бывшей крепости «Хоэнбург»².

¹ Там же. С. 237.

² Witter B. Der Agent hinter den Bergen // Die Zeit, 5. Oktober 1973. Nr. 41.

После освобождения и до конца жизни Йон безуспешно боролся за свою реабилитацию. Йон утверждал, что его похитили, что он находился под воздействием наркотического средства, когда при содействии Вольгемута его насильно увезли в Восточный сектор Берлина. Его выступления в ГДР перед мировой прессой имели целью усыпить бдительность его окружения, что и дало ему в дальнейшем возможность совершить побег. Известные западногерманские политики, такие как Герберт Венер, Вилли Брандт и Франц Йозеф Штраус выступали за возобновление процесса по «делу Йона».

Сефтон Дельмер, бывший шеф Йона на радиостанции ««Солдатское радио Кале», посвятил Йону две главы второй части своих мемуаров под названием «Немцы и я». Дельмер считает Йона жертвой: как выживший участник антигитлеровского Сопротивления Йон был превращен задающими в то время тон политиками и чиновниками ФРГ в «мальчика для битья» и «первую жертву Четвертого рейха»¹.

Тогдашний президент ФРГ Рихард фон Вайцзекер в 1986 г. назначил Йону персональную пенсию — 4200 марок в месяц, чтобы «посредством скромных средств, которые находятся в распоряжении моего ведомства, подвести в этом деле окончательную черту».

После воссоединения Германии многие думали, что власти новой Берлинской республики реабилитируют Йона. Ведь все обвинения Йона в предательстве остались недоказанными. По сути, его осудили за утверждение, что Боннская республика — это не более законное германское государство, чем ГДР: ФРГ и ГДР обладали одинаковой легитимностью. Однако в объединенной ФРГ правильность осуждения Йона была в декабре 1995 г. подтверждена Верховным судом, который отверг его очередную, пятую, апелляцию.

Современный германский политолог Хартмут Йекель на основе изучения доступных сегодня документов МГБ ГДР пришел к выводу, что «Весомые данные свидетельствуют: Отто Йон — лицо, имеющее доступ к секретной информации, 20 июля 1954 г. добровольно направился в Восточный Берлин для ведения переговоров. В наивно патриотическом внутреннем порыве желая собственными силами помочь германскому единству, он не принимал в расчет то, что ему помешают вернуться в Западный Берлин. Когда он это осознал, то подумал, что сможет исправить совершенную им большую ошибку с помощью еще большей ошибки»².

Немецкий историк Эрик Гизекинг в своем изданном в 2005 г. более чем 600-страничном исследовании пришел, среди прочего, к такому выводу: «На основе существующего и сохраняющего правовую силу

¹ Delmer S. Die Deutschen und ich. Hamburg, 1962.

² Jäckel. H. Das Geheimnis des Doktor John // Die Zeit, 1. Juli 2004. Nr. 28.

приговора Федерального суда от 1956 г. вина Йона, без сомнения, доказана юридически. Но оценка фактов может быть различной. До сих пор нет окончательного неоспоримого и ключевого доказательства того, что Йон добровольно ушел в Восточный Берлин и что он там стал предателем»¹.

В российской историографии по «делу Йона» высказываются поллярные мнения. Важное значение имеет свидетельство бывшего ответственного секретаря еженедельника «Новое время» Виталия Чернявского (псевдоним: Чернов), который в звании подполковника КГБ служил в должности начальника разведки в аппарате уполномоченного МВД (с 13 марта 1954 г. — КГБ) СССР в Берлин-Карлсхорсте. Чернявский признал, что Йон вечером 20 июля 1954 г. проснулся на конспиративной вилле в Восточном Берлине, где его ждали не советские дипломаты, а офицеры разведки, которые пытались завербовать его в качестве шпиона. Эти предложения Йон отклонил. Затем ему стали обещать должности в воссоединенной Германии, но Йон и на это не согласился. «Между тем частые возлияния (Йона обильно угощали крепкими спиртными напитками. — Б.Х.) привели к тому, что Йон сильно опьянел. Внезапно, как это с ним нередко бывало, он потерял контроль над собой, речь его стала бессвязной и он начал буйствовать»². Тогда сотрудники советской разведки «успокоили» его с помощью таблеток. Йон прибыл в Восточный Берлин добровольно, но остался там отнюдь не по своей воле. Путь назад был ему сознательно отрезан прозвучавшим 22 июля 1954 г. по радио заявлением, что президент Федеральной службы защиты конституции добровольно перешел в ГДР.

По мнению Чернявского, «дело Йона» «просто, как апельсин». Вот его суть: президент Федеральной службы защиты конституции, недовольный Аденауэром, который безмерно потакал бывшим нацистам, а также проводил политику ремилитаризации Западной Германии и препятствовал объединению двух германских государств, «по доброй воле решил тайно встретиться с советскими представителями в Восточном Берлине, чтобы обсудить с ними вопрос о совместных действиях на политической арене. В ходе обсуждения, поняв, что его борьба против заисия неонацистов и милитаристов в боннской республике бесперспективна, он после нелегкого раздумья решил остаться в ГДР и принять активное участие в конкретных мероприятиях по быстрейшему воссоединению Германии и созданию нового демократического и нейтрального государства. Первые полгода все складывалось так, как задумал Йон. Но затем обстановка изменилась. Москва пересмотрела свой план объ-

¹ Giesecking E. Der Fall Otto John, S. 561.

² Чернявский В.Г. Указ. соч. С. 289.

единения двух германских государств, взяв курс на укрепление социалистического строя в ГДР. Йон убедился, что ни советским властям, ни гэдээровским он уже не нужен. Йон страдал от одиночества в чуждом ему восточногерманском обществе. И он решил вернуться на Запад, где осталась его семья... надеясь, что боннская юстиция не осудит его жестко, так как он действовал в интересах своей немецкой родины и народа»¹.

С высказываниями Чернявского перекликается свидетельство Кучина, опубликованное в 1971 г. в работе Ханса Фредерикса о «деле Йона». Согласно Кучину, КГБ давно интересовалось Йоном. В конце 1953 г. через Вольгемута удалось установить с ним контакт. Макс Вонзиг, агент «Штази» (МГБ ГДР) и КГБ, через свою сестру, работавшую у Вольгемута, организовал встречу с западноберлинским врачом, который выразил желание «сделать что-нибудь полезное для Советов». От Вольгемута КГБ и «Штази» узнали, что Йон заинтересован в контактах с «важными политическими деятелями» СССР. По показаниям Вонзига, он первый раз встретился с Вольгемутом 21 января 1954 г. Затем состоялась встреча Йона и представителем КГБ, во время которой сотрудник советской спецслужбы обещал организовать встречу президента Федеральной службы защиты конституции с «важным советским политическим деятелем». На этой встрече предполагалось обсудить «вопрос о прогрессивных группах в Западной Германии, способных действовать в интересах воссоединения Германии». Неожиданно для КГБ, Йон согласился и предложил для переговоров тему «совместные действия против нацистов в ФРГ». Встреча была назначена на 20 июля 1954 г., когда Йон будет в Берлине по случаю 10-летия событий 20 июля 1944 г. Организованная в этой связи встреча в Восточном Берлине, как предполагалось, вызовет меньше внимания общественности, чем специальный визит президента Федеральной службы защиты конституции в Берлин. «Мы хотели уговорить Йона [...] не возвращаться в Западную Германию, а открыто порвать с Аденауэром и сделать соответствующее политическое заявление», — утверждал Кучин.

В совместном исследовании бывших противников по «холодной войне» — Джоржа Бейли (Радио «Свобода»), Сергея Кондрашева (КГБ СССР) и Девида Мёрфи (ЦРУ США) «Поле битвы — Берлин» частично представлены советские источники по «делу Йона» из архива Службы внешней разведки РФ. Из этой книги следует, что Йон, добровольно уйдя в Восточный Берлин, не совсем добровольно там остался. В Карлсхорсте Йон много пил; ему в кофе подмешали снотворное и он проспал около 30 часов. Затем под давлением КГБ он дал согласие остаться на Востоке².

¹ Там же. С. 301.

² Бейли Дж, Кондрашов С., Мерфи Д. Указ. соч., с. 229–231.

С воспоминаниями бывших разведчиков контрастируют показания бывшего ответственного сотрудника ЦК КПСС и советского посла в Бонне Валентина Фалина. Фалин, в 1954 г. работник Комитета информации МИД СССР (советской внешнеполитической контрразведки), в 1995 г. в показаниях, данных немецкому суду, свидетельствовал, что Йон стал жертвой операции КГБ. Фалин показал, что Йон был усыплен и похищен агентом КГБ; таким образом его доставили в Восточный сектор Берлина. Опасаясь за свою безопасность и жизнь, Йон выступил на искусно инсценированном Востоком пропагандистском мероприятии против политики Аденауэра по милитаризации Германии и ее включения в западные союзы. Но он не выдал никаких государственных тайн.

Суть показаний Фалина в следующем: «Сразу же после начала всей аферы с Отто Йоном заместитель председателя Комитета информации Иван Тугаринов получил указание министра иностранных дел Молотова отправиться в Берлин для встречи с Йоном. После своего возвращения Тугаринов доверительно сообщил мне (т.е. Фалину. — Б.Х.) и некоторым другим членам Комитета: Отто Йон при загадочных обстоятельствах, т.е. против своего согласия, оказался на Востоке. Он заснул в Западном Берлине и проснулся в Восточном». Йон, согласно показаниям Фалина, принципиально не пошел тогда на тайное сотрудничество с Востоком. Однако оставались надежды вступить с Йоном в неформальный диалог. «Посредником должен был стать врач из Берлина, у которого с Йоном были не только профессиональные, но и дружеские отношения. Но этому врачу не удалось уговорить Йона прибыть в Восточный Берлин на встречу с советскими представителями. Когда стало ясно, что Йон не готов отправиться в Восточный Берлин, врач, не долго думая, решил сам доставить туда Отто Йона»¹.

Однако показания Валентина Фалина были даны лишь в 1995 г. — слишком поздно, чтобы успеть повлиять на судьбу Йона. Отто Йон умер в 1997 г., так и не дождавшись своей реабилитации в ФРГ.

Архивы МГБ ГДР, содержащие около 900 млн. актов, среди которых — секретные материалы «делу Йона», власти ФРГ начали расшифровывать лишь в 1999 г., когда Йона уже два года как не было в живых. Возглавлял эту работу бывший пастор-диссидент из Ростока Йоахим Гаук, избранный в марте 2012 г. президентом ФРГ. Ныне ведомство по документации бывшего МГБ ГДР находится в баварском городе Цирндорфе и насчитывает всего 40 сотрудников, которые обеспечены работой на десятки лет вперед; до «дела Йона» архивисты пока не дошли.

Йон считал, что ключ к его реабилитации лежит в Москве. Однако его неоднократные обращения в КГБ СССР, а затем в спецслужбы новой

¹ Siebenmorgen P. Spionage Opfer von Agenten // Focus Magazin. 10.07.1995. Nr. 28.

России, находившиеся в 1990-е гг. в постоянной реорганизации, оставались без ответа. Разведки не дают справок о том, что «имярек — не шпион».

В начале 2011 г. я направил запрос по «делу Йона» в Службу внешней разведки (СВР) России. В официальном ответе СВР было сказано, что удовлетворить мою «просьбу об ознакомлении с материалами дела не представляется возможным», что «никакими архивными документами, подтверждающими участие Йона О. в заговоре 1944 г. против Гитлера СВР России не располагает. Иных сведений, касающихся обстоятельств перехода в 1954 г. Йона О. в ГДР, кроме опубликованных в “Очерках истории российской внешней разведки”, т. 5, ... СВР России не рассекречивалось», а книга Дж. Бейли, С. Кондрашева и Д. Мёрфи “Поле битвы Берлин” комментариям не подлежит¹. Так что загадка Отто Йона пока еще полностью не разгадана.

---

¹ Письмо руководителя пресс-бюро СВР России С. Иванова Б. Хавкину от 17.03.2011. Архив автора.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политической и исторической науках России и Германии, как и других стран, не существует единой дефиниции фашизма и нацизма (а значит и антифашизма и антинацизма), что дает возможность широкого использования этих понятий в разных дискурсах. Однако несмотря на различные трактовки, историки сходятся в том, что наиболее агрессивным и последовательным выражением теории и практики фашизма был германский национал-социализм. Нацизм вверг человечество во Вторую мировую войну, которую гитлеровская Германия вела для достижения своих геополитических, идеологических и расовых целей. Победа над германским нацизмом и его фашистскими (Италия) и милитаристскими (Япония) сателлитами была достигнута благодаря совместным усилиям стран антигитлеровской коалиции и сил антигитлеровского Сопротивления, в том числе и немецкого.

Несмотря на то, что немецкое антигитлеровское Сопротивление играло важную роль в новейшей истории, эта проблема еще не полностью исследована, что объясняется спецификой немецкого Сопротивления как исторического феномена и не достаточной изученностью источников, в частности из российских архивов.

Движение Сопротивления немцев нацистской диктатуре никогда не было единым, сильным и массовым. Но оно, оставаясь «Сопротивлением без народа», было намного больше, активнее, разнообразнее, чем считалось ранее, что во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого», лежащий в основе исторической памяти современной Германии. Интегральный критерий этого процесса — отношение ко Второй мировой войне, преступлениям нацизма и борьбе немецкой антигитлеровской оппозиции против нацистской диктатуры, а среди его результатов — полная переоценка роли германского Сопротивления, в частности военного, в истории Второй мировой войны¹.

---

¹ В послевоенной Западной Германии отношение к праву военнослужащих бывшего вермахта на Сопротивление нацистскому режиму прошло трудный путь: от полного отрицания этого права до официального его признания в качестве одной из основ нынешней германской демократии. Сопротивление немецких военных гитлеровскому режиму составляет сегодня одну из главных традиций, на которых воспитываются солдаты и офицеры вооруженных сил ФРГ.

В отличие от Германии, в России принято гордиться прошлым, а не «преодолевать» его. Победа над фашизмом, одержанная Советским Союзом в Великой Отечественной войне — основа исторической памяти России. Антифашизм следует рассматривать в широком историческом контексте: против фашизма в годы Второй мировой войны боролись Объединенные Нации — международная антигитлеровская коалиция. Было бы несправедливо исключать из нее немецких антифашистов.

История и историография германского антигитлеровского Сопротивления рассматривается в монографии на основе следующих тематических комплексов: «Коммунистическое Сопротивление», «Красная Капелла», «Национальный комитет “Свободная Германия”», «Консервативная оппозиция и заговор против Гитлера». Именно эти организации и группы играли в немецком Сопротивлении ведущую роль.

Движение Сопротивления Гитлеру сформировалось уже в первые годы нацистской диктатуры вопреки объективным и субъективным трудностям нелегальной антифашистской борьбы, нацистским репрессиям, вынужденной эмиграции из Германии многих противников Гитлера. Активную роль в этом движении играли коммунисты, сохранившие, благодаря находившемуся в СССР штабу-Коминтерну, свои политические цели организационную структуру. Однако разработанная Коминтерном и КПГ тактика единого антифашистского и народного фронта в Германии, несмотря на отдельные успехи на местах, не привела к свержению нацистской диктатуры изнутри. Политические разоблачения тайных германских вооружений, и без того бывших «секретом Полишинеля», вызывали беспокойство мировой общественности, но не привели к созданию «международного антигитлеровского фронта». Более того, ведущие западные демократии, Англия и Франция, в 1938 г. в Мюнхене пошли на сговор с нацистской Германией и фашистской Италией. «Нам нечего надеяться ни на штыки Чемберлена и Даладье, ни на “либеральное крыло” германской буржуазии. Мы должны надеяться исключительно на объединенные усилия нашего народа, на солидарность и борьбу международного рабочего класса и помощь великого и могучего Советского Союза», — говорилось в сентябрьском 1939 г. воззвании ЦК КПГ¹.

23 августа 1939 г. СССР заключил договор о ненападении с Германией и подписал секретный протокол к нему; за «Пактом Риббентропа-Молотова» последовал договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. с соответствующими секретными протоколами. Этот документ создал «основу для советско-германского политического, экономиче-

¹ Rundschau. 1939. № 50. S. 1435; Винцер О. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956. С. 154.

ского и военного сотрудничества в начальный период Второй мировой войны»¹.

Кардинальное изменение внешней политики СССР поставило в затруднительное положение председателя КПП Э. Тельмана, находившегося в нацистских застенках: оно полностью противоречило политической линии не борьбу с фашизмом, проводившейся ранее СССР и Коминтерном и безоговорочно поддерживавшейся КПП и лично Тельманом. Но Тельман одобрил германо-советскую «дружбу». Более этого, он пытался объяснить читателям своих адресованных советскому руководству писем, почему он заранее не предусмотрел такой поворот событий, как сближение Германии с СССР. Тельман стремился убедить сомневавшихся коммунистов занять правильную, т.е. соответствующую интересам СССР, как их понимали Сталин и Молотов, позицию. Однако Сталин ничего не предпринял для освобождения Тельмана, хотя политические условия, сложившиеся после 23 августа 1939 г., это позволяли. Сталину не нужен был Тельман в Москве: место Генерального секретаря ИККИ было занято героем Лейпцигского процесса Георгием Димитровым. К тому же, если бы Тельман был освобожден, то его разоблачения внутренней и внешней политики нацистов неизбежно были бы продолжены в СССР. А это могло «омрачить» советско-германскую «дружбу».

В 1939–1941 гг., вследствие поражения антифашистских сил в Испании и советско-германского «сближения», в антинацистской борьбе КПП наступило «затишье», прерванное ревом немецких танков, перешедших германо-советскую границу 22 июня 1941 г. «Лишь после 22 июня 1941 г., — подчеркивает российский историк А.Ю. Ватлин, — перед зарубежными компартиями открылась перспектива реальной антифашистской борьбы, которая способствовала притоку в них свежих сил»².

Во время германо-советской войны немецкие антифашисты были партнерами СССР в борьбе против Гитлера. Главную роль среди немецких организаций Сопротивления в 1941–1942 гг. играла берлинская группа Х. Шульце-Бойзена – А. Харнака (берлинская ячейка «Красной Капеллы»). Термин «Красная Капелла», под которым подразумевалась «разветвленная шпионская сеть советской разведки» был изобретен в IV управлении Главного управления имперской безопасности (РСХА) — государственной тайной полиции (гестапо). Им пользовалась внешнеполитическая разведка службы безопасности (СД) — VI управление РСХА и военная разведка и контрразведка — абвер, также работавшие против

¹ Наринский М.М. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 202.

² Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 346.

«русских шпионов». Термином «Красная капелла» были объединены разведгруппы из разных стран только потому, что они использовали коротковолновые радиопередатчики для связи с Москвой. Значение термина «Красная капелла» претерпело коренное изменение и превратилось в свою противоположность: оно стало символом антигитлеровского Сопротивления, отваги, подлинного патриотизма и интернационализма.

Советские спецслужбы и их сегодняшние российские преемники пытаются создать впечатление, что немецкие антифашисты, в особенности из группы Харнака и Шульце-Бойзена, были советскими агентами и возглавляли обширную советскую разведывательную сеть в западной Европе. Однако это утверждение противоречит самосознанию немецких борцов Сопротивления и их характеру антигитлеровской деятельности. Разочаровавшись политикой Запада в период мюнхенского сговора и поражением Франции в войне, Харнак и Шульце-Бойзен и их единомышленники видели в Советском Союзе единственную силу, способную противостоять Гитлеру. Участники немецкого антигитлеровского Сопротивления сотрудничали с советской разведкой, но не считали себя ее берлинским отделением или агентами Москвы. У немецких антифашистов были свои цели, вытекавшие из их опыта Сопротивления и оценки СССР как союзника немецких противников Гитлера в борьбе против нацистского режима. Немецкие антифашисты не были оплачиваемыми «источниками» и агентами, они стремились к равноправному сотрудничеству с советской стороной. Поэтому было бы правильно рассматривать «Красную Капеллу» не в качестве агентов Москвы, а как немецких партнеров СССР по борьбе против Гитлера. Правильность определения «Красной Капеллы» как организации немецкого антигитлеровского Сопротивления подтверждает и ее деятельность, не связанная с разведкой, а зачастую и противоречащая правилам поведения разведчика: написание прокламаций, распространение листовок, привлечение новых сторонников.

«Красная капелла» состояла из подлинных интеллектуалов-демократов, ей были чужды соображения корысти или карьеры, она ошутимо повредила нацизму, ей было чуждо чистоплюйство, догматизм и функционерская дисциплированность и серость. Словом, это была элита немецкой нации, лучшие из европейцев люди, опередившие свое время. Тот факт, что они одновременно были и советскими разведчиками, ничего не меняет: естественно, что борясь не на жизнь, а на смерть, они связывали себя с единственной силой, способной быть реальным и могучим союзником в разгроме врага», — писал первооткрыватель темы «История немецкого антигитлеровского Сопротивления» в советской историографии А.С. Бланк¹.

¹ Бланк А.С. Воспоминания. Главное дело // Личный архив Б.Л. Хавкина.

Но среди деятелей немецкого Сопротивления были и советские агенты. Одним из наиболее значительных из них был В. Леман — единственный агент разведки Наркомата внутренних дел — Наркомата госбезопасности СССР (НКВД-НКГБ) — кадровый офицер-контрразведчик германской тайной государственной полиции (гестапо — IV управления РСХА). Чрезвычайная информированность Лемана являлась следствием его служебного положения: большая часть документов IV управления РСХА, включая ежедневные сводки, печатавшиеся только в двух экземплярах (один — для шефа РСХА группенфюрера СС Р. Гейдриха, другой — для руководящих работников гестапо), проходила через руки Лемана. То обстоятельство, что в Германии до сих пор очень мало известно о работе Лемана на советскую разведку, связано с тем, что в свое время рейхсфюрер СС Г. Гиммлер предпринял все меры по сокрытию правды о Лемане: его жизнь и даже смерть были сфальсифицированы.

Особое место в истории Сопротивления немцев диктатуре Гитлера занимает Р. Рёсслер, немецкий журналист и издатель, эмигрировавший в Швейцарию и ставший разведчиком-антифашистом «Люци». Германские источники чрезвычайно ценной разведывательной информации Рёсслера остаются нераскрытыми до сих пор; неизвестен и способ передачи сведений для «Люци», которые весьма оперативно поступали из Германии в Швейцарию. Источники Рёсслера следует искать в окружении К. Гёрделера среди участников заговора группы немецких военных и политиков против Гитлера.

Летом 1942 г. Рёсслер по собственной инициативе через посредников — К. Шнайдера («Тейлор») и Р. Дюбендорфер («Сиси») — начал передавать свои материалы нелегальной резидентуре советской военной разведки под руководством Ш. Радо («Дора»), а с осени 1942 г. тесно взаимодействовал с ней. Информация «Люци», в частности, способствовала победам Красной Армии под Сталинградом и Курском. Предоставленные Рёсслером сведения касались также заговора против Гитлера. Через «Люци» поддерживалась связь не только между немецкой консервативной оппозицией и Лондоном, но и между немецким Сопротивлением, Лондоном и Москвой.

Историки вновь привлекает тематический комплекс «Национальный комитет “Свободная Германия”» (НКСГ) и «Союз немецких офицеров» (СНО), казалось бы хорошо изученный в историографии СССР и ГДР. В современной науке происходит переосмысление и переоценка роли и значения этих организаций.

Выявлена очевидная связь между сообщениями советской разведки о планах западных союзников и созданием в Советском Союзе 12–13 июля 1943 г. НКСГ. Хронологическая взаимообусловленность затяжки

Запада с открытием второго фронта в Европе и созданием НКСГ подтверждается документами контрразведывательной операции «Венона», которую с 1943 по 1980 г. осуществляли американская военная контрразведка, ЦРУ и Федеральное бюро расследований (ФБР) министерства юстиции США.

Создание НКСГ негативно восприняли как в гитлеровской Германии, так и в Великобритании и США. Если в нацистском рейхе НКСГ считали «организацией предателей за колючей проволокой», то англичане и американцы рассматривали НКСГ как созданный СССР отдельно от западных союзников правительственный орган будущей Германии и даже выразили протест против разрешения его антифашистской деятельности.

Госдепартамент США настаивал на том, чтобы президент Ф.Д. Рузвельт потребовал от СССР объяснений по поводу образования НКСГ и получил гарантии, что, в соответствии с декларацией НКСГ, СССР не заключит с ним сепаратный мир как с новым правительством Германии.

Начиная с осени 1943 г. президентом входившего в НКСГ «Союза немецких офицеров» (СНО) генералом артиллерии В. фон Зайдлицем разрабатывались проекты создания немецких антинацистских боевых частей НКСГ («армии Зайдлица»), но дальше создания небольших диверсионно-разведывательных и пропагандистских групп дело не пошло. В литературе ФРГ до сих пор идут поиски следов этой никогда не существовавшей армии. За «армию Зайдлица» выдаются действия советских диверсионно-разведывательных групп численностью несколько десятков человек. Некоторые из этих групп формировались из числа активистов НКСГ и СНО, но подчинялись не Зайдлицу, а начальнику 4-го управления НКВД-НКГБ СССР, которое организовывало диверсии в тылу противника, генералу П.А. Судоплатову.

Учреждение Советским Союзом на базе НКСГ своего рода «германского правительства в изгнании» и создание им «германской освободительной армии» стало бы прямым нарушением Вашингтонской декларации Объединенных Наций, подписанной 26 государствами антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, 1 января 1942 г.; это противоречило советско-британскому договору от 26 мая 1942 г.; шло бы в разрез с союзническими обязательствами, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, состоявшейся 19–30 октября 1943 г. Все эти документы запрещали сепаратные переговоры с врагом. На Московской конференции министров иностранных дел была одобрена декларация о принципах «всеобщей безопасности», содержавшая формулу «безоговорочной капитуляции» Германии, выдвинутую президентом США Рузвельтом в Касабланке в январе 1943 г.

В то же время, образование НКСГ, принятие его манифеста и выход в свет газеты «Свободная Германия» признавалось администрацией США событием большого значения. Работа НКСГ отслеживалась Управлением стратегических служб (УСС) США. Британские правительственные учреждения подробно занимались анализом деятельности этой организации.

Антифашистское движение «Свободная Германия» получило широкое распространение среди немецкой эмиграции как в странах Западной Европы, так и Америки. Особенно широкую и успешную работу проводил созданный в ноябре 1943 г. во Франции Комитет “Свободная Германия” для Запада («НКСГ для Запада»), объединивший немецких антифашистов, солдат оккупационных войск вермахта, а также рабочих батальонов военно-строительной организации Тодта. Основой объединения стала программа НКСГ, изложенная в манифесте от 12 июля 1943 г., а также «25 тезисов об окончании войны», принятых НКСГ 5 марта 1944 г.

Отношение к «НКСГ для Запада» у западных союзников было двоякое: одни не доверяли этой организации, другие признавали важность ее деятельности и высоко оценивали работу членов комитета. В итоге, цели НКСГ, как и «НКСГ для Запада», достигнуты не были, так как они не соответствовали взглядам союзников на послевоенный порядок в Европе.

Реакция пленных немецких генералов Паулюса и Зайдлица на предпринятое их коллегами в рейхе покушение на Гитлера была противоречивой и нервной. После провала заговора 20 июля 1944 г. Паулюс открыто перешел на антигитлеровские позиции. Следует признать, что эволюция мировоззрения Паулюса произошла не только в результате внутреннего переосмысления и переоценки им национал-социализма и германо-советской войны. На Паулюса оказало существенное влияние давление со стороны руководства ГУПВИ (генералов Петрова и Мельникова), спецпропагандистов Швеца и Штерна. Советским офицерам в работе с Паулюсом активно помогали немецкие военачальники, взятые в плен в июне 1944 г. в результате разгрома группы армий Центр, активисты НКСГ и СНО — генералы Зайдлиц, Сикст фон Армин, Гофмейстер, Винценц Мюллер.

Изучая тематический комплекс «Консервативная оппозиция и заговор против Гитлера», можно отметить, что при всем разнообразии лиц и общественно-политических сил, пассивно или активно, в рейхе или в эмиграции, в той или иной форме участвовавших в антинацистском Сопротивлении, реальную альтернативу Гитлеру могли составить лишь деятели консервативной оппозиции и связанные с ними военные.

Ведущей военной силой консервативной оппозиции Гитлеру была небольшая часть офицерского корпуса германских вооруженных сил. В то же время, рейхсвер (силы обороны Веймарской республики, с

1935 г. — вооруженные силы — вермахт) был одной из основных сил, приведших Гитлера к власти. Германские офицеры, в основном выходцы из национально-консервативных кругов, первоначально никоим образом не отрицали Гитлера, нацизм, войну. Более того, они приветствовали приход Гитлера к власти: на первый взгляд нацистский диктатор во внешней политике преследовал те же цели, что и национально ориентированные консерваторы, а во внутренней — стремился к сильному авторитарному государству. Германское офицерство было далеко от либерализма, демократии и пацифизма.

Несмотря на то, что «немецкий путь» армии во многом совпадал с курсом нацистов (снятие «оков Версаля», перевооружение армии, реванш за поражение в Первой мировой войне), некоторые генералы, например К. фон Хаммерштейн, были изначально настроены против Гитлера и его партии. Однако в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. армия поддержала Гитлера в его расправе над штурмовиками Рёма, так как, по мнению генералов рейхсвера, Рём в лице штурмовых отрядов создал «вторую армию» и пытался подмять под себя рейхсвер.

В феврале 1938 г. в стране и армии разразился скандал, названный «аферой Бломберга – Фрича». Главнокомандующий вермахтом генерал-фельдмаршал В. фон Бломберг и главнокомандующий сухопутных войск генерал-полковник В. фон Фрич крайне отрицательно отнеслись к авантюристическим планам Гитлера, направленным на развязывание большой войны: к такой войне вермахт еще готов не был. Последовала позорная отставка обоих генералов, вызвавшая недовольство в армии.

Осенью 1938 г. среди военных созрел антигитлеровский заговор, во главе которого стояли генерал-полковники Л. Бек, К. фон Хаммерштейн, Ф. Гальдер, а также шеф военной разведки (абвера) адмирал В. Канарис и его заместитель полковник (с 1941 г. — генерал-майор) Х. Остер. Перед Второй мировой войной фронда консервативных противников Гитлера стала преобразовываться в движение Сопротивления, в котором приняли участие некоторые германские политики и военачальники. Во время Второй мировой войны, после первых успехов Гитлера в Польше и Западной Европе, последовали провал блицкрига в России, большие потери немцев, разгром вермахта под Москвой, Сталинградом, Курском. Стратегическое поражение вермахта на Восточном фронте; преступный характер военных действий, которые планировало и вело германское военное-политическое руководство; уничтожение евреев, осуществляемое воинскими частями (как СС, так и вермахта), привели к активизации Сопротивления немцев против нацистского режима. Это выразилось в росте оппозиционных Гитлеру настроений в армии и рейхе, вплоть до антигитлеровского заговора консервативных политиков и военных и попытки государственного переворота.

Особую роль, в силу решающего военного и политического значения Восточного фронта во Второй мировой войне, играла антигитлеровская оппозиция немецких военных на германо-советском фронте, в частности в штабе группы армий «Центр», практическим руководителем которой был полковник (с 1942 г.) генерального штаба (с 1 июня 1944 г. генерал-майор) Х. фон Тресков. К группе Трескова принадлежали в основном офицеры службы Генерального штаба. В силу своего положения офицеры Генштаба лучше других были осведомлены о реальном положении дел на фронтах. Многие из них понимали, что Гитлер ведет Германию и ее вооруженные силы к неминуемой катастрофе. Следовательно, единственный способ спасти страну и армию — это уничтожить Гитлера. Почти все эти офицеры были молодыми аристократами, чьи нравственные ценности вступали в острое противоречие с военными преступлениями нацистов. Противоречие личности Трескова и его единомышленников состояло в том, что неприятие ими гитлеровского режима находилось в постоянном конфликте с их обязательствами перед армией, частью которой они были. Тресков и его соратники были противниками режима, которому им пришлось служить. Историк К. Хильдебранд (ФРГ) в этой связи указывал на «диалектику соучастия и противодействия, сотрудничества и отказа от него, лояльности и оппозиции»¹.

Несмотря на то, что участникам заговора против Гитлера не удалось установить прямые контакты с деятелями НКСГ и СНО, прежде всего с Зайдлицем, за действиями НКСГ и СНО из круга заговорщиков велось пристальное наблюдение. Военный руководитель антигитлеровского заговора полковник генштаба К. фон Штауффенберг симпатизировал Зайдлицу и искал связи с ним. По свидетельству перешедшего после 20 июля 1944 г. на советскую сторону фронта майора генштаба И. Куна, Штауффенберг еще в апреле 1944 г. сказал Куну, что возможно путь Зайдлица был не так уж и неверен. Однако самого Куна, искавшего контакты с Зайдлицем, советские инстанции сознательно не допускали к НКСГ и СНО.

Кун с сентября 1943 г. принадлежал к антигитлеровской оппозиции. Его имя стало известно в Германии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Вместе с другими офицерами Кун в 1943 и 1944 гг. приобретал и прятал взрывчатку для покушений на Гитлера. Кун состоял в тесной связи с фактическим руководителем заговора в Берлине полковником генштаба графом Штауффенбергом и руководителем заговора на Восточном фронте генералом Тресковым. Хранящиеся в ЦА ФСБ России документы Куна — уникальный источник, позволяющий по-новому взглянуть на историю заговоров против Гитлера и роли внешнего факто-

¹ Hildebrand K. Das Vermächtnis des anderen Deutschland. Diktatur und Widerstand — zur Gegenwärtigkeit des Vergangenen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1989. 22.VII.

ра, прежде всего, успехов Красной Армии и перспектив послевоенных германо-советских отношений, в этих событиях.

Как свидетельствует названный источник, часть немецких военных, участвовавших в заговоре против Гитлера (их наиболее известным представителем был граф Штауффенберг), в отличие от так называемого «штатского сектора» оппозиции, являлась сторонниками ориентации на Восток — заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений. Сталинский режим они не считали препятствием для послевоенной германской демократии: ведь Веймарская республика успешно сотрудничала с СССР, в частности в военной сфере.

«Штатский сектор» организации, политическим лидером которого был Карл Фридрих Гёрделер, ориентировался на Англию. Прозападную позицию Гёрделера разделяли президент рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхскомиссар прусского министерства финансов Йоханнес Попиц и многие другие. Исключение составлял бывший посол Германии в СССР граф Шуленбург — последовательный сторонник сотрудничества с Советским Союзом. Его позицию по этому вопросу в основном разделяли деятели «Кружка Крейсау».

Внешнеполитические цели «штатского сектора» определялись империалистическими амбициями его лидеров и менялись в зависимости от хода военных действий на фронтах Второй мировой войны, прежде всего, на Восточном (германо-советском) фронте. По мере роста военных поражений рейха рос политический реализм консервативной оппозиции, что в частности, отразилось на характере меморандумов Гёрделера.

В 1939–1941 гг., когда вермахт одерживал победы в Польше, в западной Европе, на временно оккупированной территории СССР, Гёрделер, Хасель, Попиц, Браухич и другие представители оппозиционной Гитлеру военно-политической элиты рейха выступали за сохранение и расширение германской экспансии, причем не только в Европе, но и в Азии и Африке. В этом плане взгляды консервативной оппозиции мало отличались от агрессивных целей Гитлера и его клики. Лишь после разгрома Красной Армией 6-й армии Паулюса под Сталинградом и победы британских войск над африканским корпусом Роммеля при Эль-Аламейне Гёрделер и его единомышленники умили свои претензии на чужие территории.

В целом немцы-заговорщики, как военные, так и штатские, ориентированные как на СССР, так и на Великобританию и США, несмотря на внутренние разногласия, сходились в том, что после устранения Гитлера необходимо: немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его клики; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определять основные формы управления страной и направления политики.

Особую роль в переговорах с СССР должен был сыграть посол граф Шуленбург, которого лично хорошо знали в Москве. Свою основную задачу в новом послегитлеровском правительстве Шуленбург видел в скорейшем прекращении войны, восстановлении и развитии отношений с СССР. При этом Шуленбург отнюдь не симпатизировал большевикам: старый дипломат хорошо понимал, что война против Советского Союза, который обладал огромным людским и военным потенциалом и гигантской территорией, будет стоить Германии очень дорого и может обернуться для нее национальной катастрофой. Шуленбург хорошо помнил предостережение «железного канцлера» Отто фон Бисмарка: двумя самыми большими ошибками внешней политики Германии могут стать война на два фронта и война с Россией.

Приверженцами политики Бисмарка, выступавшего против войны с Россией, были профессиональные германские дипломаты. Не случайно, что в их рядах оказались участники заговора 20 июля 1944 г.

Деятели немецкого Сопротивления находилась в неоднозначных и противоречивых отношениях с «большой тройкой». Немецкое антигитлеровское Сопротивление, бывшее высшим проявлением оппозиционных настроений в рейхе, оставалось между двумя полюсами — Востоком и Западом, между СССР, с одной стороны, Великобританией и США, с другой, так в целом и не примкнув ни к одному из полюсов. Если консервативная оппозиция в целом ориентировалась на Запад (Великобританию и США), то коммунисты рассматривали в качестве своего идейно-политического ориентира СССР. Во время Второй мировой войны германское антигитлеровское Сопротивление вынуждено маневрировало между советской Сциллой и англо-американской Харибдой. Однако немецкие антинацисты, как правило, не считали себя ни «просоветскими», ни «пробританскими», ни «проамериканскими». Они были патриотами Германии, цели борьбы которых объективно совпадали с задачами антигитлеровской коалиции.

Это совпадение состояло в том, что после нападения Германии на СССР коалиция западных демократий и сталинского СССР была основана на наличии общего врага — Гитлера. Против Гитлера было направлено и германское Сопротивление. Однако если германское антигитлеровское Сопротивление стремилось устранить Гитлера с политической сцены, то лидерам СССР и США для сохранения единства союзников Гитлер как символ нацистской Германии нужен был живым до конца коалиционной войны. Если Сталин предпочитал держать своих западных союзников в напряжении, разыгрывая «германскую карту» в своих интересах, то западные союзники делали тоже самое. Тем не менее, заговор немцев против Гитлера объективно способствовал победе антигитлеровской коалиции, а немецкие антинацисты были частью европейского движения Сопротивления.

Деятели немецкой консервативной оппозиции Гитлеру исходили из по-разному понимаемых национальных интересов Германии и в целом ориентировались на Запад. Полярность политических сил Сопротивления определила противоположные направления его внешнеполитической ориентации. «Красная капелла», НКСГ и СНО ориентировались на СССР; эти организации выполняли важные для советской разведки, внешней политики и пропаганды задачи. Гёрделер и его представители искали контакт с Западом и через Гизевинуса и Даллеса сотрудничали с УСС США, снабжая американскую разведку информацией о положении дел в рейхе и о планах немецкой консервативной оппозиции.

Проблема сепаратного мира с Германией играла во взаимоотношениях союзников особую роль: как Советский Союз опасался антисоветского «сговора» Запада с немецкой консервативной оппозицией, так и Запад видел в НКСГ и СНО попытку создания просоветского германского правительства, с которым СССР мог бы подписать сепаратный мир.

НКСГ и СНО, заговорщики-военные, группа Гёрделера и «кружок Крайсау» разрабатывали свои планы послевоенного будущего Германии. Причем планы военных деятелей 20 июля 1944 г. во многом совпадали с целями НКСГ и СНО, в частности по вопросу послевоенного мироустройства. Группа Штауффенберга выступала за мирное урегулирование как на Западе, так и на Востоке и установление после войны взаимовыгодных дружеских отношений новой Германии с СССР, привлечение коммунистов в послегитлеровское правительство Германии.

Немцы-заговорщики, как военные, так и штатские, ориентированные как на СССР, так и на Великобританию и США, несмотря на внутренние разногласия, в целом сходились в том, что после устранения Гитлера необходимо: немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его клики; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определять основные формы управления страной и направления политики.

Группа консервативных немецких военных и политиков, готовивших государственный переворот, искала политические контакты с Великобританией и США. Этим, в частности, занимались советник министерства иностранных дел Адам фон Тротт цу Зольц и юрист «Люфтвафзы» Отто Йон. Специальный представитель Президента Рузвельта Аллен Даллес, с ноября 1942 г. до конца войны возглавлявший в Швейцарии резидентуру Управления стратегических служб (УСС) США, был в курсе странным образом срывававшихся планов покушения немецкой оппозиции на своего фюрера и верховного главнокомандующего. Основным информатором Даллеса по делам антигитлеровского Сопротивления

был вице-консул германского генконсульства в Цюрихе Ганс Гизевиус (он же агент УСС № 512), который слыл активным заговорщиком, служил в абвере и был «дозорным» адмирала Канариса в Швейцарии.

Тротт цу Зольц, член кружка Крейсау, совершил поездку в Швейцарию, чтобы предупредить Даллеса о том, что если западные демократии откажутся рассматривать возможность подписания достойного мира с антинацистским режимом в Германии, то заговорщики обратятся к Советской России. Даллес отнесся к этому с пониманием, хотя и не дал каких-либо заверений.

В феврале 1943 г. в Берне Даллес и его ближайший советник по вопросам немецкого Сопротивления Геро фон Шульце-Гевеверниц встречались с князем Максом Гогенлоэ (доверенным лицом как рейхсминистра иностранных дел И. фон Риббентропа, так и рейхсфюрера СС Г. Гимmlера и его спецслужб) и военачальниками вермахта — фельдмаршалом В. Браухичем и генерал-полковником К. Цейтцлером. Обсуждались вопросы возможных путей завершения войны и послевоенного устройства Германии и Европы в целом. Речь шла о том, что Германия может согласиться на мир, если западные державы не допустят советской оккупации Германии.

По оценке Даллеса, лучшим из его источников и одним из лучших секретных агентов в истории разведки был Джордж Вуд. Под этим псевдонимом скрывался сотрудник германского министерства иностранных дел Фриц Кольбе. В июне 2000 г. тогдашний президент США Билл Клинтон принял решение о рассекречивании ряда материалов времен Второй мировой войны. Среди наиболее интересных из них оказались 1600 документов УСС, основанных на информации, полученной от Кольбе (Вуда). Из депеш Вуда союзникам стало известно имя оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана и его роли в «окончательном решении еврейского вопроса».

Даллес был готов пойти на отдельные переговоры с немцами; дело было за малым: наличием в Германии такой оппозиции, «которую действительно можно принимать всерьез». Однако в 1944 г. после весенне-летнего наступления Красной армии, высадки союзников в Нормандии и провала немецкого военного путча против Гитлера, американцам оставалось «принимать всерьез» лишь рейхсфюрера СС Гимmlера. И они действительно через посредников вступили в переговоры с главным нацистским палачом¹.

Корделл Хэлл, государственный секретарь США в 1933–1944 гг. и сторонник американо-советского сближения, в 1948 г., когда уже началась «холодная война», писал, что американцы «всегда должны пом-

¹ Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гимmlер. Второй после Гитлера. М., 2014. С. 129–137.

нить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы нас (американцев. — Б.Х.) и открыл двери для следующей тридцатилетней войны»¹.

«Теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Гёрделер надеялся, что британское правительство поддержит немецкое Сопротивление. Однако британский премьер Уинстон Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и так называемый «прусский милитаризм», категорически отказался принимать послания немецкой оппозиции, заявив: «Я абсолютно против самых незначительных контактов»². Черчилль принципиально не поддерживал немецких противников Гитлера, считая, что чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше.

Несмотря на нежелание Черчилля разговаривать с немцами, все же последовал ответ Лондона. В начале 1944 г., когда безнадежность военного положения Германии стала очевидной, Гёрделер, через шведского посредника Маркуса Валленберга, получил принципиальное согласие английского правительства на то, чтобы в случае государственного переворота в Германии германские войска заняли фронт на линии, проходящей восточнее старых границ Польши³. Тем самым, вопреки декларациям о единстве антигитлеровской коалиции, проявилось желание Черчилля «не пустить русских в Европу».

Немецкое Сопротивление боролось против нацистской диктатуры в Германии, которая совершала массовые военные преступления и преступления против человечества. В то же время, с позиции нацистского государства деятели Сопротивления рассматривались как государственные преступники. Жертвенная борьба участников заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. не привели германское Сопротивление к успеху. Сопротивление немцев Гитлеру достойно моральной славы, но политически оно оказалось беспомощным. Гитлер и нацистский рейх были повержены не самими немцами, а вооруженными силами Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции. Слабость и непоследовательность антигитлеровского Сопротивления в Германии привели его к поражению. Великобритания, СССР, США, другие страны антигитлеровской коалиции, разгромив Третий рейх, вынуждены были на территории Германии совместно решать задачи, нерешенные немецкими противниками Гитлера.

¹ Цит. по: Фалин В.М. Мистерии второго фронта // Родная Ладога. СПб., 2010. № 1. С. 100–101.

² Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. S. 551.

³ Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965. С. 206–207.

6. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Архивные материалы

Архив внешней политики МИД Российской Федерации (АВП РФ)

Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 23–24.

Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 50об.

Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 61.

Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 124.

Ф. 82. Оп. 27. П. 22. Д. 92. Л. 126.

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ)

Ф. 3. Оп. 20. Д. 116. Л. 1–148.

Ф. 3. Оп. 58. Д. 498. Л. 73.

Ф. 3. Оп. 58. Д. 498. Л. 80–82.

Архив Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР)

Д. 15852. Захар.

Д. 26736.

Д. 26742. Франц.

Д. 28095. Старик.

Д. 34118. Корсиканец.

Д. 34122. Старшина.

Д. 34123. Лучистый.

Д. 34124. Итальянец.

Д. 68400.

Д. 93629. Красная капелла.

Д. Обзор. Спецномер 298.

Д. Обзор. Спецномер 30026.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 92. Л. 264–268.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 241.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 322–324.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 160.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 373–374.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 198–201.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 130.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 236. Л. 322–323.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 32–34.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 268–269.

Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 337. Л. 26.

Личный архив Б.Л. Хавкина

Бланк А.С. Воспоминания. Главное дело.

Письмо г-на Герике Б.Л. Хавкину от 19.07.2001.

Письмо графа Г.фон Айнзиделя Б.Л. Хавкину от 09.01.2002.

Мемориальный музей немецких антифашистов (ММНА)

Нвф. 832/1-2.

Нвф. 976.

Нвф. 977.

Нвф. 1077/1.

Нвф. 1156/13.

Нвф. 1395/7.

Нвф. 1531/53.

Нвф. 1531/54.

Нвф. 1557/3.

Нвф. 1567/3.

Нвф. 1572/74.

Нвф. 1572/82.

Нвф. 1572/84.

ОФ. 993/14.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 495. Оп. 19. Д. 530.

Ф. 495. Оп. 74. Д. 156.

Ф. 495. Оп. 77. Д. 35. Л. 23–31.

Ф. 495. Оп. 293.

Ф. 526. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

Российский государственный военный архив (РГВА). Документы Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) [1992–1999]

Ф. 1/п. Оп. 16е. Д. 48.

Ф. 1/п. Оп. 21а. Д. 4. Л. 44.

Ф. 1/п. Оп. 23а. Д. 8.

Ф. 1/п. Оп. 30е. Д. 1.

Ф. 4/п. Оп. 5. Д. 17.

Ф. 451/п. Оп. 1. Д. 19. Л. 265–266.

Ф. 451/п. Оп. 2. Д. 6. Л. 126–129.

Ф. 451/п. Оп. 2. Д. 7. Л. 151.

- Ф. 451/п. Оп. 2. Д. 7. Л. 174.
Ф. 451/п. Оп. 3. Д. 7. Л. 12–15.
Ф. 451/п. Оп. 4. Д. 10. Л. 12.
Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 22. Л. 96–101.
Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 225. Л. 117–122.
Ф. 451/п. Оп. 9. Д. 7.
Ф. 454/п. Оп. 2. Д. 6. Л. 120–121.
Ф. 463/п. Оп. 1. Д. 17. Л. 3об.
Ф. 463/п. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
Ф. 463/п. Оп. 1. Д. 19.
Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1241. Л. 61.

**Центральный архив Министерства обороны
Российской Федерации (ЦАМО)**

- Ф. 32. Оп. 65607. Д. 9. Л. 123.
Ф. 32. Оп. 65607. Д. 30. Л. 146–147.
Ф. 32. Оп. А-32531. Д. 114.
Ф. 500. Оп. 12450. Д. 93. Л. 1.
Ф. 500. Оп. 12450. Д. 152. Л. 1–34.

Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ)

- Д. 101551. Т. 9.
Р-49170. Л. 26–28.
Р-46988. Л. 55.
Р-46988. Л. 60–61.
Р-46988. Л. 72.
Р-46988. Л. 182.
Р-46988. Л. 208–209.
Р-46988. Л. 225.
Р-46988. Л. 229.
Р-46988. Л. 231.
Р-46988. Л. 244–246.
Р-46988. Л. 251.
Материалы ГУК «СМЕРШ».

**Archiv für Zeitgeschichte der Eidgenössischen Technischen
Hochschule Zürich**

Nachlass: Strafprozesse, Dok.

Bundesarchiv Berlin (BA-Berlin)

- Berlin Document Center. Parteistatischer Erhebungsbogen von Willy Lehmann.
01.7.1939.
R58/252. Bl. 13. Stellenverteilungsplan des Geheimen Staatspolizeiamts. 01.01.1938.
R58/864. Namensverzeichnis der bei der Gestapo beschäftigten männlichen Personen.
25.06.1935.

R58/3529. Bl. 97. Mitarbeiterverzeichnis des RSHA-Referates IVE 1. o. Datum.

R58/3533. Bl. 97. Gliederung des Reichssicherheitshauptamtes. o. Datum.

R58/4213. Dienstaltersliste SS. 01.12.1938.

ZR 590/3. Bl. 17a. Angehörige der Geheimen Staatspolizei, Staatspolizeileitstelle. Berlin. o. Datum.

Bundesarchiv. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR (BA-SAPMO)

Nachlass 4003: Ernst Thälmann.

Karteikarte der Personensuchdatei des Bundesarchives.

Bundesarchiv Freiburg (BA-Freiburg)

NL: Kaiser, Hermann.

Bundesarchiv/Militärarchiv (BA-MA)

Nachlass № 372: Friedrich Paulus.

Deutsches Rundfunkarchiv

Ffm B004627584.

Ffm 2894949/20.

Niedersächsisches Hauptstaatsarchiv Hannover

Nds. 721. Lüneburg. Acc. 69/67. Bd. 6. Bl. 816–817; фотокопия: Bundesarchiv. R 58/1131. Fol. 37–38.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA-AA)

Botschaft Moskau. Geheim. Handakten Botschafter v. Schulenburg aus verschied. Sachgebieten.

Staatsarchiv Hamburg (StaH)

Polizeibehörde I. 331-1. I. 898, 902, 905.

Politische Polizei. V 236-3, 236-6.

Staatsarchiv Luzern

PA Nachlass Xaver Schnieper.

A 1044/12269: Handelsregisterbelege Vita Nova Verlag.

PA 215: Zeitung Artikel in der „Freien Innerschweiz“.

Нормативные акты

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией [28 сентября 1939 г.]. Секретный дополнительный протокол [28 сентября 1939 г.] // Документы внешней политики / М-во иностр. дел Рос. Федерации. — М.: Междунар. отношения, 1992. — Т.22, кн. 2. — С. 134–136.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом [23 августа 1939 г.]. Секретный дополнительный протокол [23 августа 1939 г.] // Доку-

- менты внешней политики / М-во иностр. дел Рос. Федерации. — М.: Международ. отношения, 1992. — Т. 22, кн. 1. — С. 630–632.
- Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1428.
- Закон РФ от 22 декабря 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”» // Ведомости Совета Народных Депутатов РФ. — 1993. — № 1. — Ст. 21.
- Anordnung und des Reichsministers des Innern vom 12. April 1934 über Verhängung und Vollstreckung der “Schutzhaft” // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 50–55.
- Aus dem Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums vom 7. April 1933 // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 38–41.
- Aus der Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutze des deutschen Volkes vom 4. Februar 1933 // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 22–28.
- Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre vom 15. September 1935 // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 61–62.
- Niederschrift der Rede Hitlers vor Befehlshabern der Reichswehr am 3. Februar 1933 über innen- und außenpolitische Ziele // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 21–22.
- Nürnberger Gesetze. Bez. für zwei auf dem Reichsparteitag 1935 verkündete bedeutende Gesetze des nat.-soz. Reiches: Blutschutzgesetz und Reichsbürgergesetz. // Meyers Lexikon. — 8. Aufl. — Leipzig, 1940. — Bd. 8. — S. 525.
- Reichsbürgergesetz vom 15. September 1935 // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 60.
- Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat vom 28. Februar 1933 // Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — S. 29–31.
- Wehrgesetz vom 21. Mai 1935 // Reichsgesetzblatt. — 1935. — I. — S. 609.

Публицистика

- Вудман Д. Воздушные вооружения Германии / пер. с нем. М.М. Маврина, Е.Г. Мировой. — М.: Соцэкгиз, 1935. — 136 с.
- Вудман Д. Германия вооружается / пер. с англ. под ред. Я. Сегалл. — М.: Соцэкгиз, 1935. — 240 с.

- Гесс Р. Избранные речи // E-libra.ru [Электронный ресурс]. — 2010–2015. — Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/188116-izbrannnye-rechi.html>
- Генри Э. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР: грядущая схватка между фашистами и социалистическими армиями [пер. с англ.]. — М.: Русский ра-
ритет, 2004. — 484 с.
- Генри Э. Гитлер против СССР: грядущая схватка между фашистскими и со-
циалистическими армиями / пер. с англ. Р. Ихок. — М.: Соцэкгиз, 1937. —
339 с.
- Гизевийус Г.Б. До горького конца: записки заговорщика / [сокр. пер. с нем. Гри-
гория Рудого]. — Смоленск: Русич, 2002. — 683 с. — (Мир в войнах).
- Из конспекта речи Гитлера перед командующими сухопутными силами и воен-
но-морским флотом (3 февраля 1933 г.) // История Германии: в 3 т. / Зап.-
сиб. центр герм. исслед. — Кемерово: Кузбассвуиздат. 2005. — Т. 3: Доку-
менты и материалы. — С. 318.
- Тельман Э. Избранные статьи и речи: к истории германского рабочего движе-
ния: пер. с нем. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957–1958. — Т. 1 (Июнь 1919
– ноябрь 1928). — 1957. — 469 с.; Т. 2 (Ноябрь 1928 года – сентябрь 1930
года). — 1958. — 394 с.
- Эрнст Тельман: речи и статьи, письма, воспоминания об Эрнсте Тельмане / [под
общ. ред. В.С. Рыкина]. — М.: Политиздат, 1986. — 444 с.
- Фельфе Х. Мемуары разведчика: пер. с нем. — М.: Политиздат, 1988. — 317 с.
- Шолохов М.А. Наука ненависти // Правда. — 1942. — 22 июня.

Сборники документов

- Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: документы из следственных
дел немецких военнопленных. 1944–1951: [сборник] / сост. В.Г. Макаров,
В.С. Христофоров. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2009. — 572 с. —
(Россия. XX век: документы).
- Документы внешней политики. Т. 22: 1939 г. / М-во иностр. дел Рос. Федера-
ции. — М.: Междунар. отношения, 1992. — 2 кн.
- Документы внешней политики. Т. 23: 1940 — 22 июня 1941 / М-во иностр. дел
Рос. Федерации. — М.: Междунар. отношения, 1998. — 2 кн.
- За Германию против Гитлера: документы и материалы о создании и деятель-
ности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких
офицеров [пер. с нем.] / [редкол.: Н. Н. Берников и др.]. — М.; Красногорск:
Мемор. музей нем. антифашистов, 1993. — 512 с.
- История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художе-
ственные документы / [сост. И. Бюлов]. — М.: Олма Медиа Групп, 2008. —
688 с.
- История Германии. В 3 т. Т. 3: Документы и материалы / Зап.-сиб. центр герм.
исслед.; под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. — Кемерово: Куз-
бассвуиздат, 2005. — 543 с.

- Димитров Г.М. Лейпцигский процесс: речи, письма и документы [под ред. и с предисл. Б.Н. Пономарева]. — М.: Госполитиздат, 1961. — 531 с.
- Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): сборник документов / М-во иностр. дел СССР. — М.: Политиздат, 1978. — 421 с. — (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.; т. 1)
- Нюрнбергский процесс: сборник материалов / [под ред.: К.П. Горшенина (гл. ред.), Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко]. — Изд. 3-е, испр. — М.: Госюриздат, 1955. — 2 т.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов: в 7 т. / под общ. ред. Р.А. Руденко. — М.: Госюриздат, 1957–1961. — 7 т.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: документы / Федер. арх.служба России, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. — М.: РОС-СПЭН, 2004. — 958 с.
- Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; под ред. и с предисл. П.А. Жилина. — М.: Воениздат, 1987. — 301 с.
- Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. — М.: Партиздат, 1935. — 45 с.
- Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии, составленный 3-м Европейским отделом МИД СССР, 1943–1945 гг. — М.: МИД СССР, 1946. — 102 с.
- Секреты Гитлера на столе у Сталина: разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март–июнь 1941 г.: документы из Центрального архива ФСБ России / Федер. служба безопасности России и др.; [сост. В.К. Виноградов и др.]. — М.: Мосгорархив, 1995. — 252 с.
- «Совершенно секретно! Только для командования!»: стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы / сост. В.И. Дашичев. — М.: Наука, 1967. — 751 с. — (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).
- Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы. В 2 т. Т. 1: 1941–1945/ М-во иностр. дел СССР; [редкол.: Г.П. Кынин и др.]. — М.: Политиздат, 1983. — 541 с.
- СССР и германский вопрос, 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2 т. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / [Ист.-док. департамент МИД России, Центр изучения новейшей истории в Потсдаме; сост.: Г.П. Кынин и Й. Лауфер]. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 782 с.
- Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: документы из следственных дел, 1944–1955 / [редкол.: В.С. Христофоров

- (отв. ред.) [и др.]. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2011. — 875 с. — (Россия. XX век: документы).
- Тегеран. Ялта. Потсдам: сборник документов. — 2-е изд., доп. — М.: Междунар. отношения, 1970. — 413 с.
- 1941 год: документы: в 2 кн. / Арх. внешней политики Рос. Федерации [и др.]; сост.: Л.Е. Решин [и др.]; науч. ред. В.П. Наумов]. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. — 2 т. — (Россия. XX век: документы).
- Der deutsche Faschismus in Qullen und Dokumnten / Hrsg. von R. Kühnl. — Köln: Pahl-Rugenstein, 1979. — 530 S.
- Dokumente der deutschen Politik / Bearb. von H. Volz. — Berlin: Junker & Dünhaupt, 1941. — 2 Bd.
- Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933–1945 / [Hrsg. von H. Kaden und L. Nestler]. — Berlin: Dietz, 1993. — Bd. 1. — 261 S.
- Die Ermordung der europäischen Juden: eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941–1945 / Hrsg. von P. Longerich unter M. von Dieter Pohl. — München [u.a.]: Piper, 1989. — 479 S.
- Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41) / ausgewählt und eingeleitet von Erhard Moritz. — Berlin: Deutscher Militärverlag, 1970. — 437 S. — (Schriften des Deutschen Instituts für Militärgeschichte).
- Spiegelbild einer Verschwörung: die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat von 20. Juli 1944: geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt / Hrsg. vom Archiv Peter für historische und zeitgeschichtliche Dokumentation. — Stuttgart, 1961. — 586 S.
- Spiegelbild einer Verschwörung: die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung: Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt / Hrsg. von H.-A. Jacobsen. — Stuttgart: Seewald, 1984. — 2 Bd.
- Topographie des Terrors: Gestapo, SS und Reichssicherheitshauptamt auf dem “Prinz-Albrecht-Gelände”: eine Dokumentation / hrsg. von R. Rürup. — Berlin: Willmuth Arenhövel, 2002. — 230 S.
- Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands: eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914 bis 1946 / hrsg. von Marx-Engels-Stalin-Institut beim Zentralkomitee der SED. — Berlin: Dietz, 1954. — 462 S.

Дневники и мемуары

- Адам В. Трудное решение: мемуары полковника 6-й германской армии / пер. с нем. Н.М. Гнединой и М.П. Соколова; под ред. З.С. Шейниса. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1972. — 495 с.
- Айнзидель Г. фон. Дневник пленного немецкого летчика: сражаясь на стороне врага, 1942–1948 [пер. с нем.]. — М.: Центрполиграф, 2012. — 316 с. — (За линией фронта. Мемуары).

- Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина (картинки прожитого). — М.: ДЭМ, 1993. — 397 с.
- Васильчикова М.И. Берлинский дневник, 1940–1945: пер. с англ. / предисл., послесл., коммент. и примеч. Г.И. Васильчикова. — М.: Полиграфресурсы, 1994. — 317 с. — (Из архива семьи Васильчиковых).
- Вестер-Тельман И. Эрнст Тельман: воспоминания о моем отце: [пер. с нем.] / предисл. В. Пика. — Изд. 2-е. — Л.: Лениздат, 1957. — 114 с.
- Воскресенская З.И. Теперь я могу сказать правду: мз воспоминаний разведчицы. — М.: Республика 1993. — 223 с.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 3. — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988. — 348 с.
- Штейдле Л. От Волги до Веймара: мемуары немецкого полкового командира полка 6-й армии Паулюса: [пер. с нем.] / [под ред. З.С. Шейниса]. — 2-е изд. — М.: [б. и.], 1975. — 423с.

Литература

- Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. — М.: Кучково поле: Ассоц. «Воен. кн.», 2012. — 974 с.
- Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля: Волленберг, Артузов и др. — М.: Гея итэрум, 2001. — 316 с. — (Рассекреченные жизни).
- Ахтамзян А.А. К историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Рос. гос. торг.-экон. ун-т; сост. А.А. Ахтамзян. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — С. 289–290.
- Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997. — 371 с.
- Безродный А. Верны ли показания Ежова? // Военно-промышленный курьер. — 2006. — 22 февраля (№ 7).
- Безыменский Л.А. Визит В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов // Новая и новейшая история. — 1995. — № 6. — С. 121–143.
- Безыменский Л.А. Германские генералы — с Гитлером и без него. — М.: Соцгиз, 1961. — 368 с.
- Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. — М.: Вече, 2004. — 349 с. — (Военные тайны XX века).
- Безыменский Л.А. Двойной провал ГРУ и НКГБ // Новое время. — 1993. — № 18. — С. 51–53.
- Безыменский Л.А. Курский сигнал // Новое время. — 2003. — № 18/19. — С. 37–39.

- Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1987. — 276 с.
- Безыменский Л.А. 108 фотографий из архива гестапо // Новое время. — 1993. — № 17. — С. 46–49.
- Бейли Д. Кондрашев С., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин [пер. с англ. Л. Володарской]. — М.: ЭКСМО, 2002. — 541 с.
- Белл Ф. Великобритания и Сталинградская битва // Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: пер. с нем. / под ред. Ю. Фёрстера. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — С. 373–395.
- Белов П.А. За нами Москва [О I-м гвардейском кавалерийском корпусе]. — М.: Воениздат, 1963. — 332 с. — (Военные мемуары).
- Беркович Е. Одинокое героин: история покушений на Гитлера // Вестник Online [Электронный ресурс]. — 2004. — № 4. — Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0218/win/berkovich.htm>
- Бирман Дж. Праведник: история о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста: пер. с англ.. — М.: Текст: Рудомино, 2001. — 398 с.
- Бирнат К.Г. Краусхаар Л. Организация Шульце-Болзена – Харнака в антифашистской борьбе / пер. с нем. Г. Рудого. — М.: Прогресс, 1974. — 198 с.
- Бланк А.С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933–1945). — М.: Мысль, 1964. — 396 с.
- Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.) / Череповец. гос. пед. ин-т. — Вологда: Кн. изд-во, 1963. — 92 с.
- Бланк А.С. В сердце «третьего рейха»: из истории антифашистского Народного фронта в подполье. — М.: Мысль, 1974. — 237 с.
- Бланк А.С., Левель Б. Наша цель — свободная Германия: из истории антифашистского движения «Свободная Германия» (1943–1945 гг.). — М.: Мысль, 1969. — 293 с.
- Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. — М.: Патриот, 1990. — 206 с.
- Бонвеч Б. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. / Б. Бонвеч, С. Кудряшов // СССР – Германия, 1933–1941. — М.: Архив Президента Рос. Федерации, 2009. — 367 с. — (Вестник Архива Президента Российской Федерации).
- «Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической единой партии Германии». Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник. — 1994. — № 3. — С. 102–107.
- Борозняк А.И. Жестокая память: нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / Фонд Фридриха Эберта. — М.: РОС-СПЭН, 2014. — 350 с.
- Борозняк А.И. Прошлое, которое не уходит: очерки истории и историографии Германии XX в. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. — 329 с.
- Борозняк А.И. [Рецензия] // Новая и новейшая история. 2015. — № 2. — С. 202–204. — Рец. на кн.: Б.Л. Хавкин. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. — М.: Новый хронограф, 2014. — 424 с.

- Борозняк А.И. [Рецензия] // Новая и новейшая история. — 2008. — № 3. — С. 240–241. — Рец. на кн.: В. Chavkin. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. — Stuttgart: Ibidem-Verl., 2007. — 279 S.
- Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого». — М.: Интердиалект+, 1999. — 62 с.
- Бояджи Э. История шпионажа. В 2 т. Т. 2 [пер. с итал. Л. Кориной]. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003. — 636 с.
- Бредель В. Эрнст Тельман: политическая биография / пер. с нем. М.О. Чечановского. — М.: Изд-во иностр. лит., 1952. — 206 с.
- Бровко Л.Н. Кардинал Фаульхабер и «Третий рейх» // Новая и новейшая история. — 2008. — № 5. — С. 162–181.
- Бровко Л.Н. Немецкая евангелическая церковь и национал-социализм // Новая и новейшая история. — 2010. — № 1. — С. 71–92.
- Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх / отв. ред. Е.С. Токарева; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. — СПб.: Алетейя, 2009. — 471 с.
- Бродский Е.А. Живые борются. — М.: Воениздат, 1965. — 240 с.
- Бродский Е.А. Забвению не подлежит [об участии советских военнопленных и угнанных в Германию советских граждан в европейском антифашистском движении Соппротивления]. — М.: Мысль, 1993. — 413 с.
- Бродский Е.А. Заговор 20 июля и социально-политический характер гёрделевской оппозиции: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1949.
- Бродский Е.А. Славная страница пролетарского интернационализма (немецкие антифашисты в борьбе с гитлеризмом). — М.: Мысль, 1980. — 268 с.
- Бродский Е.А. Это известно немногим [воспоминания политработника РККА]. — Красногорск (Моск. обл.): Мемор. музей нем. антифашистов, 1996. — 392 с.
- Броснат М. Закат тысячелетнего рейха [пер. с нем.]. — М.: Яуза: Эксмо, 2005. — 286 с. — (Империя III рейх).
- Бурцев М.И. Прозрение. — М.: Воениздат, 1981. — 318 с. — (Военные мемуары).
- Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. — М.: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина: РОССПЭН, 2009. — 374 с. — (История сталинизма).
- Ватлин А.Ю. Немецкое антигитлеровское Соппротивление в историографии СССР и России // Новая и новейшая история. — 2015. — № 1. — С. 155–165.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / [А.В. Опалев и др.]. — М.: Кучково поле, 2013. — 862 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны / [М.М. Наринский (рук.) и др.]. — М.: Кучково поле, 2014. — 863 с.

- Верт А. Россия в войне 1941–1945: пер. с англ. — М.: Воениздат, 2001. — 664 с.
- Винцер О. 12 лет борьбы против фашизма и войны: очерки по истории Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 год / пер. с нем. Н.С. Португалова. — М.: Политиздат, 1956. — 255 с.
- Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. Кн. 2, ч. 2. — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. — 267 с.
- Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: документальная экспозиция г. Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. — Берлин: Аргон, 1992. — 287 с.
- Всеволодов В.А. Национальный комитет «Свободная Германия» для Запада // Новая и новейшая история. — 2008. — № 4. — С. 91–99.
- Всеволодов В.А. «Срок хранения — постоянно!»: краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27(1942–1950 гг.) / В.А. Всеволодов. — Красноярск: Мемор. музей нем. антифашистов, 2003. — 271 с.
- Вторая мировая война: два взгляда. — М.: Мысль, 1995. — 556 с.
- Гаевский А.Г. Попытка переворота 20 июля 1944 г. как кризис германских воинских традиций // Великая Отечественная война, 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, 17 мая 2005 г. / [Рос. гос. гуманитарный ун-т ; редкол.: В.В. Минаев, А.Б. Безбородов, А.А. Киличенков, О.В. Саприкина]. — М.: РГГУ, 2005. — С. 325–330.
- Галкин А.А. Германский фашизм. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Наука, 1989. — 350 с.
- Галло М. Ночь длинных ножей: борьба за власть партийных элит Третьего рейха, 1932–1934. — М.: Эксмо, 2007. — 177 с. — (За линией фронта. Военная история).
- Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939–1945 / Отв. ред. Д.М. Прозктор; АН СССР, Отд-ние истории. — М.: Наука, 1987. — 334 с. — (Борьба народов против фашизма и агрессии).
- Гинцберг Л.И. Герои Сопротивления: сборник статей / Сост. А.Я. Манусевич и Ф.А. Молок]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1977. — 296 с.
- Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933–1945). — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 152 с.
- Гинцберг Л.И. Отважные борцы против фашизма: (борьба немецких антифашистов против гитлеровской тирании). — М.: Знание, 1984. — 64 с.
- Гладков Т.К. Его величество Агент. — М.: Печатные Традиции, 2010. — 253 с.
- Гладков Т.К. Коротков. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 542 с. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1143 (943)).
- Гладков Т.К. Лифт в разведку: «Король нелегалов» Александр Коротков. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 573 с. — (Досье).
- Гладков Т.К. Тайны спецслужб III рейха: [от штурмовых отрядов до Гестапо и Абвера] / Теодор Гладков. — М.: Яуза: ЭКСМО, 2004. — 413 с. — (Тайны III рейха).

- Гуревич А.М. Разведка — это не игра: мемуары советского резидента Кента. — СПб.: Нестор, 2007. — 501 с.
- Давидович Д.С. Трагические страницы истории КПГ // Новая и новейшая история. — 1990. — № 4. — С. 225–227.
- Давидович Д.С. Эрнст Тельман: страницы жизни и борьбы / отв. ред. Г.Я. Рудой; [АН СССР, Отд-ние истории]. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Наука, 1988. — 224 с. — (Борьба народов против фашизма и агрессии).
- Даллес А. Асы шпионажа [пер. с англ.]. — М.: Центрполиграф, 2002. — 444 с.
- Даллес А. Искусство разведки [пер. с англ. с сокр.]. — М.: Междунар. отношения: Улисс, 1992. — 287 с. — (Секретные миссии).
- Даллес А. Тайная капитуляция [пер. с англ.]. — М.: Центрполиграф, 2004. — 348 с.
- Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки: документы и материалы. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи», 1941–1945 гг. / В.И. Дашичев; отв. ред. А.М. Самсонов. — М.: Наука, 1973. — 663 с. — (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).
- Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: национальные особенности: [сборник статей] / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; [редкол.: Н.П. Комолова (отв. ред.) и др.]. — М.: Наука, 1991. — 221 с.
- Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: общие проблемы: [сборник статей] / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; [редкол.: Н.П. Комолова (отв. ред.) и др.]. — М.: Наука, 1990. — 235 с.
- Деборин Г.А. Вторая мировая война: военно-политический очерк / под ред. И.И. Зубкова. — М.: Воениздат, 1958. — 430 с.
- Девекан В.Н. Не сгоревшие на костре: немецкая антифашистская литература 1933–1935 годов. — М.: Советский писатель, 1979. — 439 с.
- Дегтярев К. Штирлиц без грима. Семнадцать мгновений вранья. — М.: Яуза: Эксмо, 2006. — 380 с. — (Мифы без грифа).
- Деларю Ж. История гестапо: пер. с фр. — Смоленск: Русич, 1993. — 478 с. — (Тирания).
- Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве, 1650–1945. — М.: Центрполиграф, 2007. — 384 с.
- Долгилевич Р.В. [Рецензия] // Новая и новейшая история. — 2014. — № 4. — С. 200–204. — Рец. на кн.: Борис Хавкин. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. — М.: Алгоритм, 2014. — 221 с.
- Драбкин Я.С. Эрнст Генри — «наш человек в XX веке» // Новая и новейшая история. — 2004. — № 4. — С. 175–189.
- Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность: (исследования, публицистика) / АН СССР, Ин-т истории. — М.: Наука, 1964. — 664 с.
- Зарубежное россиеведение: учебное пособие / [А.Б. Безбородов и др.]; под ред. А.Б. Безбородова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М.: Проспект, 2014. — 574 с.

- Зегер А. «Гестапо-Мюллер»: карьера кабинетного преступника. — Ростов н/Д: Феникс, 1997. — 380 с. — (След в истории).
- Зоря Ю.Н., Хавкин Б.Л. Тайна «Кента»: судьба советского разведчика А. М. Гуревича // Новая и новейшая история. — 1993. — № 5. — С. 100-102.
- Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Woodrow Wilson international center for scholars, Kennan Institute; под ред. Э.А. Паина. — М.: Три квадрата, 2010. — 318 с.
- Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны: (документы 1940–1941 гг.): О подготовке Германии к нападению на СССР; О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР / публ. подгот. И. Курилов [и др.] // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 198-223.
- История Германии. В 3 т. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / [А.М. Бетмакаев и др.]; Зап.-сиб. центр герм. исслед.; под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — 619 с.
- История дипломатии. В 5 т. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны / под ред. А.А. Громыко [и др.]. — М.: Политиздат, 1975. — 752 с.
- Калганов А.М. Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года // Тайные страницы истории. — М.: ЛГ Информэйшн Груп, 2000. — С. 289-320.
- Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1956 / пер. с нем. О. Асписовой; Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац – Вена – Клагенфурт). — М.: РГГУ, 2002. — 302 с. — Военнопленные Второй мировой войны).
- Карпов М. Пристрелить пляшущего дервиша // Совершенно секретно. Приложение. Люди на все времена, 1945–2011. — 2011. — № 4/8.
- Кассис В., Колосов Л.Б. «Красная капелла»: легенды и были // 13 новелл о советских разведчиках. — М.: Междунар. кн., 1992. — Кн. 1. — С. 99-136.
- Кегель Г. В бурях нашего века: записки разведчика-антифашиста: пер. с нем. — М.: Политиздат, 1987. — 462 с.
- Киссинджер Г. Дипломатия: [пер. с англ.]. — М.: Ладомир, 1997. — 847 с.
- Кноп Г. История вермахта: итоги. — М. [и др.]: Питер, 2009. — 268 с. — (Третий рейх и СССР: противостояние).
- Ковалёв Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. — 486 с. — (Военно-историческая библиотека).
- Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. / [отв. ред. И.М. Кулинич]; АН УССР, Ин-т истории. — Киев: Изд-во АН УССР, 1961. — 98 с.
- Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 509 с. — (Серия «Досье»).
- Колпакиди А., Прохоров Д. Всё о внешней разведке. — М.: АСТ: Олимп, 2002. — 635 с. — (Совершенно секретно).

- Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. — М.: ОЛМА-Пресс, 2000. — 462 с. — (Досье).
- Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1: До 22 июня 1941 г.-1994. — М.: Памятники ист. мысли, 1994. — 554 с. — (Памятники истории России).
- Комолова Н.П. Бровко Л.Н., Савина И.С. Идеи и программы Сопротивления // Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945: общие проблемы: [сборник статей] / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории; [редкол.: Н.П. Комолова (отв. ред.) и др.]. — М.: Наука, 1990. — С. 67-123.
- Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: внешнеполитический аспект проблемы. — М.: Ин-т воен. истории, 1998. — 163 с.
- Корольков Ю.М. В годы большой войны...: роман-хроника. — М.: Сов. писатель, 1981. — 573 с.
- Корольков Ю.М. Где-то в Германии...: документальная повесть. — М.: Политиздат, 1971. — 253 с.
- Костырченко Г.В. В плену у красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: документальные исследования. — М.: Междунар. отношения, 1994. — 397 с.
- Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2: Габбай – Измир / гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. — Иерусалим: Евр. ун-т в Иерусалиме, 1982. — XV с., 868 стб.
- Кретинин С., Некрасова Т. Банальность зла // Родина. — 2014. — № 6. — С. 107. — Рец. на кн.: Б.Л. Хавкин. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. — М.: Алгоритм, 2014. — 224 с.
- Кретинин С.В. [Рецензия] // Исторический журнал: научные исследования. — 2014. — № 5. — С. 608–611. — Рец. на кн.: Б.Л. Хавкин. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. — М.: Новый хронограф, 2014. — 424 с.
- Кузнецов В.В. НКВД против гестапо. — М.: Эксмо, 2008. — 237 с. — (Щит и меч).
- Кукхоф Г. Опасность ходила за каждым // Наши жертвы были не напрасны, 1933–1945: [немецкие коммунисты в борьбе против фашизма и войны: пер. с нем.] / [сост. Г.Я. Рудой ; под общ. ред. В.С. Рыкина]. — М.: Политиздат, 1988. — Т. 2. — С. 136–165.
- Кульбакин В.Д. Эрнст Тельман. — М.: Госполитиздат, 1961. — 79 с.
- Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. — Смоленск: Русич, 2005. — 650 с.
- Лазарев А. Штирлиц был состоятельным бюргером // Комсомольская правда. — 1997. — 3 июня.
- Лайнер Л. «Венона»: самая секретная операция американских спецслужб. — М.: Олма-пресс Образование, 2003. — 384 с.
- Лауфер Й. Сталинические цели послевоенного миропорядка и преимущество советской политики в отношении Германии (1941–1953) // Сталин и немцы: новые исследования: [пер. с нем.] / под ред. Ю. Царуски. — М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. — С. 176–213.
- Лебедев А. Из последних сил // Известия. — 2001. — 22 июня.
- Лебедева Н.С. Безоговорочная капитуляция агрессоров: из истории второй мировой войны / отв. ред. В.И. Дашичев; АН СССР, Отд-ние истории. — М.: Наука, 1989. — 379 с. — (Борьба народов против фашизма и агрессии).

- Леонидов А. Международная роль англо-американо-немецкого банка Шредера // Новое время. — 1947. — № 8. — С. 3–7; № 9. — С. 3–8.
- Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди / сост. А.И. Колпакиди. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 640 с.
- Любарский Г. Кто был «Штирлицем»? // Вестник Online [Электронный ресурс]. — 1999. — № 7. — Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/1999/0330/koi/lyubar.htm>
- Майский И.М. К возрождению германского милитаризма // Вопросы истории. — 1956. — № 5. — С. 156–168.
- Мейер К. Генеральный план «Ост»: правовые, экономические и пространственные принципы обустройства на Востоке: представлен оберфюрером СС проф. др. Конрадом Мейером (Берлин-Далем, 28 мая 1942 г.). — М.: Артель «Северная Коза», 2012. — 153 с.
- Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: легенда и действительность. — М.: Изд-во ИМО, 1962. — 302 с.
- Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: причины и следствия. — 2-е изд., перераб. — М.: Междунар. отношения, 1965. — 299 с.
- Мельтюхов М.И. Миф о «превентивной» войне Германии против Советского Союза // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг., 21–22 апр. 2010 г. / Рос. гос. гуманитарный ун-т; [редкол.: Е. И. Пивовар и др.]. — М.: РГГУ, 2010. — С. 26–29.
- Мерлио Ж. Сопротивление, оппозиция и общественная резистентность при национал-социализме и в ГДР: размышления о понятиях в сравнительной перспективе // Сообщения комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / под ред. А. Чубарьяна, Х. Меллера. — München: Oldenburg, 2008. — Вып. 3. — С. 150–155.
- Мёрфи Д. Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». — М.: Рейтар, 2009. — 391 с.
- Мерцалова Л.А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ / отв. ред. В.А. Секистов; АН СССР, Отд-ние истории. — М.: Наука, 1990. — 221 с.
- Метаксас Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего рейха: пастор, мученик, пророк, заговорщик: пер. с англ.. — М.: Эксмо: Книгоноша, 2012. — 671 с.
- Микоян А.И. Так было: размышления о минувшем. — М.: Вагриус, 1999. — 636 с. — (Мой 20 век).
- Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы: пер. с англ. — Смоленск: Русич, 1998. — 567 с. — (Мир в войнах).
- Модин Ю.И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. — М.: ОЛМА-пресс, 1997. — 427 с. — (Серия «Досье»).
- Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: пер. с нем. / под ред. В. Михалки. — М.: Весь мир, 1997. — С. 263–276.

- Морре Й. Институт 99 // Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / пер. Г.Р. Юбершера. — Красногорск (Моск. обл.): Мемор. музей нем. антифашистов, 1996. — 288 с.
- Мотов В. Агент А/201 «Брайтенбах» // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — М.: Кучково поле, 2006. — Т. 2. — 366 с.
- Мотов В. Кодовый номер А/201 // Новости разведки и контрразведки. — 2003. — № 21–22.
- Мухамеджанов М.М. Самоликвидация или роспуск НКСГ и СНО? // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 2. — С. 18–22.
- Мэнвелл Р., Френкель Г. Июльский заговор. История неудавшегося покушения на жизнь Гитлера. 1943–1944: пер. с англ. — М.: Центрполиграф, 2007. — 137 с. — (За линией фронта. Военная история).
- Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда» / сокр. пер. с англ. В.В. Вахмистрова и Г. А. Иофина. — М.: Воениздат, 1964. — 584 с.
- Наринский М.М. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. — 2002. — № 2. — С. 201–204.
- Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров / пер. Г.Р. Юбершера. — Красногорск (Моск. обл.): Мемориальный музей нем. антифашистов, 1996. — 288 с.
- Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову, 1939–1941 гг. / предисл. и коммент. В.С. Рыкина, Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая история. — 1996. — № 6. — С. 76–111; 1997. — № 1. — С. 75–106; № 2. — С. 87–112.
- «Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР» / публ. Л.Г. Бабиченко // Источник. — 1996. — № 1. — С. 51–61.
- Новые документы по новейшей истории: хрестоматия для учащихся 10–11-х классов общеобразовательных учреждений / ред. и сост. Г.Н. Севостьянов. — М.: Просвещение, 1996. — 348 с.
- Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР, 1940–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1997. — № 4. — С. 94–104.
- Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. из Центрального архива ФСБ России. Показания Иохима Куна / предисл., коммент. и примеч. выполнены А.М. Калгановым и Б.Л. Хавкиным // Новая и новейшая история. — 2002. — № 3. — С. 148–179.
- О’Салливан Д. Проект «Венона»: неизвестные документы ЦРУ США // Новая и новейшая история. — 2000. — № 1. — С. 107–122.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3: 1933–1944 годы / [гл. ред. и авт. предисл. Е.М. Примаков]. — М.: Междунар. отношения, 1997. — 494 с.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 4: 1941–1945 годы / [гл. ред. В.И. Трубников; гл. ред. и авт. предисл. Е.М. Примаков]. — М.: Междунар. отношения, 1999. — 694 с.
- Патрушев А.И. Германия в XX веке: учебное пособие для студентов вузов. — М.: Дрофа, 2004. — 432 с. — (Высшее образование).

- Перро Ж. Красная капелла: [пер. с фр.]. — М.: ДЭМ, 1990. — 316 с.
- Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР, 1941–1945 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: ИРИ, 1999. — 338 с.
- Пешерский В.Л. Красная капелла, 1935–1941 годы // Очерки истории российской внешней разведки / [гл. ред. и авт. предисл. Е.М. Примаков]. — М.: Междунар. отношения, 1997. — Т. 3. — С. 416–425.
- Пешерский В.Л. «Красная капелла»: советская разведка против абвера и гестапо. — М.: Центрполиграф, 2000. — 428 с. — (Секретная папка).
- Пешерский В.Л. Московское досье «Красной капеллы» // Новое время. — 1994. — № 12. — С. 48–51; № 13. — С. 48–49.
- Пешерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы» // Новая и новейшая история. — 1996. — № 3. — С. 162–184.
- Пешерский В.Л. Штирлиц служил под началом... Мюллера // Военно-исторический журнал. — 1996. — № 6. — С. 22–29.
- Полян П.М. Право на убийство // Время новостей. 2010. 8 июня.
- Пронин А. Агент А-201: как Москва «Штирлица» провалила // Родина. — 2000. — № 12. — С. 55–63.
- Пронин А. Как Москва «Штирлица» провалила // Аргументы и факты. Долгожитель. — 2003. — 10 октября.
- Пронин А. Штирлица провалила Москва // Труд. — 1999. — 16 марта.
- Прохоров Д.П. Разведка от Сталина до Путина. — СПб.: Нева, 2004. — 412 с. — (Секретные материалы).
- Радю Ш. Под псевдонимом Дора: воспоминания советского разведчика. — М.: Воениздат, 1988. — 332 с.
- Разведка и контрразведка в лицах: энциклопедический словарь российских спецслужб. — М.: Русский мир, 2002. — 608 с.
- Решин Л.Е. Генерал артиллерии Вальтер Александр фон Зайдлиц в советском плену // «НКСГ — 50 лет»: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва/Красногорск, 7–9 сентября 1993 г. / отв. ред. В.А. Всеволодов — Красногорск: Мемор. музей нем. антифашистов, 1994.
- Решин Л.Е. Разведчиков готовили по энциклопедическому словарю // Источник. — 1994. — № 4.
- Ржешевский О.А. Война и история: буржуазная историография США о Второй мировой войне. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Мысль, 1984. — 333 с.
- Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи / пер. с нем. Г.Я. Рудого. — М.: Мысль, 1996. — 331 с.
- Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 380 с.
- Рыбаков А.Н. Дети Арбата. Кн. 3. Прах и пепел. — М.: Эксмо, 2009. — 508 с.
- Рюле О. Исцеление в Елабуге: мемуары: (пер. с нем.). — М.: Воениздат, 1969. — 325 с.
- Семиряга М.И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь / Акад. воен. наук. — М.: РОССПЭН, 1995. — 349 с.
- Симонов К.М. Убей его! // Красная звезда. — 1942. — 18 июля.

- Скорцени О. Секретные задания РСХА // Короли диверсий [мемуары] / [сост. Н.Н. Непомнящий]. — М.: Прибой, 1997. — 414 с.
- Смирнов Д.А. Берлинский Мемориальный центр «Германское Сопротивление»: общественно-политическая и научная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2000. — 19 с.
- Соколов Б.В. Кем был Штирлиц? // Разведка. Тайны Второй мировой войны. — М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2003. — 363 с.
- Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Вып. 3 / под ред. А. Чубарьяна, Х. Меллера. — München: Oldenburg, 2008. — 796 с.
- «Союз немецких офицеров». Немецкие военнопленные на советско-германском фронте // Источник. — 1993. — № 0. — С. 88–89.
- Ставинский Э. Наш человек в гестапо. Кто вы, господин Штирлиц?. — М.: ОЛМА-пресс, 2002. — 89 с.
- Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — 5-е изд. — М.: Госполитиздат, 1947. — 205 с.
- Столыпин А.П. На службе России: очерки по истории НТС. — Frankfurt/M.: Possev-Verl., 1986. — 303 с.
- Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. — М.: Гей, 1996. — 507с. — (Рассекреченные жизни).
- Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 гг.: [воспоминания генерал-лейтенанта НКВД]. — М.: ОЛМА-пресс, 1997. — 686 с. — (До-сье).
- Тельман Р. И в тюрьме вместе с народом // Германии бессмертный сын = Deutschlands unsterblicher sohn: воспоминания об Эрнсте Тельмане: пер. с нем. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963. — 463 с.
- Тимофеева Т.Ю. [Рецензия] // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 169–171. — Рец. на кн.: Б.Л. Хавкин. Рейсхфюрер СС Гимлер. Второй после Гитлера. — М.: Алгоритм, 2014. — 223 с.
- Томин В.Т. Большой шеф Красной капеллы: впервые в мире беседы с Леопольдом Треппером. — М.: Яуза: Эксмо, 2005. — 540 с. — (Герои тайной войны).
- Треппер Л.З. Большая игра. — New York: Liberty Publ. House, 1989. — 422 с.
- Треппер Л.З. Большая игра: воспоминания советского разведчика: пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — 381 с.
- Фалин В.М. Второй фронт: антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. — М.: Центрполиграф, 2000. — 572 с. — (Тайны Второй мировой войны).
- Фест И. Гитлер: биография. Т. 1; пер. с нем. под ред. С.З. Случа и П.Ю. Рахшмира; с предисл. П.Ю. Рахшмира. — Пермь: Культур. центр «Алетейа», 1993. — 365 с. — (XX век. Фашизм).
- Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990: [монография]; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2009. — 331 с.
- Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга: [пер. с нем.]. — М.: Терра-Кн. клуб, 2004. — 264 с.

- Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Л.А. Безыменского. — М.: Прогресс, 1991. — 473с.
- Хавкин Б.Л. Германские исследования России // Зарубежное россиеведение: учебное пособие / [А.Б. Безбородов и др.]; под ред. А.Б. Безбородова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М.: Проспект, 2014. — С. 432–451.
- Хавкин Б.Л. Германские фельдмаршалы в советском плену // *Brücken bauen: Analysen und Betrachtungen zwischen Ost und West: Festschrift für Leonid Luks zum 65. Geburtstag.* — Stuttgart: Ibidem-Verl., 2012. — S. 211–247.
- Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм // *Берегиня. 777.* Сова: общество, политика, экономика. Научный журнал. — Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2014. — № 4 (23): Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность, ч. 1. — С. 183–193.
- Хавкин Б.Л. Германское консервативное Сопротивление и Россия // *Россия и Германия: диалог культур: Копелевские чтения, 2012* / Липец. гос. пед. ун-т [и др.]. — Липецк: ЛГПУ, 2012. — С. 202–224.
- Хавкин Б.Л. Гитлер и Сталин против майора Куна // *Новое время.* — 2002. — № 11. — С. 36–40.
- Хавкин Б.Л. Граф Шуленбург: «Сообщите господину Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество» // *Родина.* — 2011. — № 1. — С. 121–128.
- Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера // *Родина.* — 2004. — № 6. — С. 25–30.
- Хавкин Б.Л. К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов, 1939–1941 // *Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки* / сост. А.А. Ахтамзян. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — С. 233–247.
- Хавкин Б.Л. Между Западом и Востоком // *Независимое военное обозрение.* — 2014. — 11 июля.
- Хавкин Б.Л. Миф о Штирлице // *СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг., 21–22 апр. 2010 г.* / Рос. гос. гуманитарный ун-т ; [редкол.: Е.И. Пивовар и др.]. — М.: РГГУ, 2010. — С. 191–212.
- Хавкин Б.Л. Национальный комитет — «Свободная Германия» и попытка создания немецкого антигитлеровского правительства // *Новая и новейшая история.* — 2015. — № 4. — С. 31–52.
- Хавкин Б.Л. Нежелательные письма. Почему советское руководство не стало заниматься вызволением Эрнста Тельмана из заключения // *Дилетант: исторический журнал для всех.* — 2014. — № 10. — С. 40–43.
- Хавкин Б.Л. Немецкое антигитлеровское Сопротивление между Западом и Востоком // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры.* — 2014. — № 2. — С. 307–339.

- Хавкин Б.Л. Отто Йон: судьба человека между Западом и Востоком // Россия и Германия в новой Европе: конец XX – начало XXI вв.: материалы Международной интернет-конференции (май – июнь 2012 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Череповец. гос. ун-т»; сост. Б.В. Петелин, Т. Шнайдер. — Череповец: ЧГУ, 2012. — С. 24–26.
- Хавкин Б.Л. Под боком у фон Бока: немецкое военное Сопротивление на Восточном фронте 1941–1944 годов // Родина. — 2011. — № 11. — С. 119–124.
- Хавкин Б.Л. Предисловие // Граф Карл-Ханс фон Харденберг: одна из судеб немецкого Сопротивления / Всерос. гос. б-ка иностранной лит. им. М.И. Рудомино [и др.]; сост.: Г. Агде; [редкол.: Е. Гениева, К. Дмитриева, А. Сорокин]. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 7–11.
- Хавкин Б.Л. Провал операции «Валькирия» // Военная мысль. — 2004. — № 7. — С. 66–67.
- Хавкин Б.Л. Разработка планов германской агрессии против СССР. План «Барбаросса» // Преддверие и начало Великой Отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения: материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 2 апр. 2011 г.: к 70-летию начала Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. гуманитарный ун-т»; [сост.: А.А. Киличенков]. — М.: РГГУ, 2012. — С. 26–48.
- Хавкин Б.Л. Ребус Рудольфа Ресслера // Родина. — 2013. — № 7. — С. 31–37.
- Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. — М.: Алгоритм, 2014. — 221 с., [8] л. ил. — (Титаны и тираны).
- Хавкин Б.Л. Российская историография германского антигитлеровского сопротивления // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне / Рос. гос. гуманитарный ун-т; [редкол.: Е.И. Пивовар и др.]. — М.: РГГУ, 2010. — С. 41–60.
- Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945: сплетение истории. — М.: Новый хронограф, 2014. — 424 с.
- Хавкин Б.Л. Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. — 2013. — № 1. — С. 157–175.
- Хавкин Б.Л. Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии фон Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия / [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории]; отв. ред. Б.М. Туполев. — М.: Наука, 2004. — Вып. 3. — С. 288–310.
- Хавкин Б.Л. Фюрера пытались убить много раз // Независимое военное обозрение. — 2004. — 30 июля.
- Хёне Х. Черный орден СС: история охран. отрядов: [пер. с нем.]. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003. — 541 с. — (Серия “Архив”).
- Холокост на территории СССР: энциклопедия / Науч.-просветит. центр «Холокост» (Москва); рук. проекта и гл. ред. И.А. Альтман. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РОССПЭН, 2011. — 1141 с. — (Российская библиотека Холокоста).
- Храмов И.В. Русская душа «Белой розы». — Оренбург: Усадьба, 2009. — 223 с.

- Царев О.И. А был ли Штирлиц? // Комсомольская правда. — 1994. — 1 декабря.
- Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии: из архива КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа: пер. с англ. — М.: Междунар. отношения, 1995. — 576 с. — (Секретные миссии).
- Черкасов Н.С. Историография ФРГ о патриотическом направлении в заговоре 20 июля 1944 года в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. / отв. ред. А.И. Данилов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. — Вып. 5. — С. 134–148.
- Черненко А. По данным разведки: из архивов органов госбезопасности СССР // Правда. — 1989. — 8 мая.
- Шарапов Э.П. Тайна Штирлица // Мир новостей. — 2003. — 6 января.
- Шелленберг В. Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика: [пер. с англ.]. — М.: Дом Бируни, 1991. — 399 с.
- Шелленберг В. Мемуары: пер. с нем. — М.: Прометей, 1991. — 350 с.
- Ширер У. Взлет и падение третьего рейха: пер. с англ. / с предисл. и под ред. О.А. Ржешевского. — М.: Воениздат, 1991. — Т. 1. — 651 с.; Т. 2. — 526 с.
- Шнеер А. Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. — М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. — 619 с.
- Шнейнберг М. Юстаса подвела безответственность Алекса: прототип Штирлица слишком доверял Центру // Независимое военное обозрение, — 2003. — 18 июля.
- Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное Движение [авториз. пер. И. Баха и М. Рубцовой]. — 3-е изд. — М.: Посев, Рос. фил., 1993. — 447 с.
- Шульце Х. Краткая история Германии [пер. с нем.]. — М.: Весь мир, 2004. — 254 с., [8] л. ил. — (Национальная история).
- Эндрю К. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. — М.: Nota Bene, 1992. — 751с.
- Эренбург И.Г. Война, 1941–1945 / подгот. Б.Я. Фрезинским. — М.: АСТ [и др.], 2004. — 795 с.
- Эренбург И.Г. Убей! // Красная звезда. — 1942. — 24 июля.
- Эрнст Тельман: биография; [пер. с нем.] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ; [рук. авт. кол. Г. Хортцански]. — М.: Политиздат, 1984. — 558 с.
- Юбершер Г. «Образ России» в кругах германского Сопротивления Гитлеру // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований / Воронеж. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории нового и новейшего времени; [редкол.: В.А. Артемов (отв. ред.) и др.]. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. — Вып. 1. — С. 34–47.
- Asscoe P., Quet P. A man called Lucy: 1939–1945. — New York: Coward-McCann, 1967. — 250 p.
- Achmann K., Bühl H. 20. Juli 1944: Lebensbilder aus dem militärischen Widerstand. — 3., erw. Aufl. — Hamburg [u.a.]: Mittler, 1999. — 336 S.
- Adam W. Der schwere Entschluß / unter wissenschaftlicher und literarischer Mitarbeit von Otto Rühle. — Berlin: Verl. der Nation, 1965. — 503 S.

- Alltag unter Hitler / hrsg. von W. Schneider. — Berlin: Rowohlt Verl., 2000. — 251 S.
- Antifaschistische Literatur in der Bewährung. Bd. 1: Hitler treibt zum Krieg / hrsg. von L. Berthold und D. Lange. — Berlin: Akademie Verl., 1978. — 511 S.
- Aronson S. Reinhard Heydrich und die Frühgeschichte von Gestapo und SD. — Stuttgart, 1971. — 339 S. — (Studien zur Zeitgeschichte).
- Aufstand des Gewissens: Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933 bis 1945 / Im Auftr. des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes Hrsg. von T. Vogel. — 5., völlig überarb. u. erw. Aufl. — Hamburg [u.a.]: Mittler, 2000. — viii, 615 S.
- Axel von dem Bussche / [hrsg. von Gevinon von Medem]; mit einer Einleitung von Richard von Weizsäcker. — Mainz: Hase & Koehler, 1994. — 282 S.
- Bachmann W. [Rezension] // Osteuropa. — 2007. — № 7. — S. 143–144. — Рец. на кн.: Boris Chavkin. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte: Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. — Stuttgart: Ibidem-Verl., 2007. — 279 S.
- Beiträge zum Widerstand, 1933–1945. — Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 1980–2010.
- Benser G. Zur Auflösung des NKFD 1945 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1990. — H. 38. — S. 907–914.
- Die Berner Konferenz der KPD, 30. Januar – 1. Februar 1939 / hrsg. und eingel. von K. Mammach. — Berlin: Dietz, 1974. — 152 S.
- Besprechung des Buches: A. Vollmer. Doppelleben. Heinrich und Gottliebe von Lehnndorff im Widerstand gegen Hitler und von Ribbentrop. Frankfurt/M., 2010 // Süddeutsche Zeitung. — 2010. — 14. IX.
- Bethge E. Dietrich Bonhoeffer: man of Vision, man of Courage. — New York: Harper & Row, 1977. — XX, 867 p.
- Blank A., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler. — Berlin: Verl. der Nation, 1979. — 528 S.
- Boeselager Ph. Wir wollten Hitler töten: ein letzter Zeuge des 20. Juli erinnert sich. — München: Deutscher Taschenbuch-Verl., 2011. — 190 p.
- Borchard M. Zwischenden Fronten des Kalten Krieges: die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1949–1955 // Kriegsgefangene — Voennoplennye: sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland, deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion / Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland (Hrsg.). — Düsseldorf: Droste, 1995.
- Bredel W. Ernst Thalmann: ein Beitrag zu einem politischen Lebensbild. — Berlin: Dietz, 1948. — 165 S.
- Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand: Bayern im Nationalsozialismus. — München; Zürich: Piper, 1987. — 701 S.
- Die Brüsseler Konferenz der KPD (3.–15. Oktober 1935) / hrsg. und eingel. von K. Mammach. — Berlin: Dietz, 1975. — 621 S.
- Buchheit G. Soldatentum und Rebellion: die Tragödie der deutschen Wehrmacht. — Rastatt/Baden: Grote, 1961. — X, 509 S.

- Budde E., Lütches P. Der 20. Juli. — Düsseldorf: Raven, 1952. — 152 S.
- Bungert H. Ein meisterhafter Schachzug. Das NKFD in der Beurteilung der Amerikaner, 1943–1945 // Geheimdienstkrieg gegen Deutschland: Subversion, Propaganda und politische Planungen des amerikanischen Geheimdienstes im Zweiten Weltkrieg / Hrsg. von J. Heideking und C. Mauch. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. — S. 90–121.
- Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: Die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien Deutschen Bewegungen 1943–1948. — Stuttgart: Steiner, 1997. — 341 S. — (Transatlantische historische Studien: Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts Washington, DC).
- Carnes J.D. General zwischen Hitler und Stalin: das Schicksal des Walter von Seydlitz. — Düsseldorf: Droste, 1980. — 295 S.
- Chawkin B.L. Briefe Ernst Thälmanns an Stalin und Molotow: Zur Geschichte einer Veröffentlichung / Aus dem Russischen von J. Wienecke // Marxistische Blätter. — 1998. — № 1. — S. 76–82.
- Chavkin B.L. Der deutsche Widerstand und Graf von der Schulenburg // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. — 2010. — № 2. — S. 11–30.
- Chavkin B.L. Major Kuhn. Ein unbekanntes Mitglied des deutschen Widerstandes vom 20. Juli 1944 // Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung. — 2005. — № 3. — S. 14–17.
- Chavkin B.L. Stalins persönlicher Gefangener // Moskauer Deutsche Zeitung. — 2003. — № 2.
- Chavkin B.L. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte: Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. — Stuttgart: Ibidem-Verl., 2007. — 279 S. — (Soviet and post-Soviet politics and society, № 43).
- Chavkin B.L. Zur Geschichte der Veröffentlichung der sowjetischen Texte der deutsch-sowjetischen Geheimdokumente von 1939–1941 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. — 2006. — № 2. — S. 167–192.
- Chawkin B., Cooppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg. H. Coppi. — Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 1994. — S. 104–111.
- The conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. — Washington: U.S. Dept. of State: For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O., 1968. — LXX, 895 p.
- Coppi H. Harro Schulze-Boysen — Wege in den Widerstand: eine biographische Studie / vorwort von R. Jungk. — Koblenz: Folbach, 1993. — 253 S.
- Coppi H., Kebir S. Ilse Stöbe: wieder im Amt: eine Widerstandskämpferin in der Wilhelmstraße. — Hamburg: VSA-Verl., 2013. — 215 S.
- Delattre L. Fritz Kolbe: der wichtigste Spion des Zweiten Weltkriegs. — München: Piper, 2004. — 398 S.
- Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: die Kontroverse um die Präventivkriegsthese / Gerd R. Ueberschär, Lev A. Bezymenskij (Hrsg.). — Darmstadt: Primus, 1998. — x, 290 S.

- Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime / hrsg. von G. Ueberschär. — Köln: Bund, 1994. — 348 S.
- Dokumente zur Geschichte des militärischen Widerstandes im Dritten Reich aus dem Zentralarchiv des Föderalen Sicherheitsdienstes Russlands / Vorbereitet und kommentiert von B. Chavkin und A. Kalganov // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. — 2001. — № 1. — S. 355–358.
- Les Dossiers de la seconde guerre mondiale / par Henri Bernard [et al.]. — Verviers: Gérard, 1964. — 249 p.
- Dulles A. The Craft of Intelligence. — New York: Harper & Row, 1963. — VIII, 277 p.
- Dulles A. Germany's Underground. — New York: The Macmillan, 1947. — 207 p.
- Dulles A. The Secret Surrender. — New York: Harper & Row, 1966. — VIII, 268 p.
- Einsiedel H., von. Tagebuch der Versuchung, 1942–1950. — Frankfurt / M.; Berlin; Wien: Ulstein, 1985. — 271 S. — (Zeitgeschichte).
- Enzensberger H.M. Hammerstein, oder, Der Eigensinn: eine deutsche Geschichte. — Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2008. — 375 S.
- Eva-Maria Buch und die "Rote Kapelle": Erinnerung an den Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg. K. Schilde. — Berlin: Overall, 1992. — 175 S.
- Exil in den USA: mit einem Bericht "Schanghai — eine Emigration am Rande" / [Eike Middell ... et al.]. — 2. Aufl. — Leipzig: Reclam, 1983. — 718 S. — (Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil 1933–1945; Bd. 3).
- Exil in Frankreich / [Dieter Schiller ... et al.]. — Leipzig: Reclam, 1981. — 629 S. — (Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil 1933–1945; Bd 7).
- Felfe H. Im Dienst des Gegners: 10 Jahre Moskaus Mann im BND. — Hamburg: Rasch und Röhring, 1986. — 384 S.
- Finker K. Stauffenberg und der 20. Juli 1944. — 3. Aufl. — Berlin, 1972. — 477 S.
- Finkler K. Die Stellung der Sowjetunion und der sowjetischen Geschichtsschreibung zum 20. Juli 1944 // Der 20. Juli 1944: Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime / Hrsg. von G. Ueberschär. — Köln: Bund, 1994. — S. 38–54.
- Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Ostheer. NKFD und BDO. Antrag auf Auflösung // Kriegsgefangene — Voennoplennye: sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland, deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion / Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland (Hrsg.). — Düsseldorf: Droste, 1995. — S. 66–71.
- Fleischhauer I. Die Chance des Sonderfriedens: deutsch-sowjetische Geheimgespräche 1941–1945. — Berlin: Siedler, 1986. — 343 S.
- Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa": die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau, 1939–1941. — Berlin: Ullstein, 1991. — 416 S.
- Florin W. Wie stürzen wir Hitler? Der Weg zur Einheitsfront und zur antifaschistischen Volksfront in Deutschland. Rede und Schlußwort auf der Brüsseler Konferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands (Oktober 1935). — Strasbourg: Ed. Promethee, 1935. — 134 S.
- Footo A. Handbook for spies. — London, 1949. — 223 S.

- Gabelmann T. Thälmann ist niemals gefallen?: eine Legende stirbt. — Berlin: Das Neue Berlin, 1996. — 316 S.
- Gralach C. Männer des 20. Juli und der Krieg gegen die Sowjetunion // Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944 / Hrsg. H. Heer, K. Naumann. — 2. Aufl. — Hamburg: Hamburger Ed., 1995. — S. 427–446.
- Gersdorff R.-Ch. von. Soldat im Untergang. — Frankfurt/M.; Berlin; Wien: Ullstein, 1977. — 226 S.
- Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Von Januar 1933 bis Mai 1945 / [Walter Ulbricht et al.]; Institut für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der SED. — Berlin: Dietz, 1966. — 664 S.
- Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: biographisches Lexikon / [Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED]. — Berlin: Dietz, 1970. — 528 S.
- Graf Ch. Politische Polizei zwischen Demokratie und Diktatur: die Entwicklung der preußischen politischen Polizei vom Staatsschutzkorps der Weimarer Republik zur Geheimen Staatspolizei des Dritten Reiches. — Berlin: Colloquium, 1983. — 457 S.
- Graml H. Massenmord und Militäropposition. Zur jüngsten Diskussion über den Widerstand im Stab der Heeresgruppe Mitte // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2006. — № 1. — S. 1–24.
- Griebel R., Coburger M., Scheel H. Erfasst?: das Gestapo-Album zur Roten Kapelle: eine Foto-Dokumentation / hrsg. in Verbindung mit der Gedenkstätte Deutscher Widerstand. — Halle/S.: Audioscop, 1992. — 372 p.
- Grubel E. Realsozialistische Schonschrift // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. — Berlin: Akademie-Verl., 1995. — S. 118–127.
- Haase N. Aus der Praxis des Reichskriegsgerichtes: Neue Dokumente zur Militärgerichtsbarkeit im Zweiten Weltkrieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 1991. — № 39. — S. 379–411.
- Haase N. Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft: Katalog zur Sonderausstellung der Gedenkstätte Deutscher Widerstand in Zusammenarbeit mit der Neuen Richtervereinigung. — Berlin: Die Gedenkstätte, 1993. — 280 S.
- Haffner S. Geschichte eines Deutschen // История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. — М.: Олма Медиа Групп, 2008. — С. 237–238.
- Hagen W. Die geheime Front: Organisation, Personen und Aktionen des deutschen Geheimdienstes. — 2. Aufl. — Linz: Nibelungen-Verl., 1950. — 515 S.
- Hallgarten G. Hitler, Reichswehr und Industrie: zur Geschichte der Jahre 1918–1933. — Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, 1962. — 130 S.
- Hamacher G. Gegen Hitler — Deutsche in der Résistance, in den Streitkräften der Antihitlerkoalition und der Bewegung “Freies Deutschland”: Kurzbiographien. — 2. Aufl. — Berlin: Dietz, 2005. — 229 S.
- Hassel U. Vom andern Deutschland: aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938–1944. — Zürich [u.a.]: Atlantis Verl., 1948. — 415 S.
- Heer H. Ernst Thälmann in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1975. — 150 S.

- Heider P. Gründung des NKFD und der BDO — allerdings Verdienst der KPD oder sowjetischer Entschluss? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — 1992. — Vol. 114, № 3.
- Heinemann W. Der militärische Widerstand // Militärgeschichte. — 2004. — № 2.
- Heinemann W. Der Widerstand gegen das NS-Regime und der Krieg an der Ostfront // Militärgeschichte. — 1998. — № 8.
- Henri E. Hitler over Europe? — London: Dent, 1934. — viii, 307 p.
- Henri E. Hitler over Russia?: the coming fight between the fascist and socialist armies. — London: Dent, 1936. — X, 340 p.
- Hermes R.A. Die Kriegsschauplätze und die Bedingungen der Kriegführung. — Luzern: Vita Nova, 1941. — 90 S.
- Hildebrand K. Die ostpolitischen Vorstellungen im deutschen Widerstand // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. — 1978. — № 29. — S. 213–241.
- Hildebrand K. Das Vermächtnis des anderen Deutschland. Diktatur und Widerstand — zur Gegenwärtigkeit des Vergangenen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1989. — 22.VII.
- Hilger G. Wir und der Kreml: deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941: Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. — 2. Aufl. — Frankfurt/M.: A. Metzner, 1956. — 322 S.
- Hitler treibt zum Krieg: dokumentarische Enthüllungen über Hitlers Geheimrüstungen / Hrsg. von D. Woodman. — Paris: Ed. du Carrefour, 1934. — 495 S.
- Hoffmann P. Stauffenbergs Freund: die tragische Geschichte des Widerstandskämpfers Joachim Kuhn. — München: Beck, 2007. — 245 S.
- Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat: Der Kampf der Opposition gegen Hitler. — 3, neu überarb. u. erw. Ausg. — München: Piper, 1979. — 1003 p.
- Huber P. Sowjetische und parteikommunistische Nachrichtenkanäle in der Schweiz (1937–1944) // Krieg im Äther: Widerstand und Spionage im Zweiten Weltkrieg / H. Schafranek, J. Tuchel (Hrsg.). — Wien: Picus-Verl., 2004. — S. 78–103.
- Hürter J. Auf dem Weg zur Militäropposition. Tresckow, Gersdorff, der Vernichtungskrieg und der Judenmord. Neue Dokumente über das Verhältnis der Heeresgruppe Mitte zur Einsatzgruppe B im Jahr 1941 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2004. — № 3. — S. 527–562.
- Hürter J., Römer F. Alte und neue Geschichtsbilder von Widerstand und Ostkrieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2006. — № 3. — S. 301–322.
- In den Fängen des NKWD: deutsche Opfer des stalinistischen Terrors in der UdSSR / Institut für Geschichte der Arbeiterbewegung. — Berlin: Dietz, 1991. — 392 S.
- Kießling W. Exil in Lateinamerika. — Leipzig: Reclam, 1980. — 577 S. — (Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil 1933–1945; Bd. 4).
- Kleist P. Zwischen Hitler und Stalin, 1939–1945: Aufzeichnungen. — Bonn: Athenäum-Verl., 1950. — 344 S.
- Knopp G. Der Widerstand gegen Hitler im Gedächtnis der Deutschen // Der militärische Widerstand gegen Hitler — der Beitrag Hessens zum 20. Juli 1944 / B. Heidenreich, S. Neitzel (hrsg.). — Wiesbaden: Dinges & Frick, 2005. — S. 7–18. — (Polis; 42).

- Kogon E. Der SS-Staat: das System der deutschen Konzentrationslager. — München: Heyne, 1985. — 425 S.
- Korfes O. Das Nationalkomitee Freies Deutschland // Juni 1941: Beiträge zur Geschichte des hitlerfaschistischen Überfalls auf die Sowjetunion / Redaktion: A. Anderle und W. Basler. — Berlin: Rütten & Loening, 1961. — 367 S.
- Kössler T. Schreiner Albert Hermann // Neue Deutsche Biographie. — Berlin: Duncker & Humblot, 2007. — Bd. 23. — S. 537–538.
- Krammer A.P. German Prisoners of War in the United States // Military Affairs. — 1976. — Vol. 40, № 2. — P. 70–71.
- Krieg im Äther: Widerstand und Spionage im Zweiten Weltkrieg / H. Schafranek, J. Tuchel (hrsg.). — Wien: Picus-Verl., 2004. — 367 S.
- Lania L. Der Hitler-Ludendorff-Prozess. — Berlin: Die Schmiede, 1925. — 134 S. — (Aussenseiter der Gesellschaft, die Verbrechen der Gegenwart ; Bd. 9).
- Le Tisser T. Deutsche gegen Deutsche. Spuren bewaffneter “Seydlitz-Truppen” im Einsatz 1945 // Militärgeschichte. — 1995. — № 4.
- Leonhard W. Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes. — München: Knesbeck & Schuler, 1989. — 278 S.
- Lexikon des Widerstandes, 1933–1945 / hrsg. von P. Steinbach und J. Tuchel. — München: Beck, 1994. — 238 S.
- Lorenz G. “Leitstern” Sozialismus: die politische Biografie des Remscheider Arbeiterführers Otto Braß (1875–1950) und seines Sohnes Otto (1900–1972). — Essen: Klartext, 2010. — 432 S. — (Veröffentlichungen des Instituts für Soziale Bewegungen. Schriftenreihe A, Darstellungen; Bd. 46).
- Lukacs J. June 1941: Hitler and Stalin. — New Haven: Yale Univ. press, 2006. — X, 169 p.
- Mallett D.R. Prisoners of War — Cold War Allies: the Anglo-American Relationship with Wehrmacht Generals: diss. ... Dr of Philosophy. — Texas, 2009. — 408 p.
- Mammach K. Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung 1933–1939. — Berlin: Dietz, 1974. — 303 S.
- Mammach K. Widerstand 1933–1939: Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung im Inland und in der Emigration. — Berlin: Akademie-Verl., 1984. — VI, 330 S.
- Manifest des Nationalkomitees “Freies Deutschland” an die Wehrmacht und das deutsche Volk anlässlich der Gründung des NKFD am 12./13. Juli 1943 // Das Nationalkomitee “Freies Deutschland” und der Bund Deutscher Offiziere / Hrsg. von G.R. Ueberschär. — Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch-Verl., 1995. — S. 265–268.
- Martin B. Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluß im Zweiten Weltkrieg. Bericht und Dokumentation // Felder und Vorfelder russischer Geschichte: Studien zu Ehren von Peter Scheibert / Hrsg. von I. Auerbach, A. Hillgruber und G. Schramm. — Freiburg: Rombach, 1985. — 343 S.
- Merlio G. Widerstand, Opposition und Resistenz im Nationalsozialismus und in der DDR — Überlegungen zur Begrifflichkeit in vergleichender Absicht // Totalitarismus und Demokratie. — 2005. — № 2. — S. 61–70.

- Meyer W. [Rezension] // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 2008. — № 56. — S. 578–581. — Рец. на кн.: Boris Chavkin. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. — Stuttgart: Ibidem-Verl., 2007. — 279 S.
- Möller L. Widerstand gegen den Nationalsozialismus von 1923–1945. — Wiesbaden: Marix-Verl., 2013. — 255 S.
- Mommsen H. Alternative zu Hitler: Studien zur Geschichte des deutschen Widerstandes. — München: Beck, 2000. — 423 S.
- Mommsen H. Die Stellung der Militäropposition ... // NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler / Gerd R. Ueberschär (hrsg.). — Darmstadt: Primus-Verl., 2000. — x, 213 S.
- Mommsen H. Die Stellung der Sozialisten in der Bewegung des 20. Juli 1944. — Bochum: Stiftung Bibliothek des Ruhrgebiets, 2002. — 34 S. — (SBR-Schriften; 7).
- Mommsen H. Der 20. Juli und die deutsche Arbeiterbewegung. — 2 Aufl. — Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 1989. — 30 S. — (Beiträge zum Widerstand 1933–1945; 28).
- Mommsen H. Widerstand und politische Kultur in Deutschland und Österreich. — Wien: Picus, 1994. — 55 p. — (Wiener Vorlesungen im Rathaus; Bd. 26).
- Morre J. Hinter den Kulissen des Nationalkomitees: das Institut 99 in Moskau und die Deutschlandpolitik der UdSSR 1943–1946. — München: Oldenbourg, 2001. — 236 S. — (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; Bd. 82).
- Müller A. Hitlers motorisierte Stoßarmee: Heeres- und Wirtschafts-Motorisierung im Dritten Reich; mit einem Anhang über Die Militarisierung der entmilitarisierten Zone. — Paris: Ed. du Carrefour, 1936. — 220 S.
- Müller K.-J. General Ludwig Beck: Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938. — Boppard am Rhein: Boldt, 1980. — 632 S. — (Schriften des Bundesarchivs; 30).
- Müller K.-J., Mommsen H. Der deutsche Widerstand gegen das NS-Regime: zur Historiographie des Widerstands // Der Deutsche Widerstand 1933–1945 / K.-J. Müller (hrsg.). — Paderborn: Schöningh, 1986. — 267 S.
- Müller R. Hitlers Rede von der Reichswehrführung 1933: eine neue Moskauer Überlieferung // Mittelweg 36. — 2001. — № 1. — S. 73–90.
- Murphy D. What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. — New Haven: Yale University Press, 2005. — XXII, 310 p.
- Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und der Bund Deutscher Offiziere / hrsg. von G.R. Ueberschär. — Frankfurt/M.: Fischer-Taschenbuch-Verl., 1995. — 304 S.
- Nelson A. Red Orchestra: the story of the Berlin underground and the circle of friends who resisted Hitler. — New York: Random House, 2009. — XXVI, 388 p.
- Neue Quellen zur Geschichte des 20. Juli 1944 aus dem Archiv des Föderalen Sicherheitsdienstes der Russischen Föderation (FSB). "Eigenhändige Aussagen" von

- Major i.G. Joachim Kuhn / Kommentiert von B. Chavkin und A. Kalganov // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. — 2001. — № 2. — S. 355–402.
- Neues allgemeines deutsches Adels-Lexicon. Bd. 9. Steinhaus – Zwierlein / im Ver-eine mit mehreren Historikern hrsg. von E.H. Henschke. — Leipzig: Fr. Voigt, 1870. — 636 S.
- Noack E. Die Gesetzgebung des Dritten Reiches: ein Grundriss. — 2. erw. Aufl. — Berlin: Heymann, 1938. — VIII, 175 S.
- Pechel R. Deutscher Widerstand. — Erlenbach-Zürich: Rentsch, 1947. — 343 S.
- Petrick B. “Freies Deutschland” — die Zeitung des Nationalkomitees “Freies Deutschland” (1943–1945): eine kommunikationsgeschichtliche Untersuchung. — München: Saur, 1979. — 389 S. — (Kommunikation und Politik; 12).
- Petrov N. Deutsche Kriegsgefangene unter der Justiz Stalins // Gefangen in Russland: die Beiträge des Symposions auf der Schallaburg 1995 / Stefan Karner (Hg.). — Graz: Selbstverlag des Ludwig Boltzmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung, 1995. — 368 p.
- Pieck W. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampfe für den Sturz der Hitlerdiktatur: Referat und Schlußwort auf der Brüsseler Parteikonferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands (Oktober 1935). Anhang: Resolution und Manifest der Partei-Konferenz. — Strasbourg: Ed. Promethee, 1935. — 108 S.
- Politische Haftlinge im Gerichtsgefängnis Hannover während der Nationalsozialistischen Herrschaft / Hrsg. v. H. Obenaus, W. Sommer. Hannover: Landeshauptstadt Hannover, Der Oberstadtdirektor — Kulturrat, 1990. — 49 S.
- Reschin L. General zwischen den Fronten: Walter von Seydlitz in sowjetischer Kriegsgefangenschaft und Haft 1943–1955. — Berlin: Edition q, 1995. — XIX, 326 S.
- Reuther Th. Soldaten für den Staatsstreich. Die Heeresgruppe Mitte und der 20. Juli 1944 // Militärgeschichte. — 2004. — № 2.
- Ringshausen G. Der Aussagewert von Paraphen und der Handlungsspielraum des militärischen Widerstandes // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2005. — № 1. — S. 141–147.
- Ringshausen G. Kuriergepäck und Pistolen. Neue Quellen zu den Attentatsplänen in der Heeresgruppe Mitte im März 1943 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2008. — № 3. — S. 415–430.
- Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. — Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., cop. 1954. — 630 S.
- Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung: mit einem Brief Goerdelers. — Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1984. — 647 S.
- Robin R. The barbed-wire college: reeducating German POWs in the United States during World War II. — Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1995. — 217 p.
- Roewer H., Schäfer S., Uhl M. Lexikon der Geheimdienste im 20. Jahrhundert: mit Organigrammen. — München: Herbig, 2003. — 527 S.
- Roewer H. Die Rote Kapelle und andere Geheimdienstmythen: Spionage zwischen Deutschland und Russland im Zweiten Weltkrieg 1941–1945. — Graz: Ares, 2010. — 472 S.

- Roewer H. Skrupellos: die Machenschaften der Geheimdienste in Russland und Deutschland 1914–1941. — Leipzig: Faber & Faber, 2004. — 773 S.
- Romerstein H., Breindel E. The Venona secrets: exposing Soviet espionage and America's traitors. — Washington, D.C.: Regnery Pub., 2000. — XVI, 608 p.
- Roon G., van. Widerstand im Dritten Reich: ein Überblick. — München: Beck, 1979. — 251 S.
- The Rote Kapelle: the CIA's history of Soviet Intelligence Networks in Western Europe, 1936–1945. — Washington: Univ. publ. of America, 1979. — XIII, 390 p. — (Classified studies in twentieth-century diplomatic and military history).
- Die Rote Kapelle im Widerstand gegen Nationalsozialismus / Hrsg. H. Coppi, J. Daniel, J. Tuchel. — Berlin: Edition Hentrich, 1994. — 307 S. — (Schriften der Gedenkstätte Deutscher Widerstand.; Bd. 1).
- Rote Kapellen, Kreisauer Kreise, schwarze Kapellen: neue Sichtweisen auf den Widerstand gegen die NS-Diktatur 1938–1945 / K.H. Roth, A. Ebbinghaus (Hrsg.). — Hamburg: VSA-Verl., 2004. — 293 S.
- Römer F. Das Heeresgruppenkommando Mitte und der Vernichtungskrieg im Sommer 1941. Eine Erwiderung auf Gerhard Ringshausen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2005. — № 3. — S. 451–460.
- Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler: eine Würdigung. — Frankfurt/M.: Fischer, 1958. — 214 S.
- Ruland B. Die Augen Moskaus: Fernschreibzentrale der Wehrmacht in Berlin: zwei Mädchen gegen Hitler. — Zürich: Schweizer Verl., 1974. — 320 S.
- Sahm U. Rudolf von Scheliha, 1897–1942: ein deutscher Diplomat gegen Hitler. — München: Beck, 1990. — 400 S.
- Die Sauberung. Moskau 1936: Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung / Georg Lukacs [et al.]; Hrsg. von R. Müller. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1991. — 582 S.
- Scheel H. Schulfarm Insel Scharfenberg. — Berlin: Volk und Wissen, 1990. — 72 S. — (Wortmeldungen; 3).
- Schellenberg W. The labyrinth: memoirs of Walter Schellenberg, Hitler's Chief of Counterintelligence / introd. by A. Bullock. — New York: Harper, 1956. — 423 p.
- Schellenberg W. The Schellenberg memoirs / ed. and transl. by L. Hagen; introd. by A. Bullock. — London: A. Deutsch, 1956. — 476 p.
- Scheurig B. Henning von Tresckow: ein Preuße gegen Hitler: Biographie. — Berlin: Ullstein, 1997. — 287 S.
- Scheurig B. Verräter oder Patrioten: das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion, 1943–1945. — Berlin: Propyläen, 1993. — 286 S.
- Schmidt W.A. Damit Deutschland lebe: ein Quellenwerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf 1933–1945. — 2. Aufl. — Berlin: Kongress-Verl., 1959. — 836 S.
- Schramm W. Verrat im zweiten Weltkrieg: vom Kampf der Geheimdienste in Europa: Berichte und Dokumentation. — Düsseldorf: Econ-Verl., 1967. — 400 S.

- Semjonow W.S. Von Stalin bis Gorbatschow: ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission, 1939–1991. — Berlin: Nicolai, 1995. — 431 S.
- Stahlberg A. Die verdammte Pflicht: Erinnerungen 1932 bis 1945. — Berlin: Ullstein, 1987. — 447 S.
- Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich (StatJBDR) / Statistisches Reichsammt. — Berlin: Höbbing, 1933. — XLIV, 552, 225, 28 S.
- Steidle L. Entscheidung an der Wolga. — Berlin: Union Verl., 1969. — 484 S.
- Steinbach P. Deutscher Widerstand 1933–1939. — Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 1984.
- Steinbach P. Widerstand im Widerstreit: der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. — Paderborn [u. a.]: Schöningh, 1994. — 297 S.
- Steinbach P. Der 20. Juli 1944: Gesichter des Widerstands. — München: Siedler, 2004. — 352 S.
- Sudholt G. Das Geheimnis der Roten Kapelle: das US-Dokument 0/7708 Verrat und Verräter gegen Deutschland. — Leoni am Starnberger See: Druffel-Verl., 1978. — 376 S.
- Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Samtliche Fragmente. Teil 1, Bd.2. 1.1.1931 — 31.12.1936 / hrsg. von E. Frohlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. — München [u. a.], 1987.
- Thälmann E. Ausgewählte Reden und Schriften. — Frankfurt/M.: Verl. Marxistische Blätter, 1976–1977. — 2 Bd.
- Thälmann E. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — Berlin: Dietz, 1955. — 2 Bd.
- Thälmann E. Zwischen Erinnerung und Erwartung: autobiographische Aufzeichnungen, geschrieben in faschistischer Haft: biographische Dokumentation mit einer Thälmann-Chronik / Hrsg. vom Kuratorium "Gedenkstätte E. Thälmann" e.V., Hamburg. — Frankfurt/M.: Rödeburg-Verl., 1977. — 111 S.
- Ernst Thälmann: eine Biographie / [Günter Hortschansky ... et al.; Institut für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der SED]. — 2. Aufl. — Berlin: Dietz, 1980. — 804 p.
- Thälmann R. Auch im Keller mit dem Volke verbunden // Deutschlands unsterblicher Sohn: Erinnerungen an Ernst Thälmann. — Berlin, 1961. — S. 425–437.
- Tischler C. Die UdSSR und die Politemigration: das deutsche Exil in der Sowjetunion zwischen KPD, Komintern und sowjetischer Staatsmacht (1933 bis 1945): Diss. phil. — Kassel, 1995.
- Tjulpanow S. Deutschland nach dem Kriege (1945–1945): Erinnerungen eines Offiziers der Sowjetarmee. — 2 Aufl. — Berlin: Dietz, 1987. — 357 S.
- Tuchel J. Die Gestapo-Sonderkommission "Rote Kapelle" // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg. H. Coppi. — Berlin: Gedenkstätte Deutscher Widerstand, 1994. — S. 145–159.
- Tuchel J. Das Ministerium für Staatssicherheit und die Widerstandsgruppe "Rote Kapelle" in den 1960er Jahren // Der vergessene Widerstand: zur Realgeschichte und Wahrnehmung des Kampfes gegen die NS-Diktatur / Hrsg. J. Tuchel. — Göttingen: Wallstein, 2005. — S. 232–271.

- Ueberschär G. Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler // Das Nationalkomitee "Freies Deutschland" und der Bund der Deutscher Offiziere / Hrsg. G.R. Ueberschär. — Frankfurt/M.: Fischer-Taschenbuch-Verl., 1995. — S. 31–51.
- Uhl M. Stalins V-2: der Technologietransfer der deutschen Fernlenkwaffentechnik in die UdSSR und der Aufbau der sowjetischen Raketenindustrie 1945 bis 1959. — Bonn: Bernard & Graefe, 2001. — 304 S.
- Uhle-Wetter F. Höhe- und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. — Mainz: v. Hase & Koehler, 1984. — 348 S.
- Ullrich V. Der Kreisauer Kreis. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2008. — 158 S.
- Vatlin A. Terror und Widerstand unter den Bedingungen des Totalitarismus — die sowjetische und die deutsche Erfahrung // Katholische Universität Eichstatt-Ingolstadt [Elektronische Ressourcen]. — Zugriffsmodus: <http://www.ku-eichstaett.de/fileadmin/190806/Netzwerk/projekt-5-quelle01.pdf>
- Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit: eine politische Biographie. — Frankfurt/M.: Ullstein, 1990. — 432 S.
- Vester-Thälmann I. Ernst Thälmann: Erinnerungen an meinen Vater / eingeleitet von W. Pieck. — Berlin: Kinderbuchverlag, 1954. — 104 S.
- Viktor Abakumov über die Umsturzpläne der deutschen Militärs von 1943 — zu einer Publikation von Peter Hoffmann / Vorbereitet und Kommentiert von B. Chavkin // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. — 2007. — № 1. — S. 155–162.
- Wagner W. Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat: mit einem Forschungsbericht für die 1974 bis 2010 von Jürgen Zarusky. — München: Oldenbourg, 2011. — 1023 S. — (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte; 16).
- Weber H. Hotel Lux: die deutsche Kommunistische Emigration in Moskau // Die politische Meinung. — 2006. — № 443. — S. 55–61.
- Weber H. "Weisse Flecken" in der Geschichte: die KPD-Opfer der Stalinschen Säuberungen und ihre Rehabilitierung. — 2. überarbeitete und erw. Aufl. — Frankfurt/M.: ISP-Verl., 1990. — 168 S. — (Internationale sozialistische Publikationen).
- Weinberg G. A world at arms: a global history of World War II. — Cambridge; New York: Cambridge Univ. press, 1994. — XIX, 1178 p.
- Weizsäcker Rede zum 8. Mai 1985 // Web-Archiv des Deutschen Bundestages [Elektronische Ressourcen]. — Zugriffsmodus: <http://webarchiv.bundestag.de/archiv/2006/0202/parlament/geschichte/parlhist/dokumente/dok08.html>
- Wentker H. Der Widerstand gegen Hitler und der Krieg. Oder: Was bleibt vom "Aufstand des Gewissens"? // Der 20. Juli 1944 — Profile, Motive, Desiderate: XX. Königswinterer Tagung 23.–25. Februar 2007 / St. Schröder; Ch. Studt (Hrsg.). — Berlin [u. a.]: Lit-Verl., 2008. — S. 9–32.
- Wette W. Reichswehr, Antisemitismus und militärischer Widerstand // NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler / G.R. Ueberschär (Hrsg.). — Darmstadt: Primus-Verl., 2000. — X, 213 S.
- Wette W. Die Wehrmacht: Feindbilder, Vernichtungskrieg Legenden. — Frankfurt/M.: Fischer, 2005. — 376 S.

- Widerstand gegen den Nationalsozialismus / hrsg. von P. Steinbach und J. Tuchel. — Berlin: Akademie Verl., 1994. — 671 p.
- Widerstand im Dritten Reich: Probleme, Ereignisse, Gestalten / mit Beiträgen von K.D. Bracher ... [et al.]; Hrsg. von H. Graml. — Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch, 1984. — 267 S.
- Wiedemann F. Der Mann, der Feldherr werden wollte: Erlebnisse und Erfahrungen des Vorgesetzten Hitlers im 1. Weltkrieg und seines späteren persönlichen Adjutanten. — [Velbert]: Blick + Bild Verl. für Politische Bildung, 1964. — 270 S.
- Wieland G. Das war der Volksgerichtshof: Ermittlungen, Fakten, Dokumente. — Berlin: Staats Verl. der DDR, 1989. — 217 S.
- Wiemann D. Exilliteratur in Großbritannien 1933–1945. — Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verl., 1998. — 377 S. — (Kulturwissenschaftliche Studien zur deutschen Literatur).
- Winkler H.A. Der Schein der Normalität: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik, 1924 bis 1930. — Berlin: Dietz, 1985. — 895 S. — (Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland seit dem Ende des 18; Bd. 10).
- Winkler H.A. Der Weg in die Katastrophe: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik, 1930 bis. — Berlin: Dietz, 1987. — 1025 S. — (Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland seit dem Ende des 18; Bd. 11).
- Winzer O. Zwölf Jahre Kampf gegen Faschismus und Krieg: ein Beitrag zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands 1933 bis 1945. — Berlin: Dietz, 1955. — 276 S.
- Wirsching A. “Man kann nur Boden germanisieren”: eine neue Quelle zu Hitlers Rede von den Spitzen der Reichswehr am 3. Februar 1933 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 2001. — № 3. — S. 517–550.
- Wolff W. An der Seite der roten Armee: zum Wirken des Nationalkomitees “Freies Deutschland” and der sowjetisch-deutschen Front 1943 bis. — 3, überarb. Aufl. — Berlin: Militärverlag der DDR, 1982. — 349 S.
- Woodman D. Hitlers Luftflotte startbereit: Enthüllungen über den tatsächlichen Stand der Hitlerschen Lufrüstungen, mit zahlreichen Bildern, Karten-Skizzen und einer Uebersichtskarte über Deutschlands Flughäfen. — Paris: Éd. du Carrefour, 1935. — 181 p.
- Wuermeling H. Doppelspiel: Adam von Trott zu Solz im Widerstand gegen Hitler. — München: Deutsche Verl.-Anstalt, 2004. — 237 S.
- Zehn kleine Negerlein // Der Spiegel. — 1967. — № 4.
- Zipfel F. Gestapo und Sicherheitsdienst. — Berlin: Arani, 1960. — 28 S.

7. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Адам» 102
«Аким» 95
- «Билл» 260
«Бригадир» 102
«Вахе» 102
«Вертер» 260, 263
«Джон» 102
«Клеменс» 244
«Луиза» 107
«Ольга» 260, 262
«Тедди» 260
«Фанни» 260
«Фердинанд» 260
«Штефан» 260
- Абакумов В.С. 219–220, 225, 298
Абегг В. 169
Абрасимов П.А. 249
Абуш А. 65, 160
Агаянц А. 244
Адам В. 15, 121, 142
Аденауэр К. 306–307, 309–312, 315–317
Адлер В. 43
Айнзидель Г. фон, граф 115, 136, 155, 218, 230, 302
Аккерман А. 115, 126
Аккос П. 262
Александров Г.Ф. 127–128
Амплетцер Т. 247
Анаянц Н. («Рубен») 84–85
Ангелика 263
Арвид Л. 84
Арендзее М. 115
Армин С. фон 135, 325
Арендт Э.М. 119, 121
Артузов А.Х. 83, 238
Ауфхойзер З. 54
Ахман К. 23
Ахтамзян А.А. 20
Бамлер Р. 143
Барт Р. («Бек») 103–104, 109, 247–248
Бассерман А. 158
Бауэр В. 193
Бауэр М. 155
- Бёзелагер Г. фон 209, 279, 281, 289, 295
Бёзелагер Ф. 209, 281, 289, 294–295
Безыменский Л.А. 22, 190
Бейли Дж. 316, 318
Бек Л. 169, 178, 183–184, 190, 199, 206, 222, 257, 261, 279, 286, 291–292, 300, 326
Бек-Беренс Г. 147
Белкин А. («Кади») 83–84
Белл Дж. 203
Белов П.А. 62
Бентивегни Ф. фон 75
Бергер Э. 158
Берджесс Г. 240
Бердяев Н.А. 253
Беренс К. («Лучистый»; «Карл») 84, 94, 99, 109
Берия Л.П. 87, 89, 96–97, 101, 121, 123, 129, 132–133, 136, 139–141, 245, 247
Бернштейн Э. 43
Бертольд Л. 59
Бест В. 242
Бете Г. 43
Бехер И. 49, 55, 115
Бисмарк О. фон 37, 177, 270, 302, 329
Биттенфельд Х.Г. фон 271
Бланк А.С. 16, 21, 111, 116, 152, 322
Блант Э. 240
Бломберг В. фон 180–182, 286, 326
Блох Ф. 43
Блэн Ж. («Лонг») 258
Бок Ф. фон 131, 284, 287, 290–292
Болдуин С. 253
Болен Ч. 153
Бонд-Хенриксен Х. 313
Бонжур Э. 255
Бонхёффер Д. 49, 193, 199, 203
Бонхёффер К. 199–200
Борман М. 39, 132, 206, 217
Борн М. 43
Борозняк А.И. 17–18
Брагинский И.С. 117
Брандт В. 314
Брандт Х. 295

- Брасс О. 53
Браун В. фон 241
Браунталь А. 54
Браухич В. фон 131, 179, 183, 192, 199,
202, 286, 291, 328, 331
Браш Х. 159
Бредель В. 49, 64, 115
Бредов Ф. фон 179–180, 285
Брейтшейд Р. 54
Бровко Л.Н. 9, 17
Бродский Е.А. 21
Брокдорф Э. фон, графиня 94, 108
Брокдорф-Ранцау К. фон, граф 94, 104,
183
Броскат М. 278, 301
Брэкен Б. 157
Брюнинг Г. 200, 304
Булганин Н.А. 312
Буль Х. 23
Бунгерг Х. 23, 157
Буранелли 250
Бурцев М.И. 15
Бусше А. фон дем, барон 289, 297
Буханов В.А. 27
Буххольц А. 159
Бушенхаген Э. 139, 143
- Вагенленер Г. 214
Вагнер Э. 212, 271
Вайбель М. 255
Вайзенборн Г. («Художник») 90, 109
Вайнерт Э. 49, 115, 126, 161
Вайцеккер Р. фон 18
Вайцеккер Э. фон 212, 270
Валленберг М. 203, 205–206, 332
Валленберг Р. 203
Валленберг Я. 203–204
Вальдерзее А. фон, граф 193
Ван дер Люббе М. 49
Ванситтарт, лорд 201
Варбург М. 43
Вартенбург П.И. фон, граф 48, 134, 169
Васильчиков Г.И., князь 157
Васильчикова М.И., княжна 157, 273–274
Вассерман О. 43
Ватлин А.Ю. 17, 321
Вебер А. 159
Вейцман Х. 206
- Венер Г. 314
Венор В. 279
Венткер Г. 277
Венцель Й. 76
Верг А. 127
Ветте В. 277
Вётхер П. 76
Вигнер О. 43
Видеман Ф. 178
Вильгельм I 283
Вильгельм II 174, 283
Вильмс Д. 217–218
Винцер О. 15, 57
Випперман В. 26
Вирт Й. 156, 201, 258, 261
Вицлебен Э. фон 49, 169, 183, 199, 222,
286
Власов А.А. 282
Вольгемут В. 308–310, 314, 316
Вольф Ф. 49, 115
Вольцоген-Нейгауз («Грек») 84
Вонзиг М. («Штази») 316
Ворошилов К.Е. 148, 241
Всеволодов В.А. 17
Вудс С.Э. 195–196
- Габер Ф. 43
Габор Д. 43
Гален К. фон 48
Галифакс, лорд 201
Галкин А.А. 27
Гальдер Ф. 19, 88, 143, 183–184, 257,
286, 326
Гамота Р. 226–227
Гаук Й. 317
Гейдрих Р. 183, 234, 245, 323
Гелен Р. 252, 306, 310–311
Гельдорф В.-Г. фон 183
Георг Л. 142
Георге М. 158, 160
Гёпнер Э. 184, 291
Гёрделер К. Ф. («Голова») 48, 85, 91–
92, 110, 169, 171, 190, 193, 199–209,
212–213, 256, 260–262, 264–265, 270,
272–274, 291–292, 296, 304, 323, 328,
330, 332
Геринг Г. 32, 40–41, 49–50, 68, 87–88,
96–97, 241, 243, 256

- Гермес Р.А. (Шульце-Бойзен и Рёсслер) 256
Гернле Э. 115
Герсдорф Р.-К. фон, барон 272, 281–282, 289, 291, 295–296, 297
Гертц Э. 90, 109
Геснер Р. 43
Гесс Р. 39, 173, 239
Гизевиус Г.-Б. 48, 190–191, 256, 260–262, 330–331
Гизекинг Э. 314
Гиммлер Г. 34, 42, 45, 64, 78, 107, 183, 192, 194, 206, 234, 274, 280, 294–295, 323, 331
Гинденбург П. фон 36–38, 134, 175, 177–178, 180, 284
Гинцберг Л.И. 21
Гиршфельд А.В. 83
Гитлер А. 7–8, 11, 14, 19, 21, 28, 31–34, 36–43, 46–47, 49–50, 55–59, 61–63, 69–71, 76–77, 87, 92, 97, 100–101, 107, 111, 113–116, 118–121, 123–124, 126, 128–133, 135, 138, 143, 145, 148, 150–152, 157–159, 161, 163, 165, 168–169, 171, 174–187, 189–194, 198–201, 203–204, 206–215, 217, 219–222, 224–227, 230–231, 241, 249, 252–254, 257, 260–261, 263–264, 266–267, 269–274, 276–282, 284–287, 289–301, 303–304, 307, 311, 318, 320–323, 325–332
Гладков Т.К. 239, 251, 253
Глобке Х. 306
Гобино Ж.А. де, граф 30
Гогенлоз М., князь 192, 331
Гогенцоллерны 179, 285
Гольнов Г. 109
Гордон Б.М. («Рудольф») 83, 85, 238
Гофмейстер 131, 135, 283, 325
Грауденц И. 108
Граф О.М. 158
Гржезинский А. 54
Гримме А. («Новый») 91–92
Гриффин Р. 26
Гувен Г. ван 124–125
Гувер Э. 197
Гумбель Э. 32
Гуральский А.Я. (профессор Арнольд) 122
Гуревич А.М. («Кент») 15, 75–77, 100–101, 105–106
Гуриан В. 253
Гуссерль Э. 43
Давидович Д.С. 21, 65
Даладьё Э. 46, 320
Даллес А. У. 16, 189–194, 207, 211, 250, 260, 330–331
Даниель Ю. 80
Даниэльс А. фон 121, 123, 125
Де Голль Ш. 101
Деканозов В.Г. 73, 246, 267–268
Дельмер С. 310, 314
Дильс Р. 237
Дильтей 242
Димитров Г.М. 26, 49, 53, 63, 65, 74, 117, 140, 147, 321
Додд М. 84, 196
Додд У.Э. 84, 196
Дойч А. (Стефан Ланг) 240
Доли 164
Донаньи К. фон 199
Донаньи Х. фон 199, 303, 305
Доннер О. («Икс») 85
Донован У. («Дикий Билл») 191
Драбкин Я.С. 21, 60–61
Дреббер М. 140
Дрекслер А. 31
Дэвисон Э. 156
Дюбендорфер Р. («Сиси») 253–254, 257–258, 323
Ельцин Б.Н. 215
Ерусалимский А.С. 59
Жау 101
Журавлев Б.Н. 238, 246
Журавлев П.М. 93
Зайдлиц В. фон 114, 121–123, 125–126, 128–131, 135–139, 141–148, 163, 188, 218, 324–325, 327
Зарубин В.М. 197, 238–239, 241, 243–244
Зарубина Е. 238
Зауэрбрух Ф. 193
Зейдлиц-Курибах В. фон 48

- Зельдте Ф. 40
Зендер Т. 54
Зиг Й. 109
Зиммель Г. 43
Зольм, принц 88
Зольман В. 155
Зоннлейтнер Ф. фон 211, 269
Зорге Р. 251
Зоря Ю.М. 22, 77, 80
- Иванов Г.В. 74
Игнатъев С.Д. 226
Иден А. 153, 203
Ильичёв И.И. («Директор») 100, 253–254
Исаев М. (Макс Отто фон Штирлиц) 232–233
- Йекель Х. 314
Йодль А. 139
Йон Л.-М. 313
Йон О. 200, 301–318, 330
Йон Х. 305
Йорданс К. фон 257
Йорк Л. 119, 121
- Кайзер Г. 262
Кайзер Я. 48, 306
Калганов А.М. 22
Кальтенбруннер Э. 132, 206, 217, 273
Ками Д. (Каминский; «Антонио») 106
Кан В. 284
Канарис В.Ф. 92, 101, 105–107, 184, 190, 199, 205, 210, 257, 286, 303, 305, 326, 331
Кантор. Г. 43
Капелле Г. 52
Кар Г. фон 33
Каяк А.А. 85
Кё П. 262
Кегель Г. 111, 209, 267
Кедров И.М. 85
Кейтель В. 110, 131, 139, 185, 282
Кемпер фон 263
Кёнен Г. 109
Кёниг В. 294
Кёnnen В. 54, 159
Кернкросс Дж. 240, 259
- Керр А. 116
Кёстринг Э. 271, 273
Киссинджер Г. 20
Кичигин 227
Киш Э.Э. 55
Клаудель Р. 253
Клаузевиц К. фон 119, 121, 292
Клаус Э. 211
Клейст Б. фон 289
Клейст Б.П. 210, 269
Клейст Э. фон 138
Клинтон Б. 193, 331
Клюге Г. фон 205, 292–295
Клянт 146
Кобулов А.З. 67–68, 72, 74, 87, 95–97, 140–142, 144–145, 147
Коген Г. 43
Коллани И. фон 147
Коллонтай А.М. 210
Коль Г. 215
Коль Ф. 164
Кольбе Ф. (Джордж Вуд) 192–194, 331
Кондрашев С.А. 316, 318
Копелев Л.З. 218
Копелянский Д.Г. 219, 221
Копкоф Х. 107
Коппи Г. («Кляйн»; «Штральман») 22–23, 77, 80, 91, 94–95, 99, 104, 108
Коппи Х. 108
Коротков А.М. («Степанов») 76, 86–96, 245–246, 312
Корфес О. 115, 121–123, 125
Корчагина М.Б. 22
Кребс Г. 43
Круглов С.Н. 123, 129, 131, 139–140, 142–143
Крупп А. 36
Кукхоф А. («Старик») 84, 91–92, 99, 105, 108, 110, 197
Кукхоф Г. (Лорке) 78, 108
Кульбакин В.Д. 65
Куммеров Г.-Г. 109, 111
Кун И. 130, 208, 214–222, 225–230, 271, 294, 297–300, 327
Кун Х.-М. 216, 221
Кур Э. 237–238
Курелла А. 60, 118
Кучин В. (Карпов) 308–309, 316

- Кучински Р.Р. 159
Кучински Ю. 159
Кэрнкросс Дж. («Мольер») 259
- Ланге Д. 59
Лангхоф В. 159
Ландауэр Г. 43
Ландсберг О. 43
Латтманн М. 121–123, 125, 131
Лауфер Й. 150
Лебе П. 193
Лебер Ю. 48, 311
Левине Э. 43
Лееб В. фон 290
Лей Р. 40
Лейшнер В. 48, 92
Леман В. («Брайтенбах») 232–249, 323
Леман М. 249
Лендорф-Штайнорт Х. фон, граф 289–290
Ленин В. И. 56, 92
Ленский Г. 74
Лерк 156
Либерман М. 43
Либман К. фон 176
Линдеман Ф. 212, 271
Линдлей Э. 153, 189
Лиознова Т.М. 232
Литвинов М.М. 83, 188
Лозовский С.А. 117
Лонг Л. («Ральф») 258–259
Лохнер Л. 200, 303
Людвиг Э. 43
Людендорф Э. 33–34, 134, 174
- Мазуров И.В. 28
Макаров М.М. («Хемниц») 106
Маклин Д. 240
Маленков Г.М. 219–220, 229
Мамаев И.С. 226
Мандель Ф. 43
Манн Г. 53, 55, 158
Манн Т. 155, 158, 252
Мануильский Д.З. 27, 117, 141
Манштейн Э. фон 261, 287, 297, 305–306
Мария 263
Маурер 108
Махст О. 167
- Мейснер Х. 260
Мёллер ван ден Брук А. 33
Мёллер Л. 23
Мельников Д.Е. 22, 208
Мельников Н.Д. 117, 121–123, 125, 128, 135, 137, 146, 188, 325
Меркер П. 160
Меркулов В.Н. 93, 96–97
Мерлио Ж. 9–10
Мёрфи Д. 316, 318
Мерцалова Л.А. 17
Мецгер 235–236
Микоян А.И. 254, 268
Минковский Г. 43
Миронов В.Д. 197–198
Михайленко В.И. 27
Мнацаканов А.С. 85
Мойзель А. 159
Молотов В.М. 13, 62, 66–74, 97, 116, 133, 139–140, 211, 213, 268, 275, 317, 321
Мольтке Х. Дж. фон, граф 48, 171, 292
Моммзен Х. 23, 276, 282
Морре Й. 23
Муцсолини Б. 28, 71
Мэтлофф М. 150, 186
Мюллер В. 131, 135, 140, 325
Мюллер Г. 78, 106–107, 142, 234, 242, 249, 274
Мюллер Р. 177
Мюнценберг В. 60
- Наполеон I Бонапарт 121, 134
Нибергаль О. 162, 165
Нибул Р. 160
Нидермайер О. фон 13, 266
Никиш Э. 48
Нимеллер М. 48
Нойман Г. 69
- Оберлендер Т. 310
Овен М. фон 284
Ойленбург Ф. 82
Ольбрихт Ф. 212–213, 261, 271–272, 300
Остер Х. 105, 169, 184, 199, 256–257, 260–261, 263, 286, 291, 303, 305, 326
- Павлов В.Д. 268

- Павлов В.Н. 67, 72
Паннвиц Г. 75
Паннцингер Ф. 75, 108–109
Панфилов А.Б. 98, 100
Папен Ф. фон 36, 40
Парларов Л.Ф. 142
Патшовский 140
Паулюс Ф. 48, 114, 121–123, 125, 129–135, 128–140, 142–144, 157, 163, 311, 325, 328
Петров И.А. 117, 122–123, 131, 135, 325
Пешерский В.Л. 22, 77
Пик В. 51, 54, 65, 97, 115, 117, 137, 163
Пискатор Э. 158
Питовранов Е.П. 309
Познанская С. («Аннет») 106
Попиц Й. 199, 265, 328
Попов Б. 49
Поскребышев А.Н. 69
Потапова 228
Прейс Г. 43
Путин В.В. 6
Пфальц-Цвейбрюккен фон дер, граф 228–229
Пюндер О. 255

Радо Ш. («Дора») 15, 75, 108, 250, 252–256, 258–262, 323
Райхенау В. фон 176
Рассел Б. 61
Ратенау В. 43
Раушинг Г. 155
Рёвер Х. 251
Рейман М. 65
Рейнхард Г. 252, 306, 310
Рейнхардт М. 43
Рейнхарт 36
Рём Э. 32, 34, 36, 41, 50, 179, 183, 241, 326
Реммеле Г. 69
Ренн Л. 55, 160
Рёсслер Р. («Люци») 249–263, 323
Риббентроп И. Фон 21, 46, 70, 97, 192, 210–211, 266, 269, 273, 320, 331
Риттер Г. 23, 258
Риттер К. 192
Риттер Тома В. фон. 157
Рицлер К. 155

Робинсон Г. 109
Розенберг А. 97, 269
Розетти-Золеску Е.-К., графиня 133
Рокфеллер Д. 196
Роммель Э. 47, 328
Рот Л. («Руди») 176
Ротфельс Г. 199
Рублев 229
Рубцова К.С. 103
Рузвельт Ф.Д. 12, 20, 70, 149–153, 187, 189, 194–197, 200, 303, 324, 330
Руланд Б. 263
Рундштедт Г. фон 290
Рупп Г. («Турок») 84
Рыбкин Б.А. («Кин») 102
Рыбкина З.И. 81
Рыкин В.С. 22, 74
Рюле О. 15

Сект Д. фон 174
Сект Х. фон 125, 174–175, 285
Семенов В.С. 130, 210–211
Семенов Ю.С. 232–233
Серов И.А. 309
Сикст фон Армин Г.Г. 135, 325
Симонов К.М. 15, 113, 128
Скорцени О. 274
Скржепчинский («Леон») 99
Слуцкий А.А. 241
Смирнов Д.А. 17
Собботка Г. 115
Соколов Б.В. 251–252
Сосновский Ю. фон 234
Сталин И.В. 27, 56, 62, 69–71, 75, 81, 85, 97–98, 101, 111, 116, 124, 127, 132–134, 136–140, 143–144, 147, 149–152, 176, 186–189, 195, 197–198, 210–211, 213–214, 220, 231, 241, 246, 254, 259, 264, 268–269, 272–273, 321, 329
Степун Ф.А. 253
Стефани фон 284
Стиннес Г. 192
Судоплатов П.А. 15, 136, 151, 234, 258–259, 324
Сциллард Л. 43

Танев В. 49

- Теллер Э. 43
Тельман И. 64
Тельман Р. (Кох) 64, 67–69, 72–74
Тельман Э. (тов. Тихонов) 48–49, 51, 53, 58, 62–74, 240, 321
Тилле Ф. 106
Тиллих П. 155
Тирпиц А. фон 82
Тисс В. 52
Тиссен Ф. 36
Тициенс Л. («Албанец») 84
Толлер Э. 43
Томас Г. 183, 261
Томфора Э. 109
Торглер Э. 49–50
Траксель А. 108
Траут 146
Треппер Л.З. («Отто») 15, 75–76, 99–100, 105, 195
Тресков А.Ф. фон 283
Тресков А.Х. фон 283
Тресков Адельгейда фон 284
Тресков Герд фон 283, 285, 301
Тресков Герман фон 283
Тресков М. фон 284
Тресков М.-А. фон 283
Тресков О.М. фон 283
Тресков Р. фон 284
Тресков У. фон 284
Тресков Х. фон 19, 49, 169, 185, 207–208, 327, 276, 279–293, 295–301, 327
Тресков Э. фон (Фалькенхайн фон) 284
Тротт цу Зольц А. фон 48, 130, 191, 210–211, 261, 269, 273–274, 330–331
Троцкий Л.Д. 27
Тугаринов И.И. 317
Тухачевский М.Н. 241
Тухель Й. 23, 280
Тюльманов С.И. 15
- Узе Б. 55
Уильямс-Эллис А. 60
Уле-Веттер Ф. 134
Уль М. 22
Ульбрихт В. 54, 115, 126
Ульштейн Л. 159
Умланд А. 26
Урицкий С.П. 241
- Уэллс Г. 60
- Фабрициус Х. 34
Фалин В.М. 21, 190, 317
Фалькенхайн Эрих фон 284
Фараго Л. 250
Фаук 106, 108
Фейхтвангер Л. 43, 55, 158
Фельгигель Э. 225, 262
Фелькерс У. 131
Феннер А. 242
Филби К. («Зёнен») 200, 240, 259, 303
Филитов А.М. 17, 19–20
Фитин П.М. («Виктор») 89, 93, 96–101, 105
Фишер А. 23
Фишер К. 111
Фишер Р. (Вернер) 111
Флорин В. 54, 115
Фляйшхауэр И. 265
Фостер Дж. 191
Фрай Н. 38
Фрайслер Р. 42–43
Франк Д. 43
Франко Ф. 55, 243
Франсуа-Понсе Ж. 311
Фредерикс Х. 316
Фрейслер Р. 274
Френкель Г. 159
Фридрих II Великий 177–178
Фридрих-Вильгельм I 284
Фрич В. фон 182–183, 286, 326
Фромм Ф. 261–262, 298
Фукс Г. 43
Фут А. 250, 254
- Хаазе Г. 43
Хавеман В. («Итальянец») 85, 94, 99, 109
Хавкин Б.Л. 74, 77, 80
Хагер К. 159
Хайн Б. 43
Хайзель Г. 163
Хайльман Х. («Керн») 90, 107–108
Хаммерштейн К. фон 175–177, 184, 257, 286, 326
Хаммерштейн М.-Л. 176
Хаммерштейн Х. 176–177

- Харденберг К.-Х. фон, граф 49, 212, 271, 287, 289
- Харнак А. («Корсиканец»; «Балтиец»; «Д-6»; «Арвид») 48, 75–76, 78–103, 105, 108–110, 196–197, 199, 245–246, 321–322
- Харнак М. (Фишер) 82, 85, 108, 196
- Харнак Ф. 199
- Харнак Э. фон 85
- Хассель У. фон 169, 185, 201, 205–206, 208, 212, 257, 270, 328
- Хауземан Х. 251, 261
- Хаузер Х. 162
- Хафнер С. 50
- Хеер Х. 65
- Хейне Ф. 311
- Хейнеман В. 276, 281
- Хелькер К. 163
- Хельсей Р. 108
- Хентинг Г. фон 155
- Хентов А.М. 60
- Хентов Э. (Генри Э.; Ростовский С.Н., Леонидов А.) 60, 227
- Херварг Х. фон 230
- Херрштадт Р. 118
- Хессе К. фон 284
- Хесслер А. («Франц»; «Бруно»; «Хельмут Виснер»; «Вальтер Штайн») 103–104, 109, 247
- Хетц К. 115, 121
- Хефтен В. фон 49, 304
- Хильгер Г. 267–268
- Хильдебранд К. 282, 327
- Хитер А. 139
- Хойс Т. 306, 310
- Хоппе К. 162
- Хортицанский Г. 65
- Хофман О. 252
- Хофман П. 23
- Храмов И.В. 17
- Христофоров В.С. 22
- Хрущев Н.С. 312
- Хубер Э.Р. 38
- Хуземан В. 108
- Хэлл К. 153, 189, 195, 331
- Хюртер Й. 280
- Цайссер В. 55
- Цвейг А. 43, 55
- Цедлиц-Трютишлер Р. фон, граф 283
- Цейтцлер К. 192, 331
- Цильберг Г. Х. фон 217, 230
- Чан Кайши 175
- Чемберлен Н. 46, 184, 320
- Чемберлен Х.С. 30
- Черкасов П.П. 70
- Чернявский В. (Чернов) 315–316
- Черчилль У. 20, 60, 136, 149–151, 157, 183, 187, 197, 201, 206, 259, 304, 332
- Чуйков В.И. 144
- Шабель К. 109
- Шахт Я. 36, 40, 199, 265, 328
- Швец 131, 135, 137, 325
- Шеель Г. 78
- Шейсенс Р. 106
- Шелиа Р. фон («Ариец») 109
- Шелленберг В.Ф. 16, 81, 105–107, 110, 132, 191, 232–233, 235–236, 252, 260
- Шёнфельд Г. 203
- Шерман И.Х. 155
- Шёрнер Ф. 138
- Ширер У. 191
- Шкварцев А.А. 67–68, 72–73
- Шлабрендорф Ф. фон 289, 292, 295, 300
- Шлейхер К. фон 175, 179–180, 285
- Шлейхер Э. 179
- Шлеммер Х. 125
- Шмаусер 220
- Шмитт К. 180
- Шморель А. 18
- Шнайдер К. («Тейлор») 253, 257–258, 323
- Шнейдер Х. 254–255
- Шойриг Б. 23, 285, 290
- Шолохов М.А. 15, 113, 127–128
- Шоттмюллер О. («Ани») 91, 108
- Шпеер А. 41
- Шрадер В. 297
- Шрайбер В. 140
- Шрайнер А. 158
- Шрамм В. фон 251
- Шредер Г. 227, 307, 311, 313
- Шредер К. фон 36
- Шрейнер А. 58–59

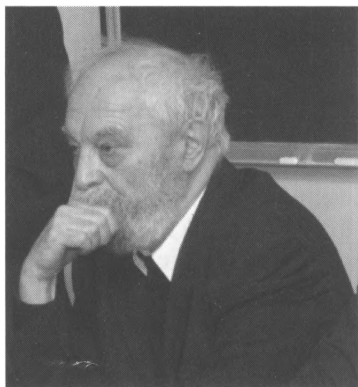
- Штайн Г.Ф. фон, барон 134
Штайнбах П. 16, 23, 277
Штальберг А. 287, 292
Штарке Г. 13, 275
Штауффенберг К.Ш. фон, граф 19, 49, 130, 157, 169, 171, 207–208, 212, 214, 216, 222, 225, 261, 264, 271, 274, 276, 279, 282, 295–296, 298–300, 304, 311, 327–328, 330
Штёбе И. («Альте») 100, 109–110
Штёвер Б. 312
Штейдле Л. 15
Штейн В. 91, 119, 121
Штельцер Т. 209, 265
Штерн В.С. 122, 125, 135, 138, 325
Штерн М. (Клебер Э.) 55
Штерн О. 43
Штиф Г. 225, 295, 297
Штрассер Г. 35, 41
Штрассер О. 35–36
Штраус Ф.Й. 314
Штреземан Г. 174
Штюльпнагель К.Г. фон 178, 183–184, 199
Шубарт В. 253
Шуленбург Ф.-В. фон дер, граф 13–14, 48, 70, 169, 209–213, 261, 264–275, 284, 296, 328–329
Шуленбург Ф.Д. фон дер 264
Шуленбург Э. фон дер 284
Шульте Э. 142
Шульце К. («Берг») 100, 102–103
Шульце-Бойзен Л. (Хаас-Хайе) 82, 84, 99–100, 105, 108, 196
Шульце-Бойзен Х. («Старшина»; «Д-5»; «Харо»; «Коро») 48, 75–76, 78–82, 84, 87, 89–96, 99–101, 104–111, 196–198, 245, 256, 321–322
Шульце-Геверниц Г. фон 192, 331
Шумахер К. («Тенор») 90, 94–95, 102–104, 107–108
Шумахер Э. («Ида») 90, 102, 108
Щербаков А.С. 116–117, 141
Эберхардт А. 163
Эйзенхауэр Д. 165
Эйнштейн А. 43, 61
Эйслер Х. 158
Эйснер К. 43
Эйхман А. 194, 331
Эмендёрфер М. 115
Эрдберг А. 86, 89–91, 94–96, 99, 245
Эренбург И.Г. 15, 113, 127–128
Эрлих П. 43
Эртцен Х.-У. фон 296
Эрхардт Л. 172
Юбершер Г. 23
Ягода Г.Г. 241
Якобсен Х.-А. 23

СОДЕРЖАНИЕ

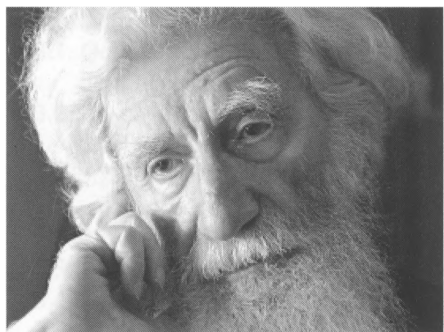
1. Введение	6
2. Германский национал-социализм	25
2.1. Фашизм и нацизм	25
2.2. Возникновение нацизма	29
2.3. «Пивной путч» и его последствия	33
2.4. Путь нацистов к власти	35
2.5. Третий рейх	37
2.6. Расизм как основа нацистского государства	43
2.7. Военная экспансия и крах нацистского режима	46
3. Германское антигитлеровское сопротивление	48
3.1. Основные тематические комплексы материалов по истории немецкого антигитлеровского Сопротивления	48
3.2. Коммунистическое Сопротивление	49
3.2.1. Стратегия и тактика антинацистской борьбы КПГ	51
3.2.2. Разоблачение коммунистами подготовки гитлеровской агрессии	58
3.2.3. Письма Тельмана Сталину и Молотову 1939–1941 гг.	62
3.3. «Красная капелла»	75
3.4. Группа Шульце-Бойзена – Харнака в антинацистском Сопротивлении	81
3.5. Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров»	111
3.5.1. НКСГ и СНО. Судьбы Паулюса и Зайдлица	114
3.5.2. НКСГ и вопрос о создании немецкого антигитлеровского правительства	148
3.5.3. Реакция Великобритании и США на создание НКСГ	152
3.5.4. Движение «Свободная Германия» за пределами СССР	158
3.6. Консервативная оппозиция и заговор против Гитлера	168
3.6.1. Причины и характер антигитлеровской фронды представителей германских консервативных элит	172
3.6.2. Участники заговора против Гитлера между СССР с одной стороны и США и Великобританией с другой	186
3.6.3. Новые документы по истории подготовки группой немецких военных и чиновников государственного переворота против Гитлера (1943–1944 гг.)	214
4. Немецкое антигитлеровское сопротивление в лицах	232
4.1. Вилли Леман — советский разведчик из гестапо	232
4.2. Немецкий антифашист Рудольф Рёсслер	249
4.3. Граф Шуленбург и немецкое антигитлеровское Сопротивление	264

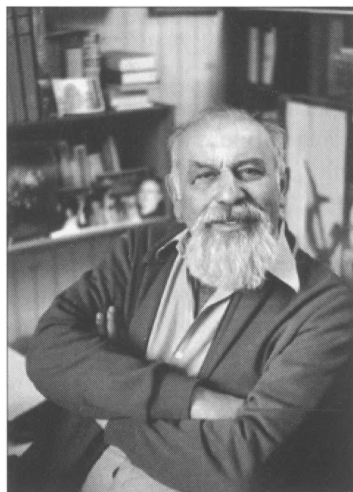
4.4. Генерал Х. фон Тресков и Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте	276
4.5. Загадка Отто Йона	301
5. Заключение	319
6. Источники и литература	333
7. Именной указатель	367

А.И. Борозняк

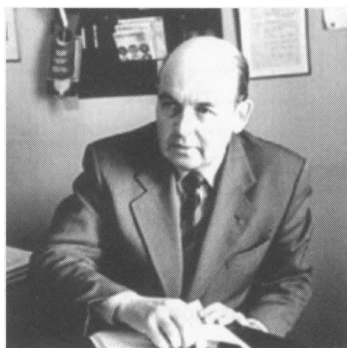
Я.С. Драбкин

Л.З. Копелев

А.С. Бланк

Л.А. Безыменский

Д.Е. Мельников

Нюрнбергские расовые законы. 1935 г.

Аресты немецких евреев после «хрустальной ночи». Ноябрь 1938 г.

Отто Йон.

Рудольф Кристоф фон Герсдорф.

Фридрих Ольбрихт.

Петер граф Йорк фон Вартенбург.

Полковник Тресков сопровождает французскую делегацию из штабного вагона маршала Фоша после подписания капитуляции Франции. Компьенский лес, 22 июня 1940 г.

Тресков среди встречающих Гитлера. Смоленск, день покушения, 13 марта 1943 г.

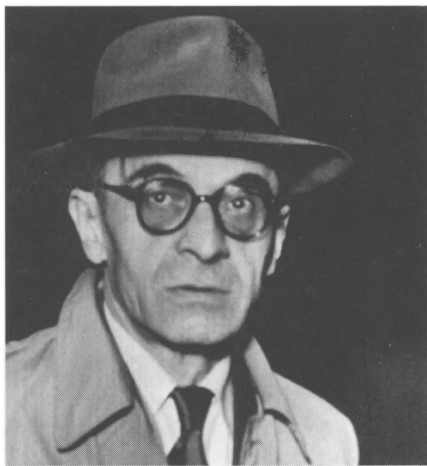
Генерал фон Тресков

Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг
с женой Ниной

Генерал Курт фон Хаммерштейн-
Экворд

Рудольф Рёсслер

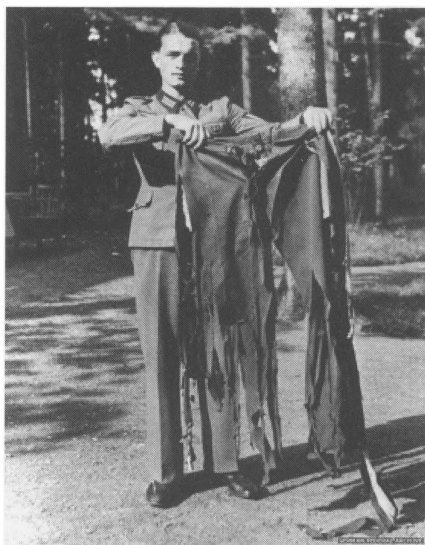
Слева направо: Штауффенберг, адм фон Путткамер, неизвестный, который стоит спиной, Гитлер, фельдмаршал Кейтель. 15 июля 1944 г.

ОПИСЬ ДОКУМЕНТОВ
ОТРАЖЕННЫХ В СПИСКЕ 12 КОМАНДОВАННЫХ
ГЕРМАНСКИМИ СУХОПУТНЫМИ СИЛАМИ

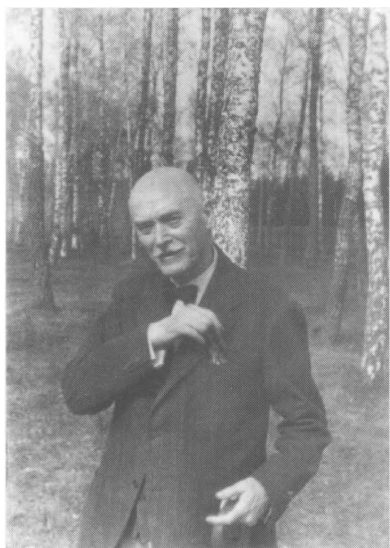
№	НАИМЕНОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ	СТР.
1	Письма в КЧН.	1-3
2	Приказ об освобождении военного персонала.	4-5
3	Приказ о смерти Гитлера.	6-7
4	Оперативные приказы заговорщиков.	8-11
5	Командный план оборонительных мероприятий на Западном.	12-16
6	Письма с 1-м экз. машинописных записок и оригинальных записок по составу.	17
7	Письма с 2-м экз. машинописных записок.	18

Составлен:
Ведущий 2-го ппу РЗМ, Сухачев
капитан Фотинский
22.8.1944.

Опись документов заговора против Гитлера 1943 г.

Штаны Гитлера после покушения. 20 июля 1944 г.

Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Горный курорт Ризенгебирге. Силезия.

Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, приговоренный Народным трибуналом к смертной казни. Берлин. Ноябрь 1944 г.

Георг фон Бёзелагер.

Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург и княжна Мария Васильчикова (Мисси). Кrummхюбель, июль 1944 г.

Карл Гёрделер перед нацистским судом.

Карл Фридрих Гёрделер.

Ульрих фон Хассель перед нацистским судом.

Петер граф Йорк фон Вартенбург на суде.

Юлиус Лебер перед нацистским судом.

Треппер.

Генерал-фельдмаршал Паулюс, его адъютант полковник Адам, генерал Зайдлиц, 1944 г.

Пленный Ф. Паулюс и переводчик Л. Безыменский. 4.02.1943 г.

Паулюс (справа) и Зайдлиц на наблюдательном пункте под Сталинградом.

Ф. Паулюс (высокий в центре) среди пленных немцев, итальянцев и румын.

Курт фон Хаммерштейн-
Экворд

Братья Георг (слева) и Филипп фон Бёзелагер.

Члены НКСГ писатель Фридрих Вольф и лейтенант
люфтваффе Генрих граф Айнзидель, 1944 г.

Эрих Вайнерт и
Вальтер фон Зайдлиц
среди членов НКСГ
и СНО.

Арвид и Милдред Харнак

Freies Deutschland

ORGAN DES NATIONALKOMITEES "FREIES DEUTSCHLAND"

Nr. 8/9
 15. SEPTEMBER
 1943

Gründung des Bundes Deutscher Offiziere

WALTHER VON SEYDLITZ
 Kommandeur General des LI. Armeekorps
**Rücktritt Killers—
 das Gebot der Stunde!**
 Rede auf der Gründungslegung

Ich danke Ihnen herzlich, und erwidere
 Sie Ihren Dank, um die Tätigkeit der
 Bundes Deutscher Offiziere auszusprechen.
 Ich bin froh, die mit Ihnen hohen Anteil
 schenken sehr Unterstützung zu zeigen.

Aufruf
 An die deutschen Generale und Offiziere!
 An Volk und Wehrmacht!

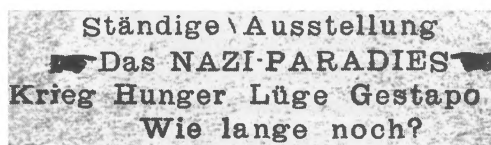
Wir, die überlebenden Kämpfer der k. deutschen Armee, der
 Wehrmacht, der Luftwaffe und der Marine, im Namen
 der k. deutschen Armee, der k. deutschen Luftwaffe und der
 k. deutschen Marine, bitten Sie, sich dem Bund der
 deutschen Offiziere anzuschließen. Dieser Bund ist
 die einzige Organisation, die die Interessen der deutschen
 Offiziere vertritt. Er ist die einzige Organisation, die die
 Interessen der deutschen Offiziere vertritt. Er ist die
 einzige Organisation, die die Interessen der deutschen
 Offiziere vertritt. Er ist die einzige Organisation, die
 die Interessen der deutschen Offiziere vertritt.

ERICH WEINERT
 Oberst der Wehrmacht
**Freies Deutschland—
 voran!**
 Rede auf der Gründungslegung

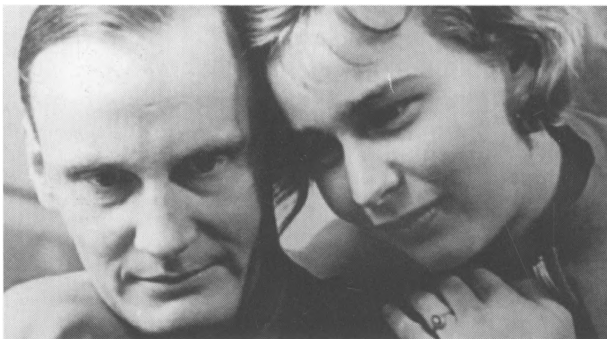
Im Namen aller meiner Mitkämpfer ist
 die erste Idee meines Kampfes heute
 im Namen der künftigen Freiheit
 und der deutschen Nationen zu sein.
 Ich danke Ihnen herzlich, und erwidere
 Sie Ihren Dank, um die Tätigkeit der
 Bundes Deutscher Offiziere auszusprechen.
 Ich bin froh, die mit Ihnen hohen Anteil
 schenken sehr Unterstützung zu zeigen.

Газета "Freies Deutschland", орган Национального комитета
Свободная Германия

Листовка. Нацистский рай —
это война, голод, ложь, гестапо.
Как долго это продлится

Харро и Либертас Шульце-Бойзен.

Приговор Имперского военного суда по делу супругов Харнак, супругов Шульце-Бойзен и других немецких антифашистов, с. 1.

Манифест и протокол учредительного заседания Национального комитета Свободная Германия, июль, 1943 г.

Кун. Тюремное фото.

Майор Йоахим Кун.

арх. № 44/69 213

Выписка из протокола № 49

Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности СССР
22.5 от 17 октября 1961 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>10. Дело № 5141 2-го Главного управления МГБ СССР по обвинению КУН Йоахима, 1913 г.р., уроженца гор.Бармина, немца, Обвин.по п.1-а ст.П закона № 10 Контрольного Совета в Германии.</p>	<p>КУН Йоахима за подготовку и ведение агрессивной войны против Советского Союза заключить в тюрьму сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет,считая срок с 27 июля 1944 года. Иждивение КОНИСКОВАТЬ.</p>

Нач. Секретариата Особого Совещания *[Подпись]*

1000

56

INTERVIEW REPORT

des Kriegespremiermajors der deutschen Wehrmacht
Jochims K U N

vom 22. September 1944.

Fragestet will ich erklären, wie es kommt, das ich den Schicksal meines Kameraden entgegen bin und mich in diesen befinde.

Am 29. Juli 1944 kommandierte mich Generalmajor von TROSCHEW, Chef des Generalstabes der 2. Armee, der wie ich, an der Ostfront organisatorisch beteiligt war. Ich war an der Front bei Danzig als in der 19. Abwehrdivision.

General von TROSCHEW teilte mir mit, das in diesen Tagen das seit Monaten erwartete Attentat auf Hitler geschehen wurde. Diese Aufgabe sei, das Regiment in Ruhe und dann die Befehle von Generalstabschef HINK- gen. Chef des Generalstabes (seit 1939/40.), abzuwarten.

Infolge der Ereignisse erfuhr ich von dem Ereignis des 20. Juli erst durch die Radiofunk-Mitteilung am 21. um 7.00 Uhr. Einige Stunden später teilte der Chef des Stabes des Korps-Major von SCHUMMER, das der Chef des Stabes der 2. Armee- General v. TROSCHEW, kam, um sich über die Frontlage durch persönliche Einblick zu unterrichten. Er hätte um meine Begleitung in das Gelände gebeten.

General v. TROSCHEW konnte ebenfalls nur die Radiofunk-Mitteilung von Polizeichef und von Tode SOEL'S, STAFFENBERG'S und GIERACH'S. Kurz nach Beginn der Fahrt ins Gelände eröffnete er mir:

" Sie wissen, von STAFFENBERG'S war ich unter 1944 der einzige Vorgesetzte gewesen, was gestern Folgebefehl. Ich kann jede Handlung der Organisation und Fälle von SOEL und STAFFENBERG'S die Situation der 19. Abwehrdivision und des Beschlusses. Sie ist noch nicht über abgeschlossen".

J.K.

Немецкий оригинал показаний
Куна от 2.09.1944. С. 1.

Приговор Особого совещания по делу
Куна.

80

36.-

Die erste und einzige Voraussetzung hiervon war und ist der Tod Hitlers.

Wir dachten, das das Attentat in technischer Hinsicht ausreichend vorbereitet ist, aber mangels der Erfahrung waren wir nicht in der Lage den Zufall einzuschalten.

Ich erwähnte schon, das ich im Prinzip Gegner terroristischer Akte bin, wenn es um, wie anders an der Verschwörung beteiligte. Aber unter diesen Umständen haben wir keine andere Möglichkeit, den revolutionären Willen des Volkes in die Tat umzusetzen.

Wir müssen uns jetzt haben. Wir sind Offiziere und derartige Erfahrungen haben wir nicht gehabt. Ich habe aber möchte ich betonen, Wir handelten nach bestem Wissen und unser Ziel entsprach dem Wunsch des größten Teils des deutschen Volkes.

K U N

Немецкий оригинал показаний
Куна от 2.09.1944. С. 26-1.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № Н-240

ВОЕННЫЙ СУД МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В составе: Председательствующего полковника
Юстиция Овчаров В. А.
 Судей полковника Юстиция Горбачев А. С.
 и полковника Юстиция Фролов В. А.
 с участием военного прокурора округа
генерал-майора прокуратуры Москвы
Ситого Василия Виктора
полковника Юстиция Горбачев В. А.

рассмотрел в заседании от « 23 » декабря 1948 года

уголовное дело по обвинению
гражданина Главного воен-
ного округа на поваров
Михаила Федотовича
Михайловича Ткаченко
бывшего Советского Союза
от 11
октября 1951 года, согласно
Контракту

Куна Коахима

родившегося в 1913
года в городе Вер-
хнем Вильгельме
мехи 29 августа 1951

Определение № Н-240.

СССР 4

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 98-25

Июля 30 1951 г.

Выдан Капитану
 тов. Мамару И. С.
 на производство: Ареста и обыска

Куна
Коахима

по адресу: По месту нахождения

Министр
 Государственной Безопасности
 Союза ССР Бобыль

Акт санкционирован (Генеральным Прокурором СССР)
Зам. Глав. Воен. Прокурора Советской Армии
Полковником Юстиция тов. Варским.

5

Министерство Государственной Безопасности СССР

Ордер на арест Куна.

Календарь сообщений
Корсиканца и Старшины.
6.09.1940—20.06.1941. С. 1.

РАССЕКРЕЧЕН
Служба внешней разведки РФ
КАЛЕНДАРЬ
Сообщения "Корсиканца" и "Старшины"

Дата	Категория	Содержание материала
06/IX-20/41	"Корсиканец"	Офицер Верховного Командования немецкой армии рассказал ТИХИЗУ, что в начале сентября года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительно намечены будут военные операции в Финляндии, Балтийском и Северном морях.
12/IX-40 г.	"Корсиканец"	1. В армии запрещена истребительная авиация, даже такая, как Юнкерс Д-11 и Дорнье Д-11. 2. ТИХИЗУ приблизительно две недели тому назад дал указание о прекращении полетов в СССР и только дней пять тому назад под нажимом Берлина, требующих срочного, согласился на продолжение полетов.
16/I-41 г.	"Корсиканец"	1. В кругах группировки вокруг "Харденхауза" известно мнение, что Германия проигрывает войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой о том, чтобы повернуть оружие на восток.
06/IX-20/41	"Корсиканец" со слов "Старшины"	2. В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведочные полеты над советской территорией с целью выяснения всей полетной обстановки. В связи с этим авиация полетов влетит в тыл и донесет.
06/IX-20/41	"Корсиканец" со слов "Старшины"	3. Позже ТИХИЗУ все больше и больше склоняется к заключению соглашения с Англией и Америкой.
06/IX-20/41	"Корсиканец" со слов "Старшины"	4. ТИХИЗУ дал распоряжение о переводе "русского реферата" Министерства авиации в так называемую часть штаба авиации, разработавшему и подготовившему военные операции.
06/IX-20/41	"Корсиканец"	1. Военно-консульский отдел Инспекторского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (OKW) распоряжение о составлении карт промышленности СССР.

33

II.-

14/II-41	"Старшина"	1. В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утвердилось, что вопрос о заключении пакта между Германией и Советским Союзом решен. Главным вице-маршалом германской авиации в Берлине, предположительно в Гуммель, 15 июля будет должен выехать на север штаб-квартиру.
16/II-41	"Старшина"	1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и уже можно ожидать в любое время. 2. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Норвегия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на норвежских аэродромах.
	"Корсиканец"	1. Проведено совещание начальников военно-консульских управлений в штабе германской авиации. В штабе авиации обсуждался вопрос о руководстве оккупированной территории СССР. Для Кавказа - АНОНИ, для Закавказья - БУРАКОВ, для Украины - БУРАКОВ, для Молвии - БУРАКОВ, руководители колонизационной политики в Восточной Европе, а также в Берлине, являющиеся членами группы. Для общего руководства колонизационным управлением "оккупированной территории СССР" назначен БУРАКОВ, начальник иностранного отдела Министерства колонизации. Содержание оккупации территории должна быть развешена на три части, из которых одна должна закрывать гамбургского самолета БУРАКОВ. В Министерстве колонизации рассказывают, что на основании констатированных предположений для "оккупированной" территории СССР, в частности так же РОБИНЗОН, который заявил, что "советская Советская Союз" должна быть открыта в географической карте.
	"Корсиканец"	

Календарь сообщений
Корсиканца и Старшины.
6.09.1940—20.06.1941. С. 11.

*20 июля 1941 года.

ИЗВЕЩАЮ:

ИЗВЕЩАЮ: *ИЗВЕЩАЮ*

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2379/III
1941 г.
г. Москва

СОВ. СЕКРЕТНО

50

ТОЛЬКО СТАЛИНУ.

направляем агентурное сообщение, полу-
ченное ЦИБ СССР в Берлине

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

(В.МЕРКУЛОВ)

1170

Die Sorge um Deutschlands Zukunft geht durch das Volk

Vergänglich müht sich Minister Giebbels, uns immer neuen Send in die Augen zu streuen. Die Tatsachen sprechen eine harte, warnende Sprache. Niemand kann mehr leugnen, daß sich unsere Lage von Monat zu Monat verschlechtert. Niemand kann noch läugern die Augen verschließen vor der Ungeheuerlichkeit des Geschehens, vor der uns alle bedrohenden Katastrophe der nationalsozialistischen Politik.

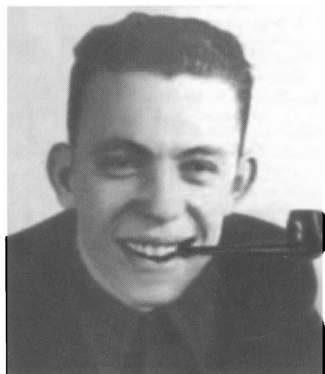
Die grossen militärischen Erfolge der ersten Kriegsjahre haben kein entscheidendes Ergebnis gesiegt. Die meisten deutschen Armeen befinden sich zur Zeit im Rückzug. Allen Fälschungen des GWT zum Trotz steigt die Zahl der Kriegstoten in die Millionen. In fast jedem deutschen Hause herrscht Trauer. Die Werktätigen sind immer ärgerer Antreiberei und Überanstrengung ausgesetzt. Die letzten Reserven werden ras in Volkskörper herausgegrüßt. Es gibt kaum noch etwas zu kaufen. Das Geld verliert seinen Wert. Immer neue Hunderttausende schluckt die Armut. Industrie und Landwirtschaft leiden empfindlich unter dem Mangel an Arbeitskräften. Zehntausende von Betrieben brachen unter der Last der Kriegsverhältnisse zusammen. Früchte jahreelangen Fließes gehen verloren. Die Frauen trennen den entschweiften Familien- und Liebesglück nach. Der häusliche Frieden ist zerfallen. Die Tage vergehen freudlos, ohne daß den Menschen eine Hoffnung winkt. Zeit und Herrschaft gehen verloren mit der immer knapperen Rationen, die die Regierung dem Volk hoch zugeht. Die Allgemeinheit leidet zudem unter den Unverschämtheiten und Schandtaten der Behörden und Parteistellen. Die staatliche Bürokratie in ihrer infamen Dummheit ist kaum noch imstande, die ihr zufallenden Aufgaben zu lösen. Die Korruption in der Verwaltung, die Wirkungslosigkeit, in der Wehrmacht, vor allem aber innerhalb der Gliederungen der Partei hat ein eklatantes Ausmaß erreicht. Während der Arbeitsschwerer gezwungen wird, in immer schlechteren Bedingungen seine Arbeitskraft zu verkaufen und oft formlos von den Seinen ein graues Dasein als Arbeitsklave zu führen, gibt es immer noch genug Bonzen und Kriegsgewinnler, die ihre Aufgabe darin sehen, die Massen mit den staatlich vorgesehenen Dingen zu füttern. Damit auch nur weiter in Verachtung kommt, selbständig nachdenken, wird auch noch die Freizeit der Werktätigen dem braunen Zwang unterworfen. Eine volkenfeindliche Schicht von albernem, aber schändlichen Schwindlern und Angebern spielt heute die erste Rolle im Leben des Volkes. In schwarzer Notzeit der Nation kann man diese Leute recht gut auf ihre Kosten. Das Gewissen aller wahren Patrioten aber blüht sich auf gegen die ganze derzeitige Form deutscher Machtausübung in Europa. Alle, die sich den Sinn für echte Werte bewahren, schau, schaudern, wie der deutsche Name in Zeichen des Raketenkreuzes immer mehr in Verfall gerät. In allen Ländern werden heute täglich Hunderte, oft Tausende von Menschen standrechtlich und willkürlich erschossen oder gehängt. Menschen, denen man nichts anderes vorwerfen hat, als daß sie ihren Ländern die Treue halten, wie das ehemals in Deutschland Männer wie Hoff, Schill und Palm auch taten. Im Namen der Reiches werden die schoulichsten Quälerien und Grausamkeiten an Zivilpersonen und Gefangenen begangen. Noch nie in der Geschichte ist ein Mann so gehasst worden wie Adolf Hitler. Der Hass der gesamten Menschheit beletet das ganze deutsche Volk.

Sind wir schwach und kleinmütig, machen wir uns zu Unrecht Sorgen, lassen wir die Führung charakterlos in Stich? Ne ist ganz natürlich, daß man sich Gedanken macht. Die Millionen, die in Augenblick der Machtgreifung durch die NSDAP in der Opposition standen und denen seitdem mit den Mitteln des Terrors der Mund verschlossen wurde, sie haben nichts abgedrückt von dem tiefverwurzelten Verdacht, daß hinter allen willkürlichen Fiktionen der Wille zum imperialistischen Krieg zu einem neuen Weltkrieg im Interesse einer Clique stehe, die sich die Ausplünderung anderer Völker zur bequemsten Richtschnur ihres Handelns machte.

Листовка Красной Капеллы. Зима 1941-1942 гг.

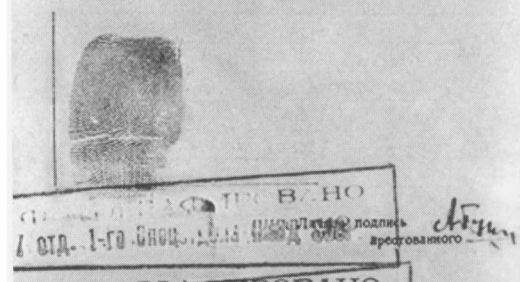
Хильда и Ханс Коппи.

Гуревич-Кент.

(от одной хромы ногтя до другой)

А.М. Гуревич.

А.М. Гуревич.

Harro Tümpel - Brunsen (jungverheiratet) -
 Luftwaffenführungsstab

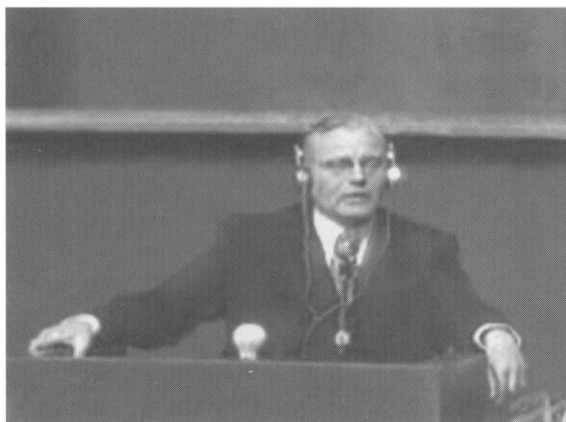
Assessor Wolfgang Havemann, Lt. zur See,
 Berlin - Babelsberg 9 Monate, Kriegsgef. in U.S.S.R.
 (nur am Rande beteiligt)

Dr. med. et. Dr. phil. Arvid Harnek, (jungverheiratet)
 Ab. Dr. Rat im Reichsministerium für
 Leber und der MASH 1930-32, Berlin,
 Gründer der ARPLAN (Arbeitsgemeinschaft für plan-
 wirtschaft, national in U.S.S.R.).
 Chef der Widerstandsorganisation. K.P.D.

Эрнст Тельман.

[illegible]

Ханс-Бернд Гизевиус

Юрий Маслов, Лев Копелев, Яков Драбкин и Лев Дубровицкий в Добываловском лесу, 1943

Советские офицеры-спецпропагандисты Ю. Маслов, Л. Копелев, Я. Драбкин, Л. Дубровицкий.

Ханс-Бернд Гизевиус.

Советские военнопленные в немецком лагере.

Мемориальная доска на здании бывшего штаба армии резерва в Берлине на Бендлерштрассе (ныне Штауффенбергштрассе).

Мемориал немецкого Сопротивления в Берлине на Штауффенбергштрассе.

Мемориальный музей немецких антифашистов в подмосковном Красногорске.

Челябинск. Мемориальная доска на доме, где жил радиист Красной Капеллы Альберт Хёсслер.

Научное издание

ХАВКИН Борис Львович
Германский национал-социализм
и антигитлеровское Сопротивление.
Москва: Товарищество научных изданий КМК.
2017. 377 с., 23 вкл.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Вёрстка: Т.А. Горлина
Дизайн обложки: В.Ю. Яковлев
Редактор К.Г. Михайлов

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК;
электронный адрес: mikhailov2000@gmail.com
<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 20.05.2017. Формат 60×90/16. Объём 23,5 + 1,5 п.л.
Бумага офсетн. и мелов. Тираж 600 экз. Заказ № 626.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Geheime Kommando (Sache)

Der Führer und Oberste Befehlshaber
der Wehrmacht

F.H. Qu.,

OKW/Wfst/Abt.L(I) Nr. 33 408/40 gK Ch

Chef Sache
Nur durch Offizier

2. Ausfertigung

Weisung Nr. 21

Fall Barbarossa.

Die deutsche Wehrmacht muss darauf vorbereitet
vor Beendigung des Krieges gegen England Sowjetru
in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen (Fall B

Das Heer wird hierzu alle verfügbaren Verbände
haben mit der Einschränkung, dass die besetzten Ge
gegen Überraschungen gesichert sein müssen.

Für die Luftwaffe wird es darauf ankommen, für
Ostfeldzug so starke Kräfte zur Unterstützung des
freizumachen, dass mit einem raschen Ablauf der Erd
tionen gerechnet werden kann und die Schädigung des
deutschen Raumes durch feindliche Luftangriffe so gering

Handwritten notes in German, likely a draft or commentary on the official document. The text is dense and covers the same general topics as the typed document, discussing military readiness and the situation in the East.

um Deutschlands Zukunft geht durch das Volk!

Ich Minister Goebbels, uns immer neuen Sand in die
Die Tatsachen sprechen eine harte, warnende Sprache.
leugnen, daß sich unsere Lage von Monat zu Monat
amand kann noch länger die Augen verschließen vor der
des Geschehens, vor der uns alle bedrohenden Katastrophe

istischen Politikk.
rischen Erfolge der ersten Kriegsjahre haben kein
obnis gezeitigt. Die meisten deutschen Armeen befinden
ckzug. Allen Fälschungen des OKW zum Trotz steigt die
x in die Millionen. In fast jedem deutschen Haus her
Werkstätten sind immer ärgerer Antreiberei und Über
etzt. Die letzten Reserven werden aus dem Volkskörper
ibt kaum noch etwas zu kaufen. Das Geld verliert
neue Hunderttausende schluckt die Arme. Industrie und
in empfindlich unter dem Mangel an Arbeitskräften.
rieben brechen unter der Last der Kriegsverhältnisse
arzheimtungen Floißes gehen verloren. Die Frauen
adenon Familien- und Liebesglück nach. Der häusliche
Die Tage vergehen freudlos, ohne daß den Menschen ei
Zeit und Nervenkraft gehen verloren mit der immer
so die Regierung dem Volk hoch zugesteht. Die
ndem unter den Unverschämtheiten und Schikanen der
ellen. Die staatliche Bürokratie in ihrer infamen
instände, die ihr zufallenden Aufgaben zu lösen.
Verwaltung, im Wirtschaftsleben, in der Wehrmacht,
lb der Gliederungen der Partei hat ein ekelhaftes
nd der Arbeitnehmer gezwungen wird, zu immer schlech
e Arbeitskraft zu verkaufen und oft fornab von den
n als Arbeitsklave zu führen, gibt es immer noch
gewinnler die ihre Aufgabe darin sehen, die Massen
schriebenen Lügen zu füttern. Damit auch nur keiner
ständig nachzudenken, wird auch noch die Freizeit
anon Zwang unterworfen. Eine volksentfremdete
er schädlichen Schwindlern und Angebern spielt heut
des Volkes. In schwerster Notzeit der Nation kom
t auf ihre Kosten. Das Gewissen aller wahren Patri
gogen die ganze derzeitige Form deutscher Macht,
die sich den Sinn für ewige Werte bewahrt, schon
ho Name in Zeichen des Hakenkreuzes immer mehr
Ländern werden heute täglich Hunderte, oft Tausen
tlich und willkürlich erschossen oder gehängt;
anderes vorzuwerfen hat, als daß sie ihrem Lande
sheden in Deutschland Männer wie Hoffa, Schill

mon des Reiches werden die schousslichsten Quä
an Zivilpersonen und Gefangenen begangen. Noch
ein Mann so gehasst worden wie Adolf Hitler. Der
it belastet das ganze deutsche Volk.
ntig, machen wir uns zu Unrecht Sorgen, lassen
s im Stich?
an sich Gedanken macht. Die Millionen, die im
ng durch die NSDAP in der Opposition standen
den Mitteln des Terrors der Mund verschlossen wurde,
allen völkischen Phrasen der Wille zum imperialistischen Krieg, zu einem
neuen Weltkrieg im Interesse einer Clique stünde, die sich die Ausplünder
rung anderer Völker zur begewonnen Richtschnur ihres Handelns machte.

17-60604

3

РАССЕКРЕЧЕН

Служба внешней разведки РФ

СОВ. СЕКРЕТНО

КАЛЕНДАРЬ

сообщений "Корсиканец" и "Старшина".

Дата	Источник	Содержание материала
06/IX-20г.	"Корсиканец"	Офицер Верховного Командования немецкой армии рассказал ТИЦЕНСУ, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом к акции будет военная оккупация Румынии, намеченная в ближайшее время.
12/X-40 г.	"Корсиканец"	1. В армии запрещена и изъята русская литература, даже такая, как Толстой Л.Н. и Достоевский. 2. ГЕРИНГ приблизительно две недели тому назад дал указание о прекращении поставок в СССР и только дней пять тому назад под нажимом фирм, требующих сырья, согласился на продолжение поставок.
17/I-4I г.	"Корсиканец"	1. В кругах группирующихся вокруг "Херрен-клуба" нарастает мнение, что Германия проиграет войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой с тем, чтобы повернуть оружие на восток.
	"Корсиканец" со слов "Старшина"	2. В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью "фото"емки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград. 3. Позиции ГЕРИНГА все больше и больше склоняются к заключению соглашения с Америкой и Англией. 4. ГЕРИНГ дал распоряжение о переводе "русского реферата" Министерства авиации в так наз. активную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции.
1-4Iг.	"Корсиканец"	1. Военно-хозяйственный отдел Имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (OKW) распоряжение о составлении карт промышленности СССР.

"Корсиканец"

"20" июня 1941 года.

ВЕРНО:

А.И.Тихина

- 2 -

Heeresjustizinspektor Guldner, für Recht erkannt:

Es werden verurteilt:

1.) Die Angeklagten Oberleutnant Harro Schultze-Boysen und Schütze Kurt Schumacher wegen Vorbereitung zum Hochverrat, Kriegsverrats, Zersetzung der Wehrkraft und Spionage zum Verlust der Wehrwürdigkeit und zum dauernden Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte.

2.) Dr. Arwid Harpach, Libertas Schultze-Boysen, er, Hans Coppi und Kurt Schulze wegen Vorbereitung zum Hochverrat, Feindbegünstigung und Spionage zum Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte, Hans Harpach wegen Vorbereitung zum Hochverrat, Feindbegünstigung und Spionage zum Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte.

II.-

33

I. В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира ГЕРИНГА переносится из Берлина, предполагается в Румынии. 18 июня ГЕРИНГ должен выехать на новую штаб-квартиру.

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время.

2. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребители, находятся уже на венгерских аэродромах.

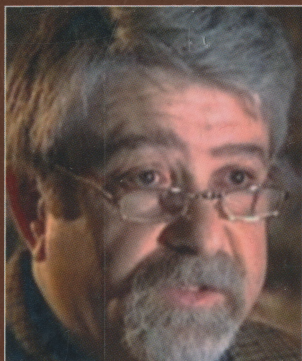
I. Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих округов оккупированной территории СССР: для Кавказа - АМОНН, один из руководящих работников нап. соц. партии в Дюссельдорфе; для Киева - БУРАНДТ, быв. сотрудник мин. хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом. Для общего руководства хозяйственным управлением "оккупированных территорий СССР" назначен ШЛОТТЕР, начальник иностранного отдела Министерства хозяйства.

Подлежащая оккупации территория должна быть разделена на три части, из которых одной должен заправлять гамбургский наместник КАУФМАН.

В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собраниях хозяйственников предназначенных для "оккупированной" территории СССР, выступил также РОЗЕНБЕРГ, который заявил, что "понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты."

Gründe.

Boris Chavkin
**Deutscher
Nationalsozialismus
und Widerstand
gegen Hitler**

ХАВКИН Борис Львович – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва), редактор отдела и член редколлегии журнала «Новая и новейшая история» РАН, автор работ по истории Германии, российско-германских отношений XX в., истории национал-социализма, Второй мировой войны и немецкого антигитлеровского Сопротивления, в том числе книг: «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса» (в соавт. с А.С. Бланком, М., 1990); «Расплата. Третий рейх: падение в пропасть» (в соавт. с Л.А. Безыменским, Д.Е. Мельниковым, Л.Б. Черной и др. М., 1994); «Verflechtungen der Deutschen und Russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991». Stuttgart, 2007; «Россия и Германия. 1900–1945: сплетение истории». М., 2014; «Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера». М., 2014; «Россия–Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век» (в соавт. с Х. Альтрихтером, А.И. Борозняком, А.О. Чубарьяном, В.В. Ищенко, Х. Мёллером и др. М., 2015) а также главы «Германские исследования России» в пособии «Зарубежное россиеведение» (под ред. А.Б. Безбородова. М., 2015).

В новой монографии Б.Л. Хавкин размышляет о роли и значении немецкого антигитлеровского Сопротивления в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, его влиянии на антигитлеровскую коалицию, проблему сепаратного мира, создание послегитлеровского правительства Германии и определение места Германии в послевоенном мире.

**Германский национал-социализм
и антигитлеровское Сопротивление**

Б.Л. Хавкин

